

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

№4(25) 2012
Москва

Главный редактор:

Торкунов А. В. — академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А. И. — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А. В. — ректор МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала "Вестник МГИМО-Университета", академик РАН.
Артизов А. Н. — руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук.

Богатуров А. Д. — первый проректор МГИМО(У) МИД России, доктор политических наук, профессор.

Дынкин А. А. — директор ИМЭМО РАН, академик РАН.

Кокошин А. А. — первый заместитель Председателя комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям, академик РАН.

Лавров С. В. — министр иностранных дел Российской Федерации.

Лукин В. П. — уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, член-корреспондент РАН, профессор.

Миронов С. М. — депутат Госдумы РФ, руководитель фракции "Справедливая Россия" в ГД РФ.

Нарышкин С. Е. — председатель Государственной думы Российской Федерации VI созыва.

Пивоваров Ю. С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН.

Подберезкин А. И. — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель главного редактора журнала, доктор исторических наук, профессор.

Примаков Е. М. — академик РАН.

Приходько С. Э. — помощник Президента Российской Федерации.

Рогов С. М. — директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН.

Серегин А. В. — ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.

Сирош И. И. — заместитель председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Степашин С. В. — председатель Счетной палаты Российской Федерации.

Титаренко М. Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН.

Чубарьян А. О. — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Научный совет:

Алексеева Т. А. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю. А. — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А. Д. — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г. И. — кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р. В. — директор Международного института управления, доктор юридических наук, профессор.

Ильин М. В. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В. Б. — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С. А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В. Р. — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Наринский М. М. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р. Б. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента, маркетинга и коммерции МГИМО(У) МИД России.

Орлов А. А. — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И. Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеэкономических связей МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В. И. — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я. Л. — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстопятенко Г. П. — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уkolova B. I. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М. Л. — доктор юридических наук, профессор, директор Европейского учебного института «Российский европейский колледж» МГИМО(У) МИД России.

Юлдашев Р. Т. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М. А. — шеф-редактор редакции, доктор исторических наук, профессор.

Мирошник Н. Н. — ответственный секретарь редакции.

Малиновский А. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

Большова Н. Н. — кандидат политических наук, начальник Управления научной политики.

Вишняков Я. В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории.

Иванов Н. В. — доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков.

Коннов В. И. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии.

Кравченко С. А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии.

Мальгин А. В. — кандидат политических наук, начальник секретариата-советник ректора, доцент кафедры МО и ВП России.

Мятков М. Ю. — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории.

Ручкин Г. Р. — директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А. В. — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Столбов М. И. — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М. В. — кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета Управления научной политики.

Содержание

СОВЕЩАНИЕ ПОСЛОВ И ПОСТОЯННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

Путин В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности	7
Лавров С.В., Косарев К.И. Русский язык – инструмент нашего влияния	12

2012 – ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Учредительное собрание Российского исторического общества

Путин В.В. Приветствие Президента Российской Федерации.....	19
Нарышкин С.Е. Уроки отечественной истории учат нравственному поведению в политике	20
Торкунов А.В. Добиться того, чтобы были постепенно выработаны критерии корректного обращения с историей	22
Чубарьян А.О. Наш ответ на тот бум, на тот интерес к истории, который сегодня существует в нашей стране и во всем мире	23

1150-летие российской государственности

Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI вв.	24
Черникова Т.В. Западные служилые иноземцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного	33
Рыбаков С.П. Русская мемуаристика о сражении при Аустерлице	42
Копылов Н.А. «Нашествие двунадесяти языков»: война 1812 года глазами солдат-иностраницев Великой армии	49
Серегин А.В. Противостояние нашествию забвения	57
Дегоев В.В. О кавказском вопросе и будущем России	65
Подберезкина О.А. Евразийская интеграция как новый этап развития российской государственности	75

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России	85
Перед саммитом АТЭС во Владивостоке	
Костюнина Г.М. Транстихоокеанское стратегическое партнерство: расстановка сил и роль в формировании региональной зоны свободной торговли в АТР	94
Меньшикова С.М. Роль АСЕАН в становлении региональной архитектуры в АТР	101
Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых других стран АТР с точки зрения западных аналитиков	109
Россия и объединение Германии: 20 лет спустя	
Ахтамзян А.А. Международные политические последствия объединения Германии	117

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ МГИМО

Институт международных исследований

Орлов А.А. Мысли о кризисе	131
Мизин В.И. Мощный интеллектуальный ресурс российской внешней политики	137
Чернявский С.И. Школа постсоветских исследований МГИМО	143
Попов В.В. Почему пробуксовывает диалог цивилизаций	147
Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы	155
Воробьев В.Я. К вопросу о выработке стратегии для ШОС	165

ЭКОНОМИКА

Сафончук М.В. Технический прогресс, безработица и уровень благосостояния	168
Назарова И.Б., Дианова Т.В. Электронная торговля: преимущества, проблемы и «эффект скольжения» при снижении трансакционных издержек	173

Симонова М.Ю. Актуальные проблемы развития рынка вина Франции.....	179
Дробышевская Т.А. Роль сектора знаний в инновационной экономике.....	184

ПРАВО

Антонов А.И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности.....	190
Малиновская В.М. Правовые и институциональные основы функционирования Евразийского союза...	198

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Белова Д.Н. К вопросу о коммуникации и нравственной культуре	204
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ

Помозова Н.Б. Сравнительный анализ стратегий формирования дентичности в России и Китае.....	210
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

Игнатенко В.В. К вопросу о лингвистических средствах выпадения социальных различий в прессе Великобритании	215
Гусева И.В. Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка.....	219
Ившинкина Т.А. Аристократическая культура Великобритании в эпоху глобализации.....	225

НАУКОВЕДЕНИЕ

Литvak Н.В. К вопросу о коллективной теоретической работе	232
--	-----

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Костомарова А.В. Кризисные тенденции в сфере сбережения населения в странах с развитой экономикой и России	237
Чепурнина М.А. Потенциальный вклад Болонского процесса в повышение международно-политической привлекательности России	241
Токарев А.А. Концептуализация и операционализация понятия государственность	247
Овакимян М.С. Перспективы сотрудничества энергетических компаний России и Франции в рамках национальных энергетических стратегий	255
Родионова В.О. Россия и ЮНЕСКО: основные направления сотрудничества	261
Грызунова Е.А. Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ	270

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Ахтамзян А.А., Истягин Л.Г. Профессор Ф.И. Нотович – один из первых профессоров МГИМО	277
Куликова Т.Ф., Хайрудинов Ф.З. Ноэль Усманов – эмир востоковедения.....	280
Дубинин Ю.В. Профессор В.Н. Дурденевский – выдающийся ученый и дипломат (1889 – 1963)	282
Павленко И.А. Герой Советского Союза М.Ф. Кудачкин (1923-2010)	284
Медовой А.И. Мой друг и коллега О.Г. Ульциферов и МГИМО	286

РЕЦЕНЗИИ

Подцероб А.Б. Ситуация в арабском мире: анализ и прогноз	290
Горшков М.К. Серьезный академический труд.....	294

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Федорченко А.В., Крылов А.В., Торин А.И. Круглый стол в МГИМО: «Арабская весна»: итоги и перспективы	296
Ларионова М.В., Сыщикова Е.С., Яковлева В.В. К итогам V международной научной конференции «Испанский язык в контексте новых вызовов XXI века: исследования и преподавание»	300
Шаклеина Т.А., Энтинг М.Л. Вторая трехсторонняя встреча экспертов России, США и ЕС	305
Ваславский Я.И. Легитимация собственности: исторический опыт, прецеденты и перспективы в России	307

Content

THE MEETING OF AMBASSADORS AND PERMANENT REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN FEDERATION ABROAD

Putin V.V. Russia in a Changing World: the Continuity of the Priorities and New Opportunities	7
Lavrov S.V., Kosarev K.I. The Russian language is the instrument of our influence.....	12

2012 – THE YEAR OF RUSSIAN HISTORY

The Constituent Assembly of the Russian Historical Society

Putin V.V. Greetings of the President of the Russian Federation	19
Naryshkin S.E. The Lessons of National History Teach Moral Behavior in Politics	20
Torkunov A.V. Cultivating Criteria for Proper Handling of History	22
Chubaryan A.S. Our Response to the Growing Interest in History both in our Country and Abroad	23

1150-th Anniversary of the Russian Statehood

Rudakov V.N. Conception of Tatar's «Yoke» and Relations with the Golden Horde in Russian Public Consciousness of the Period from the Second Half of the 13th until 16th Century.....	24
Tchernikova T.V. Western Foreigners and Royal Doctors on the Russian Service in the Time of Ivan the Terrible	33
Ribakov S.P. The Russian Memoirs about Battle of Austerlitz	42
Kopylov N.A.«An Invasion of Twelve Languages»: War of 1812 Through the Soldier's Eyes of Foreign Great Army	49
Sereghin A.V. Confronting the Wave of Oblivion. Continuing Multi-Volume Edition of the «Great Victory»	57
Degoev V.V. On the Caucasus and the Future of Russia	65
Podberezkina O.A. The Eurasian Integration as a New Stage of Development of the Russian Statehood.....	75

THE RUSSIAN STATE IN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Torkunov A.V. Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy.....	85
Before the Summit of the APEC in Vladivostok	
Kostyunina G.M. Trans-Pacific Strategic Partnership: the Balance of Power and Role in the Formation of Regional Free Trade Area in Asia-Pacific	94
Menshikova S.M. ASEAN Role in Asia-Pacific Regional Architecture Building	101
Tchaikovsky M.M., Kazantsev A.A. Comparison of Military Potentials of USA, PRC, and Some Countries in APR from the Western Standpoint	109
Russia and the Unification of Germany: 20 Years Later	
Akhtamzjan A.A. International Political Consequences of Unification of Germany	117

SCIENTIFIC SCHOOL OF MGIMO

The Institute of International Studies

Orlov A.A. Thoughts about the Crisis	131
Mizin V.I. Powerful Intellectual Resources of the Russian Foreign Policy (A Reliable Resource of the Foreign Policy Review)	137
Chernyavskiy S.I. MGIMO(U) School of Post Soviet Studies	143
Popov V.V. Why the Dialogue of Civilizations Is Stuck?	147
Kazantsev A.A. Politics of the USA in Post-Soviet Central Asia: Character and Prospects.....	155
Vorobyov V. J. On the Question of the Elaboration of the Strategy for the Shanghai Cooperation Organization	165

ECONOMICS

Safronchuk M. V. Technical Progress, Unemployment and Wealth	168
Nazarova I.B., Dianova T.V. Electronic Trade: Advantages, Problems and «Sliding Effect» Stemming from Transaction Costs Reduction	173
Simonova M.Y. Problems of the French Wine Market Evolution	179
Drobyshevskya T.A. The Role of the Knowledge-Producing Sector in the Innovative Economy	184

LAW

Antonov A.I. International Legal Regulation of Military Outer Space Activities	190
Malinovskaya V.M. Legal and Institutional Bases of Functioning of the Eurasian Union	198

CULTUROLOGY

Belova D.N. On a Question of Communication and Culture of Morality	204
--	-----

SOCIOLOGY

Pomozova N. B. Comparative Analysis of Strategies for the Formation of Civic Identity in Russia and China	210
--	-----

FILOLOGY

Ignatenko V.V. Linguistic Tools of Reflecting Social Differences in British Press	215
Guseva I.V. Features of the Phraseology of Mexican National Variant of Spanish Language	219
Ivushkina T. A. The Aristocratic Culture of Great Britain in the Globalization Era	225

SCIENCE STUDIES

Litvak N.V. On the Question of Collective Theoretical Work.....	232
---	-----

NEW VISION

Kostomarova A. V. Crisis Tendencies in Household Savings in the Countries with Developed Market Economy and Russia	237
Chepurina M.A. Potential Contribution of the Bologna Process to Strengthening Russian International Political Attractiveness	241
Tokarev A.A. The Conceptualization and Operationalization of the Concept of Statehood	247
Ovakimyan M. S. Prospects for Cooperation of Russian and French Multinational Energy Companies on the Basis of National Energy Strategies	255
Rodionova V.O. Russia and UNESCO: Cooperation Guidelines.....	261
Gryzunova E.A. Perspectives of Social System Crisis: Comparative Analysis	270

THE MGIMO GOLDEN FUND

Akhtamzyan A.A., Istyagin L.G. Professor F.I. Notovich – One of the First Professors of the Institute of International Relations	277
Kulikova T.F., Hayruttinov F.Z. Emir of Oriental Studies	280
Dubinin Y.V. Professor V.N. Durdenevsky – An Outstanding Scientist and Diplomat (1889 - 1963)	282
Pavlenko I. A. Hero of the Soviet Union M.F. Kudatshkin (1923–2010)	284
Medovoy A.I. My friend and Colleague, Professor of MGIMO O.G.Ulltsiferov	286

REVIEWS

Podtserob A.B. The Situation in the Arab World: An Analysis and Forecast.....	290
Gorshkov M.K. A Serious Academic Work.....	294

SCIENTIFIC LIFE

Fedorchenko A.V., Krylov A.V., Torin A.I. «Arab Spring»: Results and Prospects (the Round Table at the Institute of International Relations)	296
Larionova M.V., Syshchikova E.S., Yakovleva V.V. Main Results of the V International Science Conference of Hispanists	300
Shakleina T.A., Entin M.L. Second Trilateral Meeting of Experts from Russia, USA and EU	305
Vaslavsky Y.I. Legitimizing Property: History, Precedents and Perspectives in Russia	307

Совещание послов и постоянных представителей Российской Федерации за рубежом

9–11 июля в МИД России состоялось Шестое Совещание послов и постоянных представителей Российской Федерации, которое началось с минуты молчания в память о погибших в результате наводнения на Кубани.

Совещание прошло под девизом «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». Его стержневым элементом стало выступление на пленарном заседании Президента Российской Федерации В.В. Путина. Он отметил, что в условиях стремительной трансформации и усложнения международных отношений, отсутствия надежных вариантов преодоления мирового экономического кризиса особое значение приобретает совершенствование деятельности внешнеполитического ведомства, включая способность не только оперативно и компетентно анализировать и своевременно прогнозировать события, но и активно влиять на ситуацию, действовать на упреждение, обеспечивая последовательное продвижение российских национальных интересов.

В своем выступлении и в ходе последовавшего разговора с руководящими сотрудниками дипломатической службы в закрытом формате В.В. Путин уточнил определенные в Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. задачи по

продвижению ключевых приоритетов международной деятельности государства. Президент РФ особо подчеркнул, что внешняя политика России всегда была, есть и будет самостоятельной и независимой и отражает уникальную роль нашей страны в мировых делах и в развитии мировой цивилизации. Она не имеет ничего общего с изоляционизмом или конфронтацией и предусматривает интеграцию в глобальные процессы, готовность к развитию равноправного, взаимовыгодного сотрудничества с международными партнерами.

С участием руководства Администрации Президента Российской Федерации, членов Правительства Российской Федерации, представителей российских министерств и ведомств обсуждены перспективы активизации работы МИД России на ключевых направлениях. На пленарных и секционных заседаниях рассмотрены вопросы экономической и многосторонней дипломатии, противодействия новым вызовам и угрозам, совершенствования консульской и информационной работы, связей с соотечественниками. Проанализированы региональные направления международного сотрудничества и тематика участия России в международных организациях. Обсуждены также актуальные вопросы организации и обеспечения деятельности дипломатической службы в современных условиях.

Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности

*Выступление Президента РФ В.В. Путина на совещании
в МИД России послов и постоянных представителей РФ за
рубежом 9 июля 2012 г.*

Уважаемые коллеги!

Вы знаете, что сегодня в России траур по поводу гибели наших граждан на юге страны и в автокатастрофе на Украине. Это большая трагедия, большая беда. Я прошу вас встать и минутой молчания почтить память погибших.
(Минута молчания.)

Спасибо.

Уважаемые коллеги!

Я приветствую руководящий состав российской дипломатической службы. Наша первая встреча состоялась в 2002 году, когда отмечался 200-летний юбилей Министерства иностранных дел. Прошедшее десятилетие показало, что такой регулярный и содержательный формат общения весьма полезен и востребован. Именно вы, уважаемые коллеги, и ваши подчиненные на местах на практике в ежедневном режиме продвигаете и отстаиваете интересы нашей страны за рубежом, отстаиваете позицию нашей страны, способствуете росту ее влияния на происходящие в мире процессы.

Текущие приоритеты дипломатической работы определены в Указе Президента «О мерах по реализации внешнеполитическо-

го курса Российской Федерации» от 7 мая текущего года. В условиях стремительной трансформации международных отношений совершенствование деятельности МИД и других профильных структур приобретает очень важное значение. На первый план выходит способность оперативно и компетентно анализировать происходящее, давать своевременный прогноз, но хочу отметить: нельзя только пассивно наблюдать за происходящими событиями, как принято писать в ведомственных телеграммах, «отслеживать развитие этих событий». Нужно активнее влиять на ситуацию там, где напрямую затрагиваются российские интересы, действовать на упреждение, быть готовыми к любому варианту развития обстановки, даже к самому неблагоприятному варианту такого развития.

Международные отношения постоянно усложняются, вы это сами чувствуете практически в ежедневной работе. Сегодня, к сожалению, мы не можем оценить их как сбалансированные и стабильные, наоборот, нарастают элементы напряженности и неопределенности, а доверие, открытость остаются, к сожалению, часто невостребованными.

Мировое сообщество по-прежнему далеко от создания основ универсальной и неделимой системы безопасности. На словах все вроде бы «за», но на деле значительное количество наших партнеров стремится обеспечить лишь собственную неуязвимость, забывая, что в современных условиях все взаимосвязано. Большинство вызовов и угроз носит, безусловно, транснациональный характер. Эти угрозы известны: распространение оружия массового уничтожения, терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик, загрязнение окружающей среды, нехватка продовольствия и пресной воды.

Надо признать, что пока не просматривается и надежных вариантов преодоления мирового экономического кризиса. Более того, перспективы становятся все более и более тревожными. Долговые неурядицы еврозоны и ее сползание в рецессию – лишь верхушка айсberга из нерешенных структурных проблем всей мировой экономики. Дефицит новых моделей развития на фоне эрозии лидерства традиционных экономических локомотивов (таких, как США, ЕС, Япония) ведет к торможению глобального развития. Усиливается борьба за доступ к ресурсам, провоцируя аномальные колебания сырьевых и энергетических рынков. Многовекторность мирового развития, обострившиеся вследствие кризиса внутренние социально-экономические неурядицы и проблемы в развитых экономиках ослабляют доминирование так называемого исторического Запада. Это уже факт.

Хочу отметить, уважаемые коллеги, нас это абсолютно не радует. У нас не должно это вызывать ни радости, ни тем более злорадства. У нас это может вызвать только тревогу, потому что непонятны последствия происходящих событий, этих тектонических событий в мировой экономике, а как следствие – неизбежные изменения и в раскладе международных сил, в мировой политике.

Тем более нас не радует, что мы наблюдаем попытки отдельных участников международного общения сохранить свое привычное влияние, причем наши партнеры часто прибегают к односторонним действиям вопреки нормам международного права.

Это проявляется в так называемых гуманистических операциях, экспорте «ракетно-бомбовой демократии» и вмешательстве во внутренние конфликты. Мы видим, насколько противоречиво и разбалансированно идет процесс реформ в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а трагические ливийские события у многих стоят перед глазами. Безусловно, нельзя повторить подобные сценарии в других странах, например в Сирии. Убежден, нужно все максимально сделать для того, чтобы принудить конфликтующие стороны к выработке мирного политического решения всех спорных вопросов, нужно стремиться содействовать такому диалогу. Конечно, такая

работа более сложная и тонкая, чем грубое силовое вмешательство извне, но только она может обеспечить долгосрочное урегулирование и дальнейшее стабильное развитие ситуации в регионе да и, если применительно к Сирии, в самом Сирийском государстве.

Вообще укрепление коллективных начал международной жизни с упором на переговоры, поиски компромиссов мирным путем должны стать императивом. Это касается всех боевых точек, включая ситуацию вокруг иранской и северокорейской ядерных программ, Афганистана, других региональных и субрегиональных проблем.

В ближайшие годы наша страна будет хозяинкой саммитов крупнейших многосторонних организаций и форумов: АТЭС, «двадцатка», «восьмерка», Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС. Председательство в них дает возможность не только укреплять позиции России на мировой арене, но и более энергично продвигать безусловный приоритет правового политico-дипломатического урегулирования различных острых проблем.

Мы продолжим твердо отстаивать принципы Устава Организации Объединенных Наций как основы современного миропорядка, будем добиваться, чтобы все исходили из того, что в случаях, требующих силового вмешательства, решение правомочен принимать только Совет Безопасности ООН. Дополнять такие решения какими-либо односторонними санкциями контрпродуктивно.

Уважаемые коллеги!

Внешняя политика России была, есть и будет самостоятельной и независимой. Она последовательна, сохраняет преемственность и отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны в мировых делах и в развитии мировой цивилизации. Она не имеет ничего общего с изоляционизмом или конфронтацией и предусматривает интеграцию в глобальные процессы. Ее дипломатический инструментарий должен быть динамичным, конструктивным, прагматичным и гибким. Это касается, в частности, работы по продвижению экономических интересов нашего государства – задача сверхважная и очень непростая.

Признаем, пока мы все-таки чаще всего проигрываем многим нашим иностранным партнерам, умеющим более грамотно, более настойчиво лоббировать свои деловые интересы.

О ресурсах экономической дипломатии мы говорим давно – начиная как раз с начала 2000-х годов, на первой встрече с вами об этом говорили, но кардинальных изменений пока все-таки не добились. Есть, безусловно, подвижки, я их сам вижу, отмечаю, но кардинальных изменений пока нет.

На внешних рынках российский бизнес сталкивается с необоснованными ограниче-

■ Совещание послов и постоянных представителей за рубежом в МИД России

ниями. Это особо заметно в условиях, когда мировое хозяйство охвачено метастазами кризиса и нормой становится протекционизм. Совсем недавно я имел удовольствие и честь со своими коллегами на «двадцатке» говорить об этом в самой прямой постановке вопроса. Говорится много, но, к сожалению, пока действенных инструментов борьбы с протекционизмом все-таки нет. Надо действовать поживее. Отечественный бизнес нуждается в постоянной дипломатической поддержке. Разумеется, сам бизнес должен держать МИД и его структурные подразделения, в том числе за границей, в курсе своих планов, а заграничные учреждения – энергичнее помогать нашим компаниям в работе на внешних рынках и в реализации перспективных экономических инициатив. При этом адекватно отвечать на все случаи дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций, не допускать недобросовестной конкуренции, во всяком случае бороться и энергично отвечать на эти проявления.

Не нужно стесняться продвигать продукцию российского военно-промышленного комплекса. Наши партнеры, такие, как Соединенные Штаты, Франция, Израиль, да и другие страны, давно возвели такую работу в ранг государственной политики и проводят ее весьма напористо, эффективно.

Важно использовать возможности, открывающиеся с присоединением России к Всемирной торговой организации. Мы знаем, здесь есть и риски, но есть и плюсы. Нужно использовать эти дополнительно открывающиеся возможности.

Вновь подчеркну, углубление интеграционных процессов на пространстве СНГ – это сердцевина нашей внешней политики, курс, рассчитанный на стратегическую перспективу. Движущей силой интеграции является, безусловно, «тройка» – Россия, Белоруссия и Казахстан, сформировавшие Таможенный союз и приступившие к работе в формате единого экономического пространства. Будем планомерно вести дело к созданию евразийского экономического союза, что должно быть еще более глубокой степенью интеграции. Предстоит объединить в общий рынок 165–170 миллионов потребителей, принять общее экономическое законодательство, обеспечить свободный обмен капиталов, услуг, рабочей силой.

Очень жаль, что вне рамок этого процесса пока остается братская Украина. По самым независимым, объективным экспертным оценкам, присоединение Украины к этому интеграционному объединению, безусловно, дало бы и Украине, и всему процессу дополнительную динамику, было бы весьма положительным с экономической и социальной точек зрения. Повторяю, и для самой страны, и для всего объединения.

Я сейчас говорил, рынок потребителей у нас в составе «тройки» примерно 170 миллионов, а вместе с Украиной был бы 210–220 миллионов. Согласитесь, синергия была бы колоссальной. Но мы прекрасно понимаем и отдаляем себе отчет в том, что вопрос о путях интеграции, об участии в различных интеграционных объединениях – это, безусловно, суверенный выбор украинского народа и Украинского государства во главе с действующим руководством. Мы будем относиться к этому выбору с уважением, будем искать любые формы сотрудничества, самые оптимальные и подходящие, для того чтобы это сотрудничество не увядало, а, наоборот, активно развивалось.

Россия будет и дальше укреплять свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конечно, глобальный кризис не обошел АТР стороной, но в целом регион продолжает наращивать свою экономическую мощь, сохраняет в значительной степени свою динамику, становится новым центром глобального развития. Наше участие в динамичных интеграционных процессах на азиатско-тихоокеанском пространстве, уверен, скажется на социально-экономическом подъеме Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Важнейшее значение имеет стратегическое и практическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой. Мы намерены уделять особое внимание углублению всех форм сотрудничества с китайскими партнерами, включая координацию действий по международной повестке дня. Это относится и к другим быстрорастущим и набирающим политический вес азиатским государствам, в первую очередь, конечно, это касается нашего традиционного партнера и друга – Индии.

Продолжим курс на расширение сотрудничества со странами Латинской Америки и Африки. Еще несколько лет назад этому направлению уделялось недостаточное внимание.

Естественно, будем всячески развивать традиционные связи с Европой. Напомню, больше четверти объема внешней торговли России приходится на Германию, Италию, Францию и Нидерланды. На июньском саммите с Евросоюзом подтвержден приоритетный характер российско-европейского стратегического диалога. Кстати, Россия через дополнительные взносы в МВФ участвует и в оказании финансовой помощи кризисным экономикам еврозоны. В то же время уровень сотрудничества с ЕС, на наш взгляд, пока все-таки не соответствует политическому и экономическому потенциальну сторон.

Как я уже говорил неоднократно, мы с Европой могли бы поставить амбициозные цели, гораздо более амбициозные, чем ставятся сегодня. Построение единого рынка от Атлантики до Тихого океана объемом в триллионы

евро – и сама жизнь, я хочу это подчеркнуть, особенно в условиях турбулентности мировой экономики, требует движения именно по этому пути.

Есть и более приземленные задачи, без решения которых реальное сближение невозможно. В частности, облегчение визового режима с выходом на его полную отмену. Российская сторона уже сейчас готова к такому шагу. И на встречах с бизнесом из европейских стран мы чаще и чаще слышим требования наших коллег о том, что и европейский бизнес заинтересован в решении этого вопроса как можно быстрее.

Недавно в Лос-Кабосе был проведен соодержательный разговор с Президентом Соединенных Штатов Америки Бараком Обамой. Мы подтвердили заинтересованность, опираясь на достигнутые в последние годы позитивные сдвиги, выстраивать конструктивную, предсказуемую и взаимовыгодную модель сотрудничества с Соединенными Штатами Америки. С учетом статуса России и США как крупнейших ядерных держав от наших стран, безусловно, зависит решение многих глобальных и региональных проблем. В период сложностей в международных делах постоянный и доверительный диалог между нами, безусловно, приобретает дополнительное значение.

Сейчас в Соединенных Штатах, как всем хорошо известно, горячая пора, пора предвыборной кампании. Велик соблазн заработать дополнительные очки на жестких высказываниях, вспомнить идеологизированные стереотипы и фобии, от которых давно пора было бы отказаться. Мы все это видим, не драматизируем, но все-таки замечаем. Давно пора отказаться от такой практики решения внутриполитических проблем, когда одновременно ухудшаются международные позиции или от этого страдают международные отношения.

По большому счету замена антисоветской поправки Джексона–Вэнка на уже антироссийский закон или взятый курс через создание системы противоракетной обороны нарушить стратегический баланс не могут нас не тревожить. Мы об этом многократно и в разных форматах говорили.

Уважаемые коллеги, хотел бы также сказать, что традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», безусловно, есть над чем подумать.

Напомню, что политика «мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере. Пока, надо признать, образ России за рубежом

формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. Те, кто стреляет и постоянно наносит ракетные удары тут и там, они молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога, те вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию. Вот в чем мы виноваты.

Не задействован в полной мере и фактор русского языка, являющегося одним из официальных языков ООН, на котором общаются во многих странах мира. Знаю о планах, готовящихся в этой области МИДом, Россотрудничеством, Русским географическим обществом, и прошу активнее продвигать эти идеи и планы.

Вновь подчеркну, что российские дипломатические и консульские учреждения обязаны в круглосуточном режиме защищать права и интересы наших граждан и соотечественников за рубежом. Реагировать на нужды людей нужно мгновенно, оказывая всю необходимую помощь и поддержку. Уважение к государству во многом определяется тем, как оно заботится о своих гражданах, оказавшихся, неважно по какой причине, в трудных или непредсказуемых ситуациях в незнакомой для них среде. И, конечно, роль соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, требует основательного переосмыслиния. Многие хотят быть полезными своей исторической родине, хотят поддержать ее, а наши загранучреждения все-таки подчас (хочу это осторожно сказать) недооценивают такой настрой и такие возможности. Считаю, также необходимо вновь вернуться и к вопросу об облегченном порядке представления российского гражданства тем, кто был гражданином СССР, и прямым потомкам родившихся в Советском Союзе или даже в Российской империи.

Уважаемые коллеги, наши требования, предъявляемые к работе внешнеполитического ведомства, конечно же сопровождаются заботой о дипломатах, об их материальном обеспечении. И, как вы знаете, мною дано поручение Правительству Российской Федерации разработать концепцию укрепления ресурсного и кадрового потенциала системы МИДа России, она будет принята. Подписан также Указ об учреждении флага Министерства иностранных дел. Ряд особо отличившихся сотрудников отмечен государственными наградами, и я хочу этих коллег от души с этими наградами поздравить.

Russia in a Changing World: the Continuity of the Priorities and New Opportunities. Speech of the President of the Russia Vladimir Putin at the Meeting of the Russian Ambassadors and Permanent Representatives Abroad at the Ministry for Foreign Affairs of Russia, 9 July 2012.

Русский язык – инструмент нашего влияния

Ответы министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на вопросы руководителя Россотрудничества К.И. Косачева в его авторской программе на радио «Голос России»

Косачев: Добрый день, утро или вечер, уважаемые слушатели радиостанции «Голос России». С вами я, Константин Косачев, руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, спецпредставитель Президента России по связям с государствами-участниками СНГ. Как всегда, в студии интересный собеседник. Я с особым удовольствием представляю Сергея Викторовича Лаврова – министра иностранных дел Российской Федерации. Спасибо за то, что вы пришли к нам в студию. Тем более что 9 июля – день для Министерства иностранных дел, очевидно, не рядовой, не заурядный: началось очередное совещание послов и представителей России за рубежом. Оно проходит раз в два года, и по добной традиции его открывал и выступал на нем с большой речью Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин.

Об этом мы, разумеется, будем говорить, но начать я хотел бы все-таки с другого. Собственно, с этого началось и совещание – с минуты молчания, потому что 9 июля в России день траура. Произошли две ужасные трагедии, и знамена, стоявшие на сцене Министерства иностранных дел, были украшены черными лентами. Одно из этих знамен, кстати, – знамя Министерства иностранных дел. Одна из этих

двух страшных трагедий произошла в России, вторая – на Украине. В нее оказались вовлечены российские граждане, 14 человек погибли.

Отсюда первый вопрос. Сергей Викторович, как в чрезвычайных условиях может действовать Министерство иностранных дел, система зарубежных представительств для того, чтобы помочь людям, оказавшимся в беде? Какие есть для этого возможности в экстремальных ситуациях?

Может быть, в ситуациях менее экстремальных, но не менее трагичных, скажем, развивающаяся гражданская война в Сирии или, предположим, выходящая за рамки правового поля ситуация с нашими болельщиками в Польше, которых атаковали, а потом арестовали часто по надуманным причинам? Все это – разные ситуации. Но многие люди находятся за рубежом, и везде они нуждаются в помощи. Наверное, единственная инстанция, которая может им помочь, – это система Министерства иностранных дел.

Лавров: Я думаю, что это далеко не единственная инстанция, потому что одних сил Министерства иностранных дел не хватит. Как минимум, мы полагаемся еще и на наших коллег из Министерства по чрезвычайным ситуациям, когда речь идет о трагедиях, подобных той, которая произошла на Украине. Во-первых, надо вывезти тела, найти и эвакуировать раненых,

которых там тоже немало. Все это делается, безусловно, специальными средствами и ресурсами МЧС.

Задача МИДа – в самый первый момент, когда информация о такого рода или иных инцидентах поступает в посольства или в наши генеральные или обычные консульства, – немедленно постараться добраться до места происшествия, предупредив конечно же министерство иностранных дел страны пребывания. Случай с Украиной, наверное, все-таки неклассический с точки зрения наших функциональных и логистических возможностей. Это близкая нам страна, у нас безвизовый режим и местные власти прекрасно договариваются между собой и по таким, и по менее сложным вопросам.

В классическом варианте, когда дело происходит в странах, с которыми у нас нет безвизового режима, где нет таких контактов между местными властями, что касается оперативности реакции в любой ситуации, когда наши люди оказываются в беде по незнанию обычных страны пребывания или будучи спровоцированными, как это произошло в Польше во время футбольного чемпионата Европы, нам необходимо сразу же устанавливать контакты со страной пребывания.

Наша задача – независимо от того, по каким причинам наши граждане оказались в той или иной неприятной ситуации (и это особо подчеркнул президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на совещании послов и постоянных представителей), – немедленно добиваться доступа к ним, выяснения всех обстоятельств, их освобождения, если они находятся в правоохранительных органах, предоставления юридической и правовой помощи.

Для этой цели создан специальный фонд, который уже начал функционировать и который имеет своей целью предоставлять правовую, методическую и иную помощь россиянам и соотечественникам, которые живут за рубежом. Здесь вовлечен целый комплект государственных структур. Это могут быть и правоохранительные органы, если речь идет об эвакуации, это обязательно Министерство по чрезвычайным ситуациям. Дипломаты призваны координировать эту работу, подсказывать, поскольку они, работая в стране пребывания, лучше других знают обстоятельства, в которых оказались наши люди. Это предусмотрено действующим Указом Президента Российской Федерации о координирующей роли МИДа во внешнеполитической деятельности. Президент уделил этому аспекту нашей работы особое внимание.

Мы стремимся совершенствовать эту деятельность. Нам помогает руководство страны. Помимо Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, впервые, начиная с этого года, выделяются спе-

циальные средства для МИДа, для его загранучреждений для того, чтобы в случае необходимости помочь россиянам, оказавшимся без средств к существованию, добраться до дома, покупать билеты, чтобы помочь им купить какую-то элементарную одежду, если вдруг произошло нечто, подобное тому, что случилось с круизным судном в Италии. Ситуации самые разные, все их не предвосхищешь, поэтому дипломат должен быть готов к таким действиям в любой момент.

Косачев: Сергей Викторович, как вы отнесетесь к следующей идеи? В таких чрезвычайных ситуациях очень важно иметь быстрый доступ к нашему консульскому работнику, найти его, рассказать ему о случившейся беде. Я знаю, что во многих странах (я видел это сам), как только приезжаешь в зону действия местного оператора, приходит автоматическое sms-сообщение на мобильный телефон: дескать, вот телефон консульского отдела посольства вашей страны – в данной случае России.

Это очень хорошая услуга. Я думаю, что наши посольства на местах договариваются с местным оператором. Но, во-первых, это происходит не во всех странах. Во-вторых, не у всех наших туристов или бизнесменов за рубежом работают мобильные телефоны, привязанные к России. То есть эта услуга, скажем так, неуниверсальна.

Может быть, прорабатывалась идея, или ее стоит проработать, чтобы сделать некий единый универсальный бесплатный телефон экстренной помощи, куда бы люди из любой точки мира могли позвонить бесплатно и были бы перенаправлены к ближайшему консульскому сотруднику?

Такой номер телефона, например, вручался бы нашим людям, выезжающим за границу, при пересечении границы в качестве памятки. И человек всегда имел бы этот телефон в кармане и знал, что если он попадет в аварию, его арестуют, ограбят, то он сможет набрать этот номер, не задумываясь, куда ему бежать в той стране, в которой он находится.

Лавров: Если у него есть мобильный телефон, то есть система, которая применяется сейчас. Мы договорились об автоматическом направлении sms-сообщений всем пересекающим границу с компанией «МТС». Сейчас договариваемся с другими компаниями. Надеюсь, они поддержат. Я думаю, что техническую сторону вопроса надо проанализировать профессионалам, насколько это будет оперативнее. «МТС» имеет партнеров в большинстве европейских стран, насколько я понимаю. У нас есть поручение нашим посольствам договариваться со всеми местными операторами. В подавляющем большинстве случаев у них есть российский партнер, либо «МТС», либо «Билайн». Они договариваются о том, чтобы такие телефонные номера «выскакивали» автоматически.

■ Совещание послов и постоянных представителей за рубежом в МИД России

Я не припомню, чтобы я куда-то приехал, и этого не произошло. Надо будет перепроверить, как идут дела с компаниями. В принципе, так или иначе, задача поставлена таким образом, чтобы любой наш гражданин, пересекая границу, гарантированно получал номер горячей линии. Она абсолютно оправданна, и мы будем заниматься.

Косачев: Вернемся к совещанию, оно было шестым по счету. Они проходят раз в два года, первое состоялось соответственно 10 лет назад, когда МИД отмечал свое двухсотлетие, об этом вспоминал президент. В последующих пяти вы принимали участие уже как министр иностранных дел. Нынешнее совещание чем-то отличалось от предыдущих?

Лавров: Я принимал участие и в первых двух, но тогда еще в качестве постоянного представителя при Организации Объединенных Наций (ООН). Я бы не сказал, что это совещание чем-то принципиально отличалось. Мы стараемся каждый раз усовершенствовать формат этих мероприятий, но пленарное заседание остается практически единым. Это выступление президента, и затем, по договоренности с президентом, выступают несколько послов, которые представляют различные направления нашей внешней политики.

На этом пленарном заседании выступали наши послы в Белоруссии, Великобритании, Китае и представитель при Организации Объединенных Наций. Президент выслушал выступления послов, делал пометки. После того как эта часть завершилась, он сделал заключительное слово, в котором расставил дополнительные акценты.

Впоследствии, уже после обеда, у нас было еще одно заседание, где выступили вице-премьер Рогозин, министры Мединский и Никифоров, заместители министра обороны и секретаря Совета безопасности. Десятого июля состоится работа по секциям. Секций немало, начиная с экономической и заканчивая секцией, посвященной так называемой «мягкой силе». На них будет рассмотрен весь комплекс задач, которые поставил президент. Экономической дипломатии и вопросам культурного, научного, гуманитарного присутствия России в мире он уделил особое внимание.

Владимир Владимирович Путин подчеркнул, что в сфере экономической дипломатии нам надо действовать не менее напористо, чем действуют наши западные партнеры, поддерживая свой бизнес. Он отметил позитивные сдвиги в этом вопросе в последнее время. Но, безусловно, мы ощущаем необходимость действовать более активно. Особо наш президент подчеркнул, что не надо стесняться лоббировать и проекты в сфере военно-технического сотрудничества, как это делают основные поставщики вооружения на мировые рынки.

В сфере «мягкой силы» особое значение он уделил дальнейшему распространению рус-

ского языка. Это инструмент нашего влияния, инструмент распространения нашей культуры. Здесь мы с вами, Константин Иосифович, уже имеем кое-какие планы на то, как более активно использовать взаимодействие Министерства иностранных дел и Россотрудничества, которое вы возглавляете, равно как и в том, что касается нашей работы по поддержке отношений с соотечественниками за рубежом. Это прямая сфера нашего взаимодействия.

Кстати, мне очень понравилось то, что президент специально подчеркнул необходимость вернуться к вопросу о том, что граждане бывшего СССР и те, кто являются прямыми потомками родившихся в Советском Союзе или в Российской империи, должны иметь возможность облегченно получать российское гражданство. Я считаю, что это очень важное политическое заявление, фактически политическое поручение президента. Мы будем его реализовывать в приоритетном порядке.

Косачев: Я тоже слушал выступление президента, и мне показалась очевидной его озабоченность тем, как сейчас развиваются дела в мире в целом – и в экономике, и в политике.

Я услышал глубочайшую озабоченность тем, что действия многих российских партнеров не всегда продуманы до конца, иногда обусловлены какими-то собственными национальными интересами, существенным образом расшатывают сложившуюся систему, создавая, генерируя дополнительные проблемы, а может быть, даже и угрозы.

Для меня было очень важным услышать из уст президента, что это та ситуация, которой ни в коем случае нельзя радоваться, нельзя злорадствовать по поводу тех ошибок или неудач, которые постигают наших партнеров. Потому, что нынешний мир настолько взаимосвязан, угрозы настолько общие, что рано или поздно те проблемы, которые сейчас возникают на Арабском Востоке, в Европе или где-то еще, все равно возвращаются в Россию. В этом смысле Россия является крайне заинтересованным участником этих процессов для того, чтобы не нанести ущерба собственным интересам.

В этом контексте президент, уже переходя к конкретным темам, начал с пространства СНГ. Он назвал это направление «сердцевиной российской внешней политики», а движущей силой этой сердцевины – «тройку». То есть, помимо России, это еще Белоруссия и Казахстан.

Президент говорил о 160–170 миллионах потребителей, которых объединит в будущем Евразийский экономический союз. В.В. Путин с сожалением говорил о том, что вне этого союза остается братская, как он сказал, Украина, у которой тоже мог бы быть свой интерес в этом проекте. На ваш взгляд, это реальная перспектива – Евразийский экономический союз может развиться на большее число участников, чем нынешняя «тройка»?

Лавров: Во-первых, скажу насчет того, с чего вы начали, описывая соответствующую часть выступления президента. Конечно, нас беспокоит то, что происходит в мире. Будучи в Советском Союзе, мы не раз слышали, что мы должны, как все остальные, выбрать демократию, рыночную экономику. В итоге мы выбрали и демократию, и рыночную экономику. Мы только-только стали осваиваться в этих новых координатах, только-только усвоили правила и потихонечку стали все больше влиять на эти правила. Но, конечно же, мы не можем играть решающую роль в той системе, в которой наши партнеры (прежде всего западные, но не только они) пребывают уже столетия, а мы – только 20 лет. Когда система, в которую нас приглашали и даже зазывали, завлекали, начинает давать системные сбои (простите за тавтологию), конечно, это тревожит.

Мы хотим, чтобы в мире все было так, как нам обещали: что будет демократия, будет свободный рынок. Вместо этого очень часто мы видим, что демократия на мировой арене почему-то не применяется и решения принимаются порой главными игроками, которые имеют наибольшие экономические, финансовые возможности и достаточно эгоистичны. Принимаются решения, которые не учитывают интересов других партнеров, в том числе и России. Что касается рыночной экономики, ее законы тоже нарушаются, довольно существенно искажаясь всеми этими деривативами, виртуальными инструментами, которые были придуманы на Западе и которые уже были причиной не одного кризиса.

Интегрировавшись в эту систему, вложив наши резервы (третий в мире по объему) в мировые валюты, такие, как доллар и евро, мы не можем безразлично взирать на то, как эта система подвергается все большим испытаниям, а ответственные за ее содержание люди больше думают о своем внутриполитическом выживании, нежели о судьбах мира, ответственность за который они взяли, создав Международный валютный фонд, Всемирный банк и т.д.

Мы не можем злорадствовать, мы, наоборот, хотим помочь. Но помогая, мы будем настаивать на выполнении тех договоренностей, которые были заключены в самой острой фазе начавшегося в 2008 году кризиса, когда на первом саммите G20 было принято решение о реформе международной финансовой системы.

Потом те, кто на это согласился с западной стороны, как-то стали успокаиваться и, видимо, решили проехать на авось – может быть, и не надо ничего менять. Реформа, которая была согласована в пользу большего голоса рождающихся новых мощных экономик, прежде всего стран БРИКС, была заморожена. Сейчас мы будем настаивать на реализации и этих договоренностей.

Безусловно, мы считаем, что Евразийское экономическое пространство, Евразийский

экономический союз, цель которого поставлена «тройкой» Россия–Белоруссия–Казахстан, – это часть мировой экономики. Он формируется в полном соответствии с правилами Всемирной торговой организации (ВТО).

Условия нашего вступления в ВТО были скоординированы с нашими белорусскими и казахстанскими партнерами, которые пока еще не присоединились к Всемирной торговой организации, но стремятся к этому. Безусловно, то, что мы делаем на евразийском пространстве в плане интеграционных процессов, является нашим вкладом в общие усилия по стабилизации мировой экономики.

Чем более емким будет рынок, который мы создаем, тем более весомым будет и наш вклад в эти процессы и тем более весомым будет наше влияние на эти процессы с учетом интересов народов интегрированных или интегрирующихся государств. В этом смысле, конечно, присоединение Украины сыграло бы очень важную роль. Именно присоединение наших украинских друзей дало бы цифру в 210–220 миллионов населения формирующегося регионального рынка. Выгоды от этого уже известны, они просчитаны многими экономистами, учеными.

Выгоды известны нашим украинским друзьям. Но, как подчеркнул президент, закрывая эту тему в своем выступлении, безусловно, выбор за самим украинским народом, за украинским руководством. Мы очень надеемся, что выбор будет сделан в интересах Украины, а не в интересах какой-либо другой политической силы.

Косачев: Я следую логике выступления президента. Он говорил об Азиатско-Тихоокеанском регионе, о важности сотрудничества с соответствующими странами (назывались Китай, Индия, некоторые другие страны) для Сибири, для российского Дальнего Востока. А в выступлениях послов (вы об этом говорили) звучала определенная тревога в связи с тем, что некоторые договоренности, например известная программа по совместному развитию российского Дальнего Востока и северо-западных регионов Китая, остались большей частью на бумаге.

На ваш взгляд, это фактор невнимания наших китайских партнеров к отношениям с Россией или это какая-то внутриведомственная, межведомственная несогласованность, которая с нашей стороны мешает сотрудничеству? Чего здесь больше? Почему не получается прорваться в отношениях со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в интересах российского Дальнего Востока, в интересах Сибири?

Лавров: Президент касался этого аспекта нашей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, комментируя выступления послов. Суть его высказываний сводится к тому, что наш курс – на то, чтобы интегрироваться в АТР без какого-либо ущерба для нашей евро-

■ Совещание послов и постоянных представителей за рубежом в МИД России

пейскости, поскольку Россия формировалась как европейская держава и распространяла на Восток именно европейскую, христианскую культуру.

Наш курс на интеграцию в АТР абсолютно неконъюнктурен, он будет продолжаться. Безусловно, у нас есть очень много проблем на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Недостаточный прогресс в реализации программы сотрудничества сопредельных регионов России и Китая – это не причина, это следствие. Это следствие недоразвитости инфраструктуры. За все советское время что было в плане инфраструктурного развития? Это недостроенный БАМ и несостоявшаяся тогда попытка прокладки хотя бы одной асфальтированной дороги. Этот проект был завершен только совсем недавно.

Косачев: Год-полтора назад.

Лавров: Да. Я уже не говорю об отсутствии канализации во Владивостоке и многих других вещей, которые сейчас приходится решать уже в контексте предстоящего саммита АТЭС. Как отметил председатель нашего правительства Дмитрий Анатольевич Медведев, находясь в регионе, это делается прежде всего для того, чтобы регион жил нормально.

Ответ на этот вопрос заключается в том, что нам надо поднимать экономику этого края, независимо ни от чего. Президент отмечал, что и газ в советское время шел на Запад, все трубопроводы строились туда. Сейчас меняется и это. Энергетическая инфраструктура создается в восточном направлении. Уже есть нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан. Завершается строительство газопровода в том же направлении.

Вокруг этих инфраструктурных маршрутов наверняка появятся дополнительные возможности для экономической деятельности. Чем больше мы будем развивать свою внутреннюю экономику, тем больше шансов у нас будет работать и с Китаем, с его приграничными регионами, и с другими странами.

Интерес к участию России в интеграционных процессах в АТР со стороны партнеров в этом регионе не ограничивается только поставками наших энергоносителей – отнюдь. Есть спрос на высокие технологии, которые могут разрабатываться более активно и более активно предлагаться для применения, есть спрос на атомную энергетику, на наши транспортные технологии, на многие другие вещи. Ключ ко всему этому – экономический подъем нашего собственного Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Косачев: То, что для России это стратегический выбор, подтвердил следующий тезис президента. Когда он стал говорить о нашем сотрудничестве с Европой, в частности с Европейским союзом, он упомянул о необходимости создания единого рынка от Атлантики до Тихого океана (не от Атлантики до Урала,

предположим, а от Атлантики до Тихого океана) как проекта, который мог бы объединить с участием России и Европу, и Азию. В контексте разговора о Европейском союзе президент говорил и о необходимости дальнейшей либерализации визовых процедур, вплоть до полной отмены виз. Если не секрет, есть ли здесь какие-то перспективы?

Лавров: Про единый рынок президент говорил уже не в первый раз, и, безусловно, это ясный сигнал Европейскому союзу, что мы готовы на самые радикальные интеграционные шаги. Главное, что и процессы в Европейском союзе, и процессы, которые мы продвигаем через Единое экономическое пространство, через перспективу создания Евразийского экономического союза, отнюдь не противоречат друг другу. И тот, и другой процессы (и на Западе, в Европе, и в восточноевропейско-азиатской части этого огромного материка) направлены на то, чтобы было свободное передвижение капиталов, услуг, рабочей силы, товаров.

Когда наши европейские партнеры из Брюсселя и из некоторых столиц стран-членов ЕС говорят нашим соседям: «Вы подумайте, вам куда надо – в Евросоюз, или вы хотите выбрать другой путь, путь евразийской интеграции?», это от лукавого, если, конечно, это не провокация. Противопоставлять одно другому, как минимум, достаточно контрпродуктивно. Это посылает очень неверные сигналы, заставляет страны выбирать, с кем они и против кого. Это старый менталитет, старое мышление, от которого нужно отказываться.

Я надеюсь, что жизнь заставит наших европейских партнеров понять, что, создав такой рынок, мы будем в разы устойчивее к любым колебаниям мировой экономической конъюнктуры и гораздо более конкурентоспособны. Россия и Европа, имеющие единый колоссальный рынок, будут гораздо более конкурентоспособными в меняющемся мире, где появляются все больше новых центров экономической силы и финансовой мощи.

Что касается безвизового режима, то это прямо вытекает из необходимости создавать такой рынок, чтобы не было каких-либо искусственных барьеров для передвижения людей. По крайней мере, на саммите Россия–Евросоюз в Санкт-Петербурге, который состоялся в начале июня этого года, президент Путин четко сказал: мы надеемся, что саммит в Брюсселе в конце этого года сможет констатировать, что все предварительные условия для того, чтобы подготовиться к переходу на безвизовый режим, выполнены и нами, и европейцами.

Мы надеемся, что саммит даст поручения экспертам приступить к подготовке соответствующего соглашения. Это наша политическая готовность к этому. В практическом плане мы убеждены, что нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить до декабря, с тем чтобы саммит принял соответствующую рекомендацию.

Насколько это будет поддержано нашими партнерами, не знаю. В Евросоюзе есть несколько стран, которые все-таки усматривают в этом некую политическую уступку России и пытаются сформировать позицию всего Евросоюза на базе того, что за эту уступку надо что-то от нас получить. Надеюсь, возобладает здравый смысл, а не политизированные подходы.

Косачев: Разумеется, в выступлении президента речь шла и о российско-американских отношениях. Он с сожалением говорил о том, что часто на эти отношения влияют сугубо внутриамериканские соображения избирательной кампании. Что это значит: что предстоящие месяцы, вплоть до ноября, когда состоятся выборы, пройдут впустую для российско-американских отношений?

Лавров: Я так не думаю, мы продолжаем работать. Конечно, мы не можем закрывать глаза и затыкать уши, когда мы слышим в ходе предвыборной кампании, в основном с Республиканской стороны, заявления, обвиняющие Россию чуть ли не во всех грехах современного мира. Такие заявления, мне кажется, не отражают существа американской политики.

Как правило, когда завершается президентская кампания, эти страсти проходят, и президент, и его администрация вынуждены просто исходить из реалий. А реалии таковы, что у России и Соединенных Штатов гораздо больше взаимовыгодных перспектив от взаимодействия, нежели от того, чтобы уходить (я не хочу даже упоминать конфронтацию – новой «холодной войны» я не предвижу) в пассивное созерцание друг друга. Наши потенциалы прекрасно сочетаются, и это доказано уже целым рядом проектов в сфере космоса, мирного использования ядерной энергии, высоких технологий, науки, образования.

Второй, немаловажный аспект. Любой ответственный политик и в России, и в США не может не понимать, что от сотрудничества наших стран зависит стабильность на мировой арене, как стратегическая стабильность, учитывая крупнейший ядерные арсеналы, которыми обладают наши две страны, так и стабильность в плане урегулирования многочисленных и все множащихся региональных конфликтов. Сложение наших усилий (как это, скажем, происходит по целому ряду вопросов, включая ядерную проблему Корейского полуострова, также идет неплохое сотрудничество по Ирану, по Афганистану) всегда дает больше позитива и всегда позволяет двигаться чуть-чуть вперед.

Там, где наши позиции не совпадают, там, где наши партнеры пытаются конфронтировать, как это происходит по Сирии, обвиняя во всем нас... получается, что те страны, которые выступают за смену режима, включая насилиственное свержение режима путем применения силы, правы. А Россию, которая выступает за

мирное урегулирование, за нахождение компромиссов, консенсусов всех сирийцев через диалог, пытаются обвинять.

Конечно, это не добавляет стабильности и значимости усилиям по урегулированию такого рода конфликтов. Гораздо полезнее было бы не подстrekать одну сторону к продолжению насилия, а заставить и одну, и другую сторону сесть за стол переговоров, за что мы, собственно, выступаем по сирийской ситуации, и в пользу чего, кстати, высказалась Женевская международная конференция 30 июня по нашей инициативе.

Косачев: Сергей Викторович, все эти вопросы будут еще обсуждаться 10–11 июля на профессиональных секциях, на которых будут работать и послы, и дипломаты центрального аппарата министерства. Мне остается пожелать Министерству иностранных дел благополучного завершения этого совещания и, самое главное, по текущему году успешного завершения работы над новой внешнеполитической концепцией, которая по распоряжению, по указу президента должна быть подготовлена к декабрю текущего года.

Лавров: Могу только сказать, что это поручение уже активно выполняется. Безусловно, меняются многие наполняющие эту концепцию компоненты, но ее стержень остается абсолютно преемственным с 2000-х гг., когда была принята первая концепция при президенте Владимире Путине. Эта концепция нацелена на то, чтобы мы действовали pragmatically, чтобы в центре всей нашей работы были наши национальные интересы, а это означает стабильность, безопасность страны и улучшение жизни граждан, поддержку российского бизнеса, распространение российской культуры.

Концепция предусматривает также нашу готовность и заинтересованность развивать отношения со всеми, кто к этому готов, на равноправной и взаимовыгодной основе. Это открытость любому партнеру. Эти базовые принципы, безусловно, останутся ключевыми и неизменными, какими они оставались в центре нашей внешнеполитической деятельности все эти 12 лет.

Косачев: Спасибо. В студии «Голоса России» был министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров. И с вами, как всегда, был я, Константин Косачев – руководитель Россотрудничества и спецпредставитель президента по связям с государствами СНГ. Смотрите нас, слушайте нас, спорьте с нами, но, самое главное, будьте с нами. До новых встреч!

The Russian Language Is an Instrument of Our Influence. Minister for Foreign Relations of Russia S.V. Lavrov's answers to questions of the Head of Rossotrudnichestvo K.I. Kosachev on «The Russian Voice» Radio Station.

2012 – ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В ходе встречи Президента Российской Федерации Д.А. Медведева 22 июля 2011 г. во Владивостоке с учеными-историками была отмечена небывалая концентрация в 2012 г. государственно значимых юбилейных дат:

- 1150-летие зарождения российской государственности;
- 400-летие освобождения Москвы ополчением Д. Пожарского и К. Минина;
- 200-летие победы в Отечественной войне 1812 г.;
- 150-летие со дня рождения П.А. Столыпина;
- 70-летие победы советских войск под Москвой и другие памятные даты.

В этой связи члены президентского Совета по науке, образованию и технологиям вышли с инициативой об объявлении 2012 года Годом российской истории и с предложением о воссоздании Российского исторического общества (РИО). Имелось в виду продолжение дела созданного в 1866 г. Русского исторического общества с целью «всесторонне содействовать развитию русского национального исторического просвещения» и закрытого по решению Российской академии наук 4 сентября 1920 г.

Д.А. Медведев поддержал обе указанные инициативы. 9 января 2012 г. он подписал Указ о проведении в Российской Федерации Года российской истории. В плане проведения этого Года одним из основных мероприятий было обозначено образование Российского исторического общества. В мае 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин также поддержал идею учреждения РИО. 14 мая с.г. состоялось заседание Оргкомитета РИО, возглавленного Председателем Государственной Думы С.Е. Нарышкиным. Председательствующий обозначил пять «практических задач», которые должно решать РИО:

– поддержка проектов, которые не только помогут восстановить «белые пятна» российской истории, но и тех, что побуждают новый интерес к ее изучению и у российских сограждан, и во всем мире;

– вовлечение в работу и в учредители РИО самой современной части пропагандистов истории – тех новых просветителей, кто, работая в Интернете, создает исторические порталы и соответствующие сети, в которых уже сегодня участвуют миллионы людей, издателей исторической литературы для многомиллионного «русского мира»;

– профессиональный ответ фальсификаторам исторического прошлого как внутри страны, так и за ее пределами в виде изучения и публикации архивных источников, изначальной поддержки исторического образования, поощрения лучших учителей истории и обществознания, самого внимательного отношения к учебно-методической литературе по истории, исходя из понимания, что история – это важнейшая часть культуры и современной политики;

– поддержка в создании качественных просветительских каналов и программ, будь то интернет-сфера, телевидение или радио, поскольку в эпоху подъема национального самосознания интерес к прошлому своего Отечества постоянно растет;

– воссоздание РИО должно помочь укреплению авторитета всей нашей гуманитарной науки, поэтому с самого начала своей деятельности РИО должно стать общей и приветливой площадкой для всех гуманитариев – от историков, философов, социологов до лингвистов и культурологов.

Одной из ближайших задач создаваемого РИО С.Е. Нарышкиным была указана и организация празднования 1150-летия российской государственности.

Учредительное собрание Российского исторического общества состоялось 20 июня 2012 г. Председательствовал на собрании ректор МГУ им. М.В. Ломоносова академик РАН В.А. Садовничий. Участники собрания выслушали приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина, выступления представителей организаций-соучредителей РИО. В завершающей части собрания состоялось подписание Учредительного договора РИО, утверждение Устава, избрание председателем РИО Председателя Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкина, сопредседателей Совета, Центральной контрольно-ревизионной комиссии, Президиума Совета, председателя правления, ответственного секретаря и Попечительского совета РИО.

Учредительное собрание Российского исторического общества

Приветствие Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина

Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Сергею Евгеньевичу Нарышкину, участникам, организаторам и гостям Учредительного съезда Российского исторического общества. Приветствуя организаторов, участников и гостей Учредительного съезда Российского исторического общества. Считаю возрождение одной из старейших и авторитетнейших общественных организаций страны важной и востребованной инициативой.

Основанное в 1866 году Русское историческое общество объединило не только профессиональных историков, ученых, преподавателей, но и государственных деятелей, политиков, дипломатов, военачальников, предпринимателей, людей образованных, творческих, любящих свое Отечество и искренне радеющих за его будущее. За время своего существования общество внесло поистине неоценимый вклад в развитие исторической науки в нашей стране, много сделало для широкого общественного просвещения.

Уверен, что учреждаемое сегодня Российское историческое общество будет беречь и укреплять эти замечательные традиции, активно участвовать в развитии школьного образования, в воспитании молодежи на основе ценностей патриотизма, гражданственности, уважительного отношения ко всем странницам и эпохам национальной истории, уделять неустанное внимание популяризации исторических знаний, противостоять попыткам фальсификации исторических фактов. Единство истории, ответственность перед поколениями предков – это основа прочной государственности общественного согласия, и потому хочу от души пожелать Российскому историческому обществу успехов в серьезной и ответственной работе. Готов оказывать вам всемерное содействие и помочь.

Уроки отечественной истории учат нравственному поведению в политике

С.Е. Нарышкин

Добрый день, уважаемые коллеги!

Наша встреча посвящена Году российской истории. Когда готовилось решение об объявлении Года российской истории, наши историки, эксперты называли около 30 значимых исторических дат, юбилеи, которые приходятся на 2012 г. Наверное, трудно назвать наиболее значимые, но две даты я все-таки назову – это конечно же 1150-летие зарождения российской государственности и 200-летие Победы в Отечественной войне 1812 г.

Одним из важнейших событий Года российской истории станет воссоздание Российского исторического общества. Его основателями в 1866 г. были выдающиеся люди нашей страны: историки, государственные деятели, поэты, просветители, дипломаты – те, кто заботился о сохранении исторической правды и заложил традиции постоянного и бережного отношения к событиям прошлого нашего Отечества, нашего прошлого.

Как Председатель Государственной Думы, отмечу и то, что российский парламентаризм не мало обязан Русскому историческому обществу, впервые опубликовавшему материалы Екатерининской законодательной комиссии – предшественницы российского парламентаризма. Самые первые публикации вышли в свет, когда российское общество только начинало осознавать потребность в создании парламентских институтов. Роль исторического общества была уникальной по многим причинам.

Во-первых, оно показало пример объединения вокруг важнейшей консолидирующей идеи представителей высшей государственной власти, научных и общественных сил.

Во-вторых, оно обратило внимание государства на необходимость просветительской работы и совместных действий на этом направлении представителей всех гуманитарных наук.

В-третьих, общество заметно укрепило фундамент нашего архивного и музейного дела, дало мощный толчок издательской работе.

И, наконец, главное – оно заставило глубоко задуматься об уроках отечественной истории, которые, как ничто другое, учат нравственному поведению в политике, потому что самые великие достижения и победы возможны лишь на основе консолидации непреходящих ценностей патриотизма и гражданственности, высокого нравственного служения государству.

Пример именно такого ответственного отношения к своей истории, к ее изучению и преподаванию чрезвычайно важен и сегодня. Поэтому, возрождая историческое общество, мы должны объединить усилия государства и ученых, различных социальных и профессиональных групп для формирования общероссийской исторической культуры. И делать это на основе объективного, непредвзятого изучения событий истории, их популяриза-

Нарышкин Сергей Евгеньевич – Председатель Государственной Думы Российской Федерации.
E-mail: vestnik@mgimo.ru. Стенографическая запись выступления 20 июня 2012 г.

ции и передачи новым поколениям. Нам предстоит не только поддержать новые научные исследования и проекты, но и содействовать большей доступности российских архивов, глубокому изучению находящихся в них документов. Предстоит также многое сделать для развития исторического образования и поощрения лучших учителей, внедрения в педагогическую практику последних достижений науки, формирования непротиворечивого подхода к написанию учебников истории.

Особой задачей станет привлечение государственных и частных средств для новых исследований и создания современных просветительских ресурсов, вовлечение в эту работу представителей бизнеса и благотворительных организаций. Наконец, не последней задачей для исторического общества станет укрепление связей с соотечественниками за рубежом, в том числе для сохранения памяти о тех, кто оказался за границей в результате революции и Гражданской войны, а также для возвращения в нашу страну реликвий и документов, прямо связанных со знаменательными историческими событиями.

Через несколько дней исполняется 200 лет со дня вторжения армии Наполеона в Россию. И сегодня я хотел бы сообщить вам, что одна из наших соотечественниц, проживающая ныне в Италии, планирует передать в Россию ряд документов, связанных с Отечественной войной 1812 г. Это два подлинника писем

Наполеона, написанных им в ходе военной кампании и доселе нигде не опубликованных. Надеюсь, эти документы станут одним из первых вкладов в работу воссозданного Российского исторического общества.

Уважаемые коллеги, названные мною выше задачи нашли свое отражение в Уставе и Учредительном договоре Российского исторического общества. Сегодня нам предстоит принять и подписать эти документы, а также избрать основные органы управления обществом. Уверен, что все присутствующие хорошо осознают свою ответственность за то важнейшее дело, в котором мы вместе намерены участвовать.

Завершая выступление, я хотел бы привести слова первого секретаря Русского императорского общества, а затем и его председателя, Александра Александровича Половцева. Он писал: «Всякий из нас любит свою родину, но при ближайшем знакомстве с ее историей любовь эта делается все сознательнее, тверже и связует в одно могущественное целое русское государство».

Полагаю, что укрепление России и сохранение национальной исторической памяти, без которой невозможно будущее нашего Отечества, станут ключевыми принципами в нашей работе.

Naryshkin S.E.. The Lessons of the National History Teach a Moral Behavior in Politics.

Добиться того, чтобы были постепенно выработаны критерии корректного обращения с историей

А.В. Торкунов

Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемые коллеги!

Я думаю, что даже на фоне высокой общественной активности, которую мы наблюдаем сегодня в России, сегодняшнее событие – это событие, имеющее особое значение. Мы не только восстанавливаем историческую справедливость, восстанавливаем одно из самых уважаемых, почитаемых и внесших огромный вклад в российскую культуру общества, но и воссоздаем профессиональную ассоциацию всех тех, кто так или иначе связан с историей в самых разных сферах деятельности. И, конечно, в этой связи нам очень важно найти точно свое поле, поскольку историческая наука, исследование, преподавание, интерес к истории предельно многогранны.

Многое мы можем позаимствовать у императорского исторического общества, однако сегодня задача совершенно иная. Тогда общество было главным распространителем исторического знания, это была доинформационная эпоха. Выполнять эти функции в эпоху информационную предельно трудно, да и не нужно. Для этого есть другие, более успешные технические каналы. Мы скорее должны стремиться занять нишу саморегулируемой профессиональной ассоциации. И в этой связи для нас имеет принципиальное значение добиться того, чтобы были постепенно выработаны критерии корректного обращения с историей. Я специально говорю слово «критерии» и не употребляю более жесткого слова «стандарты», эти критерии должны быть весьма разнообразны.

Одно дело, когда речь идет о функционировании молодежного военно-исторического клуба, другое – об учебном плане преподавания истории в вузе или школе. Единым знаменателем этого могут быть только достоверность исторического факта и отсутствие экстремизма в его интерпретации. Более того, эти два принципа могут лежать в основе и деятельности общества в целом.

Если говорить о более конкретных направлениях и алгоритме нашей работы, то полагаю, что очень важно было бы обществу провести что-то в виде системного исследования состояния исторического знания России, в том числе включающего вопросы подготовки историко-педагогических, исследовательских кадров, музеиных работников. Подчеркиваю – это должна быть не статья или доклад, написанная одним, пусть очень уважаемым институтом, но исследование, которое охватывает все срезы общественной жизни, относящиеся к историческому знанию.

При серьезном подходе к делу, уже на этапе составления технического задания, мы можем многое для себя понять и систематизировать. В принципиальном плане в деятельности исторического общества можно выделить, как мне кажется, несколько направлений, ориентируясь на которые, могла бы сформироваться его организационная структура.

К ним относятся: школьное образование и внеклассное историческое воспитание, высшее образование и научные исследования, архивная, музейная и историко-мемориальная деятельность, информационно-медийная издательская деятельность, развитие исторического и краеведческого туризма. Ну и, наконец, важный и принципиальный вопрос – вопрос формирования государственной исторической идентичности.

Важнейшим направлением деятельности исторического общества должна стать работа, как мне кажется, и с зарубежными коллегами, и с ассоциациями. Эта работа ведется и сегодня, но, я думаю, что создание нашей профессиональной ассоциации позволит поднять эту работу на совершенно иной уровень.

Torkunov A.V. To Achieve that Have Been Gradually Worked out the Criteria of Correct Treatment of the History.

Торкунов Анатолий Васильевич – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Стенографическая запись выступления 20 июня 2012 г.

Наш ответ на тот бум, на тот интерес к истории, который сегодня существует в нашей стране и во всем мире

А.О. Чубарьян

Я думаю, что действительно у нас большой день сегодня.

Создание общества – это наш ответ на тот бум, на тот интерес к истории, который сегодня существует в нашей стране, да и во всем мире. Вообще, я должен сказать, на памяти людей, особенно старшего поколения, мы не помним такого случая, такого времени, когда история бы оказалась не просто в центре общественного интереса, но и вызывала бы такой совершенно необычайный всплеск эмоций, оценок, которые существуют сейчас. И поэтому создание общества, мне кажется, – это естественный и неизбежный ответ не только профессионалов, но и всего нашего гражданского общества на этот интерес народа.

Второе, что я хотел бы сказать (Виктор Антонович сказал об интеграции науки и образования), одна из главных задач общества – сделать так, чтобы не только это было совместное действие преподавателей и школы, высшей школы и научных работников, но чтобы это было органическое соединение. У нас все-таки сейчас средняя школа достаточно отделена от высшей, а наука существует в вузах, она существует в академии, но надо сделать это единым общественным сегментом, который работал бы достаточно объединенно.

Третье, что я хотел сказать. Мы единственная большая, великая страна в мире, в которой в нашей школе дети и взрослые получают знания не только по отечественной, но и по мировой истории, этого нет ни в одной стране, причем в одинаковом объеме: количество часов на отечественную историю и на всеобщую историю совпадает. Я думаю, это нам надо сохранить сигналы из России, оценки исторических событий касаются сегодня не только отечественной истории, но и мировой истории. И я думаю, что

общество должно уделять этому большое внимание.

На прошлой неделе в Санкт-Петербурге мы проводили конференцию «Гуманитарные знания в странах СНГ». И я там сказал, что предстоит создание общества. И должен сказать, Сергей Евгеньевич, что все страны СНГ с огромным энтузиазмом восприняли это дело и очень бы хотели, чтобы историческое общество в России было бы организацией знаковой, которая помогала бы в оценке и общего нашего прошлого, и вообще в развитии исторических знаний в странах СНГ.

И последнее, что я хотел бы сказать, – это то, что общество может выполнять и очень серьезные экспертные оценки. Вот здесь речь шла и о учебниках, но дело не только в учебниках. Хорошо бы, чтобы общество занялось экспертизой всей системы исторического образования и исторического знания в стране. Я думаю, что мнение учительства, преподавателей, научных работников в этом смысле было бы полезным.

И уже самое последнее. У нас сейчас очень развита историческая беллетристика. Она разная есть, конечно, и к ней разное отношение – это книги популярные, это телевидение, это радио, это фильмы. Я думаю, что хорошо бы иметь вообще секцию специальную в историческом нашем обществе, которая бы занималась вот этой связью общественного интереса, беллетристикой исторической и профессионалов. Потому что в принципе очень полезен был бы этот контакт и было бы очень интересно внести больший дух в популяризаторскую работу профессионалов и больше опоры на факты тех, кто занимается этим в смежных профессиях.

Chubaryan A.O. Our Response to the Boom, the Interest in History, Existing Today in our Country and Around the World.

Чубарьян Александр Оганович – академик РАН, директор Института всеобщей истории Российской академии наук. Стенографическая запись выступления 20 июня 2012 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков

В.Н. Рудаков

В статье анализируется то, как воспринимались проявления зависимости русских земель от Орды в общественном сознании второй половины XIII–XVI в., исследуется происхождение термина «ига», ставится вопрос об адекватности этого термина для описания русско-ордынских отношений в указанный период. Автор приходит к выводу, что распространенные в историографии представления о многовековом «иге» не вытекают из существовавших форм зависимости Руси от Орды. В древнерусской литературе эта зависимость преподносилась как «рабство», что позволяло книжникам найти аналогии с событиями библейской истории – пребыванием «избранного народа» в плену у фараона, а также вавилонским пленением. При этом «книжная» линия восприятия ордынской власти сосуществовала с «обыденной», не рассматривавшей русско-ордынские отношения через призму «рабства»/«ига». Однако со временем именно книжное понятие «ига» прочно вошло в исторический лексикон.

О отношениях русских земель с Ордой традиционно рассматриваются в рамках концепции монголо-татарского «ига», установившегося сразу после нашествия Батыя в 40-х гг. XIII в. и просуществовавшего чуть ли не вплоть до знаменитого «стояния на Угре» 1480 г. Между тем сами жители русских княжеств этот термин никогда не использовали, несмотря на то что слово «иго» им было, несомненно, знакомо. Наиболее распространенные в то время значения этого слова – «узда», «хомут», «ярмо», «ноша», «поклажа», «гнет чьего-либо владычества». Получается, что на Руси знали «работное иго» и даже «иго Христово» (под него попадали монахи, принимая постриг), но не знали ига монголо-татарского¹.

Судя по всему, впервые для описания русско-ордынских отношений это слово употребил иностранец, польский хронист Ян Длугош, в 1479 г.², причем тогда, когда сама зависимость русских земель от Орды практически уже становилась историей. Долгое время (на протяжении почти двух столетий) определение «иго» бытовало в основном в зарубежной историографической традиции³. На русской почве оно стало использоваться гораздо позже: впервые, судя по всему, в киевском Синописе (70-е гг. XVII в.), составитель которого позаимствовал слово «иго», вероятно, из своих польских источников.

Н.М. Карамзин, пожалуй, первым (вероятно, для большей экспрессии) применил слово «иго»

Рудаков Владимир Николаевич – к. филолог. н., зам. главного редактора журнала «Профиль».
E-mail: ps-rudakov@yandex.ru

в первоначальном смысле – в значении «хомута, надетого на шею» русских. «Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров», – писал он⁴. И хотя для «последнего летописца» это слово было, скорее, художественным эпитетом, чем строгим научным термином, именно с «Истории государства Российского» берет свое начало понятие «татарское иго», прочно вошедшее в отечественный исторический лексикон.

Между тем распространенные в историографии представления о многовековом (с 1240-х гг. до 1470-х гг.) «иге» напрямую не вытекают из тех форм зависимости Руси от Орды, которые выделяются современной наукой. На сегодняшний день историки определяют несколько основных форм зависимости Руси от Орды:

- в первую очередь, это практика выдачи русским князьям «ярлыков» на княжение (фактически – их назначение) ордынскими ханами;
- сбор дани (так называемого ордынского «выхода»);
- отправка на Русь особых чиновников – «баскаков»;
- участие русских воинских контингентов в военных походах монголо-татар;
- регулярные карательные набеги ордынцев на русские земли.

Важно отметить, что все эти формы зависимости не существовали одновременно на протяжении всех двух с половиной веков ордынского «ига». Например, институт баскачества на северо-востоке Руси просуществовал всего лишь несколько десятилетий: возникнув после 1257 г., он был отменен к началу XIV в.⁵. Вероятно, именно поэтому информация о баскаках крайне скучно представлена с дошедших до нас источниках. Из-за этого функции института баскачества до сих пор не вполне понятны. А.Н. Насонов – автор классического труда «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» – признавал, имея в виду баскаков, что татары «оставили на территории русского северо-востока какую-то организацию, смысл которой остается до сих пор неразгаданным»⁶. «Можно догадываться, – писал он, – что основной обязанностью баскаков была служба внутренней охраны. Они должны были держать в повиновении покоренное население»⁷.

Вместе с тем события 1257 г. в Новгороде, когда горожане пытались противодействовать проводимой татарами записи «в число», показывают: с полицейскими функциями неплохо справлялись и сами князья. Александр Невский не только обеспечил защиту татарским «численникам», подавив вспыхнувшее в Новгороде антиордынское восстание, но и сумел вразумить своего сына Василия, вставшего было на сторону новгородцев. Так что не только баскаки обеспечивали повиновение местных жителей.

Не исключено при этом, что баскаки имели в своем распоряжении отряды, существенную часть которых составляли аборигены. По крайней мере, в отряде курского баскака Ахмата, согласно лето-

писному сообщению, было 30 человек «руси» и только двое «бесермен»⁸. А.Н. Насонов отмечал, что «великий баскак владимирский» фактически действовал на стороне великоокняжеской власти и «ничего не говорит о попытках с его стороны руководить великим княжением, умалить действие великоокняжеской власти».

Иногда княжеская власть даже получала прямую поддержку со стороны ордынских ставленников. Так, в 1269 г. «великий баскак владимирский» идет вместе с полками, собранными великим князем, «на Немци», а в 1270 г., «после личных столкновений великого князя с новгородцами», не препятствует вызову из Орды войск для похода на Новгород и т.д.⁹

Из-за недостатка дошедших до нас сведений трудно судить об отношении населения к институту баскачества. Едва ли не единственный случай, когда летописец высказал оценочные суждения на данную тему, – это рассказ об уже упомянутом курском баскаке Ахмате. Разумеется, русский книжник оценивал его крайне негативно. Однако нужно учитывать, что на отношение к Ахмату влияла не только его «профессиональная» деятельность в качестве баскака, но и его конфессиональная принадлежность. Он – «бесерменин», то есть мусульманин («бесерменинъ злочитръ и велми зольъ», – называет его летописец). К тому же, как сообщает летопись, Ахмат не только «держал баскачество», но еще и собирал дань. При этом сбор дани не входил в его прямые обязанности. Скорее всего Ахмат просто совмещал службу с личным обогащением. Возможно, пользуясь своим положением, он получил сбор дани в откуп: «откупаша у татар дани всяки и теми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении», – отметил летописец¹⁰. Понятно, указанное обстоятельство также не добавляло Ахмату популярности в глазах русских современников.

Впрочем, у баскака Ахмата было слишком много «отягчающих» его восприятие индивидуальных черт, и, значит, судить по одному этому летописному свидетельству об отношении населения ко всему институту баскачества, возможно, не совсем корректно. К тому же сам институт баскачества просуществовал столь недолго, а следов их деятельности сохранилось так мало¹¹, что вряд ли стоит говорить о том, что именно баскачество сыграло решающую роль в становлении системы зависимости русских земель от Орды¹². Судя по всему, не воспринималось оно в качестве такового и в период «ига».

С течением времени претерпевала серьезные изменения система взимания дани – ордынского «выхода»: если в первые десятилетия после нашествия Батыя ее сбором занимались откупщики, чаще всего мусульманского происхождения (уже упомянутые «бесермене»), то к началу XIV в. эта функция была передана русским правителям под ответственность великого князя¹³. Причина – резкое неприятие населением действий иноверцев – «бесермен», вылившееся в серию городских восстаний (в Новгороде в 1257–1258 гг., в Ростове,

■ 2012 – Год российской истории

Владимире, Суздале и Ярославле в 1262 г. и др.). Гнев горожан, скорее всего, был вызван не только фактом взимания дани, но и тем, что дань собирали мусульманские купцы-откупщики. Судя по всему, те получили соответствующие полномочия в период правления в Сарае хана Берке, исповедовавшего ислам (именно с его именем связывают первую волну исламизации Золотой Орды)¹⁴.

В рассказе Лаврентьевской летописи о восстании в Ярославле на этот счет содержится прямое указание: люди изгнали сборщиков дани из города, «не терпя насилия поганыхъ». «Откупахуть бо ти оканьни бесурмene дани, – указал летописец, – от того велику пагубу людемъ творяхутъ». Получается, что, с точки зрения летописца, значение имели не только сам факт сбора дани, но еще и насильственность действий, а также конфессиональная принадлежность самих сборщиков. В этом смысле не будет сильным преувеличением назвать городские выступления 1262 г. не только антиордынскими, но еще и антимусульманскими¹⁵.

Видимо, конфессиональный аспект проблемы был настолько важен, что в ходе восстания в Ярославле горожане даже убили своего сплеменника, некоего Изосиму – «преступника», как характеризует его летопись. Он, судя по всему, к сбору дани никакого отношения не имел: Изосима, дает понять книжник, был убит за то, что предал свою веру, перейдя в ислам. Он «бе мнихъ образом, точию сотоне съсудъ, бе бо пьяница и студословецъ, празднословецъ и кощуньникъ, конечное же отвержеся Христа и быс бесурменинъ, вступивъ в прелестъ лж(ив)аго пророка Ма(х)меда», — пояснил летописец¹⁶.

Однако ситуация изменилась в начале XIV в., когда сбор дани был передан русским князьям. Как писал Б.Д. Греков, князья «сами и по-своему должны были собирать дань и доставлять в Орду». При этом способы сбора «ордынского выхода», судя по всему, ничем не отличались от приемов сбора дани, предназначавшейся самому князю: все собранные суммы сдавались в великокняжескую казну, а оттуда часть средств передавалась в Орду. Этот механизм описан в «докончании» (договоре) великого князя Дмитрия Ивановича Донского со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским (1389 г.): «А что н(а)ши данщик(и) сберуть въ городе, и въ станех и въ варягъ, тому ити в мою казну, а мне давати въ выход» (судя по всему, в Орду)¹⁷. Важно, что отношение населения к княжеским сборщикам «выхода», судя по всему, было гораздо более спокойным, чем к татарам: по крайней мере, сведений о восстаниях против русских сборщиков в источниках не зафиксировано¹⁸.

Все это дает основания предположить, что сбор «выхода» откупщиками мусульманского происхождения (последователями «ложного пророка Махмета») был для горожан Северо-Восточной Руси действительно явлением нетерпимым. Тогда как сама по себе необходимость выплаты ордынского «выхода» уже не так сильно волновала население: как только за дело взялись «свои откупщи-

ки» – представители княжеской администрации, протестные выступления сошли на нет.

Еще одна форма зависимости Руси – участие в военных акциях монголо-татар – также существовала недолго. К концу XIII в. татары отказались от привлечения русских полков для участия в боевых действиях против соседей¹⁹. Впрочем, отношение современников к таким акциям было, судя по всему, двояким. Если судить по «Житию Александра Невского», составленному в 80-х гг. XIII в.²⁰, участие в ордынских походах воспринималось русскими как «беда» и «нужда великая». Собственно, чтобы «отмолить людей от той беды», Александр, согласно «Житию», и отправился в свою последнюю поездку в Орду: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, велящее с собою воинствовать. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити люди от беды тоя»²¹.

Однако участие в ордынских походах не всегда воспринималось современниками как «нужда великая», проявление тяжелой повинности, ярма, «ига» в первоначальном смысле слова. Ведь такие походы, помимо прочего, сулили князьям немалую выгоду. Они это понимали и поэтому часто проявляли усердие в службе. Во второй половине XIII в. русские полки привлекались татарами во время походов против Венгрии, Литвы, Польши, народов Северного Кавказа, Византии²². Свидетельства о том, что во время таких акций русские действовали не менее жестоко, чем татары, сохранились в польской «Великой Хронике».

В 1259 г. князья во главе с сыном Даниила Романовича Галицкого (считавшегося чуть ли не «вождем» антиордынской коалиции²³) – Васильком вместе с татарами, пруссами, куманами (то есть половцами) и другими народами «безобразно разорили грабежами, поджогами и убийствами» польскую Сандомирскую крепость. При этом хронист пишет о том, что именно русские князья помогли татарам взять крепость хитростью: защитникам они пообещали милости от татар. Поддавшись на уговоры русских, осажденные сандомирцы «оставили в крепости все имущество и, безоружные, вышли из нее». После чего татары «набросились на них, как волки на овец, проливая огромное количество крови невинных людей». Как написал хронист, «разлившиеся потоки крови, стекая в Вислу, даже вызвали наводнение»²⁴.

А в 1277 г. сразу несколько князей из Северо-Восточной Руси «съ бояры и слугами» отправились в поход вместе с «царем Менгутемеромъ» на своих единоверцев – ясов (аланов)²⁵. При этом составитель летописи не только не осудил участие русских князей в этом походе, но и с чувством глубокого удовлетворения констатировал: «...поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славныи градъ Ясьскии Дедяковъ, ...и полонъ и корысть велику взяша, а супротивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгла». Видимо, в глазах летописца полученная князьями «корысть велика» оказывалась достаточным оправданием их действий. Тем более что столь активное участие князей в

татарских военных операциях получило высокую оценку со стороны хана: «Царь же почитивъ добре князе Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ многою честью, каждо въ свою отчину»²⁶. Вернувшись в Ростов «въ чести велице», участвовавшие в походе князья привели с собой «полонъ многъ». «И бысть радость велика въ граде въ Ростове»²⁷, – отметил летописец. Получается, что совместные походы воспринимались на Руси не только как «беда», но и как взаимовыгодные русско-ордынские военные предприятия, а участие князей в них – как весьма почетное, достойное «чести» дело.

Конечно, негодование книжников вызывали частые татарские набеги на русские земли. Впрочем, видеть в набегах татар одно из проявлений «ига» вряд ли справедливо. Хотя бы потому, что инициаторами значительной части таких акций были сами русские князья, боровшиеся друг с другом за власть при помощи ордынских отрядов. По подсчетам Ю.В. Селезнева, из более чем 100 ордынских вторжений на Русь, имевших место с 1223 по 1502 г., 22 набега (то есть каждый пятый) совершились в рамках княжеских усобиц или просто при участии русских князей²⁸.

Показательно, что такие набеги воспринимались летописцами столь же негативно, как и набеги собственно татар. Это видно, например, из описания «Дюденевой рати» 1293 г., которую привел на своего брата Дмитрия сын Александра Невского – князь Андрей Александрович Городецкий («приведе Андреи изъ Орды Дюдена ратию на великого князя Дмитрия, и много зло бысть Руси»²⁹). Или из рассказа о совместных действиях московского князя Юрия Даниловича и ордынского воеводы Кавгадыя против Михаила Ярославича Тверского и его союзников в 1317 г. («тое же зимы Юръя князь съ Кавгадыемъ и съ всеми князи Суждальскими прииде съ Костромы къ Ростову, отъ Ростова къ Переяславлю и много зла творя христианомъ»)³⁰.

Помимо прочего, набеги на русские земли часто являлись проявлениями борьбы между кланами ордынской власти (для конца XIII в., например, между сарайскими ханами и темником Ногаем). И, конечно, как в любой войне Средневековья, имели место походы с целью банального обогащения. Однако инициаторами такого рода походов выступали, скорее всего, не официальные власти Орды, а предводители приграничных татарских отрядов – своего рода «полевые командиры» второй половины XIII–XV в. Ханы же имели возможность обогащаться и без убийства и разорения тех, кто и без того исправно платил им дань.

Так что сам факт набегов мало дает для характеристики русско-ордынских отношений как «ига». Ведь в предшествующий период русские князья точно так же использовали силы половцев для решения своих внутренних проблем, а половцы привлекали русских в рамках противостояния внутри половецких кланов и параллельно с этим грабили приграничные территории. При этом сам по себе факт половецких набегов не позволяет го-

ворить о существовании в XI–XII вв. какого-либо «половецкого ига» на Руси³¹.

Единственным постоянно действующим на протяжении почти двух с половиной столетий фактором «ига» была зависимость самих русских князей от Орды. Судя по всему, можно говорить не о вассальной (договорной по своей сути), а о министериальной зависимости русских князей, то есть основанной на прямом и безусловном подчинении³², о их включенности «в ордынскую систему жесткого вертикального подчинения»³³. Как оценивалась включенность князей в такую систему подчинения в общественном сознании того времени? За два с половиной столетия «ига» отношение к такой службе не было застывшим, претерпевало существенные изменения.

Начиная с первых визитов князей в Сарай и Каракорум, рассказывая о таких поездках, северо-восточные летописцы специально отмечают, что того или иного князя хан отпускал на родину «с честью» или просто — «почтиша». Во время таких путешествий князьям, скорее всего, приходилось не только раздавать многочисленные подарки, но и совершать те или иные унижающие их княжеское и христианское достоинство действия (например, демонстрировать покорность хану, поклоняться монгольским языческим «кумирам», использовать «нечистую» пищу и т.д.). Тем не менее указание в русских источниках на «честь», оказанную князьям ордынскими властями, недвусмысленно свидетельствует: длительное время такое положение дел князей вполне устраивало. Не считалось это зазорным и в глазах большинства книжников того времени³⁴.

Скорее всего, такое отношение к службе татарам было продиктовано спецификой восприятия самой власти ордынских ханов. Сразу после нашествия Батыя в русских источниках правители монголо-татар, наравне с правителями Византийской империи, начинают именоваться «царями» («цесарями»). Прежде царский титул не применялся на Руси к предводителям кочевников, и, судя по всему, такое титулование не было случайным. Тем более на Руси знали тюрко-монгольское наименование «хан» («каан»), но при этом все-таки предпочитали именовать ханов «царями».

Как предположил А.А. Горский, перенос царского титула на хана был связан с феноменом «отсутствия царства», наблюдавшимся как раз в годы нашествия и установления зависимости от Орды: в 1204 г. столица Византии – Царьград был захвачен крестоносцами, и это было воспринято на Руси как «погибель царства». «Перенос царского титула на правителя Орды, – отмечает А.А. Горский, – по-видимому, свидетельствует о том, что Орда определенным образом заполнила лакуну в мировосприятии, заняла в общественном сознании место «царства», на момент завоевания пустующее»³⁵.

При этом восстановление Византийской империи в 1261 г. «не только не изменило положения, но скорее закрепило сложившуюся ситуацию». Русские князья полагали себя стоящими на более

■ 2012 – Год российской истории

низкой ступени иерархической лестницы, нежели ордынские ханы. С одной стороны, подчиненное положение по отношению у «царям» долгое время воспринималось князьями как вполне легитимное, а значит, не требующее пересмотра («всякая власть – от Бога»). С другой стороны, важно и то, что в рамках картины мира того времени русские князья и монголо-татарские «цари» оказывались разными субъектами одной властной вертикали. И в этом смысле ханы становились «своими» — не врагами, а просто более статусными фигурами, «сюзеренами», если воспользоваться западноевропейской средневековой терминологией.

Это «свойство» проявлялось и в том, что русские князья уже в первые десятилетия после нашествия стали заключать браки с представительницами ордынской аристократии. «Матrimonиальная тема» в отношениях русских и татар возникает, когда, казалось бы, покорители и побежденные должны были бы думать о чем угодно, но только не об установлении взаимных родственных связей. Однако весьма показательно, что одним из первых в Орде – в 1257 г. – «оженился» белозерский князь Глеб Василькович, сын замученного татарами ростовского князя Василька Константиновича, и внук убитого в Орде Михаила Всеиволодовича Черниговского³⁶, позже канонизированных Церковью в качестве святых великомучеников.

То, что на Руси могли считать свою землю частью Орды, косвенно находит подтверждение в памятнике, возникшем в качестве отклика на победу на Куликовом поле в 1380 г. – знаменистой «Задонщине», в которой синонимом «Русской земли» служит словосочетание «орда Залесская». «Чему (то есть «зачем», – В.Р.) ты, Мамай, посягаешь на Русскую землю? То тя била орда Залесская...»³⁷. Как отмечает обративший внимание на это чтение И.Н. Данилевский, «нужны ли лучшие доказательства того, что Русь рассматривала себя как часть Орды?»³⁸

Кстати, вплоть до второй половины XIV в. в произведениях русской письменности почти не встречаются уничижительные или просто негативные эпитеты по отношению к ордынским ханам³⁹. Даже принятие Ордой ислама (1314 г.), произошедшее при хане Узбеке (он, по выражению составителя Симеоновской летописи, «сел на царстве и обесерменился»⁴⁰, или, как выразился автор «Повести о Михаиле Тверском», принял «мерьскую веру срацинскую»⁴¹), не стало основанием для мгновенного пересмотра устоявшихся представлений о самих ханах и легитимности их власти на Руси. В итоге вплоть до второй половины XIV в. «сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли», а акты сопротивления татарам были связаны лишь с межкняжескими конфликтами, в которых ордынцы выступали на той или иной стороне. При этом в данный период речь вообще не шла об осознанной борьбе за полное освобождение от зависимости⁴².

Так продолжалось до начала ордынской «замятни», когда ханы стали ставленниками более

влиятельных в Орде временщиков, таких, как темник Мамай. Их власть, в отличие от ханской власти, была абсолютно нелегитимной в глазах русских князей. Последовавшее за этим изменение отношения к подчинению князей такой власти стало одним из главных импульсов для перемен на «ордынском» направлении внешней политики Московского княжества. Это, в свою очередь, повлекло за собой ряд военно-политических шагов, предпринятых Москвой в отношении Орды, результатом чего и стало свержение «ига» монголо-татарских ханов.

Именно со времени «замятни» (причем далеко не сразу) начинает формироваться «идеология борьбы» с татарской властью. Этот процесс занял целое столетие и, судя по всему, был весьма непростым. Так, если в 1380 г. Дмитрий Донской на Куликовом поле мужественно сражался с «возомнившим себя царем» Мамаем, то в 1382-м тот же Донской решил уклониться от борьбы с легитимным правителем Тохтамышем (он, в отличие от Мамая, был прямым потомком Чингисхана) и оставил Москву, не смея «стать против самого царя»⁴³.

Даже спустя сто лет, в 1480 г., в окружении Ивана III разгорелась нешуточная борьба между теми, кто полагал, что великий князь имеет право встать на борьбу с «безбожным царем», и теми, кто в таком праве Ивану Васильевичу отказывал. Да и сам великий князь долго колебался. Однако в итоге под влиянием своего духовника – ростовского архиепископа Вассиана Рыло, отправившего Ивану III знаменитое «Послание на Угру», – великий князь все-таки принял трудное решение выступить против «самого царя»⁴⁴.

Какие же аргументы нашел великокняжеский духовник? Объясняя Ивану III причины возникновения зависимости от Орды, Вассиан указывал на то, что нашествие Батыя явились «попущением Божием». «Попусти Богъ на прежде тебе прародителей твоих и на всю землю нашю окаанного Батыя, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами», – писал Вассиан. Ссылаясь на библейскую историю, он давал понять великому князю, что порабощение, подобное тому, которое произошло с «нами, с новым Израилем, христианскими людьми», уже случалось в мировой истории: «Егда согрещаху сынове Израилеви Господу Богу, тогда предааше их в руце врагом ихъ и работаша имъ»⁴⁵.

При этом, отмечал ростовский архиепископ, «аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»⁴⁶. Почему же Вассиан в конце XV в. пишет о «порабощении» и «пленении», тогда как никакого «пленения» (например, в виде завоевания или даже захвата той или иной территории) история русско-ордынских контактов не знала? Да и «порабощения», как было показано выше, как такового, не было.

Судя по всему, говоря о зависимости в терминах «пленения» и «порабощения», Вассиан Рыло (так же, как и другие древнерусские авторы) опирался не столько на реалии окружавшего его мира, сколько на литературную традицию, сложившуюся к тому времени в древнерусской книжности. Представления книжников о том, что Русская земля оказалась «порабощена» татарами, стали формироваться сразу после нашествия Батыя.

Само нашествие потрясло современников своей разрушительностью, масштабом и многочисленными бедствиями, выпавшими на долю тех, кто пережил «батыевщину». Как это часто бывает, жестокая действительность дала мощный импульс для рефлексии по поводу причин и смысла произошедших несчастий. Однако особенность средневекового сознания заключалась в том, что ему было свойственно искать аналогии между реальными событиями земной жизни и событиями библейской истории, которые выступали в качестве ключа к пониманию окружающего мира. Так что решающую роль в формировании представлений о «порабощении» Русской земли, судя по всему, сыграли не столько реалии середины XIII в., сколько книжные прообразы, при помощи которых авторы пытались эти реалии осмыслить и описать. Надо отметить, что нашествие монголо-татар, а также необходимость (по крайней мере, в течение последовавших за этим десятилетий) выплаты им дани давали современникам вполне очевидные поводы для обнаружения параллелей между историей Руси, с одной стороны, и пребыванием «избранного народа» в плену у фараона, а также с событиями «вавилонского пленения» – с другой⁴⁷.

В законченном виде такую интерпретацию можно обнаружить в «Поучениях» Серапиона Владимира (70-е гг. XIII в.), который осмысливал постигшие Русь несчастья, используя библейские сюжеты и образы пророческих книг. Причем у Серапиона формула «рабства» оказалась даже текстуально близка формулировкам пророчества Мефодия Патарского, согласно которому согрешившие народы накануне Страшного Суда будут наказаны, в том числе оказавшись по воле Божией «подъ ярмом работы», т.е. под ярмом рабства⁴⁸.

По справедливому замечанию А.В. Лаушкина, в основе таких представлений лежала «вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранничества наказанного народа, заботы Бога о его спасении». В рамках этой идеологии подчинение и даже служба «царю неправедну, лукавнейшу же паче въсех земля» (в данном случае – хану) выглядела как один из способов доказать свое смирение перед лицом карающего Бога⁴⁹.

И хотя в реальности, начиная с XIV в., как показано выше, система зависимости Руси от Орды претерпевала серьезные трансформации, тем не менее, сложившиеся в древнерусской книжности представления о «рабстве» продолжали оставаться весьма популярными. По крайней мере, в произведениях письменности. Причина проста: само нашествие воспринималось как кара Господня, и поэтому самые разные действия татар (не только

их нашествия и набеги, но и, например, подчинение их «царю») рассматривались как продолжающееся «наказание Божие». При этом, по логике книжников, конец этому могло положить лишь искреннее покаяние и «исправление от грехов», морально-нравственное очищение, а вовсе не военно-политические усилия русских князей.

Впрочем, ко второй половине XV в. на смену «идеологии смириения и покаяния» приходит «идеология борьбы» с татарами, в соответствии с которой упор делался уже не только и не столько на «исправление от грехов», сколько на необходимость свержения «рабства». Таким образом, можно предположить, что тема «ярма»/«ига» как синонимов «рабства» возникла в первую очередь в результате осмыслиения книжных (в первую очередь, библейских) представлений о нашествии иноплеменников и последующем порабощении народа как каре Господней за грехи. Аналогия между «вавилонским пленением» иудеев и «ордынским пленением» Руси позволяла не только отыскать необходимый в таких случаях по законам средневековой историографии прообраз происходящего в Священной истории человечества, но и актуализировать «идеологию выживания» в условиях иноземного владычества.

Однако, помимо книжного восприятия действительности, в тогдашнем обществе существовали представления о русско-ордынских контактах, основанные на «непосредственных», а не почерпнутых из книг, наблюдениях⁵⁰. И чаще всего обыденность не подпадала под столь драматичные определения, как «ярмо», «иго» или «рабство». Так, семейные отношения с представителями ордынской знати (поработителями!) считались более чем почетными даже для святых благоверных князей⁵¹, поездки в Орду – и вовсе «честью», а сами ордынцы часто воспринимались как «свои», переходили на службу к московским князьям и т.д. Получается, что «книжная» линия восприятия татар и ордынской власти мирно сосуществовала с «обыденной» и была лишь частью общей картины восприятия ордынцев. И чем больше проходило времени, тем существеннее эти две линии восприятия татар расходились друг с другом.

Впрочем, как раз в конце XV в. концепция «порабощения» переживала своеобразный ренессанс: тема антиордынского противостояния активно облекалась в форму борьбы с «рабством». Скорее всего, будучи современником этого «ренессанса» польский хронист Ян Длугош и применил к описанию русско-ордынских отношений слово «иго» – точную кальку с русских слов «ярмо» и «рабство». Со временем понятие «иго», которое вовсе не отражало всей гаммы русско-ордынских отношений середины XIII – XV в., прочно вошло в отечественный исторический лексикон.

Почему это произошло? Причин, как представляется, может быть несколько.

Во-первых, уже начиная с Карамзина, русское общественное мнение требовало объяснений, почему Россия – не Европа? Что стало причиной ее отставания в развитии? Концепция «ига» — сто-

■ 2012 – Год российской истории

летнего рабства, навязанного извне, — позволяла с наименьшими «имиджевыми» издержками для формирующегося национального самосознания отвечать на эти неудобные вопросы.

Тем более что, во-вторых, эта концепция давала возможность не только объяснять отставание Руси, но и черпать в такой трактовке событий дополнительные мотивы для национальной гордости. Лучше всех это сформулировал А.С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издохнувшей Россией»⁵². Получалось, что именно Руси Запад обязан了自己的 передовым развитием⁵³.

Советская историография XX в. унаследовала концепцию «ига» практически в неизменном виде, опираясь при этом не только на русскую дореволюционную историографическую традицию⁵⁴, но и на положения работы К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века»⁵⁵, где он прямо писал: «Татарское иго ... не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали непременной его принадлежностью»⁵⁶. Приведенная цитата пользовалась большой популярностью у советских исследователей: А.Н. Насонов — автор одной из первых обобщающих работ по истории ордынской политики на Руси — даже использовал ее (наряду с цитатой из Сталина) в качестве эпиграфа к своей книге⁵⁷. И это несмотря на то, что Маркс смело использовал для анализа русской истории сведения, не имевшие отношения к истории русско-ордынских контактов. Чего, например, стоит его заявление о том, что, «оставляя после себя пустыню, они (татары. — В.Р.) руководствовались тем

же экономическим принципом, в силу которого обезлюдили горные области Шотландии и римская Кампания, — принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища»⁵⁸.

И хотя для большинства исследователей сегодня очевидно, что «иго» (так же, как и «рабство» в чистом виде) — не вполне удачное определение для русско-ордынских отношений второй половины XIII—XV в., тем не менее термин продолжает использоваться. В том числе в силу сложившейся традиции, сформировавшейся под влиянием древнерусского книжного восприятия, риторической экспрессии Карамзина, патриотического пафоса Пушкина и историософского преувеличения Маркса.

Rudakov V.N. Conception of Tatar's «Yoke» and Relations with the Golden Horde in Russian Public Consciousness of the Period from the Second Half of the 13th until 16th Century.

Summary: The article analyses how precisely were interpreted manifestations of Russian principedom's dependence on Golden Horde in the public consciousness of the period from the second half of the 13th until 16th century. Besides the origin of the term «yoke» is investigated, the author raises the question whether the term is adequate for description of Russian-Horde relations in the mentioned period. The author comes to the conclusion that the ideas of the centuries-old «yoke», which are widespread in historiography, don't follow from the existed forms of dependence. Nevertheless in Old-Russian literature this dependence was presented as «slavery», that allowed scribes to find analogy with the events of biblical history (the period when the peculiar people were in pharaoh's captivity and in Babylonian captivity). Such «bookish» perception of Horde rule co-existed with «ordinary» (commonplace) perception, which didn't take Russian-Horde relations as «slavery/yoke». However as the years go by it is the bookish notion «yoke» which has firmly taken place in historical vocabulary.

Ключевые слова

Русь, Орда, монголо-татарское нашествие, иго, рабство, общественное сознание, русско-ордынские отношения.

Keywords

Rus', Golden Horde, Mongol invasion, yoke, public consciousness, Russian-Horde relations.

Примечания

1. Русское «иго» происходит от латинского «jugum» — изначально «ярмо», «хомут», «парная упряжь волов», но еще и «иго», «рабство». Последние значения являлись производными от «ига» — названия символических ворот, которые образовывались из двух копий, вертикально воткнутых в землю, и одного горизонтального (они как раз и образовывали своеобразное ярмо), под которыми римляне заставляли проходить побежденные войска в знак их покорности. См. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986. С.431. См. также: Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 3. М., 1990. С. 442; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 78-79.
2. «Jugum barbarum», «jugum servitutis». См.: Ioannis Dlugossi senioris canonici opera. Т. 14. Cracoviae, 1878. Р.697. Цит. по: Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 191.
3. Например, и в «Польской хронике» Матвея Меховского (1515-17 гг.), и в «Записках о Московской войне» (1578-82 гг.) Рейнгольда Гейденштейна про Ивана III говорится, что «он сбросил/свергнул татарское иго». Цит. по: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 26-27; Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578-82 гг.). СПб., 1889. С. 23. Как писал в 1607 г. француз Жак Маржарет, «эти русские с некоторых пор после того, как они сбросили иго татар, и христианский мир кое-что узнал о них, стали называться московитами». Маржарет употребил при этом выражение le joug des Tartares. См.: Маржарет Ж. Россия в начале XVIв. М., 1982. С. 141.

4. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 22, 48 и др.
5. На северо-востоке баскаки действовали, вероятно, лишь в Муромской, Суздальской, Рязанской, Владимирской, Курской и Смоленской землях. См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 226-227, 276.
6. Там же. С. 225.
7. Там же. С. 230.
8. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927 (репринт – М., 1997). Стб. 481-482.
9. Насонов А.Н. Указ. соч. С. 231.
10. ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913 (репринт – М., 2007). С. 79-81.
11. Если не считать, конечно, встречающиеся до сих пор топонимы, производные от слова «баскак», — Баскаково, Баскаки, Баскачево, Баскач и пр. См.: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 228-229.
12. В.Б.Каргалов и вовсе сомневается в существовании в Северо-Восточной Руси «военно-политической баскаческой организации». См.: Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008. С. 217.
13. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 225.
14. Неслучайно, известие о смерти Берке, правившего в Орде в 1256-1266 гг., в одной из русских летописей сопровождалось весьма недвусмысленной записью: «Умре царь татарский Беркаи, и бысть ослаба Руси отъ насилия бесерменъ». См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 72. В 1267 г. Русской церкви был выдан ярлык преемника Берке на золотоордынском престоле – его племянника хана Менгу-Темира (1266-1282 гг.). Документ содержал положение, согласно которому хула на православную веру влекла за собой смертную казнь («А кто иметь веру их хулити, — тот человек извинится и умреть». См.: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467. Подробнее см.: Плигузов А.И., Хорошкович А.Л. Отношение русской церкви к антитатарской борьбе в XIII-XIV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988. С. 121.
15. Каргалов В.В. Указ. соч. С. 217.
16. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV-XV вв. М.; Л., 1950. С. 31.
18. Как писал Б.Д. Греков, «не нужно думать, что татары ввели у нас какое-то новшество, до сих пор не известное. Мы не знаем, как именно производились переписи в целях сбиения дань до татар, но мы имеем совершенно точные факты о взимании дань и единицах обложения («рало», «плуг», «сога»). Этими уже готовыми единицами обложения и воспользовались татары». Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 222.
19. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 24.
20. Он же. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII - первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X - нач. XX в. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 36-39.
21. ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 436.
22. Кучкин В.А. Русь под игом... С. 24.
23. Каргалов В.В. Указ. соч. С. 198-199.
24. «Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987. С. 184-185.
25. Алания приняла христианство чуть раньше Руси – в начале X в. См.: Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник. Т. 5. Вып. 1-2. Спб., 1898. С.10; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 312-315.
26. ПСРЛ. Т. 18. С. 75.
27. Там же. С. 76
28. Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII-XV вв. М., 2010. С. 191.
29. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 35.
30. Там же. Стб. 37.
31. Здесь, правда, следует отметить, что половецкие набеги на русские земли чередовались с русскими набегами на половцев, чего не было в период ордынского владычества.
32. Подробнее о терминах: Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление despотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54-55.
33. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000. С. 207.
34. Только в одном из ранних памятников, описывающих события первых десятилетий после нашествия — в южнорусской Ипатьевской летописи – содержится указание на то, что честь татарская «злее зла» («О злее зла честь Татарская!» — восклицает составитель летописного рассказа о поездке Даниила Романовича Галицкого в Орду). И все потому, что платой за эту «честь» является беспрекословное подчинение. Князь Даниил Романович, — поясняет свою мысль летописец, — раньше «бывшу великим, обладавшю Русскою землю, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си инеми странами», ныне же «седить на колену и холопомъ называется, и дани хотять, и живота не чает, и грозы приходять» (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908 (репринт – М., 1998). Стб. 807). Впрочем, судя по всему, данная оценка отражала позицию исключительно южнорусских книжников, ориентировавшихся, в данном случае, на позицию того же Даниила Галицкого, который в 40-х гг. XIII в. пытался освободиться от ордынской зависимости при помощи католического Рима (Кучкин В.А. Монголо-татарское иго... С. 20). Книжники же Северо-Восточной Руси, князья которой больше других контактировали с татарами, но при этом (по крайней мере, до конца XIV в.) не пытались бороться с ними, по поводу «чести татарской» попросту не рефлектировали. По крайней мере, критических размышлений летописцев этого региона Руси о сущности «чести татарской» до нас не дошло.
35. См. подробнее: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 87.

■ 2012 – Год российской истории

36. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.
37. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 118, 131.
38. Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 282.
39. Горский А.А. Москва и Орда... С. 89. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2009. С. 117-119.
40. ПСРЛ. Т. 18. С. 88
41. Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 19.
42. Горский А.А. Москва и Орда.... С. 88-89.
43. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143-144. См.: Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 207-208; Рудаков В.Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 17-27.
44. Он же. Монголо-татары... С. 164-173.
45. ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 534.
46. Там же. С. 532.
47. Трапавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 5-6.
48. См.: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 94, 98 (номера страниц второй пагинации).
49. Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних прологовых сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 23-25.
50. Судя по всему, двояким было и восприятие половцев: наряду с «книжным» — резко негативным, существовало и «обыденное», вполне нейтральное восприятие. См. подробнее: Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 691-711.
51. См. напр.: «Житие Федора Ярославского» и «Повесть о Петре - царевиче ордынском». ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. СПб., 1908. С. 308-310; ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 20-37.
52. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1949. С. 268, 497. См. также письмо к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «У нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставили нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианство было спасено». Там же. Т. 16. М., 1949. С. 171-173, 392-393.
53. Как писал С.Л. Франк, Пушкин «считает главной причиной относительной отсталости русской культуры татарское иго, которое отделило Россию от судеб Европы». «Татарское нашествие и вызванное им обособление России от Запада он рассматривает в перспективе всемирной истории и с этой точки зрения видит в них особое служение России задачам европейско-христианской культуры» (разрядка С.Л. Франка). См.: Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 279, 286.
54. Впрочем, говорить о наличии какой-то целостной традиции в данном случае все-таки не приходится: такие крупные представители русской дореволюционной историографии, как, например, С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров, понятие «иго» вообще не использовали.
55. Работа была написана в 1856-1857 гг., однако впервые полностью ее опубликовала дочь Маркса — Элеонора Маркс-Эвелинг в Лондоне в 1899 г. под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century». Первое издание на русском языке см.: Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // ВИ. 1989. № 1-4.
56. Там же. № 4. С. 5.
57. О том, что идеи Маркса стали отправной точкой исследования, А.Н. Насонов сообщил во введении к своей книге. См.: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 215.
58. ВИ. 1989. № 4. С. 5. Как разъяснили публикаторы Маркса, в этом месте он «проводит параллель между действиями монгольских завоевателей XIII-XIV вв. и политикой правящих классов Англии и Италии». По их мнению, описывая историю России, Маркс опирался, прежде всего, на уже устаревшую в его время работу Ф. Сегюра «История России и Петра Великого». Подробнее см.: ВИ. 1989. № 1. С. 7-9.

Западные служилые иноzemцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена изучению вопроса использования различных западных специалистов на русской службе в XVI в. Автор выясняет: в каких областях и какие иностранные специалисты использовались в России при Иване IV, в чем состояли причины обращения к западноевропейским специалистам, каковы были итоги и значение данного явления? В статье рассматриваются также происходившие на протяжении полутора сотен лет изменения в положении выходцев из Западной Европы.

Сравнивая сочинения иностранцев конца XV – первой четверти XVI в. («Записки» Кантарини и Герберштейна) с книгами, авторы которых побывали в России во второй половине XVI столетия («Записки» Штадена, Горсея, Принца фон Бухова, Флетчера, Ченслора, Адамса, Дженкинсона, Фоскарине, Хернера, Тедальди, Берберини), можно увидеть те перемены, которые случились со служилыми иноzemцами в России за XVI в.¹.

Горсей оставил ряд книг о России конца XVI столетия («Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея», «Путешествия сэра Джерома Горсея»). Самой ценной для историка является последняя из названных книг, она же – самая объемная. Что касается автора, то это был энергичный и смелый человек, достаточно вспомнить, что он побывал в России четыре раза в период с 1573 по 1591 г. Приезжал Горсей в Россию в качестве агента Английской (Лондонской) Московской торговой компании. В 1587 г. он сумел добиться для британских купцов крупных при-

вилегий, используя свои добрые связи с Борисом Годуновым и другими боярами. В том же 1587 г. Горсей исполнил роль посла царя Федора Ивановича к английской королеве Елизавете.

Сэр Джером был хорошо образован и обладал безусловным лингвистическим талантом. Он не только быстро освоил русский язык, но и констатировал его родство с другими индоевропейскими языками, причем не только славянскими². Горсей утверждал, что читал некие «хроники», написанные и хранимые «в секрете» главой Боярской думы Иваном Федоровичем Мстиславским; из бесед с этим боярином, по словам Горсея, он почерпнул многие сведения о прошлом России и о царствовании Ивана Грозного³. Горсей был очень наблюдательным человеком, хотя и не лишенным желания прихвастинуть.

Даниил Принц фон Бухов (Бухай) посетил Россию дважды. В 1575–1576 гг. он вместе с И. Кобенцелем возглавлял посольство императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана II, а в 1578 г. представлял имперские интересы в Москве уже единолично. Свои

Черникова Татьяна Васильевна – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ 2012 – Год российской истории

наблюдения о России Принц фон Бухов (Бухау) изложил в книге «Начало и возвышение Московии».

Посол английской королевы к русскому царю Федору Джильс Флетчер приехал в Москву в конце 1588 г. и пробыл здесь не более 6–7 месяцев, что, впрочем, не помешало ему написать очень ценное для историка (особенно по вопросам русских финансов) сочинение «On the Russian Common Wealth». На родине эту книгу ждала непростая судьба: Англия была заинтересована в торговле с Россией, и правительство приказывало скречь весь тираж 1591 г., усмотрев в труде Флетчера много рассуждений, оскорбительных для Московии, по мнению английских властей. Второе издание увидело свет в 1656 г., а русский перевод книги («О государстве русском») появился только в 1906 г.

Англичанин Ричард Ченслор, открывший северный морской путь в Россию, был в Москве дважды в 1553–1554 гг., стал одним из основателей Английской (Лондонской) Московской торговой компании. Свое сочинение «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московскому...» написал с целью привлечения внимания англичан к выгодам торговли с Россией. Климент Адамс был сотоварищем Ченслора по экспедиции к Белому морю. Антоний Дженкинсон, член Английской (Лондонской) Московской компании и посол королевы Елизаветы, посещал Россию несколько раз, начиная с 1557 г., успешно улаживая торговые и политические трения, возникавшие в русско-британских отношениях. Ливонец Томас Хернер посетил Москву в преддверии Ливонской войны в 1557 г., являясь членом посольства ордена к Ивану IV. Итальянец Джiovanni Тедальди бывал в России несколько раз в 1550–1560-х гг., а его соотечественник Рафаэль Берберини один раз в 1565 г. с целью получения торговых привилегий.

Кроме названных источников, вспомогательное значение имеют книги иностранцев, которые сами в России XVI в. не были, а писали, обобщая сведения других авторов, но также, что особенно важно, собирали устные свидетельства разных людей – купцов, дипломатов, военных, побывавших в Московии. Таковы сочинения С. Нейгебауера, немецкого купца, сенатора из Данцига, итальянца А. Кампензе, составившего справку о России для папы Климента VII, венецианского посла Ф. Тьеполо и др.

Изменение положения западноевропейцев на русской службе в течение XVI столетия

Итак, какие же «новизны» в положении служилых иноземных военных случились во второй половине XVI в.? Во-первых, мы видим куда более разнообразный национальный состав наемников: выходцы из различных западноевропейских земель и Речи Посполитой потеснили «французов». Штаден, говоря о России 1560–1570-х гг., подчеркивал: «Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы». Принц фон Бухов, в 1570-х интересовавшийся только своими соотечественниками на русской службе, отмечал особое пристрастие царя Ивана Грозного к наем-

никам – выходцам из Германии. По версии фон Бухова, собираясь на войну, Иван IV «особенно много заботился о ... наборе» «немецких воинов» и не щадил на это «никаких издержек»⁴.

Гордей в конце XVI в. дополнил список иностранных наемников поляками, шведами, голландцами и шотландцами. А Джильс Флетчер вдобавок к этим «немцам» нашел в Москве еще наемников из греков и турок, а также «черкас, подвластных полякам», которых он порой и называет «поляками»⁵. Черкасами в России называли украинских казаков и часто, сомневаясь в чистоте их православия, относили к «полякам». Так что путаница Флетчера с терминами «черкас»/«поляк» отражает русское употребление данных понятий, которые относились не столько к этнической, сколько к конфессиональной сфере. Всего, по Флетчеру, в 1588 г. в России насчитывалось 4300 иностранных наемников («поляков» – около 4000, из которых 3500 стояли по различным русским крепостям; голландцев и шотландцев – 150; сводный отряд в 100 человек из шведов, датчан, греков и турок)⁶.

Вторым новшеством можно считать расширение сферы применения иностранных наемников. Иван Грозный, как его дед и отец, продолжил приглашать «из Германии и Италии инженеров и литейщиков, пушкарей, при помощи которых укрепил по-итальянски Кассан (Казань), Чатракан (Астрахань) и другие места, а также отлил большое число пушек. В Москве (Москве) есть длинный ряд мастерских, где делают аркебузы в большом количестве» (сообщение венецианца Тьеполо)⁷. Записки Штадена тоже свидетельствуют: «Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки»⁸.

Посол императора Максимилиана II Габсбурга Иоганн Перштейн сообщал, что в 1575 г. Иван Грозный имел в «четырех местах своего государства ... до двух тысяч пушек и множество других орудий, из коих некоторые (очевидно, осадные орудия для метания больших каменных глыб. – Прим. авт.) изумительно длинны и столь широки и высоки, что самого высокого роста человек, входя в дуло с надлежащим зарядом, не достает головою до верха...»⁹.

Мощь русского снаряда, отлитого и обслуживаемого во многом служилыми «немцами», была хорошо известна на Западе, как и то, что многие победы Московского государства одержаны именно благодаря умелому применению артиллерии. Один анонимный итальянский автор XVI в., объясняя причины быстрого взятия Полоцка русским войском в 1563 г., заключил, что успех был достигнут благодаря английскому и германскому пушкарям, которые мощным огнем зажгли город и принудили его к капитуляции¹⁰.

В середине и второй половине XVI в. в России появилась иностранная наемная конница, возможно тяжелая – рейтары, состоящие из «немцев» и, очевидно, из «поляков». Причем в 1558 г., в начале Ливонской войны, количество западных кавалеристов было большим, чем то, которое Флетчер

привел для «мирного» 1588 г. Из «Рассуждения о Московии» венецианца Марко Фоскарино следует, что в 1557 г. Россия обладала 3 тысячами тяжеловооруженных «немецких» кавалеристов. Их итальянец видел на смотре. Еще там было много явно русских воинов: 10 тысяч легкой конницы и «20 тысяч конных стрелков на саксонский образец, они называются по-нашему «феранхи»; причем из них особенно выделяются стрелки из мушкетов, которых хочется обозвать убийцами»¹¹.

Сочинение Горсея содержит рассказ о подвигах иностранных рейтаров, набранных из пленных, захваченных русскими в ходе Ливонской войны¹². Среди пленных «немцев» обнаружились «лифляндцы, французы, шотландцы, голландцы и небольшое число англичан». Все они прежде служили наемниками в шведской армии, причем некоторые перешли туда из датской армии. В боях с русскими шведская армия понесла серьезные потери. Так, из семисот шотландских солдат и офицеров, присланных в Ливонию из Стокгольма, по данным Горсея, выжили только 85 человек, и те оказались в пленау. «В самом жалком положении» они вместе с тремя англичанами обретались под Москвой. Здесь же находилась и большая часть других пленников: шведов, лифляндцев, французов, поляков, голландцев.

Джером Горсей, фактор Английской (Лондонской) Московской торговой компании, а следовательно, и официальный представитель королевы Елизаветы, был вхож в царский дворец и принял активное участие в судьбе своих соотечественников и 85 шотландцев. Горсей предложил Ивану Грозному принять их на службу, расписал их военные достоинства, объяснив, что шотландцы «представляли целую нацию странствующих искателей приключений, наемников на военную службу, готовых служить любому государю-христианину за содержание и жалование». Русский царь воспользовался советом англичанина, причем, судя по всему, принял на службу не только шотландцев и англичан, но и прочих западных пленников.

«Немцев» «вооружили... мечами, ружьями и пистолями», поселили в Немецкой слободе, дали лошадей, жалование, ежедневный «корм» и фураж для коней. Вся эта служилая иноземная братия была сведена в 12 конных сотен. Каждая сотня комплектовалась по национальному признаку и имела командира той же нации, что и его воины. Шотландцев возглавил «добрестный воин и благородный человек» Джими Лингет. Горсей упоминает еще один небольшой (человек в десять) отряд шотландцев и шведов, которые добровольно перебежали в Россию из шведской армии. Горсей замолвил свое слово и за этих ребят, ссудил им 300 талеров¹³, на которые те купили достойное платье, пистоли, мечи, и приобрели вид весьма воинственный и бравый.

На русской службе этих «немцев» возглавил «храбрый шотландский капитан» Габриэль Эллингстоун. Горсей сообщил также о 1200 «благородных» поляков-конников на русской службе. Вскоре все иностранные кавалеристы проявили

себя на крымской границе. Татары, по словам Горсея, были «напуганы до смерти... и кричали: «Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими «паффами»»¹⁴.

Горсей отмечал, что западные рейтары составляют небольшую часть в стотысячной русской коннице. Однако он подчеркивал более высокую, чем у русских дворян, боеспособность иностранной кавалерии. Джером Горсей решил, что успех немцев-кавалеристов связан с тем, что татары впервые встретились с огнестрельным оружием. Однако этого не могло быть, так как русские применяли огнестрельное оружие против татар еще со времен стояния на Угре (1480). Скорее дело было в особой незнакомой татарам и русским рейтарской тактике конных «московских немцев» в сочетании с применением ими огнестрельного оружия. Русские служилые люди по отечству (дети боярские), как и татары, предпочитали в конном бою по-прежнему холодное оружие. В итоге при первых же случаях столкновения крымской конницы с находившимися на службе в Москве западными рейтарами последние ярко продемонстрировали свое превосходство.

Русские власти ценили «немцев»-конников выше «немцев»-пехотинцев. Кавалерийское искусство требовало большей подготовки, чем пехотный строй. Московские власти платили западным кавалеристам жалованье большее, чем «немцам»-пехотинцам, выдавали конникам особое денежное пособие при обзаведении двором, а некоторым иностранцам-конникам выделяли даже поместья.

Выделение западным всадникам земельной собственности в России, наподобие земельных окладов русских служилых людей, явилось третьим новшеством в положении иноземцев. О наделении иностранцев поместьями сообщают и русские источники. В житии св. Даниила Переяславского есть сюжет о борьбе инока Даниила, желавшего основать монастырь, с соседним помещиком-«немцем» Иоанном и его «свирепой вельми» женой Натальей. (Поскольку речь идет о временах Василия III, уж не пушкарь ли Иоанн Иордан перед нами?) «Немец»-помещик атаковал подвижника, опасаясь, как бы монастырь не захватил его земли¹⁵.

Из отечественных и ливонских документов известно, что имел поместье и выехавший из Рима на службу к Василию III зодчий Петр Фрязин. Этот итальянец принял православие и завел семью в Москве¹⁶. В 1524 г. «немец» Наум Кобель с товарищами били челом государю, что нашли в Двинском уезде соляные ключи. Вокруг располагалась необжитая местность, стоял лес. Василий III дал иностранцам право чистить ключи, рубить лес, ставить дворы, заводить пашню и зазывать к себе людей, «нетяглых и неписьменных..., добрых и не ябедников, не воров и не разбойников, которые из городов и волостей выбиты»¹⁷.

Если в начале XVI в. наделение поместьем было редким исключением, то при Иване Грозном оно стало частым явлением. Генрих Штаден описывает поместья иностранцев в 100, 200, 300

■ 2012 – Год российской истории

и 400 четвертей (то есть примерно от 50 до 200 га земли). Однако после получения права на поместье «приискивать» себе землю служилый иноземец вынужден был сам, расспрашивая «там и здесь» или разыскивая вдов-помещиц, «Вдове оставалось небольшое прожиточное поместье, а из остальной земли «иноземцу отделялось по книгам по его указанию»¹⁸. «Озимое он получает в земле, а для покупки семян на яровое ему дают деньги».

Кормовые деньги, выплачиваемые обычным (безземельным) иностранцам-наемникам, «немец»–помещик прекращал получать с первым урожаем. Кроме того, русское законодательство конца XVI – начала XVII в. выработало нормы, запрещающие переход поместья служилого иностранца к русским владельцам¹⁹. Но, несмотря на такую заботу центральных властей, вести помещичье хозяйство «немцу» было непросто. Штаден указывал, что русские помещики и их приказчики сманивали крестьян иноземного коллеги в Юрьев день. Местные власти («фогты русских бояр» – возможно, имеются в виду губные старости или речь идет о волостелях до 1556 г.) стремились обременить крестьян «немца»–помещика большим тяглом в пользу государства, что тоже вело к тому, что «поместье иноземца пустело в день св. Юрия». Зная эту практику, центральные власти разрешили иноземцу, по версии Штадена, просить новое поместье трижды. Правда, к концу царствования Ивана Грозного Генрих Штаден констатировал: «Теперь же с великим трудом, и то однажды, иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела»²⁰.

Четвертым новшеством в положении иноземцев в России можно считать заведение в середине XVI в. новых немецких поселений в Москве и за ее пределами. В годы пребывания Штадена в России (1564–1576) служилые иноземцы уже не умещались в одной слободе, поэтому в четырех милях от столицы для них были построены два поселка: один – севернее Москвы, другой – на Язу на Болванке. «По другую сторону Язы на Болвановке живут все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского хана»²¹. Возможно, о них сообщает в 1560-х гг. и венецианец Франческо Тьеполо, явно завышая численность данного контингента (сам Тьеполо в России никогда не был). «Пользуется он (Иван Грозный) и иностранными солдатами, а больше всего пехотинцами-немцами. Он разрешил им построить для жительства довольно большой деревянный город, недалеко от Москви (Москвы), который дает ему более восьми тысяч аркебузьеров»²².

В северной слободе жили «немецкие стрелки и русские стрельцы»²³. Мы знаем, что в 1550-х гг. правительство Избранной рады провело крупную военную реформу, суть которой состояла в создании многочисленной русской полурегулярной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Только в Москве располагалось 10 стрелецких полков (около 10 тыс. человек). Еще более десятка стрелецких полков стояли в различных русских городах.

Очевидно, совместное проживание немецких и русских пехотинцев объяснялось необходимостью научить набранных из тяглых сословий стрельцов (русских служилых людей по прибору) обращению с пищалью и навыкам западноевропейского огнестрельного боя.

На московском смотре 1557 г. Фоскарино видел «30 тысяч стрельцов по образцу швейцарских, которые постоянно обучаются военному делу;... освобождены от налогов и пользуются большой властью над другими»²⁴. Франческо Тьеполо, венецианский дипломат, сам в России не бывавший, но писавший, обобщая литературу о Московии и опираясь на информацию людей, посетивших Россию, сравнивая обученность и вооруженность русского войска времен Василия III с конниками и пехотинцами его сына Ивана IV Грозного, назвал первых «неопытными и плохо вооруженными», а вторых нашел «в довольно хорошем порядке»²⁵.

«Нынешний герцог, – подчеркивает Тьеполо, – превосходит всех своих предшественников как численностью войска, так и тем, что в мирное время обучает его, а чтобы делать это лучше, он дал у себя приют многим иностранным солдатам и, как сказано выше, предоставил им жилища в своем государстве. Теперь во многих местах, а главным образом в Москве (Москве), при помощи их и других московитов по праздникам обучаются аркебузу (стрельбе из аркебуз) по германским правилам и, став уже весьма опытны, изо дня в день совершаются...»²⁶.

Разница между немецкими стрелками и русскими стрельцами сводилась к тому, что первых было значительно меньше, а стоили они казне значительно дороже. В отличие от наемников-профессионалов, русские стрельцы были полурегулярным войском. Из-за бедности казны государство позволило им заниматься не облагаемыми налогами торговлей и ремеслом, доходы от которых являлись существенным подспорьем к государеву хлебному, оружейному и денежному жалованью стрельцов. В результате невозможно было в условиях войны надолго отрывать стрельцов от их семей и хозяйства. Иностранные наемники в этом плане были мобильнее, а потому и в дальнейшем ценились выше.

Однако вернемся к немецким поселениям. Еще одно компактное немецкое поселение находилось в черте городского посада у речки Неглинной, бывшей некогда границей между опричными и земскими землями в столице. Здесь жила «большая часть немецких торговых людей, которые были вывезены из городов Лифляндии...»²⁷. Как и прежде, везде дворы служилых иноземцев были свободны от податей и повинностей. По данным Штадена, до сожжения Москвы крымскими татарами в 1571 г. немцам давали уже готовые дома в Москве и только после пожара стали селить на Болванке, отмеряя участки размером 40 на 40 сажен. Иноземец строился «как ему угодно». Он мог нанимать русских слуг, однако власти следили, чтобы православные обычай не нарушались и русских, по словам Штадена, не принуждали «есть мясо великим постом, по средам и пятницам».

Пятым новшеством было появление особого правительственного органа, который ведал службой иноземцев – некого Немецкого приказа («Prechase Sbsiuoy Nemshoy»)²⁸. О данном приказе в конце XVI в. сообщает и Джильс Флетчер. Т.А. Лаптева, изучавшая русские источники и архив Иноземского приказа XVII в., утверждает, что отечественные документы впервые упоминают аналогичный орган – «Иноземский приказ» – лишь в 1624 г.²⁹. Очевидно, в ходе Смутного времени старый приказ, ведавший иностранцами, исчез, как и его архив, а при Михаиле Романове произошла его реставрация. Трудно представить себе управление многочисленными служилыми иноземцами к середине XVI столетия без специального органа. Ведь только элита «немцев», приглашенная во дворец на пиры с царем, составляла несколько сотен человек. Так, на царском пиру 4 января 1558 г. по случаю праздника Крещения английский посол А. Дженкинсон насчитал «свыше 300 иностранцев»³⁰.

Шестым новшеством можно считать изменение к концу XVI в. круга «элитарных иноземцев». Место книжников-греков и «фрязей» (архитекторов, инженеров, артиллеристов-литейщиков) заняли приближенные ко двору «немцы». Среди них следует выделить три категории:

- высокопоставленные военные, преимущественно из ливонских немцев, шотландцев и скандинавов;
- придворные врачи, часто игравшие роль тайных советников;
- богатые купцы-«корабельщики», преимущественно выходцы из Англии и Нидерландов, ведущие морскую торговлю своих стран с Москвией.

Придворные врачи XVI в.

Как мы уже не раз подчеркивали, европеизация России второй половины XV – XVI в. была поверхностной: заимствовался готовый опыт. Посредниками в освоении его Москвой выступали не только военные, инженеры и зодчие, но и медики. Причем роль последних не сводилась к знакомству россиян с методами европейского врачевания. Их роль была значительно шире, ибо царские врачи (а именно в качестве царских лейб-медиков появились в России первые европейские доктора) являлись доверенными лицами и даже советниками московских государей по многим вопросам.

Круг придворных врачей был очень узок. Профессия таила как много возможностей, так много и опасностей (вспомним судьбу казненных врачей Ивана III – Леона и Антона). Но благодаря своей близости к монарху придворные западные доктора могли влиять на государственную политику и даже пытаться менять ее в свете своих убеждений или выгод.

Первым из влиятельных лейб-медиков стал врач Василий III Николай Булев. Как и многие из докторов, служивших европейским монархам, Булев совмещал в своей деятельности разные функции. Он выступал и алхимиком, и астрологом, и тайным советником, а к тому же активно пропове-

довал унию церквей³¹. При Иване IV Грозном было уже два влиятельных медика – Елисей Бомель (Бомелий) и Иоганн Эйлоф. Определенным влиянием обладал и Роберт Якоби, присланный английской королевой. Вестфальский немец Бомелий, выпускник Кембриджского университета, еще в Лондоне получил известность своим пристрастием к астрологии, мистике и алхимическим опытам. Все это он с успехом продолжил в России, где «жил в большой милости у царя и в пышности»³².

Скопленные в России богатства он пересыпал через Англию на родину в вестфальский город Везель. Это был один из самых ненавистных для русских западный царский любимец. Пискаревский летописец называет его «лютый волхв» и приписывает его внушению самые дурные инициативы царя: «...множества роду боярского взусти убить цареви, последи самого приведе наконец же бежати в Английскую землю и тамо женитися, а свои былое бояре оставшие побити»³³.

Не любили Бомелия и в немецком сообществе. Горсей определял его как «лживого колдуна», «человека порочного, виновника многих несчастий». Царь же Иван Грозный обсуждал с ним самые важные политические дела, что в конце концов и спустило Бомелия. 1579 г. был решающим в Ливонской войне. России пришлось противостоять и Речи Посполитой, и Швеции. Шведский генерал Горн подошел к Нарве. Стефан Баторий, утвердившись на польском престоле, двинулся в решительный поход к Полоцку. Царь с сыновьями в окружении значительного войска стоял в Пскове. Опытный воевода Иван Федорович Мстиславский предлагал Ивану Грозному скорее выступать к Полоцку. Судя по всему, царь проигнорировал совет русского боярина, а послушался немца Елисея Бомелия.

Русская летопись сообщает: «...и не велел ему против короля идти немчин доктор Елисей – норовил литовскому королю»³⁴. Царь не пошел ни к Нарве, ни к Полоцку. В итоге Нарва в тот раз успешно отбилась сама, а Полоцк вместе с городом Соколом был сдан неприятелю, что привело царя Ивана в бешенство. Верный своей привычке возлагать вину на других, царь исколотил палкой Мстиславского, сказав: ты хотел «подвергнуть крайней опасности моих сыновей», а Бомелия, как «изменника», подверг мучительным пыткам³⁵.

Лейб-медик Елисей Бомелий закончил свой путь скверно. По версии Джерома Горселя, Иван Грозный заподозрил своего прежнего любимца в шифрованной переписке с королями Польши и Швеции. Записки Горселя содержат рассказ о последних часах жизни лекаря-немца. «Бомелиус все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему с помощью его доброжелателей, фаворитов царя, посланных посетить царевича Ивана, занятого пыткой Бомелия. Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело истерзаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы узнал царь. Царь послал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили

■ 2012 – Год российской истории

из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и повезли в Кремль. Я находился среди многих, прибывавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя бога; затем его бросили в темницу, где он и умер»³⁶.

С Робертом Якоби Иван Грозный обсуждал проект своего брака, ища невесту в Англии. Либо Якоби, либо Бомелий подсказали московскому царю кандидатуру Марии Гастингс, дочери графа Гонтингдона, племянницы королевы Елизаветы по матери. Правда, из-за позиции британской стороны обсуждаемый брак так и не состоялся. Три последних года жизни Грозного (с 1581 по 1584 г.) царским доктором состоял выходец из испанских Нидерландов, фландрец Иоганн Эйлоф. Под его началом страдающий манией преследования русский правитель сам постигал азы астрологии и алхимии. С помощью этих герметических наук Иван Грозный пытался заведомо узнать козни недоброжелателей, увидеть будущее и получить эликсир вечной молодости.

Фактор Английской (Лондонской) Московской торговой компании Джером Горсей утверждал, что в последние годы жизни царь был занят «лишь оборотами солнца», ежедневным рассматриванием в сокровищнице драгоценных камней, о магических свойствах которых он читал целые лекции царевичу Федору и боярам. Также во дворец были собраны «кудесники» и «колдуны» с Севера, «из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией»³⁷.

Горсей связывает особый интерес царя к магии с тем, что в последние дни своей жизни он был убежден, что некие тайные враги уже приступили к его «изведению». Новую волну глухого недовольства подданных Ивана Грозного, по версии Горсея, вызвало обещание, данное Иваном Грозным английскому послу Джерому Баусу (врагу и конкуренту Горсея), что в случае его брака с Марией Гастингс он не только даст Английской Московской компании новые беспрецедентные привилегии, но и закрепит за потомством англичанки «наследование короны».

«Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича (Федора) – семья Годуновых, – сообщал Горсей, – были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения»³⁸. В эти интриги был посвящен и царский доктор Эйлоф, но из туманных намеков Горселя неясно, на стороне царя или на стороне недовольных выступал лейб-медик.

Зато Горсей дает подробное описание спонтанного сеанса черной магии, свидетелем которого он лично оказался. Все происходило в царской сокровищнице в последний день жизни Ивана Грозного. Царь, как обычно, рассматривал свои любимые драгоценные камни, знакомя придворных с их магическими свойствами: «Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку; их природный цвет

ярок, а теперь положите их на мою ладонь. Я отравлен болезнью; вы видите, они показывают свое свойство изменения цвета из чистого в тусклый; они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога с великолепными алмазами... Найдите мне несколько пауков». Царь приказал своему лекарю Иоганну Ейлофу обвести на столе круг; пуская в него пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подыхали. «Слишком поздно, он (жезл) не убережет теперь меня»³⁹. (В другом переводе на русский записок Горсея царь произнес: «Слишком поздно... [ничто] не убережет меня»⁴⁰.) Северные чародеи, по Горсею, еще раньше указали дату смерти – 18 марта 1584 г. В полдень 18 марта царь обещал их «за ложное предсказание» «зарыть или сжечь живьем», а кудесники ответили: «День окончится, только когда сядет солнце»⁴¹.

Горсей заканчивал рассказ о последнем дне жизни государя уклончиво. Царь «в полдень... пересмотрел свое завещание, не думал, впрочем, о смерти, так как его много раз околовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих врачей и аптекарей приготовить все необходимое для его развлечения и ванны... Около третьего часа дня царь вошел в нее..., вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца (Богдана Бельского) и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посыпали за водкой, другие – к аптекарям за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником. Тем временем царь был удушен и окоченел»⁴².

О вольной или невольной причастности лейб-медика Иоганна Эйлофа к смерти Грозного сообщают два иностранных автора. Бывший в начале XVII в. в России француз П. де Лавиль писал, что в заговоре против Ивана Грозного принял участие «придворный медик Жан Нилос («Jean Nilos» – очевидно, французская версия имени Эйлофа)⁴³. Голландец Исаак Масса утверждал, что сам Эйлоф был ни при чем: Богдан Бельский поднес Ивану Грозному «прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд»⁴⁴.

Так или иначе, но слухи о причастности лейб-медика к отравлению царя просочились в город. Оставаться в Москве для фландрца было очень опасно. Пора было бежать, а еще – спасать свои богатства. Иоганн Эйлоф нажил в России немалый капитал, кстати, не столько службой, сколько совмещением ее с морской международной торговлей. Кардинал А. Болоньетти в донесении папе из Люблина от 24 августа 1584 г. назвал Иоганна Эйлофа «очень богатым человеком»⁴⁵. Русские источники подтверждают это определение. В 1582 г. датские военные корабли совершили рейд к Белому морю с целью взятия под контроль русско-европейской морской торговли по

Северному морскому пути. Было захвачено несколько голландских торговых судов.

Пострадали и компаньоны Иоганна Эйлофа, его зять (имя неизвестно) и сын Даниэль. Датчане захватили их в плен вместе с принадлежавшим Эйлофам кораблем с товарами, который шел из России в Голландию. Пленников датчане позже вернули, но ущерб не компенсировали. Свои потери Эйлофы оценили в огромную по тем временам сумму – 25 тысяч рублей. (Для сравнения: обычная лошадь в России стоила 1–2 рубля.) Но, как мы видели, несмотря на такие издержки, двумя годами позже фланандский врач оставался по-прежнему «очень богатым человеком». Еще большей удачей Эйлофа было то, что после смерти Ивана Грозного российские власти позволили ему благополучно покинуть Москвию.

Однако напрасно видеть жизнь царского любимица в розовом свете. Иоганну Эйлофу удалось уехать, но он навсегда расстался с родными, удержанными в России. Эйлоф покинул Москву летом 1584 г. Сына Иоганна Эйлофа – Даниэля⁴⁶ – не тронули, что свидетельствовало о том, что врач-фламандец не бежал, а именно воспользовался разрешением на отъезд. Однако Даниэль Эйлоф, по мнению В.И. Корецкого⁴⁷, стал заложником молчания отца, безусловно, знавшего истину о смерти Ивана IV. В целом стоит признать, что Иоганну Эйлофу повезло, раз он живым выехал из России. На его же примере можно заметить, что обычное нежелание русских властей выпускать из страны столь осведомленных высокопоставленных иноземцев было оправданным.

Иоганн Эйлоф, к примеру, часто делился информацией о придворной жизни с другими иностранцами. Откуда у британского фактора Горсея взялась секретная информация о том, что в последние месяцы жизни у царя опухли гениталии? Законно предположить, что об этой интимной подробности ему мог рассказать только царский доктор. Уже после смерти Ивана IV, в июле 1584 г., еще будучи в Москве, Иоганн Эйлоф передавал какие-то сведения послу Речи Посполитой в России Льву Сапеге, а находясь в Инфлянтах (ливонских землях, подчиненных Речи Посполитой), информировал о политической ситуации в России виленского епископа Е. Радзивилла.

Т.А. Опарина предполагает, что «двойную игру» придворный лекарь вел и при жизни Ивана Грозного, в частности в 1582 г. во время визита в Россию папского посла иезуита Антонио Поссевино⁴⁸, выступившего посредником в переговорах о завершении Ливонской войны. Именно Иоганн Эйлоф мог поведать посланцу Ватикана подробности трагической гибели царевича Ивана, у постели которого он, как придворный доктор, находился до последнего вздоха. Историки, впрочем, должны быть благодарны «разговорчивому» врачу. Благодаря свидетельству Поссевино до нас дошла достаточно правдоподобная версия гибели царевича: бытоваяссора из-за очередной грубости царя по отношению к беременной невестке – Елене (Шереметевой), третьей жене царевича Ивана, закончилась трагической случайностью – ударом отцовского посоха в висок сына. Русские источники, особенно фольклорные, склонны винить Ивана Грозного в произвольном убийстве

наследника из зависти к популярности сына в народе или подозрения в измене (подготовке переворота).

При всей склонности к «двойной игре» лейб-медика Эйлофа, когда речь заходила о вере, он выступал истинным протестантом. Когда Антонию Поссевино заговорил с царем о необходимости сближения православной и католической церквей, Эйлоф стал резко обличать католицизм. Поссевино называл Эйлофа «анабаптистом», что в устах папского легата было равносильно самому страшному ругательству, обозначавшему представителей наиболее радикальных течений протестантизма. «Некие англичане, целиком погрязшие в ереси, и голландский врач, анабаптист, – писал Поссевино, – наговорили государю много плохого о великом первосвященнике»⁴⁹.

В другом месте иезуит заметил: «...еретики английские купцы... передали книгу, в которой папу именуют антихристом»⁵⁰. «По мнению итальянского исследователя Чезаре де Микелиса, в антикатолическом произведении Ивана Грозного, созданном после диспута с Антонио Поссевино, прослеживается влияние памфлета швейцарского кальвиниста Дю Розье. Чезаре де Микелис предполагает получение русскими текста Дю Розье во время посольства Истомы Шеврыгина. А.А. Севастьянова видит посредничество в передаче царю данной книги британских коммерсантов, в том числе Джерома Горсея»⁵¹.

В пользу этой версии говорит то, что Горсей кратко, но четко перечислил в своих записках аргументы царя против латинства: «Царь резко отклонял и отвергал учение папы, рассматривая его как самое ошибочное из существующих в христианском мире; оно утождает властолюбию папы, выдумано с целью сохранить его единоначество, никем не дозволенное, сам царь изумлен тем, что отдельные христианские государи признают его верховенство, приоритет церковной власти над светской. Все это, только более пространно, он приказал изложить своим митрополитам, архиепископам и епископам, архимандритам и игуменам, папскому нунчию Антонию Поссевино...»⁵²

Однако «антипапизм» Ивана Грозного происходил отнюдь не из влияния «немцев»-протестантов. Все западные авторы XV–XVI вв. подчеркивали негативное отношение русских к католической церкви как стойкую национально-религиозную традицию. Примечателен здесь баснословный рассказ об Иване I из сочинения Джильса Флетчера, но он интересен трактовкой событий. «Город (Москва) значительно распространен Иваном или Иоанном, сыном Даниила, который первый присвоил себе вместо княжеского титула титул короля. Преемники его, однако ж, не именовались так оттого, что титул короля он получил в 1246 г. от папского легата. Папою в то время был Иннокентий IV, что весьма не понравилось русским, которые принадлежат к Церкви восточной или греческой...»⁵³ (Флетчер явно перепутал московского князя Ивана Даниловича Калиту с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем, действительно получившим корону от Иннокентия IV).

При Иване IV большинство служилых иноземцев являлись протестантами. Но было бы ошибкой видеть в этом симпатию русской центральной власти

■ 2012 – Год российской истории

к протестантизму. Реформаторские течения на Руси признавались такой же, если не большей, ересью. Разрешение «московским немцам»-протестантам построить церкви и долгий запрет на это для католиков объяснялся тем, что в протестантизме Русское государство и церковь видели менее опасного врага. Возможно, интуитивно русское средневековое государство и церковь уловили невозможность распространения в среде российского населения религиозных идей, порожденных модернизацией духовной жизни на Западе. Аналогичных процессов, как и любых иных модернизационных процессов, Россия XV–XVI вв. не знала.

В Россию «немцев» пустили за профессиональные качества. Их вероисповедание играло второстепенную роль. Пастор П. Одерборн в своем трактате 1585 г. утверждал: «Грозный был веротерпим. Только евреев он ненавидел: по его мнению, нельзя было верить людям, предавшим Христа»⁵⁴. Конечно, «веротерпимость» Ивана IV – понятие весьма условное. В отличие от привычки русского православного духовенства склоняться от публичных диспутов о вере с католическими и протестантскими миссионерами, грозный царь был не прочь вступить с ними в открытую полемику. Мы упоминали дискуссию с иезуитом Поссевино, а ранее, 10 мая 1570 г., во время пребывания в Москве польского посольства Яна Кротовского, состоялся диспут о вере царя с протестантским проповедником Яном Ракитой.

Ян происходил из моравских братьев, значился в свите Кротовского, тоже протестанта. После диспута (18 июня) Яну Раките послали сочинение царя с резкой критикой реформаторских воззрений⁵⁵. Судя по тому, что и иностранные, и отечественные источники донесли до нас подробный рассказ об этих событиях, диспут произвел на современников большое впечатление⁵⁶. Правда, для Немецкой слободы диспут повлек печальный итог. Царь посчитал возможным на сей раз не мешать толпе, вдохновленной православными священнослужителями, разгромить

в Москве множество дворов иностранцев и снести две лютеранские кирхи.

Подводя итог разговору о служилых европейских специалистах в России XVI в., стоит заметить, что по сравнению с концом XV – началом XVI в., в эпоху Ивана Грозного в их положении произошли значительные изменения. Расширился как круг нанятых на русскую службу европейцев, как и перечень их профессий. Россия получила новые подтверждения эффективности западных военно-технических «новшеств», придворный круг, и прежде всего царская семья, активно использовал западноевропейских медиков. Последние оказывали неформальное влияние также на многие вопросы из области внутренней и внешней политики. При посредничестве западных лейб-медиков высшая власть была не прочь прикоснуться к некоторым научным исканиям Запада.

Хотя стоит признать, что из «отвлеченных», не связанных с военными или техническими областями западных «наук» Ивана Грозного привлекла лишь астрология и алхимия, оказавшиеся скорее псевдонауками. Россия напряженно наблюдала за борьбой реформации и католицизма на Западе, но сохранила традиционно враждебное отношение к западным «ересям». Это, впрочем, не мешало центральной власти проявлять значительную толерантность к находящимся на русской службе иностранцам, особенно к протестантам.

Tchernikova T.V. Western Foreigners on the Russian Service and Royal Doctors in the Time of Ivan the Terrible.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the use of different western experts on the Russian service in the XVI century. The author tries to find out in what areas and what kind of foreign experts were used in Russia at the times of Ivan IV; what were the reasons for the use of the Western European experts as well as results and significance of this phenomenon. Changes in the position of immigrants from the Western Europe during one and a half centuries are also examined.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVI вв., иностранцы на русской службе, заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, «Записки» иностранцев о России, придворные врачи.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, foreigners on the Russian service, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, «Notes» of foreigners about Russia, royal doctors.

Примечания

1. Скobelkin O.B. Иностранные известия об иноземцах в русском войске в XVI веке // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 15-20.
2. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранные о древней Москве. Москва XV-XVII веков. С. 97.
3. Там же. С. 98.
4. Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 31.
5. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 64.
6. Скobelkin O.B. Указ. соч. С. 27.
7. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранные о древней Москве. М., 1997. С. 64.
8. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранные о древней Москве. М., 1991. С. 72.
9. Донесение о Московии Иоганна Пернштейна, посла императора Максимилиана II при московском дворе в 1575 году // Иностранные о древней Москве. М., 1991. С. 80.

10. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 330.
11. Фоскарино М. «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранныцы о древней Москве. М., 1997. С. 56.
12. Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 69-72.
13. Талер – в России «ефимок», широко распространенная в Западной Европе серебряная монета, германский ее вариант – рейхсталер. В зависимости от страны чеканки эта монета имела различный вес, но должна была весить более 15 г.
14. Горсей. Указ. соч. С. 70-71.
15. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 373.
16. Там же. Кн. 3. Т. 6. С. 440.
17. Там же. С. 301-302, 304.
18. Скobelkin O.B. Указ. соч. С. 18.
19. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 77-79.
20. Там же. С. 19.
21. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 68.
22. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранныцы о древней Москве. М., 1997. С. 63.
23. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 68.
24. Фоскарино М. «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранныцы о древней Москве. М., 1997. С. 56.
25. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранныцы о древней Москве. М., 1997. С. 63.
26. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранныцы о древней Москве. М., 1997. С. 64.
27. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 68.
28. Флетчер Д. Указ. соч. С. 47.
29. Лаптева Т.А. Документы иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 112.
30. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 45.
31. Зимин А.А. Доктор Николай Булавин – публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 61-78.
32. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 114.
33. Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М.. 1986. С. 58.
34. Там же. С. 58.
35. Там же. С. 58.
36. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 113-114.
37. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 119.
38. Там же.
39. Там же. С. 120.
40. Горсей Дж. Записки о России – начала века / Пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 204.
41. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 121.
42. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранныцы о древней Москве. М. 1991. С. 120-121.
43. Русский вестник. 1841. № 3. С. 745. («Jean Nilos» - очевидно, французская версия имени Иоганна Эйлофа; «Johann Eyloff» – версия имени лейб-медика у голландца И. Массы, «Giovanni Ailoff» – у итальянца А. Болоньетти.)
44. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 29.
45. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Спб. 1842. Т.2. С. 7.
46. В русских источниках упоминается еще и зять И. Эйлофа, следовательно, у придворного врача была еще и дочь, но о ее судьбе ничего не известно.
47. Корецкий В.И. Смерть грозного царя // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 96.
48. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. М., 2007. С. 169.
49. Цитата по: Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. С. 170; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 202, 235.
50. Опарина Т.А. Указ. соч. С. 207; Поссевино А. Указ. соч. С. 203.
51. Опарина Т.А. Указ. соч. С. 169-170.
52. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 124.
53. Флетчер Д. О государстве Русском...// Иностранныцы о древней Москве. М., 1991. С. 132.
54. Полосин И.И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И.И. Социально-экономическая история России XVI - начала XVII в. М., 1963. С. 213.
55. Древнерусские полемические сочинения против протестантов // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 1-80.
56. Цветаев Д. Протестанство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 544-570. Соколов И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв. М., 1880. С. 60-61.

Русская мемуаристика о сражении при Аустерлице

С.П. Рыбаков

Развитие русской мемуаристики, посвященной войнам 1805–1807 гг. и Отечественной войне 1812 г., во многом зависело от изменений общественного интереса к этим событиям, а также от цензурных условий. В кампании 1805 г. император Александр I стал после эпохи Петра I первым из российских правителей, который сам был на войне и пережил разгром союзных войск при Аустерлице (ныне Славков, Чешская Республика). К моменту выхода в свет в конце 1860-х гг. романа Л.Н.Толстого сцены сражений при Шенграбене и Аустерлице не были известны широкому читателю. В статье предпринята попытка анализа мемуаров участников Аустерлица: генералов А.Ф. Ланжерона, А.Х. Эйлера, дипломата А.Чарторыйского.

Российская мемуаристика Наполеоновских войн 1805–1807 гг. включает воспоминания, специально посвященные «Битве трех императоров» при Аустерлице, сражениям при Иене и Ауэрштедте (1806), Прейсиш-Эйлау, Фридланде (февраль 1807 г. и июнь 1807 г.). Развитие отечественной мемуаристики во многом зависело от изменений общественного интереса к войнам 1805–1807 гг. и кампании 1812 г., а также от цензурных условий.

Мемуарная литература об участии России в Наполеоновских войнах 1805–1807 гг. значительно запаздывала по сравнению с аналогичной литературой об Отечественной войне 1812 г. В предлагаемой статье предпринята попытка источниковедческого анализа полузабытых или малоизвестных мемуаров непосредственных участников Аустерлица. Это записки графа А.Ф. Ланжерона, генерала А.Х. Эйлера, дипломата, участника Аустерлица А.Чарторыйского. В качестве откликов на события 1805 г. внутри российского общества использованы дневники драматурга, литератора С.П. Жихарева.

Граф, генерал от инfanterии Александр Федорович Ланжерон (1763–1831) происходил из аристократического французского рода. 7 мая 1790 г. он из полковников французской армии был принят на российскую службу в том же чине и определен в

Сибирский гренадерский полк. В 1790 г. отличился при штурме Измаила. По велению императрицы Екатерины II в составе австрийских войск воевал против революционной Франции. 22 мая 1797 г. был произведен в генерал-майоры, 25 октября 1798 г. – пожалован в генерал-лейтенанты. С мая 1799 г. по апрель 1806 г. – шеф Рязанского мушкетерского полка. 20 ноября (2 декабря) 1805 г. сражался с армией Наполеона при Аустерлице. Воспоминания А.Ф. Ланжерона о кампании 1805 г. впервые были опубликованы в переводе с французского в журнале «Военный сборник» под названием «Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г.».

Автор был участником Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Причем отличился тем, что разбил авангард армии великого визиря у крепости Джурджя (1809). С августа 1810 г. он – начальник 22-й пехотной дивизии. За сражение при Рущуке 22 августа 1811 г. был удостоен чина генерала от инфантерии. В 1812 г. командовал корпусом в Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова, участвовал в сражениях у Брест-Литовска, на реке Березина, затем преследовал неприятеля до Бислы. В кампании 1813 г. находился при взятии Торна, участвовал в сражении при Кенигсварте и при Баутцене.

С августа 1813 г. вместе со своим корпусом Ланжерон в составе Силезской армии был в сра-

Рыбаков Сергей Петрович – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

жениях под Левенбергом, Гольдбергом, при Кацбахе и Бишофсверде (за участие в них пожалован императорским шифром на эполеты). В Лейпцигском сражении 5 октября 1813 г. атаковал левое крыло противника, 7 октября войска его корпуса ворвались в город и преследовали неприятеля до Лютценских ворот (награжден орденом Св. Александра Невского с алмазами).

В кампании 1814 г. отличился при Суассоне, Краоне, Лаоне и при взятии Реймса, командовал всей кавалерией под Фер-Шампенуазом. Под Парижем получил из рук императора Александра I орден Св. Андрея Первозванного.

После победы над Наполеоном, в 1815 г., Ланжерон вернулся в Россию и 16 ноября 1815 г. был назначен херсонским военным губернатором, градоначальником Одессы и управляющим по гражданской части Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний. Затем до 1823 г. был новороссийским генерал-губернатором. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. С февраля 1829 г. – шеф Рижского пехотного полка. Скончался 4 июля 1831 г. Похоронен в Успенском католическом соборе в Одессе.

Свои бумаги и мемуары он оставил французскому консулу в Одессе, тот предложил его жене Елизавете их издать, но она не решилась. Бумаги были отправлены в Париж. Спустя более полувека с шести тетрадей (тысячи страниц) были сняты копии, и они оказались в российских архивах. Спустя еще три четверти века российский историк Н. Эйдельман проанализировал часть этих мемуаров и использовал их в книге «Грань веков» (1982) и других своих работах.

Одна из первых публикаций мемуаров Ланжерона на русском языке появилась в журнале «Русская старина» в 1895 г. и называлась «Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии». «Записки графа Ланжерона» о сражении при Аустерлице были написаны в им в конце 1826 г. Сам Александр Федорович объяснял причину столь долгого молчания по отношению ко всем остальным его военным кампаниям: «Сражение при Аустерлице оставило во мне слишком тяжелые воспоминания». Этот свой труд А.Ф. Ланжерон разделил на пять частей:

– часть первая представляла собой короткую заметку о причинах войны 1805 г.;

– часть вторая была описанием самого сражения при Аустерлице и подробности относительно того, что Ланжерон видел и делал в этот день и в последующие дни до заключения мира с Австрией;

– часть третья содержала в себе описание сражения, поднесенное императору Александру I, когда обвинения генерала Буксгевдена заставили Ланжерона оправдывать себя в глазах российского императора;

– часть четвертая описывала Аустерлицкое сражение, принадлежавшее австрийскому генерал-майору Штуттергейму. По замечанию самого Ланжерона, это описание отличалось «правдивостью и точностью»;

– часть пятая представляла собой донесение генерала Кутузова императору Александру I с заметками, написанными одним из офицеров французского генерального штаба и помещенными в газетах Французской империи 18, 19 и 20 апреля 1806 г. с примечаниями самого А.Ф. Ланжерона.

А.Ф. Ланжерон в этих воспоминаниях пишет о военных событиях, предшествовавших сражению при Аустерлице, о причинах войны 1805 г., отмечая, что короткая война 1805 г. и сражение при Аустерлице решили судьбу Европы и надолго сделали Наполеона посредником между европейскими народами. Оценивая роль России в политической и военной ситуации 1805 г., А.Ф. Ланжерон подчеркивает, что в отличие от 1813 г. император Александр I «знал войну только по петербургским парадам, которые менее всего были похожи на войну».

Ланжерон пишет о приезде императора Александра I в Пулавы, замок княгини Чарторыйской (ныне – Польская Республика, Люблинское воеводство), что, вероятно, произошло до 13/25 октября – даты приезда императора Александра I в Берлин. Ряд биографов Александра I (С. Соловьев, А. Труайя, А. Архангельский) не упоминают об этом приводимом А.Ф. Ланжероном факте. Здесь своевременно поставить вопрос о достоверности «Записок графа Ланжерона». Посмотрим на некоторые детали сражения при Шенграбене (или Голланбрюне) 4/16 ноября 1805 г.

Ланжерон сообщает, что «бой был ужасный». «Из 8.000 человек, входивших в состав арьергарда, 4.000 легли на поле сражения... Уланиус, командовавший правым флангом, геройски сопротивлялся и ловко отступил... Багратион был окружён, прорвался штыками и успел отступить, потеряв только восемь орудий...» «Багратион был безостановочно преследуем Мюратом, но действовал все время смело и искусно». В примечаниях «Награды за Шенграбен» Ланжерон пишет, что «князь Багратион получил орден Св. Георгия 2-й степени. Это был первый крест этой степени, данный после смерти Екатерины II. Товарищи Багратиона по славе также удостоились высших наград».

В подтверждение этих фактов в статье «Багратион» в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.» читаем: «Во время... войны 1805 г. командовал арьергардом армии М.И. Кутузова, особо отличился 4.11.1805 под Шенграбеном, сдержав с 6 тыс. солдат натиск 30 тыс. французов. За этот подвиг награжден орденом Св. Георгия 2-го класса, минуя 4-й и 3-й классы». «8.11.1805 получил чин генерал-лейтенанта».

Что касается генерал-майора Карла Уланиуса, шефа 6-го Егерского полка, то орден Св. Георгия 3-й степени присужден в том числе за мужество и правильные распоряжения в сражениях на реке Эмс 22 октября/3 ноября, при Амштеттене 24 октября/5 ноября и при Шенграбене 4/16 ноября 1805 г. Возвращаясь к пребыванию императора Александра I в замке княгини Чарторыйской (Пулавы), Ланжерон отмечает антироссийскую настроенность княгини, в то время как ее сын был министром ино-

■ 2012 – Год российской истории

странных дел России. Уже говорилось о молчании биографов Александра I о пребывании императора России в Путавах. Только шестьдесят с лишним лет спустя этот сюжет вновь появится в исторической периодике. После Польского восстания 1830–1831 гг. А. Чарторыйский эмигрировал. 6 октября 1831 г. он был исключен из членов Государственного совета и Сената Российской империи.

Затем идет краткое описание пребывания императора Александра I в Пруссии, где российский император был принят в Берлине с самыми высокими почестями. А.Ф. Ланжерон дает крайне сдержаные характеристики генерал-адъютанту Винцингероде и австрийцу Вейротеру. Планы генерала Кутузова и генерала Сухтелена, а также самого Ланжерона были направлены на то, чтобы Наполеон не осмелился атаковать союзников при Ольшаша. Но, пишет Ланжерон, «император Александр хотел видеть сражение и выиграть его. К несчастью, он вполне вверился Вейротеру». Для Ланжерона «образ действий и тайные намерения Вейротера являются загадкою, которая до сих пор не была разгадана... Он умер в Австрии вскоре после Аустерлицкого сражения...». В то же время «Наполеон знал мельчайшие подробности о нашей армии, о наших силах, о предположениях и начальниках ...». Далее Ланжерон приводит эпизод с миссией Долгорукого и его встрече с Наполеоном близ Вишшау. «Крайняя умеренность и даже боязливость обманула Долгорукого и через него императора Александра, вообразивших, что Наполеон страшно боялся атаки с нашей стороны и отступил бы немедленно после нашего наступления».

16/28 ноября 1805 г. происходит сражение при Вишшау (Вышкове). Император Александр, пишет Ланжерон, присутствовал при этом, успех боя убедил его, что армия Наполеона не представит большего сопротивления, чем ее авантюры. 19 ноября (1 декабря) войска прибыли на биваки к 10 часам вечера. Два категорических вывода делает Ланжерон перед описанием сражения при Аустерлице:

1. «Или Вейротер был генералом совершенно неспособным составить диспозицию для сражения, или он хотел предать нашу армию; середины нет между этими двумя предположениями».

2. «Наши корпусные командиры никогда не бывали на войне и не имели другого опыта, кроме парадов и маневров мирного времени».

Вторая часть записок содержит описание сражения при Аустерлице и последующих дней до заключения Пресбургского мира. Что касается замечаний графа Ланжерона о диспозиции австрийского генерал-майора Ф. Вейротера, то «она была неосуществима и даже нелепа». Кроме Ланжерона при чтении с 1-го часа ночи до 3-х часов (в ночь с 1 декабря на 2 декабря 1805 г.) присутствовали Буксгевден, Милорадович, Пржибышевский и Дохтуров. «Кутузов, сидевший и наполовину дремавший..., перед отъездом совсем заснул». 20 ноября/ 2 декабря 1805 г. в 7 ч. союзники начали наступление. Главные силы союзников – 4 колонны и отряд конницы. 4-я колонна генерала И.К. Колов-

рата перешла в наступление с опозданием, около 9 ч. подверглась удару главных сил противника и после двухчасового боя оставила Праценские высоты. Ланжерон пишет, что в 9 ч. 30 мин. граф Каменский донес, что французы действительно заняли Праценские высоты.

Оценка А.Ф. Ланжерона после случившего такова: «В этот момент я находился в деревне Сокольниц; я поручил генералу Олсуфьеву продолжать атаку, а сам поехал к бригаде Каменского. Это было ошибкой, может быть простительной в нашем положении, но все-таки ошибкой, которую я всегда буду ставить себе в упрек. Я должен был тогда остановить голову своей колонны, сговориться с Пржибышевским, предупредить о случившемся Буксгевдену и Дохтурову и спешить на помочь Каменскому ...». Оценка А.Ф. Ланжерона весьма категорична: «Бездействие и недостаток решимости у Буксгевдена являются одной из главных причин проигрыша сражения, или, по меньшей мере, нашего полного поражения».

Когда Ланжерон прибыл к графу Каменскому, то он «не видел никого из свиты императоров, ни из штаба Кутузова». Ланжерон «не получал ни приказаний, ни донесений, но ясно видел, что наш центр прорван», колонна Коловрата–Милорадовича рассеяна и сражение «безнадежно потеряно». А.Ф. Ланжерон отмечает, что наши солдаты «несмотря на критическое положение, в котором они находились, ... держались превосходно в продолжение почти двух часов...». «Наконец, адъютант князя Шварценберга привез ... известие о катастрофе с четвертой колонной (Коловрата–Милорадовича. – С.Р.)».

Каменский, «поведение которого в этом сражении, – по мнению Ланжерона, – заслуживает наилучшей похвалы», продолжал бой еще несколько времени и затем соединился с остатками русских и австрийских батальонов четвертой колонны. «Все они потеряли свою артиллерию..., но бригада Каменского спасла их знамена». Как замечает Ланжерон, «оба императора и Кутузов находились при этих остатках четвертой колонны». Описывая неудачи четвертой колонны (Коловрата–Милорадовича), А.Ф. Ланжерон пишет об ошибке генерала Милорадовича, подставившего Наполеону свою колонну, а с ней и всю армию. Наполеон «сказал перед сражением и потом повторял, что, если бы мы (русские. – С.Р.) охраняли Праценские высоты, он нас никогда не атаковал бы». Четвертая колонна была разбита и рассеяна менее чем за полчаса: командир 1-го батальона Новгородского полка генерал С.Я. Репнинский (1775–1818) получил пять пулевых ранений.

Генерал Берг Г.М. (1765–1838), командир Малороссийского grenадерского полка (впоследствии – герой войны 1812 г.) был ранен и взят в плен. А.Ф. Ланжерон приводит редкие сведения о случившемся: «Генерал Берг был привезен к Наполеону, находившемуся недалеко. Так как воротники офицеров Малороссийского полка, имевшего шефом принца Баденского, были вышитые, то Наполеон принял Берга за гвардейца и спросил, где

находится гвардия и император Александр. Берг ему ответил, что он не может и не должен этого говорить...» «Я имел глупость об этом спрашивать, – сказал Наполеон. – Дай Бог, чтобы с ним не случилось чего-нибудь худого».

Французы, по описанию А.Ф. Ланжерона, предводимые Сультом (1769–1851) и Бернадотом (1763–1844), развивали достигнутые успехи с быстротою, не позволявшей союзникам собраться. Как отмечает Ланжерон, «напрасно, Кутузов со своей свитою, император Александр и его адъютанты делали все, что могли, чтобы исправить столь ужасное поражение, которое в сущности было непоправимо, и восстановить порядок в войсках. Им не удалось этого достичь».

Наконец граф Буксгевден получил от генерала Кутузова приказ отступать. Близ Аугуста через канал был худой мост. Граф Буксгевден одним из первых перешел по нему со своим штабом... Вскоре колонна Вандамма (1770–1830) попыталась захватить мост... «Было около 4-х часов; наступила темнота, мокрый и холодный снег шел уже целый час... невозможно было увеличить ужас нашего положения». А.Ф. Ланжерон отмечает: «Мне уже случалось видеть проигранные сражения, но о таком поражении я не имел понятия... Не оставалось двух человек одной и той же роты вместе...»

Среди героев Аустерлица был Багратион, действовавший на самых трудных участках. Кутузов в рапорте императору писал, что Багратион в этом сражении «удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой из сражения при Аустерлице в порядке...». Дополняя описание сражения, А.Ф. Ланжерон рассказывает об операциях четырех колонн левого фланга, некоторые подробности о действиях кавалерийской колонны, гвардейского корпуса и арьергарда князя Багратиона. О движении нашей кавалерии А.Ф. Ланжерон узнал от нескольких офицеров, принимавших участие. Уланский полк Великого князя Константина, бывший на левом фланге, атаковал неприятеля. Но французы, возглавляемые генералом Ф. Келлерманом (1735–1820), выдвинувшие батареи, уничтожили картечью уланский полк, который был отброшен, рассеян. Командир полка генерал Е.И. Меллер-Закомельский (1766–1830) был тяжело ранен, четвертая часть полка выбыла из строя. Храбрый подполковник Алексей Петрович Ермолов¹ со своей конно-артиллерийской ротой прикрывал отступление удивительно смело и искусно.

В 10 часов утра часть французских войск, рассеявших нашу четвертую колонну, показалась перед гвардией. Великий князь Константин (который ею потом командовал в 1813 г.) приказал Преображенскому и Семеновскому полкам атаковать в штыки. Французы были подкреплены и наши гвардейцы принуждены были отступить и очистить Блазовиц. Однако они не потеряли ни одного орудия и ни одного знамени. Кавалергарды сильно пострадали. Полковник князь Н.Г. Репнин-Волконский (1778–1845) был ранен и взят в плен. Два эскадрона конной гвардии под начальством полковников Е.И.Оленина (1774–1827) и А.П. Ожа-

ровского (1776–1855) воспользовались атакою Преображенского полка и произвели атаку, которая была более удачна, и они взяли одно французское знамя.

4-й егерский полк и Павлоградские гусары были на правом фланге близ гор; за ними во второй линии стали полки Архангелогородский, Псковский и Староингерманландский под начальством генералов Николая Михайловича Каменского (1776–1811), Евгения Ивановича Маркова (1769–1828) и Григория Григорьевича Энгельгарда (1759–1833). В центре на большой дороге расположилась конно-артиллерийская рота князя Льва Михайловича Яшвиля (1768–1836) и Мариупольский гусарский полк.

Наполеон противопоставил нашему авангарду маршала Ланна (1769–1809). Он приказал занять артиллерией все высоты, обстреливающие большую дорогу и пространство между деревнями Круг и Дворошина.

5-й егерский полк овладел Дворошиной и держался в ней. Три пехотных полка понесли большие потери от артиллерийского огня французов, сильно превосходившего наш. Князь Л.М. Яшвиль, имея двенадцать орудий, храбро боролся с французской артиллерией.

Когда французская кавалерия опрокинула союзную, она обрушилась на авангард генерала К.К. Уланиуса, потом он был окружён и взят, не будучи поддержан кирасирами Ее Величества, командир которых (граф Витт) не считал это своевременным.

А.Ф. Ланжерон дает пространную характеристику графу Иоанну Осиповичу Витту. Причем в записках Ланжерона ни один политический и военный деятель – участник тех событий – не удостоился столь пространной характеристики. Завершает эту характеристику А.Ф. Ланжерон словами: «Я имел случай хвалить графа Витта, но мне не случалось на него жаловаться; тем не менее я никогда не сделаюсь его другом и никому этого не посоветую, в особенности если он находится в положении, в котором может затмить его, и если они идут по одной карьере. Витт слишком ловок, чтобы не быть опасным».

А.Ф. Ланжерон отмечает роль П.И. Багратиона в отступлении через Аустерлиц: «Князь Багратион исполнил это трудное поручение с таким же усердием и преданностью, как и счастливо. Он упорно удерживался, насколько было возможно, впереди и позади Аустерлица, и его полки оказались единственными, сохранившими немного порядка в этом роковом отступлении».

Далее приводятся данные А.Ф. Ланжерона о потерях: «Наши потери в людях в этом сражении не были так велики, как сначала думали. Русские потеряли 16.000 тысяч убитыми и взятыми в плен, а австрийцы от 3.000 до 4.000 тысяч человек. Мы потеряли 156 орудий (130 русских и 26 австрийских) и 36 русских знамен». А.Ф. Ланжерон формирует перечень причин поражения союзников:

– первая ошибка: «Никогда не давать бесцельного сражения, выигрыш которого не может окупить ужасных последствий в случае поражения»;

■ 2012 – Год российской истории

– вторая ошибка: «Мы должны быть битыми благодаря одной нашей диспозиции, которая была нелепой; мы были побиты скорее по непонятной недальновидности Милорадовича и затем из-за нерешительности Буксгевдена»;

– третья ошибка: «Ни полки, ни начальники, ни генералы не имели необходимой опытности, чтобы противостоять старым ветеранам Наполеона... Было большим заблуждением атаковать их и еще большим думать, что достаточно нам появиться перед ними, чтобы победить их».

«Только два генерала были наказаны... генерал-лейтенант Пржибышевский и я (А.Ф.Ланжерон. – С.Р.). Последний не был включен в список новых начальников дивизий, и ему было приказано удалиться со службы». Через шесть лет А.Ф. Ланжерон командовал армией. С И.Я. Пржибышевским поступили строже... его судили, и 31.10.1810 он был разжалован в рядовые (утвержден приговор 25.11.1810).

Все справочники, энциклопедии, примечания к части III тома I романа «Война и мир» Л.Н.Толстого завершают биографическую канву И.Я. Пржибышевского на 1810 г.

В 1999 г. в сборнике «Персональные истории» (М., 1999. С. 124–207) была опубликована статья Алексея Монахова «Императорские шахматы, или Горе побежденным», посвященная в основной своей части судьбе И.Я. Пржибышевского. Во вступлении автор пишет: «Быть может, лишь долгие и дотошные архивные поиски смогут дать ответ, где и когда окончилась нелегкая жизнь» И.Я. Пржибышевского. Между тем в «Записках» А.Ф. Ланжерона мы читаем, «что И.Я.Пржибышевский оставался солдатом более десяти лет и потом снова восстановлен в своих чинах».

Завершает описание кампании 1805 г. А.Ф. Ланжерон следующим отрывком: «Венгры... приняли русских с широким и радушным гостеприимством... каждый крестьянин старался поделиться всем, что имел, с тем, кого судьба привела расположиться у него...» К описанию кампании 1805 г. и сражения при Аустерлице А.Ф. Ланжерон прибавляет два письма, написанных по-французски генералами М.А. Милорадовичем и М.И. Кутузовым.

В реляции, представленной императору Александру I генералом Кутузовым, с примечаниями, написанными офицером французского генерального штаба и помещенными в журналах французской империи 18, 19 и 20 апреля 1806 г. (и замечаниями одного русского генерала)², отмечается, что в генеральном сражении 20 ноября/2 декабря русские войска «явили новые доказательства своей храбости и неустранимости».

«Замечания или опровержения одного русского офицера на заметки французского офицера по поводу реляции генерала Кутузова о сражении при Аустерлице» составляют 11 пунктов. Русский офицер пишет, что «повторил в этих замечаниях много подробностей», написанных им ранее, «но считал эти повторы необходимыми ради придания силы и последовательности тому», что считал долгом ответить французскому очевидцу. Далее

следует интересная ремарка, которую необходимо привести полностью, так как в «Записках графа Ланжерона» много подробностей, отсутствующих в других источниках.

Вот полный текст ремарки русского офицера: «Я должен согласиться, что все сказанное им (французским офицером. – С.Р.) о намерениях Наполеона и о наших ошибках справедливо, но его оскорбления и преувеличения столь же неприличны, как и смешны; я принужден сознаться, что в реляциях Кутузова много заблуждений и ошибок. Написал ее не он, но ему не следовало бы подписывать это сочинение Толля»³. Это утверждение подлежит тщательному источниковедческому анализу.

Эйлер Александр Христофорович (1773/79–1849) – генерал от артиллерии (1834). Внук математика Л.Эйлера, сын генерала Х.Л. Эйлера. В 1805 г. в чине капитана сражался с Наполеоном при Аустерлице. Участник кампании 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. Похоронен в С.-Петербурге на Волковском лютеранском кладбище. «Записки Александра Христофоровича Эйлера» были опубликованы А.А.Эйлером в журнале «Русский архив» в 1880 г.

Отрывок воспоминаний А.Х. Эйлера, сравнительно небольшой по объему, но во многом подтверждает сведения, приводимые А.Ф. Ланжероном: «20 ноября было Аустерлицкое сражение, первое для всей гвардии... Колонна Милорадовича, бывшая на левом фланге гвардии, не сделав выстрела, убежала, и мы, едва в 5 тысяч человек, должны были продержаться против 30 000 французов под предводительством самого Наполеона. Нас... перегнали через ручей и даже рассеяли; но гвардия не убежала... Гвардия вообще дралась истинно с большим духом, пехота три раза ходила на штыки, а кирасиры сделали две атаки, но сила превозмогла; из гвардии потеряно много людей и одно орудие с подпоручиком Демидовым. Общая же утрата артиллерии из всей армии была значительна. Наступившая ночь дала нам возможность ретироваться без потери; мы пошли на Галич, что на границе Венгрии. ...В Галиче простояли мы 6 дней почти без пищи и фуражи; люди кормились находимым иногда в ямах картофелем, а чаще голодали... В Венгрии принимали нас очень хорошо, лелеяли и кормили досыта, но переходы по горам и через реки и ручьи без мостов в декабре месяце были трудны. Маршрут был через Краков и Брест-Литовск, а оттуда по прежней дороге в Петербург, но форсированный, отчего также и от совершенного голода в Галиче гвардия потеряла много отличных людей... В начале апреля (1806 г. – С.Р.) пришли мы к Петербургу, а на Фоминой неделе вступили в столицу. (Фомина неделя – 1-я неделя после православной пасхи. – С.Р.) Фомина неделя пришла в 1806 г. на 2–8 апреля».

Однако до прибытия гвардии в С.-Петербург сведения о сражении были крайне скучными. Об этом читаем в дневнике С.П. Жихарева – литератора, драматурга, переводчика (1788–1860). Запись от 30 ноября: «Получено известие, что 20 числа мы претерпели жестокое поражение под Аустер-

лицем...». Запись 2 декабря: «Известия из армии мало-помалу определенее... Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится...». Запись 3 декабря: «Всюду толкуют о подвигах князя Багратиона, который мужеством своим спас арьергард и всю армию... Кажется, что мы разбиты и принуждены были ретироваться по милости наших союзников, но там, где действовали одни, и в самой ретираде – войска наши оказали чудеса храбрости. Так должно и быть». И, наконец, запись 18 декабря: «В день рождения государя кавалерская дума поднесла ему, через депутатов своих, князей Прозоровского и Куракина, орден Св. Георгия 1-й степени, но государь, не приняв его, приказал сказать думе..., что находит теперь приличным принять только знак 4-й степени». Полный текст награждения императора Александра I орденом Св. Георгия 4-й степени приводится в справочнике В.М. Шабанова «Военный орден Св. Великомученика и победоносца Георгия».

К двухсотлетней годовщине Министерства иностранных дел России вышла книга Гавриила Кессельбринера «Известные дипломаты России. Министры иностранных дел Российской империи». М., 2002. Среди других биографий находим очерк об Адаме Чарторыйском – министре иностранных дел России в 1804–1806 гг. (с. 98–121). Адам Чарторыйский (1770–1861) – князь, государственный деятель⁴. Он после вступления на престол в 1801 г. императора Александра I играл заметную роль в политической жизни России. Во время существования «Негласного комитета» (1801–1803) при Александре I входил в его состав, в 1802 г. был назначен товарищем (заместителем) министра, а в 1804 г. – министром иностранных дел России. 20 ноября/ 2 декабря 1805 г. находился вместе с императором Александром I на поле сражения при Аустерлице. Об этом Адам Чарторыйский пишет в главе XII своих «Мемуаров». Впоследствии, начиная с 1815 г. Адам Чарторыйский – сенатор-воевода и член Административного совета Царства Польского.

Во время Польского восстания 1830–1831 гг. Чарторыйский возглавил повстанческое правительство. После подавления восстания эмигрировал во Францию. В эмиграции жил в «Отеле Ламбер» в Париже, ставшем центром польской эмиграции. Отдельные главы «Мемуаров» Адама Чарторыйского писались разновременно, в конце 50-х гг. XIX в. Глава XII, посвященная Аустерлицу, оказалась незавершенной... Но тем не менее написанная ее часть «Подготовка к войне. Убийство герцога Энгиенского. Отношения России и Франции. Разрыв. Переговоры с Прусссией. Поездка в Берлин. Война. Аустерлиц» дает малоизвестные подробности сражения при Аустерлице.

А.Чарторыйский пишет: «Утром (2 декабря. – С.Р.) наши аванпосты безуспешно атаковали французов... Мы увидели французские колонны, быстро мчавшиеся вперед... Император (Александр I. – С.Р.) был также поражен быстро-

той их движения...» «Я (А.Чарторыйский. – С.Р.) ... прискакал к возвышению, с которого мог видеть все, что делалось там, где находился русский гвардейский корпус и вся кавалерия... Атаки (французов. – С.Р.) ... повторенные несколько раз, задержали меня некоторое время на холме... Приблизившись к месту, где шла борьба между гвардией и французами, я встретил принца Шварценберга⁵... Я убеждал его восстановить порядок в находившихся подле него отрядах... Он... сказал, что боится вмешиваться в планы действий, когда все уже было в полном разгаре ...». А.Чарторыйский дополняет картину происходящего: «... По счастливой случайности мне удавалось находить Императора (Александра I. – С.Р.) в различных пунктах, куда он попеременно являлся; он часто посыпал меня вперед, чтобы видеть, что там делалось. Иногда же я случайно оставался совершенно один».

Говоря об отступлении, А.Чарторыйский приводит малоизвестные детали: «Император (Александр I. – С.Р.) направился к Аустерлицу, еще занятому отрядом Багратиона, превратившимся теперь в арьергард. Туда собрались и его адъютанты: генерал-адъютант Х.А. Ливен (1774–1838), генерал П.А. Милорадович, князь Михаил Долгоруков, младший брат князя П.П. Долгорукова (1777–1806)... Он был ранен в бедро, что, однако, не помешало ему продолжать сражаться⁶... Я заметил среди них также ... Вейротера «который (характеристика дана самим А.Чарторыйским. – С.Р.) был на всех пунктах сражения и подвергал себя риску с большим мужеством, желая помочь беде, одним из главных виновников которой он был сам».

Описывая вторую половину дня, А.Чарторыйский, отмечает: «Генералу Винцингероде поручили доставить Багратиону приказ отступить к Аустерлицу и продержаться там насколько возможно дольше, не подвергая себя тем не менее, какой-либо опасности. День склонялся к вечеру. Генералы вернулись на свои посты, а император (Александр I – С.Р.) для безопасности должен был отправиться в Галич... Император был чрезвычайно подавлен. Страшное волнение, перенесенное им, отозвалось на его здоровье. Я был с ним один и ... помогал ему. Мы провели так два дня и три ночи, прежде чем добраться до Галича... Проезжая через деревни, мы только и слышали несвязные крики солдат... Проездив несколько часов, мы прибыли наконец в значительное селение. Там я нашел комнату для императора...» Далее А.Чарторыйский добавляет: «Я хотел соединить обоих императоров в одном месте, чтобы лучше обеспечить их безопасность, но мне это не удалось. Император Франц брел своей дорогой, поручая мне иногда передать от его имени утешение Александру⁷. Таким образом, мемуары А.Чарторыйского не только дают малоизвестные детали сражения при Аустерлице, но и дополняют и подтверждают общую картину проходивших событий.

Война 1805 г. к моменту начала работы Л. Толстого над первой редакцией романа «Война и мир» была далеким и смутным заграничным походом

■ 2012 – Год российской истории

80-тысячной русской армии, локальным по сравнению с Отечественной войной 1812 г., в которой участвовали до 1 миллиона человек и погибли до 300 тысяч русских воинов⁸. Мемуары А.Ф. Ланжерона, воспоминания А.Х.Эйлера, «Мемуары» А.Чарторыйского практически не использовались Л.Толстым при описании Шенграбена и Аустерлица.

Как сообщает В. Л. Кучин в своем исследовании «Капитан Тушин из «Войны и мира» в романе и в жизни», помимо книг Михайловского-Данилевского, Ермолова, Федора Глинки, Дениса Давыдова, было какое-то личное собрание семейных и из артиллерийской бытности легенд... об Аустерлице. Использованные Толстым источники ищутся и находятся до сих пор».

Ribakov S.P. *The Russian Memoirs About Battle at Austerlitz*

Summary: Development Russian memoires, to the devoted wars 1805-1807 and Patriotic war of 1812 in much depended on changes of public interest to these events, and also from censorship. In campaign of 1805 emperor Alexander I was after Peter I epoch the first of Russian rulers, Which itself was at war and has endured defeat of allied armies at Austerlitz (nowadays Slavkov, The Czech republic). To the moment of issue in the end of 1860th of L.N. Tolstogo of the novel, scenes of battles Schongrabern and Austerlitz weren't known to the general reader. Here analysis attempt is given me – Moires of participants Austerlitz: general A.F.Langeron, general A.Kh. Eyler, Diplomat A.Czartoryski.

Ключевые слова

«Битва трех императоров», Аустерлиц, мемуары о войнах 1805 – 1807 гг., А.Ф. Ланжерон, А.Х. Эйлер, А. Чарторыйский.

Keywords

«The battle of three emperors», Austerlitz, memoirs about wars 1805 – 1807, A.F. Langeron, A. Kh. Eyler, A. Czartoryski.

Примечания

1. Впоследствии – с 9 апреля 1816 г. главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Грузинским (позже – Кавказским) корпусом, а также чрезвычайный посол в Тегеране.
2. Имя русского генерала в журнале «Военный сборник» (1901, № 1) не расшифровывается.
3. Толь Карл Федорович (1777-1842) – воспитывался в 1-м кадетском корпусе, был учеником М.И.Кутузова. Участник кампании 1805 г. против Наполеона. В кампанию 1812 г., по утверждению А.И.Михайловского-Данилевского, без Толя К.Ф. не проводился ни один военный совет и не принималось ни одно решение.
4. Обширную справку о нем и библиографию см. в справочнике Д.Н.Шилова «Государственные деятели Российской империи. 1802-1917. Библиографический справочник». СПб., 2001. С. 712-714.
5. Шварценберг Карл Филипп (1771-1820) – с 1800 г. шеф 2-го уланского полка (который стал именоваться уланским полком Шварценберга). В кампанию 1805 г. возглавлял правое крыло австрийской армии. После 2-го Парижского мира 1815 г. назначен президентом Гофкригсрата. В январе 1817 г. вышел в отставку.
6. Долгоруков Михаил Петрович награжден орденом 4 ст. Св.Георгия за Аустерлиц. См. справочник В.М.Шабанова «Военный орден Св.Великомученика и победоносца Георгия». М., 2004. С. 207.
7. На этом месте глава 12 «Мемуаров» А.Чарторыйского обрывается. Примечание А.А.Кизиветтера, историка, редактора изд. 1912 г.: «Следующая глава о Швеции была продиктована гораздо раньше, вскоре после описанных событий».
8. Кучин В.Л. Капитан Тушин из «Войны и мира» в романе и в жизни. М.: ИСТЕК, 1999. С. 57.

«Нашествие двунадесяти языков»: война 1812 года глазами солдат-иностранцев «Великой армии»

Н.А. Копылов

Статья раскрывает особенности участия в войне 1812 европейских солдат, которые были частью армии императора Наполеона. На основе документов личного происхождения раскрывается восприятие событий кампании 1812 г. офицерами и солдатами иностранного происхождения, входившими в состав «Великой армии».

Кампания 1812 г., как часто называли Отечественную войну 1812 г. офицеры и солдаты «Великой армии» императора Франции Наполеона I Бонапарта, оставила огромный след в европейском мемуарном наследстве. Почти каждый участник похода в Россию, выживший в тяжелейших условиях войны, старался донести до современников и потомков все то, что пришлось ему увидеть и пережить в течение полугода, с июня по декабрь 1812 г.

На рассвете 12 (24) июня 1812 г. без объявления войны «Великая армия» под командованием императора Франции, короля Италии, протектора Рейнской конфедерации, медиатора Швейцарской конфедерации Наполеона I форсировала пограничную с Российской империей р. Неман. Началась Отечественная война 1812 г., получившая в отечественной историографии название «нашествия двунадесяти языков». Императорская армия действительно была многонациональной. 38 европейских стран, находившихся в союзнических отношениях или в прямой зависимости от Франции, выставили свои контингенты для войны с Россией.

В составе «Великой армии» существовали не только отдельные полки и батальоны, состоявшие из иностранных солдат, но даже целые дивизии и корпуса. В состав 3-го корпуса маршала Нейя, помимо португальского контингента, входила 25-я

дивизия из войск Вюртембергского королевства под командованием генерала Маршана; 4-й корпус вице-короля Италии принца Евгения Богарне наполовину состоял из итальянских войск; в 5-й корпус князя Юзефа Понятовского входили польские полки; 6-й корпус дивизионного генерала Гувиньона Сен-Сира Лорана был представлен баварскими частями; 7-й корпус дивизионного генерала Ренье был саксонским; 8-й корпус генерал-полковника Андоша Жюно – вестфальским, а 10-й корпус маршала Макдональда – прусско-польским и т.д. Такой многонациональный состав «Великой армии» оказал большое влияние на развитие мемуаристики 1812 г.

Сейчас, по прошествии двухсот лет, после введения в научный оборот огромного массива документов, в том числе и личного происхождения, можно говорить о национальном восприятии кампании с точки зрения генералов, офицеров и солдат «Великой армии». Авторы воспоминаний находились в зависимости не только от своего чина и положения в армии, принадлежности к тому или иному полку и корпусу, но и национальных особенностей. Можно выделить французский, немецкий, польский, австрийский, итальянский, швейцарский взгляды на войну. Также многочисленный пласт мемуарного наследия этой эпохи интересно будет разделить по принципу театра военных действий, на которых пришлось жить и воевать авторам.

Копылов Николай Александрович – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: n-@mail.ru

■ 2012 – Год российской истории

С этих позиций следует обратить внимание на анализ документов личного происхождения участников войны 1812 г., входивших в состав 2-го и 9-го корпусов «Великой армии», действовавших на северном – петербургском направлении под командованием маршалов Николя-Шарля Удино и Клода-Перенна-Виктора. Данные соединения привлекают внимание не только масштабом участия в кампании, но и сравнением с остальными дивизиями и корпусами французского императора. 9-й корпус играл роль стратегического резерва императора Наполеона и вступил в пределы России лишь в конце августа 1812 г. 2-й корпус изначально был выделен для действий на северном направлении, поэтому играл несколько второстепенную, но важную роль в стратегическом плане Наполеона.

К моменту прибытия 9-го корпуса на театр военных действий в его рядах состояло 33 тыс. человек при 80 орудиях¹. Состав корпуса был, наряду с небольшими французским и польским контингентами, представлен выходцами из германских земель Бадена, Берга, Саксонии. Таким образом они очутились так далеко от своих родных очагов, что заставило их вступить под знамена наполеоновской армии и бросило в горнило войны?

Войны антифранцузских коалиций и дипломатия революционной, а затем императорской Франции привели к перекроюке политической карты Европы. Прежде всего это коснулось германских земель, различными способами вошедших в состав империи Наполеона I. Изначально герцогство Баденское возникло в 1771 г. при слиянии Баден-Бадена и Баден-Дурлаха, разделенных в эпоху Реформации. Маркграфом нового герцогства стал Карл-Фридрих (1728–1811). В период кампаний эпохи Французской революции Баден поставлял свои войска в армии антифранцузской коалиции, но масштабы боевых действий и значительные потери привели к тому, что он быстро истощил свои резервы.

Договор в Кампо-Формио, подведший итог 1-й коалиции, отдавал левый берег Рейна Франции, и германские правители, понесшие территориальные потери, начали дискуссию в палате Имперского совета относительно компенсации в виде передачи им территории некоторых епископств. Однако очередное поражение Австрии при Маренго (1800) и последовавший за этим Люневильский мирный договор (1801) заставили многих представителей немецких княжеств и герцогств перейти на сторону победившей Франции. В октябре 1805 г. Баден подписал мирный договор с новой Французской империей, приобрел часть швабских земель и скрепил свои отношения с Францией путем заключения в 1806 г. брака Карла-Людвига, внука и наследника Карла-Фридриха, со Стефанией де Богарне, племянницей императрицы Жозефины².

В отличие от Бадена, Великое герцогство Берг представляло собой искусственное образование, учрежденное Наполеоном в качестве своеобразной «буферной зоны» между Францией и Пруссией. В состав Берга вошли бывшие прусские территории Клеве и Везель, а также бывшие баварские Ансбах

и Берг – вместо них к Баварии отошли близлежащие земли, принадлежавшие другим германским государствам³. Словом, Берг стало порождением политической беспринципности императора французов и первой попыткой создать матримониально-вассальную систему, которая потом легла в основу императорской политики. Первоначально Великое герцогство Берг было отдано Иоахиму Мюрату, женатому на сестре Наполеона. После того как Мюрат получил неаполитанский трон, герцогство отошло племяннику Наполеона – Наполеону-Луи, сыну голландского короля Луи Бонапарта. Поскольку Наполеон-Луи был еще слишком молод, реальную власть от его имени осуществлял уполномоченный, назначенный самим императором.

Что же касается Саксонии, то она традиционно находилась в лагере противников Франции. Саксонские курфюрсты вели политику балансировки между Пруссией и Австрией, поддерживая то одну, то другую сторону в зависимости от политической конъюнктуры. Саксонские полки сражались против революционной Франции, а в кампании 1806 г. в союзе с Пруссией потерпели поражение от наполеоновских ветеранов. Разгромив пруссаков, Наполеон предпочел сделать ставку на Саксонию как возможный противовес Пруссии. Статус Саксонии был повышен до уровня королевства, ее прежние связи с Великим герцогством Варшавским были восстановлены. Теперь Саксония была готова вступить в войну как лояльный сторонник Франции⁴.

Войдя в орбиту французской империи, германские княжества должны были включать свои воинские контингенты в состав наполеоновской армии. Здесь наглядно проявилась разница между новой военной машиной Франции, основанной на революционных и буржуазных принципах, и феодальной, опиравшейся на сословную традицию и принцип наемничества. Так, увеличение баденской армии означало, что отныне следовало предоставить возможность службы в ней не только аристократии, но и представителям средних классов. Для этого военную службу следовало сделать привлекательной не только для прежнего «пушечного мяса» – неумелых, беспомощных и безземельных, но и для уверенных в себе, грамотных крестьян, а также людей, помышляющих о карьере. В конечном итоге это удалось. Баденцы заслужили репутацию отважных и надежных солдат. При отступлении от Москвы баденская бригада осталась одной из немногих, не бросивших свои орудия.

Молодое герцогство Берг не имело серьезных военных традиций, и поэтому офицеры в армию набирались различными путями – в основном пруссаки и различного рода авантюристы. Невозможность формирования сколько-нибудь заметного офицерского состава из собственных граждан преследовало Берг на протяжении всей его истории. Офицеры же, бывшие в наличии, не имели никакой связи ни со страной, ни с солдатами, которыми они командовали, и в результате дисциплина в армии была не на высоте.

Саксонская армия 1806 г. состояла из добровольцев, или, точнее, из членов общества, не спо-

собных заработать на хлеб иным путем. Поскольку роты принадлежали их командирам, вся «экономия» (например присвоение жалованья фиктивно состоящим на службе, плата за предоставление дополнительных отпусков) рассматривалась как личный доход. От солдат требовались только послушание и умение выполнять строевые приемы, а вunter-офицеры могли вывести только долгие годы службы и покорность. Ситуация изменилась в 1811 г. Призыв на военную службу повысил качество солдат. Отмена цеховых привилегий и высвобождение большого количества подмастерьев обеспечили приток в армию более толковых людей. Продвижение по службе стало возможным благодаря личным качествам, а это означало, что способные и честолюбивые получали возможность стать уважаемыми людьми.

В ходе реформ, проведенных по французскому образцу, вышедшим в отставку по возрасту или ранению солдатам полагались государственные гарантии. Согласно им, отставнику предоставлялась какая-либо должность или же пенсия в размере десятой части солдатского жалованья. В целом можно считать, что по уровню боевой подготовки и личным качествам германские полки несколько уступали французским, видимо, поэтому император Наполеон предоставил 9-му корпусу маршала Виктора роль стратегического резерва. Корпус вступил в пределы России в конце августа 1812 г. расположившись в Смоленске, он охранял коммуникации «Великой армии» и не принимал участия в сражениях кампании.

Что же касается 2-го корпуса, то участие швейцарских солдат, входивших в его состав, в войне 1812 г. стало единственным случаем встречи жителей горной страны с русскими на поле боя. Данный факт интересен не только своей уникальностью, за ним стоит многовековая традиция военной службы жителей швейцарских кантонов европейским монархам, лучшие черты которой проявились на просторах России в 1812 г. Впервые Европа услышала о швейцарских полках в начале XIV в., когда объединенные силы кантонов Швиц, Ури и Унтервальден подняли восстание против гнета австрийских эрцгерцогов. Горная страна выставляла великолепных, неприхотливых и выносливых солдат. Прекрасно используя условия местности и плотное колонное построение, швейцарцы одержали громкие победы над войсками австрийских эрцгерцогов и императора «Священной Римской империи германской нации» при Моргартене (1315), Лаупене (1339) и Земпахе (1389), добившись фактического признания своей независимости. «Войны швейцарцев XIV–XV вв. способствовали формированию и укреплению их военной организации. ...Были приняты постановления, согласно которым каждый житель кантона должен был иметь хорошее вооружение и по первому требованию выступать в поход... Не подлежащие явке следовали за войском в качестве резерва... Большое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины. В бою воины обязаны были точно соблюдать приказы своих начальников. Паника или дезертира соседний

войн был обязан заколоть. В арьергарде выделялось несколько воинов, обязанных убивать на месте всех, нарушающих боевой порядок»⁵.

Желая извлечь максимальную выгоду из сотрудничества с кантонами и тем самым лишить императора, папу и других европейских государей поступления резервов хорошо подготовленных солдат, Людовик XI Валуа в 1474 г. прибег к заключению письменного договора (капитуляции) со Швейцарией о порядке найма на французскую службу ее уроженцев⁶. Именно он послужит отправной точкой в четырехсотлетнем сотрудничестве Франции и Швейцарии на военном поприще. На его основе будут разрабатываться все последующие договоры о найме швейцарцев на королевскую и императорскую службу и подтверждаться их права и привилегии.

По договору 1474 г. король Людовик XI обязывался платить ежегодно 20 000 франков договаривающимся кантонам, уравнять в правах швейцарцев и французские ордонансовые роты. За это швейцарцы обязаны, если король ведет войну и требует помощи, доставлять ему вооруженных людей, с тем, чтобы они получали от него жалованье по 4 1/2 гульдена⁷ в каждый месяц⁸. Швейцарцы строго соблюдали условия договора. В сражениях при Грансоне (1476) и Нанси (1477) они сполна отработали заплаченные им деньги. Бургундская армия была разгромлена наголову, а герцог Карл Смелый, главный противник Людовика, погиб. Бургундские земли вошли в состав Франции. Именно с этого момента и зарождается традиция постоянного найма швейцарцев на французскую службу. «Швейцарцы, подобно всем горцам, – прекрасные солдаты, если они вымуштрованы; где бы они ни служили в качестве регулярных войск под чужими знаменами, они сражались очень хорошо. Однако они не отличаются быстрой сообразительностью, и для того чтобы у них появилась уверенность в своих силах и чувство спайки, они нуждаются в более длительном обучении, чем, например, французы или немцы Северной Германии», – отметил известный военный историк Ганс Дельбрюк⁹.

За административные и уголовные проступки швейцарцы несли ответственность только перед собственными судьями, судивших провинившихся по швейцарским законам и обычаям, находясь вне французской юрисдикции. В качестве судий выступали офицеры-швейцарцы, составлявшие трибунал по личному указанию капитан-полковника. Рота швейцарцев принимала активное участие в кампаниях французских королей во время Итальянских войн (1494–1559 гг.) под знаменами Людовика XII и Франциска I. В знаменитом сражении французской армии против войск Священной Римской империи при Павии (24 февраля 1525 г.), когда король Франциск I попал в плен, рота швейцарцев была почти полностью уничтожена, защищая монарха. Знаменитая дворцовая рота швейцарцев комплектовалась из числа самых достойных солдат полка швейцарской гвардии. Поскольку и в полк отбирались далеко не худшие представители кантонов, рота являлась элитным подразделением,

■ 2012 – Год российской истории

как того и требовал ее статус в «Табели о рангах» Королевской гвардии¹⁰. Впоследствии король Людовик XII учредил должность генерал-полковника королевских швейцарцев. Данный пост, как правило, занимали члены королевской семьи или принцы крови.

Другая гвардейская часть – полк Швейцарской гвардии – была создана 12 марта 1616 г. приказом короля Людовика XIII (1610–1643). Он состоял из 13 рот. Двенадцать комплектовались уроженцами строго определенных кантонов, а тринадцатая, так называемая генеральна, – из самых отборных рекрутов всех кантонов. Полк покрыл себя неувядаемой славой практически во всех войнах, которые вели Франция на протяжении XVII–XVIII вв. Швейцарцы с отличием участвовали в 69 кампаниях, 152 сражениях и 29 осадах¹¹. Лебединой песней полка стала оборона королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г. от разъяренных французских инсургентов. Погибли более 600 человек. Восстановленный в 1814 г. полк просуществовал до июля 1830 г.

На протяжении трехсот лет службы швейцарцев королям Франции расширялись и их привилегии. При Людовике XIV на все швейцарские полки распространялись равные права с французскими частями. Жалованье швейцарца соответствовало королевской французской гвардии. Также они получили право обучать своих кадетов во французских военно-учебных заведениях. Кроме того, утверждалось право получения французского подданства после семи лет безупречной службы или вследствие тяжелых ранений илиувечий на королевской службе. Особо следует отметить одну из важных привилегий: суд над провинившимися солдатами проводился только своими полковыми трибуналами. Суд проводился по швейцарским законам офицерами-швейцарцами. Французская юрисдикция и военное право на швейцарцев не распространялись¹².

Таким образом, к началу Великой Французской революции 1789 г. швейцарские полки приобрели целый ряд прав и привилегий, от которых они не собирались отказываться. Они полностью комплектовались уроженцами кантонов и находились под командованием своих офицеров. Трепетное отношение швейцарцев к своим правам и привилегиям стали легендой. Когда в 1521 г. французский король Франциск I не нашел средств рассчитаться со своими швейцарскими гвардейцами, они побросали оружие и ушли, спокойно заявив: «Нет денег, нет и швейцарца!» Данное выражение стало нарицательным. Зато не было ни одного сражения, в ходе которого швейцарцы бежали с поля боя. Они стояли до конца и неоднократно спасали разбитые французские полки от полного истребления. Так было при Неервиндене (1693), Гохштедте (1704), Мальплаке (1709), Фонтенуа (1745) и Россбахе (1757).

С падением Бурбонов служба швейцарцев под французскими знаменами прервалась, но, как оказалось впоследствии, ненадолго. Многочисленные войны, которые вели Французская Республика, а

затем и империя требовали все новых и новых резервов. В 1803 г. между Францией и Швейцарской конфедерацией был подписан новый оборонительный и военный договоры. Первый консул Наполеон Бонапарт объявлял себя медиатором (покровителем и защитником) Швейцарской конфедерации. В соответствии с военным договором Швейцария была обязана выставить на стороне Французской Республики, а с 1804 г. и империи, контингент в составе 16 тыс. человек. Франция брала все расходы по содержанию швейцарцев на счет своей казны. Они должны были составить четыре пехотных полка, не считая запаса в 4 тыс. человек и батальона гренадер, пригодных для гвардии.

Являясь дальновидным политиком и pragmatиком, несмотря на свою авторитарность, Наполеон I прекрасно понимал, что нельзя ломать старые устои и традиции. Император восстановил должность генерал-полковника швейцарцев. С 1803 по 1809 г. ее занимал маршал Ланн, а после его гибели при Асперне в 1809 г. маршал Бертье принял Невшательский. В марте 1812 г. был заключен новый договор, дополнивший старый двумя пунктами. Швейцарское правительство обязывается заменять за свой счет дезертиров, по мере того как они появятся. Оно обязывалось не иметь никаких полков на службе у другой державы, а также принимать все средства убеждения и власти, чтобы возвратить в страну солдат, которые служат за границей¹³.

За период 1807–1812 гг. швейцарские полки воевали в Португалии и Испании, а в Отечественной войне 1812 г. приняли участие все четыре швейцарских полка, входивших в состав 9-й пехотной дивизии дивизионного генерала Мерля 2-го корпуса «Великой армии». В июне 1812 г. 2-й корпус маршала Удино, герцога Реджио, выполняя предписание императора, двинулся к Полоцку и форсировал Десну 14 июля без всякого сопротивления со стороны противника. Корпус наступал тремя эшелонами в направлении Себежа, имея в передовом охранении кавалерийскую бригаду Кастекса. В авангарде шла дивизия Леграна, за ней дивизия Вердье, а в арьергарде, охраняя корпусные обозы и артиллерийские парки, дивизия Мерля и кавалерийская бригада Корбино.

Лето 1812 г. запомнилось ветеранам похода неожиданно жаркой погодой. Русский климат постоянно упоминается на страницах воспоминаний и военных рукописей участников похода. «Нас изматывала нестерпимая жара, которая даже отдаленно не напоминала нам ту, что была в Испании. Унылый русский пейзаж, раскинувшийся на сотни лье, огромное количество болот и мелких речушек, отвратительные дороги, разбитые сотнями тысяч ног и копыт... Над маршевыми колоннами постоянно стоит плотное облако пыли, через которое не видно ничего на расстоянии пяти метров. Чтобы облегчить страдания наших молодцов, полковник приказал снять галстуки, расстегнуть воротники и повязать на лица платки. Все было тщетно. Вездесущая пыль въедалась в наши поры, проникая в каждую клеточку организма... Натертые ранцами спины и плечи ныли нестерпимо. Многие

из наших сбили ноги. Отсутствие хорошей воды и скучное пропитание привели к болезням. Полк редел на глазах, но мы держались. За порядок нас даже похвалил генерал Амей, который проезжал мимо колонны. Обочины усеяны сломанными повозками, телами несчастных, умерших от истощения, и павшими лошадьми»¹⁴.

Верные своим воинским традициям, швейцарские солдаты отлично зарекомендовали себя в двух сражениях за ключевой пункт на петербургском направлении – город Полоцк, сражаясь против русского корпуса генерала П.Х. Витгенштейна. Описание первого Полоцкого сражения, составленное немецким историком к столетнему юбилею события, рисует действия швейцарцев следующим образом: «Солдаты в красных мундирах были воплощением твердости духа и стойкости среди царящей вокруг неразберихи. Они стояли молча, ожидая неприятельских кирасиров. Над их строем гордо реяли императорские орлы. По сигналу командиров, когда до неприятеля оставалось всего 50 шагов, они открыли батальный огонь. Вражеские всадники, неся потери, отхлынули на исходные позиции»¹⁵.

В своих мемуарах фурьер второго швейцарского полка Франсуа Минод так описывал второе сражение при Полоцке: «... эта часть, часть отстоять достоинство швейцарцев в самом горячем огне, обошлась нам дорого. На поле чести пало 400 наших товарищей. К концу этой тяжкой битвы в ротах полка оставалось в строю по 60–80 человек». Кровопролитные сражения за Полоцк стоили довольно дорого для обеих сторон. По данным Гая де Вернона, численность 2-го армейского корпуса сократилась до 8000–9000 боеспособных солдат и офицеров (6-я дивизия Леграна насчитывала 3400–3600 чел., 8-я дивизия Мэзона – 2600–3300 чел., 9-я дивизия Мерля – 2300–3000 чел., кавалерийская дивизия Думерка – 700–850 чел., кавалерийская бригада Кастиекса – 300–350 чел.)¹⁶. К этому времени (октябрь 1812 г.) отступающая от Москвы и терзаемая жутким климатом и постоянными нападениями летучих отрядов кавалерии и партизан «Великая армия» нуждалась в подкреплении.

По плану императора Франции корпуса Удино и Виктора должны были прикрывать отступление основной армии. В данной ситуации именно немцы Виктора должны были стать ударной силой, обеспечивая отход «Великой армии». Боевое крещение солдаты Виктора получили в октябре 1812 г., когда корпус был направлен на усиление войск маршалов Сен-Сира и Удино, участвовавших в боевых действиях на северном направлении в районе Полоцка. Уже здесь, при встрече с ветеранами русского похода, оказалась заметна разница в экипировке, состоянии и боевом духе солдат резерва и участниками сражений. Разительное отличие солдат 2-го и 9-го корпусов описал лейтенант Франц Кениг из 1-го швейцарского полка: «Мы похожи на чертей из преисподней. Вот уже несколько дней мы не бреемся. Наши лица покрыты щетиной и сажей от бивачных костров. Шинели у многих пострадали. Сержант Хайнц имел неосторожность заснуть возле костра и спалил себе шинель. На его спине

теперь красуется большая дыра. С продовольствием терпимо. У нас в достатке водки, сухарей, но практически нет мяса. Вчера на роту дали одну овцу, был большой праздник. Бедная кавалерия еле плетется по дороге. Кирасиры идут пешком, нагружив на лошадей свое снаряжение. Наконец встречаются с девятым корпусом. Боже, какие красавцы! Как будто с парада. Я видел баденскую бригаду. Она великолепна. Солдаты и офицеры великолепно обмундированы и снабжены, на их сытых лицах нет и признака усталости»¹⁷.

После первых столкновений с русским авангардом корпуса генерала Витгенштейна Виктор начал отступление к главной операционной линии армии Наполеона. В итоге приказом императора его корпус превратился в арьергард «Великой армии» и должен был прикрыть от Витгенштейна направление на Борисов. Для солдат Виктора наступила очередь проявить себя в деле. Им выпала честь сыграть одну из главных ролей в сражении на р. Березина, оказавшимся эпилогом Отечественной войны. Именно Березина стала одним из главных объектов воспоминаний о походе в Россию, наряду со Смоленским сражением и Бородинской битвой. Дошедшие до Березины от стен русской столицы подробно пересказывают ужасы отступления по разоренной дороге и суровые природные условия. Типичную картину общего разложения армии рисуют в своих воспоминаниях германские офицеры, проделавшие нелегкий путь от русской границы до Москвы и обратно. Фон Иелин в «Записках офицера армии Наполеона» донес до нас следующее описание: «Наступил страшный голод, возраставший с каждым днем, так как по опустошенным дорогам ничего не оставалось и не было никакой надежды что-либо отыскать. Многие надеялись поддержать свои силы небольшим количеством сахара, пользуясь им с крайней расчетливостью; но и это средство скоро истощилось, и пришлось довольствоваться лошадиным мясом. Сперва начали убивать самых тощих лошадей, застреливая их на месте. ...Французы, прежде всего, вырезали лошадям языки, не добивая их окончательно. При этом отступлении нет ничего ужаснее тех зверств, которые люди совершили над людьми и животными. Собаки, следовавшие за армией, были все съедены, в том числе, должно быть, и моя. Однажды вечером, блуждая по окрестностям в поисках пищи, я увидел прекрасного белого пуделя. Мы с приятелем тотчас за ним погнались и живо с ним справились. Его мясо мы разделили поровну, и его нам хватило надолго. Когда оно было съедено, мы снова принялись за лошадиное мясо»¹⁸.

Насколько быстро проходила деградация остатков «Великой армии», хорошо видно из мемуаров подполковника 3-го Вестфальского пехотного полка Фридриха-Вильгельма фон Лоссберга: «Я и Хайнц из третьей роты были посланы за дровами. Взобравшись на небольшой пригорок, мы стали рубить кусты. В это время Хайнц толкнул меня в бок. «Смотри», – сказал он, указывая вперед. Я поднял голову и увидел жуткую картину, которая так и будет преследовать меня до самого смертного

■ 2012 – Год российской истории

часа. По дороге шла колонна скелетов, закутанных во всякое тряпье. Она шла медленно, шатаясь из стороны в сторону. Это страшное шествие возглавляла императорская гвардия. Цвет «Великой армии» держался за императором. За ними следовали остатки корпусов и брели толпы отставших. Многие выходили из колонны и падали без сил на снег. Через их тела переступали, и колонна безучастно шла вперед. Мой Хайнц, мой бедный Хайнц, с которым мы вот уже пять лет делим тяготы и радости службы, прошедший ад Португалии и Испании, рыдал, как ребенок»¹⁹.

С другой стороны, встреча солдат 9-го корпуса с колоннами «Великой армии» вызвало у них такой шок, что никто не смог пройти мимо этого момента в своих воспоминаниях и записках. Фельдфебель 1-го Баденского полка Штейнмюллер позднее вспоминал: «...в каком же виде была эта армия, называемая Великой! Все бежали вперемешку, без признака строя, без соблюдения хоть какой-нибудь дисциплины. Только вокруг знамен и «орлов» шли еще вооруженные люди; у остальных не было оружия, они кутались в лохмотья и меха»²⁰. К тому времени (ноябрь 1812 г.) 9-й корпус наряду с остальными частями наполеоновской армии познал тяготы и голод отступления. Генерал-майор граф Вильгельм Хохберг, наследный принц баденский, командир Баденской бригады 26-й пехотной дивизии отметил в своих записках следующее: «Я встретил около маленького города Неманицы обоз, состоявший из 44 фургонов, который еще в начале июля вышел из Карлсруэ и под командованием лейтенанта Хамеса без значительное количество сухарей, кашицы и сапог. Прибытие этого столь важного в тот момент обоза привело все войско в самое лучшее расположение духа. В то время как армия страдала от недостатка пищи и обуви, мы лично были в изобилии снабжены самым необходимым. Я получил разрешение остановиться на дороге и сейчас же произвел дележку»²¹. Однако более тяжкие испытания ждали солдат впереди.

В сражении при Березине (14/26 – 16/28 ноября) корпус Виктора прикрывал переправу на левом берегу, сдерживая натиск войск Витгенштейна. По-разному запомнилось это событие его участникам. Оказавшийся в эпицентре событий, но не принимавший участия в сражении, Генрих Роос несколько раз пытался перебраться на спасительный правый берег реки: «Я сделал пять тщетных попыток переправы через Березину; каждый раз при этом я попадал в такую давку, что меня оттирали либо в сторону, либо вперед или назад, моста же я ни разу не достигнул; больше того, я даже не видел его, так что я и поныне удивляюсь, как я отдался без увечья, которое грозило там со всех сторон»²².

Первое, что бросалось в глаза, это были неразбериха и хаос, царящие на переправе из-за поломки одного из мостов, наведенных французскими саперами. Однако и при этом суровая русская природа не ускользала от взора сражающихся по обеим сторонам реки. Лейтенанту Луи Бего из 2-го Швейцарского полка так запомнилась ночь перед баталией: «Дул сильный, леденящий ветер; наши

люди прижимались друг к другу, чтобы согреться. Самые большие сосны задерживали снег, и под такого рода сенью страдали меньше. Наши караулы были на своем посту, а офицеры, большей частью прислонившиеся к деревьям, за всю ночь не сомкнули глаз, опасаясь какой-либо неожиданности. Наши размышления были далеко не радужными. Голод и жажда мучили нас; мы чувствовали, что на следующий день придется упорно сражаться»²³.

Штейнмюллер, переправляющийся на левый берег, успел отметить скромную красоту белорусской осени: «Наша дивизия Дендельса (26-я пехотная. – Н.К.) переправилась обратно на левый берег и построилась вместе с дивизией Жирара на высотах Веселова, прикрывая переправу от корпуса Витгенштейна. Снег падал густыми хлопьями и одел поля и леса белым покровом; ничего нельзя было разглядеть вокруг, кроме печальной картины полузамерзшей реки, мутные черноватые воды которой изгибами протекали по долине, прокладывая себе дорогу среди льдин»²⁴.

Граф Хохберг, командовавший в сражении бригадой и внесший значительный вклад в успех переправы, запомнил общую картину переправы: «Множество больных и раненых были сброшены прямо в реку, покрытую льдом. В это время не переставая падал густой снег. В конце концов мост провалился под тяжестью, и прошло много времени, прежде чем усталым и голодным саперам удалось его поправить»²⁵. «Не стоит описывать давки этой беспорядочной волны людей всех наций, притекавшей к мосту в ужасной неурядице», – лаконично бросает он напоследок.

Что же касается боевых действий, развернувшихся на левом берегу Березины, то они стали лебединой маршала Виктора и его солдат. Численное превосходство противника было подавляющим, что постоянно отмечали офицеры и генералы 9-го корпуса. «В начале похода 9-й корпус насчитывал 12 500 человек, но еще до Борисовского сражения в нем осталось всего лишь 3500 человек, включая кавалерийскую бригаду Делетра. У герцога Беллонского (маршал Виктор. – Н.К.) было всего 5000 человек, которые едва могли держаться против армии Витгенштейна, имевшего, по крайней мере, 20 000 человек», – указывал впоследствии генерал Делетр²⁶.

Участники сражения навсегда запомнили превосходство русских в артиллерию, которое вполне сравнивали с рассказами о Бородинском сражении. Очевидец так описал действие русских канониров при Березине: «Бомбардировка не прекращалась. В лесу с шумом падали громадные деревья. Прибавьте к этому крики раненых и ужас тех, которые уцелели, при виде того, как падают сраженные ядрами их соседи; а потом падают и они сами в тот момент, когда считают себя уже вне опасности. Нужно самому видеть это ужасное зрелище для того, чтобы представить себе его»²⁷.

Сплошной артиллерийский огонь запомнился и фон Хохбергу, действовавшему в тот день на левом берегу во главе своей бригады: «В это время моя бригада попала в самую сильную перестрелку. Перестрелка в конце моего правого фланга все про-

должалась, и мне приходилось посыпать помощь всякий раз этому батальону, когда он оставался без патронов. Капитан Вольдек, командовавший передней ротой моего полка, получил приказ запастись дополнительными патронами. Он подошел для этого к амуниционной повозке, стоявшей позади моей бригады, как вдруг ядро оторвало ему голову, и мы лишились очень храброго офицера. Немного спустя я видел, как одна граната убила лейтенанта Эля и, разрываясь, ранила 7 солдат, а другая оторвала ногу капитану Малеру – он прожил только до вечера. Около мостов происходили ужасные сцены. Ядра русских убивали одиноких отдыхающих солдат»²⁸.

Фельдфебель-баденец Штэнмюллер видел происходящее из солдатских рядов, но он успел отметить и отчаянное положение обороняющихся, и удачные действия своего генерала фон Хохберга: «Русские теснили нас, несмотря на всю храбрость наших солдат, на все усилия вождей: в нашем корпусе было всего 6000 человек. Русские вскоре стали серьезно угрожать нам. ... Кавалерия производила энергичные атаки в надежде прорвать неприятельскую цепь, и граф фон Хохберг с такой решительностью ударил со своей Баденской бригадой на неприятеля, что тот отступил... Русские все время получали подкрепления и, подавляя нас численностью, оттесняли назад, так что наконец нам пришлось оставить позицию: в пылу сражения несколько ядер упало уже на мосты»²⁹.

Об ожесточенности батальона свидетельствует количество потерь в офицерском и генеральском составе, которое можно сравнить только с «генеральским», как его окрестили потомки, сражением на Москва-реке (французское название Бородинской битвы. – Н.К.). Убыль старшего командного состава отрицательно сказывалась на положении солдат 9-го корпуса и приводила к отступлению, а то и к бегству отдельных колонн. Яркой страницей дня 16/28 ноября 1812 г. была предпринятая маршалом Виктором в порыве отчаяния атака Бергской бригады на русские артиллерийские позиции. «Маршал Виктор отдал приказ генералу Дамасу атаковать с Бергской бригадой возвышенности, находящиеся перед ним. ... Генерал Дамас получил царапину в грудь, а генералу Гейтеру оторвало руку. Придя в беспорядок от этой неудачной атаки и теснимые неприятелем, бергские отряды отступили через лес; то же случилось и с колонной, служившей им поддержкой, она также обратилась в бегство, покинув позицию, которую занимала», – скрупулезно вел список потерь граф фон Хохберг³⁰.

Однако отчаянное сопротивление немецких полков вынудило Витгенштейна отказаться в этот день от решительных действий. Русские отряды ограничились только частными атаками и артиллерийским обстрелом. Баденцы, бергцы, саксонцы и поляки своими телами прикрыли переправу основных сил армии через Березину. Численное превосходство противника и большие потери заставляли их отдавать свои позиции одну за другой. «Почти весь Баденский гусарский полк погиб в этом столь славном для него сражении, и со мной пере-

шли Березину не более 50 кавалеристов. Храбрая гессенская легкая кавалерия разделила с ними их участь», – продолжал граф свой мартиролог³¹.

Большие потери при небольшом численном составе – вот еще один момент, проходящий сквозь все свидетельства немецких солдат о сражении на Березине. Для Штейнмюллера финал битвы запомнился страшным отступлением с позиций под покровом ночи: «Мы построились на снегу в каре, в котором в одну роту вошли солдаты разных частей. Такостояли мы несколько часов без еды и питья, – рассказывал впоследствии он. – Мы шли через горы трупов, по упавшим на них живым, загораживавшим дорогу, и добрались наконец до моста, где все еще была большая давка. После того как мы перешли на другой берег, генерал Эбле (начальник саперов «Великой армии». – Н.К.) велел на рассвете зажечь мост, чтобы русские не могли его перейти»³².

Высший офицерский состав меланхолично подводил итоги кровавого дня. «Потери наши были велики... В Баденской бригаде насчитывалось 28 офицеров убитых и раненых... Убитыхunter-офицеров и солдат было более 1100 человек. Лейтенант Хелер, проверяя наличных вооруженных солдат, насчитал их только 900 человек. Полковник Жентиль из Бергской бригады доложил, что у него осталось лишь 60 человек, в дивизии Жирара было только 200 или 300 поляков, от двух саксонских полков оставались жалкие остатки, готовые расстаять»³³.

Финальным аккордом сражения при Березине была переправа через реку, которую в течение двух дней защищали солдаты корпусов Виктора и Удино. В памяти очевидцев навсегда запечателась трагическая картина ухода некогда «Великой армии» из России. Разрушение мостов через Березину трагически отразилось на судьбах тысяч изможденных, обмороженных, потерявших человеческий облик солдат, так и не смогших достичь переправы. Генерал-баденец фон Хохберг зафиксировал в своих записках лаконичную, но полную драматизма картину: «Наступил день, но солдаты с усердием работали над разрушением мостов. Ужасное зрелище представляли многочисленные больные и раненые, оставшиеся на противоположном берегу, которые теперь должны были достаться неприятелю. Ни одно перо не может описать нашей скорби, когда мы увидели, что русские завладели левым берегом. Скажу, не преувеличивая, что более 10 000 солдат было забрано в плен. 40 орудий, большая часть генеральских экипажей и часть кассы остались на том берегу – добыча неприятеля была велика»³⁴.

Именно такими остались в воспоминаниях немецких солдат и офицеров развернувшиеся на берегах небольшой белорусской реки события. Анализ письменных источников личного происхождения, оставленных 9-м корпусом, представляет перед исследователем короткую цепь событий, как бы в миниатюре представляющих общую картину похода «Великой армии» в Россию. Здесь и жаркое лето 1812 г., и отступление по замершим дорогам при резких перепадах температуры, и кровавое сражение, ставшее финалом трагедии

■ 2012 – Год российской истории

завоевателей. За короткий промежуток времени солдаты корпуса Виктора пережили целый спектр событий, поставивших их наравне с собратьями из других корпусов. Следует отметить, что именно героизм и упорство наемных немецких солдат позволили императору Франции вывести остатки своих дивизий из России, избежав окружения и плена. Исходя из исторической действительности, стратегического и тактического планирования кампании 1812 г., следует отметить, что мемуарное наследие представителей иностранных полков на службе французской империи позволяют подроб-

нее восстановить освещение отдельных моментов эпопеи 1812 г. и, несомненно, ждут продолжения своего исследования.

Kopylov N.A.«Invasion Set of Languages»: War of 1812 by Eyes of Soldier's Foreigners of Great Army.

Summary: Article opens features of participation in war of 1812 European soldiers which were a part of army of emperor Napoleon. On the basis of documents of a personal origin the perception of events of campaign of 1812 officers and the soldiers of a foreign origin who were a part of Great army reveals.

Ключевые слова

Отечественная война, Березина, военные действия, отступление, воспоминания, Великая армия, полк, сражение.

Keywords

Patriotic war, Berezina, hostilities, retreat, memoirs, Great Army, regiment, battle.

Примечания

1. Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра. Операция на р. Березина осенью 1812 г. или реабилитация адмирала Чичагова. М.: Рейтар, 2001. С. 228.
2. Майкл Оливер, Ричард Партидж. Армия Наполеона. М., 2005. С. 177-179.
3. Там же. С. 206.
4. Там же. С. 293.
5. Разин Е.А. История военного искусства. СПб. 1994. Т. 2. С. 452-453.
6. de Sellen J. Privilèges des troupes suisses au service des rois de France. Paris. 1891. P. 8.
7. Первоначально гульденом называли золотую монету, чеканившуюся в Германии с XIV века в подражание золотому флониру.
8. Domanje F. Les droits et les privilèges des parties étrangères à "l'ancien régime". Paris. 1879. P 29-33.
9. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб.2001. Т. 4. С.46 .
10. Чиняков М.К. Королевская гвардия Франции.// «Воин». № 9. 2001. С. 27.
11. Васильев А.А. Честь и верность. Швейцарские гвардейцы при защите французского королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 года. // «Армии и битвы». №1. 2002. С. 20.
12. Rode A. La justice militaire de Louis XIV. Paris. 1838. P.87-94; J. de Sellen. Privilèges des troupes suisses au service des rois de France. Paris. 1891. P. 32-35.
13. Chapter I. The History and Organization of the Swiss in the Service of France 1789-1815. London. 1975. S. 6.
14. Hellmüller C. Die roten Schweizer 1812. Bern.1912. P.42.
15. Hellmüller C. Die roten Schweizer 1812. Bern.1912. S.51.
16. Gay de Vernon J. Le marechal Oudinot, duc de Reggio et ses fils. Paris. 1861. s.223-224.
17. Bodinger M. Die schweizer im russischen Feldzuge von 1812.// Historische zeitschrift. München. 1869. Bd. 2. S. 217.
18. Фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. С. 12-14.
19. Bodinger M. Die schweizer im russischen Feldzuge von 1812.// Historische zeitschrift. München. 1869. Bd. 2. S. 223.
20. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностраниц. Ч. III. М.: ГПИБ, 2012. С. 204.
21. Там же. С. 207-208.
22. Роос Генрих. Указ. соч. С. 259.
23. Begos L. Souvenirs des campagnes. Lousanne. 1859. S.164-165.
24. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностраниц. Ч. III. М.: ГПИБ, 2012. С. 251.
25. Там же. С. 284.
26. Французы в России.... С. 284.
27. Begos L. Op. cit. P. 174.
28. Французы в России.... С. 286.
29. Там же. С. 252.
30. Там же. С. 287.
31. Там же. С. 288.
32. Там же. С. 252.
33. Васютинский А.М и др. Французы в России в 1812 году по воспоминаниям современников-иностраниц. Ч.3. М.,1912. С.195.
34. Французы в России... С. 290.

Противостоять нашествию забвения

О многотомном продолжающемся издании «Великая Победа»

А.В. Серегин

В статье, посвященной многотомному продолжающемуся изданию «Великая победа», выходящему как приложение к журналу «Вестник МГИМО-Университета», рассматриваются наиболее частые примеры недобросовестного или политически мотивированного прочтения истории Второй мировой войны. Одновременно рассказывается о дальнейших планах по продолжению работы над этим изданием.

Без малого три года МГИМО(У) МИД России реализует проект многотомного продолжающегося издания под общим названием «Великая Победа». Во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России к 65-й годовщине Победы над фашистской Германией было издано 6 томов: «Канун трагедии», «Вставай, страна огромная», «Победа», «Другое лицо войны», «Утраченные перспективы» и «За честную историю». К 70-летию гитлеровского нападения на СССР вышли 7-й и 8-й тома издания, посвященные начально-му этапу войны «Испытание» и международным судам над военными преступниками «Расплата». В настоящее время, когда Комиссия прекратила свою работу, готовятся к выходу еще три тома с рабочими названиями «Линия фронта – шифры», «Сталин в годы войны» и «Сражения за Москву и Сталинград». Многотомник выходит под общей редакцией С.Е. Нарышкина и академика А.В. Торкунова. Координирует работу автор этих заметок. Издание является приложением к нашему журналу «Вестник МГИМО-Университет».

После выхода первых томов это издание привлекло к себе общественный и научный интерес и было отмечено высшими наградами ряда рос-

сийских и международных профессиональных книжных конкурсов.

Многотомник получил диплом и приз лучшего издания о Великой Отечественной войне 2010 г. на V Международном конкурсе «Университетская книга» среди вузовских издательств. Затем – диплом и приз лучшей книги 2011 г. среди издательств России, Специальный диплом и приз ежегодного национального конкурса Роспечати «Книга года» в 2011 г. и Специальный диплом конкурса «Общественная мысль» за лучшую книгу в области общественно-научной литературы в 2011 г.

Авторский коллектив планирует продолжить издание многотомника. К 70-летней годовщине Победы над фашизмом издание, как предполагается, будет насчитывать 20 томов. Может показаться, что это слишком амбициозные планы. Однако уже сегодня идет обсуждение последнего, двадцатого тома. Его план предварительно представил профессор МГИМО(У), один виднейших современных российских историков А.А. Ахтамзян. По его мнению, этот том следует посвятить послевоенному мироустройству и конструкции международно-правовой системы послевоенного урегулирования. У тома даже есть рабочее название, предложенное А.А. Ахтамзианом, – «Монумент Победы».

Серегин Александр Васильевич – кандидат культурологии, директор Дирекции информационно-издательских программ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ 2012 – Год российской истории

Каждый из томов имеет собственное название и состоит из отдельных книг (в 8 вышедших томах их 25). В них сгруппированы схожие или однородные сюжеты. Каждая из книг оснащена вновь вводимыми в научный оборот или малоизвестными документами из российских архивов. Общий объем опубликованных томов насчитывает порядка 370 печатных листов, в которых собраны более 200 статей и материалов, не менее 1000 новых рассекреченных документов, почти столько же фотодокументов. Готовящиеся в настоящее время три тома прибавят изданию еще порядка 150 печатных листов и более 600 новых рассекреченных документов. Эти документы и фотографии предоставлены Росархивом, РГАФТ, РГАПСИ, Архивом внешней политики РФ, Центральным архивом ФСБ, Архивом СВР. Слова благодарности необходимо сказать замечательным архивистам, которые бескорыстно работали, готовя материалы к многотомному изданию. Это Т.Г. Занина, Н.А. Калантарова, Н.А. Капитонова, Е.А. Тюрина, Л.А. Роговая, Е.Е. Кириллова и А.В. Юррасов.

Авторский коллектив многотомника, состоящий из почти 200 ведущих специалистов по военному периоду российской истории, представлен исследователями МГИМО, учеными из академических учреждений и независимых научных центров, военными историками, журналистами, политиками и общественно-политическими деятелями России, Украины, Белоруссии, Приднестровской Молдавской Республики, Польши, Германии, Великобритании, Ирландии, Канады, Франции, США и других стран. По мнению многих ученых, коллектив смог создать действительно уникальный труд, вовравший в себя множество точек зрения историков, культурологов, социологов, экономистов, юристов, политологов, военных специалистов на различные, в том числе острые и болезненные, вопросы освещения и трактовки трагических событий Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В целом эта работа подчинена девизу «За честную историю». Следует особо подчеркнуть, что все авторы издания представили свои материалы на бескорыстной основе, так как многотомник не предполагает гонорарного вознаграждения. И за этот труд хотелось бы выразить им искреннюю благодарность.

Особое место в издании уделено вопросам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, их подготовки и начала, ставящих порой под сомнение роль нашего народа в освобождении Европы и всего мира от черно-коричневой чумы XX столетия – фашизма и нацизма. В многотомном издании нашли отражение проблемы, по которым сегодня ведется остройшая научная полемика. Это ответственность за подготовку и развязывание войны, военные преступления Германии, Японии и других стран, участвовавших в военных действиях на стороне нацистов, важнейшие сражения Второй мировой войны, открытие второго фронта, поставки по ленд-лизу, предательство и коллабора-

ционизм, международные суды над зачинщиками и преступниками, послевоенное урегулирование и обустройство всемирной системы безопасности и конечно же особая роль Советского Союза в разгроме полчищ вермахта, заплатившего за Победу огромную, не поддающуюся материальному измерению цену.

«Историческая политика» – термин, обозначающий политизацию и идеологизацию истории, исторических исследований и, как следствие, исторического мышления. С конца XX в. он становится глобальной тенденцией. А.И. Подберезкин и некоторые другие политологи склонны полагать, что толчок к ее становлению был дан канцлером ФРГ Г. Колем, который в начале 1980-х гг. предпринял ревизию ключевых трактовок современной политической истории Германии (в настоящее время том II труда А.И. Подберезкина «Человеческий капитал», где эта точка зрения получила свое обоснование, находится в предпечатной подготовке в издательстве МГИМО). Впоследствии эта тенденция распространилась на страны Восточной Европы и на некоторые бывшие республики Советского Союза, где со временем приобрела характер особой враждебности по отношению к России. Причем ее сподвижники не останавливаются перед прямой фальсификацией истории войны и роли России в Победе.

Есть и точка зрения о более раннем возникновении сегодняшнего политического противостояния в отношении оценок результатов Второй мировой войны и роли России в Победе, которую высказал Н.Н. Яковлев в широко известной книге «ЦРУ против СССР»¹. В далеком 1945 г., когда гитлеровские «асы» еще продолжали тяжело дышать «от бега после стремительного наступления Красной армии», их стали отлавливать и выстраивать в колонны для новых сражений на бранном поле... истории уже под американским флагом. По решению военного руководства США все захваченные союзными войсками в плен высшие офицеры и генералы вермахта были собраны на территории Западной Германии («историческую» операцию возглавил американский генерал Маршалл). Им, морально раздавленным советской военной победой и до конца еще не осознавшим, как все это могло произойти, было предписано создать свое видение истории Второй мировой войны.

В течение трех лет в благоустроенных камерах, мало похожих на тюремные, высокие армейские чины, среди которых были три бывших начальника генерального штаба сухопутных сил вермахта – Гальдер, Цейтцлер и Гудериан, – заместитель начальника генштаба Блюментритт, генералы Хойзингер, Крейпе, Вестфаль, Циммерман и многие другие, скрупулезно писали историю, пользуясь благами свободных исследователей, в распоряжение которых были предоставлены военные документы нацистской Германии. Не трудно представить, что подготовленная при таких обстоятельствах «история» отвечала двум потребностям:

– желанию генералов угодить своим новым хозяевам, выполняя заказ в духе «холодной войны»;

– и, конечно же, оправдать свою полководческую несостоятельность, объяснить военное поражение².

По-человечески можно понять генеральский порыв свести счеты с победителями на печатных страницах, беря реванш за поражение в своих мемуарах, как едко заметил Черчиль. В истории немало примеров, когда реваншистские настроения уже после события брали верх над объективностью. Из-под перьев генералов в научный оборот на Западе вошли мифы о роковых стечениях обстоятельств и всевозможных субъективных факторах, предопределивших в конечном итоге крах военной машины третьего рейха. «Теория случайностей», «генерал Мороз», «генерал Жестокость», «роковые нелепости», «забросали немецкие окопы трупами своих солдат», «бездарные советские генералы», «не жалели мирное население» и т.д., и т.п. – вот лишь некоторые из появившихся там с легкой руки генералов мифов. А ведь все эти генералы несколько ранее получили весьма низкую оценку за выполнение своих военных обязанностей от своего, так сказать, непосредственного начальства.

В мемуарах министра пропаганды Геббельса, которые тот второпях надиктовывал незадолго до падения Берлина, есть место, где он вспоминает беседу с Гитлером о неудачах на Восточном фронте. Среди причин Гитлер выделил искусство русских полководцев, их военный и стратегический талант, народную закваску, которые намного превзошли профессиональные и моральные качества его генералов. Конечно, надо делать скидку на то, что фюрер, как и его генералы, искал оправдания своим поражениям в ошибках и просчетах других. Многие западные исследователи обратили на это внимание. Но почему они не обратили внимание на то же самое обстоятельство в текстах генералов вермахта? Этот факт подмечен в статье И.И. Сироша «История не может быть не честной»³.

Но задумаемся, с какой необыкновенной легкостью, будто не существует научной экспертизы представленного материала и просто здравого смысла, эти мифы из генеральских воспоминаний переместились на печатные страницы научных монографий, в информационное пространство медийных средств, и с какой готовностью их стали использовать с антисоветским и с антироссийским подтекстом политические элиты Запада. Налицо политизация истории, политическое манипулирование ею в своих узокорыстных политических интересах, на что обращается внимание в статье Е.С. Нарышкина «Современный мир: история не остается безучастной»⁴.

В этой статье отмечается, что именно принцип политического манипулирования историей, если он используется на высшем политическом и государственном уровне, свидетельствует о зрелости демократии и степени развития гражданского общества в любой стране. Манипулирование историей подтверждает несвободу и сервильность исторической науки, а насажденная с позиции силы в каком-либо государстве идеологизация истории превращает такое государство в

безмолвного исполнителя чужой воли. Когда же политическая элита той или иной страны, пытаясь ублажить зарубежного хозяина, специально настраивает государственный механизм на политическое манипулирование историей, то сразу виден заказчик, ведущий подсчеты экономических и политических дивидендов. Задачи же могут меняться в зависимости от прихотей хозяина.

Ныне, в рамках процесса идеологизации и политизации истории, антироссийские выпады в современном прочтении истории Второй мировой войны закрепились в политико-идеологическом пространстве Восточной Европы и бывших республик СССР. Будто там их с нетерпением ожидали властные структуры, чтобы назначить эти мифы главными в государственных оценках событий тех лет. Политическая приватизация истории правящими элитами как методология нового прочтения состоявшихся некогда оценок судьбоносных в истории человечества событий приобретает глобальный характер. История Второй мировой войны, как никакая другая, подверглась попыткам ужасающего искажения и фальсификации. Российский президент Медведев был вынужден назвать такие попытки не только «агрессивными», но и «все более жесткими и злыми»⁵.

Сегодня в процессе исторического познания мы стали свидетелями беспрецедентного роста силы, подрывающей основы самой науки истории. Эта сила – разрушитель, привносит нездоровый климат в действующую систему международного взаимодействия и в отношения между народами. Этой силой является политическая мотивированность истории. И в научной сфере, и в общественной жизни многих стран на Западе этот феномен вышел до такой степени, что не заметить и не отреагировать на него на государственном уровне стало невозможным. Пожалуй, именно эти соображения легли в основу решения Президента России о создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Наиболее наглядным примером, демонстрирующим степень проникновения искаженной, политизированной истории в общественную жизнь этих государств, является система образования на восточноевропейском пространстве. В 25-й книге многотомника «Чем наше слово отзовется» представлены материалы, которые дают представление о нынешних учебных программах по Второй мировой войне для школ и вузов этих стран. В учебниках, как отмечают авторы статей книги, как правило, ставится знак равенства между Сталиным и Гитлером, утверждается, что оба диктатора несут равную ответственность за развязывание войны. В них умаляется решающая роль СССР в победном окончании войны, подвергается сомнению освободительная миссия советских войск, навязывается идеология якобы вины сегодняшней России перед мировым сообществом и отдельными государствами за свою предвоенную политику и военные действия, а среди главных причин наших военных успехов

■ 2012 – Год российской истории

называются климатические условия и другие субъективные факторы.

Как справедливо заметил А. Миллер⁶, «идеологические основания исторической политики демонстрируют поразительные черты сходства во всех странах Восточной Европы». Добавим, что эти заключения с научной точки зрения весьма сомнительны, если не сказать резче. Отечественные историки дали им достойный отпор. Но эти заключения стали частью исторического образования в этих странах и потому заслуживают анализа и оценок отнюдь не только с научной трибуны. Наше внешнеполитическое ведомство обязано энергично поставить перед рядом известных стран вопрос на государственном уровне (образование – это государственная функция) о недопустимости уничижения истории России и ее роли во Второй мировой войне на страницах учебников их школьных и других образовательных учреждений.

Острота, с которой сегодня на общественном и политическом уровнях (весма далеких, как это понимают историки, от научного, но все более на него оказывающих и влияние, и давление) воспринимаются правдивые и добросовестные исторические исследования, будет только нарастать. Тот, кто владеет прошлым, владеет будущим. И за будущее надо бороться именно сегодня. В странах, где история Второй мировой войны политически мотивирована, такая борьба обретает, назовем вещи своими именами, просто враждебную по отношению к России окраску. Тон по понятным причинам задают страны Балтии. Об их участии в войне рассказывается в 4-м томе издания «Другое лицо войны». Хорошо известно, что эти страны предпринимали попытки выступить консолидированным фронтом на стороне гитлеровской Германии. Начиная с декабря 1939 г. и в марте 1940 г. в рамках конференций министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы стал формироваться антисоветский блок, а в регионе были созданы условия для деятельности таких организаций, как «латвийское братство», провозгласившее своей целью включение всех прибалтийских государств в состав третьего рейха. И лишь жестко мотивированная политика СССР порушила этот наметившийся альянс.

В двенадцатой книге издания «Судьба лимитрофной Прибалтики» политическим процессам в этих странах накануне и в годы Второй мировой войны посвящена статья Л.М. Воробьевой. Война разделила прибалтов. Одни мужественно сражались на стороне Красной армии, другие заняли место в строю нацистских военных формирований: в Латышском легионе СС, созданном по приказу Гитлера, в «оборонительных батальонах», где служило 20 тысяч литовцев, 10 тысяч эстонцев и 15 тысяч латышей, в дивизиях «Ваффен СС», которые сегодня латвийские власти выставляют борцами за национальную независимость в русле военной политики третьего рейха, и многих других. Подробно о «подвигах» этих дивизий на северо-западе СССР в 1941–1945 гг. рассказывается в статье А.Г. Шляхтунова в той же 12-й книге.

В свое время советская историческая наука замалчивала все эти факты в угоду идеологическим концептам, обустраивающим политическую жизнь СССР. Но современные исследователи открывают все новые страницы колаборационизма прибалтийских государств и их жестокости по отношению к советским гражданам, солдатам и военнопленным. Сравнительно недавно широкой общественности стало известно о трагических судьбах советских детей, которые стали жертвами карательных операций в граничащих с Латвией районах России и Белоруссии, будучи угнанными в концлагерь Саласпилс, близ Риги. Ударной силой этих операций стали латвийские коллаборационисты. На их руках кровь более 3 тыс. ребятишек в возрасте до пяти лет, замученных в Саласпилсе только с 1942 по 1943 г.⁷. Точное число жертв этого лагеря неизвестно и по сей день, и латвийские власти препятствуют объективному расследованию этого преступления.

Понятное в этой связи стремление российской общественности и исторической науки установить правду об этом лагере (в Москве в середине февраля текущего года фондом «Историческая память» была представлена выставка «Угнанное детство» о судьбе детей – узников Саласпилса) вызвало раздраженную реакцию латвийского МИДа. Российских историков – организаторов выставки обвинили в «злонамеренной фальсификации истории», в посягательстве на нормализацию российско-латвийских отношений. Как будто, если об этом лагере не вспоминать публично, то двусторонние отношения заметно улучшатся. Может, латвийской стороной такая логика видится не вызывающей сомнения. Отсюда и решение главного дипломата страны объявить российских историков Александра Дюкова и Владимира Семиндея персонами нон грата, «основываясь на заключении компетентных учреждений о сознательных нежелательных действиях обоих лиц, вредящих латвийскому государству». Вот так. В Латвии «компетентные учреждения» ныне определяют направления и суть исторических исследований и дают им оценки. Когда-то такое уже было, а ныне с успехом унаследовано страной, претендующей на высокую степень демократичности своей общественно-политической жизни.

История, по мысли, некогда высказанной М.Н. Покровским, это политика, опрокинутая в прошлое. Мысль весьма спорная в рамках сегодняшних представлений о процессе исторического познания и об исторической науке в целом, развитие которых в любом демократическом государстве строится по принципу свободы слова. Так должно быть. Но глобальная тенденция политизации истории опрокидывает историю в другую сторону – в сегодняшний день. Приведенный выше пример ярко это демонстрирует. Российский МИД не оставил без внимания демарш латвийских коллег, назвав его «деструктивным». Наблюдатели не без основания полагают, что создавшаяся ситуация затруднит дальнейшую работу комиссии историков России и Латвии, которая была образована

усилиями президентов обеих стран, и конечно же скажется на политическом климате двусторонних отношений⁸. Для будущих томов издания планируется подготовить несколько книг об участии прибалтийских государств во Второй мировой войне, где будет представлена правдивая история этого участия, без политических изъятий.

В настоящее время на Западе идет кампания по раскручиванию «вины» России перед рядом государств за свою политику в годы Второй мировой войны. Понятно, что такое утверждение на научном уровне абсурдно. Содержание всех вышедших томов издания – тому подтверждение. Но с каким рвением к этой кампании стали присоединяться страны Балтии, Польша, Румыния, Венгрия, Грузия, Украина при Ющенко, то есть те страны, у которых политическое манипулирование историей возведено в ранг государственной политики. С каким рвением они реализуют более широкий замысел – переписать историю Второй мировой войны, где России отводится второстепенная роль. Будто и не мы в итоге сломали хребет нацистскому чудовищу, ценой невосполнимых потерь добившись Победы. Цель – навязать России и мировому сообществу идеологию второстепенности России в достижении Победы, обосновать ее вину за войну и, как следствие, навязать России моральную обязанность выстраивать свои сегодняшние отношения с рядом заинтересованных государств на компенсационной основе.

В этом отношении нельзя не обратить внимание на упорство, с каким перечисленные страны пытаются материализовать и легитимировать свое новое видение истории. Прибалтийские и другие известные страны выдвигают материальные претензии к России за войну. В Польше буквально преследуют Россию по Катынским событиям 1940 г. Замечу в этой связи, что свои действия в 1919–1921 гг. в отношении пленных российских солдат польские историки и нынешние государственные функционеры попросту замалчивают. На польской территории в те годы находилось, по разным оценкам, более 200 тыс. российских солдат и офицеров. Многие из них погибли от чудовищных условий жизни. Точную цифру невозможно назвать и сегодня даже на основе последних исследовательских работ, так как польская сторона игнорирует соответствующие обращения наших историков и попросту скрывает правду⁹. Она ей невыгодна. Уж слишком нeliцеприятно выглядели в те годы польские властные структуры.

Отсылка читателя к трагедии российских военнослужащих на территории Польши тогда, когда речь зашла о Катынских событиях, неслучайна и не нацелена на сведение счетов: чья трагедия круче? Но справедливости ради (а справедливость, как и нравственность, выставляются «ревизионистами истории» чуть ли не в качестве основы методологии исторического познания) следует подчеркнуть, что с российской стороны Катынская трагедия стала предметом рассмотрения не только историками. Катынское дело было расследовано в России на государственном уровне, и ему была

дана оценка на высшем политическом уровне: Катынь – это преступление сталинского режима. Все материалы об этой трагедии были рассекречены и опубликованы в Интернете на сайте Росархива в открытом доступе. С ними могли ознакомиться все граждане Польши и знакомились так, что сайт не выдержал нагрузки и на некоторое время завис. Он был рассчитан на 300 тыс. посещений в день, а желающих оказалось более миллиона¹⁰.

Казалось, можно было бы перевернуть эту скорбную страницу российско-польских отношений. Но в условиях политического климата идеологизации истории российско-польских отношений на государственном уровне польская сторона (группа граждан – родственников расстрелянных офицеров) направила иск в Европейский суд по правам человека в Страсбурге с требованием признать неэффективным расследование, проведенное российской стороной. В апреле 2012 г. суд постановил, что российские власти недостаточно (?) информировали родственников о судьбе польских офицеров, расстрелянных под Катынью в 1940 г. (и это после размещения в Интернете всех рассекреченных материалов по этому вопросу!), но не нашел основания для возобновления расследования¹¹.

Тема Катыни будет отражена в многотомнике несколько позднее. В настоящее время идет проработка соответствующих материалов для 12 или 14 томов. Груз прошлого тяжел, но еще тяжелее груз недосказанности. Это касается судьбы пленных российских солдат на территории Польши. К сожалению, в исторические рамки многотомника невозможно ввести события тех лет. Но у исторической науки, у польских и российских историков, есть возможность первыми поставить точку в цепи недомолвок по этому вопросу. Современные представления о нравственности и морали обязывают польскую сторону, как это сделала Россия в связи с Катынью, предоставить исчерпывающую информацию по этой трагедии, о которой в России помнят.

Как уже отмечалось, в настоящее время идет предпечатная подготовка к изданию еще трех томов, которые выйдут в свет осенью текущего года. Полагаю, что небезынтересно будет познакомиться с их содержанием в предварительном порядке. Один из томов называется «Линия фронта –шифры». Его авторы – Л.С. Бутырский, Д.А. Ларин (и ныне покойный) Г.П. Шанкин – собрали уникальный материал о советских шифровальщиках и связистах, подкрепив его неизвестными общественности и малоизвестными фактами о работе советских связистов, шифровальных и разведывательных служб. В годы войны на машинную шифросвязь, делают вывод авторы, легла основная нагрузка при передаче секретных телеграмм. Только 8-е Управление РККА за период с 1941 по 1945 г. обработало свыше 1,6 млн шифротелеграмм и кодограмм. Нагрузка на работников управления доходила до 1500 телеграмм в сутки. Шифровальная служба Генштаба разослала войскам порядка 3,2 млн комплектов шифров.

■ 2012 – Год российской истории

Гитлеровским дешифровальщикам в ходе войны так и не удалось раскрыть секреты советских машинных шифров. Пленные немецкие связисты рассказывали, что перехваченные ими советские криптограммы были нечитаемы. И поэтому после 1942 г. немцы отказались от их перехвата. Даже приказ Гитлера в августе 1942 г., гласивший: «если кто возьмет в плен русского шифровальщика либо захватит шифровальную технику, будет награжден Железным крестом, отпуском на родину и обеспечен работой в Берлине, а после окончания войны – поместьем в Крыму»¹², не привел к положительным для нацистов результатам. При этом авторы, ссылаясь на воспоминания маршала Г.К. Жукова, отмечают, что Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники¹³.

В частности, весьма серьезные проблемы с оснащением радиосвязью существовали в наших танковых войсках перед началом и после начала Великой Отечественной войны. С января по июль 1942 г. Сталинградский тракторный завод, например, отправил на фронт 2140 танков Т-34, из которых лишь 360 были укомплектованы радиостанциями. Это примерно 17 процентов. И такая же картина наблюдалась на других танковых заводах. Положение с оснащением радиосвязью танковых войск изменилось лишь в 1943 г.¹⁴.

В книге подробно рассказывается о работе советских дешифровальщиков, которые смогли полностью, если можно так выразиться, переиграть немецких. К примеру, специалистами Балтийского флота, а на этом море разворачивались важнейшие морские сражения и противостояние было, пожалуй, самым напряженным, за период 1941–1943 гг. было раскрыто 256 шифров и кодов немцев. Это позволило «прочитать» 87 362 криптограммы (не менее 100 сообщений в день) противника¹⁵. На Черном море нашим специалистам удалось вскрыть шифры противника уже 25 июня 1941 г., и с этого момента все операции, планируемые противником на этом театре военных действий, попадали на стол советских военачальников. Летом 1942 г. Сталин, оценивая их работу, заметил: «Если бы не было разведки Черноморского флота, я не знал бы обстановки на Юге»¹⁶.

Читали немецкие шифры и на Северном флоте. 55 тыс. криптограмм довели до сведения военных руководителей советские радиоразведчики. Нашим специалистам удалось даже дешифровать японские телеграммы на Дальнем Востоке¹⁷. Надо отметить, что американцы тоже смогли читать тайную переписку японцев. По сообщению российского агента, американцы «взломали» шифры переписки МИД Японии со своим послом в Москве. В то время японский посол добивался от СССР заключения договора о ненападении. Руководители советских спецслужб сочли возможным не мешать американцам, чтобы они убедились: Москва ведет честную игру с США в том, что касается ее отношений с Японией¹⁸.

Бывший директор ФАПСИ генерал армии А.В. Старовойтов вспоминал: «Нам была доступна информация, циркулирующая в структурах вермахта (почти вся)... Войну в эфире мы выиграли»¹⁹. И конечно же, заслуживает особого внимания свидетельство участника войны, с именем которого связана целая эпоха развития и укрепления радиоэлектронной разведки, генерал-лейтенанта в отставке Петра Спиридоновича Шмырева: «Помню себя и своих товарищей – радиоразведчиков 1941 г., когда мы мало знали и еще меньше умели. И вспоминаю их же и себя в 1943–44 гг., когда радиооператоры знали почерк чуть ли не всех немецких радистов, определяя по ним номера дивизий, корпусов, армий. Любая задача нашим радиоразведчикам была по плечу»²⁰.

Том «Сталин в годы войны» собрал ведущих российских историков, которые неоднократно касались в своих работах сталинской темы периода военного противостояния. Надо сказать, что тема эта вызывает сегодня обостренный интерес и разноречивые политические оценки не только внутри России. На Западе ее стали использовать, чтобы уравнять Сталина с Гитлером, отождествляемым с мировым злом и потому соответствующим образом предопределяющим любые исторические и политические оценки его роли в истории и в ней же роли Германии времен Второй мировой войны. Продолжив эту логику, нетрудно прийти к переоценке роли России в войне и достижении Победы. Так, собственно, и поступают политически мотивированные критики Сталина на Западе. И с этим, полагаю, согласиться невозможно.

Итальянский историк Л. Канфора, написавший послесловие к книге другого итальянского ученого Д. Лосурдо «Сталин. История и критика мрачной легенды», отмечает: «Было время, когда виднейшие государственные деятели, такие, как У. Черчилль, и такие выдающиеся интеллектуалы, как Х. Арендт или Т. Манн, если ограничиваться только этими именами, относились к Сталину и к руководимой им стране с уважением, с симпатией и даже с восхищением. С началом «холодной войны», особенно после «доклада Хрущева», Сталин в однажды стал «чудовищем», сравнимым, возможно, только с Гитлером. Очевидно, что резкий контраст между этими оценками деятельности «отца народов» должен подвигнуть ученого историка не к безоговорочному переходу на ту или иную сторону, а к вдумчивому изучению всех конфликтов и интересов, лежащих в основе этих столь разных подходов»²¹.

Предпочесть безоговорочному переходу на ту или иную сторону взвешенную позицию, чтобы без гнева и пристрастия помочь читателям составить объективные суждения о деятельности этой противоречивой личности в военные годы, пожалуй, главная задача, с которой старалась справиться редакция многотомника. Значительное место в данном томе занимают материалы о международной ситуации того времени и о внешнеполитических усилиях Сталина, чтобы снять великую тяжесть военного бремени с советского народа, найти

скорейший путь, чтобы разделить ее с другими странами антигитлеровской коалиции. Работы известных специалистов, профессоров МГИМО(У) В.О. Печатнова, Ю.А. Булатова, В.А. Корсунова, С.Б. Дружиловского и других, на основе новых для научного оборота сведений раскрывают эту тему. В том о Сталине вошли работы и свидетельства участников Великой Отечественной войны генерала армии М.А. Гареева, Б.И. Невзорова и В.В. Суходеева. Несомненный интерес для исследователя и читательских масс представляют статьи О.А. Ржешевского о напряженном диалоге между Сталиным и Черчиллем, Ю.Н. Жукова о построении в Советском Союзе новой административной системы, обеспечившей победное окончание войны с гитлеровской Германией, А.Г. Куманева о свидетельствах современников о Сталине, а также работы других авторов.

Заслуживает внимания материал, который предоставила для многотомника Федеральная служба охраны Российской Федерации. Это рассказ о повседневной жизни Сталина на так называемой «Ближней даче», которая стала вторым центром принятия важнейших политических решений, обеспечивших в конечном итоге победу над фашизмом. «История мстит тиранам, славит победителей, а неудачникам платит равнодушием и забвением, – так начинается статья профессора МГИМО(У) А.Ю. Борисова о дипломатии Сталина на конференциях «большой тройки» в годы Великой Отечественной войны. – Личность Сталина и его деятельность на посту руководителя Советского государства на протяжении почти трех десятилетий не укладывается в эти жесткие рамки и до сих пор остается предметом острых дискуссий». Автор статьи убежден, что развязанные им кровавые репрессии против собственного народа ничем не могут быть оправданы и навсегда останутся трагической страницей нашей истории. Но это не должно мешать объективной оценке его личности, заслонять другие стороны его деятельности. И с такой постановкой вопроса трудно не согласиться.

70 лет прошло с тех пор, когда немецкие полчища были отброшены от стен Москвы и затем получили сокрушительный удар под Сталинградом. Годовщины этих сражений широко отмечаются в России. Автору этих заметок весьма близка точка зрения Сигурта Оттовича Шмидта, который в день своего 90-летия, размышляя об истории войны, заметил: «Мы недооцениваем и недопонимаем подвиг людей сорок первого года. То был порыв, который нам трудно представить». И далее: «... Злую шутку играет с нами Интернет. Благодаря ему, пласт современности так непомерно разросся и раздулся, что память о прошлом вытесняется куда-то на задворки сознания»²².

Редакция многотомника посвятила этим сражениям отдельный том. Он так и называется: «Сражения за Москву и за Сталинград». Его авторы – виднейшие российские историки Второй мировой войны – А.А. Ахтамзян, В.И. Дашибев, М.Ю. Мягков, В.С. Христофоров, Е.Н. Гульков и другие, на основе новых документов создали уникальную картину

этих решающих сражений, определивших в конечном итоге исход всей войны. Следует также сказать, что в этом томе планируется опубликовать недавно рассекрченные по линии СВР документы, свидетельствующие о том колоссальном напряжении сил всей страны, ценою чего победа под Москвой и под Сталинградом была достигнута.

Но замечание С.О. Шмидта о разросшемся представительстве современности в Интернете впрямую касается многотомного продолжающегося издания «Великая Победа». И вот почему. Сегодня, как это ни прискорбно, книга, печатный носитель, как институт в целом, все больше и больше перемещаются на периферию образовательного и познавательного инструментария, используемого учащимися высшей и средней школы. Главенствующие позиции прочно занимают электронные коммуникативные средства. Это реальность. В нашем Университете многотомник уже используется в качестве дополнительного учебного материала благодаря усилиям профессоров А.А. Ахтамзяна и Ю.А. Булатова. Доводилось слышать, что он используется также и в ряде других университетов. Но сложившаяся на сегодня «образовательная отдача» от этого издания по стране не превышает кпд паровоза. И это объективно. Тираж многотомника – всего одна тысяча экземпляров. Множить его на бумажном носителе – дело весьма дорогостоящее.

Редактор издания, академик А.В. Торкунов, ставит более точную по сегодняшним временам задачу. Он считает, что настало время подумать о создании на базе многотомника инновационного электронного учебника по Второй мировой войне, многоуровневого, с использованием телевизионного видеоряда и компьютерной графики, которые быстрее и успешнее проникают в сознание сегодняшних учащихся, нежели просто печатные тексты. Коллективу, работающему над многотомным изданием, это представляется по силам. Но одному Университету с такой задачей явно не справиться.

На создание электронного учебника потребуются значительные финансовые средства, которых у Университета просто нет. Их и подсчитать сегодня – задача весьма непростая. Нет устойчивой, наработанной практики создания подобных учебников, а значит, отсутствуют и методики финансирования подобных работ. В таких условиях даже сложно умозрительно определить необходимые затраты. И все же, думается, создание электронного учебника о Второй мировой войне – это магистральный путь событий прошлого не только для Университета, а для всего общества, ибо отказ от этого пути может привести, словами поэта, к нашествию забвения.

Sereghin A.V. To Resist the Wave of Oblivion. The Continuing Multi-Volume Edition «The Great Victory».

Summary: The article, dedicated to multivolume continuing publication «The Great Victory» issued as a supplement to the «Vestnik MGIMO-Universiteta» magazine, deals with the most frequent examples of unscrupulous, or politically motivated, interpretation of the Second World War history. Further plans to continue the work on this publication are also expounded.

■ 2012 – Год российской истории

Ключевые слова

Вторая мировая война, политизация истории, преподавание истории, Катынские события.

Keywords

The Second World War, politicization of history, history teaching, Katyn developments.

Примечания

1. «Молодая гвардия», М. 1979.
2. «Роковые решения». «Перевод с английского. Под редакцией доктора исторических наук полковника П. А. Жилина. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, М., 1958.
3. «Великая Победа», том 7 «Испытание». С.147.
4. Вестник МГИМО-Университета. 2011. №6. С.8.
5. Видеоблог Дмитрия Медведева (<http://blog.kremlin.ru/post/11>)
6. «Вызов из прошлого». Россия в глобальной политике. 2011. №5. С. 27.
7. Протокол допроса свидетеля Лаугалайтиса К.А., бывшего заключенного Саласпилсского концлагеря, от 2 ноября 1944 г. Источник: ЦА ФСБ России. Д. Н-18313. Т. 18. Л. 269-272.
8. <http://www.1tv.ru/news/social/200979>
9. Г.Ф. Матвеев, В.С. Матвеева. «Польский плен. Военнослужащие Красной Армии в плена у поляков 1919-1921 годы», М., ООО «Родина-Медиа», 2011.
10. Артизов А.Н. «Общественная миссия архивов». Вестник МГИМО(У). 2012. №2. С. 94.
11. <http://www.RFI/ 12.04.12>.
12. «Зашифрованная война», документальный фильм реж. И. Сахарова, эфир на ОРТ 02.12.2003 и 09.12.2003 в 22 ч. 40 мин.
13. Цит. по: Кокошин А.А. Июньские уроки 41-го года // Независимое военное обозрение. 2011. №22. С.6.
14. Цит. по: Кокошин А.А. Указ. соч. С.6.
15. Куличенко В. Русские против «Энигмы» // Независимое военное обозрение. 2004. №40. С.7.
16. Куличенко В. Указ. соч. С. 7.
17. Куличенко В. Указ. соч. С. 7.
18. Феклисов А. За океаном и на острове. М.: ДЭМ, 1994.
19. Кузьмин Л.А. Не забывать своих героев // Защита информации. Конфидент. 1998. №1.С.85.
20. Бурносов И. Мэтр радиоэлектронной разведки // Независимое военное обозрение. 2009. №35. С.15.
21. Losurdo D. Staline: Histoire et critique d'une legend noire / Domenico Losurdo; traduit de l'italien par Marie-Ange Patrizio, avec une postface de Luciano Camfora. Bruxelles : Aden, 2011 (Grande bibliothèque d'Aden). (Лосурдо Д. Сталин: История и критика мрачной легенды / Доминико Лосурдо; пер. с итал. На франц. Мари-Анж Патрицио; послесл. Лучиано Камфора. Брюссель: Аден, 2011. (Большая Библиотека изд-ва «Аден»). Cit. P. 537.
22. Российская газета. 11 апреля 2012 г.

О кавказском вопросе и будущем России

В.В. Дегоев

В настоящей статье автор вновь размышляет над темой о реальных масштабах угроз, которые таит в себе ситуация на Северном Кавказе, с точки зрения перспектив сохранения российского государства в его нынешнем виде. В качестве одного из ключевых ставится вопрос о том, в какой степени этот регион является источником проблем страны, а в какой – лишь их продолжением. Проводится мысль о необходимости сочетания системно-стратегических подходов к оздоровлению региональной обстановки с оперативным, сиюминутным и ситуативным реагированием на конкретные случаи обострения межэтнических отношений.

Есть ощущение, что читающей публике в России изрядно надоели аналитические статьи о Северном Кавказе, где повторяется в принципе одно и то же, независимо от того, правда это или ложь. Разобраться в сопутствующей тональности не так уж сложно: в заупокойной стилистике столько же идеологически заказного, сколько и в бравурной. Кто-то заинтересован в подогреве панических настроений, кто-то в создании картины под названием «все под контролем». Найти «золотую» или хотя бы достоверную середину между двумя крайностями непросто, ибо и в самом деле трудно предвидеть, куда все повернется на этом непредсказуемом пространстве. И именно поэтому оставить его вне сферы пристального внимания экспертного сообщества – значит заведомо ограничить себя в поисках ответа на вопрос «что делать?».

За долгим и упоительным обсуждением темы о «несостоятельности» некоторых постсоветских государств мы не заметили, как она стала актуальной для Северного Кавказа, где цена этой несостоятельности для России неизмеримо выше.

Известно практически все о прямых и опосредованных причинах, породивших нынешнюю ситуацию в регионе. Некоторые акценты, предпочтываемые экспертами при объяснении происходящего, носят спекулятивный идеологический характер и неизменны на протяжении нескольких

лет, хотя в реальной жизни многое скоротечно меняется.

Проблема не в том, чтобы каталогизировать причины кризиса и выстроить их в логический ряд. Гораздо важнее найти эффективные ответы хотя бы на те вызовы, природа которых в общем-то известна. Вместе с тем возможность точно идентифицировать эти вызовы отнюдь не делает их простыми и однозначными в своей сути. Дестабилизирующие факторы в специфических условиях Северного Кавказа переплетены порой настолько причудливо, неразрывно и хаотично, что бывает трудно выявить первичное и производное, закономерное и случайное. Мы не ставим перед собой задачу раскрыть происхождение и характер угроз безопасности России, исходящих с территории Северного Кавказа: в экспертной литературе это сделано профессионально и почти исчерпывающе. Позволим себе лишь подвести некий суммарный итог тому, что очевидно.

Пора раскрыть большую тайну. С 1991 г. идет процесс утраты Россией своего суверенитета на Северном Кавказе. Повседневные социальность-бытийные реалии отучают местное население подчиняться федеральным законам, которые воспринимаются не в качестве державообразующего института, а как источник наживы для одних, убытка для других, озлобления для третьих. Из

Дегоев Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ 2012 – Год российской истории

единого государственно-правового поля регион выходит, так сказать, явочным порядком. Закон, со всеми его базовыми функциями, ассоциируется в общественном сознании не с именем России, а с именами (или с красноречивыми кличками) республиканских чиновников, которые монополизировали и поделили все, на чем можно нажиться, в первую очередь – самые злачные уголья.

На охрану их личных интересов мобилизованы ведомства, раньше охранявшие интересы народа – его благосостояние и безопасность. Именно здесь таится главная угроза – полная утрата нравственного здоровья и, как следствие, управляемости общества, чреватая социально-политическим коллапсом не только на Северном Кавказе. Коррумпированной и ненавистной людям местной власти не дано быть сильной по определению. Прекрасно это понимая, она старается застраховаться поддержкой Москвы, идя на любые ухищрения. Ей важно убедить Кремль в своей незаменимости в данных обстоятельствах. Именно поэтому «данные обстоятельства» создаются искусственно. Этноократической элите атмосфера чрезвычайности нужна как воздух, чтобы оправдать свое существование, заставить Кремль не только смотреть сквозь пальцы на творящийся на местах административно-судебный произвол, но еще и платить ей дань за внешнюю лояльность к центру. Излюбленный девиз – «нельзя раскачивать лодку!» – феодальные князьяк адресуют Москве. А та и рада его повторять, делая вид, будто не видит, что за ним кроется элементарный шантаж¹.

Даже не слишком больших поклонников конспирологических теорий удивляют весьма странные методы «борьбы» северокавказских властей с бандитами и террористами. Многие из преступников никого не боятся, никуда не скрываются и наглеют с каждым днем, зная, что по целому ряду весьма веских причин их никто не тронет, поскольку кое-кому это просто невыгодно. Конечно, демонстративные жертвы на алтарь Фемиды приносить приходится, но делается это редко и очень избирательно. Происходят и другие диковинные вещи. Стоит Москве потребовать повышения показателей в борьбе с терроризмом, как тут же появляются соответствующие цифры, предъявляются пойманные боевики, предотвращенные преступления, огромные схроны оружия и т.д. Есть и другие «народные приметы». Если вдруг в среде местных силовиков пошел слух о предстоящем сокращении штатов или финансирования, жди «резкого обострения» криминогенной обстановки.

Воображение невольно рисует почти сюрреалистическую картину: преступная паства вольготно пасется на сочных лугах под присмотром правоохранительных пастырей, пока не приходит пора выдернуть из стада «агнцев на заклание» по разнарядке сверху. Пустить всех этих «кормильцев» в расход разом – значит лишиться работы, зарплаты, наград, карьеры. В криминальном питомнике непременно нужно оставить кого-то на

развод для обеспечения хотя бы простого воспроизводства.

Социально-политическая эквилибристика местного руководства ведет не к укреплению, а к ослаблению контроля над общей ситуацией. Глубоко порочна стратегия предержания власти, сводящаяся только к задаче самосохранения. Но другой она и быть не может при тех уязвимых тылах, которые нечем прикрыть в условиях разгула коррупции и безнравственности. Питательной средой для опасных тенденций становится диспропорциональная система распределения федеральных средств по республикам Северного Кавказа. Перепады цифр в этой системе достигают весьма впечатляющих порядков.

Поскольку щедрость «центра», как правило, зависит от степени проблемности субъекта, то у местных элит появляется прямая заинтересованность в создании или, по крайней мере, в имитации проблем, от которых, как подразумевается, Кремль обязан откупаться. Искусственно провоцируемая головная боль для Москвы давно уже превратилась в твердую валюту и ходовой товар. На этом вымогательском поприще идет состязание, где есть бесспорные лидеры и очевидные аутсайдеры, стремящиеся к получению большей доли из бюджетного пирога².

Строительство в Чечне «Объединенных Арабских Эмиратов» на деньги, которые из федеральной казны «дает Аллах», вызывает у северокавказских соседей зависть и раздражение, а в российском общественном сознании – негодование. Оно непроизвольно охватывает даже тех, кто вроде бы осознает, что кремлевская власть должна в какой-то материализованной форме покаяться за разбомбленный в 1990-х гг. Грозный, но вместе с тем не может взять в толк, почему это нужно делать за счет людей, не несущих ни малейшей ответственности за чеченскую войну.

Принято говорить о системности северокавказского кризиса. Это, в трактовке Москвы, означает, что порождающие его факторы располагаются как бы в горизонтальной плоскости и тем самым играют более или менее равные деструктивные роли. Подобное толкование принципа системности обладает в глазах федеральных и региональных властных структур бесспорным удобством – оно им выгодно как средство оправдания того, что происходит или не происходит на Северном Кавказе. Равномерное «распределение ответственности» за трагические события в регионе между объективными (или стихийными) причинами выводит из-под прямого удара критики тех, на ком лежит главная ответственность. Нет, это – не террористы, которые делают то, что им положено делать по их гнусной профессии и по их патологической сути. Это – власть, как система, которая не делает порой даже элементарного из того, к чему она призвана испокон веков.

Конкуренция, или, точнее, война за доступ к рычагам управления той или иной северокавказской республикой, идет между теми, кто уже несказанно озолотился, но хочет большего. По-

разительно, что о гарантиях сохранения «нажитого» никто и не думает: это как бы само собой разумеется в нынешнюю эпоху. У крупного собственника нет страха потерять. Во всяком случае, со стороны государства и закона ему ничего не грозит. Он сам себе государство и закон. Его вседозволенность ограничена лишь пулей киллера. Но это уже прочие равные, побочные издержки жизни в современной России.

В местных предвыборных кампаниях, зачастую принимающих не только абсурдный, но и кровавый оттенок, состязаются вовсе не концептуальные программы, а люди, имеющие большие деньги, но нередко испытывающие недостаток во всем остальном. «Демократия» для них, при отсутствии гражданского общества, как манна небесная. Они громче всего протестуют против практики назначенчества, как проклятого пережитка партийно-советского авторитаризма.

С такой системой ничего не случится до тех пор, пока в ней будут заинтересованы и федеральный центр, и живущий по тем же корпоративным нормам правящий класс северокавказской периферии.

Многочисленные факторы, подпитывающие и усугубляющие кризисную ситуацию на Северном Кавказе, имеют еще и вертикальную структуру, то есть иерархический порядок. Что в нем находится выше и что ниже – вопрос сложный и, по большому счету, второстепенный. Главное в другом: на вершине «пирамиды Пандоры» есть место только для одного фактора, вернее, сверхфактора, связанного с тотальным, прогрессирующими и коллапсогенным разладом системы местной власти. Властные инструменты в регионе утрачивают свои функции, предписанные им самой природой вещей. Все остальное, чем бы оно ни было, включая терроризм, в конечном итоге – следствие этого процесса, неимоверно опасного и, возможно, даже летального для российской государственности в целом.

Мы намеренно оперируем упрощенными образами. Лишь потому, что ведь и речь-то в принципе идет о предельно простой и именно поэтому драматичной дилемме – жизни или гибели Российской Федерации. Отторжение Северного Кавказа (де-факто и тем более де-юре) с сопутствующей перекройкой границ будет означать одно – прекращение существования в его нынешнем виде государства под названием Россия. Это не кликушеская гипотеза. Это жесточайшая реальность обозримого будущего, которое наступит с неотвратимостью цикличного природного явления, если позволить сегодняшним тенденциям развиваться в русле их естественной логики. Возможно, какой-то запас времени у нас еще есть, но какой именно – на практике лучше не выяснять: дорого может стоить.

Существуют мощные внeregиональные и внороссийские силы, глубоко заинтересованные либо в консервации, либо в дальнейшем обострении нынешнего положения на Северном Кавказе. Регион давно и основательно задействован в «большой игре» на «великой шахматной доске»

современной мировой политики. Но как бы кого ни подымало употребить в этой связи слово «заговор», оно совершенно неуместно. Тут вообще нет смысла гадать или подозревать, поскольку все абсолютно ясно и открыто. Идет нормальная, жестокая, по-своему честная борьба за геополитический, экономический, культурно-цивилизационный и конфессиональный передел мира в соответствии с изменившимся после периода холодной войны соотношением потенциалов крупных держав. И можно быть уверенными, что если мы захотим проиграть в этом сражении, то мешать нам никто не будет.

А известный американский сенатор обещал даже помочь. После прокатившихся по Ближнему Востоку и Северной Африке управляемых революций (конец нулевых – начало десятых годов) он публично заявил, что на очереди Россия. Маккейн сделал это по своей простецкой и злопамятной натуре. Другие представители политических элит Запада – имя им легион – думают так же, но не столь откровенны, поскольку устроены тоньше и лишены, в отличие от ветерана вьетнамской войны, личного опыта общения с «русской» ракетой, едва не отправившей молодого летчика Маккейна к праотцам.

Ответ на неизбыточное «что делать?» знают все. И «наверху» и «внизу». Но по разным причинам молчат или недоговаривают. Впрочем, на Северном Кавказе глас народа звучит абсолютно внятно. Негодующие массы людей на улицах и площадях Беслана, Владикавказа, Нальчика, Махачкалы, Майкопа и других городов отчаянно вопрошают об одном: «Доколе?! Что еще должно произойти, чтобы власть стала Властью и выполняла свои прямые обязанности и обязательства перед обществом?!». Вопросы эти адресуются не горским «президентам», которым никто и никогда не верил³, а Президенту, которому пока еще верят.

Надо сказать, что ресурс этого доверия иссякает. Потому что всё и все остаются на прежних местах, продолжая обогащать себя и обирать других. Региональные элиты умело эксплуатируют в общем-то справедливую идею о том, что «рыба гниет с головы». На вопросы они отвечают вопросом: «Чего вы хотите от нас, когда в Москве творится Бог знает что?» Эта тактика «перевода стрелок» работает. Она приучает общественное мнение видеть в порочной политике местного руководства молчаливое кремлевское благословение.

Вроде бы и Кремлю есть чем оправдаться. Он может обратиться к классике советской политической афористики: «Других писателей у меня нет». Это, однако, нисколько не спасает положение. Если нет «других», в чем позволительно усомниться, то тогда нужно заставить имеющихся «писателей» работать иначе. Необходимо найти и задействовать жизненно важные стимулы, способные в корне изменить философию и поведение правящего класса. И, если угодно, употребить все разнообразие методов внеэкономического и экономического принуждения.

■ 2012 – Год российской истории

Вместо этого оклокремлевские пиар-режиссеры потчуют народ спектаклями, пронизанными чувством глубочайшего презрения к умственным способностям простых людей. Во всяком случае – к способности человека с улицы понять, что из него делают идиота. Причем в этом нуорицко-снобистском высокомерии к многомиллионному сословию «бездарей», «неудачников» и «увальней» со слаборазвитыми хватательными рефлексами, не сговариваясь, объединились и правящий класс, и «креативный». В комедии, которую они ломают, якобы враждя друг с другом, главная интрига шита белыми нитками.

Смысл ее в том, что внутреннего, сущностного антагонизма между ними нет и быть не может. Это – борьба внутри большой корпорации. Борьба за власть, деньги, влияние. Борьба подчас жестокая, в ней ворон ворону, пожалуй, еще не один глаз выклюет. Но это – не противостояние правды и лжи, добра и зла, патриотизма и колаборационизма. Это – абсолютно естественные издержки сложнейшего процесса формирования «норкового класса», внутрироссийского аналога «золотого миллиарда». В нем не будет «ни эллина, ни иудея», будет лишь восторжествовавшая справедливость законов естественного отбора в виде пропасти между разбитным, вовремя подсуетившимся («креативным») меньшинством богачей и биомассой бедствующих бюджетников, вполне заслуживших свою участь.

Милосердие? Сострадание к ближнему? Совесть? Благочестие? Идеалы соборности? О чем вы, господа? Всему этому не место «на корабле современности». Впрочем, слова эти в риторическом обиходе первых (и даже вторых и третьих) лиц страны, скорее всего, останутся. Произносить их будут торжественно и вдохновенно, чтобы звания в них пустота хотя бы звучала проникновенно. Вот только кого сегодня, в век тотальных суррогатов и имитаций, этим проймешь?

На разного рода зреющие выдумки власть неистощима. Одна из ее не совсем любимых, но необходимых забав, называется «наведением порядка в стране». Сценой для этих театральных постановок случается бывать и Северному Кавказу. Одна незадача: не успевает подняться занавес, а ты уже, как Станиславский, «не веришь». И правильно делаешь.

Взять, к примеру, широко рекламированные в СМИ «решительные приступы» к искоренению коррупции в высших властных эшелонах региона. Ну, думаешь, наконец-то получат по заслугам, по крайней мере, те, кто обнаглел до невероятия. И что же? Да ничего. С грехом пополам доводят дело до следствия, а дальше, как говорится, « злоупотреблений не выявлено».

Так и вертится на языке: «Гора родила мышь». Но тут уж как посмотреть. «Серьезным ребятам», затевшим под видом антикоррупционной кампании борьбу за передел собственности, «мыши» не нужны. Им нужна «гора», точнее, «горы» всего, и они, не сомневайтесь, свое возьмут не мытьем, так катаньем.

Тогда спрашивается: на кого рассчитан этот низкопробный балаганный иллюзионизм? В общем-то, если по-марксистски, на трудящиеся массы, то есть на тех, кого верхи не ставят ни во что, на тех, кто сохранил еще крохи надежды на «новый курс» и желания обманываться. Вопрос даже не в том, сколько таких оптимистов осталось в России, а в динамике их убывания.

У властей предержащих, как правило, нет иной цели и иной сверхзадачи, кроме самосохранения и самовоспроизводства. Это ни хорошо и ни плохо. Это – данность, связанная с природой политики вообще. А если так, то ее нужно не искоренять (что бесполезно), а использовать. Забота о безопасности и благополучии людей должна стать для политиков выгодным, престижным и совершенно обязательным занятием.

Написано невообразимое количество статей, аналитических сводок и книг о терроризме, религиозном фундаментализме, этнократизме, клановых мафиях, круговой корпоративной поруке, сращивании государственных и криминальных структур. Прежде всего, именно в этом контексте идет исследование факторов, которые придают региональным процессам стабильно негативную динамику. Многочисленные официальные структуры с большим энтузиазмом поддерживают данное направление аналитической работы,вольно или невольно уводя огромные интеллектуальные силы с более важного, если не сказать магистрального, пути. Этот путь требует от исследователей другой методологии анализа северокавказских реалий, других выводов и других рекомендаций для практической политики.

Расхожие ссылки на «трудное время перемен», в котором нам выпало жить, пришли по вкусу тем, кто устроился в этом времени сытно, комфортно и не хочет делать ровным счетом ничего для того, чтобы оно закончилось. Скорее наоборот: тихо моля Мамону о продлении «прекрасного мгновения», они отнюдь не тихо саботируют любые попытки изменить нашу общую (а не внутрикорпоративную) жизнь к лучшему. Для успокоения не слишком счастливых россиян их убеждают в том, что иначе и быть не может «на крутом переломе истории». Железная закономерность, видите ли. И с ней ничего не поделаешь...

Да нет в ней ничего «железного», когда есть здравый смысл, воля и совесть у людей во власти! В России всегда знали цену этим понятиям. Русские люди – не единственный на свете народ с развитым чувством справедливости. Однако исторически оно у них отличалось особой острой, обусловленной традициями общинного мира с его сакральным отношением к слову «правда». В России попрание этой святыни «верхами» «низы» могут терпеть долго, но, к несчастью, так же долго делятся трагические последствия лопнувшего терпения.

Так называемые глубинные (сиречь неотвратимые) исторические процессы, якобы происходящие на Северном Кавказе, носят, повторимся, вторичный, производный характер. Первично

другое: системно-функциональная и моральная деградация государственного управления. Или, если пользоваться физическими терминами, «вакуумизация» власти.

Сетовать на то, что разряженное пространство, то есть «свято место», заполняется ваххабитами, террористами, националистами и другими деструктивными силами, равнозначно жалобе человека на угон автомобиля, оставленного им на целый день на улице без присмотра с распахнутой дверью, с работающим двигателем и кучей денег в салоне.

Ответ на вечный русский вопрос «что делать?» есть. Уберите мотивы, соблазняющие или вынуждающие человека становиться террористом, фундаменталистом, национал-радикалом, сепаратистом, лихоимцем, уголовником. Предложите ему альтернативный, более привлекательный жизненный сценарий. Поставьте каждого преступника – независимо от его социального и материального статуса – перед лицом скорого и неотвратимого наказания.

Как это сделать – проблема оперативно-техническая, при всей ее сложности в условиях нынешнего социально-политического и нравственного разлада российского социума, лишенного идеи, веры, достатка. В этом обществе пока еще сохраняется согласие в одном: у России должно быть будущее, и ее хвори, хотя и тяжкие, не есть смертный приговор. Когда совершено истощится и эта надежда, то geopolитические грезы Бжезинского станут реальностью.

Независимо от того, существует историческая предопределенность или нет, и уж тем более независимо от изготовленных для нас прогнозов необходимо действовать. Немедля, но без паники. С какого бы конца ни браться за дело, нужен мощный инструмент. Он уже давно изобретен и называется институтом Государственной Власти. В России вообще и на Северном Кавказе в частности его надо привести в рабочий порядок. Только тогда появятся рычаги прямого управления процессами, принимающими хаотический характер, и прямого воздействия на причины и следствия, которые часто и заведомо путаются.

В истории России – так уж повелось – все создательные и разрушительные планы зарождаются «наверху». Сейчас институт Власти, в том состоянии полураспада, в котором он находится в северокавказских республиках, является главным источником и катализатором социально-катастрофических тенденций. Нельзя жалеть ни сил, ни средств для капитального ремонта, переналадки и, если понадобится, полного обновления этого механизма. Политика стоит очень дорого, экономия на ней – куда дороже.

Власть и общество в России больны. Эта болезнь на Северном Кавказе, ввиду его исторической и современной специфики, приняла гипертрофированные формы и осложненное течение. Прежде чем власть не исцелится сама, она не имеет права, да и попросту не сможет, лечить «паству».

В отличие от вечно мятущейся и рефлексирующей российской интеллигенции, чиновничий класс в России хорошо знает, чего он хочет и как достичь желаемого. Поскольку эти эзотерические «знания» сегодня направлены против интересов общенародного благополучия, проблема проблем заключается в построении системы, способной кардинально поменять вектор приложения усилий и талантов политico-административного сословия.

Правящая элита добровольно никогда не пойдет на ущемление своих интересов. Также маловероятно, что ее побудят к этому поучительные и предостерегающие картины международных потрясений. Рукотворные «цветные» революции и стихийные всенародные бунты – это далеко от нас и не про нас. Так, между прочим, думали те ближневосточные и африканские лидеры, из которых иных уж нет. «Мы – не Африка и не Ближний Восток», – скажет кто-то. Возможно, хотя лучше себя этим не тешить, чтобы невзначай не стать ими. Как-никак, глобализация на дворе.

Правящие и имущие будут и впредь игнорировать объективную реальность в упор, пока не отвалится сук, на котором восседал дружный коллектив пильщиков, вместе со всеми нами. Однако есть все же шанс, что политической элите достанет спасительного благородства подчиниться воле, доводам и личному примеру харизматического лидера (или лидеров), ведомого более высокой страстью, чем стремлением пробыть и продлить свой срок во власти.

Власть, как историческая система выживания, регенерации и развития социума, всегда функционирует с издержками, представляющими для общества неизбежное зло. В высоко цивилизованных государствах сфера, где граждане могут ощутить это зло на себе, сужена до оптимального предела.

Нигде в мире нет избытка любви к правителям. Их и не нужно любить – они не для того существуют. Населению Северного Кавказа тоже не нравится власть, но еще больше не нравится ее отсутствие, которое, как никогда остро, актуализирует вопрос о соотношении свободы и безопасности. Массовое сознание не просто лояльно к идею укрепленияластной вертикали – оно требует перейти наконец от слов к делу. Рядовые труженики готовы к стратегическому союзу с Кремлем в деле обуздания безбрежного разгула «своих» политических элит. «Низы» ждут ясных сигналов о решимости Москвы взять новый курс. Вместо этого только и слышно: «Хватит кормить Кавказ!»

Пойдите и объясните суть этого лозунга кому-нибудь школьному учителю из Майкопа, Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, который всю жизнь отдал любимому делу, чтобы закончить ее в нищете и забвении. Или ветеранам Великой Отечественной войны и их близким, которые знают от своих старших о цене нашей общей, одной на всех, Победы. Как должен понимать это послание из «столицы нашей Родины» дожива-

■ 2012 – Год российской истории

ющий свой трудный век работяга, оставивший свое здоровье на вредном производстве, – как все еще актуальный девиз «жила бы страна родная»? В чьи объятия толкнет этот новомодный лозунг и без того потерявшую ориентиры молодежь?

Кормить и в самом деле хватит... тех, кто давно уже кормится за чужой счет, и отнюдь не только на Северном Кавказе. Весь этот разношерстный постперестроечный Интернационал приватизаторов в законе – на виду, на слуху, в зубах. Не он ли, случаем, разогревает националистическую тему через популярных блоггеров-правдорубцов, возможно (хотя вряд ли), даже не осознающих до конца, под чью дуду они пляшут. Если кто-то говорит: «хватит кормить чужой Кавказ», то он вольно или невольно предлагает кормить «своих» мироедов, аппетиты у которых вестимо какие. А потом, что такое «свои»? Русские по национальности? Если так, много ли их среди форбсовских «героев нашего времени» на душу, так сказать, титульного населения? Стоит ли в имперской по сути стране превращать в межнациональный вопрос о том, кто кого кормит и кому кого кормить? Не лучше ли понять на конец, что люди, ратующие за размежевание по этническому (и конфессиональному) признаку, хотят тем самым обезопасить себя от последствий размежевания по социально-имущественному, если угодно, классовому принципу? Кто бы им объяснил, что костер бензином не потушишь?

К сожалению, сеять вражду проще, чем работать на мир и согласие. Тем проще, чем чаще некоторые представители кавказской молодежи, бросая вызов всем и вся, демонстрируют на улицах Москвы, Петербурга, других крупных российских городов образчики отвратительного или просто преступного поведения. Потомственному москвичу или петербуржцу, отнюдь не только русскому по крови, не может нравиться, когда историческую территорию его культурного обитания со сложившимися городскими правилами и обычаями приезжают завоевывать плохо (или иначе) воспитанные люди, привозя с собой не только иные нравы, но и то, что считается постыдным и на Кавказе. Многим из них, правда, трудно понять, почему всем можно, а им нельзя принять участие в столичных вакханалиях, которые круглогодично рекламируются по телевидению как новый ценностный, поведенческий стандарт, символизирующий «продвинутость», «раскрепощенность», «креативность» и Бог знает что еще.

Общая бездуховная, дегуманизированная, растлевающая атмосфера пиршества одних и прозябания других неотразимо притягивает к себе кавказских «растиньяков-конкистадоров» всех мастей, которым мало «сгодиться там, где родился», и которые задаются по-своему справедливым вопросом – чем они хуже тех некавказцев, кто так жадно откликается на призыв: «beri от жизни по максимуму, стремящемуся к бесконечности, а отдавай по минимуму, приближающемуся к нулю».

Начистоту – так начистоту. Во многом именно «русская» столичная молодежь, не блещущая добродетелями, утверждает те самые «структуры повседневности», которые, по причине их невзыскательности, охотно принимаются прибывающими в Москву горскими неофитами глобализации. Но это вызывает рефлекторное возмущение «коренных москвичей». Почему? Потому, что «нам» можно, а «им» нельзя, вот и все.

Да нет, не все. Российскому обществу и российскому руководству еще долго придется искать ответы на эти и другие вопросы. Искать честно, вне зависимости от степени их лицеприятности. И найти. Для начала – чтобы хорошо понимать, что происходит. А потом уже решать, что делать – жить с этим или изживать?

Наши верховные правители воздерживаются от революционных методов духовного оздоровления общества, хотя о важности его говорят постоянно. В их искренности нет сомнений. Равно как и в их прекрасной осведомленности о том, что нынешний политический класс заниматься этим добровольно не будет никогда, ибо ему придется сперва произвести эту «нравственную революцию» внутри себя, чтобы получить моральное право учить других. К этому можно только принудить. И тут потребна не просто воля, а настоящее мужество.

Ожесточенное сопротивление тех, чьи интересы пострадают в результате смены вех, почти гарантировано в самых изощренных формах – от мелкого саботажа до организованного протеста с привлечением всего арсенала политтехнологических средств, включая крупные провокации и даже террор. На этот случай в распоряжении у Кремля, по крайней мере теоретически, имеется проверенный прием – прямая апелляция к народу. Негодование «низов» против преступного чиновничества, с одной стороны, и политическая воля Кремля, с другой, станут для разложившегося правящего сословия молотом и наковальней.

Да, это рискованный ход, требующий точного расчета: история уже неоднократно показывала, что такое «разбуженные массы» и как они могут обойтись со своим «будильником». Но ведь на то и дан человеку лидерский дар, чтобы управлять обстоятельствами и видеть на несколько шагов вперед. Во всяком случае, если вконец распустившаяся государева челядь будет в принципе знать о готовности «царя-батюшки» пойти на крайности, появятся шансы заставить ее хотя бы имитировать благопристойность. Были же мы свидетелями «добрых дел из-под палки», рапортами о которых местное начальство привыкло встречать приезд президента. Коли нет других способов воздействия, то, значит, надо, пока они не найдутся, колесить по российским городам и весям, чтобы управлять ими вручную.

Детские рассуждения? Возможно. Хотя как посмотреть. Нынешняя элита – неоднородна: в ней люди разные по взглядам, интеллектуальному и образовательному уровню, степени порядочности, возрасту. Со многими из них действительно

ничего не построишь и даже не разрушишь. Они уже давно достигли предела собственной некомпетентности и опустились гораздо ниже самых скромных требований к человеческой совестливости. От них хорошо бы поскорее избавиться, препроводив либо на «заслуженный» отдых, либо на заслуженное сидение в местах не столь отдаленных, либо на такую работу, где особого вреда не причинишь.

Как бы ни было трудно сейчас в это поверить, но есть и другая часть элиты, творческая, думающая, не до конца потеряянная для интересов общества. Она открыта новым идеям, в ней пока нет безнадежной тусклости взора на судьбы Отечества. Такие добродетели найдутся не только у молодых, но у молодых их нужно воспитывать в первую очередь и, разумеется, предоставлять любую возможность проявить все это. Социально-карьерные лифты необходимо отрегулировать так, чтобы они доставляли самых достойных на самый верх. Иными словами, выраживать меритократию, ничего для нее не жалея. Легче всего сказать: «наивно и несбыточно». Но, может, все же попробовать для начала? И убедиться, что наивным и несбыточным бывает лишь то, к чему мы еще не прикасались.

Разумеется, молодежь тоже разная. Она вполне способна перенимать от «старших товарищей» из властных сфер их профессиональные, генетические пороки и даже превосходить своих учителей в банальных человеческих слабостях. Но речь ведь не о политических гомункулах с набором идеальных качеств, а о выборе наименьшего из тех зол, что неизбежны и непреодолимы от веку.

В борьбе со стоглавой Гидрой коррупции добиться полной победы невозможно, поскольку это не игра с нулевой суммой. Но нанести чувствительный удар вполне реально, хотя и совсем непросто. Если Кремль решится взять в союзники трудящиеся массы Северного Кавказа, то шансы на победу повысятся. Кроме того, кто мешает верховной власти употребить против разгулявшегося служилого сословия те же высокие политтехнологии? Да и особых ухищрений во многих случаях не понадобится. Быть может, самый сильный козырь в кремлевской колоде – наличие одного важного житейского обстоятельства: обогатившемуся административному классу есть что терять. Это, не исключено, подвигнет его мозги и инстинкты к элементарному умозаключению – если возникает выбор между самоубийственным риском нелегального умножения своего богатства и гарантированным сбережением того немалого, что уже имеешь, то лучше предпочесть последнее. Перед лицом именно такой дилеммы нужно поставить тех, кто этого заслуживает.

И вот тогда уж и от Кремля потребуются отступные в виде пресловутой экономической амнистии. Однако не следует предоставлять ее всем без разбора и автоматически. В таких кампаниях непременно нужны жертвы, выбрать которые необходимо с умом, из числа самых одиозных фигур, бросающих демонстративно оскорбительный

вызов, который нестерпим даже для общества с девальвированными понятиями о чести, совести, справедливости.

История знает немало прецедентов непосредственного обращения правителя к народу. В современном, «цивилизованном» кодексе политического поведения это считается запрещенным приемом и дурным тоном. Беда только в том, что благообразие и политкорректность поведенческих норм, принятых в среде первых лиц государства, заметно контрастирует, особенно на Северном Кавказе, с кровавой антиэстетикой реальности, которая требует к себе адекватного отношения и более функционального подхода.

Вместе с тем «антибоярский» союз «царя с народом», если он будет осуществляться лишь по историческим лекалам, без поправок на реалии XXI в., таит в себе угрозу и для «верхов», и для «низов». Иначе говоря, для России в целом, перед которой традиционно стоят две опасности – полного хаоса и полного порядка. Если есть золотая середина, то ее придется искать между классической западной демократией и классическим российским авторитаризмом.

Идеальной была бы такая ситуация, при которой порядок в стране наведет сильная демократическая власть. Иначе этим займется, с благословения «трудящихся масс», власть авторитарная, что, возможно, соблазнит ее на политику максимальной концентрации властных полномочий, обычно именуемой тоталитаризмом.

Применительно к огромной России еще можно рассматривать вариант золотой середины. К сожалению, на Северном Кавказе его не существует. Там после крушения СССР и исчезновения вместе с ним советско-державной надидентичности основой массового самосознания стали этническая, клановая, профессионально-корпоративная и другие, в том числе глубоко маргинализированные, сферы самоотождествления. Парадокс глобализации в этом регионе состоит в том, что северокавказские народы тянутся к реставрации традиционных, патриархальных отношений, характерных для XVII–XVIII вв⁴. Это и клановая иерархия, предполагающая ожесточенные межклановые схватки за высокие места на этой лестнице; это и вассально-сюзеренная, данническая система соподчинения с соответствующим распределением общественного богатства, статусно-престижных ролей и т.д.; это и внутриклановая круговая порука; это и особые представления о преступлении и наказании, реализуемые через стихийно возродившийся механизм обычного права.

Все это, как и многое другое, экзотически сочетается с новейшими атрибутами цивилизации, включая область экономической и финансовой деятельности.

Ожидать, что при таких обстоятельствах в северокавказских республиках произойдет самоорганизация гражданского общества снизу, ровно в том виде, как это происходило на Западе в течение веков, – утопия, принудительное вопло-

■ 2012 – Год российской истории

щение которой приведет к бесплодной растрате огромных ресурсов с непредсказуемыми последствиями. Если кремлевское руководство возьмет курс на выращивание, так сказать, эволюционной демократии, то Северный Кавказ будет потерян и для России, и для демократии.

Постсоветский опыт показал, что в малых, традиционалистских социумах партийно-демократическое строительство обретает форму благовидного, «цивилизованного» прикрытия для межклановых и межфамильных войн или для сведения счетов между криминальными группировками. Демократия в ее северокавказской разновидности становится прежде всего легальным и прямым путем во власть для значительного числа людей, заряженных негативной, разрушительной пассионарностью. Страшно то, что общество перестает отделять ненавистный образ этого хищнического слоя от образа государства Российского.

Выдающийся русский либеральный историк В.О. Ключевский заявлял о своем неприятии «партийного принципа» организации общественной жизни России, поскольку это ведет к расколу. Стоит ли говорить о воздействии такого рода принципа на крошечные (по сравнению с русским народом) социально-этнические и культурные системы?

В истории утверждения России на Северном Кавказе то и дело вставала проблема выбора между большой и малой кровью. Нередко удавалось обходиться минимальными, политическими средствами, хотя далеко не всегда. Кавказская война с политико-идеологической точки зрения олицетворяла борьбу двух цивилизационных проектов: российско-имперского и исламско-фундаменталистского (мюридистского). Первый проект одержал безоговорочную победу благодаря не только силовому превосходству. Он оказался в глазах народных масс более привлекательным по целому ряду причин (о чем написаны книги). Главная из них – уверенность в том, что мощь Российской империи способна гарантировать подданным внешнюю и внутреннюю безопасность – первое условие выживания, благополучия и развития.

Сегодня «борьба проектов» возрождается, и вовсе не потому, что державная идея утратила свою популярность, а потому, что почти не видно тех, кто готов и способен ее осуществлять. Зато на виду люди, жаждущие этим воспользоваться. Радикальные исламисты тонко чувствуют настроения масс в бедных, полигэтнических, коррумпированных и этнократизированных обществах, лишенных порядка, справедливости, единства. Преимущество ваххабитов в том, что у них есть своя, совершенно четкая программа воплощения в жизнь этих идеалов. Она проста до предела: формирование духовной наднациональной идентичности, основанной на высоких заповедях «чистого» ислама и противопоставленной сонму человеческих и социальных пороков, национализму, расколу, беспорядку, преступности, с одной стороны, и российскому светскому и иноверческому

присутствию, как олицетворению всего этого, с другой. В условиях отсутствия у Кремля хотя бы сопоставимого по силе морального воздействия контрпроекта ваххабитские идеи стремительно овладевают умами, особенно среди молодежи, всегда предрасположенной к максимализму.

Союзниками фундаменталистов вольно или невольно становятся отдельные представители российского либерализма и великорусского шовинизма, выступающие с призывом: «Сбросим этот балласт (Северный Кавказ) и заживем счастливо!» Одни ссылаются на «священный» принцип самоопределения и неготовность патриархальных обществ к переходу в постиндустриальную стадию, другие – на религиозно-культурную несовместимость «нерусского» региона с Россией.

Нет ничего порочнее и опаснее такого подхода. И чем настойчивее нас подвигает к этому Запад, тем больше оснований усомниться в его благонамеренности. Однажды (в 1991 г.) мы уже сбросили «балласт», но перспектив «зажить счастливо» как не было, так и нет. А о geopolитических последствиях и говорить нечего.

Английский философ У. Оккам предостерегал от «умножения сущностей без необходимости». Сейчас этот призыв крайне актуален для Северного Кавказа, где «сущности умножились» до такого количественного и качественного уровня сложности, который граничит с хаосом. Чтобы он не наступил окончательно, ситуацию нужно упростить и сделать это непременно «сверху», иначе она так запутается «снизу», что управлять ею будет совершенно невозможно.

Сегодня северокавказское пространство усеяно гордиевыми узлами. Многие из них нельзя развязать. Их придется разрубать. На это потребуются воля и смелость, почерпнуть которые пока еще есть откуда. В том числе из такого важного источника, как кавказский менталитет. На Кавказе всегда понимали и понимают, когда Власть употребляет власть, в том числе по отношению к своим бесчинствующим уполномоченным.

Однако работать с запутанными политическими материями только так, как это иногда делал Александр Македонский, нельзя. Они требуют, помимо симметричных властно-волевых действий, еще и интеллектуальных, творческих, нетривиальных подходов. Без них в современном мире, где все влияет на все (пока, слава Богу, до «взмаха крыла бабочки» дело не дошло), просто не выживешь.

Тем, кто не хочет утруждать себя разработкой и применением принципиально новых антикризисных, модернизационных технологий на Северном Кавказе, есть чем убаюкать свою совесть: этот регион – неотъемлемая часть России, и с какой стати он должен процветать, если страна еще далека от такого состояния. Но и при наличии такого «оправдания» для бездеятельности придется учесть, что Северный Кавказ всегда отличался своеобразием. Даже общими для всей России болезнями он болеет несколько иначе: в

чем-то с большими осложнениями, в чем-то – с меньшими. Примешивается «национальный колорит», что в каких-то аспектах делает местное население устойчивее к невзгодам времени. Оно, к примеру, не прочь поговорить о второй и последующих волнах мирового кризиса, но утверждать, что эта тема вошла в круг повседневных забот людей, нельзя. Народ на Кавказе не такой пугливый, чтобы проводить бессонные ночи в ожидании «черных» «вторников», «четвергов», «пятниц» и т.д.

Смотришь телевизор и думаешь: «Господи, да как же там можно жить». А когда приезжаешь в какой-нибудь северокавказский город, то видишь, что, оказывается, можно. Что-то строится, что-то реставрируется, что-то облагораживается, на глазах меняя городской пейзаж. Люди бегут на работу, используя все виды транспорта, который, кстати, движется (конечно, в соотношении с масштабами города) быстрее, чем в Москве. В учебных заведениях кипит жизнь. Чем-то, видимо, занимаются и промышленные предприятия, судя по их далеко не заброшенному виду. Вечером есть куда пойти и молодежи, и взрослым, при наличии, разумеется, средств. А они, похоже, есть. Помимо общероссийских, много национальных праздников, предвкушение и вкушение которых действует на людей воодушевляющее, смыслообразующее.

О многом говорит и высокий спрос на железнодорожное и воздушное сообщение с Москвой, Петербургом и другими городами страны. Значит, люди ездят по России, видят ее вживую, чувствуют, почти как в советские времена, свою принадлежность к ней.

Люди на Северном Кавказе исторически более консервативны, чем в других местах России. Не то, чтобы они были вообще против всяких перемен. Но их рассуждения выглядят примерно так: если нет гарантированной возможности изменить жизнь к лучшему, то тогда пусть все остается как есть – хуже бы не было. (Это важное обстоятельство следовало бы иметь в виду столичным политикам. Правда, бесконечная спеkulация на нем очень опасна.)

Думская выборная кампания 2011 г. – убедительное тому подтверждение. На Северном Кавказе ее спокойно можно было бы пустить на самотек – получился бы такой же с точки зрения политических интересов Кремля результат, даже при наличии у многих крайне скептического отношения к «Единой России». Наши либералы потешаются над цифрами, которые представил Центризбирком по региону. Они и в самом деле выглядят несколько карикатурно, если не знать кавказский менталитет.

Столичные лозунги из серии «Достали!», как мы уже отмечали, актуальны и на Северном Кавказе, где тоже хватает своих «доставал». Однако население региона труднее поднять на митинги, подобные московским. Отчасти в силу некоего парадокса: здесь народ инертнее с точки зрения гражданственности, зато горячее и вспыльчивее с точки зрения особенностей массового поведения.

Впрочем, есть, возможно, еще одна причина. Люди опасаются, что вместо «заевшихся и ленивых» на их шею сядут «голодные и хищные» (нестранные на Кавказе в ходу анекдоты на эту тему). Но самое главное и, возможно, спасительное – в том, что события 1990-х гг., прежде всего в Чечне, сформировали у народов, если так можно выражаться, вполне осознанный инстинкт самосохранения. Там революции происходят не так, как в Москве, где их жертвы исчисляются единицами. Северный Кавказ платит за революции, всегда экспортируемые из российских столиц, гораздо дороже, опять-таки ввиду своей специфики.

Поэтому здесь, как ни покажется кому-то неожиданным, сформировались особые исторические навыки уклонения от лобовых социальных столкновений⁵. Жившие в условиях тесного, частную опасно тесного, соседства и чересполосицы народы веками притирались друг к другу. На долгом и горьком опыте они познавали великое искусство мирного сожительства, стихийно приходя к пониманию его безальтернативности, точнее, наличия единственной альтернативы – взаимного уничтожения. Именно горячий нрав людей заставлял их обуздывать себя. И это не парадокс. Это мудрость жизни, восстающая против нелепости смерти.

А еще на Кавказе всегда было русское население как органичная часть этого многоцветного этнического мира⁶. Бесчисленные исторические документы (мы намеренно не говорим о трудах историков) ярко демонстрируют особую миссию русских людей на периферии строившейся многонациональной и многокультурной империи: соединять, примирять, посредничать, созидать. И ничего похожего на пресловuto-классическое «разделяй и властвуй». (Одна из ближайших книг автора будет почти целиком посвящена развенчанию мифа о злокачественной «классичности» политики России на Кавказе). Речь, разумеется, не о межнациональной и межконфессиональной идиллии, не существующей в природе вещей, а о максимально возможной минимизации конфликтного потенциала.

Начавшийся в 1990-х гг. и продолжающийся по сей день исход русских с Кавказа лишает регион едва ли не главного миротворческого и очень важного творческого, конструктивного ресурса, включая квалифицированную рабочую силу, инженерно-технические кадры, врачей, учителей, ученых, вузовских преподавателей и т.д.⁷.

И, наконец, была российско-имперская, а потом советско-имперская система, прочные скрепы которой обеспечивали кавказское социально-политическое и культурное пространство перспективами динамичной, системной модернизации и жизнеутверждающими смыслами. Это происходило под прямой опекой государственной Власти с большой буквы и в точном смысле этого слова⁸.

Чрезмерный избыток такой власти вреден. Но острый дефицит ее еще пагубнее. Сегодня на Северном Кавказе, как и повсюду в России,

■ 2012 – Год российской истории

налицо последнее. И пока региональная власть такая, какая она есть, а центральная не слишком к ней требовательна, почему бы не призвать на помощь местное гражданское общество. Да, да, именно гражданское общество, которое в своей специфической кавказской разновидности существует там с давних, советских времен⁹. Оно держалось и держится на вожаках-подвижниках, посвятивших себя служению людям, и на здравом смысле этих людей, благотворные запасы которого Москва недооценивает.

Закончу статью одной невыдуманной историей, не называя имен ее героев, они себя узнают и без того. Дело было сравнительно недавно в Ставропольском крае, где по целому ряду вполне «рукотворных» причин сохраняются непростые отношения между казаками и дагестанцами. На этом фоне пустяшная бытовая стычка быстро выросла в социальный конфликт, спровоцировав улично-стихийную мобилизацию обеих сторон. К месту действия моментально выехал очень авторитетный дагестанский общественный деятель, предварительно созвонившись и договорившись о встрече с такими же влиятельными казаками, своими друзьями и единомышленниками. В результате поле чуть было не начавшейся битвы превратилось в стол переговоров с последовавшим затем дружеским «чаепитием».

Кто-то скажет: смешно уповать на такой способ разрешения конфликтов со сложной

этиологией. На всяку подобную ситуацию не напасешься «пожарников» столь высокого класса. Отчасти верно. Но если нет действенных системных средств, лучше уж ручное управление каждым конкретным случаем, чем человеческие жертвы и неудержимое расползание ненависти.

Быть может, есть смысл нашим уважаемым государственным мужам (покуда они со своими всеведающими экспертами еще не придумали, что делать с Северным Кавказом) прислушаться к совету непостороннего: поддержите, для начала хотя бы морально, это «странное» племя людей, которые не спрашивают, по ком звонит колокол, а, не жалея себя, бросаются в пекло, чтобы колокол ненароком не зазвонил по государству Российской, по всем нам...

Degoev V. V. A Troubled North Caucasus: What's Ahead?

Summary: In the article the author revisits the never-ending post-soviet discourse on the burning issue – the North Caucasus threats to Russia's statehood. He ponders over the question whether the region is the source or just the exotic extension of the country's troubles. Whatever the answer is prof. V. Degoev thinks it vital for the Kremlin to try its best to escape the worst-case scenario on the turbulent multiethnic periphery. This end, as he concludes, has to be achieved by carefully calculated combinations of systemic approaches and the ad hoc reaction to social conflicts fraught with the nation-wide consequences.

Ключевые слова

Современная ситуация на Северном Кавказе, перспективы российской государственности, межэтнические и межэлитные отношения, кавказский менталитет, нравственный облик политического класса России, национальная безопасность, «хватит кормить Кавказ».

Keywords

Contemporary situation in the North Caucasus, the future of Russia's statehood, interethnic relations as worsened by intra-elit conflicts, the Caucasus people mentality, the mores and morality of Russian ruling circles, national security, «stop feeding the Caucasus».

Примечания

- Гаджиев К.С. «Большая игра на Кавказе». Вчера, сегодня, завтра. М.: «Международные отношения», 2010. С.41, 43-44, 46.
- Гаджиев К.С. Указ. соч. С.44.
- См.: Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 45-46.
- Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе / Под ред. В.Н. Панина и С.Я. Сущего. Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2012. С.28, 135.
- Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007. С.349.
- Российский Кавказ... С. 225-235; Рябцев В.Н. Указ. соч. С.27-28.
- См.: Российский Кавказ... С. 178-179.
- Профессор Н.Дюлгерова полагает, что только время ответит на вопрос, исчерпал ли себя российско-советский имперский проект с точки зрения решения взрывоопасных проблем Кавказа. И осторожно добавляет: если этим не займется Россия, то найдутся другие международные акторы, которые захотят в той или иной форме осуществить на кавказском пространстве «консолидационный (читай – имперский) план». (Dyulgerova N. Borders in the Caucasus. Geopolitical and International Law: A Discourse. Sofia: «Paradigma», 2008. P.253,260).
- Российский Кавказ... С. 335-335.

Евразийская интеграция как новый этап развития российской государственности

О.А. Подберезкина

В статье евразийская интеграция рассматривается с точки зрения нового этапа развития российской государственности. С этой целью анализируются особенности «фазового перехода» России к качественно новой цивилизационной сущности, черты национальной инновационной системы, структура креативного класса и демографический потенциал страны, шестой технологический уклад и шансы овладения им Российской Федерации.

Человечество в XXI в. переходит в новую фазу своего цивилизационного развития. Ее недавно называют постиндустриальной, информационной, «осевым временем», имея в виду новое качество возникающей экономики, социальных отношений, культуры и, как производное, международных отношений. К новым горизонтам своего будущего народы и государства стартуют из разного исторического времени и могут двигаться к нему по собственным орбитам и с разной скоростью. Но пока что ясно одно: те государства, которые успеют реализовать представившиеся возможности, станут новыми лидерами человеческой цивилизации, одновременно предложив другим странам в качестве пилотных свои системы ценностей, модели социально-политического и экономического развития.

Суть «фазового перехода» для России

Растущее значение гуманитарных, экологических, энергетических, информационных и других проблем – важнейшее проявление данного «фазового перехода». Оно означает, что существующая мировая система международных отношений, казавшиеся еще недавно идеальными полити-

ческие и экономические модели развитых государств перестали или перестают быть таковыми. И если некоторые новые центры силы, например Китай и Индия, в принципе определились с национальными стратегиями развития, то большинство государств, включая прежних мировых и региональных лидеров, только задумались над этой проблемой. В частности, известный отечественный исследователь Нодари Симония пишет в этой связи: «Последний ипотечный кризис в США, быстро переросший в национальный финансовый кризис, а затем и в глобальный экономический кризис (2007–2009 гг.), многие на Западе расценивают как начало полного заката неолиберальной модели американского капитализма. Даже некоторые европейские лидеры выступили с заявлением о том, что настала пора избавиться от доминирования ангlosаксонской модели мировой финансовой системы»¹.

Другая черта свершающегося перехода – появление новых политических и военных центров силы, а также политических организаций (типа «Большой двадцатки», БРИКС, ШОС и т.д.), которые начинают теснить старых игроков на международной арене. Но не только. Новые центры силы,

Подберезкина Ольга Алексеевна – аспирантка кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ 2012 – Год российской истории

будь то Китай, Индия или Бразилия, представляют собой государства-цивилизации, которые отличают высокая степень национальной самоидентификации, верность традициям и стремление интегрироваться в глобальное сообщество, не только сохранив государственный суверенитет и национальную систему ценностей, но и распространив их (по аналогии с англосаксонским миром) за пределы национальных границ.

К таким государствам с некоторыми оговорками можно отнести и Россию. Но сырьевая зависимость России делает ее весьма зависимой от мировой конъюнктуры. Как отмечает американский аналитик А. Коэн, возможная «война (в Иране. – О.П.) же поднимет цены на нефть до 200 долл. за баррель, а то и выше, что показали результаты военной игры и экономические модели, отработанные в Heritage Foundation. Возможно, именно поэтому больше всего войны желают богатые нефтью арабские страны: Саудовская Аравия, Кувейт и Эмираты. На Персидский залив, а также на Россию и Венесуэлу прольется золотой дождь. Но за скачком цен на энергоносители последует глобальный экономический спад. Монархии Залива с их колоссальными валютными ресурсами его, скорее всего, переживут. К сожалению, для России прогноз на случай тяжелого экономического кризиса, способного обвалить цены на нефть до 35–50 долл. за баррель на пару лет, совсем не радужный»². Существует и другая версия: производители газового конденсата в США заинтересованы в росте цен для того, чтобы сделать его добычу рентабельной. В этом смысле они заинтересованы и в войне.

Третье весьма заметное проявление «фазового перехода» – это резко возросшее значение человеческого потенциала, вообще наук о человеке и смежных, стыковых наук об информации и человеке. Это означает, что наступает не просто новый этап НТР, лидерство в котором будет предопределять экономическую, военную и социальную мощь государства, речь идет о новом этапе в цивилизационном развитии человечества. Здесь важно подчеркнуть, что на таком этапе развития технологические заимствования уже не могут играть решающей роли. «Задачи заимствования» означают заведомое отставание государств в НТР. Отсюда – важнейшая роль той части национального человеческого капитала, которая определяется уровнем развития национальной фундаментальной и прикладной науки, технологий и образованием.

Важно понимать (а неудачные попытки модернизации России в 2005–2012 гг. говорят о том, что в российской правящей элите это осознается плохо), что технологические заимствования консервируют отставание и делают процесс догоняющего развития бесконечным. Мир ко второму десятилетию XXI в. четко разделился на постиндустриальную часть и индустриальную, которые все больше отделяются друг от друга. Россия принадлежит к индустриальному миру, а ее политика модернизации означает, что страна приобщается к технологиям и знаниям, которые уже устарели, как минимум, 15–20 лет назад. Это – абсолютно

бесперспективная стратегия развития, которая будет вести к дальнейшему отставанию страны и создаст наиболее опасную угрозу национальной безопасности. Примеров не счесть, в том числе и в самых, казалось бы, неожиданных областях. Так, для нужд Министерства обороны в свое время производили наручные часы на заводе «Восток», которые работали без подзаводки 36 часов, выдерживали наезд армейского джипа, удары, падения, погружение в воду на глубину до 50 метров и другие экстремальные испытания. Там был собственный, очень надежный механизм и высочайшая культура производства: процент брака у них был ниже, чем у швейцарской ETA³.

Другой пример: на встрече гендиректоров предприятий, производящих комплекс С-300, с теми, кто его использует, в одной из бригад под Москвой в конце 2012 г. наблюдалась такая картина: большинство претензий было высказано в отношении сцепления к колесным тягачам, которые «горели» от неумелого обращения молодых солдат-водителей. А ведь еще несколько лет тому назад управляли тягачами, как правило, офицеры и прапорщики, и такой проблемы не было. Эти два примера хорошо иллюстрируют колossalную потерю в НЧП, которая произошла в последние годы, ставшую критичной для эффективного использования вооружений и военной техники.

Политика технологических заимствований, которая в 2005–2012 гг. называлась модернизацией, очевидно ведет к растущему отставанию России, потере технологической культуры и НЧП. Пока что происходит, как отмечают российские эксперты, недооценка этого фактора. «...В российском правительстве, похоже, отсутствует эффективная система подготовки и принятия решений по серьезным вопросам. При ее наличии спор между ВПК и Генштабом по новому стратегическому бомбардировщику вообще не должен был возникать, а проектно-конструкторские работы по изделию, аналогичному Falcon NTV-2 или более совершенному, давно бы велись полным ходом. Об отсутствии такой системы свидетельствует также невнимание правительства к решению некоторых вопросов, от которых зависят темпы научно-технического прогресса России. Самый важный из них – это уровень изобретательской активности инженеров-конструкторов и исследователей. По этому показателю Россия отстает от Японии в 18 раз, от Южной Кореи в 14 раз, от США – в 4, Германии – 3, Австралии – 2,5 раза. А ведь в конце 80-х гг. прошлого столетия мы были впереди всех»⁴, – отмечали эксперты в этом, 2012 г.

Черты национальной инновационной системы

Как справедливо считают некоторые российские аналитики, «деление на индустриальный и постиндустриальный мир – это не просто классификационное различие». «Два мира реально формируются. Постиндустриальный мир замыкается в себе. Возрастает доля экспорта развитых стран в развитые страны: в 1953 г. – 38%, в 1963 г. – 49%,

в 1973 г. – 54%, в 1990 г. – 76%. Так же «замыкается» и ввоз-вывоз капитала. 90% зарубежных инвестиций в США идут из 7 стран, и на них же приходится 60% зарубежных американских инвестиций. К началу 1990-х гг. семи ведущим постиндустриальным странам принадлежали 80,4% мировой компьютерной техники, 87% патентов, 90,5% высокотехнологичного производства.

И эта ситуация не может в обозримое время кардинально измениться. Страны – члены ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), то есть наиболее развитые страны, тратили в 1990-х гг. на научные исследования в среднем 400 млрд долл. (в ценах 1995 г.) в год. На США сейчас приходится 44% общемировых затрат на научные исследования. Эта исключительная роль США продолжает сохраняться. Как заметил академик Н. Симония, «в информационном отношении Америка снова вырвалась вперед, когда в ней стал складываться информационно-технологический уклад, который в течение каких-то двух десятков лет начал постепенно пронизывать и интегрироваться в сегменты «традиционной» (то есть индустриальной) экономики. Можно, конечно, отметить, что далеко не последнюю роль во всех этих процессах сыграла «подпитка» из все той же старой Европы и бывшего СССР («утечка мозгов»).

Как бы то ни было, но именно в США были созданы условия для расцвета инновационных технологий. В этой стране, по существу, сложилась полноценная национальная инновационная система (НИС). Вот примерный перечень участников НИС при разработке и реализации каких-либо национальных стратегических проектов:

- государственные министерства и комиссии зачастую выполняют функцию координирующего механизма, они инициируют и соучаствуют в таких государственно-частных проектах, в случае необходимости привлекают национальные лаборатории (ВВС, ВМС и др.);
- частные корпорации со своими подразделениями НИОКР. В случае отсутствия последних привлекаются сервисные компании;
- университеты и исследовательские институты работают над фундаментальными проблемами и прикладными разработками;
- венчурные компании представляют собой один из главных источников инновационных технологий, финансируются венчурными банками либо представителями продвинутых крупных корпораций, которые в дальнейшем выкупают изобретение и запускают изделие в массовое производство⁵.

Очень показательно, что в подавляющем большинстве стран, пытающихся догнать развитые страны, ставится задача модернизации. А что это значит? Это значит освоение того, что в мире уже есть. Все попытки провести модернизацию имеют целью более или менее творческое заимствование созданного другими. Догоняющий тип развития способен дать многое, пока страны конкурируют в пределах одной системы производительных сил. Но «самые быстро растущие страны Азии находятся на этапе индустриализации. Они увеличивают выпуск уже

имеющихся в мире товаров, используя втягивание в производство все новых слоев населения»⁶.

Наконец, четвертое проявление «фазового перехода» происходит на уровне мировоззренческом и социальном. Вот как его описывает известный эксперт А. Неклесса: «К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной. Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки и параллельно возникают новые; привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разнотечениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Человеческий космос персонализируется и усложняется, былые иерархии, коды деятельности разрушаются либо преображаются, порою с точностью до наоборот. Делегирование полномочий становится под сомнение, происходит сдвиг к прямой, но асимметричной (конкурентной) демократии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое обновление, а в самом обществе нарастает «бешенство превращений», ведется страстная борьба за право на индивидуальность»⁷.

Фактически происходит социальная революция, в результате которой прежние представления о социальной структуре общества, его ценностях, классовых и расовых отличиях стремительно ломаются. Одновременно возникают новые до этого неизвестные. Особенно важное значение приобретает новый социальный слой – креативный класс и роль отдельного индивидуума – творца, который начинает вести «страстную борьбу за индивидуальность».

Технологии, безопасность, человеческий капитал и развитие

Проблемы экономики, общества, ОПК и армии тесно связаны между собой. Какие экономика и общество – такова и армия. Ю. Корчагин справедливо замечал: «Перед Россией сейчас стоит та же проблема, что стояла и перед СССР накануне его распада. СССР, при всей своей мощи, смог создать только 3–4-е технологические уклады (ТУ) экономики, а на 5-м споткнулся и затем распался. К тому же даже продукция 3–4 ТУ российской экономики была и остается низко конкурентоспособной на мировых рынках⁸.

Надо сказать, что такая ситуация сложилась в непростой международной и военно-политической обстановке, когда стремительно растут военные расходы, а военные потенциалы стран приобретают новое качество. Это особенно заметно на примере АТР, где «КНР с 2002 по 2009 г. поднялась в мировом рейтинге расходов на вооружение с 7-го места на 2-е⁹. Рост официальных военных расходов КНР чрезвычайно динамичен – почти в 5 раз за 10 лет: от 21,743 млрд в 2000 г. до 100,425 млрд в 2009 г. Следует принимать во внимание, что в ежегодных докладах министерства обороны США конгрессу¹⁰ утверждается, что реальные военные расходы КНР в 1,7–2,6 раза превышают официально объявляемые суммы.

■ 2012 – Год российской истории

Таблица 1

Технологические уклады экономики.

№	1	2	3	4	5	6
Годы	1770-1830	1830-1880	1880-1930	1930-1980	1980-20.. (?)	2015-2050 (?)
Лидеры ТУ	Голландия, Великобритания, Франция, Бельгия	Те же + Германия и США	Те же	Те же + ЕС + Канада + СССР + Япония + Австралия	Те же (включая всю Европу) + Сингапур + Китай + Корея + Индия + Бразилия + Мексика + РФ(?)	Те же, включая дополнительно Юго-Восточную Азию и Латинскую Америку
Ядро ТУ	Текстиль, каналстрой, водян. и ветрян. двигатели, чугун	Паровой двигатель, ж/д, машино- и пароходостроение, станко-инструмент. пром., черная металлургия, уголь	Электротехника, тяжмаш., ЛЭП, неорганическая химия, авиа- и автостроение, сталь	Авиа-, авто-, тракторостроение, цветмет., органическая химия, синтетический каучук, атомная энергетика и технологии, космос, нефть	Микроэлектроника, программное обеспечение, робототехника, биотехнологии, лазерная и иная оптика, фототехника, дистанционное управление, космос, газ	Социальные технологии, технологии сознания, human technology, climate technology (климатические техн.), технологии интеллекта, ИТ, водородная энергетика и синтетический газ, био- и нанотехнологии, клеточные техн., генная инженерия, мембранные и квантовые техн.
Ключевые факторы развития	Текстильное машиностроение	Паровые двигатели, станки	Электродвигатель, сталь	Двигатель внутреннего сгорания, нефть	Биотехнологии, микроэлектроника, программное обеспечение, ядерная физика, компьютеры, ИТ, Интернет	Нанотехнологии, социальные техн., технологии человека, климатические техн., синтетический газ

Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования, и реальные военные расходы существенно превосходят официальные». Международный институт исследования проблем мира (SIPRI) в 2004 г. доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружение и развитие ВПК осуществляется из других бюджетных источников – Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке SIPRI, реальные военные расходы Китая в среднем более чем вдвое превышают официальные»¹¹.

Важной особенностью «фазового перехода» становится ведущая роль национального человеческого капитала, который характеризуется как количественными, так и качественными (демографическими) параметрами. При этом отмечается отчетливая и прямая взаимосвязь между развитием инфраструктурных проектов и НЧП, в том числе его демографической составляющей. Ю. Корчагин считает, что «величина и качество советского интеллекта, человеческого капитала и государства оказались недостаточными для перехода к 5-му технологическому укладу. Свои микроэлектронику, компьютерные, информационные и другие высокие технологии создать не удалось. Лопнуло там, где было тонко, – в высоких технологиях»¹². Л. Аристова в свою очередь отмечает: «Переход к

социально ориентированной высокоэффективной рыночной экономике предполагает достижения современного уровня и качества жизни населения. Состояние и развитие транспортной инфраструктуры определяет устройство экономики в целом. В настоящее время для России и большинства государств Центральной Азии международные транспортные коридоры, нередко повторяющие древние торговые пути, являются необходимым условием, обеспечивающим экономическое и культурное единство территории, сохранение ее целостности и развития. Современные изменения в мировой экономике характеризуются расширением географии межгосударственных связей и ростом конкуренции, повышением роли государства в определении и соблюдении баланса между опорой на собственные национальные силы и открытостью своей экономики. Для России и большинства республик Центральной Азии и соседних стран совместное вхождение в мировой рынок обеспечивает более значимые для каждой из стран результаты, чем при индивидуальных действиях, подчас стимулируемых третьими странами из-за рубежа»¹³.

Если говорить о демографии, то известно, что начиная с 1990 г. вплоть до 2012 г. в Российской Федерации существовал огромный провал, или «демографическая яма», которую, вероятно, удалось остановить только в 2012 г. Но и за пределами Российской Федерации шел процесс сокращения «русского присутствия». Как отметил Д. Тренин, «после обретения независимости русских стали увольнять или вытеснять с ответственных постов в правительстве, государственном аппарате, поли-

ции, вооруженных силах, образовании и других важнейших структурах»¹⁴.

Таблица 2
Русские меньшинства в бывших советских республиках, получивших независимость (%)

Страна	Доля русских в 1989 г.	Доля русских в 2012 г.	Год по-следнего подсчета
Российская Федерация	81,5	79,8	2002
Армения	1,6	0,5	2001
Азербайджан	5,6	1,8	1999
Белоруссия	13,2	11,4	1999
Эстония	30,3	25,6	2000
Грузия	6,3	1,6	2002
Казахстан	37,4	30,0	1999
Киргизия	21,5	12,5	1999
Латвия	33,9	29,6	2002
Литва	9,4	6,3	2001
Молдавия	13,0	5,9	2004
Таджикистан	7,6	1,1	2000
Туркмения	9,5	6,7	1995
Украина	22,1	17,3	2001
Узбекистан	8,4	5,0	1996

Шестой технологический уклад и шансы России

Известно, что «следующий, шестой технологический уклад в части новых технологий будет ориентирован на совершенствование здоровья и интеллектуальных возможностей человека, на социум, на повышение качества жизни, включая климат, среду обитания и труда (human technology), на развитие нанотехнологий, технологий естественного и искусственного интеллекта. В ядро 6-го ТУ войдут социальные технологии, технологии сознания и мозга, climate technology (климатические технологии), водородная энергетика и синтетический газ, био- и нанотехнологии, клеточные технологии, генная инженерия, мембранные и квантовые технологии. Ю. Корчагин полагает, что, «согласно прогнозам, 6-й технологический уклад вступит в фазу распространения в 2015–2030 гг., а в фазу зрелости – в 2040–2050 гг. При этом социальные технологии и технологии развития личности и совершенствования здоровья населения будут развиваться опережающими темпами. Новый ТУ создадут здоровые и интеллектуально развитые люди (креативный класс)»¹⁵.

На наш взгляд, такие оценки излишне пессимистичны, хотя их разделяют многие авторитетные ученые, руководители и особенно руководители производств. Так, еще недавно в России существовал абсолютный скепсис в отношении распространения Интернета и числа пользователей. Между тем уже в первой половине 2012 г., по данным компании Microsoft, доля пользователей компьютерами среди молодых людей достигла 87% против 92% в Европе. При этом отмечается, что потребность граждан современной России в использовании технологий для решения своих

личных и профессиональных задач достаточно высока. ИКТ-компетенции все чаще требуются при устройстве на работу: если более 10 лет назад умение пользоваться компьютером или Интернетом было обязательным условием при приеме на работу только в 7% случаев, то сейчас этот показатель возрос до 30%.

Жители России также демонстрируют высокую заинтересованность и спрос на государственные услуги в электронном виде: 42% взрослого населения страны считает Интернет удобным способом для взаимодействия с властью. По мнению экспертов, в развитии ИКТ-компетенций ведущую роль играют программы повышения компьютерной грамотности. И это подтверждается исследованиями: 48% людей, когда-либо проходивших специальное обучение, свободно владеют компьютером и выполняют большинство базовых операций, тогда как среди людей, не обучавшихся на компьютерных курсах, опытных пользователей насчитывается только 17%.

Согласно результатам исследования, проведенного ИРИО, уровень ИКТ-компетенций россиян сегодня отстает от среднеевропейских показателей, но этот разрыв очень быстро сокращается. С 2008 г. разница в доле пользователей Интернета в России и странах Европейского союза сократилась более чем в два раза. При этом существенное отставание еще остается, как количественное (число компьютеров на душу населения), так и качественное (то, как используются технологии, государственные услуги в электронном виде и т.п.). Сегодня в России не реже одного раза в неделю компьютером пользуется 58% населения, в то время как в ЕС этот показатель составляет 69%. Приблизительно такое же соотношение и между пользователями Интернета: 56% – в России и 68% – в ЕС¹⁶.

В России доля пользователей, еженедельно работающих за компьютером, среди молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет составляет 87% против 92% в Европе. Такие данные были представлены на пресс-конференции в рамках Петербургского экономического форума Институтом развития информационного общества (ИРИО) и компанией Microsoft. Эксперты по результатам проведенного исследования «Роль ИКТ-компетенций в социально-экономическом развитии России» указывают, что лидером в освоении информационно-коммуникационных технологий в России, безусловно, является молодежь. Так, для сравнения в более старшей группе (от 55 до 74 лет) компьютером пользуется лишь 18% (42% в ЕС).

«Для России 6-й ТУ экономики, – считает Ю. Корчагин, – пока принципиально недостижим, как, впрочем, и 5-й уклад. Для этого предварительно необходимо в условиях конкуренции и профессиональных реформ создать высококачественные системы воспитания, культуры, образования, науки и конкурентоспособное качество жизни. Распад СССР – это накопленный отрицательный опыт, доказывающий сделанные выводы»¹⁷. И хотя такого рода выводы и оценки чрезмерно пессимистичны, важно подчеркнуть, что решение этих задач, как и

■ 2012 – Год российской истории

реализация евразийской интеграционной политики, требует совершенно новой системы государственного и политического управления, основанных прежде всего на консолидации и мобилизации национальных ресурсов. Причем не только федеральных, но и региональных, и местных. Не только финансовых (которые сегодня обычно имеются в виду), но и моральных, идеологических, духовных.

Академик М. Титаренко справедливо заметил: «Концепция России как евразийской державы требует серьезного реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра. Жесткий политический моноцентризм, диктуемый огромными пространствами и наличием порождаемого на местах сепаратизма, ролью региональных факторов, тем не менее должен сочетаться с необходимым учетом географического, культурного, социального своеобразия регионов и предусматривать: в экономическом плане – значительный потенциал региональной самодеятельности; право регионов к творческому самосовершенствованию и видоизменению; право адаптировать поступающие из центра общие указания к местным условиям».

Подлинное решение задач развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования ее административно-экономической системы, укрупнения административных структур. Опыт экономического подъема развитых стран Запада, США и Японии, а также Китая дает пример разделения функций управления процессами развития экономики между столицей и региональными центрами¹⁸. Но, и это главное, «фазовый переход» требует от России реальной политики опережающего развития, в результате которого страна должна перейти в новый технологический уклад. Это возможно при параллельном, последовательном и одновременном «догонянии» и «скачках», перескакивании через этапы в ее развитии. Эти два процесса необходимо совместить, а не противопоставлять один другому, что вполне возможно, если они будут опираться на приоритетное развитие НЧП. Технологические заимствования в таком случае будут становиться частью национальной инновационной системы, развивающейся на базе отечественной фундаментальной науки, НИОКР и образования.

Евразийская интеграция как фактор решения Россией ее фундаментальных проблем

В современном турбулентном мире трансформация России имманентно связана с глобальными процессами, складывающимися соотношением мировых сил. В сложившейся международной ситуации Россия оказалась «зажатой» между растущей мощью Китая, активной экспанссией НАТО и угрозами с Юга. В таком контексте евразийская интеграция становится уже не просто одним из важных для нее факторов, но и глобального масштаба проектом, от которого зависит само суверенное существование Российского государства. Причем понимаемая не в узком смысле – как эко-

номическая и таможенная интеграция нескольких стран СНГ, – а в самом широком, в том числе и политическом, ее проявлении.

Гарантия выживания России и ее уникальной цивилизации в качестве одного из мировых лидеров заключается в реализации масштабного евразийского проекта. В частности, в своей известной статье в октябре 2011 г. В.В. Путин пишет: «Евразийский союз – это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества. При этом не собираемся кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными долгосрочными национальными интересами. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». И далее: «Еще в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции. О формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки. И, наконец, о снятии визовых барьеров. Эти предложения не повисли в воздухе – они детально обсуждаются европейскими коллегами»¹⁹.

Очевидно, что разные страны, в том числе и среди членов СНГ, по-разному относятся к этой идеи, особенно среди государств Евросоюза. Однако потенциал самой идеи, как показали даже первые месяцы, оказался огромным. В частности, 1 июля 2012 г. в Молдове начала работать Евразийское агентство новостей. Его корпункты будут расположены во всех крупных городах республики. Цель проекта – пропаганда евразийского интеграционного направления и, в частности, первого его этапа – Таможенного союза (ТС) РФ, Белоруссии, Казахстана. В республике идет сбор подписей за проведение референдума о присоединении к нему. Неслучайно глава представительства Евросоюза в Кишиневе Дирк Шубель поспешил предупредить, что интеграционные векторы, связываемые с ЕС и ТС, несовместимы²⁰.

Евразийский проект В. Путина и Китай

В мире стремительно нарастают процессы изменения соотношения сил в пользу Китая как нового центра силы в Азии, которые уже привели к стремительному нарастанию военных потенциалов и обозначили точки вероятных конфликтов не только в этом регионе, но и за его пределами. Политика США по «сдерживанию» Китая приобретает все более отчетливые очертания, хотя и до этого, в других странах, конфликтность угрожающее приобретала военно-политические формы: КНДР, Пакистан, Афганистан, Сирия, Ирак, Иран, да и

другие азиатские страны и государства Ближнего Востока и Северной Африки становятся эпицентрами потенциальных конфликтов, где происходит столкновение самых разных интересов²¹.

Россия, к сожалению, не может избежать участия в той или иной форме или возможности полностью дистанцироваться от этих процессов. И не только потому, что они происходят в непосредственной близи от ее границ, но и потому, что она вынуждена занимать какую-то ясную внешнеполитическую позицию, которая, в свою очередь, во многом предопределяет социально-экономическую и внутреннюю политику государства. И «разновекторная дипломатия» может помочь лишь на какое-то время и лишь отчасти: нужна национальная стратегия, сочетающая политические, военные, экономические, информационные и социокультурные факторы в единой системе. Это хорошо видно на примере создания региональных систем ПРО США и – потенциально – странами ОДКБ. Тем более что районы существующих и потенциальных конфликтов соседствуют и влияют не только на Россию, но и на все постсоветское пространство.

Единственная эффективная стратегия противостояния нарастающему хаосу – евразийская политическая, экономическая и военная интеграция, которая позволит консолидировать ресурсы России и других постсоветских государств, а также вовлечь в этот процесс в той или иной степени другие (в том числе и европейские) государства. Соответственно провал этой стратегии можно рассматривать как наиболее серьезную угрозу национальной безопасности России, невозможность противопоставить нарастающей мощи двух центров силы – США и Китая, – а также нарастающей конфликтности в других государствах.

Сегодня существуют попытки стратегического прогноза развития США и Китая на 15–20 лет, но важно отметить, что политические намерения (в отличие от экономических и военно-технических возможностей) меняются значительно быстрее. Трудно прогнозировать как отношения США–России, так и КНР–России даже на среднесрочную, а тем более долгосрочную перспективу. Поэтому неизбежно предстоит исходить из «наихудшего сценария», который применительно к России может означать экономическую и политическую экспансию США и Китая. Никто не может гарантировать нашей стране, что при очередном переделе мира ее территория и природные богатства избегнут посягательства от экономических и военных гигантов – США и Китая. Как справедливо заметил Л. Млечин, «Китай – после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода – на рандеву со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке утерял свое первенство. Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы меч-

тают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: ХХI век станет китайским веком. Давным-давно Наполеон пророчески заметил: «Когда Китай проснется, весь мир вздрогнет»²².

И это не пустые слова. Китай еще только выходит на мировую арену, и это объясняет пока еще существующую сдержанность его внешнеполитических и военно-политических амбиций. Его руководство ставит перед собой вполне разумные цели национального развития, которые определяются тем, что Китай еще находится на догоняющем этапе экономического, технологического и социального развития. По оценке академика Н. Симонии, «образно говоря, Китай пока преуспел по части производства или ассимиляции «железа» (hardware) высокотехнологичной продукции, но не собственного программного обеспечения (software), без чего говорить о IT-укладе было бы преждевременно. Так что Китай в ближайшей перспективе будет еще находиться в процессе догоняющего развития. Другое дело, что Китай уже сейчас может быть примером для огромной массы развивающихся стран, настолько отстающих в своем экономическом развитии, что большинству из них сегодня и в ближайшей перспективе просто не до решения грандиозной задачи постиндустриального развития; им в лучшем случае предстоит решать задачи модернизации индустриального типа. Я уже не говорю о странах, которых сегодня относят к категории failed state, то есть тех, кому не удалось пока решить базовую проблему консолидации своей государственности и в которых в настоящее время вообще не просматривается перспектива нормального развития (Афганистан, Сомали, Йемен и др.)»²³.

Растущая мощь Китая оказывает огромное влияние на Россию уже сегодня. Прежде всего, экономическое (но уже и политическое, о чем говорят значительно реже). Так, 11 лет, прошедших после подписания Договора 2001 г., были посвящены преимущественно наращиванию количественных параметров партнерства. Объем торговли вырос с 8 млрд долл. в 2000 г. до примерно 80 млрд в 2011 г. Китай стал главным внешнеторговым партнером России. К 2015 г. товарооборот может достигнуть 100 млрд долл., а к 2020-му – 200 млрд долл. Существенную роль в достижении этих показателей призвана внести подписанная в 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири с провинциями Северо-Востока Китая до 2018 г.». Кроме этой масштабной программы подписано свыше 200 различных документов по двустороннему сотрудничеству²⁴.

По экспертным оценкам, доля Китая в мировом потреблении различных видов сырья увеличится на 5–10 пунктов в течение следующих 10 лет. Объем импорта сырья со стороны Китая к 2020 г. по некоторым позициям в абсолютном выражении удвоится, считают российские эксперты²⁵.

■ 2012 – Год российской истории

Таблица 3
Импорт в Китай некоторых видов металлов и энергоносителей.

	2010 г.		2020 г. (прогноз)	
	млн т	Доля от мирового потребления, %	млн т	Доля от мирового потребления, %
Алюминий	0,1	40	4	46
Нефть	239	11	350	17
Уголь	135	47	230	56
Железная руда	620	64	725	72
Никель	0,3	37	0,8	45
Медь	2	37	5	47
Цинк	0,3	37	1,0	42

Источник: <http://www.economy-esr.ru>; <http://www.infogeou.ru>; <http://www.chinapro.ru>; <http://www.rosinvest.com>

Открытие в последние годы в Китае (Ордосский бассейн, Таримский бассейн, Бохайский залив и др.), в Австралии (Тиморское море) и других странах АТР ряда крупных месторождений углеводородов будет способствовать развитию в регионе инфраструктуры по транспортировке, переработке и использованию нефти и газа. Но удовлетворить рост энергетических потребностей АТР ни сейчас, ни в будущем эти новые месторождения не смогут²⁶.

В силу своего стремительного развития Китай, как считает большинство отечественных экспертов, при правильной постановке дела становится одним из главных и оптимальных партнеров для Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. При этом сотрудничество может развиваться по многим направлениям, включая топливно-энергетический и горно-металлургический комплексы, научные исследования и трансферт технологий, транспорт, строительство и сельское хозяйство. По многим оценкам, Китай рассматривает доступ к природным ресурсам Восточной Сибири и Дальнего Востока как стратегическую задачу, как один из важнейших путей удовлетворения растущих потребностей в нефти, газе, энерго- и гидроресурсах, металлах. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2020 г. удельный вес этой страны в совокупном мировом спросе на энергоносители составит 17,5%²⁷.

Необходимо отметить, что в важнейшем нормативном документе, определяющем внешнюю политику России, – Концепции внешней политики Российской Федерации (в редакции 2008 г.), приоритет евразийской политики выглядел слабо, только в контексте многовекторной внешней политики и в соответствующем (IV разделе Концепции) разделе «Региональные приоритеты», что конечно же не соответствует масштабу и актуальности проблемы. В Концепции, в частности, говорится: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заин-

тересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимости укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями²⁸.

Примечательно, что в своей статье «Россия и меняющийся мир» В. Путин уже выделил специальную рубрику – «Повышение роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которую он впервые по порядку и приоритетности поставил перед рубриками, посвященными соответственно отношениям с Европой и США. Кроме того, в рубрике обращает на себя внимание перечень стран и регионов, которые В. Путин включает в АТР, а именно – Китай, Индия, страны БРИКС, «страны Азии, Латинской Америки и Африки», а также «Большой двадцатки»²⁹.

Все это говорит о растущей, даже лидирующей роли стран АТР в мировой политике и во внешней политике России, а также о расширенном толковании политической географии и роли этих стран в судьбе России, которая пока что не нашла адекватного отношения в основополагающих нормативных документах.

Евразийская политика России как концепт

Закономерно, кстати, что активизированный В. Путиным процесс евразийской интеграции становится, по сути, политическим вектором действий России в АТР. Тема евразийской интеграции, находившаяся несколько десятилетий фактически в забвении, была актуализирована В. Путиным и сопровождалась целым рядом энергичных действий правительства, Государственной Думы России, отдельных партий и общественных организаций прежде всего в области экономической интеграции³⁰. Но не только: инициативы стали проявляться и в образовательной, культурной и информационной областях. Было активизировано и военно-техническое сотрудничество.

На первый план выдвигались вопросы экономической интеграции – деятельности Таможенного союза и Единого экономического пространства, – хотя уже с самого начала говорилось о возможности расширения интеграции и в политической сфере, о создании единой валюты и т.д. Статья Путина, таким образом, стала очевидным, но только самым первым шагом в реализации Евразийского союза. Выгода Таможенного союза и экономического сотрудничества была очевидной. Уже в настоящее время уровень обменов между странами, входящими в этот союз, высок как на экономическом, так и на бытовом уровнях³¹.

Вместе с тем за этим первым шагом должны последовать и другие, в том числе в политической и военно-политической области. Так, необходимо расширение военно-технического сотрудничества. И не только с точки зрения льготных цен (что уже существует и сегодня, по информации Генерального секретаря ОДКБ Н. Бордюжи³²), но и с точки зрения усиления военно-научной и промышлен-

ной кооперации на стадии разработки вооружений и военной техники, а также разработки способов ее применения, базирования, обслуживания и обеспечения.

Концепция, сформулированная В. Путиным, выглядела в 2011 г. следующим образом: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими, как ЕС, США, Китай, АТЭС, – обеспечивать устойчивость глобального развития»³³.

Евразийская политика – объективно значительно более масштабная идея, чем только экономическая интеграция. Она имеет широкое внутриполитическое и международное значение. Как справедливо заметил академик М. Титаренко, «только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры – стержень единства и взаимодействия цивилизаций. Только Россия, базирующаяся на евразийской парадигме, способна играть важную роль и взаимодействовать в рамках таких международных структур, как РИК и БРИК. Только Россия, как евразийская держава, способна поддерживать и развивать и даже добиться признания равноправия и взаимовыгодности суверенных ее отношений с европейским сообществом, с США, Индией, Японией, другими странами и интегрироваться в региональные структуры АТР и Европы»³⁴.

В такой политике, безусловно, огромная, даже исключительная роль принадлежит государству. В России ведутся до сих пор бесконечные споры о роли государства вообще и в развитии Сибири и Дальнего Востока в частности. Обострение этих споров произошло в 2011–2012 гг. в связи с выдвижением идеи создания государственной корпорации по развитию этих регионов, хотя, как показывает международная практика, все государства, даже те, в которых эта проблема не стоит столь остро, активно участвуют в развитии малоосвоенных регионов³⁵.

Новая евразийская политика пока что не отражена в важнейших нормативных документах, формализующих политику России в области национальной безопасности, что в принципе понятно: они были приняты до «стратегического

разворота» В. Путина в 2011 г. Примечательно, что в Военной доктрине среди приоритетов военно-политического сотрудничества также не упоминается приоритет военно-политического сотрудничества в рамках евразийства, хотя отдельные его элементы были отчетливо обозначены³⁶:

«Основные приоритеты военно-политического сотрудничества:

а) с Республикой Беларусь:

– координация деятельности в области развития национальных вооруженных сил и использования военной инфраструктуры;

– выработка и согласование мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства в соответствии с Военной доктриной Союзного государства;

б) с государствами – членами ОДКБ – консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны;

в) с другими государствами – участниками СНГ – обеспечение региональной и международной безопасности, осуществление миротворческой деятельности;

г) с государствами ШОС – координация усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве, а также создание необходимой нормативно-правовой базы;

д) с ООН, другими международными, в том числе региональными, организациями – вовлечение представителей Вооруженных сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации международных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных сил и других войск в операциях по поддержанию мира»³⁷.

Активная евразийская интеграционная политика России сама нуждается в концептуально-научной разработке, что явится, по всей видимости, центральной задачей всей работы по подготовке новой концепции внешней политики Российской Федерации, в чем задействован и коллектив МГИМО.

Podberezkina O.A. The Eurasian Integration as a New Stage of Development of the Russian Statehood.

Summary: In the article eurasian integration is examined from the point of view of the new stage of development of the Russian state system. To that purpose are analysed the features of «phase transition» of Russia to qualitatively new civilization essence, line of the national innovative system, structure of creative class and demographic potential of country, sixth technological mode and chances of capture its to the Russian Federation.

■ 2012 – Год российской истории

Ключевые слова	Keywords
Евразийская интеграция, российская государственность, суть «фазового перехода», креативный класс, шестой технологический уклад, шансы России.	Eurasian integration, Russian state system, essence of «phase transition», creative class, sixth technological mode, chances of Russia.

Примечания

1. Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 754.
2. Коэн А. Кому выгодна война с Ираном? // Известия. 2012. 22 июня. С. 8.
3. Мацарский И. Военные часы не наблюдают // Известия. 2012. 22 марта. С. 1.
4. Осин М.И., Светлов Н.М. Бомбардировщики на нашу голову // Независимая газета. 2012. 22 июня. С. 3.
5. Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 746.
6. В поисках «китайского чуда»: Сборник статей, посвященных 80-летию Ю.В. Чудодеева / Институт востоковедения РАН / М.: ИВ РАН, 2011. С. 191.
7. Неклесса А.И. Будущее и грядущее: кризис современного мира // Политические исследования. 2012. № 2. С. 75.
8. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / <http://www.lerc.ru>
9. The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance / <http://data.worldbank.org/data-catalog>
10. US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress, <http://www.defense.gov/pubs/>; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
11. Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 3.
12. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / <http://www.lerc.ru>
13. Аристова Л.Б. Россия и прикаспийские государства: водно-транспортные проекты / Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 101.
14. Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история // М: Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. С. 264.
15. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / <http://www.lerc.ru>
16. По данным экспертов, в России еженедельно работают за компьютером 87% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет / 21.06.2012. Санкт-Петербург / <http://rbc.ru/rbcfreenews/20120621150332.shtml?print>
17. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / <http://www.lerc.ru>
18. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 92.
19. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
20. Гамова С. Брюссель предупредил Кишинев: налево не ходить // Независимая газета. 2012. 21 июня. С. 6.
21. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. Аналитический доклад. М.: Иркутск, 2011. С. 11.
22. Млечин Л.М. Китай – великая держава номер один? СПб.: БХВ, 2012. С. 5.
23. Симония Н.А. Избранное. М.: МГИМО(У), 2012. С. 761.
24. Тавровский Ю.В. Москва и Пекин перед обновлением tandemов // Независимая газета. 2012. 21 марта. С. 5.
25. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 6.
26. См.: Коржубаев А.Г., Соколова И.А., Эдер Л.В. Нефтегазовый комплекс России: перспективы сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009; Eder L., Andrews-Speed P., Korzubaev A. Russia's evolving energy policy for its eastern regions, and implications for oil and gas cooperation between Russia and China // The Journal of World Energy Law & Business. 2009. V. 2, №. 3. November. P. 219–242.
27. World Energy Outlook 2011 // International Energy Agency. 2011.
28. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) // <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>
29. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Коммерсант. 2012. 27 февраля. С. 2.
30. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
31. Внешняя торговля товарами государств – членов Таможенного союза за I квартал 2011 года. Статистический бюллетень / Евразийское экономическое сообщество. Комиссия Таможенного союза. М., 2011. С. 154.
32. Бордюжа Н. Россия упростит продажу оружия союзникам // Известия. 2012. 21 июня. С. 1, 3.
33. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
34. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 94.
35. Мировой опыт развития // Российская газета. 2012. 21 июня. С. 10.
36. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.
37. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.

Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России

А.В. Торкунов

В статье рассматривается актуальный вопрос использования потенциала привлекательности российского образования в качестве инструмента долгосрочного политического влияния на международной арене. Последовательно анализируется изменение ресурсной базы лидерства в современной мировой политике, рассматриваются относительные преимущества и потенциал «мягкой силы» российской системы высшего образования, дается оценка существующим государственным инициативам в области повышения качества и привлекательности российских вузов.

...Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире – и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский¹.

В.В. Путин

Центральная задача внешней политики любого государства заключается в укреплении его позиций и авторитета на международной арене, создании благоприятных внешних условий для долгосрочного социально-экономического развития страны. Внешнеполитический инструментарий реализации данной задачи меняется от одной эпохи к другой. В XX в. в условиях биполярного мира доминирующей тенденцией было наращивание государствами в первую очередь «жесткой силы» – военной и экономической мощи.

На современном этапе мирового развития под влиянием процессов глобализации и в условиях формирования новой «полицентричной системы международных отношений» на передний план в качестве главных факторов влияния государств на мировую политику, наряду с военно-политическим

весом и экономическими ресурсами, выдвигаются факторы «мягкой силы»: достижения государств в области культуры и искусства, науки, технологий, образования и т.д.².

Новый ресурс лидерства в современном мире

«Мягкая сила» – это «способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов»³. Данная стратегия включает в себя прежде всего такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей.

Торкунов Анатолий Васильевич – действительный член РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Российское государство в системе международных отношений

В современном глобальном мире конкуренция приобретает культурно-цивилизационное измерение. Внешняя политика России исходит из того, что «между основными игроками на международной арене усиливается борьба за культурное влияние, причем в нее широко вовлекаются появляющиеся в мире новые центры силы»⁴.

Международное лидерство все больше определяется способностью государства «направленно развивать» своего соседа или конкурента⁵. Реализация такого лидерства сегодня невозможна без опережающего развития человеческого потенциала – основы формирования новой экономики знаний, информационного общества⁶.

Поэтому многие быстро развивающиеся государства (Бразилия, Россия, Индия и Китай) в процессе перехода к инновационной модели экономики особое внимание уделяют модернизации и интернационализации национальной системы образования⁷.

Только развитая система образования, отвечающая требованиям, предъявляемым инновационной высокотехнологичной экономикой и интегрированная в международное образовательное и научное пространство, способна стать одним из важнейших конкурентных преимуществ современной России в «мировой борьбе за умы». Только она может привлечь в страну наиболее талантливых студентов из-за рубежа.

Предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. В студенческие годы у молодых людей формируются мировоззренческие ценности и взгляды. Творчески мыслящие и любознательные студенты из других стран в ходе своего обучения активно изучают языки принимающей страны и с искренним интересом знакомятся с достижениями науки и культуры.

Такие студенты приобретают ценный социальный капитал и, вернувшись на родину с новым багажом накопленных знаний, связей, симпатий и новых друзей, как правило, становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились. В итоге эффективность воздействия на внешний мир с помощью национального образования как инструмента «мягкой силы» оказывается в конечном счете гораздо выше, чем с помощью военных или иных рычагов давления⁸.

В то же время не стоит забывать о том, что сегодня значительно обострилась конкуренция между национальными университетскими системами и вузами. Практически все вузы без исключения участвуют в гонке за лучшими абитуриентами. Так, в России вузы конкурируют уже не только между собой, но и с зарубежными вузами, в том числе с элитными учебными заведениями США и Великобритании, где образование стоит достаточно дорого, а также с

вузами Центральной и Восточной Европы, где образование, наоборот, очень дешевое.

Для создания образовательной стратегии опережающего развития у нас, безусловно, есть объективные возможности: мощный интеллектуальный потенциал, опыт и традиции национальной высшей школы, относительно неплохая база. Однако есть и немало факторов, препятствующих этому. Среди последних можно назвать «миф российской самодостаточности», который может привести к идее построения в современных условиях «закрытой» образовательной модели. Но все наиболее перспективные образовательные модели мира основаны на совместной работе в проектах и взаимно признанных нормах и правилах. Изоляционизм, по большому счету, всегда базируется на предположении, что мы не способны играть по мировым правилам, так же как и не способны участвовать в создании новых правил в образовании⁹.

Мы должны реально понимать, что российская высшая школа при всех ее замечательных национальных традициях, при том опыте, который был накоплен, развивается сегодня в системе координат общемирового образовательного пространства. А что это значит? Что нужно развивать многоплановые связи с зарубежными вузами, в том числе создавать сетевые университеты, развивать обменные программы с зарубежными вузами-партнерами, привлекать зарубежных преподавателей и студентов, публиковать результаты научных исследований профессорско-преподавательского состава в ведущих зарубежных журналах¹⁰.

Процесс интернационализации в сфере высшего образования и его влияние на университеты в условиях глобализации

За последние три десятилетия количество студентов, обучающихся за пределами своей страны (или «мобильных студентов», согласно классификации ЮНЕСКО), возросло более чем в четыре раза (с 0,8 млн чел. в 1975 г. до 3,7 млн чел в 2009 г.). В период с 1975 по 2004 г. ЮНЕСКО отмечает три наиболее заметных подъема международной студенческой мобильности. Во время первого подъема (1975 – 1980 гг.) общее число «мобильных студентов» увеличилось на 30% – с 0,8 до 1,04 млн чел. Следующий подъем наблюдался с 1989 по 1994 г., когда количество «мобильных студентов» увеличилось на 34%. С 1999 по 2004 г. произошел третий подъем – на 41%¹¹.

В последние десять лет международная студенческая мобильность продолжала расти быстрыми темпами. В 2007 г. общемировая численность иностранных студентов составляла 2,8 млн чел., а в 2009 г. – 3,7 млн чел. Согласно прогнозам, к 2020 г. этот показатель достигнет 5,8 млн чел. и 8 млн чел. – к 2025 г.¹². Возможно, сегодня мы можем наблюдать четвертую волну «интернационализации высшего образования»,

которая является отражением современных процессов глобализации и интернационализации в экономике и в обществе¹³.

Международная мобильность студентов стимулируется различными программами (в Европе это программы «Эразмус», «Сократ», «Нордплюс») и может принимать различные формы: от программ полного цикла обучения в зарубежных вузах до языковых программ. Вслед за студенческой мобильностью растет международная академическая мобильность, в основном благодаря деятельности специализированных служб содействия экспорту образовательных услуг и академическому обмену преподавателей и студентов, таких, как французские «Edu France», «Egide» или немецкая DAAD.

В последние пятнадцать лет, наряду с международной студенческой и академической мобильностью, возникли и активно развиваются новые формы интернационализации, характеризуемые трансграничной мобильностью вузов или вузовских программ. Программная мобильность, например, может включать в себя дистанционные курсы обучения, предлагаемые зарубежными вузами. Мобильность самих вузов предполагает открытие университетами зарубежных кампусов или учреждение совершенно нового вуза с привлечением капитала зарубежного университета¹⁴.

В результате развития процессов глобализации и интернационализации образования значительно усилилась социальная, экономическая и политическая роль университетов. Широкую популярность во всем мире получила так называемая модель глобального научно-исследовательского университета (*global research university*), «в рамках которой университеты становятся активными игроками не только в производстве новых знаний, но и в их распространении и использовании через инновационную деятельность»¹⁵.

Современный университет немыслим без науки. Неслучайно в Болонской декларации специально подчеркивается, что образование должно основываться на научных исследованиях. Это значит, что в вузах должен быть создан механизм максимально быстрого внедрения в учебный процесс инновационных научных разработок.

Инновационное развитие, несомненно, одна из важнейших задач российских вузов. В то же время нельзя не отметить, что повальное увлечение модными «концептами» может привести к обратному эффекту при бесполезной трате времени и ресурсов. Это неизбежно случается тогда, когда одни и те же вузы, в зависимости от настроения руководства или получаемых грантов, направляют все свои усилия на то, чтобы быть инновационным вузом сегодня, корпоративным вузом завтра, а потом берут на себя «миссию» исследовательского университета. Вообще, инновационность вуза порой

толкуется крайне узко. Между тем инновационное развитие вузов, на мой взгляд, следует понимать прежде всего как постоянный процесс развития и обновления знаний и навыков как обучающих, так и обучаемых.

В настоящий момент инновации в образовании в техническом плане опираются прежде всего на цифровые технологии, под которыми понимают не примитивную интернетизацию и компьютеризацию, а создание интерактивного учебного процесса. Его составной частью является развитие дистантного образования как важного вспомогательного инструмента, предлагающего наличие постоянно обновляемого и широкодоступного банка данных (цифровой библиотеки) локальных научных и учебных ресурсов, совместимость этого банка с глобальной информационной средой.

Как показывает опыт функционирования ведущих западных университетов, значительный, если не решающий, вклад в их эффективное развитие и репутацию вносят высококлассные научные исследования и непосредственно ученые, их реализующие. Научный и инновационный потенциал вуза определяется способностью его исследовательских и преподавательских кадров производить новые знания и инновации.

Подготовка элитных научно-педагогических кадров осуществляется в аспирантуре. Последняя всегда считалась одной из наиболее сильных сторон российской образовательной системы. Однако сокращение государственного финансирования научных исследований (НИОКР) в результате социально-экономических преобразований последних десятилетий негативно отразилось на престиже социального статуса и карьеры ученого.

Привлечение талантливых молодых людей в профессиональную научную и преподавательскую деятельность и, что еще важнее, закрепление молодежи в научной среде стало весьма проблематичным в России. Несмотря на общий рост количества аспирантур и защит по стране, эффективность института аспирантуры как источника кадрового пополнения российской высшей школы и наукоемких отраслей экономики за последние десятилетия существенно снизилась. Данная проблема становится особенно острой на фоне продолжающейся интеллектуальной миграции из России, «утечки мозгов» в США, Германию, Великобританию и другие развитые страны.

К сожалению, нередко складывается ситуация, когда аспиранты находятся практически на обочине как образовательной, так и научной жизни университета. Исправлению этой ситуации может способствовать развитие двойных аспирантур с ведущими зарубежными вузами. На сегодняшний день обучение по программе двойных аспирантур реализуется в формате модульно-стажировочной программы обучения «и здесь, и там». Однако в скором времени,

■ Российское государство в системе международных отношений

по мере адаптации российской нормативной системы к требованиям Болонской декларации, станет возможной единая защита диссертаций, признаваемая и в России, и в стране-партнере¹⁶.

Важным условием в распределении иностранных студентов по мировым образовательным центрам являются не только привлекательность той или иной образовательной системы, но и неакадемические факторы, такие, как стоимость проживания, условия получения виз, гражданства после окончания университета, уровень толерантности общества в принимающей стране и условия интеграции в него. Как утверждается в выводах анализа опыта иностранных студентов в Новой Зеландии, проводимого ежегодно министерством образования этой страны, перечисленные факторы становятся определяющими для иностранных студентов при выборе страны для получения высшего образования¹⁷.

Вовремя осознав преимущества влияния на мир через образование, североамериканские университеты создали все необходимые условия для привлечения иностранных студентов и вскоре стали мировыми лидерами на международном рынке образовательных услуг. По данным ЮНЕСКО, в 2007 г. вузы США приняли наибольшее количество иностранных студентов – 595 900 чел., что составило 21,3% от общего числа иностранных студентов в мире. Значительное количество иностранных студентов обучались в Великобритании – 351 500 чел. (соответственно – 12%). Третье место принадлежит Франции – 246 600 чел. (9%). За тройкой лидеров далее следуют:

- Австралия – 211 500 чел.;
- Германия – 206 900 чел.;
- Япония – 125 900 чел.;
- Канада – 68 500 чел.;
- Южная Африка – 60 600 чел.;
- Россия – 60 300 чел.;
- Италия – 57 300 чел.¹⁸.

На эти 11 государств приходится 71% «мобильных студентов» в мире, из них 62% обучаются в первых шести странах. Большинство стран из этого списка одновременно являются странами-поставщиками иностранных студентов: Германия (77 500 чел.), Япония (54 500 чел.), Франции (54 000 чел.), США (50 300 чел.), Канада (43 900 чел.) и Россия (42 900 чел.). Наибольшее число студентов за рубеж посыпает Китай (почти 421 100 чел.), Индия (153 300 чел.) и Республика Корея (105 300 чел.).

Крупным поставщиком «молодых умов» для США сегодня является Азия. Половина иностранных студентов, обучающихся в американских университетах, являются выходцами из Индии, Китая, Тайваня, Южной Кореи и Японии. Кроме политического влияния, обучение зарубежных студентов приносит США значительную экономическую прибыль. Важную роль в привлекательности американского образования играет английский язык, кото-

рый является языком международного общения. Кроме того, в США есть «разрешительная практика», которая позволяет иностранным студентам, получившим образование в США, в течение одного календарного года постоянно проживать на территории США без оформления дополнительных въездных документов и работать в университетах, некоммерческих исследовательских организациях или в частном секторе. Таким образом, любой иностранный гражданин, окончивший американский университет, может получить в США еще и опыт работы по специальности¹⁹.

Особого внимания заслуживает политика Европейского союза (Болонский процесс), направленная на создание Европейского пространства высшего образования. Этот процесс изначально имел два измерения: внутреннее и внешнее. Внутриевропейская задача Болонского процесса состояла:

- в повышении качества высшего образования в Европе (в начале 1990-х гг. наметилось определенное отставание в этой сфере от США и Австралии);
- в повышении эффективности образовательной деятельности университетов для нужд экономики, основанной на знаниях;
- в формировании новой идентичности – «европейского студента» (а не немецкого, французского и т. д.).

Внешнее измерение Болонского процесса направлено на конкурентную борьбу за лучших студентов и преподавателей на международном образовательном рынке посредством повышения привлекательности европейской системы высшего образования, а также на переход от «европеизации» к «интернационализации» (до 1990-х гг. эти понятия совпадали) образования в Европе²⁰.

Потенциал «мягкой силы» России в процессе интернационализации высшего образования

Образовательный потенциал России традиционно считается одним из важнейших ресурсов развития страны. «Главная надежда России – это высокий уровень образования населения, и прежде всего – нашей молодежи. Это именно так – даже при всех известных проблемах и нареканиях к качеству отечественной образовательной системы. Среди наших граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имеют 57 процентов – такой уровень кроме России отмечен всего в 3 странах мира: в Японии, Южной Корее и Канаде. Взрывной рост образовательных потребностей продолжается: в следующем поколении (15–25 лет) впору говорить о всеобщем высшем образовании – его получает или стремится получить более 80 процентов юношей и девушек»²¹, – отмечал В.В. Путин.

Еще с советских времен Россия имеет богатый опыт в области привлечения зарубежных студентов. Надо отметить, что Советский Союз

долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и «идеологического оружия» в условиях блокового противостояния и «холодной войны», еще задолго до возникновения самого понятия «мягкой силы».

Однако после распада СССР доля России в международном рынке образовательных услуг постоянно снижается. По данным ОЭСР, в 2004 г. Россия принимала 3% от общего количества иностранных студентов, а в 2007 г. – только 2%. И это не только упущеная экономическая выгода, но также упускаемые политические возможности «мягкого» влияния России на международную жизнь. Если в течение ряда лет Советский Союз занимал второе место по числу обучающихся иностранных студентов в мире (после США), то сейчас Россия по этому показателю находится лишь на девятом месте, привлекая в основном группы студентов из развивающихся стран и стран СНГ. Наибольшее количество иностранных студентов приезжают из Казахстана, Китая, Киргизии и Белоруссии, Индии, Вьетнама, Узбекистана, Таджикистана, Армении и Украины.

На сегодняшний день курс на развитие образования как инструмента усиления позиций России в культурно-образовательном международном пространстве реализуется под непосредственным руководством Министерства иностранных дел Российской Федерации. МИД РФ, в частности, разработал «Основные направления политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (в области культуры, образования, науки, спортивных и молодежных связей), утвержденные Президентом России 18 декабря 2010 г.

В основу данного документа положена концепция использования «мягкой силы» как важнейшего инструмента взаимодействия России с зарубежными партнерами. В документе отмечается: «Используя специфические формы и методы воздействия на общественное мнение, культурная дипломатия как никакой другой инструмент «мягкой силы» способна работать на укрепление международного авторитета страны, служить убедительным свидетельством возрождения Российской Федерации в качестве свободного и демократического государства»²².

В рамках реализации «Основных положений...» МИД РФ ежегодно проводит многочисленные мероприятия. Так, только за один 2011 г. были организованы презентации 58 российских вузов в странах СНГ и дальнего зарубежья. В том же году состоялись 1-й Российско-французский форум ректоров и деканов гуманитарных университетов России и Франции в Париже, Форум ректоров вузов России и Италии в Риме, Международная конференция «Вузы культуры и искусства в мировом образовательном пространстве» в Душанбе.

Эффективным инструментом продвиже-

ния российской культуры и науки за рубежом служат международные российские центры науки и культуры (РЦНК). Сегодня такие центры работают уже в 74 странах. Деятельность РЦНК осуществлялась по направлениям «информационное сопровождение внешней и внутренней политики России, содействие расширению международных культурных, образовательных, научно-технических, деловых связей, поддержка соотечественников, популяризация русского языка и российского образования, взаимодействие с неправительственными организациями, зарубежной общественностью, выпускниками вузов нашей страны»²³.

Значительным направлением культурно-образовательной политики России является распространение русского языка, который рассматривается в качестве «важнейшего средства интеграции государств – участников СНГ, вхождения России в мировое экономическое, политическое, культурное и образовательное пространство»²⁴. В рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» в 2011 г. было проведено 35 разноплановых мероприятий в 41 стране. Количество курсов русского языка возросло до 80 в 46 государствах. Общее число слушателей, по данным МИД, составило 18 350 человек. Во всех странах СНГ (кроме Туркменистана) и в Республике Абхазия действуют учебно-методические центры русского языка. Работа таких центров является одним из ключевых компонентов сохранения и поддержки русского языка в этих странах и культурной идентичности проживающих там соотечественников. Наиболее активно и эффективно, согласно Обзору внешнеполитической и дипломатической деятельности МИД РФ за 2011 г., центры осуществляют свою деятельность в Азербайджане, Армении и на Украине.

Особое значение в последнее время приобрели программы по работе с молодежью. В рамках Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации и Стратегии международного молодежного сотрудничества государств–участников СНГ на период до 2020 г. МИД РФ содействует укреплению молодежных связей, расширению возможностей получения образования в России. Так, МИД ежегодно оказывает содействие организации и проведению «Форума молодых лидеров СНГ», «Школы руководителей молодежных объединений сферы науки и образования стран Содружества». Иностранные гости, в том числе и студенты, посещают и российские молодежные образовательные форумы, такие, как «Селигер», «Балтийский Артек», «Волга», «СелиАс» и «СелиСах».

Кроме того, российское внешнеполитическое ведомство также способствует проведению различных международных спортивных мероприятий, поддерживает историко-мемориальную работу, а также оказывает необходимую поддержку туризму в России.

■ Российское государство в системе международных отношений

Продолжается работа по концептуальному и институциональному оформлению «мягкой силы» России на международной арене. Согласно Обзору внешнеполитической и дипломатической деятельности Российской Федерации за 2011 г., МИД РФ уже в течение двух лет разрабатывает «Концепцию экспорта образовательных услуг Российской Федерации», ориентированную на создание более эффективной системы набора иностранных граждан и соотечественников на обучение в российские государственные образовательные учреждения.

Также продолжается подготовка проекта концепции «Русская школа за рубежом», направленной на формирование и поддержку типовых моделей российских образовательных учреждений за рубежом, которые будут осуществлять свою деятельность по отечественным образовательным программам»²⁵.

Следует отметить, что правительство понимает и необходимость увеличения финансирования образования. Концепция экономического развития России до 2020 г., согласно Министерству экономического развития Российской Федерации, предусматривает повышение объема финансирования сферы образования до 7% от ВВП в 2020 г.

Учитывая специфику и тонкость инструментария «мягкой силы», задача научного сообщества России видится в необходимости оказания экспертного сопровождения институционального оформления данного направления внешней политики России.

Конкурентоспособность российской системы образования может быть повышена за счет реализации эффективной стратегии экспорта образовательных услуг. Усиление роли России как главного образовательного центра в СНГ происходит из приоритетных направлений внешней политики России – поддержки соотечественников за рубежом, создания благоприятных условий для строительства Союзного государства с Белоруссией, развития экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и т.д.²⁶. Именно на пространстве СНГ Россия обладает существенным преимуществом для привлечения иностранных учащихся (соотношение цены и качества образования, язык обучения, репутация университета, географическая близость).

Интернационализация российской системы образования в рамках общего Европейского пространства высшего образования будет определяться развитием отношений России и Европейского союза, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры.

Развитие отношений с США и Канадой, а также двусторонних и многосторонних отношений с Бразилией, Индией и Китаем, в том числе в рамках БРИК, создаст дополнительные возможности для укрепления экспортного потенциала российской системы образования на

мировом рынке услуг образования и интеграции российского образования в мировое образовательное пространство²⁷.

Перспективным направлением сотрудничества в сфере образования может стать Азиатско-Тихоокеанский регион, с учетом укрепления ШОС, продвижения ее инициативы по созданию сети партнерских связей между всеми интеграционными объединениями.

Надо отметить, что у России есть положительный опыт в области создания сетевого университета стран СНГ (в формате магистратуры). Целью его создания является разработка и внедрение аналога программы «Эразмус Мундус» в рамках единого образовательного пространства государств-участников СНГ. В 2008 г. инициатором проекта выступил РУДН. В консорциум Сетевого университета вошли 16 ведущих вузов из 8 стран: Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизстана, Молдовы, России, Таджикистана и Украины. Проект направлен на развитие сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования на территории стран СНГ. Получив базовое образование в своем национальном вузе – в Казахстане, Киргизии или Белоруссии, – студенты из стран СНГ затем обучаются в магистратуре в России – в РУДН, МГУ, МГИМО и других университетах.

Есть такой же университет в Шанхайской организации сотрудничества, где на паритетных началах ведется совместная работа между российскими, китайскими и казахстанскими университетами. С учетом положительного опыта университета ШОС перспективным проектом могло бы стать создание Евразийского университета, который бы готовил специалистов, в том числе и в области интеграции стран Евразийского союза. Это особенно важно для России, так как речь идет о соседних государствах, объединенных общим историческим прошлым, значительная часть населения которых говорит на русском языке.

Разрабатывая стратегию использования образования в качестве инструмента «мягкой силы», следует учитывать, что не все направления и специальности в настоящее время одинаково востребованы. Наиболее востребованными направлениями оказываются специализации, получившие развитие еще в советский период, такие, как прикладная математика, физика, биология. «Примерно 20% иностранных студентов, по данным Министерства образования и науки, получают медицинское образование в России, в то время как в целом в мире на медицинских факультетах обучается примерно 4-5% иностранцев. Такое соотношение объясняется как раз привлекательностью соотношения цена–качество российского высшего образования, в частности в области медицины»²⁸. В целом для иностранных студентов более привлекательными являются именно естественно-научные направления обучения и исследований по сравнению с общественными и гуманитарными.

В то же время в последние годы в условиях модернизации экономики страны приоритетным направлением развития российской образовательной системы становится создание бизнес-школ. Важным импульсом для этого послужил запуск инновационного проекта по созданию наукограда в Сколково. В Сколково уже созданы бизнес-школы, изучающие динамично развивающиеся экономики таких стран, как Россия, Индия, Бразилия и Китай. Обучение в инновационных школах Сколково основано на учебных программах крупнейших западных школ и нацелено не только на российских, но и на зарубежных слушателей. Организаторы проекта и российские власти рассчитывают, что проект Сколково может занять свое место в системе мирового бизнес-образования²⁹.

В российских вузах пока мало реализуется совместных образовательных программ, в том числе на иностранных языках, совместных международных исследований, направленных на интернационализацию содержания программ обучения. В связи с этим еще одним очень важным направлением является создание двусторонних и многосторонних программ с зарубежными университетами, и особенно совместных магистерских и аспирантских программ с ведущими университетами Европы. Выпускники данных программ получают дипломы сразу двух, а иногда и трех университетов, проходя обучение как в России, так и в партнерских университетах за рубежом. Подобное приобщение сразу к нескольким школам национального образования значительно повышает человеческий капитал и конкурентоспособность студентов.

Российские университеты должны чувствовать себя частью международного образовательного пространства, чтобы эффективно развиваться и конкурировать за лучшие умы и квалифицированные кадры. Однако отнюдь не все российские вузы могут сегодня активно участвовать в интернационализации высшего образования. Проблема здесь часто связана с языковым барьером и касается в основном региональных вузов. Сеть академических и студенческих обменов возможна сегодня только в том случае, если наши преподаватели, доценты и профессора владеют иностранным языком, свободно читают лекции, проводят семинары, могут оценить работу, подготовленную зарубежным студентом, и подготовить нашего студента к тому, чтобы он на иностранном языке осваивал материал.

Между тем важным фактором интернационализации высшего образования является язык, на котором ведется преподавание. Наиболее привлекательными для иностранных студентов считаются англоязычные программы. Учитывая это обстоятельство, ряд европейских стран (Германия, Италия, Нидерланды, Дания и даже Франция) стали практиковать учебные программы на английском языке. То есть преподавание на иностранном языке – это уже не

роскошь, а необходимость поддержания конкурентоспособности вузов.

Влияние университетских рейтингов на привлекательность высшего образования в России

Университетские рейтинги стали неотъемлемой частью глобальной системы высшего образования. Они выполняют важные функции: обеспечивают коммуникацию, передают потребителям услуг высшего образования информацию о деятельности вузов, являются инструментами обеспечения транспарентности и укрепления репутации вузов на национальном и международном уровнях³⁰.

Появление и популярность этих инструментов – яркое подтверждение нарастающей конкуренции среди университетов за таланты и источники финансирования. Стремление университетов улучшить свои позиции в рейтингах неизбежно ведет к усилению конкуренции. Положительной стороной данного процесса является то, что он ставит перед руководством амбициозные цели, стимулирует к модернизации всей системы управления университетами, заставляет постоянно совершенствоваться, улучшать показатели деятельности.

Утверждению ведущих российских университетов в качестве лидеров на международной арене образовательных услуг препятствуют их слабые позиции в международных университетских рейтингах:

- академическом рейтинге университетов мира (Шанхайский рейтинг, Academic Ranking of World Universities);
- всемирном рейтинге университетов (QS World University Ranking);
- рейтинге университетов мира Таймс (The Times Higher Education World University Ranking).

В 2011 и 2012 гг. ни один российский университет не вошел в список 100 лучших вузов репутационного мирового рейтинга World Reputation Rankings британской газеты The Times. Понятно, что российские университеты не всегда «комфортно» чувствуют себя в давно установившейся системе индикаторов и разного рода показателей зарубежных рейтинговых агентств, в том числе по причинам, находящимся вне компетенции самих университетов.

Отсюда – часто звучащие призывы создать свои национальные рейтинги, критически относиться к зарубежным оценкам. Спору нет, национальные рейтинги нужны, в том числе, чтобы на равных вести разговор о выработке более объективной и сущностной оценки высшего образования. Уверен, что при таком подходе список первой сотни претерпел бы изменения. Но делать вид, что российская высшая школа живет в какой-то особой ценностной системе координат в условиях глобальной конкурентции на рынках образовательных услуг, было бы непродуктивно.

■ Российское государство в системе международных отношений

Подписание Постановления Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. о признании Россией зарубежных дипломов о высшем образовании, ученых степеней и званий вновь вызвало большую дискуссию вокруг рейтингов, так как одним из критериев признания диплома, выдаваемого зарубежным вузом, стало вхождением этого вуза в топ-300 хотя бы одного из трех рейтингов. Кроме того, Президентом Российской Федерации был подписан указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», в котором речь идет том, чтобы к 2020 г. не менее пяти российских вузов попали в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов³¹.

Большая часть индикаторов, используемых в этих глобальных рейтингах, оценивает исследовательскую деятельность в основном по показателям публикационной активности вузов в рецензируемых международных журналах (входящих в списки Web of Science, Scopus), соединяя оценку образовательной и исследовательской деятельности вуза в одном агрегированном показателе. Однако российские вузы до сих пор недостаточно интегрированы в глобальную систему публикаций в международных изданиях.

Чтобы увеличить международное научное цитирование, мы должны активнее включаться в процесс интернационализации научной деятельности, в том числе за счет увеличения международной академической мобильности, стажировок в зарубежных научных и международных центрах, публикации результатов научных исследований, в том числе в соавторстве с иностранными учеными, в ведущих зарубежных журналах. Кроме того, привлечение к работе в российских вузах на долгосрочной основе иностранных ученых, активно публикующих результаты своих исследований в

зарубежных рецензируемых журналах, могло бы также способствовать повышению уровня интернационализации России.

Российская система образования может стать эффективным инструментом внешней политики. В первую очередь данный инструмент «мягкой силы» должен быть направлен на абитуриентов постсоветского пространства. В перспективе при условии выполнения поставленных президентом В.В.Путиным задач перед российской высшей школой мы можем претендовать на частичное перенаправление студенческих потоков из крупнейших мировых демографических центров – Китая и Индии – в российские вузы. При этом важнейшая задача повышения качества и интернационализации национальной системы высшего образования может эффективно решаться за счет более глубокой интеграции вузов России в общемировое образовательное пространство, прежде всего в рамках Болонского процесса.

Также следует учитывать, что эффективность высшего образования как инструмента «мягкой силы» можно оценить только в долгосрочной перспективе. Культура и ценности распространяются и укореняются постепенно, однако глубоко и надолго. Поэтому следует набраться терпения и упорно трудиться, повышая эффективность этого инновационного внешнеполитического инструмента.

Torkunov A.V. Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy.

Summary: The article analyses the potential of Russian tertiary education as a tool of long term influence in world politics. It makes a coherent review of a changing nature of leadership in world politics, shows advantages and disadvantages of Russian education as a soft power tool, evaluates the current government initiatives to improve the quality and attractiveness of Russian universities and colleges.

Ключевые слова

Образование, «мягкая сила», лидерство, влияние в мировой политике, внешняя политика России.

Keywords

Education, soft power, leadership, influence in world politics, Russian foreign policy.

Примечания

1. См.: Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 2012. 27 февраля. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>
2. См.: Приложение № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (2010 г.)
3. Nye J. The Means to Success in World Politics. NY. 2004.
4. Приложение № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (2010 г.).
5. См.: Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. Т.4. № 3(12) URL: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm>
6. Подберезкин А.И., Большова Н.Н., Подберезкина О.А. Современные университеты - кузница идей, технологий и креативного класса // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 231.

7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (2008 г.).
8. См. также: Лебедева М.М. Фор. Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № (6)9. С. 201.
9. См. также: Торкунов А.В. Университеты как стратегический ресурс России // Высшая школа в XXI веке: усиление влияния на национальное мировое развитие. Казань: Идел-Пресс, 2011.
10. Подробнее см.: Пресс-конференция с Торкуновым А.В. Как университетам России добиться признания на глобальном рынке высшего образования // РБК ТВ 23 мая 2012 г. URL: <http://top.rbc.ru/pressconf/23/05/2012/651297.shtml>
11. Всемирный доклад по образованию 2006. Сравнение мировой статистики в области образования – Институт статистики ЮНЕСКО. Монреаль, 2006. С. 32 – 34.
12. Тремблэй К. Интернационализация: формирование стратегий в национальном контексте // Вестник международных организаций. 2010. № 3 (29). С. 117.
13. How many students study abroad? // OECD Factbook 2011-2012. Economic, Environment and Social Statistics. 2011. P. 214.
14. Тремблэй К. Интернационализация: формирование стратегий в национальном контексте // Вестник международных организаций. 2010. № 3 (29). С. 116.
15. Концепция развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года (2010 г.).
16. См.: Торкунов А.В. Университеты как стратегический ресурс России // Высшая школа в XXI веке: усиление влияния на национальное мировое развитие. Казань: Идел-Пресс, 2011.
17. См.: Ministry of Education. Research Findings // The Experiences of International Students in New Zealand: Report on the results of the National Survey. May 2008. P. 44. URL: http://www.educationcounts.govt.nz/__data/assets/pdf_file/0003/23925/Report_2007_5_research_findings.pdf
18. См.: Global Education Digest 2009 : Comparing Education Statistics Across the World - The UNESCO Institute for Statistics, 2009. P. 36-37.
19. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. С. 220.
20. См.: Corbett A. Universities and the Europe of Knowledge. Ideas, Institutions and Policy Entrepreneurship in European Union Higher Education Policy, 1955 – 2005. –Palgrave Macmillan, 2005.
21. Путин В.В. Россия сосредотачивается - вызовы, на которые мы должны ответить // Российская газета. 2012. 16 января. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/16/statya.html>
22. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества / МИД России. 2010. С.3.
23. Обзор внешнеполитической и дипломатической деятельности Российской Федерации МИД России за 2010 / МИД России. 2011. С. 161.
24. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества / МИД России. 2010.
25. Обзор внешнеполитической и дипломатической деятельности Российской Федерации МИД России за 2011.2012. С. 156-157.
26. Концепция поддержки Российской Федерации подготовки национальных кадров для зарубежных стран (2002 г.) URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/conception/>
27. Проект Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011 – 2020 гг. URL: <http://russia.edu.ru/information/analit/official/3783/>
28. Лебедева М.М. Фор. Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № (6)9. С. 203.
29. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №2(15). С. 160.
30. Вухт Ф. ван, Вестерхайден Д.Ф. Многомерное ранжирование: новый инструмент прозрачности в области высшего образования // Вестник международных организаций. 2012. № 1 (36). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/26/1269124950/2.pdf>
31. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 "О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки" // Российская газета. 2012, 09 мая. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>

Перед саммитом АТЭС во Владивостоке

Транстихоокеанское стратегическое партнерство: расстановка сил и роль в формировании зоны свободной торговли в АТР

Г.М. Костюнина

В статье рассмотрены основные положения ныне действующего соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве, необходимость расширения членского состава, его важность для формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП). Дан анализ позиций ведущих стран региона по вопросу создания Тихоокеанской зоны свободной торговли – США, Японии и АСЕАН.

Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве было подписано в 2005 г. между «тихоокеанской четверкой» – Сингапуром, Брунеем, Новой Зеландией и Чили. Оно вступило в силу в мае 2006 г. и стало первым соглашением по созданию зоны свободной торговли, связавшим воедино три региона в Тихом океане – Восточную Азию, Океанию и Америку:

ТПП имеет стратегическую цель поддержки формирования зоны свободной торговли и инвестиций в регионе АТЭС к 2020 г. с учетом Богорских целей (1994 г.). Недаром в АТЭС это партнерство рассматривают как первый этап на пути формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (Free Trade Area for Asia-Pacific, FTAAP, ФТААП). Как записано в Декларации лидеров АТЭС (2010 г.), ФТААП станет комплексным соглашением о зоне свободной торговли на основе построения региональных

структур по моделям АСЕАН+3, АСЕАН+6 и ТПП¹.

Первоначально в соглашении участвовали небольшие государства, на долю которых приходилось менее 0,5% населения мира, менее 1% мирового ВВП и менее 3% мирового экспорта и импорта товаров. Они имеют высокий среднедушевой ВВП на душу населения в размере 39 200 долл. в среднем, но его размер дифференцирован от 15 400 долл. в Чили до 62 100 долл. в Сингапуре (2010 г.). Страны-участницы отличаются открытой экономикой и высокой экспортной квотой, составляющей в среднем 142,3%.

Соглашение носит комплексный характер и включает ликвидацию таможенных пошлин во взаимной торговле, общие правила происхождения товаров, защитные меры, унификацию санитарных и фитосанитарных мер и других технических барьеров; общую политику в сфере защиты прав интеллектуальной собственности,

Костюнина Галина Михайловна – д.э.н., профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.
E-mail: galinakost@mtu-net.ru

правительственных закупок и общую конкуренчную политику. В отношении взаимной торговли услугами предусмотрена либерализация большинства секторов услуг, вопросы доступа на рынки поставщиков услуг, предоставление национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Эти нормы распространяются на все формы торговли услугами и все секторы услуг за некоторыми исключениями. Ныне действующее соглашение ТПП включает также вопросы правительственные закупок товаров и услуг (в их основу положены принципы ВТО: недискриминация, национальный режим и прозрачность).

Подписано также Соглашение по экологическому сотрудничеству и Меморандум взаимопонимания по трудовому сотрудничеству. В сфере экологии предусмотрено повышение уровня экологической защиты, выполнение международных экологических обязательств, неиспользование экологических норм для проекционистских целей. Инструментами реализации этих целей определены: сотрудничество, совместные исследования, обмен информацией и экспертами.

В сфере трудового сотрудничества между странами Транстихоокеанского стратегического партнерства намечена постепенная гармонизация норм в сфере труда в целях укрепления взаимного диалога, улучшения условий труда и качества рабочих мест, развития человеческого капитала. Для этого разработан механизм сотрудничества и консультаций.

Нынешнее соглашение ТПП включает вопросы стратегического партнерства, финансового сотрудничества, научного и инновационного сотрудничества. Приоритетные сферы стратегического партнерства включают образование, исследования, науку, инновации и добывающую промышленность. В отношении Чили и Новой Зеландии в соглашении записана важность развития связей в сфере биотехнологий, обмена специалистами в молочной и мясной промышленности и агропромышленного комплекса.

Страны ТПП обязаны координировать политику в области правительственных закупок на основе гарантирования справедливого, равного и недискриминационного допуска компаний стран-участниц к участию в государственных тендерах. По координации политики в сфере прав интеллектуальной собственности страны обязаны выполнять международные обязательства, участвовать в региональном диалоге и развивать взаимное сотрудничество. Намечено включить вопросы регулирования инвестиций и финансовых услуг в нормы нового соглашения.

Соглашение ТПП связывает страны взаимными обязательствами, что ограничивает их возможности в национальном регулировании отдельных вопросов (в частности, это касается фармацевтической и табачной промышленности).

Институциональная структура ТПП включает Комиссию Транстихоокеанского стратегического партнерства как высший орган на уровне министров или высших должностных лиц, комитеты по торговле товарами, по санитарным и фитосанитарным мерам и по техническим барьерам в торговле, а также рабочие группы. Комиссия наделена правом принятия решений по реализации соглашения, проведения его обзоров, обсуждения вопросов по внесению изменений в нормы соглашения, по определению сфер взаимного коммерческого и промышленного сотрудничества, а также технического содействия.

Создан Арбитражный суд, рассматривающий споры, которые нельзя разрешить в рамках переговоров, медиации или иных способов. Его решения носят обязательный характер, связывают стороны взаимными обязательствами и не могут быть апеллированы. В целом ныне действующее соглашение ТПП относится к соглашениям о зоне свободной торговли высокого стандарта и является моделью формирования Транстихоокеанской зоны свободной торговли (в США нередко применяется термин «Транстихоокеанская НАФТА»).

Зона свободной торговли в рамках Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства между четырьмя странами-основателями была создана в 2006 г. на основе ликвидации таможенных пошлин в отношении 90% товаров взаимной торговли, на оставшиеся чувствительные товары (10%) пошлины будут устраниены к 2015 г. Хотя начальная форма интеграции была достигнута быстро (то есть с момента вступления в силу соглашения), но сохраняется немало проблем в ее функционировании. Главной из них является низкий объем взаимного товарооборота, доля которого (благодаря либерализации) возросла с 0,1% в 2006 г. до 0,8% в 2008 г. В таких условиях у стран недостаточно стимулов для проведения быстрой либерализации, гармонизации и унификации взаимных экономических связей в рамках ТПП.

Соглашение является открытым для вступления третьих стран, прежде всего членов Форума АТЭС. В 2008 г. США предложили расширить состав «Тихоокеанской четверки» за счет самих Соединенных Штатов, Австралии, Перу и ряда других государств по обе стороны Тихого океана. Данная концепция активно поддерживается американской администрацией, и уже достигнут определенный прогресс в подписании нового соглашения в расширенном составе. В соглашении о Транстихоокеанском стратегическом партнерстве ныне участвуют девять стран: США, Австралия, Перу, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Бруней, Новая Зеландия и Чили. Экономический потенциал нынешнего состава ТПП приведен в табл.1. На страны приходится 4,0% территории земного шара, 7,4% населения мира, 23,1% ВВП мира, 15,1% мирового экспорта и 18,7% мирового импорта товаров. Соглашение может стать хорошим примером либерализации для других стран АТЭС.

■ Российское государство в системе международных отношений

Таблица 1

Экономический потенциал стран Транстихоокеанского стратегического партнерства (2010 г.)².

Страна	Территория	Примеры издержек	Вид издержек	Примеры издержек	Вид издержек	Примеры издержек
Австралия	7741,22	21,767	882,4	41 000	210,9	195,2
Бруней	5,765	0,402	20,38	51 600	10,67	2,61
Вьетнам	331,210	90,549	276,6	3 100	72,07	79,81
Малайзия	329,847	28,729	414,4	14 700	210,3	156,6
Новая Зеландия	267,7	4,290	117,8	27 700	32,05	29,87
Сингапур	0,697	4,741	291,9	62 100	358,4	310,4
США	9826,675	313,232	14 660	47 200	1289	1936
Чили	756,102	16,889	257,9	15 400	71,03	55,17
Перу	1285,216	29,249	275,9	9 200	35,56	28,82
ТПП, всего	20544,432	509,848	17197,28	...	2289,98	2794,48
Доля в мире, %	4,0%	7,4%	23,1%		15,1%	18,7%

Что касается роли 9 государств, ведущих переговоры по подписанию нового соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, то на них приходится 51,5% ВВП АТЭС, 62,3% совокупного вывоза накопленных ПЗИ, 57,8% совокупного ввоза накопленных ПЗИ, 36,2% совокупного товарооборота и 47,2% совокупной торговли услугами Форума АТЭС (в показателях Форума АТЭС).

Членский состав данного объединения достигает половины государств-участников АТЭС. Представляется, что это не предел. Если новое соглашение будет подписано и в него войдут крупнейшие экономики АТР (Япония и/или Китай), то формирование расширенного Транстихоокеанского стратегического партнерства станет первым и важным этапом в реализации Богорской цели (1994 г.) и концепции Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП).

С марта 2011 г. идут переговоры по подписанию нового соглашения между 9 странами. Переговоры затрагивают широкий круг вопросов, включая государственные закупки, торговлю товарами и услугами, инвестиции. Помимо вопросов, включенных в ныне действующее соглашение, на переговорах обсуждаются проблемы финансовых услуг, телекоммуникационных услуг, электронной коммерции, инвестиций.

В переговорах также принимают участие Канада, Республика Корея, Тайвань, Филиппины и Япония. Стратегическая цель нового соглашения – ликвидация таможенных пошлин к 2015 г. на все товары и либерализация нетарифных ограничений, проведение общей политики в сфере прав интеллектуальной собственности, госзакупок, трудовых отношений и экологии. В настоящий момент средние ставки таможенных пошлин дифференцированы от 0% в Сингапуре до 3,5% в США и Австралии, 5,5% в Перу, 8,4% в Малайзии, 10,4% во Вьетнаме.

Доля взаимной торговли составляет 14,0% совокупного товарооборота нынешних 9 стран-участниц Транстихоокеанского стратегического партнерства. Взаимная торговля, а значит, ее либерализация наиболее важна для Новой Зеландии (43,2%), Австралии и Малайзии (более 29%), Вьетнама (24,9%) и Перу (23,6%).

Для укрепления ТПП следует расширить его численный состав; пересмотреть действующие зоны свободной торговли США с Сингапуром, Австралией, Перу и Чили для введения норм по трудовым отношениям, экологии, правам интеллектуальной собственности; провести гармонизацию норм ЗСТ в рамках более широкой географической зоны в целях снижения транзакционных издержек.

Одна из проблем ТПП связана с охватом чувствительных сфер (сельское хозяйство, трудовые отношения, защита прав интеллектуальной собственности, фармацевтическая продукция), что вызывает немалые противоречия между странами-членами. Так, Новая Зеландия является крупным аграрным производителем, с которой у США (как главного актора и инициатора расширения ТПП) нет соглашения о ЗСТ, что усложняет достижение консенсуса по данному вопросу, особенно в отношении молочной и мясной продукции. С еще одним крупным производителем сельскохозяйственной продукции региона – Австралией у США подписано соглашение о зоне свободной торговли, но оно не распространяется на сахар и не предусматривает полную либерализацию торговли другими сельскохозяйственными товарами. Не стоит сбрасывать со счетов и проблему участия стран-участниц в различных интеграционных соглашениях, содержащих связывающие обязательства по торговой и инвестиционной либерализации взаимных связей, проведения общей политики в разных сферах. Всего страны участвуют в 36 интеграционных соглашениях.

Одним из сложных вопросов в рамках продолжающихся переговоров остается регулирование цен на фармацевтическую продукцию, а также разрешение американским фармацевтическим корпорациям участвовать в тендерах на государственные закупки лекарственных препаратов (ограничения подобного рода есть в Австралии и Новой Зеландии).

Для успешности ТПП важно расширение двусторонних интеграционных связей между отдельными странами-участницами. В частности, это относится к ратификации ранее подписанных

ных соглашений о зоне свободной торговли, как между США и Республикой Корея. По заявлению южнокорейских официальных лиц, не исключена возможность участия в ТПП, но только после ратификации соглашения о зоне свободной торговли между США и Республикой Корея. Вступление в силу американо-южнокорейского соглашения позволит гарантировать сбыт южнокорейской продукции на преференциальных условиях по сравнению с продукцией японского производства, что не может не сказаться на заинтересованности японского бизнеса и правительства на проведении переговоров по ТПП. Япония и Республика Корея выступают конкурентами на американском рынке сбыта автомобилей, электробытовой техники, ИТ-товаров.

Что касается подписания нового соглашения с участием нынешних 9 государств-участниц, то сохраняются центробежные факторы, связанные с различиями между странами по уровню экономического развития, объему ВВП, его структуре, роли в международной торговле, в мировых прямых инвестициях и т.д. Достичь консенсуса в таких условиях по подписанию интеграционного соглашения высокого стандарта будет непросто. Еще одна проблема связана с позицией со стороны азиатских стран, которые рассматривают соглашение как жесткую англо-американскую модель интеграции.

Позиции стран в отношении формирования ТПП

Еще в конце II мировой войны США заняли лидирующие позиции в стратегической и экономической архитектуре Азии, установили устойчивые политические отношения с рядом государств АТР (Австралией, Республикой Корея, Таиландом и Японией). Такая система двусторонних политических союзов получила название Сан-Францисской системы. Тесные политические и экономические связи сложились у США и с Сингапуром, но без институционального оформления в рамках двустороннего договора.

В США политика регионализма как институционализации экономической интеграции заключается в подписании соглашений о зоне свободной торговли с отдельными странами региона и возрождении АТЭС. Если в начале 1990-х гг. Соединенным Штатам удалось выступить с оппозицией к предложению М. Махатхира по Восточноазиатской зоне свободной торговли, то в середине 2000-х гг. позиция США изменилась. Несомненно, что главной причиной стало предложение Японии по созыву первого Восточноазиатского саммита (ВАС) и созданию Восточноазиатского экономического сообщества к 2020 г. США были вынуждены перенести акцент с подписания двусторонних соглашений о ЗСТ на многостороннее соглашение – концепцию ФТААП и Транстихоокеанское стратегическое партнерство.

С точки зрения США, ТПП является самым многообещающим проектом Тихоокеанской зоны свободной торговли, а постепенное расширение

его членского состава может стать противовесом восточноазиатскому регионализму. Соглашение расценивается как инструмент возврата к либерализации торговли и инвестиций в регионе АТЭС, но для этого необходимо увеличить количество членов и подписать новое соглашение в рамках ТПП. Для США страны Восточной Азии имеют стратегический, geopolитический и геоэкономический приоритет. В условиях постепенного сужения американских позиций в регионе важна активизация участия страны в интеграционных процессах и многостороннем сотрудничестве в АТР, что позволит уменьшить дискриминационные барьеры в отношении американского экспорта на азиатских рынках (причина связана с функционированием огромного количества интеграционных соглашений в регионе начиная с 2000 г.).

На министерской встрече АСЕАН в июле 2009 г. госсекретарь США Х. Клинтон провозгласила политику «возврата США в Азию», что было сделано в ходе подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между США и АСЕАН. Чуть позже, в ноябре 2009 г., в рамках саммита АТЭС президент Б. Обама высказался о важности многосторонних организаций в АТР, назвав США «азиатско-тихоокеанской страной», и определил необходимость участия США в региональных организациях. Еще одна политическая причина американского интереса к соглашению ТПП связана с созданием реального противовеса Китаю в АТР.

Транстихоокеанское стратегическое партнерство рассматривается в качестве своеобразного моста, способного объединить восточноазиатскую интеграцию и интеграцию в АТР. Расширение его состава за счет Канады, Японии, Республики Корея и некоторых других государств позволит объединить регионы Тихоокеанского бассейна и многочисленные субрегиональные интеграционные соглашения в более широкое Азиатско-Тихоокеанское соглашение об общерегиональной зоне свободной торговли. Это соглашение носит стратегический характер, его экономическая целесообразность отодвинута на второй план, т.к. соглашение включает страны небольшие по объему ВВП, с малым по емкости внутренним рынком. Но соглашение позволит возродить доверие к реализации долгосрочной цели АТЭС по Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли.

В настоящий период США имеют зоны свободной торговли с четырьмя странами ТПП – Австралией, Чили, Сингапуром и Перу. В целом восемь стран ТПП составляют 6,3% совокупного экспорта США, что требует расширения соглашения за счет крупных торговых американских партнеров. Всего США подписали 10 соглашений о зоне свободной торговли, на долю которых приходится 34,4% совокупного американского товарооборота; удельный вес подписанных, но нератифицированных соглашений составляет 3,6%, а соглашений, по которым продолжается переговорный процесс, – 10,2% внешней торговли страны³.

Несомненно, что США заинтересованы в сохранении и расширении своей роли в АТР, ис-

■ Российское государство в системе международных отношений

пользуя ТПП в качестве главного инструмента. Но сохраняются сомнения в отношении успешной реализации этой концепции. Если в предыдущие годы США активно подписывали соглашения о зонах свободной торговли, то в последние 3–4 года процесс подписания замедлился. Яркое тому подтверждение – нератификация соглашения с Республикой Корея, Панамой и Колумбией из-за оппозиции со стороны американского Конгресса.

В Соединенных Штатах пока нет четкой позиции в отношении модели соглашения ТПП (НАФТА или НАФТА+), включая вопросы защиты прав интеллектуальной собственности и инвестиций. Как известно, США занимают жесткую позицию на любых переговорах в вопросе защиты прав интеллектуальной собственности (в частности, это касается проекта Всеамериканской зоны свободной торговли). Сохраняется сильной позиция американского лобби по вопросам сельского хозяйства и защиты интересов аграрных производителей в отношении ввоза аграрной продукции из Новой Зеландии и Австралии (сахар и молочная продукция), текстильной продукции и одежды из Вьетнама.

В целом соглашение ТПП имеет для США защитный эффект как противовес вероятному формированию чисто паназиатского объединения и наступательный эффект в плане постепенного создания транстихоокеанской зоны свободной торговли, укрепления своей стратегической и geopolитической роли в регионе.

Япония поздно вступила на путь интеграционных процессов (первое соглашение было подписано в 2002 г. с Сингапуром), сказываются и военно-политические причины вероятного несогласия ряда государств региона (Китай, Индонезия) на то, чтобы Япония стала лидером экономической интеграции в Восточной Азии. Для Японии важно сохранить свои лидирующие позиции в будущей интеграционной архитектуре Восточной Азии, не допустить усиления политического влияния Китая (недаром в 2005 г. Япония настояла на включении в состав ВАС Австралии и Индии в качестве противовеса КНР). Если в период до 2000-х гг. Япония придерживалась мнения американской администрации (например, отказ войти и возглавить Восточноазиатскую зону свободной торговли по предложению М. Махатхира на рубеже 1980–1990-х гг., когда США выступили против подобного объединения в Восточной Азии), то в 2000-х гг. – с концепцией формирования чисто азиатского интеграционного объединения.

В Японии расценивают ТПП как «дорожную карту» достижения Азиатско-Тихоокеанского сообщества. В рамках политики «открытия национальной экономики», проводимой правительством, сделан акцент на проведение переговоров по присоединению страны к ТПП и ФТААП. Участие в ТПП вызовет необходимость реформирования японской экономической политики, что также будет содействовать росту эффективности и устойчивости японской

экономики благодаря повышению конкуренции на внутреннем рынке. Но это может привести к росту безработицы в краткосрочной перспективе и к перераспределению рабочей силы, модернизации технологических мощностей и росту конкурентоспособности в долгосрочном плане, а также отразится на характере технических норм и стандартов в торговле, инвестициях и конкуренции в АТР. Преимущества от членства в зоне свободной торговли положительно скажутся на состоянии японской экономики благодаря самому высокому в мире объему промышленного производства в расчете на душу населения, а не участие, напротив, негативно отразится на сокращении экспортных возможностей и конкурентоспособности Японии. На страны ТПП приходится 25,7% японского экспорта и 24,6% японского импорта, что свидетельствует о явном экономическом интересе к членству в рассматриваемом соглашении.

В ноябре 2010 г. премьер-министр Японии Н. Кан объявил о намерении «открыть Японию» и вступить в переговоры по ТПП в целях повышения конкурентоспособности Японии на региональном и международном рынках. В том же году в Японии утверждена «Новая стратегия роста» и «Видение структуры промышленности», в которых зафиксирована необходимость открытия японской экономики и достижения стабильного и всеобъемлющего экономического роста. Для решения этой задачи следует наращивать экспорт. Если до 2000-х гг. Япония экспортировала, главным образом, в развитые государства – США и ЕС, то в последнее десятилетие японский экспорт в ЕС сократился на 33%, а в США снизился в два раза. Сокращение спроса в странах традиционного сбыта японской продукции привело к необходимости изменения его географических потоков, а значит, к реформированию торговой политики, формированию новых бизнес-моделей в целях разрешения структурных проблем и приданию динамики роста стагнирующей экономике. В 2011 г. государственный долг Японии в два раза превысил объем ВВП, а в 2012 г. по прогнозу увеличится до 210% ВВП.

С 2002 г. Япония подписала 11 соглашений об экономическом партнерстве, включая соглашения с АСЕАН, Сингапуром, Малайзией, Таиландом, Индонезией, Брунеем, Филиппинами, Вьетнамом, Мексикой, Чили. Но количество таких интеграционных соглашений не всегда перекрывает их качественную сторону. Так, если на соглашения о зонах свободной торговли, подписанных Республикой Корея, приходится 35,6% совокупного национального внешнеторгового оборота, то у Японии – только 16,5%. Переговоры продолжаются с 4 странами – Австралией, Индией, Перу и Республикой Корея, на совокупную долю которых приходится 13,9% японской внешней торговли.

В целом японские зоны свободной торговли отличаются меньшим уровнем взаимной либерализации, когда аграрная продукция не вклю-

чается в списки либерализации из-за жесткой протекционистской политики защиты сельского хозяйства. В этих соглашениях из программ таможенной либерализации исключены рис и молочная продукция. Япония традиционно поддерживает национальных фермеров также на основе предоставления госпомощи, объем которой доходит до 48% аграрного производства, что в 2 раза превышает объем официальной помощи в странах ЕС (24,89%) и на несколько сотен процентов выше американской (6,85%) или австралийской (5,85%) помощи фермерам⁴. По подсчетам, участие Японии в региональных зонах свободной торговли привело к ликвидации 3,4 млн рабочих мест и потере 4 трлн иен в среднем ежегодно⁵.

Транстихоокеанское стратегическое партнерство – не единственная концепция, рассматриваемая в официальных кругах Японии в качестве модели общерегиональной зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония стремится создать новую экономическую архитектуру в Восточной Азии, делая ставку на модель АСЕАН+6. Японское руководство предложило завершить переговоры по моделям двух соглашений АСЕАН+3 и ТПП и создать зоны свободной торговли в их рамках к 2015 г., а общерегиональную зону свободной торговли в АТР – к 2020 г. Для Японии такое участие позволит сохранить и расширить связи с США, проводить сбалансированную стратегию отношений с западом и востоком Тихоокеанского бассейна, а значит, позволит сохранить ведущие позиции Японии в интеграционных процессах региона. Но сохраняются нерешенные некоторые вопросы. В частности, один из них связан с нератификацией соглашения о зоне свободной торговли между США и Республикой Корея, что является плохим сигналом для других азиатских государств, ведущих аналогичные переговоры с Соединенными Штатами.

Переговоры о присоединении Японии к ТПП планировалось начать в июне 2011 г., но срок был продлен. Задержка с принятием решения о целесообразности присоединения Японии к переговорному процессу была связана с влиянием стихийных бедствий (цунами, землетрясение) и ядерными взрывами на АЭС «Фукусима» (членство в ТПП потребует открытия японской экономики, что пока невозможно). Есть и другие спорные вопросы, как защита прав интеллектуальной собственности, госзакупки и конкурентная политика, включение которых в новое соглашение не может не сказаться на конкурентоспособности и бизнесе японских корпораций на внешних рынках. Решение по этому вопросу было принято в ноябре 2011 г. и на саммите АТЭС в Гонолулу объявлено о присоединении Японии к «Транстихоокеанскому партнерству». Хотя единого мнения в официальных кругах и среди населения нет: есть сторонники во главе с премьером, но есть и противники.

В целом преимущества ТПП для Японии, Республики Корея и АСЕАН связаны с возможностью расширить связи с США в противовес динамично растущему Китаю; избежать необходимости выбора экономического и политического лидера в АТР. Одновременно американская модель «Транстихоокеанского партнерства» невыгодна для АСЕАН как интеграционного объединения, динамично развивающегося в последние полтора десятилетия, ставшего несомненным центром экономической интеграции в западной части Тихого океана. Создание Транстихоокеанской зоны свободной торговли приведет к снижению роли АСЕАН. На данный момент в «Транстихоокеанское партнерство» входят четыре государства АСЕАН – Сингапур, Бруней, Вьетнам и Малайзия. Есть намерение и у правительства Филиппин. Вступление наименее экономически развитых стран Ассоциации – Лаоса, Камбоджи и Мьянмы представляется крайне проблематичным из-за уровня их экономического развития.

Современная ситуация с подписанием соглашения ТПП

По состоянию на конец ноября 2011 г. состоялось 9 раундов переговоров. Вопрос по ТПП не был включен в повестку дня саммита АТЭС в американском Гонолулу (2011 г.), но от этого его значение не снижается. Именно на саммите президент США Б. Обама сделал официальное заявление о создании Транстихоокеанской зоны свободной торговли в составе 10 государств, включая США и Японию. Намерение вступить в Транстихоокеанское партнерство выразил и премьер-министр Канады, хотя остаются нерешенные вопросы. Речь идет о:

– задержке принятия решения в США о проектировке нефтепровода Кинстоун с севера канадской провинции Альберта к нефтеперерабатывающему заводу на побережье Техаса с пропускной способностью 830 тыс. барр/день;

– введении нового сбора с канадских и мексиканских туристов (прибывающих авиационным или водным транспортом) в размере 5,50 долл.;

– американской инициативе «Вне границ» о подписании двустороннего соглашения по торговле и безопасности в целях укрепления координации обмена разведданными и облегчения трансграничной торговли между двумя государствами;

– утверждении новых положений Закона «Покупай американское», фактически запрещающих допуск канадских компаний к участию в тендерах на реализацию инфраструктурных проектов в США.

Участие в ТПП позволит Канаде облегчить выход на рынки сбыта стран АТР, в том числе на рынки энергоресурсов (в частности, за счет переориентации прокладки нефтепровода Кинстоуна и сооружения других трубопроводов). В целом пока 10 стран, участвующих в переговорах по новому «Транстихоокеанскому партнерству»,

■ Российское государство в системе международных отношений

смогли достичь консенсуса по нечувствительным вопросам, включая таможенные вопросы, технические ограничения в торговле, телекоммуникации, госзакупки, регулирование малых и средних компаний, вопросы конкурентоспособности и развития. Ожидается, что чувствительные для стран-участниц проблемы либерализации (инвестиции, защита прав интеллектуальной собственности, защита прав занятых лиц) будут решены и соглашение подписано в течение 2012 г.

Особое значение придается этому соглашению в случае присоединения Китая. На саммите в Гонолулу официальный представитель КНР заявил, что в Китае внимательно рассмотрят возможность участия в ТПП в случае подобного приглашения. Аналогичным было высказывание и в китайской прессе: участие Китая возможно, но реально только в случае, если страны-партнеры уважают его интересы. Пока же отдельные страны АТР обвиняют Пекин в нарушении прав человека. Как высказалась госсекретарь

Х. Клинтон, Транстихоокеанское партнерство – соглашение не только экономического, но и политического плана, базирующегося на принципах открытости, свободы и справедливости.

По мнению президента США Б. Обама, Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство станет основой для зоны свободной торговли всех стран АТР, как самое крупное соглашение после НАФТА⁶.

Kostyunina G.M. Trans-Pacific Strategic Partnership: the Balance of Power and Role in the Formation of Regional Free Trade Area in Asia-Pacific.

Summary: The article describes the main provisions of existing agreement on the transpacific strategic economic partnership, the need for expansion and its importance to the future Asia-Pacific free trade area (FTAAP). It analyzes of the positions of the leading countries in the region on a Pacific free trade zone - the U.S., Japan and ASEAN.

Ключевые слова

Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство (ТПП), АТЭС, ФТААП, АСЕАН+3, США, Япония, АСЕАН.

Keywords

TransPacific Strategic Economic Partnership Agreement (TSEPA), APEC, FTAAP, ASEAN+3, USA, Japan, ASEAN.

Примечания

1. APEC (2010).Yokahama Declaration – The Yokahama Vision – Bogor and Beyond. http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2010/2010_aelm.aspx.
2. Составлено автором на основе данных CIA World Factbook, 2010.
3. Действующие соглашения о зоне свободной торговли США с НАФТА, Израилем, Иорданией, Бахрейном, Марокко, Чили, Сингапуром, Австралией, Оманом и Перу. После нескольких лет ожидания в декабре 2011 г. были ратифицированы соглашения с Республикой Корея, Колумбией и Панамой. Переговоры продолжаются с ОАЭ, Малайзией.
4. Producer Support Estimates of the OECD. USDA, 2010.
5. Japan Looks to TPP to Transform Its Economy.- JETRO Focus Newsletter. February 2011.
6. Pacific negotiators seeking trade accord to target labour rights, US says. Bloomberg, Sep.16, 2011.

Роль АСЕАН в становлении региональной архитектуры в АТР

С.М. Меньшикова

Крушение bipolarного мира вызвало значительные трансформации в стратегической и политической ситуации, в частности значительно затронуло страны АТР, привело к образованию в регионе так называемого «политического вакуума». В АТР с исчезновением bipolarной конфронтации стали активизироваться внутрирегиональные процессы. Значительную роль в заполнении «вакуума» сыграла Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, при непосредственном участии которой и стала формироваться новая архитектура в регионе.

Окончание «холодной войны» привело к изменению расстановки сил не только в Европе, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Существовавшая до этого bipolarная система международных отношений разделяла регион на страны, поддерживающие ту или иную сверхдержаву, и страны, проводившие политику неприсоединения к какому-либо лагерю. В данном контексте не было и речи о том, чтобы государства региона, тяготеющие к разным полюсам, проводили какую-либо общую политику в регионе:

Крушение bipolarного мира вызвало значительные трансформации в стратегической и политической ситуации в АТР, тем не менее окончание «холодной войны» для Азиатского региона все же не стало рубежом, разделившим развитие стран на «до» и «после». Это было, скорее всего, характерным для Европейского региона. В АТР с исчезновением bipolarной конфронтации стали более активизироваться внутрирегиональные процессы. Значительную роль в заполнении «политического вакуума» сыграла Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, при непосредственном участии которой и стала формироваться новая международная архитектура в регионе.

В основе сложившейся к окончанию первой декады 2000-х гг. региональной структуры в АТР лежат две составляющие: экономическая и политическая. Безусловно, экономическая составляющая развивается более интенсивно. Количество торгово-экономических соглашений между странами региона – двусторонних о зонах свободной торговли, региональных торговых и валютных соглашений – растет высокими темпами. В то же время политическое взаимодействие и сотрудничество в сфере безопасности стали развиваться только в 2000-х гг. и значительно отстают от уровня экономических связей.

Поскольку основной движущей силой в развитии регионального сотрудничества являются страны АСЕАН, в данном исследовании основное внимание будет уделено асекоцентрической архитектуре, ее политической и экономической составляющей, а также взаимодействию АСЕАН с отдельными региональными державами. Вне фокуса остаются не менее значимые:

- многосторонние диалоги по вопросам безопасности («Шестисторонние диалоги»);
- многосторонние организации – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-

Меньшикова Светлана Михайловна – соискатель кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России, специалист по учебно-методической работе 1-й категории Управления магистерской подготовки. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Российское государство в системе международных отношений

Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Южно-Азиатская ассоциация по региональному сотрудничеству (СААРК) и др.

Принимая во внимание неравномерность уровня развития стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также существующие между ними политические противоречия, становится очевидным, почему именно с торгово-экономической сферы они начали строить взаимодействие. Основополагающими целями АСЕАН, провозглашенными в Бангкокской декларации 1967 г., были:

– ускорение экономического, социального и культурного развития ее государств-членов на основе сотрудничества и взаимопомощи;

– содействие установлению мира и стабильности в регионе на основе «соблюдения справедливости и законности в отношениях между странами» и приверженности принципам Устава ООН;

– поддержание взаимовыгодного сотрудничества с общими и региональными международными организациями, имеющими сходные цели¹. Поэтому, кроме недопущения «эффекта домино» вьетнамского коммунистического режима, именно развитие торговых отношений стало основной формой взаимодействия между странами АСЕАН.

В послевоенное время торговые отношения в рамках АСЕАН стали развиваться более интенсивно. В 1977 г. между странами-членами Ассоциации² было подписано базовое Соглашение о преференциальной торговле. В данном соглашении предусматривалось расширение тарифных преференций, постепенный уход от нетарифных ограничений в торговле, заключение долгосрочных контрактов относительно импорта товаров, на которые распространялись преференции, предоставление финансовых льгот посредством снижения процентных ставок и прочие меры, которые страны-члены Ассоциации согласовывали друг с другом³.

Также в Соглашении о преференциальной торговле были прописаны Правила происхождения товаров. В соответствии с ними торговые преференции распространялись исключительно на товары, которые не менее чем на 60% произведены на территории страны-члена АСЕАН⁴. Торговые преференции, зафиксированные в соглашении, по большей части касались тарифов. Находясь на начальном этапе развития экономического сотрудничества, процесс обсуждения и принятия взаимных преференций шел достаточно сложно и включал в основном двусторонние требования по конкретным товарным группам. После того как всем странам удавалось прийти к консенсусу по обсуждаемому вопросу, оговоренные преференции распространялись на все страны АСЕАН на многосторонней основе. При этом страны также договаривались относительно объема поставок льготного товара. Первоначально тарифные преференции распространялись на 20 наименований товаров, впоследствии список был расширен до 71 наименования, что составляло 2% общего оборота взаимной торговли. К началу 1990-х гг. взаимные тарифные преферен-

ции охватывали уже более 12 700 наименований товаров, производимых странами-членами Ассоциации⁵.

На проходившем в Сингапуре в январе 1992 г. 4-м саммите АСЕАН страны-участницы приняли решение о создании зоны свободной торговли – АСЕАН. Основной ее целью было стимулирование роста уровня взаимной торговли стран-участниц. Для этого было решено сформировать общее экономическое пространство, в котором были бы максимально устранены торговые барьеры между странами, а также уделено внимание развитию необходимой инфраструктуры⁶.

На саммите было также решено, что в течение 15 лет, начиная с 1 января 1993 г., страны-основатели АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Бруней, Сингапур, Таиланд и Филиппины) сократят таможенные пошлины на широкий ассортимент промышленных и переработанных сельскохозяйственных товаров до уровня 0–5%⁷. В качестве основного механизма создания зоны свободной торговли АСЕАН в соглашении называлось применение общего внешнего преференциального тарифа. Для каждой страны сроки применения оговаривались отдельно⁸.

В 2000-х гг. страны АСЕАН продолжили углубление и расширение торгово-экономических связей уже за рамками Ассоциации, с ее партнерами по диалогу. Однако следует учитывать, что зона свободной торговли АСЕАН не соответствует по степени интеграции общему рынку. И хотя в рамках Ассоциации обсуждаются соглашения о создании зон свободной торговли стран-членов, каждый член АСЕАН индивидуально подписывает и применяет соглашения о свободной торговле на уровне двусторонних соглашений. У АСЕАН не сформировано общей шкалы внешних тарифных ставок. И каждая отдельная страна-член АСЕАН может заключать двусторонние соглашения о зонах свободной торговли на своих условиях.

Лидером по количеству заключенных соглашений в АСЕАН, безусловно, является Сингапур. У Сингапура есть соглашения о свободной торговле с Соединенными Штатами, Европейской ассоциацией свободной торговли⁹, Японией, Австралией, Республикой Корея и Панамой. Также он является членом частичных зон свободной торговли с Китаем, Индией и Иорданией. Кроме того, Сингапур является членом Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства¹⁰.

Помимо участия в зоне свободной торговли АСЕАН, Таиланд имеет соглашения о ЗСТ с Австралией, Новой Зеландией, Японией и Республикой Корея¹¹. У него также есть рамочные договоренности с Индией, Перу, Бахрейном и БИМШЭС¹². Таиланд ведет переговоры о создании зон свободной торговли с Соединенными Штатами, Индией и ЕАСТ, в последние годы – и с Марокко.

В то время как Филиппины, Индонезия и Малайзия активно участвуют в подписании соглашений о создании зон свободной торговли, Камбоджа, Вьетнам и Лаос все еще практически не

включены в этот процесс. Отдельно от Ассоциации эти страны не в состоянии предлагать какие-либо преференции в торговле для стран-партнеров. Также серьезным препятствием является и то, что Лаос все еще не является членом Всемирной торговой организации (ВТО), к которой Камбоджа присоединилась в 2004 г., а Вьетнам – в 2007 г. С 2008 г. Вьетнам вел переговоры с Японией о создании зоны свободной торговли. В октябре 2009 г. вступило в силу подписанное еще в декабре 2008 г. Соглашение об экономическом сотрудничестве с приложениями, в которых подробно оговаривались условия развития торговли и предоставляемые сторонами льготы¹³.

Важным торговым партнером для стран АСЕАН является Китай. В ноябре 2002 г. в столице Камбоджи – Пномпень АСЕАН и Китай подписали Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве¹⁴, которое стало результатом активного политического взаимодействия между КНР и Ассоциацией¹⁵. Рамочное соглашение стало первым шагом к созданию зоны свободной торговли КНР–АСЕАН: в 2010 г. – между Китаем и шестью наиболее индустриально развитыми странами–членами АСЕАН¹⁶. К 2015 г. она должна будет распространиться и на остальных членов АСЕАН – Камбоджу, Лаос, Мьянму и Вьетнам.

В то же время у Китая уже подписаны соглашения о зонах свободной торговли с Гонконгом и Макао (соглашения о близком экономическом партнерстве), а также с Пакистаном, Чили, Новой Зеландией, Сингапуром и Перу. Так же в настоящее время Китай ведет переговоры с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива¹⁷, Австралией, Исландией, Норвегией и Южноафриканским таможенным союзом¹⁸.

Япония стала активно участвовать в заключении соглашений о зонах свободной торговли сравнительно недавно. Во многом это связано с тем, что исторически японское государство проводило меры по защите сельскохозяйственного сектора экономики, и именно сельскохозяйственный вопрос стал самым острым во время переговоров о вступлении в ВТО¹⁹. Первым партнером Японии по Соглашению об экономическом сотрудничестве стал в 2003 г. Сингапур. Затем подобные соглашения были подписаны с Мексикой (2004 г.), Индонезией, Таиландом, Филиппинами и Малайзией (2006 г.), а также Чили (вступило в силу в 2007 г.) и Брунеем (2008 г.) а впоследствии и с Вьетнамом (2009 г.).

В январе 2011 г. состоялся 12-й раунд переговоров Японии с Австралией, а в феврале 2011 г. – 2-й раунд переговоров со Швейцарией, в ходе которых разрабатывались положения, которые в будущем будут положены в основу двусторонних соглашений об экономическом сотрудничестве²⁰. Помимо вышеперечисленного, Япония принимает активное участие в деятельности так называемой группы АСЕАН+3, в которой помимо нее самой участвуют Китай и Республика Корея.

Центр АСЕАН+3, занимающийся координацией деятельности группы, расположен в Сингапуре²¹. Саммиты АСЕАН+3 проходят непосредственно после каждого саммита Ассоциации. На них рассматриваются не только текущие актуальные вопросы, но и развитие торговых отношений, создание необходимых условий для финансового сотрудничества, а также различные политические аспекты и проблемы безопасности.

В ноябре 2004 г. лидеры АСЕАН+3 в качестве долгосрочной цели провозгласили создание Восточноазиатского сообщества, основные направления деятельности которого сводились к:

- созданию Восточноазиатской зоны свободной торговли и либерализации торговли между странами–членами в соответствии с Богорскими целями АТЭС²²;
- распространению рамочных соглашений о зоне инвестиций АСЕАН на все страны Восточной Азии;
- стимулированию взаимодействия и сотрудничества в сфере технологий между развитыми странами с последующим оказанием содействия развитию менее развитых стран региона;
- созданию региональной экономической структуры, ориентированной на перспективу²³.

Продолжение расширения и углубления экономической интеграции между странами нашло свое отражение в том, что в 2005 г. была создана еще одна структура – форум Восточноазиатский саммит (ВАС), в состав которого вошли 10 стран–членов АСЕАН плюс Китай, Япония, Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. К настоящему времени к ВАС присоединились Соединенные Штаты и Россия. В ходе 6-го саммита ВАС, прошедшего 19 ноября 2011 г. в Индонезии, на о. Бали, после окончания 19-го саммита АСЕАН была принята Декларация о принципах взаимовыгодных отношений, в которой речь идет о поддержании мира, стабильности и процветания в регионе. В основном внимание на саммите было уделено вопросам стимулирования и укрепления сотрудничества по пяти основным областям: финансы, энергетика, образование, здравоохранение и предотвращение стихийных бедствий.

В общем и целом по итогам саммитов 2011 г. стало четко прослеживаться разграничение сфер интересов между разными асепновскими саммитами. Фокус интересов АСЕАН+3 окончательно сместился на обсуждение вопросов экономики, торговли, либерализации и региональной экономической интеграции. Во многом это было обусловлено тем, что АСЕАН+3 – главная движущая сила в регионе, создающая условия для расширения экономической интеграции.

Проблемы, обсуждаемые в рамках Восточноазиатского саммита, носят общеполитический характер. Еще в декларации 2005 г. лидеры стран отметили, что основной целью их работы в рамках саммита является создание Восточноазиатского сообщества. Для достижения этой цели в рамках Восточноазиатского саммита и «будет

■ Российское государство в системе международных отношений

проводиться диалог по стратегическим, политическим и экономическим проблемам, являющимся общими для стран-участниц»²⁴.

В XXI в. благодаря активной политике стран АСЕАН, а также их партнеров по диалогу в рамках нового форума – Восточноазиатского саммита – круг обсуждаемых вопросов и уровень взаимодействия настолько высок, что лидеры стран говорят о возможности создания Восточноазиатского сообщества.

Отдельно от проводимых в рамках стран–членов Ассоциации саммитов в АСЕАН существует еще одна платформа для проведения политического диалога – так называемая система Постминистерских конференций (ПМК). Постминистерские конференции проводятся с 1979 г. ежегодно на уровне министров иностранных дел стран–членов АСЕАН и государств, имеющих статус официальных партнеров АСЕАН. В настоящее время в их число входят США, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Корея, Россия и КНР²⁵.

Изначально на Постминистерских конференциях основным вопросом было развитие торгово-экономических связей с партнерами по диалогу. Однако начиная с четвертого саммита АСЕАН, проходившего в Сингапуре в 1992 г., круг вопросов был расширен и дополнен вопросами сотрудничества в сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Самой сложной стороной новой асеноцентрической архитектуры в АТР является сфера безопасности. Во многом это связано с историческим наследием «холодной войны», когда часть стран тяготела к одному лагерю, часть – к другому, а некоторые проводили политику нейтралитета. Основными составляющими региональной безопасности в АТР традиционно являются двусторонние договоры. В годы «холодной войны» система региональной безопасности строилась по принципу «зонтика», в котором договоры безопасности с азиатскими странами были «спицами», а американское военное присутствие в регионе являлось «ручкой» этого «зонтика». Соединенные Штаты в те годы создали целую сеть «квази-альянсов», состоящих из государств, связанных союзными обязательствами с США, но не связанных между собой в виде многосторонних форматов безопасности²⁶.

После окончания «холодной войны» и с исчезновением bipolarной конфронтации в Азиатском регионе осталась, по сути, та же архитектура безопасности, основанная на двусторонних договорах. Сама по себе военно-политическая ситуация в АТР значительно отличалась от той, что формировалась на европейском пространстве. Это было связано с тем, что в АТР к окончанию «холодной войны» уже оформилось несколько центров силы, например АСЕАН. При этом в АТР отсутствовали аналогичные европейским переговорные механизмы, меры по укреплению доверия и т.п. Этим было обусловлено сдержанное отношение к формированию системы безопасности по типу ОБСЕ и к разоружению. В пользу того, что модель ОБСЕ

неприменима к азиатским реалиям, говорило то, что в состав Азиатско-Тихоокеанского региона входят значительно отличающиеся друг от друга по уровню социально-экономического и политического развития государства. Существенным дестабилизирующим фактором в регионе является и большое число территориальных споров, конфессиональных и этнических конфликтов.

С окончанием «холодной войны» в регионе появились и новые угрозы стабильности и безопасности. Во-первых, в 1990-х гг. КНДР начинает вести активные разработки в ядерной сфере, что представляет явную опасность распространения и применения ядерного оружия и является сильным дестабилизирующим фактором. Во-вторых, в регионе появляется большое число «нетрадиционных» угроз безопасности, таких, как международный терроризм, наркоторговля, пиратство, торговля оружием, экологические проблемы и др.

После того как напряжение, вызванное «холодной войной», ослабло, две региональные державы – Австралия и Канада – высказали идеи относительно возможности реализовать многосторонний подход к обеспечению региональной безопасности. В июле 1990 г. министр иностранных дел Австралии Г. Эванс выступил за проведение азиатско-тихоокеанской конференции с целью разрешить существовавшие региональные проблемы в области безопасности. Вслед за этим заявлением в том же месяце министр иностранных дел Канады Дж. Кларк высказал схожую идею. Он предложил «расмотреть модель ОБСЕ применительно к АТР»²⁷.

Однако оба эти предложения были достаточно холодно встречены мировыми державами, в том числе Японией и США. Через месяц после этих заявлений госсекретарь США Дж. Бейкер во время выступления выразил твердую уверенность, что «и двусторонних соглашений вполне достаточно для поддержания безопасности в АТР»²⁸. Япония также настаивала на том, что условия создания ОБСЕ в Европе не могут быть перенесены в АТР²⁹. Более того, многие исследователи, в частности, А. Фуксима³⁰, А. Ачария³¹, М. Дж. Грин³² полагали, что модель ОБСЕ будет неэффективна в АТР. М. Дж. Грин, отмечал, в частности, что «конфликты в АТР, такие как, например, на Корейском полуострове или в Камбодже, гораздо быстрее будут разрешены посредством переговоров между странами, непосредственно в них вовлечеными, чем при обсуждении на общерегиональном форуме»³³.

Подобно Японии, страны АСЕАН также крайне негативно отзывались об идее создания «азиатского» ОБСЕ, поскольку опасались, что учреждение такого официального регионального института по вопросам безопасности может лишить страны АСЕАН возможности по-своему разрешать региональные споры. Они традиционно для решения проблем в области безопасности прибегали к проведению консультаций и диалога. Этот метод часто даже называют «асиановским» и он является прямой противоположностью институционалистского подхода к решению проблем, применяемого в Европе³⁴.

Предложение о создании многосторонней системы обеспечения безопасности было также раскритиковано Китаем, который опасался, что подобная региональная организация может быть использована странами для вмешательства в вопросы, которые Китай считал внутриполитическими, такие как, например, проблема Тайваня и Южно-Китайского моря³⁵.

В июле 1991 г. на проходившей в столице Малайзии Куала-Лумпуре Постминистерской конференции АСЕАН³⁶ министры иностранных дел Японии, Индонезии, США, СССР, Республики Корея, Китая, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Монголии, Лаоса, Вьетнама, Таиланда, Сингапура и Филиппин обсуждали вопросы, касавшиеся безопасности в Камбодже, на Корейском полуострове и в Персидском заливе³⁷. В ходе конференции Т. Накаяма от имени Японии выступил с официальным предложением сформировать общерегиональный форум для проведения многостороннего политического диалога и решения проблем в области безопасности.

Подчеркнув важность существующих региональных соглашений и договоренностей, Накаяма заявил следующее: «Если и можно что-либо добавить к существующим механизмам сотрудничества в трех областях – экономическом сотрудничестве, дипломатии и безопасности, – то это могло бы быть создание форума для политического диалога, где дружественные страны региона обменивались бы мнениями по общим вопросам»³⁸. Он предложил использовать Постминистерские конференции АСЕАН для проведения политического диалога по вопросам безопасности. И выступил с инициативой организации Совещаний старших должностных лиц стран-членов Форума для выработки совместных инициатив в сфере безопасности для их последующей передачи на рассмотрение Постминистерских конференций АСЕАН.

Как писал профессор кафедры политологии Колумбийского университета Пол Мидфорд, «предложения Накаямы» не получили абсолютного одобрения со стороны министров иностранных дел всех стран-участниц³⁹. В частности, даже реакция официальных лиц США была неоднозначной. С одной стороны, американские представители понимали, что с изменением расстановки сил в регионе возросла необходимость многостороннего подхода к обеспечению безопасности. С другой стороны, на высшем уровне реакция на «предложения» была скорее даже негативной. Госсекретарь США Дж. Бейкер проигнорировал «предложения», заявив, что они являются «угрозой для существовавших двусторонних соглашений в регионе»⁴⁰.

В странах АСЕАН неприятие «предложений Накаямы» в основном объяснялось сохранившимся в этих странах недоверием к любой инициативе, которая бы исходила от Японии, и боязнью того, что она попытается отобрать роль лидера у стран АСЕАН в будущем диалоге⁴¹.

Сама идея создания многостороннего регионального механизма для обсуждения вопросов безопасности в АТР нашла поддержку на 4-м

саммите АСЕАН, проходившем в 1992 г. К этому времени большинство стран АСЕАН уже были готовы принимать непосредственное участие в организации многосторонней системы безопасности в регионе. На Постминистерские встречи были приглашены в качестве гостей представители Китая, России, Вьетнама и Лаоса. Поворот в отношении идеи многостороннего участия в решении региональных проблем был обусловлен как изменением расстановки сил в АТР (в частности, заявлением США о выводе войск с военной базы на Филиппинах к ноябрю 1991 г.), так и распадом Советского Союза в декабре 1991 г.

Ослабление советского и американского влияния в регионе привело к осознанию странами АСЕАН вероятности появления новых лидеров в сфере обеспечения безопасности – Японии и особенно Китая⁴². После того как в 1992 г. Пекин объявил о своем суверенитете над Южно-Китайским морем и была официально закреплена возможность использования вооруженных сил для его защиты⁴³, создание многостороннего института по вопросам безопасности позволяло асепановцам, с одной стороны, поддерживать интерес США к региону, а с другой – сдерживать растущую мощь Китая.

В мае 1993 г. представители стран АСЕАН и еще шести их партнеров по диалогу⁴⁴ собирались вместе и впервые обсудили, каким будет новый мировой порядок после окончания «холодной войны». Политические деятели пришли к соглашению о необходимости расширять «многостороннее сотрудничество в области безопасности для достижения мира в регионе» и о создании «общерегионального форума для многостороннего диалога по вопросам безопасности, повестка дня которого выходила бы за рамки Постминистерских конференций»⁴⁵.

В итоге на встрече министров иностранных дел восемнадцати стран в июле 1994 г. в Бангкоке был образован Асепановский региональный форум по безопасности (АРФ). Его основной целью провозглашалось создание «предсказуемой и конструктивной формы взаимодействия в АТР»⁴⁶. В основе деятельности форума должны были лежать переговоры и консультации, а решения – приниматься методом консенсуса, а не голосованием. Таким образом, стороны договорились относительно формата для будущей деятельности форума, который стал примером консультационно-консенсусного подхода к урегулированию проблем региональной безопасности.

Вторая встреча министров стран-членов АРФ состоялась 1 августа 1995 г. в столице Брунея Бандар-Сери-Бегаване, в ходе которой обсуждались цели, состав и разрабатывался механизм работы форума. Все эти вопросы нашли свое отражение в двух принятых в ходе встречи основополагающих документах. Одним из них стала Концепция Асепановского регионального форума, разработанная странами АСЕАН с учетом поправок, внесенных остальными странами-членами АРФ⁴⁷. На рассмотрение также было вынесено Заявление пред-

■ Российское государство в системе международных отношений

седательствующей стороны (Брунея), которое в ходе форума было представлено постоянным секретарем Министерства иностранных дел Брунея Л.Ч. Сенгом⁴⁸.

В Концепции отмечалось, что Азиатско-Тихоокеанский регион, переживая период «беспрецедентного мира и процветания», в то же время страдает «от наиболее разрушительных войн XX века», а также от «неразрешенных территориальных и прочих споров»⁴⁹. В документе констатировалось, что:

- периоды высоких темпов экономического роста часто «сопровождались значительными изменениями в расстановке сил в регионе»⁵⁰;

- страны-члены форума существенно различались размерами территорий, уровнями экономического развития, культурами и религиями, этническими составляющими населения и историческим наследием;

- из-за существующих различий у стран АРФ наблюдаются заметные несовпадения в отношении подходов к обеспечению мира в регионе, в решении вопросов в области безопасности. Это, в свою очередь, требовало разработки так называемого «подхода на основе консенсуса»⁵¹.

В Концепции подчеркивалось, что, поскольку страны АСЕАН имели «внушительный опыт в осуществлении регионального сотрудничества в субрегионе Азиатско-Тихоокеанского региона» и они «являлись движущей силой регионального сотрудничества»⁵², их моделям сотрудничества можно было следовать при разработке программы деятельности форума. Далее в Концепции изложены три этапа деятельности Асепановского регионального форума, а именно: развитие мер по укреплению доверия; выработка механизмов превентивной дипломатии на краткосрочный период; создание в долгосрочной перспективе конкретных механизмов урегулирования региональных конфликтов.

Также в Концепции были заложены некоторые основополагающие принципы работы непосредственно самого форума:

- ежегодно вместе с Министерскими встречами стран АСЕАН проводить Совещание старших должностных лиц стран-членов АРФ;

- Асепановский региональный форум не будет иметь, по крайней мере в краткосрочной перспективе, секретариата (он до сих пор не создан);

- решения в рамках форума должны приниматься исключительно в соответствии с принципом консенсуса;

- развитие форума должно «происходить со скоростью, удобной для всех стран-участниц»⁵³.

В Заявлении председательствующей стороны на 2-м форуме отмечалось, что АРФ по своему типу является «форумом для открытого диалога и проведения консультаций по вопросам региональной политики и проблем региональной безопасности, для обсуждения и улаживания различий в позициях стран-членов с целью сократить возможные риски возникновения угроз безопасности»⁵⁴.

В своей речи председатель форума, говоря о концепции безопасности, назвал ее «всеобъемлющей» и особо отметил, что она включает в себя не только «военные, но и политические, экономические, социальные и прочие аспекты»⁵⁵. Л.Ч. Сенг вместе с тем подчеркнул, что «основной движущей силой АРФ» должна стать АСЕАН, одновременно с чем другим странам-членам АРФ гарантировалось «полное и равное участие в форуме»⁵⁶.

Оценки 16-летней (1994–2010 гг.) работы форума достаточно противоречивы. С одной стороны, обсуждение каждого конкретного вопроса в его рамках занимает значительное время, и зачастую, несмотря на активность рабочих групп, выработать общий механизм по «острым» проблемам все еще не удается. С другой стороны, Асепановский региональный форум по своей сути является уникальным неформальным объединением, в рамках которого бывшие противники (времен «холодной войны») ищут компромиссы для разрешения региональных споров.

Помимо традиционных вызовов региональной безопасности вышедшие на передний план в начале XXI в. нетрадиционные угрозы, такие, как наводнения, землетрясения, тайфуны, цунами, пандемии, проблемы экологии и климатические изменения, привели лидеров стран АСЕАН к мысли о необходимости дополнить АРФ новым институтом, в рамках которого могла бы рассматриваться часть важных, требующих безотлагательного решения вопросов. Странами АСЕАН вместе с партнерами по диалогу было принято решение о проведении совещания министров обороны стран АСЕАН + партнеров по диалогу («СМОА плюс»). Первое совещание министров обороны прошло в октябре 2010 г. в столице Вьетнама – Ханое. На совещании присутствовали десять министров обороны стран-членов Ассоциации, а также восемь министров обороны стран-партнеров по диалогу, а именно: Австралии, Китая, Индии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии, России и Соединенных Штатов.

Было решено, что формат «СМОА плюс» будет схож с форматом АРФ. Совещание будет представлять собой форум, в рамках которого министры обороны стран-участниц будут вести диалог по проблемам, существующим в сфере региональной безопасности, стимулировать применение мер по укреплению доверия, а также способствовать повышению уровня взаимодействия стран при решении проблем, вызванных «нетрадиционными» угрозами безопасности.

Таким образом, к концу первой декады XXI в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе при непосредственном участии АСЕАН была сформирована новая международная архитектура, в центре которой находится Ассоциация. Она включает в себя площадки как для политического диалога, так и для экономического. Несмотря на то что пока именно торгово-экономическое взаимодействие развивается интенсивнее, чем сотрудничество в области политики и безопасности, в последние годы разрыв стал сокращаться. Политическое взаимодействие постепенно переходит на качественно новый уровень, АСЕАН

активно развивает диалог со странами-партнерами, интенсивно и на разных уровнях идет обсуждение проблем в области безопасности.

И чем быстрее и глубже будет идти взаимодействие по всем областям, тем раньше странам АСЕАН и их партнерам удастся сформировать Восточноазиатское сообщество, новое интеграционное объединение, в рамках которого будут рассматриваться все аспекты взаимодействия стран региона.

Menshikova S.M. ASEAN Role in Asia-Pacific Regional Architecture Building.

Summary: The collapse of the bipolar system caused significant transformations in world's political and strategic balance of powers, particularly had an impact on the Asia-Pacific nations and created "political vacuum" in the region. In Asia-Pacific crash of the bipolar confrontation stimulated internal processes. Mostly «vacuum» was filled by ASEAN-centered new regional architecture.

Ключевые слова

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН),
Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), региональная
архитектура.

Keywords

ASEAN, Asia-Pacific, regional architecture.

Примечания

1. Декларация АСЕАН (Бангкокская декларация), <http://www.asean.org/1212.htm>
2. В 1977 г. в состав АСЕАН входили Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд.
3. Agreement on ASEAN Preferential Trading Arrangements. – the Philippines, Manila, 24 February 1977 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations Mode of access: <http://www.aseansec.org/1376.htm>
4. Rules of Origin for the ASEAN Preferential Trading Arrangements. – the Philippines, Manila, 24 February 1977 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations Mode of access: <http://www.aseansec.org/1376.htm>
5. Подробнее см.: Самойленко В.В. АСЕАН: политика и экономика / В.В.Самойленко. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1982. С. 79.
6. Singapore Declaration of 1992. – Singapore, 28 January 1992 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations – Mode of access: <http://www.aseansec.org/5120.htm>
7. AFTA & FTAs [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations – Mode of access: <http://www.aseansec.org/12021.htm>
8. Малайзия и Сингапур должны были начать сокращать тарифы, превышающие уровень в 20%, к 1993 г., Бруней – к 1994 г., Филиппины – к 1996 г., Индонезия и Таиланд – к 1998 г.
9. Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) была создана в 1960 году для формирования зоны свободной торговли. Сегодня только Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн остаются членами ЕАСТ.
10. Подр. см.: <http://www.iesingapore.gov.sg/wps/portal/fta>
11. Подр. см.: http://www.thaifta.com/english/index_eng.html
12. Подр. см.: http://www.bimstec.org/about_bimstec.html
13. Joint Press Statement on the Occasion of the entry into force of the Agreement between Japan and the Socialist Republic of Viet Nam for an Economic Partnership. October 1, 2009 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/epa0910/joint.html>
14. Framework Agreement on Comprehensive Economic Co-Operation between ASEAN and the People's Republic of China. - Phnom Penh, 4 November 2002 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations – Mode of access: <http://www.aseansec.org/13196.htm>
15. КНР и АСЕАН ведут официальный диалог с 1991 г. В декабре 1997 г. бывший председатель КНР Цзян Цзэминь принял участие в саммите АСЕАН – Китай. На данном саммите была обнародована Совместная декларация саммита Китай – АСЕАН и определены направление и принципы развития партнерских отношений добрососедства и взаимодоверия между Китаем и АСЕАН, ориентированных на XXI в.
16. В состав АСЕАН-6 входят Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд.
17. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) был создан в 1981 г. В состав совета входят Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия. С 2005 г. переговоры о вступлении ведет Йемен. Подробнее см.: <http://www.gcc-sg.org/eng/>
18. Южноафриканский таможенный союз был основан в 1910 г. по Соглашению о таможенном союзе между Союзом Южной Африки, Бечуаналендом, Базутолэндом и Свазилендом. С установлением независимости этих территорий соглашение было переутверждено в 1969 г. Союз, заключенный между ЮАР, Ботсваной, Лесото и Свазилендом, был назван Южноафриканским таможенным союзом. Соглашение официально вступило в силу 1 марта 1970 г. После установления независимости в Намибии в 1990 г. она стала 5-м членом Союза. Подр. см.: <http://www.sacu.int/about.php?id=394>
19. Япония является членом ВТО с 1 января 1995 г.
20. Подробный текст соглашений и ход переговоров см. в разделе об участии Японии в создании ЗСТ на сайте МИД Японии: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/index.html>
21. Подр. см.: Сайт группы АСЕАН+3: <http://www.aseanplus3-eid.info/index.php?PHPSESSID=7499dddcf1180a70483ada5cdeff5fa9>
22. Богорская декларация (1994 г.) провозгласила формирование в регионе свободной и открытой торговли и инвестиций к 2010 г. для развитых и к 2020 г. для развивающихся стран.
23. Report of the East Asian Vision Group, 2001 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations – Mode of access: www.aseansec.org/pdf/east_asia_vision.pdf
24. Kuala Lumpur Declaration on the East Asian Summit. - Kuala Lumpur, 14 December 2005 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/eas/joint0512.html>
25. Подр. см.: Региональные экономические организации интеграционного типа // Современные международные отношения/. Под. ред. А.В. Торкунова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 265

■ Российское государство в системе международных отношений

26. Стапран Н.В. Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 152 с.
27. Kerr, P. The Security Dialogue in the Asia-Pacific / Pauline Kerr. *The Pacific Review*. Vol. 7. №4. 1994. P. 402.
28. Ball, D., Kerr, P. Presumptive Engagement: Australia's Asia-Pacific Security Policy in the 1990s / Desmond Ball, Pauline Kerr. St. Leonards, NSW: Alien & U. (Australia). 1996. P. 20-21.
29. Drifte, R. Japan's Foreign Policy for the 21st Century: From Economic Superpower to What Power? / Reinhard Drifte. New York: St. Martin's Press. 1998. P. 83.
30. Fukushima, Akiko. Japanese Foreign Policy: The Emerging Logic of Multilateralism / Akiko Fukushima. Basingstoke: Macmillan. 1999. 219 p.
31. Acharya, A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order / Amitav Acharya. London: Routledge. 2001. 234 p.
32. Green, M.J. Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power / Michael J. Green. New York and Basingstoke: Palgrave. 2001. 368 p.
33. Green, M.J. Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power / Michael J. Green. New York and Basingstoke: Palgrave. 2001. P. 217.
34. Leifer, M. The ASEAN Peace Process: A Category Mistake / Michael Leifer. - *The Pacific Review*. Vol. 12. №1. 1999. P. 28.
35. Подр. см.: Foot, R. China in the ASEAN Regional Forum: Organizational Processes and Domestic Modes of Thought / Rosemary Foot. *Asian Survey*. Vol. 38. №5. 1998. P. 426.
36. Подр. см.: Региональные экономические организации интеграционного типа // Современные международные отношения / Под. ред. А.В. Торкунова. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1999. С. 265.
37. Diplomatic Bluebook. [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1991. Mode of access: www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/index.html
38. Statement by Foreign Minister Taro Nakayama to the General Session of the ASEAN Post Ministerial Conference. Kuala Lumpur, Malaysia, 22 July 1991 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations. Mode of access: www.aseansec.org/3668.htm
39. Подр. см.: Midford, P. Japan's Leadership Role in East Asian Security Multilateralism: The Nakayama Proposal and the Logic of Resistance / Paul Midford. *The Pacific Review*. 2000. Vol. 13. №3. P. 386.
40. Midford, P. Japan's Leadership Role in East Asian Security Multilateralism: The Nakayama Proposal and the Logic of Resistance / Paul Midford. *The Pacific Review*. 2000. Vol. 13. №3. P. 385.
41. Ibidem.
42. Leifer, M. The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's Model of Regional Security / Michael Leifer. Adelphi Papers. №302. London: Oxford University Press. 1996. P. 21-24
43. Buszynski, L. Southeast Asia in the Post Cold War Era: Regionalism and Security / Leszek Buszynski. *Asian Survey*. Vol. 32. №9. September 1992. P. 834-838/
44. США, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Корея.
45. Chairman's Statement. ASEAN Post-Ministerial Conferences Senior Official Meeting. - Singapore, 20-21 May 1993 [Electronic resource] / Questia. The Online Library of Books and Journals. - mode of access: www.questia.com/PM.qst?a=o&d=5002415738
46. Leifer, M. The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's Model of Regional Security / Michael Leifer. Adelphi Papers. №302. London: Oxford University Press. 1996. P. 28-29.
47. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/TheASEANRegionalForumConceptPaper/tabid/200/Default.aspx
48. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995, Annex 1 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseansec.org/arf_ch2a.htm; A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995, Annex 2 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseansec.org/arf_ch2b.htm
49. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/TheASEANRegionalForumConceptPaper/tabid/200/Default.aspx
50. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/TheASEANRegionalForumConceptPaper/tabid/200/Default.aspx
51. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995, Annex 1 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseansec.org/arf_ch2a.htm
52. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/TheASEANRegionalForumConceptPaper/tabid/200/Default.aspx
53. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/TheASEANRegionalForumConceptPaper/tabid/200/Default.aspx
54. Chairman's Statement. The Second Meeting of The ASEAN Regional Forum. -Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe2ndMeetingoftheASE/tabid/199/Default.aspx
55. Chairman's Statement. The Second Meeting of The ASEAN Regional Forum. Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe2ndMeetingoftheASE/tabid/199/Default.aspx
56. Chairman's Statement. The Second Meeting of The ASEAN Regional Forum. -Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe2ndMeetingoftheASE/tabid/199/Default.aspx

Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР с точки зрения западных аналитиков

М.М. Чайковский, А.А. Казанцев

В статье дается краткий обзор военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне его высокодинамичного экономического развития. В связи с растущей значимостью АТР в глобальной экономике военные и политические аналитики Запада рассматривают усиление мощи КНР как вызов безопасности и влиянию США не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. По их мнению, рост американо-китайского военного противостояния в регионе ведет к складыванию новой международно-политической конфигурации в сфере безопасности и возникновению очередной «холодной войны», связанной прежде всего с АТР. В статье анализируется динамика военных расходов ключевых акторов региона, свидетельствующая о быстром наращивании их военного потенциала, сделаны выводы о необходимости и важности глубокого анализа и проработки сценариев вероятного развития событий с точки зрения эффективного обеспечения интересов России в АТР.

Современная ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) характеризуется чрезвычайно высокой динамикой политических и экономических процессов, направленных на преобразование этого огромного региона в новый центр глобальной политики и экономики, способный не только составить конкуренцию евро-атлантической оси на фоне мирового экономического кризиса, но и стать сильнейшим центром притяжения, определяющим дальнейшее развитие человеческой цивилизации. В связи с переносом основного упора в мировой экономической активности с Евро-Атлантического на Азиатско-Тихоокеанский регион эта часть мира превращается в объект пристального внимания всех ведущих держав мира.

Эта тенденция четко проявляется в политике России. В частности, с 1 по 8 сентября 2012 г. во

Владивостоке пройдет двадцать четвертая ежегодная встреча лидеров государств АТЭС. Диверсификация интересов России по направлению к АТР может позволить существенно уменьшить зависимость нашей страны от торгово-экономических связей с ЕС и соответственно увеличить нашу экономическую безопасность. В этой связи нас не может не интересовать ситуация в регионе, где расположены две ключевые военные державы мира (США и КНР), в первую очередь с точки зрения проблем обеспечения военной безопасности.

Политические усилия большинства стран АТР в настоящее время направлены на реализацию радикальных экономических преобразований с целью создания наиболее благоприятных условий для экономического развития на различных уровнях (национальном, региональном, глобальном). Складывание ситуации в АТР характеризуется

Чайковский Михаил Михайлович – к.ф.-мат.н., сотрудник Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: mmtchaikovsky@hotmail.com

Казанцев Андрей Анатольевич – д.полит.н., директор Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: andrka@mail.ru

■ Российское государство в системе международных отношений

исключительно масштабными взаимными интеграционными процессами, которые сопровождаются формированием и дальнейшим укреплением многосторонних экономических и политических объединений (АСЕАН, СААРК, АРФ, АТЭС, ШОС, БРИК, АСЕАН+3, АСЕАН+6, треугольники «Китай–Япония–Южная Корея», «Россия–Индия–Китай» и др.).

Политические и экономические процессы в регионе в значительной степени определяются влиянием и патронажем США, которые рассматривают АТР в качестве объекта приложения экономической, политической и военной сил. Опорой для сохранения влияния США в АТР является передовое базирование вооруженных сил, представленных Тихоокеанским командованием ПАКОМ, а также двусторонние альянсы с Японией, Австралией и Южной Кореей. Политика США в АТР направлена на устранение существующих и недопущение возникновения новых барьеров для своих товаров и инвестиций, в целом своего влияния.

США поддерживают в регионе такие объединения, как АСЕАН, АРФ и АТЭС, то есть те организации и форумы, которые позволяют США сохранять лидирующие позиции в АТР¹. Вашингтон не может не проявлять беспокойства в связи с растущей экономической и военной мощью КНР. США видят в усиении этой мощи вызов своей безопасности и влиянию не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. Меры экономического воздействия США на КНР в современном мире практически исчерпаны. Уместно в этой связи вспомнить и о колоссальном внешнем государственном долге США Китаю, и о перемещении значительных объемов промышленного производства из США в КНР, мотивированного расчетом на дешевую рабочую силу в этой стране, что привело к дефициту рабочих мест и росту социальной напряженности в самих США. Поэтому главным инструментом противодействия США усилиению КНР в настоящее время являются политические и дипломатические меры сдерживающего характера.

Политические устремления КНР в АТР, направленные на достижение статуса сверхдержавы не только регионального, но и глобального масштаба, реализуются посредством разумного и эффективного использования мощнейшего экономического роста и активной экспансии национального капитала за рубеж². Внешняя политика КНР, традиционно не связанная жесткими союзническими обязательствами и ориентированная на достижение прежде всего национальных интересов, является целеустремленной, последовательной и гибкой и подкрепляется серьезными ресурсами. Невозможно отрицать и факт проведения серьезных преобразований в оборонном строительстве КНР. Все более четко прослеживается новый курс развивающегося Китая на расширение ареала geopolитического влияния путем проектирования своей военной мощи за пределы материка, в первую очередь для защиты интересов КНР в прибрежных акваториях³.

Все вышесказанное привлекает к региону АТР пристальное внимание зарубежных военных аналитиков. Исследование их точек зрения может быть полезно с точки зрения эффективного обеспечения интересов России в регионе.

Стремительный рост военных расходов

Динамика роста военных расходов стран АТР в течение первого десятилетия XXI в. свидетельствует о быстром наращивании военного потенциала ключевыми игроками региона – США, КНР, Японией, Южной Кореей, Австралией. В военно-политическом плане Тихоокеанская Азия разделена на военно-политические союзы Японии и Южной Кореи с США, политico-экономическую структуру АСЕАН и остальные страны, включая расположенный за geopolитическими границами Тихоокеанской Азии Китай, который входит в ШОС, и Северную Корею (формально – в рамках военно-политического союза с Китаем).

Безусловно, астрономические военные расходы США, увеличившиеся более чем в 2 раза – с 301,697 млрд долл. в 2000 г. до 661,049 млрд долл. в 2009 г.⁴, – определяют основную составляющую в гонке вооружений стран АТР в первом десятилетии нового века. По данным Центра анализа мировой торговли оружием (ЦАМО), в 2010 г. Пентагон получил на свои расходы почти 700 млрд долларов. Новая стратегия национальной обороны США, представленная 5 января 2012 г. президентом Обамой⁵, стала следствием необходимости сократить расходы Пентагона на следующее десятилетие почти на полтриллиона долларов. По мнению экспертов⁶, новое видение национальной обороны США было продиктовано бюджетными проблемами, несмотря на утверждения президента Обамы и министра обороны Панетты о чисто стратегических соображениях корректировки военных расходов. Сам Панетта давал понять, что армия, которую Пентагон будет содержать, станет меньше и скромнее. Другие чиновники администрации США утверждали, что в связи с финансовыми трудностями планируется сократить состав армии и флота от 10 до 15% в течение следующих 10 лет.

По мнению ряда российских, китайских и западных экспертов, поправки, вносимые в оборонный бюджет США, отражают подготовку Соединенных Штатов к новой «холодной войне». И если первая «холодная война» была направлена против СССР, то новая будет нацелена прежде всего на Азиатско-Тихоокеанский регион. После сокращения своей численности армия США будет не способна проводить крупномасштабные, длительные операции, и даже небольшие рейды будут осуществляться реже в связи с тем, что ограниченные ресурсы требуют более взвешенного подхода, связанного с определением места проведения и интенсивностью подобных операций. Вместо этого предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании беспилотных летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны своих союзников в целом.

В новой концепции декларируется отказ от многолетней позиции американской армии, которая была способна вести две крупные войны одновременно. На ее место приходит другая цель – борьбы и сдерживания, то есть участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении, как максимум. Также согласно новой стратегии США планируют как можно дольше кооперироваться с союзническими и коалиционными силами. Одна из главных целей – значительно сократить наземные войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, с тем чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести своего военного присутствия на АТР и Ближний Восток.

Без сомнения, сейчас Азиатский регион становится для США задачей номер один в связи с растущей мощью КНР. Для того чтобы укрепить свои позиции в АТР, США выведут часть войск из Европы (однако не с Ближнего Востока) и попытаются сэкономить на содержании своего ядерного арсенала. Новая американская военная стратегия направлена на сдерживание Ирана (а также КНР) путем усиления военного присутствия США в Персидском заливе и Южно-Китайском море, на противодействие Ирану или КНР с использованием асимметричных средств борьбы (электронных или кибератак, баллистических и крылатых ракет, усовершенствованных средств ПВО). Новая стратегия американской национальной обороны свидетельствует о том, что «США будут обеспечивать себе возможность эффективно действовать на тех участках земного шара, доступ к которым максимально затруднен, поддерживать возможность распространять свое влияние там, где это особенно трудно».

По мнению экспертов, США продолжат использовать свой статус супердержавы, чтобы «защитить свободу доступа к тем районам, которые находятся вне чьей-либо юрисдикции и являются жизненно необходимым связующим звеном международной системы»⁵. Проект закона о федеральном бюджете США, представленный сенату президентом Б. Обамой 13 февраля 2012 г., предусматривает финансирование систем ПРО в 2013 финансовом году на 9,7 млрд долл. В текущем 2012 финансовом году на систему ПРО США выделили 8,6 млрд долл., в 2011 г. – 7,8 млрд. Также Белый дом просит Конгресс выделить в будущем финансовом году 3,8 млрд долл. на разработки новых беспилотных летательных аппаратов, 8 млрд – на космические системы военного назначения, 11,9 млрд – на развитие науки, военных технологий и инноваций и 2,1 млрд – на уже ведущиеся разработки. Общий объем планируемого бюджета Пентагона составляет 614 млрд долл. Госбюджет США на 2013 финансовый год составит около 3,8 трлн долларов при дефиците в 1 трлн. Он составлен с учетом будущего повышения налогов на состоятельных американцев и ряда мер по сокращению

оборонных расходов. Бюджет на 2012 финансовый год планировался в объеме 3,73 трлн долларов при том же дефиците в 1 трлн долл.

КНР с 2002 по 2009 г. поднялась в мировом рейтинге расходов на вооружение с 7-го места на 2-е⁷. Рост официальных военных расходов КНР чрезвычайно динамичен – почти в 5 раз за 10 лет: от 21,743 млрд в 2000 г. до 100,425 млрд в 2009 г. Следует принимать во внимание, что в ежегодных докладах министерства обороны США Конгрессу⁸ реальные военные расходы КНР оцениваются как в 1,7–2,6 раза превышающие официально декларируемые суммы. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы КНР (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования, и реальные военные расходы существенно превосходят официальные. В частности, Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI) в 2004 г. доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружения и развития ВПК осуществляется из других бюджетных источников: Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке SIPRI, реальные военные расходы Китая в среднем более чем вдвое превышают официальные. Таких же оценок придерживаются и американские исследовательские центры, в частности Центр стратегических международных исследований (CSIS)⁹.

Настоящая гонка вооружений ведется в странах Юго-Восточной Азии, выполняющих крупномасштабные программы развития BBC, ПВО-ПРО, BMC, сухопутных сил. Наращивают свои военные потенциалы Япония (которая не урезала свои программы даже в связи с природной катастрофой в марте 2011 г.), Южная Корея, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Индия, Австралия, Сингапур, Филиппины, прочие государства этого региона. Размеры перевооружения отличаются только финансовыми возможностями этих стран. Южная Корея за 10 лет увеличила военные расходы почти в два раза: с 13,8 млрд в 2000 г. до 24,059 млрд в 2009 г., несмотря на сокращение военных расходов в кризисном 2009 г., по сравнению с экономически стабильным 2007 г. Военные расходы Японии, напротив, не продемонстрировали существенных изменений в ходе десятилетия, в 2000 г. они составляли 45,801 млрд, а в 2009 г. 51,022 млрд долл. США. Военные расходы России выросли в первом десятилетии XXI в. более чем в 5 раз: с 9,635 млрд в 2000 г. до 53,33 млрд в 2009 г. Более чем в 2 раза за 10 лет нарастили свои военные расходы Австралия, Новая Зеландия и Канада.

Официально США не числят Китай потенциальным противником, но в опубликованной в начале 2011 г. военной стратегии США говорилось о проблемах, которые создает в АТР рост китайской

■ Российское государство в системе международных отношений

военной мощи. На этот фактор ориентированы и пересматриваемые военные доктрины стран-союзниц США, то есть имеют место зачаточные элементы роста блокового противостояния. Так, новая военная программа Японии предусматривает подготовку сил самообороны к противостоянию возможной высадке на южных островах сил некоего противника (подразумевается – Китая). В австралийском докладе 2011 г. о военной ситуации в АТР говорится об опасности со стороны китайского оружия для американских авианосцев на удалении вплоть до 1200 миль от побережья КНР. Утверждается также, что «Китай размещает баллистические и крылатые ракеты, способные в течение считанных часов уничтожить американские базы на Гуаме, в Японии и других местах». На основе подобных рассуждений принимаются масштабные военные программы. Так, Япония намерена в период с 2011 по 2015 г. израсходовать на модернизацию сил самообороны 284 млрд долл. Планируется приобрести 5 подводных лодок, 3 эсминца, 12 истребителей и 10 патрульных самолетов. Австралия выделяет 279 млрд долл. на 20-летнюю программу наращивания своих вооруженных сил, где также в основе лежит строительство новых боевых кораблей. Начавшаяся в 2006 г. южнокорейская военная программа предусматривает расходы на цели перевооружения в течение 15 лет в размере 550 млрд долл. Речь идет прежде всего о приобретении новых боевых самолетов и кораблей.

Указанные тенденции возникновения элементов блокового противостояния имеют важное значение и для России, так как КНР считает нашу страну и другие государства ШОС если и не потенциальными союзниками, то надежным материковым «тылом», необходимым для противостояния на морях.

Очагами напряженности в АТР остаются противостояние Северной и Южной Кореи, Тайваньский вопрос, о-ва Сэнкаку (Дяоюйдао), Парасельские острова и острова Спратли. Развитие ситуации вокруг данных конфликтных зон напрямую связано с военно-политической обстановкой в АТР в целом, сохранением или ухудшением геостратегической стабильности на уровне региона. Во всех этих конфликтных зонах развивающийся и усиливающийся день ото дня Китай имеет свои национальные интересы, которые намерен защищать и реализовывать, а это, в свою очередь, сопряжено с парадигмой проводимой КНР военной политики, уровнем военного потенциала и присутствия в данном районе.

Экспорт и импорт вооружений

Крупнейшими экспортёрами вооружений в мире являются Россия и США. По данным SIPRI¹⁰, примерно 30% мирового экспорта оружия приходится на США, 23–24% – на Россию. Следует отметить, что с 2006 г. объемы импорта вооружений в Китай значительно сократились (3,778 млрд долл. США в 2006 г., 1,47 млрд в 2007 г., 1,241 млрд в 2008 г.). При этом Китай, по данным SIPRI, еще в 2009 г. возглавлял список оружейных реципиентов

(9%), что свидетельствует о его переориентации на внутреннее производство и об амбициях стать экспортёром современных видов вооружений и военной техники (ВВТ).

Россия традиционно удерживает роль одного из главных источников ВВТ для китайской армии (доля закупок вооружений у нашей страны составляет 84%, а до 2010 г. и до 90%). Однако, несмотря на стремительный подъем военно-технического сотрудничества с Китаем в 2004–2006 гг., его уровень резко упал к 2010 г., приблизившись к начальным объемам 1990-х гг. XX в. (стратегическое партнерство между Россией и Китаем было продекларировано в 1996 г.). Этот факт можно объяснить переориентацией Китая на внутреннее производство ВВТ и копированием импортных технологий при создании собственных образцов. Однако, как утверждают аналитики SIPRI, КНР не исключает закупки такой передовой российской техники, как Ил-476 (планируется в России к выпуску в 2012 г.), Су-35 (несмотря на планы создания своего китайского истребителя 5-го поколения) и С-400. Эксперты SIPRI убеждены, что Россия конструктивно отреагирует на изменившиеся требования китайского ОПК и согласится развивать больше лицензионное производство (например, истребителей Су-27, вертолетов Ми-17, противотанковых и противокорабельных крылатых ракет), нежели наращивать поставки готовых вооружений¹¹.

Вооруженные силы

В первом десятилетии XXI в. КНР произвела значительное сокращение общей численности НОАК: с 3,755 млн чел. в 2004 г. до 2,855 млн чел. в 2007 г. Несмотря на то что НОАК является крупнейшей в мире по численности, до недавнего времени она была не способна проводить крупные наступательные операции за пределами национальной территории. Сокращение общей численности НОАК происходит на фоне ее непрекращающейся успешной модернизации. Так, по оценкам МО США¹², процент современных вооружений НОАК в 2000/2004/2008/2010 гг. в надводном флоте ВМС составлял 3/7/25/26%, в подводном флоте ВМС – 8/9/50/57%, в BBC – 2/10/20/25%, в войсках ПВО – 5/10/34/40%.

В последние годы Китай начал быстрыми темпами наращивать свой наступательный потенциал, приняв на вооружение новейшие образцы вооружений. Уже сейчас КНР обладает значительным военным потенциалом в регионе. С ростом мощи китайского военно-морского флота ширится и укрепляется его морской оборонительный периметр. По оценкам МО США, в 2009 г. ВМС НОАК насчитывали 260 кораблей и судов, в том числе 75 надводных кораблей основных классов и более 60 подводных лодок¹³. В настоящее время КНР заканчивает строительство первого авианосца и заинтересована в приобретении у России палубных истребителей. Численность личного состава ВМС НОАК в 2010 г., по данным Лондонского международного института стратегических исследований, составляла 215 тыс.

чел., организованный резерв насчитывал 40 тыс. чел.

В ближайшие годы следует ожидать продолжения процесса эволюционной переориентации базовых положений национальной военно-стратегической доктрины Китая, приведения их в соответствие с уже реализуемым курсом модернизации НОАК, связанным в первую очередь именно с укреплением военно-морской составляющей. В опубликованном в марте 2008 г. докладе МО США Конгрессу¹⁴ делается вывод о том, что все эти перемены в НОАК свидетельствуют о намерении китайских военных нейтрализовать американское военно-техническое превосходство в акватории Тихого океана, прилегающей к побережью КНР. При этом часть стран региона является традиционными союзниками США:

- американо-филиппинский Договор о взаимной обороне 1952 г.;
- АНЗЮС (Австралия – Новая Зеландия – Содружественные Штаты, 1952 г.);
- американо-южнокорейский Договор о взаимной обороне 1954 г.;
- Договор о коллективной обороне в Юго-Восточной Азии между США, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом и Филиппинами;
- американо-японский Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г.

КНР шаг за шагом укрепляет свои позиции в Мьянме, Индонезии, Восточном Тиморе, Бангладеш, Республике Островов Фиджи и других государствах региона. Наряду с этим в последней редакции «Белой книги по национальной обороне КНР», одном из основополагающих официальных программных документов, составляющих военно-стратегическую доктрину страны, основными вызовами и угрозами Китаю в регионе и в мире называются международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и сепаратизм с учетом национальной задачи воссоединения родины. На практике эта задача предполагает присоединение к КНР Тайваня на выдвигаемых Пекином условиях и установление контроля над спорными островными территориями в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море: Парасельские острова, архипелаг Спратли, острова Сенкаку (Дяоюйдао). В первую очередь это обуславливается прогнозом наличия больших запасов неразработанных энергетических ресурсов в этих регионах. Задача воссоединения родины указывается в числе основных при обеспечении национальной обороны наряду с предотвращением вооруженной подрывной деятельности, защите общественной стабильности и защите интересов страны в прибрежных акваториях.

С идеологической точки зрения военно-стратегическая доктрина КНР ориентирована на противодействие однополярному мируустройству. В официальных заявлениях Китай выражает готовность принять на себя всю ответственность по защите мира и стабильности движущегося к многополярности мира от geopolитических рисков, вызовов и угроз XXI в. В качестве геополитических сил, противодействующих реализации

национальных интересов КНР, в официальных документах военно-стратегической доктрины КНР называются силы международного терроризма, а также государства, проводящие «политику силы и гегемонии». Это неявно может указывать на США и государства региона, поддерживающие внешнюю политику США. Однако ни в одном из официальных документов нет никаких прямых указаний на какие-либо конкретные страны. С 2002 г. Пекин декларирует отсутствие угрозы для третьих стран со своей стороны, призываю разные и особенно развивающиеся государства к диалогу и взаимовыгодному сотрудничеству. При этом подчеркивается, что оборонное строительство Китая не представляет никакой угрозы ни для одного государства.

В широко публикуемых статьях китайских исследователей особо подчеркивается этот аспект отсутствия определенного противника, а тиражируемая на Западе теория китайской военной угрозы называется опасным мифом¹⁵. Как отмечают аналитики SIPRI, растущее глобальное присутствие КНР означает увеличивающуюся осведомленность и участие страны в международных экономических и политических событиях. Поскольку национальные интересы Китая стали более глобальными по своим масштабам, КНР демонстрирует повышенную готовность представлять ресурсы для обеспечения стабильности и безопасности в мире в целом. Одним из наиболее важных проявлений данной тенденции является расширяющаяся роль КНР в миротворческой деятельности ООН¹⁶.

Тем не менее в регионе пока что преобладает военный потенциал США и их союзников. В АТР сосредоточена мощная группировка вооруженных сил США, управляемая Тихоокеанским командованием, в оперативном подчинении которого находятся около 300 тыс. американских военнослужащих, включая 100 тыс. чел. в силах передового базирования. Помимо сухопутных сил и ВВС, ПАКОМ имеет в подчинении 3-й и 7-й флоты (190 боевых кораблей и судов поддержки, включая 7 ударных атомных авианосцев, 1400 самолетов и 213 тыс. моряков, морских пехотинцев и гражданских служащих, расквартированных на 35 базах на территории США и за их пределами), а также 5-е, 7-е, 11-е и 13-е воздушные командования. В распоряжении командования специальными операциями в Тихоокеанском регионе находится отдельная общевойсковая тактическая группа. В качественном отношении, а также по числу кораблей океанской зоны американский флот значительно превосходит ВМС НОАК.

Азиатско-Тихоокеанский регион, безусловно, является перспективным театром развертывания элементов глобальной системы ПРО США морского и наземного базирования. С учетом мобильных характеристик морских комплексов можно сказать, что именно они являются важнейшим компонентом глобальной системы ПРО. В состав ВМС США входят боевые корабли классов «Тикондерога» (22 крейсера УРО) и «Арли Берк» (60 эсминцев)

■ Российское государство в системе международных отношений

миноносцев), оснащенных элементами системы «Иджис», универсальной системы ПРО морского базирования и противоракетами «Стэндард-3».

Высокоэффективные двухдиапазонные РЛС позволяют легко отделять ложные цели, выставляемые МБР, от реальных боеголовок. Система «Иджис» интегрирована в корабельную боевую информационно-управляющую систему (БИУС), которая, в свою очередь, интегрирована в глобальную БИУС ВМС США. После 2015 г. система «Иджис» должна обеспечивать обнаружение БР и МБР, выработку и трансляции целеуказания в Национальный объединенный интегрирующий центр США, а также поражение МБР противоракетами «Стэндард-3» по командам центрального командного пункта глобальной системы ПРО. С принятием на вооружение системы «Иджис» США приобрели способность в кратчайшие сроки формировать трехшаблонные зональные системы ПРО в любых районах земного шара. Кроме боевых кораблей ВМС США, системой «Иджис» оснащены 6 кораблей ВМФ Японии, 3 корабля ВМФ Южной Кореи и 3 корабля ВМФ Австралии.

Помимо компонентов системы ПРО морского базирования, в регионе расположен ряд РЛС дальнего обнаружения и ближнего предупреждения, включая РЛС передового базирования на о. Хонсю. В рамках военного сотрудничества США заключили с Японией договоры о создании системы ПРО в этой стране, строительстве для ВМС Японии серии эскадренных миноносцев типа «Арли Берк» с системой «Иджис», поставках в Японию противоракетных комплексов (ПРК) «Пэтриот ПАК-3» и РЛС, о совместном проведении работ по совершенствованию противоракет семейства «Стэндард-3». Сухопутная составляющая глобальной системы ПРО США представлена также мобильными наземными ПРК ТНААД и «Пэтриот ПАК-3» средней и ближней зон перехвата. До 2016 г. батареи ТНААД по мере поступления в войска будут размещаться на Аляске (9 батарей) и в Калифорнии (2 батареи), а 11 баз с ПРК «Пэтриот ПАК-3» уже в марте 2011 г. были развернуты на востоке и западе США.

Группировка в составе одной пусковой установки ПРК ТНААД и двух пусковых установок ПРК «Пэтриот-3» способна с вероятностью 0,99 поразить 8 боевых блоков МБР, атакующих объекты, размещенные на площади примерно 17000 кв. км. Группировка в составе трех пусковых установок ПРК ТНААД и шести «Пэтриот ПАК-3» способна с вероятностью 0,99 поразить 24 боевых блока МБР, атакующих объекты, размещенные на той же площади. К настоящему моменту США достигли защищенности своей территории от ограниченных нападений МБР, защищенности своей армии, а также сил союзников от региональных ракетных угроз, а также возможности адаптировать системы ПРО к изменению возможных ракетных угроз. От массированного ракетно-ядерного ответно-встречного удара действующая система ПРО США пока защитить не может. Однако ряд западных экспертов полагает, что происходящий технологический прорыв вычислительной техники на основе квантовых компьютеров может привести к созданию перспективной системы ПРО, способной противостоять массированному удару.

Оценки Центра стратегических международных исследований (CSIS)¹⁷ для стратегических и тактических ядерных сил США, КНР и России в ряде случаев не совпадают с оценками ядерных сил¹⁸, полученными или представленными министерством обороны США в свободно публикуемых ежегодных отчетах Конгрессу¹⁹. Они носят завышенный характер, что вызывает сомнения в абсолютной достоверности оценок CSIS и для обычных вооружений. Более достоверными оценками обычных вооружений НОАК представляются данные, которые приводятся в ежегодных отчетах МО США Конгрессу, хотя эти данные и являются менее детализированными по сравнению с оценками CSIS. На фоне последовательного сокращения ядерных сил США и России, обусловленных двусторонними договорами, происходит постепенное наращивание ядерных арсеналов КНР, хотя по количеству как носителей, так и боеголовок Китай уступает обеим ядерным державам. Количество ядерных боеголовок КНР, которыми можно поразить цели в США, остается крайне ограниченным – не более 30 единиц (моноблочные ракеты типов CSS-4, DF-31 и DF-31A). Теоретически при развитии наихудшего сценария первый и второй позиционные районы национальной системы ПРО США (в Калифорнии и на Аляске) могут перехватить и уничтожить те боеголовки, которые уцелеют после первого, контративового удара стратегических сил США, нейтрализовав тем самым потенциал ответного удара.

В последние годы китайская сторона обеспечила количественный рост и качественное совершенствование стратегических ядерных сил. Так, в июне 2005 г. американская разведка зафиксировала успешное испытание китайской БРПЛ класса JL-2 («Цзюйлан-2»). Эта ракета способна поразить цель на расстоянии до 7200 км, находясь на ПЛАРБ вблизи китайских берегов под защитой ВМФ и BBC КНР. Кроме того, осуществляется программа по переоснащению китайских МБР разделяющимися головными частями индивидуального наведения и средствами прорыва противоракетной обороны. Таким образом, Китай совершенствует свою способность к ядерному сдерживанию США.

В краткосрочном плане западные аналитики не рассматривают даже гипотетическую возможность военного конфликта между США и КНР, поэтому отношения между этими странами они не относят к разряду возможных угроз региональной безопасности. Однако в долгосрочном плане такие сценарии уже начинают строиться. Стратегические ядерные силы КНР характеризуются значительным количеством баллистических ракет малой и средней дальности, производство и постановка на вооружение которых не ограничены никакими договорами, в отличие от США и России, заключившими в 1988 г. бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. С другой стороны, с момента проведения первых ядерных испытаний в 1964 г. Китай поддерживает обязательство не применять первым ядерное оружие. По сравнению с США и Россией, КНР обладает наименьшим ядерным арсеналом. КНР призывает мировые ядерные державы к полной ликвидации ядерного оружия, провозглашая

при этом, что проблемы нераспространения ядерного оружия должны решаться законным и справедливым способом, который признает легитимное право неядерных государств получать доступ к мирному использованию ядерных технологий²⁰.

Заключение

Политические и экономические процессы в АТР пока еще во многом определяются влиянием США, но во все большей мере они детерминируются растущим соперничеством США и КНР. Политика США в АТР направлена на осуществление дальнейшего устранения и недопущение возникновения новых барьеров для своих товаров и инвестиций. В США усиливается беспокойство в связи с растущей экономической и военной мощью КНР, которая закономерно приведет к росту политического влияния Китая в АТР и утрате практически монопольного экономического и геополитического регионального могущества США.

В связи с растущей значимостью АТР в глобальной экономике усиление мощи КНР рассматривается военными и политическими аналитиками Запада как вызов безопасности и влиянию США не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. Особое беспокойство западных военных аналитиков вызывает факт почти двукратного снижения официальной китайской статистикой военных расходов. На этот фактор ориентированы и пересматриваемые военные доктрины стран-союзниц США в АТР. Главным инструментом противодействия США усилиению КНР в настоящее время являются политические и дипломатические меры сдерживающего характера. Поправки, внесенные в оборонный бюджет США в 2012 г., фактически отражают подготовку США к новой «холодной войне», направленной прежде всего на Азиатско-Тихоокеанский регион. Поскольку все региональные игроки чувствуют усиление тенденции к военному противостоянию, стремление к резкому росту военных расходов охватило все тихоокеанские страны, а не только США и КНР.

В то же время geopolитические устремления КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, направленные на достижение статуса сверхдержавы не только регионального, но и глобального масштаба, реализуются посредством разумного и эффективного использования мощнейшего экономического роста и активной экспансии национального капитала за рубеж. Внешняя политика КНР подкрепляется высокими темпами наращивания и модернизации военной мощи страны, что вызывает очень серьезную озабоченность западных военных аналитиков.

С идеологической точки зрения военно-стратегическая доктрина КНР ориентирована на противодействие однополярному мируустройству. В официальных заявлениях западные эксперты полагают, что в ближайшие годы следует ожидать продолжения процесса эволюционной переориентации базовых положений национальной военно-стратегической доктрины Китая. По мнению западных аналитиков, эти перемены будут связаны с намерением китайских военных нейтрализовать американское военно-техническое превосходство в акватории Тихого океана, прилегающей к побережью КНР.

Таким образом, рост американо-китайского военного противостояния в регионе, по мнению ряда западных аналитиков, ведет к складыванию новой международно-политической конфигурации в сфере безопасности АТР, где театром противостояния будут выступать просторы омывающих регион морей. Печальный исторический опыт перевода военного противостояния в открытые военные столкновения (например, в германо-британских отношениях перед Первой мировой войной и в японо-американских отношениях перед Второй мировой войной) заставляет отдельных, наиболее радикальных западных аналитиков даже начать двигаться в сторону построения на долгосрочную перспективу сценариев возможного военного конфликта между КНР и США (правда, в краткосрочном плане западные аналитики не рассматривают даже гипотетическую возможность прямого военного конфликта между США и КНР, поэтому отношения между этими странами не относят к разряду возможных угроз региональной безопасности).

С точки зрения интересов России анализ таких долгосрочных сценариев является чрезвычайно важным, так как китайские аналитики рассматривают нашу страну если не как потенциального союзника, то, по крайней мере, как потенциальный надежный материковый «тыл» в противостоянии на морях. В этой связи российским аналитикам следует также начать прорабатывать сценарии, которые позволили бы, как минимум, избежать автоматического, без учета наших особых национальных интересов, втягивания нас в американо-китайское противостояние, а, как максимум, извлечь из этого противостояния определенные геополитические выгоды.

В частности, в качестве уже наметившейся тенденции, которой нужно противостоять, можно обратить внимание на резкое падение закупок Китаем военной техники в России и на его попытки полностью переориентироваться на внутреннее производство (в том числе и с использованием купленных ранее в нашей стране технологий). Более того, Китай зачастую использует российские военные технологии для вытеснения наших производителей с мировых рынков.

Tchaikovsky M., Kazantsev A. Comparison of Military Potentials of USA, PRC, and Some Countries in APR from the Standpoint of Western Analysts.

Summary: The article gives a brief review of military and political situation in the Asian-Pacific Region against a background of its high-dynamic economic development. In connection with the rising significance of the APR in the global economy, Western military and political analysts consider the PRC power strengthening as a challenge to the security and impact of the USA not only in this region, but also globally. By their opinion, escalation of American-Chinese military opposition in the region leads to formation of new international poltical configuration in the field of security and rising of new cold war mainly aimed at the APR. The dynamics of military expenditures of the key regional players is analyzed evidencing the fast grow of their military potentials. The article concludes that detailed analysis and study of scenarios of probable development of the situation in respect to effective securing of Russia's interests in the APR are necessary and important.

■ Российское государство в системе международных отношений

Ключевые слова	Keywords
Азиатско-Тихоокеанский регион, военно-политическая ситуация, силы, безопасность, расходы, приблизительная оценка.	Asian-Pasific Region, military, political situation, power, security, expenditures, estimation.

Примечания

1. Бочарников И.В. 2011. Азиатско-Тихоокеанский регион и национальная безопасность России. Части 1, 2 // Но-вое восточное обозрение. <http://journal-neo.com/?q=ru/node/6756>, <http://journal-neo.com/?q=ru/node/6757>
2. См., например: Цзяньминь У. 2011. Конец эпохи войн и революций // Россия в глобальной политике, <http://www.globalaffairs.ru/number/Konetc-epokhi-voin-i-revolyutcii-15400>
3. Понамарев С. 2007. КНР: Новая великая морская держава? // Индекс безопасности, том 13, №2 (82).
4. The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance. <http://data.worldbank.org/data-catalog>
5. US DoD. 2012. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense: Defense Strategic Guidance, Office of the Assistant Secretary of Defense. http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf
6. Бхадракумар М.К. 2012. Империализм в эпоху безденежья: подземный штурм // Международная жизнь. <http://ru-fr.interaffairs.ru/read.php?item=8231>
7. The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance. <http://data.worldbank.org/data-catalog>
8. US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
9. Cordesman A.H., Kleiber M. 2006. The Asian Conventional Military Balance in 2006: Total and Sub-Regional Bal-ances: Northeast Asia, Southeast Asia, and South Asia. CSIS Arleigh A. Burke Chair in Strategy. <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006>
10. SIPRI. 2011. Military Expenditure Database. <http://www.sipri.org/research/armaments/milex>
11. Jakobson L., Holton P., Knox D., Peng J. 2011. China's energy and security relations with Russia: Hopes, frustra-tions and uncertainties. SIPRI Policy Paper, 29 October 2011.
12. US DoD. 2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
13. US DoD. 2009. Military Power of the People's Republic of China 2009: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
14. US DoD. 2008. Military Power of the People's Republic of China 2008: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
15. См.: Понамарев С. 2007. КНР: Новая великая морская держава? // Индекс безопасности, том 13, №2 (82).
16. Gill B., Huang C.-H. 2009. China's expanding role in peacekeeping: Prospects and policy implications. SIPRI Policy Paper, 25 November 2009.
17. Cordesman A.H., Kleiber M. 2006. The Asian Conventional Military Balance in 2006: Total and Sub-Regional Bal-ances: Northeast Asia, Southeast Asia, and South Asia. CSIS Arleigh A. Burke Chair in Strategy. <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006>
18. Norris R.S., Kristensen H.M. 2006-1. U.S. nuclear forces, 2006 // Bulletin of the Atomic Scientists, V. 62:68, DOI: 10.2968/062001020. <http://bos.sagepub.com/content/62/1/68>; Norris R.S., Kristensen H.M. 2006-2. Russian nuclear forces, 2006 // Bulletin of the Atomic Scientists, V. 62:64, DOI:10.2968/062002018. <http://bos.sagepub.com/content/62/2/64>; Norris R.S., Kristensen H.M. 2006-3. Chinese nuclear forces, 2006 // Bulletin of the Atomic Scientists, V. 62:60, DOI:10.2968/059006016. <http://bos.sagepub.com/content/62/3/60>.
19. US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. <http://www.defense.gov/pubs/>
20. Gill B. 2010. China and nuclear arms control: Current positions and future policies. SIPRI Insight on Peace and Security, No.4, April 2010.

Международные политические последствия объединения Германии

А.А. Ахтамзян

В статье исследуются геостратегические последствия окончательного урегулирования в отношении Германии, особенно «отдаленные последствия» этого исторического события. Выводы и обобщения автора основаны на дипломатических документах и свидетельствах компетентных специалистов – германистов (В.М. Фалина, Ю.А. Квицинского, В.П. Терехова, И.Ф. Максимычева), а также германских официальных документах. Автор известен как исследователь, работы которого написаны с использованием российских и германских дипломатических архивов. Он уверен, что архивные и мемуарные данные подтверждают его выводы и обобщения.

*«Народ не простит нам потерю ГДР», –
сказал М.С. Горбачев своим дипломатам в
Берлине 8 октября 1989 г.¹*

Прошло два десятилетия с момента объединения Германии, точнее, со дня торжественного акта провозглашения единства немецкой нации, состоявшегося 3 октября 1990 г. одновременно в Берлине и в Бонне. Правильнее было бы назвать это событие не объединением двух германских государств, а присоединением одного государства, Германской Демократической Республики, к другому, более сильному в финансово-экономическом отношении, государству – Федеративной Республике Германия. Формально юридически произошло это в результате соглашений и договоров между двумя германскими государствами, но со ссылкой на Основной закон ФРГ. Фактически сами немцы обозначили присоединение ГДР к ФРГ простым словом «аншлюс». Правда, последний глава правительства ГДР Лотар де Мезьер в одном из интервью двадцать лет спустя, обронив фразу: «Я объединял Германию!», подчеркнул, что присоединение Восточной Германии к Западной нельзя называть аншлюсом².

Сточки зрения международного права ссылка на статью 23 Основного закона ФРГ не имела никакого значения. Она служила юридическим обоснованием и оправданием этого самого аншлюса. С международно-правовой точки зрения имел значение Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, выработанный весьма поспешно по формуле «два плюс четыре» и заключенный в Москве 12 сентября 1990 г. Этот договор, однако, не был равнозначен мирному договору.

Уже из изложенных фактов следуют определенные вопросы по научной проблематике изучения этого выдающегося события истории Европы XX в.:

– Во-первых, как удалось Германии подвести черту под Второй мировой войной без заключения мирного договора в собственном смысле слова?

– Во-вторых, какие обстоятельства позволили дипломатии ФРГ «без единого выстрела», исключительно мирными средствами, решить самую проблему послевоенного времени – проблему единства нации?

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Российское государство в системе международных отношений

– В-третьих, отдельного рассмотрения заслуживает позиция Советского Союза. Точнее, роль его тогдашних руководителей в процессе германского урегулирования, непосредственные и отдаленные последствия кардинального изменения стратегической ситуации в Европе?

Первые попытки понять историческое значение объединения Германии были предприняты, естественно, российскими и германскими публицистами, которые, наблюдая за событиями день за днем, дали свою версию событий еще до того, как непосредственные участники событий нашли время для выражения в той или иной форме своего видения произошедшего поворота в мировой истории. Уже в первой половине 1990-х гг. историки приступили к исследованию этой темы. Одной из первых монографий была работа Н.В. Павлова «Объединение, или рассказ о решении германского вопроса...» (М., 1992). Затем последовало изданное в учебных целях исследование автора данной статьи³. Следует также отметить в числе первых опытов монографию Л.М. Воробьевой⁴. Из немецких публикаций, довольно полно освещивших процесс окончательного урегулирования в отношении Германии, можно отметить монографии Хельги Хафтендорн и Александра фон Плато⁵.

Уже в первом десятилетии после события появились публикации мемуарного характера. Сюжет имел и имеет столь острый характер, что участники события не стали выжидать прохождения «исторической дистанции». В числе первых отметил главный участник короткой дистанции М.С. Горбачев и его помощники, публикации которых носили апологетический и оправдательный характер⁶. Еще раньше вышли в свет в Германии на немецком языке фундаментальные тома исследовательского и мемуарного свойства, подготовленные видными советскими дипломатами В.М. Фалиным и Ю.А. Квицинским. Они обстоятельно изложили свой подход к решению германской проблемы⁷. В России на русском языке их книги вышли несколько лет спустя⁸.

Ключевое значение для понимания методов действия германской дипломатии имеют не только документы, но и воспоминания германских деятелей⁹. Названные выше публикации участников событий относятся с научно-исторической точки зрения к источникам информации. Однако в истории дипломатии большую ценность имеют официальные документы, которые правительства всех стран, как правило, хранят в закрытых архивах и предают гласности лишь по прошествии определенного времени и по своему усмотрению. Правительство ФРГ, гордясь своим успехом в деле решения национальной проблемы, передало для опубликования некоторую часть публичных документов. Ведомство прессы и информации правительства ФРГ весьма оперативно подготовило и напечатало сборник документов, относящихся к проблеме объединения страны¹⁰.

Что касается советских официальных документов, то никто не спешил с их подготовкой к опубликованию: не до того было. Образовалась

пауза в полтора десятилетия. Заинтересованные лица в так называемом Фонде Горбачева не сидели сложа руки. Они подготовили из своих служебных бумаг несколько больших по объему томов и нашли средства для их издания¹¹. Надо признать эти издания полезными источниками информации о деятельности генсека КПСС М.С. Горбачева и его помощников. Однако этой информации далеко недостаточно, чтобы составить цельную картину процесса урегулирования германского вопроса, начиная с 1985 или 1986 гг., а несколько раньше. Необходимо учитывать не только официальные документы ЦК КПСС и МИД СССР, но и опубликованные свидетельства Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова «Трагедия великой страны» (М., 2007), сотрудников ЦК партии – В.И. Болдина¹² и др.

Дневниковые заметки президента США Р. Рейгана и мемуары премьер-министра Великобритании М. Тэтчер сообщают много относительно начальной стадии личной дипломатии М.С. Горбачева. Особенно важно было бы для историков ознакомиться с официальными документами, свидетельствующими об официальном (не в узком кругу ближайших советников) обсуждении способа решения германского вопроса, а главное – собственно коллективным решением Политбюро КПСС, а еще важнее – Совета Министров СССР по германской проблеме. Скажем, об отказе от «прав и ответственности четырех держав за Берлин и Германию в целом» или об отказе от включения в договор об урегулировании с Германией (или хотя бы в протокол) пункта, обязывающего западные державы не расширять НАТО на восток.

Документы германского правительства в этом отношении отличаются от бумаг горбачевского окружения не только полнотой, но и вполне официальной легитимностью¹³. Западногерманские исследователи начинают обзор процесса урегулирования внешнеполитического аспекта германского объединения с падения Берлинской стены, как бы между прочим вплетая в повествование подготовительную работу президентов США Р. Рейгана и Дж. Буша, визит Г. Коля в Москву в октябре 1988 г. и визит М. Горбачева в Бонн в июне 1989 г. При рассмотрении событий 1990 г. они проявили большую скрупулезность и объективность. Это получило отражение в ряде тезисов исследования Вернера Вайденфельда¹⁴, например относительно событий начала 1990 г.:

- «Гельмут Коль хочет выйти за линию обороны»;
- «Буш демонстрирует солидарность с Колем»;
- «Два плюс четыре» или «Четыре плюс два»;
- «Горбачев принимает Коля: «Ничего не будет без Вас».

Германский вопрос после Второй мировой войны исследован в советской и российской историографии, да и в мировой, особенно западной, литературе довольно обстоятельно. Опубликованы сотни монографий, основанные на документах, в том числе ранее недоступных архивных документах. Здесь нет необходимости давать обзор этих

публикаций, в которых раскрыто существование германской проблемы, державшей страны Европы в напряжении в течение нескольких десятилетий.

Проблема германского единства и особенно статус Берлина были причиной острых кризисов в мировой политике, чреватых военным конфликтом в Европе. Объединение Германии и устранение узла противоречий в центре континента, несомненно, имеет положительное значение. Однако оно не привело, к сожалению, к гармонизации интересов государств Европы или хотя бы к балансу интересов. Изменение соотношения сил привело к разрушению нескольких федеративных государств: Югославии, Чехословакии и Советского Союза.

Два десятилетия – достаточный срок для объективной оценки исторического события, в данном случае – объединения Германии. Однако в публицистике, отражающей противоречивые политические тенденции, все еще преобладает тенденциозный подход. Например, на российском телевидении приходится слышать победные нотки по поводу развала Советского Союза или утверждения о том, что объединение Германии якобы принесло большие выгоды России. Некоторые публицисты утверждают, что объединение Германии произошло стихийно, неожиданно «для всех», независимо от воли и желания политиков, особенно советских, просто «ветры истории» дули в нужную сторону. Так ли это было на самом деле? Может быть, на самом деле объединение Германии было результатом многолетней целеустремленной деятельности правительств и спецслужб некоторых государств, особенно ФРГ и США, при странной позиции некоторых тогдашних руководителей нашей страны?

В европейской и американской историографии появляется все больше высказываний и свидетельств авторитетных и информированных участников событий, которые позволяют дополнить общую картину существенными деталями, помогающими понять причины и следствия исторического события. Прежде всего следует выяснить вопрос о кризисе политической системы Германской Демократической Республики. Конечно, он возник в силу ряда объективных причин и субъективных элементов, но особенно стал обостряться с началом перестройки в советском руководстве.

Бывший глава спецслужб ФРГ, а до того, в 1977–1980 гг., посол ФРГ в Москве, несомненно, хорошо информированный госслужащий Ганс-Георг Вик в интервью французскому радио «Франс Интернасиональ» раскрыл частично обстоятельства начала кризиса политического руководства ГДР, связав это с расхождениями между главой правительства ГДР Э. Хонеккером и генсеком КПСС М. Горбачевым. На вопрос корреспондентки Галины Акерман: «Правда ли, что против Хонеккера был заговор, за которым стоял Михаил Горбачев?» – он дал такое пояснение: «Я не говорил бы о заговоре, но в октябре 1989 г. было уже ясно, что Хонеккер не способен

ни умственно, ни физически руководить страной по состоянию здоровья. Поэтому он согласился уйти в отставку. Однако уже в 1988-м, если не в 1987-м, Москва предприняла попытки усилить лагерь реформаторов внутри правящей партии, СЕПГ. Посредниками между Москвой и реформаторами выступали будущий премьер ГДР Ганс Модров и бывший глава ее разведки Маркус Вольф. Реформаторы пытались склонить на свою сторону членов Политбюро и таким образом заставить Хонеккера пойти на реформы». Реформы в ГДР были условием проведения переговоров между четырьмя державами-победительницами и двумя германскими государствами, а также получения материальной поддержки от ФРГ. План Горбачева предусматривал создание «общеверопейского дома», в котором нашлось бы место для конфедерации двух германских государств. Г.-Г. Вик не касается планов ФРГ и США. Между тем именно там находился ключ к разгадке кризиса в ГДР.

В российской и западной историографии и публицистике относят начало «оффензивы» (наступления) западных держав на германском направлении к середине 1980-х гг., когда в СССР была объявлена перестройка и произошла чернобыльская ядерная катастрофа, причиной которой, как мне представляется, была не только некомпетентность местных работников.

Многие наблюдатели склонны считать, что начало наступательной стратегии ФРГ и США следует отнести к 1984 – 1987 гг. Это было связано со сменой руководителей Коммунистической партии Советского Союза, происходившей в 1982–1985 гг. с фатальной неизбежностью и быстротой. Что касается изменения курса западных держав в европейской политике и в германском вопросе, то они были прямо увязаны с инспирированной «перестройкой» в СССР под «чутким руководством» М.С. Горбачева.

Курс на подрыв позиций Советского Союза в политике США был взят в период президентства Р. Рейгана и реализован его преемником Дж. Бушем. Курс на решение национальной проблемы ФРГ был определен по окончании первой легислатуры правительства во главе с федеральным канцлером Гельмутом Колем (1983–1987 гг.). На выборах в бундестаг в начале 1987 г. выявилось падение авторитета правительства Г. Коля. Летом на празднование 750-летия Берлина прилетел президент США Р. Рейган. Он выступил на площади у Бранденбургских ворот с призывом: «Мистер Горбачев, откройте эти ворота!» Полагаю, что провозглашение такого призыва не было удачной импровизацией профессионального артиста. Выступление президента, видимо, было тщательно продумано и подготовлено не только в госдепе. Работа с Горбачевым была начата еще раньше, по крайней мере, в 1984 г. Р. Рейган оставил бесхитростные дневниковые записи, которые подверг анализу российский писатель Дм. Быков в журнале «Огонек» (№ 46, 12–18 ноября 2007 г.). Первое упоминание о Горбачеве в дневнике связано с визитом в США М. Тэтчер в декабре 1984 г., после ее исто-

■ Российское государство в системе международных отношений

рической встречи с М. Горбачевым – секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Другая запись Р. Рейгана связана с именем Арманда Хаммера, который характеризовал «Горби» как лидера, с которым можно «иметь дело». В Америке обнаружили у Горбачева «выдающийся талант к международным делам». Президент США особо отметил это качество М. Горбачева, снисходительно заметив, между прочим: «Надо бы его называть Михаил». Разумеется, мнение Р. Рейгана о Горбачеве складывалось постепенно из впечатлений ближайшего окружения и не в последнюю очередь под влиянием своего вице-президента Дж. Буша, который регулярно посещал Москву в связи с кончиной генеральных секретарей компартии страны, которую Р. Рейган считал «империей зла».

Джордж Буш, бывший ранее не только представителем США в ООН, но и главой ЦРУ, прилетал на похороны генсеков Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, а затем и К. Черненко, видимо, не только для того, чтобы выразить соболезнование, но и приглядеться к возможным партнерам. В марте 1985 г. скончался К. Черненко. Это произошло 10 марта, и, естественно, уже 11 марта в повестке дня заседания Политбюро стоял вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Известно, что в самом начале заседания А.А. Громыко внес предложение избрать М.С. Горбачева, который без особых дискуссий и был единогласно избран, а потом утвержден на пленуме ЦК партии. Это было логично: Михаил Горбачев был самым молодым (1931 г.р.) и «практически здоровым», следовательно, перспективным членом Политбюро.

Михаил Горбачев, кадровый партийный работник, сделал политическую карьеру в той самой системе, реформированию (а фактически – разрушению) которой он и решил посвятить свою деятельность. В статье нет возможности подробно останавливаться на обстоятельствах, при которых один из секретарей ЦК стал у руля гигантского корабля, объявив вскоре о курсе на перестройку. Некоторые существенные факты позже получили освещение в публикациях свидетелей и непосредственных участников событий, в частности в книге Анатолия Громыко «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля»¹⁵. Позже стали известны и свидетельства того, что лидеры западных держав, прежде всего США, не только проявили интерес, но и приняли активное участие в подборе лидера для другой супердержавы и определении ее судьбы.

Посол США в Москве Джон Байерли, публично выражавший симпатии к нашей стране, вспоминал недавно, что он, как дипломат не самого высокого ранга в то время, был свидетелем того, что в кремлевских апартаментах состоялась доверительная беседа Дж. Буша с М.С. Горбачевым. Дж. Байерли как младший по чину должен был сопровождать вице-президента. «Но тогда я был чиновником не очень высокого ранга, поэтому, когда Горбачев появился, нас сразу же выставили за дверь, осталось только начальство. Джордж Буш разговаривал с Горбачевым около получаса, а когда вышел, сказал: «Это – совсем другое»¹⁶. Замысел

Дж. Буша начал осуществляться. Он убедился, что весной 1984 г. сделал правильный выбор ... на должность Генерального секретаря ЦК КПСС.

Еще весной 1984 г. была намечена встреча Дж. Буша с секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству М.С. Горбачевым как с перспективным лидером СССР. С этой целью вице-президент вызвал в Вашингтон представителя США на Женевской конференции посла Льюиса Филдса и поручил ему договориться с советским представителем на конференции послом В.Л. Исраэляном о неофициальной встрече. На приглашение в загородную резиденцию советской делегации американский представитель ответил встречным предложением встретиться в одном из загородных ресторанов. Во время обеда делового разговора не было. А после обеда американец предложил прогулку, во время которой сделал краткое устное сообщение: «В Вашингтоне хотели бы установить серьезный, деловой контакт с кремлевским руководством. И вице-президент Буш готов встретиться с одним из новых советских лидеров во время своего визита в Женеву. Встреча должна носить строго конфиденциальный характер. На мой вопрос, – записал В. Исраэльян, – имеют ли американцы конкретно кого-нибудь из советских деятелей в виду, Филдс однозначно ответил, вице-президент хотел бы встретиться с М. Горбачевым как наиболее вероятным будущим лидером Советского Союза». Почему предложение делается косвенно, а не через посольство в той или иной столице, ясного ответа не последовало. Филдс подчеркнул, что он выполняет поручение вице-президента, и только. После некоторых размышлений и колебаний советский посол решил доложить об этом предложении непосредственно в Москве, в своем ведомстве. Он так и сделал. Филдс больше не возвращался к этой теме. Между тем в середине апреля в Женеву пожаловал сам Дж. Буш, чтобы выступить на конференции по разоружению с проектом по химическому оружию. Дж. Буш устроил 17 апреля через посредника Садрудина Али Хана встречу с советским представителем В. Исраэляном. В итоге краткой беседы вице-президент США Дж. Буш напомнил, что он дважды побывал в Москве: на похоронах Л. Брежнева в 1982 г., на похоронах Ю. Андропова в 1984 г. и предполагает... скоро прибыть на похороны К. Черненко (такой доброжелательный прогноз). Но самое главное в этом эпизоде – заявление Буша: «Вашим следующим лидером будет Горбачев». «Эти слова врезались мне в память», – записал В.Л. Исраэльян. Таков был краткосрочный прогноз американского вице-президента.

У читателя может, естественно, возникнуть вопрос: из какого источника нам это известно? Из достоверного источника – от самого В.Л. Исраэляна, который составил краткое сообщение об этом эпизоде. Он добавил в постскриптуме: «Решив прервать гласности указанный эпизод, я написал об этом президенту США. Недавно пришел ответ, в котором сообщалось, что Дж. Буш не возражает против публикации»¹⁷. После встречи с В.Л. Исраэляном Дж. Буш передал дальнейшую разработку

кандидатуры элегантной леди – премьер-министру Великобритании.

Встреча Горбачева с Маргарет Тэтчер состоялась в декабре 1984 г. О результатах этой встречи она и рассказала Р. Рейгану в конце декабря того же года. Нам неизвестно, сообщила ли она (скорее всего, сообщила) о необычном дипломатическом жесте М.С. Горбачева, о котором стало известно российским историкам лишь позже, из свидетельства участника той встречи М. Горбачева с М. Тэтчер, а именно А.Н. Яковлева.

Председатель Совета Министров СССР в 1985–1990 гг. Н.И. Рыжков в книге воспоминаний «Трагедия великой страны» (М., 2007) обстоятельно рассматривает события тех лет, выявляет причины и инициаторов разрыва Советского Союза. Этот том воспоминаний существенно дополняет картину, представленную им по свежим следам событий в публикации «Перестройка: история предательств» (М., 1992). В связи с темой вызывают интерес его свидетельства о дипломатической деятельности М. Горбачева: «Начало сотрудничества Горбачева с Западом было положено его, рядового члена Политбюро, встречей осенью 1984 г. с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер»¹⁸. Известно, что встреча была организована при содействии тогдашнего посла в Канаде А. Яковлева и имела место в загородной резиденции в Чеккерсе, где обычно проводятся доверительные беседы с особо важными иностранными представителями. В итоге встречи с М. Горбачевым М. Тэтчер сделала вывод: «С этим человеком можно иметь дела... Ему можно доверять»¹⁹. Чем заслужил М. Горбачев доверие «железной леди»? Н. Рыжков приводит свидетельство участника той встречи А.Н. Яковлева по книге «Омут памяти». Во время встречи М. Горбачев неожиданно для М. Тэтчер развернул перед нею карту Генерального штаба со всеми грифами секретности, на которой изображены направления ракетных ударов по Великобритании. Леди не могла сразу понять, что означает этот ход «рядового члена Политбюро»: розыгрыш или шантаж. Затянувшуюся паузу прервал М. Горбачев: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее». Леди кратко сказала: «Да». Какие полномочия имел для этого будущий генсек? По странному стечению обстоятельств визит был прерван досрочно: из Москвы пришло сообщение – умер министр обороны СССР Устинов. Ни подтверждения, ни опровержения этого эпизода из документов М. Горбачева мы не знаем, впрочем, как и о тайных переговорах его с Р. Рейганом на Крайнем Севере в Рейкьявике осенью 1986 г. Позже М. Тэтчер ясно сказала: «Мы сделали Горбачева Генеральным секретарем»²⁰.

Этапами на пути к развалу Советского Союза стали встречи М. Горбачева с «сильной личностью» – президентом Р. Рейганом в Рейкьявике, а затем и с президентом Дж. Бушем у острова Мальта в декабре 1989 г. Во время пребывания во Франции в 1993 г. М. Горбачев признался, что на встрече в Рейкьявике он «отдал СССР на милость Соединенным Штатам». Горбачев сам оценивал

встречу в Рейкьявике как «большую драму»: «На этой встрече в верхах мы зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя»²¹.

Встреча М.С. Горбачева и Джорджа Буша-старшего у острова Мальта в Средиземном море в начале декабря 1989 г. после падения Берлинской стены имела исключительно важное значение в деле решения германской проблемы. Дело, конечно, не только в том, что дипломатическая беседа происходила в штормовую погоду на американском военном корабле, но главным образом в том, что она произошла по инициативе американского президента, который основательно подготовился к этой встрече, в отличие от генсека правящей партии Советского Союза. Очевидно, что именно Дж. Буш вызвал М.С. Горбачева на randevu. Не думаю, чтобы М.С. Горбачев просил аудиенции у американского президента. Если ранее американские руководители остро ставили вопрос об освобождении диссидентов во главе с А. Сахаровым, а также невест, желавших уехать из СССР к мужьям в Америку, то теперь на первый план выдвигался германский вопрос, который находился в сфере ответственности четырех держав-победительниц, главным образом СССР и США.

Ключевым вопросом германского урегулирования уже в тот момент был вопрос о международном статусе объединенной Германии: станет ли она нейтральной страной, то есть не будет участвовать в военных блоках или останется в блоке НАТО. Против нейтрализации активно выступали не только США, но и Великобритания. Они не хотели отказаться от сложившегося после Второй мировой войны положения государств Западной Европы под эгидой США, но решительно вели дело к тому, чтобы вытеснить Советский Союз из Центральной и Восточной Европы. К сожалению, историки пока не располагают полной информацией о ходе бесед на Мальте. Существуют несколько версий этого исторического события. Однако полное содержание встречи у Мальты еще остается загадкой.

Опубликованные Фондом Горбачева записи «Из бесед М.С. Горбачева с Дж. Бушем», датированные 2 и 3 декабря 1989 г., – это фрагменты, отрывки, которые не дают полного представления о сути дела²². М. Горбачев говорит по поводу событий в Германии: «У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неответственно». И далее: «Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО?... Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история». М. Горбачев еще предлагает отложить этот вопрос на будущее: «Пусть история распорядится этим вопросом и в будущем». Дж. Буш резонно замечает, что он не намерен «прыгать на стену».

На следующий день ему вторит госсекретарь Дж. Бейкер: «Вопрос объединения Германии вызывает нервозность и у нас, и у вас, да и у многих европейцев. За что мы здесь выступаем? Чтобы объединение происходило на принципах гласно-

■ Российское государство в системе международных отношений

сти, плюрализма, свободного рынка». Все выглядит вполне благопристойно. Что же произошло в результате бесед на Мальте?

Интересные соображения высказала в интервью газете «Известия» в начале 2008 г. известная французская исследовательница, профессор парижского Института международных и стратегических исследований Катрин Дюранден, автор нескольких книг, имевшая доступ к документам ЦРУ. В беседе с парижским корреспондентом «Известий» Олегом Шевцовым она высказала свои суждения о роли спецслужб США в подготовке и реализации планов своей страны в отношении СССР и Германии.

На вопрос корреспондента К. Дюранден дала такой ответ: «Горбачев встречался с Бушем на военном корабле, а в это время был страшный шторм. Теперь у меня есть полная уверенность, что ваш президент к этому саммиту был совершенно не готов. Обсуждалось кардинально важное для Советского Союза событие: объединение Германии». К этому моменту Дж. Буш и Г. Коль между собой решили, что объединенная Германия будет членом НАТО. Но готов ли к этому весь народ Германии? Такой вопрос их вовсе не интересовал. Западные наблюдатели отмечают, что Горбачев вел себядержанно, даже робко. Возможно, на него повлияла штормовая погода. Однако он все же решился в ответ на настойчивые напоминания о нарушениях прав человека в СССР возразить: «Но у вас же нет монополии на права человека!» Дж. Буш держал в руках список репрессированных лиц, отодвигая на второй план главный вопрос, ради которого он и вызвал Горбачева на собеседование. Дж. Буш как бы лишал Горбачева возможности выдвигать какие-либо условия по решению германского вопроса. На вопрос корреспондента: «В конце концов, Горбачев сдался?» – дама ответила просто: «Мне кажется, он запаниковал. На это, собственно, и был расчет ЦРУ».

Отметьте себе: расчет не дипломатического ведомства, а ЦРУ. Трудности Горбачева у себя дома, в стране, конечно, надо принимать во внимание. Однако в сложившейся ситуации самоуверенному лидеру полагалось сослаться на необходимость решать вопросы мирового значения в согласии с компетентными органами своей страны. Французская исследовательница полагает: «И расчет разведуправления, хорошо изучившего характер генсека, строился на том, что он был истощен психологически и у него просто не хватит твердости сопротивляться давлению Запада»²³. Самое замечательное было то, что больше всего удивились тому, что Горбачев так легко сдался, лидеры Франции и Великобритании. Ведь они призывали Горбачева не торопиться в процессе решения германского вопроса.

Политика М. Горбачева, легитимность которой ставится под большой вопрос самим фактом устранения из Конституции СССР пункта о ведущей роли КПСС (следовательно, и Генерального секретаря ЦК КПСС), определялась, таким образом, договоренностями с президентами

США. М.С. Горбачев решал вопросы, связанные с политикой в отношении Германии, как лидер правящей партии вплоть до марта 1990 г., когда на внеочередной сессии народных депутатов (отнюдь не всенародным голосованием) он был избран президентом СССР. Не была ли вся предшествующая деятельность генсека превышением полномочий?

«За шесть лет пребывания на посту генсека Горбачев одиннадцать раз встречался с президентом США. В итоге политики во многом односторонних уступок рухнула Берлинская стена, уничтожены Варшавский договор, содружество социалистических стран и сам Советский Союз. Под звуки оркестра, которым дирижировал пьяный Ельцин, войска постыдно покидали свои военные базы и уходили в никуда — в чистое поле с походными палатками. Таков был позорный итог соглашения М. Горбачева с его другом Г. Колем на государственной даче в Архызе». Такова печальная картина государственной деятельности партийного лидера, представленная в мемуарах бывшего главы Правительства СССР²⁴.

Если судить по публичным событиям, то процесс объединения Германии начался стихийно: с возмущения граждан ГДР ограничением их прав и свобод властями ГДР, с открытия Бранденбургских ворот, а затем и разрушения Берлинской стены. На самом деле, как доказывают изложенные выше факты закулисной деятельности и личной дипломатии М.С. Горбачева, присоединение ГДР к ФРГ было тщательно спланировано и подготовлено правительствами США и ФРГ, начиная, по крайней мере, с 1982–1985 гг., с начала «междугородствия» или иначе – замятни в СССР. Со стороны США это была провозглашенная политика, направленная на уничтожение «империи зла». В ФРГ это была политика, направленная на решение проблемы единства нации. Исходной позицией дипломатии ФРГ для начала наступления должен был стать кризис в ГДР, который обострился летом 1989 г. и принял необратимый характер в связи с мероприятиями в связи с 40-летием ГДР в октябре 1989 г.

Участие Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в торжественных мероприятиях в связи с юбилеем союзного рабоче-крестьянского государства должно было ознаменовать размежевание между консерваторами и реформаторами в правительстве ГДР. Отечественный агитпроп подготовил для речи генсека хлесткую формулу: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь». Девиз был явно адресован «старому Эриху» и был понятен всем: и друзьям, и противникам. Публичный обмен любезностями между генсеками «братьских» партий 7 октября означал «поворотный пункт» сорок лет спустя. Довольно скоро Эрих был отстранен от власти. Попытки реформаторов спасти республику не дали желаемого результата. Решение Политбюро ЦК СЕПГ об облегчении выезда граждан из республики в западном направлении было истолковано в Берлине как разрешение немедленно (тотчас) открыть ворота.

В ночь на 9 ноября 1989 г. толпы берлинцев сбились у Бранденбургских ворот, требуя прохода

в западную часть города, на Курфюрстендум, где их ждало угощение пивом и колбасками. Проходя мимо окон советского посольства, некоторые демонстранты недвусмысленно давали понять нашим дипломатам: мы с вами еще поговорим. Они могли не знать, что по закрытому каналу М.С. Горбачев сообщил обер-бургомистру Западного Берлина: советские солдаты останутся в казармах, что бы ни случилось в городе²⁵.

На запрос наших дипломатов: «Что мы должны предпринять?» – из Москвы пришла неслыханная в истории дипломатии «инструкция»: как идет, так пусть и идет. Дипломаты в Берлине не дождались единственно разумного указания: вступить в контакт с представителями США, Великобритании и Франции, которые вместе с СССР еще обладали в тот момент правами и несли ответственность за Берлин и Германию в целом. Очевидно, что все было обговорено с правительствами США и ФРГ заранее. Федеральный канцлер Г. Коль установил первый телефонный контакт после падения стены в Берлине с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер. Он был озабочен тем, чтобы Международный валютный фонд (МВФ) подбросил кредит Польше, а не тем, как развиваются события в Берлине.

Известно стало лишь позже, что М. Тэтчер еще в сентябре 1989 г. по пути домой из Токио остановилась на часок на аэродроме в Шереметьево, чтобы поговорить с М. Горбачевым по германским делам и посоветовать ему не торопиться при решении германского вопроса. М. Горбачев, казалось, занял твердую позицию: объединение Германии не стоит в повестке дня. Однако Г. Коль с согласия США взял курс на «ускорение». В конце ноября он выступил с программой из 10 пунктов для преодоления кризиса в ГДР. Правда, дальше пожелания создать договорное сообщество или конфедерацию двух германских государств он пока не пошел. М. Горбачев пытался выразить возмущение тем, что Г. Коль не придерживается договоренностей (значит, такие были). Но после встречи с Дж. Бушем у о. Мальта он не просто притих, но побежал, опережая поезд германского единства. Г. Коль между тем начал выезжать на территорию ГДР и выступать на массовых митингах, обещая в кратчайший срок превратить всю Германию в цветущий ландшафт.

В январе 1990 г. он, на удивление даже своих финансистов, предложил ввести ДМ (дойче марк) на территории ГДР и даже выгодно обменять имеющиеся накопления граждан ГДР. В конце января 1990 г. М.С. Горбачев в узком кругу своих непосредственных сотрудников проводит мозговой штурм по решению германского вопроса²⁶. Совещание приходит к выводу: делать ставку на Г. Колю как на надежного партнера. В союзной ГДР нет подходящих партнеров. Западные наблюдатели и публицисты полагают, что М.С. Горбачев проявил наивность, не теряя при этом цель, – как можно скорее получить финансовый кредит. Председатель Совета Министров Н.И. Рыжков не торопился влезать в долговую кабалу, понимая, что по долгам надо платить. Он не торопился получить первый

скромный по размерам кредит в 3 млрд марок. М. Горбачев дал свое понимание ситуации: «Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных отношений. А если и можно с кем-то договариваться, это не имеет решающих последствий... Нет реальных сил в ГДР. Следовательно, на процесс мы можем воздействовать только через ФРГ. И здесь перед нами выбор: Коль или СДПГ»²⁷. М. Горбачев выбрал себе в поводыри Г. Колю. Альтернативную точку зрения высказал там же Н.И. Рыжков: «Конфедерация – да. Но мы должны выдвинуть условия для конфедерации. Неправильно отдавать все Коля».

На совещании выявилось ключевое значение вопроса об участии или неучастии объединенной Германии в военных блоках. «Главное, – признал М. Горбачев, – на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО. Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска»²⁸. Значит, официально сформулированные условия объединения двух германских государств в начале процесса переговоров по формуле «четыре плюс два» определены четко: объединенная Германия не участвует в военных блоках, все иностранные войска выводятся с территории Германии одновременно.

Разумные размышления генсека уже в середине того же года превратились в прямо противоположные «компромиссные» решения: советские войска уходят, американские остаются в ФРГ, объединенная Германия входит в НАТО. Запись А. Черняева – весьма ценный для историков документ. Он отражает исходные позиции перед началом дипломатической стадии процесса урегулирования. Правда, почему-то в публикацию не включены высказывания Фалина и Ахромеева. Для истории они не менее важны, чем исторические экскурсы М. Горбачева относительно Брестского мира №1 и №2.

В конце января – начале февраля 1990 г. М.С. Горбачев провел в Москве встречи с лидерами ГДР: главой правительства Г. Модровым и лидером Партии демократического социализма (бывшей СЕПГ) Г. Гизи. Беседы имели характер консультаций с «товарищами» с целью получения информации о трудном положении республики (государственных долгах, внутренних и внешних, о настроениях граждан, намеченных на май выборах в Народную палату). Г. Модров рассказал о ситуации в государстве и волнении общественности и высказал разумное пожелание «притормозить процесс и перевести его в общеевропейское русло... Думаю, что стоило бы Советскому Союзу напомнить о своих правах в Германии вместе с другими тремя державами»²⁹.

Как видим, глава правительства ГДР глубже понимал государственные интересы не только ГДР, но и СССР. В беседах с Г. Модровым (последний раз – в ноябре 2010 г.) автору этой статьи довелось спросить у него, сказал ли генсек союзнику, хотя бы косвенно, что он намерен предпринять на следующей неделе. Ответ был

■ Российское государство в системе международных отношений

прост: ни единого слова. М.С. Горбачев предположил в качестве деловых партнеров представителей США и ФРГ.

Встреча М. Горбачева с госсекретарем США Джеймсом Бейкером в Москве 9 февраля 1990 г., как следует даже из неполной записи под названием «Из беседы...», имела действительно судьбоносное значение. Госсекретарь прилетел в Москву, имея в папке серьезный план решения германского вопроса. Прежде всего, считая объединение Германии неизбежным, он отклонил саму идею нейтральной Германии. Он мотивировал свою позицию тем, что нейтральная Германия непременно станет милитаристской и даже заявит претензию на ядерное оружие. На деле, конечно, имелось в виду сохранение влияния на страну США и НАТО.

Джеймс Бейкер изложил сценарий решения германского вопроса, отметив, что «процесс идет гораздо быстрее», чем ожидали в прошлом году, «даже в декабре»: «18 марта народ ГДР проголосует на выборах. Подавляющим большинством он выскажется за объединение, изберет руководителей, которые поддерживают идею объединения Германии. Вскоре два германских государства начнут обсуждение внутренних аспектов объединения таких вопросов, как объединение правительств, парламентов, общая столица, общая валюта, экономический союз»³⁰. По этому американскому сценарию и пошел «процесс». Надо было согласовать внешний аспект германского урегулирования. И по этим вопросам госсекретарь имел готовый сценарий. Отклонив формулу переговоров «четыре плюс два», а также использование «громоздкого» механизма ОБСЕ, Дж. Бейкер твердо предложил формулу «два плюс четыре», более приемлемую для ФРГ. Американский сценарий не вызвал возражений советских руководителей. Не вызвал возражений и план сохранения НАТО и военного присутствия США в Европе. «Мы понимаем, – заявил государственный секретарь США, – что не только Советскому Союзу, но и другим европейским странам важно иметь гарантии того, что если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО свое присутствие в Германии, то не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении. Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма «2+4» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток»³¹.

Таким образом, от США поступает предложение в случае объединения Германии не расширять сферу действия военного блока НАТО «ни на один дюйм», не то, чтобы на 1000 километров, вплоть до границ СССР. Возникает, естественно, вопрос: почему М.С. Горбачев и Э.А. Шеварднадзе не включили в дальнейшем в документы по окончательному урегулированию столь важное обязательство США, предложенное от имени и других членов НАТО. Дело, очевидно, не только в некомпетентности указанных деятелей в дипломатии. Ведь госсекретарь понимал, что он предлагает междуна-

родные гарантии безопасности Советского Союза как условие объединения Германии.

Свое предложение Дж. Бейкер повторил как альтернативу нейтральной Германии в форме вопроса: «Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохранившая связи с НАТО, но при гарантировании того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?». Под «нынешней линией» следовало понимать границу между ФРГ и ГДР, границу между ФРГ и Чехословакией и далее на юг, или границу Норвегии с СССР на севере. Бывший посол США в Москве Джек Мэтлок, выступая позже против расширения НАТО, подтвердил, что США и ФРГ обещали не расширять НАТО на восток, к границам России, после объединения Германии: «Я был свидетелем этого, и тогда мы обманули русских. Почему же они должны верить нам сейчас?»

В личной дипломатии М. Горбачева в конце января 1990 г. произошел поворот, а в первой декаде февраля началась практическая реализация замысла генсека: принять сценарий США и ничего не предпринимать без канцлера Коля. Можно указать точную дату такого разворота: 10 февраля 1990 г. – встреча с канцлером Г. Колем в Москве. Для общественности она была неожиданной, но не для окружения М. Горбачева. Встреча М.С. Горбачева с Г. Колем в Кремле 10 февраля 1990 г. началась во второй половине дня и состояла как бы из двух частей. В первой части беседы в формате «один на один» приняли участие с немецкой стороны Х. Тельчик, а с советской – А.С. Черняев. Во второй части приняли участие также с немецкой стороны Г.-Д. Геншер, с советской – Э.А. Шеварднадзе. Нам известна запись беседы, хранящаяся в Фонде Горбачева³². Адекватное, хотя не полное, отражение эта беседа получила в дневниковых записях статс-секретаря ведомства федерального канцлера Хорста Тельчика, а позже в воспоминаниях Г.Д. Геншера³³.

Что дает основание считать эту встречу поворотным пунктом в решении германского вопроса, точнее, в деле объединения Германии? На этой встрече, которую стороны рассматривали как продолжение диалога, состоявшегося в Бонне в июне 1989 г., М.С. Горбачев передал ведущую роль в объединении Германии федеральному канцлеру ФРГ Г. Колю. После обстоятельного сообщения Г. Коля о положении в ГДР, именно в ГДР, откуда за год перешло в ФРГ 380 тыс. граждан ГДР, главным образом молодых людей. Г. Коль назвал точную дату, когда «рухнул» авторитет ГДР как государства: 20 января. М.С. Горбачев констатировал: «Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос. Короче, в основном, исходном пункте есть понимание: сами немцы должны сделать свой выбор. И они должны знать эту нашу позицию». Хорст Тельчик утверждает, что он тотчас понял смысл заявления

М. Горбачева: «Это прорыв! Горбачев соглашается на объединение Германии. Это триумф канцлера Г. Коля. Он войдет в историю как канцлер германского единства»³⁴.

Х. Тельчик уверен, что канцлер не сразу понял значение заявления М. Горбачева. Но когда ему было дано пояснение, обронил историческую фразу: «Дан зеленый свет. Поезд германского единства рванул с места вперед!» Правда, дипломаты и некоторые политики понимали, что до единства еще надо преодолеть большую дистанцию. Тем более что надо было развязать или разрубить еще немало узелков общеевропейского и мирового масштаба. И на этой дистанции еще можно было получить серьезные гарантии безопасности Советского Союза и компенсацию потерь, которые понесла страна в результате поспешной сдачи позиций прорабами перестройки. Главной проблемой оставалось участие объединенной Германии в военном блоке НАТО, что прямо противоречило условиям послевоенного урегулирования.

На встрече в Кремле канцлер Г. Коль заявил: «Чего мы не хотим, так это нейтралитета. Это была бы историческая глупость». Но в согласии с руководителями США германский канцлер понимал, что участие ФРГ в НАТО должно исключить саму возможность расширения сферы действия этого военного союза в восточном направлении, к границам СССР. «Мы считаем, – заявил он, – что НАТО не должна расширять сферу своего действия. Надо найти здесь разумное урегулирование. Я правильно понимаю интересы безопасности Советского Союза и отдаю себе отчет в том, что вы, г-н Генеральный секретарь, и советское руководство должны будете доходчиво объяснить происходящее населению СССР». Германский канцлер правильно понимал интересы безопасности СССР и готов был учесть их при окончательном урегулировании. А Генеральный секретарь КПСС почему-то пренебрег этим. Последующее развитие событий, особенно развал Советского Союза и расширение сферы действия НАТО за счет поглощения бывших союзных республик, освободил генсека от обязанности объяснять населению произошедшее.

Через два-три дня после бесед в Москве с Дж. Бейкером и Г.-Д. Геншером министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе отправился в Оттаву для участия в конференции по режиму «открытого неба». Согласно инструкции, он должен был согласовать с бывшими союзными державами формулу «четыре плюс два» для ведения переговоров о германском урегулировании. Однако по возвращении из Канады он предложил сообщение для печати о том, что он согласовал формулу «два плюс четыре», которая давала определенные преимущества германской стороне, точнее, дипломатии ФРГ в организации процесса урегулирования. В ответ на замечание компетентных экспертов, что в инструкции было намечено иное, министр простодушно сказал, что министр ФРГ Г.-Д. Геншер очень просил, а «Геншер – хороший человек». Фактически советский министр выполнил пожелание статс-секретаря США, видимо согласовав свой шаг с генсеком.

Принятие формулы «два плюс четыре» и предоставление канцлеру ФРГ карт-бланш в решении внутригерманских вопросов было исключительно в интересах федерального правительства. Отвергнув с самого начала условие неучастия в военном блоке, оно решительно отклонило идею проведения мирной конференции для выработки мирного договора для Германии, закрепления в нем территориальных реалий, то есть существующих государственных границ, не говоря уже о reparациях – возмещении ущерба нанесенного германской агрессией. На основе формулы «два плюс четыре» дипломаты ФРГ смело взялись за решение проблем отношений с ГДР. Формально еще оставались в силе права и ответственность четырех держав-победительниц. Но фактически решающее слово при решении германского вопроса было передано правительству ФРГ. Не только политические партии, но и правительство ФРГ первым делом объявили, что правительство ГДР во главе с Г. Модровым не справляется с управлением, и взялись за проведение «первых свободных» выборов в другом германском государстве. Созданный на скорую руку «Альянс за Германию» на выборах 18 марта получил относительное большинство и сформировал коалиционное правительство ГДР во главе с политиком «переходного периода» Лотаром де Мезьером. Правившая в ГДР партия СЕПГ, ставшая партией демократического социализма, была отстранена от власти. Именно с новым правительством, получившим власть при поддержке со стороны ФРГ, дипломатия ФРГ и вступила в деловые переговоры.

В мае 1990 г. было заключено межправительственное соглашение о создании социального, экономического и валютного союза. В июне Народная палата принимает решение о переносе законов ФРГ на земли ГДР. В июле валюта ФРГ введена в ГДР, что означало уже утрату суверенитета ГДР. А в конце августа был заключен договор об установлении единства Германии (со ссылкой на статью 23 Основного закона (конституции) ФРГ). Внутригерманское урегулирование без вмешательства четырех держав предшествовало и предопределило ход переговоров по установлению международного статуса объединенной Германии. Четыре державы сначала предоставили полный суверенитет ФРГ, а потом оформили это договором.

Введение марки ФРГ как «дойче марк» на территории ГДР с 1 июля 1990 г. имело как непосредственные следствия, так и отдаленные последствия. С древнейших времен известно, что одной из функций суверенного государства является регулирование денежной системы. Введение марки ФРГ на территории ГДР фактически означало утрату ею своего суверенитета. Однако этот акт имел непосредственные последствия и для Советского Союза, поскольку он содержал на территории ГДР Западную группу войск численностью примерно в 400 тыс. человек, а также членов семей офицеров. Жалование офицерам и солдатам выплачивалось в марках ГДР. Теперь возникла для Советского правительства большая проблема: выплата своим

■ Российское государство в системе международных отношений

военнослужащим «содержания» в валюте ФРГ, что не было предусмотрено государственным бюджетом. Генеральный секретарь правящей в СССР партии не предусмотрел возможные последствия передачи дела объединения немцев целиком в руки канцлера ФРГ. К тому же, судя по всему, он не информировал надлежащим образом главу законного правительства своей страны о принимаемых внешнеполитических шагах.

Автору данной статьи удалось выявить в Российском Центре хранения современной документации (ЦХСД) записку «В ЦК КПСС» Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова³⁵, датированную 29 июня 1990 г., то есть написанную за день-два до введения марки ФРГ на территории ГДР и рассматривающую ситуацию, сложившуюся в этой связи.

Выявленный документ доказывает, что М.С. Горбачев не информировал Совет Министров о своей деятельности и принимаемых решениях. Как понять иначе, что с апреля 1990 г. представители правительства вели переговоры с только что образованным правительством ГДР относительно выполнения имеющихся соглашений, но не о свертывании экономического сотрудничества. Германская сторона дипломатично давала понять, что она будет выполнять обязательства ГДР, но на базе свободно конвертируемой валюты. Анализ документа дает основание для вывода, что в тот момент Советское правительство было больше озабочено непосредственными последствиями введения марки ФРГ в ГДР, чем отдаленными стратегическими угрозами в связи с ликвидацией союзного государства ГДР, то есть оно просто не предполагало скорого его исчезновения. Совмин обращал внимание на непосредственные последствия изменения валютной ситуации, исходя из того, что сотрудничество с предприятиями ГДР будет продолжаться. Еще в конце апреля, когда в Москве находилась делегация ГДР во главе с премьером Лотаром де Мезьером, стороны договорились, что будут созданы 7 рабочих групп для урегулирования возникающих проблем. После подписания между ГДР и ФРГ соглашения об экономическом, социальном и валютном союзе в Берлин был направлен заместитель премьера СССР С.А. Ситарян для урегулирования финансовых проблем с ГДР. В итоге в июне было достигнуто соглашение об обмене наличных денег (сбережений военнослужащих) в марках ГДР на марки ФРГ на льготных условиях: один к одному.

Однако осталась большая проблема: финансирование армии во второй половине года. Для этого необходимо было изыскать примерно 250 млн так называемых переводных рублей или 1 млрд 250 млн марок ФРГ. Где их взять? На выручку пришла богатая ФРГ. Посольство ФРГ в Москве сообщило через своего сотрудника Х. В. Лаутеншлагера, что будет выделена искомая сумма. 29 июня, в день обращения Совмина в ЦК партии, тогдашний заместитель министра иностранных дел СССР Э. Обминский подписал в Берлине соглашение с правительством ГДР относительно финансиро-

вания ЗГВ на полгода. Однако финансирование на следующий год не было определено. Это могло стать поводом для того, чтобы притормозить процесс урегулирования. Однако М. Горбачев и Э. Шеварднадзе форсировали процесс урегулирования в отношении Германии, действовали в ударном темпе, который весьма удивлял леди М. Тэтчер.

Н.И. Рыжков предлагал рассматривать решение экономических и финансовых вопросов в прямой связи с процессом урегулирования. В рассматриваемой записке он прямо написал об этом, однако в последний момент вычеркнул этот абзац. Однако для понимания различия в подходах М. Горбачева и Н. Рыжкова к решению германского вопроса, полагаю, принципиально важно сохранить для истории этот пассаж. Н.И. Рыжков как государственник предлагал выработать единую позицию Советского Союза, учитывая подходы и мнения Министерства обороны, Министерства финансов и МИДа. «При этом очень важно, – написал и вычеркнул премьер, – чтобы МИД СССР при проведении переговоров по военно-политическим аспектам объединения Германии, в том числе и в рамках группы «2+4», увязывал их с обсуждением экономических и финансовых аспектов пребывания ЗГВ в ГДР в 1991 г. и в последующий период. Такая взаимосвязь существует объективно и в тактическом отношении выгодна нам, усиливая наши позиции по всему комплексу вопросов германского объединения»³⁶.

Совет Министров СССР в конце июня 1990 г. всерьез рассматривает вопросы экономического взаимодействия именно с ГДР по нескольким направлениям:

- торгово-экономическому сотрудничеству в 1991 г. с учетом новых условий расчетов в свободно конвертируемой валюте, по «мировым ценам», коэффициента пересчета задолженности по торговым сделкам и т.п.;
- подготовке нового торгового соглашения с учетом взаимной заинтересованности СССР и ГДР в обмене товарами;
- реализации совместных проектов на территории СССР: Ямбургском месторождении газа, газопроводе Ямбург – Западная граница, Криворожском горно-обогатительном комбинате, строительстве АЭС и др.;
- рекультивации земель в ГДР в связи с прекращением работы акционерного общества по добыче урана «Висмут»;
- правовому урегулированию имущественных вопросов, связанных с пребыванием ЗГВ на территории ГДР.

Как видно из этого перечня, Советское правительство в середине 1990 г. не предполагало ликвидации ГДР. Напротив, оно планировало выполнение совместных проектов с ГДР. Почему произошло ускорение в процессе решения германского вопроса? Исследователям предстоит еще большая работа по выявлению причин и инициаторов этого ускорения. Но можно предположить, что в Советском Союзе назревала (или уже назрела) альтернативная точка зрения на германское

урегулирование. Горбачев спешил выполнить свою «историческую миссию» – миссию «лучшего немца».

В выработке «окончательного урегулирования» в отношении Германии ведущая роль в соответствии с формулой «два плюс четыре» оказалась в руках министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера, который мастерски использовал представившуюся возможность в интересах ФРГ. По существу, переговоров в собственном смысле не было. В соответствии с договоренностью в Оттаве о формуле «два плюс четыре» от 13 февраля 1990 г. имели место однодневные встречи за «круглым столом» министров иностранных дел шести государств:

– 5 мая в Бонне, где, естественно, ведущую роль играл Г.Д. Геншер;

– 22 июня в Берлине, где опять таки первая скрипка была в его руках.

На встречу в Париже 17 июля 1990 г., очевидно, по настоянию Франции был приглашен министр иностранных дел Польши. По существу, на таких встречах принимали к сведению пожелания дипломатов ФРГ и разъезжались для оформления пожеланий на бумаге. Германская дипломатия очень торопилась с оформлением договора. Вместе с нею почему-то торопились Э. Шеварднадзе и М. Горбачев. Участники судьбоносного процесса не сочли необходимым проводить встречи в Лондоне и в Вашингтоне. А гостеприимная Москва охотно согласилась пригласить делегации шести государств немедленно для подписания основного договора, не дожидаясь выработки «большого договора» между СССР и ФРГ и других двусторонних соглашений, которые, конечно, по всем правилам дипломатии полагалось подписать если не в одном пакете, то одновременно.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии был подписан министрами иностранных дел шести государств (ФРГ и ГДР, Великобритании и Франции, СССР и США) 12 сентября 1990 г. в Москве в гостинице «Октябрьская», которую позже называли «Президент-отель». Содержание договора, который определил международный статус объединенной Германии и является действующим договором уже более 20 лет, хорошо известно по многочисленным публикациям, в том числе по монографии автора данной статьи³⁷.

Здесь нет необходимости в изложении и анализе этого исторического документа, хотя отдельные его постановления имеют не только непосредственные, но и отдаленные, далеко идущие последствия для нашей страны. Прямыми следствиями заключения Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии были:

- ликвидация ялтинских и потсдамских соглашений и договоренностей, включая права и ответственность четырех держав за статус Берлина и Германии в целом (без заключения полновесного мирного договора);

- вывод советских войск с германской территории до конца 1994 г. при сохранении войск США и других стран НАТО. На единую Германию были

возложены определенные военные ограничения, в том числе отказ от вооружений класса АВС, сокращение численности вооруженных сил и др.

Особенностью этого договора, как отметил последний премьер ГДР Л. де Мезьер на научной конференции в Москве, состоит в том, что под этим международным договором в первый и последний раз стояли подписи двух германских государств – ГДР и ФРГ. Другая деталь, которая обращает на себя внимание, состоит в том, что государственный секретарь США поставил под подписанным в Москве договором свою подпись в необычной форме: Джеймс В. Бейкер III (Третий). Этот факт не отражен в официальных публикациях документа, но ясно просматривается в копии с оригинала.

В связи с проблематикой, затронутой в данной статье, естественно, возникает вопрос: почему в договор не было включено обязательство ФРГ и США (они готовы были взять его на себя) не расширять сферу действия Североатлантического договора (НАТО) в восточном направлении «ни на один дюйм»? Статья 6 договора лаконично (в трех строках) констатирует: «Право объединенной Германии на участие в союзах со всеми вытекающими из этого правами и обязательствами настоящим Договором не затрагиваются»³⁸.

В американской публицистике и даже в дипломатической практике часто рассматривают переговоры как игру – игру в шахматы или в карты. В начале 1990 г. Дж. Бейкер сообщил германским представителям, что русские затеяли игру, в финальной стадии игры они сдаутся. Видимо, он имел основания для такого прогноза. После нескольких категорических заявлений об абсолютной неприемлемости участия Германии в военном блоке М. Горбачев неожиданно и для советских, и для американских участников переговоров сдал позиции. В конце мая 1990 г. большая советская делегация во главе с М. Горбачевым прилетела в Вашингтон для официальных переговоров, во время которых еще было не поздно поставить вопрос о роспуске противостоящих военных блоков или, во всяком случае, о выводе всех иностранных войск с территории единой Германии.

Перед этим еще взвешивалось предложение советской стороны об участии германских государств одновременно в двух блоках – НАТО и ОВД (Организации Варшавского договора). Правда, западные партнеры оценили такое предложение М. Горбачева и Э. Шеварднадзе как «несуразное» (Дж. Буш) и «шизофреническое» (Дж. Бейкер). И вот теперь, в конце мая – начале июня, Горбачев просит В.М. Фалина изложить официальную позицию относительно неприемлемости участия единой Германии в противостоящем блоке, а затем за чашкой кофе в овальном кабинете президента в Белом доме неожиданно для всех присутствующих заявляет: «Если немцы так хотят быть в НАТО, то пусть так и будет». Ошеломленный Дж. Буш дважды попросил М. Горбачева повторить только что сказанное, настолько это было важно. Американский президент немедленно информировал

■ Российское государство в системе международных отношений

федерального канцлера, который тотчас выразил желание побывать на родине М. Горбачева близ Ставрополя. Германские публицисты считают встречу М. Горбачева и Г. Коля в местечке Архыз летом 1990 г. историческим событием и победой дипломатии ФРГ. Скорее это был успех дипломатии США, и лично Дж. Буша. Не он ли предпринял первые шаги за шесть лет до того?

В глазах федерального канцлера это был его триумф. Что там Ялта и Потсдам, если без единого выстрела, исключительно мирными средствами, не отдав ни пфеннига в качестве аванса, можно было получить бесценный подарок?! В Архызе были обговорены основные положения договора, который и был составлен в срочном порядке в течение двух месяцев. Не только ближайший сосед президент Франции Ф. Миттеран, но и «железная леди» М. Тэтчер были обойдены на крутом повороте. М. Горбачев нашел общий язык с Г. Колем, причем последний ни от чего не отказался, тогда как М. Горбачев отказался от результатов победы советского народа во Второй мировой войне, от прав и ответственности за Берлин и Германию в целом. Поистине исторический поворот.

Каковы реальные последствия этого исторического поворота? В средствах массовой информации ангажированные публицисты дают простой ответ: Россия выиграла от объединения Германии, прекращения «холодной войны» и вывода своей армии не только из Германии, но еще раньше из других стран Центральной и Восточной Европы. Объединение Германии было неизбежно и произошло неожиданно «для всех». Как следует из фактов и документов, приводимых в данной статье, руководители США и ФРГ тщательно готовили ликвидацию «империи зла» и в этой связи – поглощение ГДР другим германским государством. Для них объединение двух германских государств было частью далеко идущего замысла, отнюдь не неожиданным событием.

С научной точки зрения объединение Германии было исторической необходимостью. Однако темпы реализации, а главное, geopolитические последствия этого события отнюдь не были фатально предопределены. Многое зависело от того, какую позицию займет великая держава – Советский Союз. К сожалению, у руля великой державы оказались кормчие, которые взяли курс, который не учитывал государственные интересы великой державы.

Главным результатом объединения Германии было коренное изменение геополитической ситуации в Европе: вытеснение России в ее этнические пределы, развал Союза Советских Республик, с одной стороны, и, с другой стороны, «неожиданное» усиление ФРГ, которая расширила свои пределы, увеличила свой людской и экономический потенциали, как полностью суверенное государство, заявила свои претензии на участие в решении глобальных проблем. Изменение геополитической ситуации в Европе повлекло за собой пересмотр стратегических концепций. Западные державы воспользовались новой ситуацией для расширения не только сферы своего влияния, но и сферы действия военного блока

НАТО. За десять лет, с 1999 по 2009 г., в НАТО были приняты 12 государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Первыми в этом ряду оказались Чехия, Венгрия и Польша.

Пределы военного блока были расширены и приближены к историческим границам СССР на 800 километров. Войска НАТО могут дислоцироваться напротив Брестской крепости у реки Буг, где была сосредоточена нацистская армия вторжения в 1941 г. Для выравнивания «линии фронта» и ТВД потребовалось преодолеть «красную черту» (историческую границу СССР). И стратеги НАТО смело преодолели рубеж, включив в 2004 г. в сферу своего влияния и командования прибалтийские государства – Эстонию, Латвию и Литву. В том же году попросились и были приняты не только стражи дунайской долины Румыния и Болгария, но и такие «братья-славяне», как суверенные государства Словакия и Словения. Против кого в Европе они-то вооружаются? В 2009 г. общее количество членов альянса достигло 28 в результате торжественного принятия Албании и Хорватии. И все это произошло после обещания не расширять НАТО в восточном направлении. Американские дипломаты должны были признать: «Мы обманули русских». Правда, им посоветовали использовать другое слово вместо слова «обманули»... Но обман останется обманом, как его не назови.

В сентябре 2008 г. в Москву приезжал бывший президент ФРГ Рихард фон Вейцзеккер. Он выступил в Германском историческом институте на большом общественном собрании. В качестве комментатора доклада был приглашен М.С. Горбачев. Пользуясь случаем, автор данной статьи поставил перед бывшим Президентом СССР один вопрос: «Что помешало вам, юристу по профессии, включить в договор об окончательном урегулировании в отношении Германии обязательство западных держав-участников договора не продвигать сферу действия НАТО на восток?» Ответ был уклончивый: «Ведь тогда еще существовал Варшавский блок, а слову высоких представителей Запада можно было доверять». Тогда возникает другой вопрос: «А что западные политики, выдвигая свое предложение, не знали, что существует Организация Варшавского договора?» И, кроме того: «Кто распорядился о роспуске ОВД?» Здесь надо бы призвать на помощь не только логику, но и здравый смысл.

Последствия поспешного объединения Германии были, к сожалению, неблагоприятны для народов СССР (России). Отдаленными, но не слишком отдаленными, последствиями этого исторического события стали роспуск Варшавской оборонительной организации, аннулирование всей системы договоров СССР со странами Восточной Европы, свертывание взаимовыгодных экономических связей, начиная с производства кухонной посуды и кончая эксплуатацией атомных электростанций, свертывание культурных связей. Вывод советских войск стимулировал центробежные тенденции в бывших союзных странах и активизацию движений за выход из состава Союза ССР. Поспешное и неупорядоченное провозглашение независимости ряда республик получило дипломатическую поддержку

со стороны ФРГ, которая, подписав заключительный акт в Хельсинки, признала не только нерушимость границ государств, но и территориальную целостность государств. Правительство ФРГ в числе первых заявляло о признании новых независимых государств, а затем великодушно признало Российскую Федерацию «продолжателем» СССР.

Коренное изменение стратегического положения России – правопреемницы Союза ССР, усугублялось фактически односторонним сокращением военного потенциала России за счет оставления существенных контингентов вооруженных сил в Украине, Белоруссии, Казахстане, на Кавказе и в других республиках, а также в результате уничтожения ракет средней дальности, огромной массы танков, самолетов и других вооружений.

Между тем ФРГ в момент объединения двух германских государств увеличила свой военный потенциал, в том числе за счет вооружений армии ГДР. Оружие советского производства, поставленное армии ГДР в свое время на льготных условиях, оказалось в руках генералов бундесвера. «Трофеи» были весьма весомым арсеналом вооружений: 2300 танков, 9000 бронемашин, 5000 артиллерийских орудий, 700 боевых и транспортных самолетов и вертолетов, в том числе несколько новейших машин МиГ-29, около 200 речных и морских кораблей, 85 000 грузовых автомобилей и прицепов, наконец, 295 тыс. тонн боеприпасов и 4500 тонн ракетного топлива. Но самое существенное – 1 млн 200 тыс. единиц стрелкового оружия³⁹. В общей сложности названное вооружение оценивалось суммой в 90 млрд марок. К этому следует добавить стоимость имущества военных гарнизонов, оставшегося после ухода советских войск. Разумеется, генералы не пошли на рынок торговать трофеями. Правительство ФРГ просто передало часть имущества в другие страны, в том числе, вероятно, в «горячие точки». К этому следует добавить, что долги СССР перед ГДР, накопившиеся за годы сотрудничества на торговом балансе, были повешены на шею России. Государственный подход к делу обязывал руководителей в ходе переговоров об окончательном урегулировании иметь в руках красный карандаш и вычеркивать непомерные требования «бывшего вражеского государства».

В одной из бесед с немецкими журналистами в середине 1990-х гг. бывший Президент Советского Союза М.С. Горбачев высоко оценил свою деятельность при решении германского вопроса: «Я считаю, что мы развязали этот узел идеально»⁴⁰. Для германской стороны это решение могло казаться идеальным, хотя отнюдь не все немцы разделяют эту точку зрения. В некоторых средствах массовой информации ФРГ М. Горбачев был удостоен звания «лучшего немца года». Надо признать, что правительства западных держав, да и то исключая Великобританию и Францию, были в восторге от способов и темпов решения германской проблемы. Неслучайно они инициировали присуждение М.С. Горбачеву Нобелевской премии мира, а правительство ФРГ сочло, что Э.А. Шеварднадзе достоин премии И. Канта. Два авто «Мерседес» в придачу – не в счет.

Но что получили народы Советского Союза, которые понесли наибольшие потери во Второй мировой войне? Главным результатом изменения ситуации в Европе стал развал Советского Союза. Изменения стратегической ситуации имели поистине тектонические масштабы:

– Германия получила возможность подвести черту под итогами Второй мировой войны, не заключая полномасштабного мирного договора;

– распуск Варшавской оборонительной организации лишил Советский Союз союзников в Европе, а вывод войск из стран Центральной и Восточной Европы означал предоставление стратегического пространства в распоряжение другим державам, в том числе Германии;

– возникшие в союзных республиках центробежные тенденции привели к неупорядоченному выходу их из состава Союза и расчленению единого политического и экономического пространства;

– кардинальное изменение стратегического положения России означало смещение театра потенциального театра военных действий (ТВД) на 800 километров от прежних пределов НАТО;

– сокращение военного потенциала России в результате практически одностороннего разоружения, ликвидации ракет средней дальности, огромной массы танков, самолетов, подводных лодок без соответствующего возмещения новой техникой, изменило соотношение сил на мировом поприще отнюдь не в пользу России;

– расширение территории и увеличение экономического потенциала ФРГ дало ей основание для выдвижения претензий глобального характера, таких, как пересмотр Устава ООН, получение места постоянного члена Совета Безопасности ООН, участие в решении проблем мировой политики и даже применение вооруженных сил за пределами национальной территории.

Все эти «подвижки» – результат дипломатической активности лично М.С. Горбачева. Назвать их успехом, а тем более «идеальным» решением проблемы у историков нет серьезных оснований. Для историков небезразличны оценки и современников событий XX в. При оценке государственной, дипломатической деятельности М.С. Горбачева придется помнить слова, сказанные выдающимся дипломатом XX в. А.А. Громыко . В ответ на вопрос: «Оправдал ли он ваши надежды?» – он дал ясный ответ: «Не по Сеньке оказалась шапка государева, не по Сеньке!»

Akhtamzjan A.A. The International Political Consequences of Unification of Germany. Expansion of NATO - Result of Unification of Germany.

Summary: The geostrategic consequences of final settlement concerning Germany are investigated in the article, especially the remote consequences of this historical event. Conclusions of the author are based on Russian diplomatic documents as well as the German official documents. Publications of competent experts - germanists (such as V.M. Falin, J.A.Kvizinsky, V.P.Terekhov, I.F.Maksimychev) are analyzed in the article. The Author is a well-known researcher of the Russian and German diplomatic archives.

■ Российское государство в системе международных отношений

Ключевые слова	Keywords
<p>Объединение Германии, окончательное урегулирование в отношении Германии, личная дипломатия Горбачева, ликвидация ССР, геостратегические последствия аннулирования Варшавского договора, политические последствия окончательного урегулирования, ликвидация ялтинско-потсдамской системы международных отношений, отказ от прав и ответственности держав в отношении Берлина и Германии в целом, geopolитические позиции России.</p>	<p>Unification of Germany, final settlement concerning Germany, 2+4 Treaty, Gorbachev's personal diplomacy, liquidation of the USSR, cancellation of the Warsaw Treaty Organisation, political consequences of final settlement, liquidation of the Yalta-Potsdam system of the international relations, rights and the responsibility of powers concerning Berlin and Germany as a whole, geopolitic positions of Russia.</p>

Примечания

1. Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит...». М., 2002. С.65.
2. См.: «Московский комсомолец» 4 октября 2010. С.9.
3. Ахтамзян А.А. Объединение Германии или аншлюс ГДР к ФРГ, ч.1-2. М.,1994.
4. Воробьева Л.М. Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М., 1998.
5. Haftendorn H. Deutsche Ausenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung. Stuttgart,2001. Alexander von Plato. Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel. Berlin, 2002. Александр фон Плато. Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007.
6. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.
7. Горбачев М. Как это было. Объединение Германии. М., 1999.
8. Valentin Falin. Politische Erinnerungen. München. 1993. Juliy A. Kwizinskiy Vor dem Sturm. Berlin. 1993
9. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999. Квицинский Ю. Время и случай. М., 1999.
10. Horst Teltschik. 329 Tage. Berlin. 1991. Hans Dietrich Genscher. Erinnerungen. München. 1997. Die Vereinigung Deutschlands im Jahr 1990. Eine Dokumentation. Bonn 1991. Karl Kaiser. Deutschlands Vereinigung. Die internationalen Aspekte. Bergisch Glfdbach. 1991.
11. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов.1986 – 1991. Предисловие и составление А.Галкин, А Черняев. М., 2006. В Политbüro ЦК КПСС. По записям А.Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. (1985-1991). М., 2006.
12. Болдин В.И. Крушение пьедестала Штрихи к портрету М.С. Горбачева, М., 1995.
13. Geschichte der deutschen Einheit in vier Bänden. Stuttgart. 1998.
14. Weidenfeld W. Aussenpolitik für die deutsche Einheit. Stuttgart, 1998. Р. 5-6.
15. Анатолий Громыко. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. М., 1997, С.73-87 и 87-100.
16. Олег Одноколенко. Американский связной. «Итоги» 11 октября 2010. С. 38.
17. См.: Аргументы и факты № 26, 2001 г.
18. Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М., 2007. С. 24 -26.
19. Рыжков Н.И. Цит. соч. С. 26.
20. Там же.
21. Цит. по: Рыжков Н. Трагедия великой страны. М., 2007. С. 26.
22. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991. М., 2006. С.268-272.
23. «Известия» от 01.02.2008.
24. Рыжков Н.И. Цит. соч. С. 26.
25. Кеворков В. Тайный канал.М., 1997.
26. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991гг. М., 2006. С. 307- 311.
27. В Политbüro ЦК КПСС. По записям А.Черняева, В.Медведева, Г.Шахназарова (1985-1991). М.,2006. С.551 и след.
28. Там же. С 552.
29. Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 317.
30. Там же. С. 333.
31. Там же. С. 334.
32. Там же. С.339-360.
33. Horst Teltschik. Op.cit., P. 137-143. Hans-Dietrich Genscher. Op. cit.,
34. Horst Teltschik. Op. cit., P.140.
35. Российский Центр хранения современной документации (ЦХСД). Фонд 89. Опись 8. Дело 77. С. 4-10.
36. ЦХСД. Фонд 89. Опись 8. Дело 77. С. 6-7.
37. Ахтамзян А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М., 2010. С.147-155.
38. Германо-советские договоры. Бонн. (без даты издания) С. 11-17. «Правда», 13 сентября 1990.
39. Weissbuch der Bundesregierung 1994,
40. «Deutschland» Nr. 5, 1996. P.14.
41. <http://www.peoples.ru/state/ambassador/gromyko/>

Мысли о кризисе

А.А. Орлов

В статье автор размышляет о причинах и возможных последствиях современного финансово-экономического кризиса, охватившего значительную часть развитых стран мира, высказывает предположение, что кризис может принять форму хронического заболевания и растянуться на продолжительный период времени. В связи с этим, по мнению автора, необходимо серьезно задуматься о выработке принципов построения новой модели мировой экономики. Настоящие заметки ни в малейшей степени не претендуют на завершенность суждений и являются скорее приглашением к дискуссии на страницах «Вестника МГИМО-Университета», которая могла бы стать и весьма интересной, и не менее полезной.

В последние годы в международный политический лексикон прочно вошло словосочетание «дорожная карта», означающее план или программу действий обычно по выходу из той или иной кризисной ситуации. В «дорожной карте», как правило, обозначены конкретные этапы поступательного движения, предполагающие выполнение определенного набора требований и установок, относящихся к каждому из участков, на которые разбит весь маршрут, а также сроки реализации соответствующих задач. Далеко не всегда согласование «дорожной карты» приводит к достижению искомого результата – на пути зачастую оказывается изрядное количество объективных и искусственно создаваемых субъективных преград, но общее направление движения ясно, во всяком случае, даже для тех, кто не настроен на конструктивное сотрудничество, а прямо или косвенно ему противодействует.

Гораздо хуже бывает, когда «дорожной карты», при всех ее недостатках и минусах, не оказывается под рукой. В этом случае принимаемые решения, пусть даже они санкционированы главным и наиболее авторитетным международным органом – Советом Безопасности ООН, временами выглядят некой импровизацией, рутинным паллиативом, способным в лучшем случае на время «засушить»

ситуацию, но не найти ее долговременного и прочного решения. Отсутствие четкого видения путей выхода из конкретной кризисной ситуации – это все же частность. Но любая частность, пусть даже самая драматичная, несопоставима по своим последствиям с тем, когда возникают серьезные проблемы в понимании сути глобальных процессов. Именно с этим мы сталкиваемся в наши дни.

Мир стоит на перепутье, если не сказать, что в своем развитии он зашел в тупик. И это не просто аллегория, а констатация реального факта. Пути его дальнейшей эволюции неясны, а само будущее затянуто поволокой неопределенности.

Неолиберальная модель капитализма, безальтернативно господствующая в мире после распада СССР и завершения противостояния двух социально-политических систем в связи с полным и окончательным крахом одной из них, как было принято считать еще совсем недавно, переживает глубочайший кризис. В наши дни становится очевидным, что существование СССР и лагеря его европейских союзников служило мощным стимулом для объединения Запада, нивелирования внутренних противоречий между составляющими его элементами и в целом для подстегивания развития ключевых направлений, определяющих жизнедеятельность современно-

Орлов Александр Арсеньевич – профессор, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научные школы МГИМО

го государства, прежде всего науки и частично экономики.

Когда же мощный, объединяющий внешний раздражитель исчез и современный капитализм оказался один на один с целым комплексом проблем и противоречий, как объективных, органически присущих этой формации, так и частных, свойственных нашему времени, несовершенство неолиберальной модели, которая еще недавно презентовалась как едва ли не идеальная и даже итоговая в плане социально-экономического и политического развития общества, проявилось во всей своей полноте и многообразии.

Четыре года продолжаются безуспешные попытки западных политиков и обслуживающих их «мозговых центров» найти выход из нынешнего волнообразного кризиса, во многом сопоставимого с Великой депрессией первой половины прошлого века. Этот кризис, если принять во внимание целый ряд свойственных ему параметров, вполне можно охарактеризовать как Великую рецессию или, что было бы правильнее, как вторую Великую депрессию в истории современного капитализма. От шапкозакидательских оценок ряда аналитиков, относящихся к начальному этапу кризиса, выдержаных в том духе, что рыночная экономика сама в состоянии все расставить по местам, не осталось и следа. Более того, объективно нарастает кризис доверия к самому капитализму как жизнеспособной системе, отвечающей потребностям наступившего века. Особенно такие настроения свойственны части молодежи.

В западном экспертно-политическом сообществе все чаще можно услышать такие оценки, что мир столкнулся с кризисом или стагнацией новых идей по развитию современного общества. На такие мысли все чаще и больше наводят малоэффективные попытки западных лидеров решить возникшие глубокие, а точнее, глубинные проблемы с помощью привычного монетарного инструментария. Политика жесткой экономии в сочетании с попытками закачивания в экономики «проблемных» государств огромных масс ликвидности (происходящих в большинстве своем из публичных фондов) через частные, как правило, финансовые институты не приносят искомых результатов.

При этом, когда речь заходит о разрушительной роли современных рынков – прежде всего ценных бумаг, олицетворяющих в наше время виртуальную экономику, – для экономики реальной, большинство политиков и аналитиков делают вид, что этого не понимают или что такой проблемы не существует в принципе, хотя отделяющая реальную экономику от виртуальной, причем углубляющаяся с каждым годом пропасть есть одна из главных причин (если не главная) современного финансово-экономического кризиса. И от устранения этой причины в решающей степени будет зависеть выход из него.

Приведу для подтверждения этого тезиса весьма красноречивую выдержку из опубликованной во влиятельной мадридской газете «Эль

Паис»¹ статьи президента Попечительского совета испанского Фонда международных отношений и международного диалога Диего Идалго. «На глобальном уровне, – пишет автор, – когда надо назвать виновных (в мировом кризисе. – Прим. авт.), лучшие экономисты, такие, как профессор Гарвардской бизнес-школы (Harvard Business School) Брюс Скотт (Bruce Scott), отмечали в 2008 г., что финансовая система и рынки, не регулируемые с 1980-х гг., создали огромное фиктивное богатство: в то время как мировая экономика (мировой валовой продукт, реальные товары и услуги) составляет 50 триллионов евро, деривативы² превышают 4000 триллионов. Только 1/80 часть наименований того, что покупается и продается, приходится на реальные активы, а 79/80 не относится к тому, что, образно говоря, можно потрогать руками»³.

Из этого следует, что вся современная мировая экономика представляет собой средоточие пузырей – больших или поменьше, каждый из которых может лопнуть в любой момент. Как это произошло с пузырем в сфере недвижимости, взорвавшим сначала американскую, а затем и ряд европейских экономик, прежде всего испанскую. Это породило цепочку взаимосвязанных последствий, разорвать которую пока не удается, несмотря на титанические усилия международных институтов и государств. Причем процесс здесь столь же неконтролируемый и трудно предсказуемый, как это было перед началом кризиса 2008 г. Тогда тоже кое-кто понимал, причем больше интуитивно, чем на «научной основе», что назревает какой-то катализм, и даже предупреждал об этом – правда, весьма неконкретно, как бы в общем плане. Однако никаких превентивных мер принято не было, да никто о них тогда всерьез и не думал. Только после начала кризиса экономисты принялись объяснять, почему случилась такая незадача. Но это тот самый случай, когда, как говорит русская пословица, «задним умом все сильны».

Небезынтересны размышления о нынешнем кризисе одного из ведущих современных экономистов, лауреата Нобелевской премии Пола Кругмана (Paul Krugman), изложенные в его бестселлере этого года, имеющем весьма претенциозное название: «*Остановить эту депрессию сейчас же!*» (оригинальное название книги на английском языке – «*End This Depression Now!*»). Будучи активным противником политики жесткой экономии как средства и пути выхода из кризиса, он напоминает, что идеологи подобного курса забыли основное правило Кейнса, гласящее, что «подъем, а не депрессия является временем для жесткой экономии». Сейчас же, по словам Кругмана, «обычным делом стало прибегать к политике жесткой экономии, разрушающей занятость». Поэтому, продолжает экономист, его «книга является попыткой порвать с этой деструктивной логикой и обоснованием необходимости проведения политики экспансии и создания новых рабочих мест»⁴.

Единственное, на что хотелось бы обратить внимание в этой связи, заключается в том, что оппоненты Кругмана не являются кейнсианцами,

и, видимо, поэтому его рецепты им не слишком близки. «До нынешнего кризиса, – отмечает далее Нобелевский лауреат, – худшим опытом для американской экономики со времен Великой депрессии было «двойное снижение» в период с 1979 по 1982 г. – две последовательные рецессии, которые лучше воспринимать как один кризис с непродолжительным оживлением посередине. В нижней точке этого кризиса в конце 1982 г. реальный ВВП был на 2 процентных пункта ниже предыдущего пика спада. Но экономика сделала сильный рывок и в течение двух последующих лет – в годы «рассвета в Америке» – прирост составлял по 7% годовых, после чего восстановились обычные темпы [экономического] роста. Великая рецессия – кризис, который охватывает период с конца 2007 г. по середину 2009 г., когда произошла стабилизация экономики, – была более выраженной и глубокой. В течение этих 18 месяцев реальный ВВП упал на 5%. Тем не менее, – продолжает американский экономист, – более важным обстоятельством является то, что после этого не последовало мощного скачка вперед, который бы компенсировал спад. После официального окончания рецессии (в США. – Прим. авт.) рост, напротив, был меньшим, чем обычно. Результатом является экономика, которая производит намного меньше, чем должна»⁵.

«В Европе, как и в США, – пишет далее Кругман, – депрессия затронула регионы неравномерно; зоны, в которых до кризиса образовались наибольшие пузыри, сегодня переживают более глубокую рецессию: можно сделать сравнения – Испания [в этом случае] будет европейской Флоридой, а Ирландия – Невадой. Но Законодательное собрание Флориды не имеет оснований для беспокойства по поводу сбора средств на оплату социальных и в области здравоохранения расходов, которые покроет федеральное правительство; Испания же, напротив, остается одна, равно как Греция, Португалия и Ирландия. Поэтому в Европе ослабленная экономика вызвала фискальные кризисы, в рамках которых частные инвесторы не проявляют заинтересованности вкладывать в определенные страны. И ответ на эти фискальные кризисы – отчаянное и дикое желание сократить расходы – подстегнул безработицу на всей европейской периферии до уровня Великой депрессии...»⁶.

Оценки Кругмана, сформулированные несколько месяцев назад, полностью подтверждаются тем, как развивается современный финансово-экономический кризис. Одним из главных экспериментальных объектов является в наши дни Испания, где пузырь в области недвижимости породил невиданный банковский кризис, для борьбы с которым страна была вынуждена обратиться за срочной финансовой помощью («спасением» – согласно используемой в испанских средствах массовой информации терминологии) к Евросоюзу. Общий объем подобной помощи, по оценкам специалистов, может достичь «кругленькой» суммы в 100 млрд евро. Подобный шаг означает согласие испанских властей на ограничение финансовой

автономии Испании и передачу страной части своего экономического суверенитета в обмен на помощь определенным европейским институтам. В частности, испанские банки, куда будут «закачиваться» европейские деньги, окажутся под строгим контролем международной «тройки» в составе Еврокомиссии, Европейского Центробанка и МВФ.

Однако пока механизм «евроспасения» не дал результатов. Более того, консервативное правительство страны, следуя инструкциям из Брюсселя, вынуждено идти на дальнейшие весьма существенные бюджетные урезания. Это вызывает в испанском обществе растущее недовольство. Делаются соответствующие выводы и в национальном экспертном сообществе. Приведу выдержку из статьи в «Эль Паис» заведующего кафедрой экономики предприятия Мадридского автономного университета Эмилио Онтивероса, который, в частности, пишет: «И в самой Испании, и за ее пределами вполне очевидным является следующее: жесткая, сконцентрированная во времени бюджетная экономия, совпадающая с рецессией во всей еврозоне, не способствует быстрому восстановлению экономики. ... Ясно, что жесткая бюджетная экономия не имеет экспансивного характера в то время, когда все остальные меры не смягчают ее непосредственный депрессивный эффект (это уже совсем по Кейнсу. – Прим. авт.). Также мы знаем, какое принципиальное значение для состояния рынков акций и облигаций играют ожидания экономического роста»⁷. Особенно раздражает испанцев откровенное и грубое нарушение правительством консерваторов своих предвыборных обещаний, что, наряду с явно неудовлетворительным менеджментом в период кризиса, повышает уровень недоверия к нему со стороны инвесторов и руководства Евросоюза.

Однако немного отвлечемся от современного кризиса, чтобы затем посмотреть на него несколько в другой проекции. Классический либерализм отрицает любое государственное вмешательство в экономику и в личную жизнь индивида. В своей книге «Правительство в будущем» (оригинальное название на английском языке – «Government in the Future») знаменитый американский философ-теоретик и лингвист Ноам Хомски (Noam Chomsky) акцентирует внимание на труде, по его мнению, «одного из первых и наиболее блестящих» выразителей этого мировоззрения Вильгельма фон Гумбольдта «Мысли о попытке определить границы действий государства». Книга была написана в 1792 г., но увидела свет через без малого шесть десятилетий после этого. В этом сочинении автор утверждает, что государство является глубоко антигуманным институтом, поскольку стремится «отодвинуть в сторону индивидуальные цели человека и превратить его в простой инструмент, который служит осуществлению его [государства] самоуправных задач»⁸.

«По Гумбольдту, – отмечает Хомски, – ... человек рожден исследовать и созидать, и когда он ... решает делать это, следуя позывам своей собственной способности свободно выбирать, он прев-

■ Научные школы МГИМО

ращается, на свой лад, в художника, в то время как в противном случае он становится простым инструментом производства или хорошо обученным попугаем»⁹.

Далее Хомски отмечает, что «Гумбольдт не мог знать о тех формах, которые примет индустриальный капитализм. Поэтому в основополагающем труде о классическом либерализме он делает упор на проблеме ограничения власти Государства, но его открыто не волнуют опасности, которые несет в себе частная власть. ...Он не мог предположить (далее Хомски цитирует Рудольфа Рокера), что «демократия с ее лозунгом *о равенстве всех граждан перед законом* и либерализм с его девизом *о праве человека самому решать свою судьбу*, утонут, столкнувшись с интересами экономической формы капитализма»¹⁰.

Он также не мог предположить, продолжает Хомски о Гумбольдте, что «в условиях грабительской капиталистической экономики вмешательство государства станет абсолютной необходимостью с целью сохранить само существование человека и предотвратить разрушение его физического окружения». В развитие этого тезиса Хомски также цитирует Карла Поланьи, по словам которого рынок, который всегда функционирует в соответствии со своими потребностями, «не мог бы существовать в течение длительного периода времени, не разрушая гуманной и естественной сути общества; он физически уничтожил бы человека и полностью разрушил бы его окружение»¹¹. Подводя итог, Хомски отмечает, что «в своей идеальной форме ...классическое либеральное мышление вступает в противоречие с концепцией индивидуализма, которая неотделима от капиталистической идеологии. По этой причине классическое либеральное мышление стремится устраниć социальное принуждение и заменить его социальными связями...»¹².

У читателя может возникнуть вопрос: почему такое внимание в статье уделяется трудам Кругмана и Хомски? Ответ несложен: потому что, при всех особенностях их взглядов и даже различиях в них, они являются на сегодняшний день едва ли не самыми популярными авторами, труды которых с интересом читают в Европе. Во всяком случае, в Испании их произведения явно доминируют на полках специализированных книжных магазинов. Хотя многие работы, прежде всего Хомски, написаны не сегодня, их значение от этого не становится менее существенным для понимания совокупности проблем, приведших в конечном итоге к нынешнему кризису. Он ни в коей мере не является некой досадной случайностью, вызванной стечением ряда непредвиденных обстоятельств, а представляет собой вполне закономерный итог постепенной деградации неолиберальной модели современного капитализма. Последний рвет «социальные связи», о которых говорит Хомски, и вполне очевидно возвращается к «социальному принуждению», ставшему, как казалось, атрибутом истории в развитых странах, по крайней мере, полвека назад.

Продолжающийся кризис вернул в «старушку Европу» высокий уровень безработицы, социальные конфликты и даже нужду. О том, к чему может привести подобное развитие событий, размышляет Кругман. «Хотя современная ученая мысль связывает взлет Гитлера с гиперинфляцией в Германии в 1923 г., реально к власти его привела германская депрессия начала 1930-х гг., которая была более тяжелой, чем в остальной Европе, вследствие дефляционной политики канцлера Генриха Брюнинга», – полагает Кругман¹³. Далее он задается вопросом: «Может ли нечто подобное произойти сегодня?». По его мнению, «трудно поверить в то, что в XXI в. может случиться что-то столь же трагичное. Но было бы неразумно, – полагает Нобелевский лауреат, – занижать риски, которые продолжительная рецессия представляет для демократических ценностей и институтов. Во всем цивилизованном мире, – продолжает он, – произошел явный рост экстремистских настроений: набирают силу экстремистские выступления против иммигрантов, радикальные националистические движения, а также авторитарные проявления. Одна из западных наций – Венгрия – весьма преуспела на возвратном пути к авторитарному режиму, который напоминает о тех режимах, которые возникли во многих странах Европы в 1930-х гг. (прошлого века – Прим. авт.). И Соединенные Штаты, – считает Кругман, – не обладают иммунитетом от этих перемен. Может быть, кто-то будет отрицать, что Республиканская партия стала намного более экстремистской на протяжении последних лет?»¹⁴. Последнее более выглядит как утверждение, нежели как вопрос.

Успехи крайне правых, националистических партий, достигнутые ими в первой половине 2012 г. на президентских выборах во Франции и парламентских выборах в Греции, говорят в пользу того, что тенденция на усиление позиций правых радикалов в странах Евросоюза не ослабевает, а, напротив, становится более выраженной. Одновременно с этим в течение этого года в ряде европейских государств продолжала нарастать социальная напряженность. Налицо в целом нехарактерные для последних десятилетий открытые протестные выступления широких масс трудящихся, в том числе классического рабочего класса (пример: июльский 400-километровый марш астурийских шахтеров в Мадрид, где они были восторженно встречены десятками тысяч жителей испанской столицы), за свои социально-экономические права.

Нынешний кризис, таким образом, постепенно приобретает хрестоматийные формы: за экономической рецессией последовало углубление социальной напряженности, перерастающее в социально-политические баталии; одновременно с этим происходит поляризация политических сил, нарастает тенденция «вымыывания» политического центра и усиления позиций политических флангов, включая радикалов с обеих сторон – и справа, и слева. Причем пик нестабильности еще далеко не пройден, и, возможно, мы находимся лишь в начальной фазе социальной напряженности.

Что касается межгосударственного аспекта, то в рамках Евросоюза оформился вполне очевидный водораздел между сравнительно благополучным севером во главе с Германией и «проблемным» югом в составе Греции, Испании, Португалии, Италии, Кипра и «примкнувшей к ним» Ирландии. Целый ряд стран оказался между ними, и в любой момент может пополнить каждую из этих групп с большей перспективой оказаться в менее престижном «дивизионе». По мнению целого ряда экспертов, это означает окончательное укоренение «Европы двух скоростей» в Евросоюзе.

Кризис затянулся и рискует перейти в форму хронического заболевания современной экономики с периодическими улучшениями, а затем обострениями ее состояния. Можно ли в этих условиях ограничиться отдельными поверхностными или половинчатыми по своей сути мерами, к которым до сих пор склоняются руководители ключевых государств и международных валютно-финансовых институтов, на долю которых выпало бремя принятия ответственных решений в столь непростых условиях? Думаю, что едва ли. Полумеры остались по ту сторону Рубикона, и для современной экономики они что-то вроде аспирина. Нужна принципиально новая модель организации мировой экономики, основанная – среди прочего, а может быть, и прежде всего – на мониторинге и контроле функционирования, в частности, рынков со стороны представительных международных и общественных институтов. Одновременно с этим, как бы ни сопротивлялись этому неолибералы, роль государства как основной регулирующей силы экономики на национальном уровне будет и в дальнейшем постоянно возрастать. В этой связи симптоматично, что Администрация Обамы в США в условиях кризиса весьма активно использовала рецепты «старика» Кейнса.

Современная экономика уже стала слишком сложной, объемной, многогранной, чтобы ее могли эффективно регулировать только и исключительно рыночные механизмы. К тому же появилось огромное количество дополнительных «вводных», весьма опосредованно относящихся к рынку или существенно исказжающих его сигналы, что значительно понижает жизнеспособность существующей ныне системы.

Но новая модель не может появиться на пустом месте. Ее разработка потребует и времени, и немалых усилий. Однако возможна ли работа в этом направлении в принципе, с учетом того, что доминирование неолиберальных взглядов и в экономике, и в политике в наше время едва ли не тотальное? Ведь дело зачастую доходит до того, что высказать не мейнстриковскую мысль, не рискуя подвергнуться – в худшем случае – острокритизму, а в лучшем – оказаться перед перспективой увидеть на лицах коллег и собеседников пренебрежительную ухмылку, сегодня решится не каждый.

Одновременно с этим в консервативных экспертно-политических кругах в наши дни весьма распространено суждение, что ХХI в. – это не время идеологий, поскольку люди хотят только одного – хорошего управления. Смысл этой сентенции весьма созвучен основному тезису неоклассика Фукуямы о том, что социокультурная эволюция человечества завершилась, а существующая система является окончательной формой человеческого правления.

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что сложившаяся в «развитом мире» политico-экономическая система устраивает определенную часть общества, прежде всего тех, кто обладают неисчислимыми богатствами. К примеру, хорошо известно, что одному проценту зажиточных американцев принадлежит более 37% национального достояния этой страны. Нечто подобное, вероятно, присуще и другим государствам. Но остальные, и прежде всего средний класс – социальная основа и опора современного западного общества, по которому нынешний кризис ударил особенно сильно, готовы ли они согласиться с тем, что сложившаяся система действительно является чуть ли не идеальной и что ничего менять не следует? Ответ на этот вопрос даст ближайшее будущее.

Что же касается новых идей, адекватных быстро меняющемуся миру, которые могли бы быть востребованы в наши дни, то их, по мнению многих экспертов, чрезвычайно мало не только на Западе, но и в других частях мира. Проводимый Китаем курс на «мирное восхождение», как отмечают аналитики, является лишь локальной концепцией, не претендующей на изменение основ современного миропорядка. Ничего реально значимого не предложили и другие «восходящие гиганты» из БРИКС – Индия, Бразилия и ЮАР, хотя, казалось бы, сейчас для них подходящее время заявить о себе во весь голос. Не выходит за рамки сложившегося экономического неоклассицизма и Россия, по-прежнему выстраивающая свою экономическую политику в духе хорошо известных рецептов, широко применявшимся еще в 90-х гг. прошлого века.

Как пишет в уже упоминавшейся «Эль Паис» известный испанский аналитик Х.И. Торребланка, «список влиятельных книг, появившихся в последние годы, известен. Это: «Столкновение цивилизаций» Самюэля Хантингтона (Samuel P. Huntington); «Конец истории и последний человек» Фрэнсиса Фукуямы (Francis Fukuyama); «Мягкая сила» Джозефа Ная (Joseph Nye); «Плоский мир» Томаса Фридмена (Thomas Friedman); ... «Возвращение истории и конец снов» Роберта Кагана (Robert Kagan); «Наступающая анархия» Роберта Каплана (Robert Kaplan)»¹⁵. Добавим к этому списку труды Ноама Хомски и Пола Кругмана, который, кстати, проявил себя в нынешнюю кризисную пору также как прекрасный газетный обозреватель и публицист, и, пожалуй, Фарида Закария (Fareed Zakaria), получившего широкую известность после опубликования книги «Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами».

■ Научные школы МГИМО

К сожалению, среди авторов, оказывающих более или менее значимое воздействие на настроения мирового общественного мнения, уже давно нет российских имен. В далеком, чуть ли не мифическом прошлом остались те благодатные времена, когда Россия находилась в авангарде мировых идеино-политических процессов, когда российских мыслителей знала вся тогдашняя политическая и научная ойкумена. Застой мысли стал одной из главных причин краха Советского Союза, который являлся материальным выражением в XX в. великого государства, формировавшегося более тысячелетия и олицетворявшего собой одно из ведущих направлений развития человеческой цивилизации.

Повторение в той или иной степени подобного сюжета в современных условиях недопустимо, ибо сопряжено с риском окончательного разрушения российской государственности. Все это накладывает дополнительную ответственность на мыслящую часть нашего общества.

Orlov A.A. *Thoughts About the Crisis.*

Summary: The author analyses the causes and possible consequences of the actual financial and economic crisis, expresses the opinion that it can take a form of chronic disease and have significant duration of time. In opinion of the author, it's necessary now to take adequate measures to elaborate principles of new world economic model.

Ключевые слова

Финансово-экономический кризис, Великая депрессия, рецессия, неолиберальная модель, кейнсианство, Евросоюз.

Keywords

Financial and economic crisis, Great Depression, Recession, Neoliberal Model, European Union.

Примечания

1. Используемые в настоящей статье цитаты из иностранных источников приводятся в переводе автора.
2. Производный финансовый инструмент (дериватив) (англ. Derivative) — финансовый инструмент, цены или условия которого базируются на соответствующих параметрах другого финансового инструмента, который будет являться базовым. Обычно целью покупки дериватива является не получение базового актива, а получение дохода от изменения его цены. Отличительная особенность деривативов в том, что их количество не обязательно совпадает с количеством базового инструмента. Эмитенты базового актива обычно не имеют никакого отношения к выпуску деривативов. Например, суммарное количество контрактов CFD на акции организации может в несколько раз превышать количество выпущенных акций, при этом само это акционерное общество (АО) не выпускает и не торгует деривативами на свои акции (www.forexaw.com).
3. Hidalgo, Diego. Crisis, culpables y soluciones.// «El País», 7 de julio de 2011. P. 27.
4. Krugman, Paul. ¡Acabád ya con esta crisis! (издание книги на испанском языке). Barcelona, CRÍTICA S.L., 2012. P. 11.
5. Ibidem. P. 23.
6. Ibidem. P. 28.
7. Ontiveros, Emilio. España intervenida.// elpais.com/elpais/2012/07/11/opinion/1342027919_811269.html
8. Chomsky, Noam. El gobierno en el futuro (издание книги на испанском языке). Barcelona, Editorial Anagrama, 2005. P. 10.
9. Ibidem. P. 13.
10. Ibidem. P. 16.
11. Ibidem. PP. 16-17.
12. Ibidem. PP. 22-23.
13. Krugman Paul. Op. cit., P. 28.
14. Ibidem. P. 29.
15. Torreblanca, Jose Ignacio. Una Europa sin ideas.// «El País», 8 de junio de 2012.P. 4.

Интеллектуальный ресурс российской внешней политики

В.И. Мизин

В статье описывается деятельность ИМИ МГИМО(У) по обеспечению экспертного сопровождения российской внешней политики.

Наш Университет уже давно перестал быть элитарным закрытым ведомственным «питомником» для подготовки кадров дипломатов, торгпредов, собкоров и разведчиков, а превратился в авторитетный научно-образовательный центр мирового уровня по тематике международных отношений. Его выпускники – в руководстве страны и ведущих государств мира, видные отечественные и иностранные дипломаты, члены правлений крупнейших корпораций и банков, известные ученые. О престиже нашего вуза и бренда МГИМО свидетельствуют и многочисленные отечественные и зарубежные рейтинги. Его задачами на будущее являются:

- обеспечение динамичного развития МГИМО(У) как современного, открытого к инновациям образовательно-научного комплекса;
- развитие статуса одного из признанных национальных лидеров в сфере подготовки высококлассных кадров профессионалов-международников, обладающих современными системными знаниями, необходимыми навыками для эффективного участия в решении политических, социально-экономических, гуманитарных и духовных проблем, с высокой степенью адаптации к современным вызовам и требованиям, с четкой ориентацией на национальные интересы;
- продолжение и укрепление тесного, многопрофильного взаимодействия и координации с

Министерством иностранных дел России с целью обеспечения максимально эффективного решения задач, стоящих перед российской дипломатией и внешней политикой;

– активизация целенаправленных усилий по эффективной интеграции науки и образования, стимулированию творческих инноваций во всех сферах образовательной, исследовательской и управляемческой деятельности в Университете.

Одной из центральных научно-координационных и экспертных площадок Университета является **Институт международных исследований** (ИМИ) МГИМО(У) МИД России. Созданный для придания более системного и прогностического характера экспертизо-аналитической и научной работе в нашем вузе в интересах содействия дальнейшему повышению эффективности внешней политики России, он уже стал признанным академическим инструментом интеллектуальной «подпитки» внешней политики и дипломатической работы. ИМИ целенаправленно осуществляет экспертизо-аналитическое сопровождение деятельности ведущих государственных органов нашей страны.

ИМИ опирается на богатые традиции своих предшественников – Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа в области международных отношений и Центра международных исследований, ставших альманахом российской внешнеполитической полито-

Мизин Виктор Игоревич – к.и.н., заместитель директора ИМИ МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научные школы МГИМО

логии. В них работали и продолжают работать такие видные ученые, как А. В. Торкунов, И. Г. Тюлин, А. И. Подберезкин, М. А. Хрусталев, А. А. Злобин, В. Б. Тихомиров, С. А. Караганов, А. И. Загорский и др.

Мы намерены стремиться к тому, чтобы ИМИ, действуя в тесной координации с другими подразделениями Университета, обеспечивал охват всех ключевых проблем и направлений мировой политики и экономики, способствуя тем самым закреплению за МГИМО(У) статуса и позиций ведущего национального центра аналитики для выработки адекватных внешнеполитических и внешнеэкономических решений. Это предполагает и расширение числа «заказчиков» и перечня тем научных исследований. Это также предполагает оперативное реагирование на происходящие в международных отношениях процессы, выявление, анализ и осмысление перспектив их возможного развития, составление соответствующих прогнозов, учитывая интересы Российской Федерации – прежде всего военно-политические и экономические.

Прошедший 2011 г. был исключительно «щедр» на различные события на международной арене, которые невозможно было спрогнозировать заранее, но потребовавшие глубокого анализа и немедленной реакции. Речь прежде всего идет о таких проблемах и вызовах, как:

- усиливающийся мировой финансово-экономический кризис, сильно ударивший по социально-экономической ситуации в Европе;

- процессы общественных сдвигов в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, получившие название «арабская весна» и приведшие к возникновению кризисных ситуаций в таких государствах, как Ливия, Бахрейн, Йемен, Египет, Сирия и др.;

- значительное обострение ситуации в самом Афганистане и вокруг него, связанное с предстоящим выводом оттуда войск международной коалиции и заметной активизацией деятельности экстремистских сил с перспективой перелива нестабильности и на страны Центральной Азии;

- осложнение ситуации в диалоге Запад–Россия, связанное с реализацией США и их союзниками по НАТО программы ЕвроПРО в ущерб интересам обеспечения безопасности России и ряда других государств.

Это потребовало оперативного внесения изменений в тематику проводившихся по заданию МИД России сотрудниками ИМИ исследований в целях наиболее полного учета потребностей и интересов министерства. Кстати, общее количество представленных в МИД России аналитических материалов ИМИ в 2011 г. превысило плановое задание. Помимо плановой работы, в этот период было осуществлено большое количество научных проектов по собственной инициативе, продолжалась регулярная публикация «Аналитических докладов» и «Аналитических записок» ИМИ. В будущем представляется логичным объединить их в солидный, регулярно издаваемый ежеквартально орган Института. Был проведен целый ряд ситуационных анализов и научных конференций

по наиболее острым из этих проблем и российским приоритетам в их решении.

Успешно завершенный в ИМИ по инициативе А. В. Торкунова проект по оценкам реализации Климатической доктрины РФ и проблемам устойчивого развития стал не просто умозрительным, чисто теоретическим исследованием. Специалисты из Администрации Президента России проявили заинтересованность в конкретных предложениях о путях дальнейшего развития и реализации этой доктрины. Доклад был использован в подготовке российской позиции к Конференции ООН по устойчивому развитию («Рио+20», июнь 2012 г., Бразилия). Очевидно, что это важнейшая проблематика для нашей страны, в том числе и в свете задач ее прорывного инновационного развития и комплексной модернизации, поставленных российским руководством.

Необходимо сказать несколько слов и о таком важном проекте, как выполнение научно-исследовательских работ по теме «Перспективы трансформации сфер компетенции и влияния многосторонних объединений («Группы восьми», «Группы двадцати», АТЭС, БРИК, ШОС). Меры по обеспечению российских интересов и укреплению влияния в этих организациях». Речь идет о возможно неформальных, но очень важных объединениях, с которыми связаны и перспективы поступательного укрепления международных позиций и престижа нашего государства. Неслучайно, что сегодня – это один из фокусов российской внешней политики, ключевая тема продвижения наших внешнеэкономических приоритетов.

Важной задачей развития ИМИ является расширение практики сотрудничества с вузами и научными центрами, независимыми общественно-политическими организациями России и других стран, интеграция в международное образовательное пространство, реализация различных международных проектов, публикация совместных монографий, проведение научных конференций и иных форумов. Здесь перспективными представляются проведение видеоконференций и ситуационных анализов/мозговых штурмов на базе возможностей Ситуационного центра Аналитического центра ИМИ, чтение нашими сотрудниками лекций в режиме онлайн, в том числе для российской и зарубежной аудитории. Институт стремится продолжать практику успешного участия в российских и международных конкурсах, намерен быть активным участником различных целевых программ, инициатором резонансных научно-педагогических проектов. Расширение международных контактов, реализация совместных научно-исследовательских проектов и проведение конференций с иностранными партнерами – также крайне важное направление деятельности ИМИ.

Институт сегодня – развитая комплексная структура, состоящая из 11 научно-исследовательских центров и двух секторов. Согласно Положению об ИМИ МГИМО (п.5.7): «Исследовательские Центры в составе ИМИ возглавляют Директоры. Директор Центра непосредственно руководит на-

учно-исследовательской и эксперто-аналитической деятельностью соответствующего Центра». Соответственно директор Центра несет персональную ответственность за качество аналитических документов, которые готовятся его научными сотрудниками. После их одобрения директором ИМИ они направляются проректору по научной работе МГИМО(У) и в отдельных случаях – ректору Университета, которые их рассматривают и утверждают.

Аналитические материалы ИМИ обычно направляются в МИД России. Направляются эти материалы и в другие российские органы государственного управления, крупные корпорации, ведущие научные центры. Эта аналитика носит и практический характер, каждая записка содержит как общую часть, так и конкретные рекомендации для органов власти. Многие из них были отмечены специальными письмами МИД РФ, комитетов Совета Федерации и Государственной Думы ФС и Администрации Президента России, в которых указывалось на полезность и практическую значимость рекомендаций Института.

Аналитический центр МГИМО (директор – перспективный молодой ученый, д.полит.н. А.А. Казанцев), созданный в 2009 г., специализировался на двух основных видах деятельности. Первый из них включал в себя оперативный мониторинг ситуации на Украине, в Афганистане и Ираке, а также информирование органов государственной власти о ситуации на этих территориях. В рамках мониторингов рассматривались различные аспекты внутренней и внешней политики этих стран, а также международная ситуация вокруг них.

Осуществлялся также сбор баз данных по проблемам международной безопасности и вопросам развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Мониторинговая работа соединялась с аналитической в плане моделирования политических и международных процессов, а также разработки и построения сценариев международного развития. Сотрудники Центра, в частности, активно участвовали в реализации таких фундаментальных проектов, как «Политический атлас современности», «Будущее России в условиях влияния международной среды», «Потенциал и эффективность внешней политики России».

Второе направление работы заключалось в проведении научно-экспертных мероприятий с использованием технических возможностей Ситуационного центра этого Центра (в частности, в сфере организации международных и межрегиональных семинаров). При этом рассматривалась ситуация в кризисных зонах (Афганистан, Пакистан), анализировались наиболее сложные глобальные проблемы (ситуация с водными ресурсами).

В будущем Аналитический центр ИМИ МГИМО намерен следовать в русле заложенных ранее позитивных традиций:

– во-первых, усиливается внимание к международным военно-стратегическим проблемам (особенно в сфере новых и нетрадиционных угроз

безопасности: терроризм, оргпреступность, нелегальная миграция и т.п.);

– во-вторых, наряду с работой по моделированию и сценарному анализу усиливается акцент на исследования различного рода политических и экономических рисков, в том числе по заказам государственных и коммерческих структур;

– в-третьих, возрастет внимание к ситуации в Афганистане и Центральной Азии как приобретающей все большее значение для обеспечения безопасности России, в то время как прекратится отслеживание ситуации в Ираке;

– в-четвертых, от оперативного информирования (краткие мониторинги) Центр перейдет к более аналитическим формам работы (написание записок и докладов), так как именно эти формы работы позволяют формулировать конкретные рекомендации для государственных структур;

– в-пятых, Центр более полно задействует аналитические возможности программного обеспечения комнаты ситуационного анализа.

В конце XX в. мировое политическое и экономическое развитие стало осмысляться в терминах глобализации. Уже к началу XXI в. стало ясно, что глобализация не только решает старые, сколько создает новые проблемы: нехватку энергии и питьевой воды, неравномерность технологического и культурного развития регионов мира, углубление разрывов в развитости групп государств и регионов и т.д. Вызовы, связанные с международным терроризмом, трудности демократического развития – все эти проблемы оказались глобальными. В 2008 г. к указанным проблемам присоединился мировой финансово-экономический кризис, для разрешения которого возникла необходимость создания элементов глобального управления мировой экономикой.

Для анализа этих вызовов в МГИМО в 2004 г. был создан **Центр глобальных проблем** (директор – видный российский политолог, д.и.н., профессор кафедры сравнительной политологии В.М. Сергеев). На протяжении 2004–2012 гг. Центром был выполнен ряд масштабных исследований, которые включали изучение возможностей реформы Совета безопасности, исследования стратегии России в рамках форматов G8 и G20, путей разрешения мирового экономического кризиса, анализа внутренних дебатов в странах БРИК о будущем этого объединения, изучения взгляда американской администрации на глобальные проблемы.

В настоящее время в Центре продолжается изучение мирового экономического кризиса, ведутся исследования глобальных причин и последствий так называемой «арабской весны», политических и экономических перспектив БРИКС. Проблематика этого объединения набирает актуальность, становясь важным направлением внешней политики России. В МГИМО ведется большая исследовательская работа по данной теме. Параллельно со становлением БРИКС у нас в стране идет формирование соответствующих аналитических, исследовательских центров. Важное звено в этом процессе – создание про-

■ Научные школы МГИМО

фильного Центра в Институте международных исследований МГИМО.

Основная задача Центра БРИКС (директор – д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Л.С. Окунева) – интеллектуальное сопровождение данного направления российской внешней политики и дипломатии. Многосторонний анализ БРИКС в рамках широкого сотрудничества в исследовательской сфере, проведение совместных конференций, круглых столов, симпозиумов, издание трудов – таковы перспективы работы Центра. С учетом того что МГИМО является признанным научно-образовательным учреждением мирового уровня, есть все основания полагать: данный Центр станет одним из основных в экспертном изучении всех аспектов развития БРИКС в российском и международном научном сообществе. Можно смело сказать, что уже проделанная этим Центром работа выдвигает нас на первый план в стране в исследовании этой важнейшей для России проблематики.

В ноябре 2011 г. вновь созданный Центр провел большую научную конференцию с привлечением ученых ведущих институтов системы РАН, МГИМО, других исследовательских центров, а также представителей МИД России, государственных органов и общественных структур. В начале ноября с.г. мы планируем провести крупную научную конференцию по проблемам стран БРИКС на тему «Страны БРИКС как восходящие страны-гиганты: новая роль в системе международных отношений, глобальная проекция внешнеполитических стратегий, сравнительный анализ национальных моделей модернизации. Опыт для России».

Центр партнерства цивилизаций (директор – д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол В.В. Попов) образован в 2007 г. с целью содействия развитию диалога между различными культурами и цивилизациями. Центр осуществляет подготовку концептуальных материалов, разрабатывает новые идеи и принципы межкультурных и межрелигиозных отношений. Сотрудники Центра принимают активное участие в международных конференциях и симпозиумах, дают интервью СМИ, в том числе иностранным, публикуют статьи в научных изданиях и прессе. Центром подготовлено семь книг, в том числе в 2010 г. сборник статей «Возможен ли мир на Ближнем Востоке», в 2011 г. – «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы».

В ближайшее время сотрудники Центра планируют опубликовать сборник «Россия и Ближний Восток», провести заседание группы стратегического видения «Россия – исламский мир», организовать круглый стол, посвященный первым итогам работы в этом направлении.

Центр ближневосточных исследований (ЦБИ) учрежден в МГИМО(У) МИД России в мае 2004 г. Научный руководитель Центра – проректор по кадровой политике МГИМО(У), д.ю.н., профессор В.П.Воробьев. Руководитель центра – доктор экономических наук, профессор А.В. Федорченко. Основные направления работы Центра:

Научная деятельность. Подготовка аналитических материалов и монографических исследований по проблемам Ближнего Востока; создание электронных баз данных по ближневосточным конфликтам, внутриполитическому и экономическому положению в отдельных странах региона.

Разработка методики преподавания специальных курсов по проблематике внутренней и внешней политики, экономики стран Ближнего Востока, а также арабского языка; подготовка методических материалов и учебников нового поколения; координация обмена опытом и информацией между преподавателями и практическими работниками; содействие научно-исследовательской деятельности студентов.

Развитие международного сотрудничества. Установление и развитие контактов с зарубежными научными и учебными центрами; составление и поддержание базы данных о российских и иностранных организациях, занимающихся ближневосточными исследованиями.

Формы работы: написание аналитических записок и докладов; подготовка монографий и учебников; проведение научных конференций, круглых столов, телемостов; организация постоянно действующего Форума ЦБВИ, на котором выступают ведущие российские и зарубежные государственные деятели, дипломаты, ученые, бизнесмены, общественные деятели.

Центр постсоветских исследований (директор С.И. Чернявский, д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посланник) создан решением Ректората в январе 2001 г. по инициативе кафедры международных отношений и внешней политики России. С мая 2004 г. входит в состав Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России – непосредственного предшественника ИМИ. Основным направлением работы Центра в 2012 г. остается подготовка аналитических материалов по заказу МИД России в соответствии с согласованными сроками из расчета 1–2 документа ежеквартально каждым сотрудником. При этом имеется в виду выйти в 4-м квартале на составление инициативных записок программного характера по следующим направлениям:

- перспективы политического взаимодействия в рамках СНГ;
- предложения по ускорению реализации евразийской экономической интеграции;
- разработка возможных мер купирования негативных последствий в условиях вывода на товских войск из Афганистана;
- предложения по ликвидации конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве.

Кроме того, планируется подготовить аналитический материал с конкретными предложениями по работе с элитами постсоветских государств. В частности, будем готовить предложения о создании в рамках МГИМО(У) МИД РФ специального учебного подразделения – Института государственной службы и международных связей стран СНГ в целях подготовки специалистов высшего звена, имеющих перспективу быть включеными

ми в управленческую элиту всех постсоветских государств.

Весьма перспективной представляется и идея о создании Центра магистерской подготовки (годичное обучение) на базе стартового магистерского образования в странах СНГ. Как Институт, так и Центр могли бы стать прообразом аналитического центра Евразийского союза, кузницей кадров, «рассадником» уникальной методологии, которая будет доказывать неразрывную связь всех частей постсоветского пространства как объективную данность.

Центр исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества (ЦИВА) (директор – д.и.н. А.В. Лукин, проректор Дипакадемии МИД РФ). Основная деятельность Центра – изучение политических, экономических, интеграционных и других процессов в Восточной Азии (включая территорию российского Дальнего Востока), а также в зоне деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). За период своей работы ЦИВА зарекомендовал себя как один из ведущих российских научных центров по изучению данных регионов. Ежегодно Центр готовит к публикации монографии, статьи и аналитические материалы по исследуемой проблематике. Им ежегодно проводится несколько крупных научных мероприятий, в том числе совместные с зарубежными партнерами:

- Китайским институтом международных проблем МИД КНР (КИМП);
- Институтом международных отношений Пекинского университета;
- Индийским советом по международным делам (МИД Индии);
- Университетом Чжэнчжи (Тайвань) и др.

С 2005 г. ежегодно осенью ЦИВА совместно с Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами проводит в МГИМО(У) российско-японскую конференцию, в которой принимают участие ведущие российские и японские ученые и журналисты-международники. В 2006 г. ЦИВА выступил одним из учредителей Форума ШОС: «второго трека» этой организации, и с этого момента активно участвует в организации и проведении ежегодных заседаний Форума поочередно в каждом из государств-членов. С 2010 г. Центр совместно с Институтом политологии АОН КНР и Центром стратегических и международных исследований США проводит ежегодную трехстороннюю российско-китайско-американскую конференцию по международным проблемам. В 2012 г. Центром планируется: проведение в Москве Третьей российско-китайско-американской конференции, Девятой российско-японской конференции ученых и журналистов, организация и участие в ежегодной конференции МГИМО-КИМП в КНР, а также подготовка к печати целого ряда аналитических материалов и научных статей.

Центр исследований Кавказа и региональной безопасности (ЦИКРБ) (директор Центра – профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, д.и.н.

В.В. Дегоев). Основные направления деятельности Центра:

- международные отношения и вопросы безопасности в приоритетном для России Кавказском регионе;
- становление государственных институтов и тенденции политического развития государств Южного Кавказа;
- анализ социально-экономической и политической ситуаций в республиках Северного Кавказа;
- исследование исторических и этнодемографических особенностей региона.

Перспективной целью ЦПКРБ является создание широкого форума для ведения конструктивной дискуссии по актуальным проблемам Кавказа с участием российских и зарубежных экспертов и политических деятелей. Центр реализует особый издательский проект «Кавказский сборник» – ежеквартальное издание, включающее в себя статьи, эссе, очерки, воспоминания и архивные документы по вопросам этнологии, истории, демографии и современной политики на Кавказе, представляющие интерес не только для политиков, ученых и экспертов-политологов, но и для широкого круга читателей.

Центр Евро-Атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД РФ (директор – известный ученый-международник, д.полит.н., профессор кафедры политической теории Университета А.И. Никитин, он же заместитель председателя российского Пагушского комитета; член Совета и Исполнительного комитета Пагушского движения ученых, первый вице-президент Российской ассоциации политической науки, член Президиума Академии политической науки и действительный член Российской академии военных наук) концентрирует свои исследования на проблемах:

- международной безопасности;
- ограничения и сокращения вооружений;
- взаимодействия международных организаций в урегулировании конфликтов;
- политики России на европейском и американском направлениях.

Особое внимание Центр уделяет вопросам отношений Россия–НАТО, Россия–Евросоюз, проводит изучение энергетической политики Евросоюза в отношении России и стран СНГ. Подготовлен ряд работ, рассматривающих современную политику отдельных стран НАТО, в частности США, Великобритании, а также Турции. Изучаются проблемы международно-правового регулирования частных военных и охранных компаний, причем эта работа ведется во взаимодействии со структурами ООН.

Центром подготовлен ряд работ по комплексной оценке проблем международной безопасности и политики в регионе Центральной Азии, а также в связи с ситуациями вокруг Афганистана, Ирака, Ирана. Центр тесно взаимодействует с Начально-экспертным Советом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), для которого разрабатывает аналитические материалы и рекомендации. Ведется изучение проблем заключения и

■ Научные школы МГИМО

выполнения российско-американских соглашений в области контроля над ядерными вооружениями. Анализируется взаимодействие региональных межгосударственных организаций (ОБСЕ, НАТО, ОДКБ, ШОС и др.) в сфере международной безопасности и урегулирования конфликтов, совместного и/или конкурентного реагирования на кризисы.

Основной задачей Центра североевропейских и балтийских исследований (директор – заведующий кафедрой североевропейских и балтийских исследований МГИМО А.Н. Чеканский) является развитие и углубление аналитической работы в области экономики, политики, истории, культуры, международных отношений и языков стран Северной Европы и Балтии. Это один из наиболее перспективных регионов развития не только в Европе, но и в мире. Как и другие научно-исследовательские центры, входящие в состав ИМИ, ЦСЕБИ не только оказывает аналитическое обеспечение внешнеполитического планирования Российской Федерации, но и занимается реализацией самостоятельных проектов как в рамках МГИМО(У) МИД России, так и во взаимодействии с российскими и зарубежными партнерами.

В частности, ЦСЕБИ совместно с Норвежским институтом оборонных исследований и Институтом всеобщей истории РАН с 2008 г. участвует в реализации проекта «Геополитика на Крайнем Севере». Кроме того, ведущий научный сотрудник ЦСЕБИ, профессор кафедры европейской интеграции МГИМО, д.и.н. Л.С. Воронков является сопредседателем Международного поморского форума, действующего в рамках международного проекта «Поморская зона». В 2011 г. совместно с Университетом Тромсе (Норвегия) был проведен международный симпозиум «Будущее трансграничного сотрудничества на Крайнем Севере». В октябре 2012 г. планируется организовать международный симпозиум на тему «Международное сотрудничество на Крайнем Севере».

Кроме того, в целях реализации задачи привлечения молодежи к изучению проблем североевропейских и прибалтийских государств ЦСЕБИ намечает проведение осенью 2012 г. конференции среди студентов, магистрантов и аспирантов «Страны Балтии в условиях нового избирательного цикла: перспективы внутренней и внешней политики». Сотрудники Центра прочитают ряд лекционных курсов по актуальной регионоведческой проблематике в рамках образовательных циклов бакалавриата и магистратуры МГИМО(У) в 2012/13 учебном году.

Центр региональных политических исследований (директор – лауреат Государственной премии России, ведущий регионовед страны профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО д.полит.н. И.М. Бусыгина) осуществляет научную

и научно-практическую деятельность в области региональных политических и международных исследований, организует семинары и круглые столы по проблемам политической регионалистики, федерализма, geopolитики, политической географии. Региональный анализ требует комплексных, междисциплинарных подходов, поэтому Центр привлекает к сотрудничеству специалистов в области политической науки, международных отношений, европеистики (кафедры сравнительной политологии, политической теории, европейской интеграции МГИМО). Спецификой деятельности Центра, делающей его уникальной структурой, являются широкое применение компаративного подхода в исследованиях, а также связь исследований с проблематикой международных отношений.

Центр реализует научные и научно-практические проекты по следующим направлениям:

- сравнительный федерализм и регионализм;
- стратегии региональной политики;
- межрегиональное и трансграничное сотрудничество;
- внешнеэкономическая деятельность субъектов федерации;
- деятельность организаций межрегионального сотрудничества;
- geopolитика постсоветского пространства.

Основными партнерами Центра являются: Московская школа политических исследований, Институт региональной политики (г. Москва), Казанский институт федерализма, Институт региональных проблем на Северном Кавказе (г. Пятигорск), факультет политологии Университета штата Нью-Йорк (Бинхэмтон, США), факультет политологии Университета Стирлинга (Шотландия), Фонд Ханса Зайделя (Германия).

Из приведенного выше видно, что ИМИ стремится оставаться на переднем крае исследований мировых политических процессов, мировой экономики и геостратегии. Речь идет, по сути, о подготовке своего рода экспертных «подсказок», наборов конкретных предложений по стратегическим направлениям, которые, хотелось бы надеяться, помогут сделать нашу дипломатию и внешнюю политику еще более в хорошем смысле слова наступательными, оперативными, опирающимися на передовые достижения научного анализа.

Убеждены, что на этом пути нас ждут новые свершения и научные открытия.

Mizin V.I. Powerful Intellectual Resources of the Russian Foreign Policy (A Reliable Resource of the Foreign Policy Review).

Summary: The article describes the activities of the Institute of International Studies of MGIMO-University which are devoted to the research and academic support of the foreign policy of the Russian Federation.

Ключевые слова

Институт международных исследований (ИМИ),
МГИМО(У), Центры ИМИ, экспертно-аналитическая и
научная работа.

Keywords

Institute for International Studies (the IIS), MGIMO(U),
Research Centers of the IIS, expert analytical and applied
research.

Школа постсоветских исследований МГИМО(У)

С.И. Чернявский

Статья посвящена истории создания и текущей работе одного из научно-аналитических подразделений Института международных исследований МГИМО(У) – Центру постсоветских исследований.

На протяжении всей истории МГИМО профессорско-преподавательский состав института наряду с подготовкой кадров для министерств и ведомств, занимающихся внешнеполитическими проблемами, активно привлекается к аналитической работе. Готовятся справки и отчеты, даются краткосрочные и среднесрочные прогнозные оценки, а также соответствующие предложения по узловым проблемам мировой политики. Большое достоинство этих документов в том, что они лишены научообразности и имеют практическое, прикладное значение. Во многом это объясняется тесными рабочими контактами профессуры МГИМО с руководством заинтересованных ведомств.

В конце 1970-х гг. в МГИМО стали проводиться исследования по совершенствованию методов изучения и управления внешнеполитическими процессами, снижению уровня неопределенности принимаемых решений, в частности, за счет предварительной оценки их последствий на стадии подготовки данных для принятия решений. Необходимость этого была вызвана стремлением руководства МИД создать при подготовке данных для принятия решений такие условия, в которых можно более четко увидеть место отдельных задач в контексте главных проблем, исключить однобокое рассмотрение вопросов, своевременно учесть побочные последствия предпринимаемых действий, правильно распределить имеющиеся ресурсы.

С учетом заинтересованности министерств и ведомств в результатах подобных исследований руководство МГИМО поставило в 1976 г. вопрос о необходимости создания специального аналитического подразделения – Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа в области международных отношений. Предусматривалось, что основными направлениями деятельности лаборатории станут:

– разработка методологии использования системного анализа и количественных методов при подготовке данных для принятия решений в области международных отношений;

– исследование внутриполитической обстановки в некоторых капиталистических странах;

– анализ международных конфликтных ситуаций;

– оценка политического фона для развития научно-технического и экономического сотрудничества с зарубежными странами;

– изучение опыта использования современных методов исследования международных отношений и применения вычислительной техники при подготовке кадров международников за рубежом.

Инициативу МГИМО поддержали на самом высоком уровне. Лабораторию возглавил профессор В.В. Тихомиров, которого вскоре сменил И.Г. Тюлин. В канун раз渲ла Советского Союза, когда в рамках концепции «перестройки» политическое руководство страны поручило экспертному сообществу разработать некую модель будущего государства, профессорско-преподавательский состав МГИМО активно включился в эту работу. Речь шла о выработке основ принципиально нового союзного государства, в котором права и обязанности субъектов получили бы иную, «более мягкую» форму. Экспертам предложили перейти от четких юридических формулировок к абстрактным понятиям «общечеловеческих ценностей» во имя «расширения демократии».

Попытки экспертного сообщества, и в их числе ученых Проблемной лаборатории МГИМО, доказать бесперспективность и опасность для существования государства подобных идей не были восприняты руководством страны. Советский Союз распался, и «независимая» Россия оказалась в окружении новых государств, элиты которых незамедлительно вступили в борьбу за приватизацию национальных бо-

Чернявский Станислав Иванович – д.и.н., директор Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научные школы МГИМО

гатств, оказавшихся в юрисдикции их государственных формирований. Многие проблемы (в том числе разоружение и ограничение ядерных вооружений, экология и др.), десятилетиями рассматривавшиеся на международных форумах, неожиданно стали «межреспубликанскими», превратились в «яблоко раздора» между Россией и бывшими союзными республиками.

Потребовались конкретные предложения по практическим шагам российского правительства в области предотвращения расплазания ядерного оружия и пресечения контрабанды ядерными материалами, раздела вооруженных сил и обычных вооружений (большая часть их складировалась на западных и южных рубежах страны), разработки мер по обеспечению охраны новых границ и предотвращению межнациональных конфликтов. Правительственные и парламентские структуры, министерства и ведомства ощутили практическую необходимость в получении достоверной и упреждающей информации о нарастающих дезинтеграционных процессах на пространстве СНГ, а также в конкретных предложениях по совершенствованию работы на данном направлении.

Накопленный в рамках Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа в области международных отношений опыт в принципе позволял подключиться к подобным исследованиям. Вместе с тем стало очевидно, что МГИМО необходим специальный аналитический центр по постсоветским проблемам. Основные дискуссии при создании Центра развернулись вокруг того, на каких конкретных направлениях сосредоточиться, с тем чтобы с минимальными затратами добиться максимальных результатов, а также кому возглавить это новое, необычное направление исследований. Желающих взять на себя ответственность за создание, а главное – за эффективную реализацию многочисленных идей было немного. Наиболее «смелыми» оказались заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России профессор М.М. Наринский и доцент той же кафедры, советник ректора МГИМО, начальник его Секретариата А.В. Малыгин.

По их инициативе был создан Центр постсоветских исследований (ЦПСИ ИМИ), работа которого сразу же оказалась востребованной как внутри Университета, так и в высших государственных эшелонах, включая Администрацию Президента, Верховный Совет, МИД и другие ведомства. Первым руководителем ЦПСИ стал его основатель – Михаил Матвеевич Наринский. В 2006–2008 гг. эти функции выполняла профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО, к.полит.н. Ксения Петровна Боришполец. С 2008 г. директором Центра является д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посланник Станислав Иванович Чернявский. Перед ЦПСИ поставлена задача комплексного междисциплинарного изучения проблем и тенденций развития на пространстве бывшего СССР. В рамках ее реализации предусматривается придать экспертно-аналитической и научной работе системный и прогностический характер, обеспечить подготовку практических

предложений, направленных на повышение эффективности внешней политики России.

Действуя в тесной координации с другими подразделениями Университета, ЦПСИ призван обеспечить охват всех ключевых проблем и направлений мировой политики и экономики, касающихся постсоветского пространства, способствуя тем самым закреплению за МГИМО(У) статуса и позиций ведущего национального центра экспертно-аналитического сопровождения выработки внешнеполитических и внешнеэкономических решений. За годы работы Центр установил и поддерживает на регулярной основе плодотворные контакты со многими российскими и зарубежными исследовательскими учреждениями. Совместные научные мероприятия и обмен экспертами проводятся с:

- комитетами по делам СНГ Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания России;
- Российским институтом стратегических исследований;
- Академией экономической безопасности МВД России;
- Институтом востоковедения РАН;
- Институтом Европы РАН;
- Институтом экономики РАН;
- Центром международных отношений и мировой политики РАН;
- Фондом «Институт современного развития»;
- Московским городским университетом управления Правительства Москвы;
- Общественным советом при ФСБ России;
- РИА «Новости»;
- Центром стратегических исследований при Президенте Азербайджана (Баку);
- Центром международных исследований Белорусского государственного университета;
- Институтом международных отношений Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко;
- Государственным институтом международных отношений Республики Молдова;
- Тираспольским Государственным университетом им. Т.Г. Шевченко;
- Казахстанским национальным университетом им. Аль-Фараби (Алма-аты);
- Институтом политических и международных исследований Исламской Республики Иран (Тегеран);
- Французским институтом международных отношений (IFRI);
- Флорентийским университетом;
- кафедрой «Россия – ЕС» Католического университета Бельгии и др.

Центр активно участвует в программе сотрудничества МГИМО – БП, осуществляя исследовательскую деятельность по теме «Энергетическое измерение постсоветского пространства». По линии Инновационной образовательной программы реализованы проекты: «Россия в полиглентричном мире», «Диалектика мирового политического развития и конкурентоспособность России», «Оценка реализации Климатической доктрины Российской

Федерации и принципов устойчивого развития. Основные вызовы, угрозы и возможности», «Проблемы пресной воды. Глобальный контекст политики России», «Оценка перспектив и экономического эффекта от интеграционного сотрудничества в рамках Таможенного союза (ТС) ЕврАзЭС и единого экономического пространства (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана, в том числе с учетом зарубежного опыта в этой сфере и возможного присоединения новых государств-участников к ТС и ЕЭП», «ОДКБ: ответственная безопасность».

В штатном расписании ЦПСИ 5 сотрудников – к.полит.н., н.с. Ирина Вячеславовна Болгова, профессор кафедры мировых полит. процессов, к.полит.н., вед.н.с. Ксения Петровна Борищполец, к.полит.н., н.с. Юлия Александровна Никитина, к.истор.н., доцент, в.н.с. Александр Леонидович Чечевишиков, директор ЦПСИ – д.истор.н., Чрезвычайный и Полномочный Посланник Станислав Иванович Чернявский.

На плановой основе проводятся научные конференции и круглые столы по наиболее острым вопросам постсоветского пространства: по ситуации на Кавказе и в Центральной Азии, прогнозированию событий в Белоруссии, Молдавии и на Украине, влиянию реализации программы Евросоюза «Восточное партнерство» на позиции России в СНГ, будущему Таможенного союза. Регулярно и на достойном уровне ЦПСИ готовит аналитическую продукцию для министерств и ведомств, учебные материалы для изданий МГИМО, обзоры и комментарии для российских СМИ.

ЦПСИ в соответствии с ежегодным планом-заказом МИД России готовит аналитические материалы по наиболее актуальным проблемам. В контексте этого сотрудничества можно выделить следующие материалы:

– «Молдавские рокировки», «Роль и место СНГ в системе современных международных отношений», «Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами», «Религиозный фактор в системе современных международных отношений», «Основные тенденции развития политической системы Белоруссии после президентских выборов 2010г.» (К.П. Борищполец).

– «Восточная политика Европейского союза: противоречия развития», «Проблема обеспечения безопасности на внешней периферии Европейского союза», «Normative vs pragmatic interest: EU policies in Central Asia», «Интеграционные инициативы на постсоветском пространстве. Возможности и сферы взаимной адаптации политики ЕС и России» (И.В. Болгова).

– «Исторические и политico-правовые предпосылки самоопределения и становления государственной независимости Абхазии и Южной Осетии», «Влияние националистических настроений на общественно-политическую ситуацию в Украине», «Положение финно-угорских народов России», «Гуманистичное сотрудничество в СНГ» (А.Л. Чечевишиков).

Немало материалов опубликовано в форме монографий, учебных пособий и научных статей. Среди них работы:

Болговой И.В. – «Восточная политика Европей-

ского союза: противоречия развития»; коллективная монография «Россия в полицентричном мире» под редакцией А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой.

Борищполец К.П. – «Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики».

Никитиной Ю.А. – «Доклад ИНСОРа «ОДКБ: ответственная безопасность», получивший в декабре 2011 г. первую премию Российской ассоциации политической науки в конкурсе научных работ в категории «Междисциплинарные исследования». Ю.А. Никитина стала победителем в рамках конкурса Ректорских грантов МГИМО-2011 (конкурс «Гранты на исследования для молодых ученых в рамках приоритетных научных направлений МГИМО») с заявкой на написание монографии «Региональное сотрудничество в сфере безопасности на постсоветском пространстве»;

Чернявского С.И. – «Российские приоритеты в Центральной Азии», «Россия-Молдова: перспективы сотрудничества», «К председательству Казахстана в ОБСЕ», «Возможные пути урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта в пост-Майдандрфский период», «О субъективности в постсоветской трактовке истории Средней Азии», «Кровавые уроки очередной революции в Киргизии», «Россия и Азербайджан: особенности и основные направления межгосударственного сотрудничества в постсоветский период».

Чечевишикова А.Л. – «По итогам учредительного заседания российско-латвийской комиссии историков», «Янтарное соседство: взаимные представления народов на фоне эпохи и событий».

Поскольку почти все сотрудники ЦПСИ одновременно ведут преподавательскую работу, то их вклад в подготовку студентов, магистрантов, аспирантов также значителен. В частности:

– профессор К.П. Борищполец руководит работой 4 аспирантов и 2 соискателей;

– И.В. Болгова в рамках работы на кафедре прикладного анализа международных проблем руководит написанием магистерских диссертаций по проблематике постсоветского пространства, ведет авторский курс «Энергетическая дипломатия России с соседними государствами», участвует в чтении лекций и проведении семинаров по курсу «Россия в глобальной политике»;

– Ю.А. Никитина в первом семестре 2011/12 учебного года прочла авторский курс по тематике СНГ в англоязычной магистратуре «Политика и экономика в Евразии».

Коллектив Центра вносит весомый вклад в общегенеральную работу по участию в круглых столах, конференциях, совещаниях по линии МИД России и других государственных учреждений, не-правительственных организаций и научных институтов. Количество указанных мероприятий весьма значительно – в 2011 г. их было более 60 (в 2010 г. – 45).

Следует отметить, что за годы работы в Центре сложилась собственная научная школа в исследовании военно-политической, экономической и гуманитарной сфер взаимодействия государств СНГ. В военно-политической области нами разработаны предложения по таким вопросам, как подход к созданию совместного механизма урегулирования конфликтов, призванного решить в миротворческой

■ Научные школы МГИМО

сфере такие взаимосвязанные задачи, как формирование системы конфликтогенного мониторинга и превентивных действий, обращение к проблеме ликвидации корней конфликта (социальных, экономических, политических и др.) для предотвращения его возобновления.

В области экономического сотрудничества нами предложена конкретная программа мер по ускорению реализации достигнутых договоренностей по созданию Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. В том числе предложено подготовить специализированную программу упреджающего противодействия вызовам и рискам интеграционного сотрудничества.

В области гуманитарного сотрудничества мы считаем, что в современном мире главным ресурсом развития являются творческие способности человека, его энергия и инициатива. Поэтому гуманитарная составляющая наших отношений с СНГ – ценности и принципы, мораль и мотивации – приобретают особое значение. Подготовленные нами и доложенные руководству предложения касались программы подготовки кадров для русскоязычных школ в странах СНГ.

При планировании аналитической работы исходим из того, что начатая российским руководством модернизация требует формирования внешнего окружения, благоприятного для внутреннего развития страны. Ключевым условием достижения этой цели является сохранение мира, мирное разрешение возникающих межгосударственных проблем и противоречий, недопущение конфронтации с какими бы то ни было крупными международными игроками при избегании односторонней зависимости от них.

Особую важность приобретает подтверждение Россией на самом высоком уровне своей роли как гаранта территориальной целостности и суверенитета соседей по СНГ, лидера в инновационной деятельности и гуманитарном сотрудничестве. Следуя в русле выполнения этих задач, имеется в виду в 2012 г. подготовить аналитические материалы и выйти на составление инициативных записок программного характера по следующим направлениям:

- перспективы политического взаимодействия в рамках СНГ;
- предложения по ускорению реализации евразийской экономической интеграции;
- разработка возможных мер купирования негативных последствий в условиях вывода натовских войск из Афганистана;
- предложения по ликвидации конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве. Несмотря на позитивные результаты деятельности Центра, есть, разумеется, и дополнительные резервы, которые можно использовать для повышения эффективности его работы. Речь идет в первую очередь о более тесной координации исследовательской и представительской работы с соответствующими кафедрами и факультете-

тами Университета.

Важной задачей для нас является расширение практики сотрудничества с вузами России и других стран, интеграция в международное образовательное пространство, реализация различных международных проектов, проведение научных конференций и иных форумов. Здесь перспективными представляются проведение видеоконференций и ситуационных анализов/мозговых штурмов на базе возможностей университетского Ситуационного центра, чтение нашими сотрудниками лекций в режиме онлайн, в том числе для российской и зарубежной аудитории. Видится весьма полезным формирование сетевого взаимодействия с ведущими российскими и иностранными образовательными и научно-исследовательскими центрами и вовлечение в эту среду представителей российского профессионального и политического сообщества, а также, возможно, бизнеса.

Среди перспективных направлений деятельности Центра – подготовка конкретных предложений по работе с элитами постсоветских государств, что соответствует поставленным перед МГИМО(У) задачам обеспечения его динамичного развития как современного, открытого к инновациям образовательно-научного комплекса, одного из признанных национальных лидеров в сфере подготовки высококлассных кадров профессионалов, обладающих современными системными знаниями, необходимыми навыками для эффективного участия в решении политических, социально-экономических, гуманитарных и духовных задач, стоящих перед Россией и международным сообществом, конкурентоспособных на мировом уровне, с высокой степенью адаптации к современным вызовам и требованиям, с четкой ориентацией на национальные интересы.

В этом плане будем разрабатывать программу создания в рамках МГИМО(У) МИД России специального учебного подразделения – Института государственной службы и международных связей стран СНГ – в целях подготовки специалистов высшего звена, имеющих перспективу быть включенными в управленческую элиту всех постсоветских государств. Весьма перспективной представляется и идея создания Центра магистерской подготовки (годичного обучения) на базе стартового магистерского образования в странах СНГ. Как Институт, так и Центр могли бы стать прообразом аналитического центра Евразийского союза, кузницей кадров, «рассадником» уникальной методологии, которая будет доказывать неразрывную связь всех частей постсоветского пространства как объективную данность.

Chernyavskiy S. I. MGIMO(U) School of Post Soviet Studies.

Summary: The article evaluates the history and current work of Center for Post-Soviet Studies – one of analytical subdivisions of MGIMO (U) Institute of International Research.

Ключевые слова

Центр постсоветских исследований.

Keywords

Center for Post-Soviet Studies.

Почему пробуксовывает диалог цивилизаций

В.В. Попов

В статье разъясняется, почему два крупных международных проекта, поддержанных ООН, – иранская идея диалога цивилизаций и испано-турецкая концепция альянса цивилизаций – не привели к желаемым результатам и не дали ожидавшегося эффекта.

Мы живем в чрезвычайно сложную эпоху: сегодня мировая история – это общий глобальный цивилизационный поток, в который вовлечены все народы и страны со своей уникальной культурой, мировосприятием и историческим опытом. С конца XX – начала XXI в. человечество находится в состоянии глубокого кризиса и трансформации – это период смены преобладавшей более двух столетий индустриальной мировой цивилизации с глобальным доминированием Запада и перехода к постиндустриальной цивилизации, для которой, как видится сегодня, характерной тенденцией является перемещение центра активности и влияния на Восток.

Еще не так давно было мнение, что научно-техническая революция приведет к утрате доверия к традиционным ценностям, и странам Востока предлагалось усваивать парадигмы иной – «подлинной» – цивилизации и отбросить опыт собственного исторического пути. Однако на практике срабатывает инстинкт самосохранения, возрастает сопротивление попыткам унификации, защита идентичности: национальной, религиозной, языковой, стремление к сохранению традиционных ценностей. В каждой культуре и отдельной среде имеются своя система координат, разное понимание человека, его прав и свобод. Запад и не Запад могут иметь разные видения и определения добра и зла конфликта и сотрудничества. Это противоречивое единство и есть целостность мира, оно определяет его жизнеспособность как сложной динамической системы. Как никогда ранее, очевидной становится истина, что богатство мира – именно в многообразии.

Особенность глобализации XXI в. – беспрецедентные скорость и масштабы изменений. На авансцену мировой политики вступают новые

государства и группы стран с потенциалом глобального влияния, со способностью к изменению баланса сил, к вовлечению в историческое творчество миллионов. Это Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, исламский мир. Восток переживает модернизацию, и важно, что этот процесс проходит не в форме вестернизации, а идет своим, уникальным путем. Расширение демографического, экономического, политического влияния новых геополитических сил наталкивается на мощное противодействие США и Европы, пытающихся отстоять свое доминирование в мире.

В 1993 г. в солидном, хорошо известном в политических и академических кругах журнале *Foreign Affairs* появилась статья американского политолога Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». (Заметим, что термин «столкновение цивилизаций» был заимствован у английского историка и философа Арнольда Тайнби). Эта публикация легла в основу выпущенной им вслед монографии, в которой излагалась его концепция и видение современного состояния международных отношений. С. Хантингтон делает вывод о завершении эпохи идеологического противостояния в рамках «холодной войны» и наступлении нового этапа, в котором основным противоречием будут культурно-цивилизационные различия.

При этом главную угрозу для западной цивилизации, по его мнению, представляет ислам в силу того, что этой религии имманентно присущи агрессивность, экспансия, нетерпимость к иным верованиям, ибо для мусульман религиозная идентичность перечеркивает все другие ценности, и это объективно является почвой для политического ислама и для деятельности экстремистских террористических организаций. Выпукло и «научно обоснованно» преподносилась осевшая на протя-

Попов Вениамин Викторович – к.и.н., директор Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail:vestnik@mgimo.ru

■ Научные школы МГИМО

жении последних десятилетий в сознании человека западной – «безусловно, высшей цивилизации» – идея о неизбежности исторического противостояния христиан и мусульман. Этот тезис подавался через описание прихода ислама в Северную Африку, отторжение мусульманами у христианского мира половины Средиземноморского ареала, крестовых походов, Реконкисты в Испании, осады турками Вены и т.д. Большой резонанс получило заявление тогдашнего премьер-министра Италии С. Берлускони в самом начале XXI в. об очевидном превосходстве западной цивилизации над исламской.

При этом С. Хантингтон делал очень важную оговорку, подчеркивая, что «основная проблема Запада – не только исламский фундаментализм, а непосредственно ислам, ибо это иная цивилизация». Этот тезис был как бы расшифрован известным историком Ф. Фукуямой. По его мнению, проблема затрагивает как небольшие группы террористов, так и всю общность мусульман. Кампания против ислама перешла в стадию конфронтации после событий 11 сентября и значительно возросшего числа террористических актов, которые осуществлялись, по сообщениям СМИ, главным образом радикальными экстремистскими исламскими группами, прежде всего так называемой «Аль-Каидой», руководимой Усамой Бен Ладеном из его штаб-квартиры в Афганистане.

Вслед за этим на обозрение читающей публике выплеснулся поток изданных главным образом в Америке и Европе публикаций, книг, исследований, развивающих и поясняющих тезисы С. Хантингтона. Было взято на вооружение перенесение толкований Корана применительно к конкретным условиям (например, в период оборонительной войны) в качестве основы для идеологии и практики различных политических групп крайнего направления, и не только среди мусульман. С помощью мировых СМИ на все учение ислама была брошена тень нетерпимости, жестокости и экстремизма. Вокруг концепции развернулась острые дискуссия¹.

Свообразным ответом на такое развитие событий стало выдвижение в конце 1990-х гг. М. Хатами, тогда президентом Ирана, идеи диалога цивилизаций. Это предложение в то время получило широкую поддержку международной общественности. Более того, Генеральная Ассамблея ООН, приняв соответствующий документ, объявила 2001 г. годом диалога цивилизаций. Была создана Группа Высокого уровня в ООН (от России в нее вошел всемирно известный ученый С.П. Капица), которая подготовила по данному вопросу серьезный, глубокий, с практическими рекомендациями документ. Он был опубликован 8 сентября 2001 г.

Однако события 11 сентября 2001 г., повлекшие за собой огромные разрушения и человеческие жертвы, отодвинули на второй план доклад Группы и бросили тень на саму идею диалога цивилизаций. Не последнюю роль в этом сыграло, разумеется, и негативное отношение США к этому проекту, поскольку он был предложен Ираном. В 2004 г. Испанией совместно с Турцией был выдвинут проект «Альянс цивилизаций». Толчок этому шагу дал

потрясший прежде всего весь Старый Свет своим масштабом и жестокостью террористический акт на мадридском вокзале, а также целый ряд последовавших за ним других терактов в разных концах Западной Европы.

Вновь под эгидой ООН была сформирована Группа Высокого уровня; был подготовлен прекрасный доклад, в котором предлагались реальные меры по наведению мостов между Западом и исламским миром. Этот документ получил высокую оценку международной общественности, но вызвал скептическое отношение со стороны американских правящих кругов, поскольку в нем, хотя и в осторожной форме, делался вывод о причинах противостояния, в частности критически оценивались многие аспекты политики Запада в отношении «третьего мира», и прежде всего исламских государств.

Формально против идеи диалога цивилизаций никто не выступает, тем не менее она не смогла повлиять на умонастроения международной общественности и ход мировой политики. Несмотря на огромное количество конференций, семинаров, круглых столов и иных мероприятий по этой тематике, несмотря на усилия со стороны ЮНЕСКО, других структур ООН, реальных результатов на пути утверждения этих идей в качестве основополагающих, к сожалению, нет.

По существу, инициатива о диалоге цивилизаций оказалась в тупике. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что Запад настойчиво пытается навязать свое видение этой проблемы, свои ценности и оценки. В этих целях мобилизован достаточно мощный исследовательский потенциал американских и европейских научных центров. В разных ракурсах проводится и «обосновывается» тезис о том, что Запад – это носитель высшей цивилизации с уникальным историческим опытом и прогрессивной моделью мироустройства, стандартом, на который надо ориентироваться всем народам, в том числе странам исламского мира, путь которых – следование в фарватере вестернизации. В этой связи важно отметить и тот факт, что изучение и исследование ислама на Западе связано с формированием правительственной политики, и потому часто бывает несвободным от тенденциозного теоретизирования, а представленные стереотипные знания об исламе и истории исламского мира получают глобальное и быстрое распространение благодаря массмедиа.

Такой негативистский подход к исламу в некоторой степени объясняется тем, что после распада Советского Союза начала складываться иная расстановка сил в международных отношениях и правящим элитам Запада понадобился образ нового врага. Это было необходимо для поддержания функционирования предприятий по производству вооружений, приносящих военно-промышленным корпорациям огромные доходы и существование которых оправдывалось целью отпора возможной агрессии со стороны СССР. После дезинтеграции Советского Союза логичным было бы сокращение и накопленных вооружений. Однако был избран другой путь, и ислам (хотя, по существу, речь шла

об исламских радикалах, представляющих очень небольшой процент мусульманского населения земного шара) был объявлен главной угрозой существованию Запада².

Нельзя отрицать, что советское вторжение в Афганистан в 1979 г. способствовало расширению рядов исламских экстремистов. По разного рода оценкам, в боях, которые вели афганские муджахеды против советских войск в течение десяти лет (советские войска ушли из Афганистана в 1989 г.), принимало участие от 15 до 20 тыс. боевиков из различных исламских, в основном из арабских, государств. Именно эти боевики, прошедшие длительную школу военных действий в Афганистане, явились ядром экстремистских мусульманских организаций в Египте, Йемене, Ливии, Ираке и других странах. Важнейшую роль в обучении и снаряжении этих отрядов боевиков сыграли Соединенные Штаты Америки, которые предоставляли им оружие, в том числе самое современное, а через Пакистан обучали их приемам современного боя, технике подрывных и террористических действий и минирования.

Эти события, наряду с иранской революцией 1979 г., которая ознаменовала новую фазу подъема политического ислама, стали первоосновой быстрого распространения радикальных взглядов среди исламской молодежи. «Афганские арабы», как называют этих боевиков, прямо утверждали, что распад Советского Союза в 1991 г. связан во многом с провалом его попытки покорить «исламский Афганистан». По их утверждению, уж коли в Афганистане были заложены условия для развала такой мощной сверхдержавы, как СССР, то США, по их оценке, скорее «бумажный тигр», который неминуемо рухнет под несколькими ударами «борцов за истинную веру». Можно сказать, что действия организации «Аль-Каида» и ее лидера Усамы Бен Ладена и были попыткой реализации на практике этих выводов. По расчетам Бен Ладена и его соратников, символы американского могущества – башни-близнецы, рухнувшие в Нью-Йорке, – приведут к панике, падению доллара и в итоге к развалу Соединенных Штатов. При всей нелепости и наивности этих рассуждений нельзя не признать, что этот и последующие удары, безусловно, расшатали господство Запада в мире и объективно вели к ослаблению позиций западной цивилизации.

В современном обществе в последнее десятилетие активизировались экстремистские силы, которые пропагандируют идею неизбежности столкновения западной и исламской цивилизаций. В мусульманском мире – это радикалы, выступающие за возрождение исламского халифата и распространение ислама во всех регионах мира. В западных государствах – это сторонники течения, утверждающего, что ислам порождает насилие и терроризм, что от него исходит реальная угроза благополучию христианской цивилизации, и поэтому борьба с ним является обязанностью всех жителей Запада.

Возможно, здесь главная сложность в том, что, по признанию одного из американских политологов, «Запад, за небольшим исключением, не понимает

ислам, его восприятие этой конфессии лишено объемного видения, осознания богатейшего культурного наследия цивилизации, и это несмотря на то, что плеяда американских востоковедов может гордиться прекрасными специалистами». На Западе не пришли к осознанию и того факта, что в последние годы в мусульманских странах появилась мощная интеллектуальная элита. Она не уступает в когнитивном плане и по уровню, и по объему знаний коллегам в западных государствах и при этом располагает необходимым потенциалом и решимостью самостоятельно, без вмешательства извне решать собственные проблемы. Ныне «арабская весна» и продолжающаяся арабская революция являются красноречивым подтверждением этого процесса.

Два крупнейших международных проекта – Диалог цивилизаций и Альянс цивилизаций так и не были осуществлены на практике в полном объеме из-за оппозиции со стороны консервативных сил Запада. Они убеждены в том, что представители исламского мира еще не дорошли до того, чтобы с ними вести диалог на равных. Здесь уместно сослаться на выступление известного американского социолога И. Валлерстайна три года тому назад на Лихачевских чтениях о том, что «эффективный диалог может быть только на основе равноправия сторон», поэтому пока он не происходит. Получается, что все многочисленные конференции это – либо единодушное осуждение теории Хантингтона, либо попытки западников учить «не очень развитых мусульман» уму разуму.

За последние пятнадцать лет было проведено множество разного рода симпозиумов, конференций, форумов, посвященных идеи диалога цивилизаций. Было выдвинуто немало инициатив подобного характера. Стоит отметить, что весьма полезные проекты в этом плане продвигают Казахстан, Индонезия, Саудовская Аравия и целый ряд других государств, однако коэффициент полезного действия такого рода мероприятий, к сожалению, до настоящего времени можно сравнить с кпд паровоза. Между тем объективно мир нуждается в пересмотре подхода к этим важнейшим человеческим ценностям. Без такого изменения мы не можем рассчитывать на то, что удастся избежать кровопролитных конфликтов или тяжелых войн.

Спекулируя на страхах перед исламским экстремизмом (что связано с крупными террористическими актами в США, Великобритании, Испании, других странах ЕС), консервативная часть элиты европейских стран выдвигает в качестве важнейшей задачи недопущения «исламизации Европы». Это, в свою очередь, ведет к объективному сдвигу вправо западноевропейских обществ, ибо именно антииммигрантские партии или движения с резко выраженной националистической программой выдвигают лозунги, которые пользуются поддержкой у большого числа избирателей.

Мусульмане, в свою очередь, опасаются, что исламофobia на Западе постепенно будет принимать все более жесткие формы. Исследования, проведенные Европейским центром мониторинга расизма и ксенофобии в Вене, свидетельствуют о том, что в

■ Научные школы МГИМО

Европе растут исламофобские настроения, а многие мусульмане чувствуют, что им угрожают и их не понимают. В 2005 г. разразился серьезный конфликт, получивший название «карикатурного скандала». Он охватил практически все страны Европы и мусульманского Востока. Отправной точкой послужили двенадцать карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованные в датской газете Юлландс-Постен 30 сентября 2005 г. Исламский мир воспринял это как оскорбление; в европейских странах сочли это допустимым в рамках реализации права на свободу слова, предусмотренную законодательствами и западной культурной традицией³.

В конце ноября 2009 г. на американской военной базе Форт Худ в Техасе майор, военврач-психиатр, открыл огонь из принадлежащего ему личного оружия, убил 13, ранил около 30 человек, сам, изрешеченный пулями, в парализованном состоянии был отправлен в госпиталь. Его зовут Нидаль Малик Хасан, палестинец, мусульманин, родившийся и выросший в США, в городе Роанок штата Вирджиния, добровольно зачисленный на военную службу. Нидаль не раз говорил, что подвергался унижениям, оскорблению, презрительному отношению со стороны коллег, потому что араб и мусульманин, и он страдал от этого. Это не просто драма одного человека. В ней как в осколке зеркала отразилось общее психологическое состояние всего общества.

В Северной Америке, мусульманская община которой насчитывает 7 млн человек, ось противостояния в основном проходит по линии отношений с испаноязычными иммигрантами (латинос). Тема исламизации здесь пока отодвинута на второй план, но постепенно она приобретает все большее значение во внутренней политике Соединенных Штатов Америки. Это продемонстрировали споры, разгоревшиеся в 2010 г. вокруг строительства мусульманского центра в Нью-Йорке на месте двух известных башен Всемирного торгового центра, разрушенных в результате террористической атаки. Драматично выглядит история о том, как некий пастор Терри Джонс из небольшого городка во Флориде вознамерился публично сжечь 200 экземпляров Корана и как президент США, госсекретарь, другие известные американские официальные лица пытались отговорить его это делать. При более подробном ознакомлении с этим событием невольно напрашивается вывод, что в нем проявляется и острота нынешнего противостояния между двумя цивилизациями – западной и исламской, и опасности, которые он несет для людей на Земле.

Цивилизационный разлом все заметнее ощущается в Западной Европе, где нарастает напряженность вокруг крупных исламских общин; в различных странах проходят выступления, которые прессой квалифицируются как направленные против «исламизации» европейского континента. До сравнительно недавнего времени большинство стран Западной и Центральной Европы были монотеистическими и моноконфессиональными. Практически единственной религией, исповедуемой в Европе, было христианство, под сенью которого

сформировалась европейская цивилизация. В последние десятилетия резко возрос поток иммигрантов исламского вероисповедания из Азии и Африки. По официальным данным, сегодня в Западной Европе проживает около 24 млн мусульман (по другим данным – до 40 млн человек).

В настоящее время ислам – вторая по численности религия в таких странах, как Великобритания, Франция, Германия, Испания, Италия. Демографы предсказывают, что к 2020 г. количество мусульман в Евросоюзе удвоится вследствие высоких темпов рождаемости, процесса воссоединения семей, продолжения мусульманской иммиграции из Северной Африки и Ближнего Востока. Следует учитывать и тот факт, что все большее количество европейцев принимают ислам: за последнее десятилетие – более 10 млн человек. Ислам, который раньше на религиозной карте Европы обозначался в виде вкраплений, теперь стал составной частью континента.

Весьма отчетливо тенденция распространения ислама проявляется на Ближнем Востоке. Например, по прогнозам экспертов, в ближайшее время численность арабского населения, проживающего в Израиле и на оккупированных территориях, сравняется с численностью евреев. В этом свете нелогичными и недальновидными выглядят попытки Израиля воспрепятствовать созданию независимого палестинского государства. Заявления нынешних израильских лидеров о решимости сохранения государства евреев плохо соотносятся с тенденцией распространения ислама.

Европейцы понимают, что без иммиграции невозможно обойтись: высоко подняв планку жизненного стандарта, они не могут удержать ее собственными силами. Численность коренного и при этом быстро стареющего населения продолжает сокращаться⁴. Главная проблема, однако, состоит в том, что предпринятые в странах Европы меры и усилия, направленные на то, чтобы иммигранты приспособились, адаптировались к традициям, критериям и образу жизни европейцев, интегрировались в европейское общество, потерпели крах. При постоянной миграции происходит самовоспроизводство культурной идентичности. Провал политики мультикультуризма откровенно признала в 2011 г. канцлер Германии А. Меркель, а вслед за ней лидеры Франции и Англии⁵.

Исламская культура становится органической и легитимной частью европейской культуры, растет число различных мусульманских организаций и обществ. Наряду со стремлением вписаться в европейскую среду мусульмане стремятся сохранять (что вполне естественно) генетическую и конфессиональную привязанность к своим историческим очагам. Причем с особой силой это стремление проявляется в семьях иммигрантов второго и третьего поколений. Молодежь особенно остро реагирует на распространенное отношение к ним как к людям второго сорта, что часто проявляется в резком демонстративном неприятии ими европейских норм морали. Именно в этой среде зарождаются и формируются экстремистские настроения. Вокруг крупных исламских общин создаются «кольца отчуждения».

Некоторые источники искаженного представления об исламе скрыты в недрах европейской цивилизации, когда складывался образ ислама как религии агрессивной. Европейцы признают огромное влияние исламской культуры на средневековую Европу, но в анналах памяти доминируют исторические события, связанные с противостоянием христиан и мусульман. Наблюдается своеобразная историческая амнезия: исламская история Европы оказалась забытой.

Все это в целом создает в обществе обстановку перманентной напряженности, порождает страх перед перспективой «исламизации» Европы. Пожалуй, отчетливее всего это проявилось в книге Тила Сарацина «Самоликвидация Германии», вышедшей в сентябре 2010 г. (автор – член Совета директоров Центрального банка ФРГ, ранее занимавший ряд важных государственных постов). Т. Сарацин предупреждает об опасности увеличения мусульманского населения, в первую очередь за счет иммиграции турок, поскольку это приведет к превращению немцев в Германии в меньшинство, к их материальной и умственной деградации и, в конечном счете, к вырождению нации и исчезновению традиционной европейской культуры. Неприятие людей другой культуры и религий ведет к упрочению влияния в целом ряде западноевропейских государств правых партий и движений, выступающих под антииммигрантскими, а зачастую и под ксенофобскими лозунгами.

В 2009 г. в Швейцарии, известной своей терпимостью, состоялся референдум по вопросу строительства минаретов (в настоящее время здесь 170 мечетей, но только у 4 есть минареты). Он былнесен на голосование правой Народной партией). По прогнозам прессы ожидалось, что швейцарцы отклонят эту инициативу антииммигрантской партии незначительным большинством. На деле оказалось, что более 57% голосовавших и 22 кантона из 26 поддержали предложение запретить строительство минаретов. Швейцария всегда считалась одной из самых толерантных европейских стран, и итоги референдума восприняты в большинстве европейских либеральных кругов как весьма тревожные, ибо показывают, что страх перед усилением ислама, является серьезным фактором европейской политики.

В 2010 г. французские власти отказали в представлении гражданства иностранцу на том основании, что он заставлял свою жену носить паранджу, полностью закрывавшую лицо и тело («бурку»). В январе 2010 г. французский парламентский комитет рекомендовал запретить в ряде общественных мест ношение женщинами традиционных мусульманских одеяний, скрывающих лицо (хотя речь идет, по данным французского министерства внутренних дел, всего о 1900 женщинах).

Таких примеров немало, и их число постоянно увеличивается (например, в апреле 2012 г. Франция была потрясена действиями «тулузского стрелка»).

Трагическим событием стал расстрел норвежцем А. Брейвиком летом 2011 г. 77 своих соотечественников. Брейвик теоретически обосновал свои

акции на полутора тысячах страниц специального манифеста. Будучи в здравом уме, он строил расчеты на развязывание гражданской войны в Европе, чтобы устранить «мягкотелых правителей, которые стремятся умиротворить мусульман». Убежденный в том, что исламизация Европы представляет собой основную опасность для выживания расположенных здесь государств, он считал, что понадобится еще три десятилетия, прежде чем начнется решающая битва с мировым исламом. Кажется невероятным, но у Брейвика нашлось немало последователей.

Мировой экономический кризис постепенно приобретает и цивилизационный характер. Он не просто отражает противоречия между планетарностью капитала и суверенитетом национального государства, но и обозначил новый виток межэтнических и geopolитических столкновений, в основе которых лежит неприятие западного образа жизни выходящими на авансцену истории новыми цивилизациями.

В вышедшей в 2008 г. книге «Постамериканский мир» известный американский политолог Фарид Закария подчеркивал, что в нынешней ситуации степень доминирования Америки будет неизбежно уменьшаться, поскольку набирают силу Китай, Индия, Россия. «Другой характерной чертой XXI века является существование альтернативных социально-политических моделей...».

Завершается пятисотлетняя эпоха господства нескольких европейских держав и США. Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже региона накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но и об утрате полярности, без которой цивилизация мертвта. Комментируя этот процесс отступления западной цивилизации, французский философ Жан Бодрийяр писал: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть лишь результат шокирующего смешения и сближения всех рас и культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов»⁶.

При этом решающим фактором в трансформации баланса сил выступает демография. Даже по весьма сдержанной оценке американцев (Фонд Карнеги), ислам станет первой религией мира по числу приверженцев к 2023 г. Сейчас общая численность мусульман на земном шаре оценивается по-разному и составляет примерно 1,5 млрд человек (на рубеже XIX и XX вв. в мире насчитывалось 100 млн мусульман).

В последнее время ощущимо возросла роль исламской цивилизации, которая сыграла значительную роль в мировой истории и ныне оказывает все более значимое влияние на многие стороны жизни разных стран и на международные отношения. Значительный рост влияния исламского мира в последние два десятилетия связан с целым рядом факторов, прежде всего с усилением его позиций в мировых финансово-экономических структурах благодаря добыче имеющихся во многих мусуль-

■ Научные школы МГИМО

манских странах богатейших запасов нефти и газа и накоплению значительных финансовых ресурсов. Неслучайно в мировой «двадцатке» главных экономик мира три места отведены исламским государствам.

Ислам как вероисповедание привлекает своей нацеленностью на социальную справедливость, толерантность, терпимость к другим монотеистическим религиям (в частности, речь идет о теории и практике оказания помощи нуждающимся и неимущим, заботе о детях-сиротах, призыве к самосовершенствованию и пр.). Ислам имеет определенные особенности, которые отличают его от других вероучений: это всеохватывающий характер религии, которая является не просто мировоззрением, или идеологией, или сводом духовных ценностей, а она – образ жизни, поскольку всеобъемлюще регламентирует жизнь верующего. Кроме того, особый акцент делается на солидарности, связывающей всех правоверных, независимо от цвета кожи, национальной принадлежности.

Важно, что это религия, ориентированная на равенство и социальную справедливость (в Коране постоянно указывается, что истинный мусульманин отличается от другого не богатством, а благочестием). Простота поступатов, дающих верующим целостную и понятную картину мира, общества, устройства Вселенной, делает ислам притягательным для людей разных национальностей и традиций. Именно религия – ислам связывает марокканцев и индонезийцев, иранцев и малайцев. Ни в одном другом вероисповедании нет такого количества последователей, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерilo всех вещей, он объединяет людей, которые при всем различии менталитета и обычаев, осознают свою принадлежность к одной религиозной общности. «И эта принадлежность к мусульманскому сообществу, – считает виднейший отечественный востоковед Г.И. Мирский, – порождает особую солидарность, которая опирается не только на единое вероисповедание, но и на вытекающее из самих устоев ислама мироощущение, отношение как к отдельным людям, так и к обществу в целом, к идеям, вещам в природе».

Ислам является государственной религией в большинстве арабских и во многих других странах. В мусульманском обществе (в отличие от западного, где главная ценность – индивид) базой является умма – сообщество, основанное на единстве веры. Мусульманские общинны существуют практически во всех государствах. Неслучайно только ислам создал уникальную межгосударственную организацию, объединяющую ныне 57 стран, – Организация Исламского сотрудничества – ОИС). Вместе с другими структурами – Исламским Банком развития, Исламской организацией по культуре, науке и образованию, исламским Красным полумесяцем, Олимпийским комитетом и др. – именно вокруг ОИС формируется нечто наподобие Организации Объединенных Наций исламского мира.

Серьезной заявкой ОИС на ведущую роль в мусульманском мире стало принятие нового Устава на одиннадцатой сессии глав государств ОИС в марте 2008 г. в Дакаре (Республика Сенегал). В нем по сравнению с предыдущим документом 1972 г. выпускло отражено понимание странами-членами изменившейся роли ислама и роли ОИС. В частности, члены Организации обязались «работать во имя жизнеспособного развития, прогресса и процветания мусульманских народов, вносить свой вклад в дело международного мира и безопасности, взаимопонимания и диалога цивилизаций, культур и религий, продвижения и поощрения дружественных отношений и добрососедства, взаимного уважения и сотрудничества».

В условиях обострившихся в последние годы отношений между Западом и исламским миром страны-члены ОИС выдвинули в качестве важнейшей цели всемерное содействие исламо-христианскому диалогу, взаимодействию цивилизаций, культур и религий. ОИС объявила одним из главных приоритетов борьбу с исламофобией.

Цивилизационный разлом проходит через несколько международных кризисов, которые все больше переплетаются, осложняя общую ситуацию новыми запутанными, перекрецивающимися узлами. Это – арабо-израильский конфликт, ситуация вокруг Ирана, будущее Ирака, Афганистан и Пакистан (это своего рода сообщающиеся сосуды); поэтому такое беспокойство вызывала попытка исламских радикалов в октябре 2009 г. штурмовать генеральный штаб пакистанской армии. Перед всеми маячит кошмар возможного их доступа к пакистанскому ядерному оружию.

Кроме того, имеется немалое количество других конфликтных ситуаций, в которых позиции западного и исламского миров серьезно расходятся. Здесь следует упомянуть прежде всего о положении в Дарфуре и решении международного уголовного суда взять под стражу действующего президента Судана О. Бashiра, которому предъявлено обвинение в военных преступлениях. Сам факт распада Судана на два государства – Северный и Южный в 2011 г. ярко демонстрирует сложнейший характер взаимоотношений исламских и христианских общин (к сожалению, этот феномен проявляется и в ряде других африканских стран).

После окончания «холодной войны» приоритеты западной безопасности сместились с тезиса о защите Европы против советской угрозы к участию в кампании во главе с Соединенными Штатами по контролю geopolитических позиций в области энергетики и противодействию растущему влиянию Китая в Азии. Это, естественно, привело к сдвигу центра конфликтных ситуаций из Европы на Ближний Восток и в район Тихого океана. Этот процесс усиливался стремлением Вашингтона обеспечить израильское превосходство в вопросах региональной безопасности в арабском мире.

В этих условиях Соединенные Штаты были склонны прибегать к насилию под лозунгами НАТО – так было в Афганистане и в Ливии. По существу, нынешняя кампания против Ирана под

предлогом того, что он может создать ядерное оружие, является классическим выражением политики двойных стандартов. Не так давно практически все разведывательные агентства США (а их 16) сделали вывод о том, что, вероятнее всего, Иран отказался от программы создания ядерного оружия в 2003 г. и с тех пор ее не возобновлял. Этот консенсус разведывательного сообщества перекликается с постоянными иранскими утверждениями о том, что он не собирается приобретать или создавать ядерное оружие.

Соединенные Штаты вместе с другими странами Запада пытаются разыгрывать карту военного превосходства, что многими в развивающихся странах воспринимается как попытка установить колониальную иерархию в отношениях между Севером и Югом. Если раньше это был неотъемлемый элемент антисоветской и антикитайской геополитики, то сейчас основной акцент делается на обеспечение доступа к запасам нефти и противодействии захвата исламистами контроля над государствами, как, например, в случае с Афганистаном. Западные страны добиваются в первую очередь контроля над природными ресурсами, обеспечения своих стратегических и экономических интересов с помощью сохранения прежних и создания новых военных баз.

Сегодня, когда в мусульманском мире идет подъем политического ислама, опасность разжигания старых конфликтов и появления новых кризисных ситуаций заметно возрастает. На данный момент партнерство цивилизаций – это веление времени, и дело это не свободного выбора, а сурой необходимости. В этих условиях объективно создаются предпосылки для повышения в международных делах роли России. Как отмечал В.В. Путин в начале июня 2012 г. в своей статье в китайской газете «Жэнъминь жибао», сегодня глобальную повестку международных дел «невозможно сформировать и реализовать «за спиной» России и Китая, без учета их интересов. Такова geopolитическая реальность XXI века».

Примечательны также слова Председателя КНР Ху Цзиньтао о том, что «диалог и консультации это – единственно правильные методы решения конфликтных ситуаций . Нужно отказываться от слов и дел, способных привести к эскалации, конфронтации, и акцент следует делать на предупреждении негативных воздействий и тревожных ситуаций». В этой связи весьма примечательно, что Шанхайская организация сотрудничества считает, что «сегодня, как никогда, важно продвижение межцивилизационного диалога, признание различий в культурных традициях, общественном строе, ценностях и готовности к сотрудничеству и уважение самостоятельного выбора друг друга. Это полезно для взаимообогащения и гармоничного развития при сохранении различий».

Именно такого рода положения могут и должны стать основой действительно эффективного диалога между различными культурами и религиями. На фоне опасности, которую таит в себе для судеб человечества цивилизационный разлом, высвечивается естественная позитивная роль, которую

могла бы взять на себя Россия, где испокон веков верующие, принадлежащие к различным конфессиям (в частности, христиане и мусульмане), живут бок о бок в составе единого государства. Здесь на протяжении всей истории не было религиозных войн. Россия – великая евразийская держава, расположенная на стыке цивилизаций и обладающая уникальным опытом сосуществования и сотрудничества многих культур, национальностей и религий, – говорилось в заявлении МИД РФ от 02.07.2005 г. в связи с предоставлением России статуса наблюдателя в ОИК. – Поэтому предопределенное самой историей призвание России заключается в том, чтобы вместе с другими странами вносить свой самобытный вклад в укрепление единства мировой цивилизации».

Российская Федерация – многонациональная и поликонфессиональная страна, на территории которой проживают официально свыше 15 млн последователей исламского вероучения, что составляет более 10% населения страны. Ислам появился на территории современной России даже раньше, чем состоялось официальное Крещение Руси. Христиане и мусульмане России имеют уникальный многовековой опыт совместного проживания, мирного сосуществования и взаимообогащения культур, опыт, который не имеет большинство европейских стран, особенно если учесть, что в России живет больше мусульман, чем в любой другой европейской стране, и процентная доля мусульман среди населения быстро растет. Практически по всем ключевым глобальным проблемам позиции России и исламского мира близки или совпадают. А общее поле интересов по Ближнему Востоку, Ираку, энергобезопасности и т.д. делает взаимодействие наших государств весьма актуальным, особенно на нынешнем этапе международных отношений⁸.

«Сложение наших финансовых, технологических и кадровых ресурсов, – заявил В.В.Путин на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская конференция 16 октября 2003 г. в Малайзии, – способно стать реальным фактором мировой политики, началом прорыва на многих направлениях мировой экономики». Ныне наша планета сталкивается с нехваткой целого ряда жизненно важных ресурсов, таких, как вода, продовольствие, в конечном счете – нефть и т.д. Но главным дефицитом современного мира является дефицит справедливости. И именно с укреплением роли России и более активным взаимодействием России и исламского мира многие связывают надежды на возрождение духовных и моральных ценностей в мире. В большинстве исламских столиц Россия воспринимается как могучее дружественное государство, способное предложить реалистические рецепты нахождения взаимоприемлемых развязок существующих конфликтных ситуаций.

Вот почему мы все чаще слышим со стороны наших мусульманских партнеров призывы играть более энергичную роль в том, чтобы не допустить межцивилизационного разлома или так называемого столкновения цивилизаций. Ибо только при активном участии Москвы любые инициативы

■ Научные школы МГИМО

по диалогу, партнерству цивилизаций могут стать глобальным проектом, направленным на выработку новой парадигмы, основанной на подлинном равноправии и учете интересов всех участников процесса. Как заявил крупнейший мусульманский иранский богослов Мухаммед Али Тасхири на конференции «Россия – исламский мир» 23 июня 2008 г. в Москве, «Россия – великая страна, которая обладает великой культурой и историей. И то, что Россия ведет отношения с исламским миром – это на пользу всем. Россия удалена от Запада и от США, со стороны которых идет «несправедливое нашествие на исламскую культуру, осквернение святынь». Россия может стать «мостом между Западом и исламским миром для достижения баланса».

Именно Россия может стать своеобразным цивилизационным мостом. Для этого необходимы

ясная политическая воля, многосторонние целенаправленные и хорошо продуманные действия в различных областях; силовые методы здесь бесполезны и контрпродуктивны. Многообразие общества и мира в целом – конфессиональное, социальное, культурное – таит много проблем, но это и могучий источник для взаимного обогащения, развития и процветания.

Popov V.V. Why the Dialogue of Civilizations Skids?

Summary: The article explains why two major international projects supported by UNO – Iranian idea of the dialogue of civilizations and Spanish-turkish conception of the alliance of civilizations did not lead to the desired results and didn't give expected effects.

Ключевые слова

Диалог, цивилизации, альянс цивилизаций, конфронтация между исламским миром и Западом.

Keywords

Dialogue, civilizations, alliance of civilizations, confrontation between the Islamic world and the West.

Примечания

1. Этот же процесс распространяется и на сферу противостояния Запада и исламского мира. Так случилось, что в начале XXI в. именно ислам выступил в качестве реального оппонента США и других западных государств. Собственно говоря, по убеждению многих политологов, XXI в. начался, по существу, 11 сентября 2001 г., то есть с момента крупнейшего террористического акта современности, когда погибло около 3 тысяч человек и был нанесен удар по наиболее значимым символам американского капитализма. И до этого времени отношения между исламским и западным мирами не были особенно безоблачными (не последнюю роль играло то обстоятельство, что ряд западноевропейских государств превратил многие исламские регионы в свои колонии), однако после 11 сентября этот процесс конфронтации стал принимать зримые очертания.
2. Хотя этот миф был далек от действительности, но тем не менее, как говорится, накаркали. В 1993 г., занимавший в то время пост Генерального секретаря НАТО бельгиец В. Класс объявил, что основная опасность для западных держав исходит именно от ислама (рискну предположить, что публикация через несколько месяцев известной концепции Хантингтона была не случайным совпадением).
3. Министерства иностранных дел одиннадцати мусульманских государств потребовали от датского правительства извинений, некоторые из них даже закрыли свои посольства в Дании в знак протеста, когда Копенгаген этого не сделал.
4. Дефицит трудовых ресурсов в одних странах и их избыток — в других (при резком разрыве уровня жизни) привели к увеличению потоков легальных и нелегальных мигрантов, расширению круга смешанных цивилизаций и, как следствие, — к обострению межцивилизационных и межконтинентальных противоречий. Миграция — перемещение людей по планете — всегда была составной частью мирового процесса, способствовала экономическому развитию, взаимному культурному и научному обогащению. В настоящее время ее темпы ускорились, она приобрела невиданные ранее масштабы — 200 млн мигрантов, характеризуется появлением новых форм и имеет тенденцию к увеличению в самые ближайшие годы. Она оказывает большое влияние на политическое и экономическое положение большинства стран, создает новые «узлы» проблем, что особенно отчетливо проявилось во время мирового финансового кризиса. Представители других цивилизаций заметно расширили свое присутствие на Западе, прежде всего в Европе и Северной Америке.
5. Двойственность европейской политики в последние годы подвергается все большей критике не только в мусульманских государствах. С одной стороны, Европейский союз создает так называемую «культуру мира», что означает не просто отсутствие войны в Европе, но и отказ от воинственных сценариев, угроз и кризисов. С другой стороны, диссонансом этим утверждениям стала натовская война 1990 г. в Косово, как часть плана по дезинтеграции бывшей Югославии. Почетный профессор международного права Принстонского университета, специальный докладчик по правам человека в Палестине Ричард Фалк считает, что именно эти противоречия в роли Европы привели к антиевропейским актам насилия, самым драматическим в Мадриде в 2005 и в Лондоне в 2007 г. В качестве реакции на эти действия большая часть Европы двинулась в направлении уродливой исламофобии, расчищая путь антимигрантской реакционной политики, направленной прежде всего против исламских меньшинств, а также в виде нежелания довести до конца переговоры, открывающие Турции вход в членство ЕС, не говоря уже об ограничении религиозных свобод (прежде всего, касающихся одежды женщин).
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006, С.60.
7. Российская газета. 06.06.2012.
8. В последние годы в нашей стране многое сделано для поддержания и развития добрых отношений с исламским миром. Российская Федерация вошла в Организацию Исламская конференция в качестве наблюдателя (30 июня 2005 г.), такой же статус она получила и в Исламской организации по культуре, науке и образованию (ИСЕСКО). В 2006 г. была образована Группа стратегического видения «Россия - исламский мир» под руководством Е.М. Примакова и М.Ш. Шаймиева. В ее состав входят более двадцати высокопоставленных представителей мусульманских государств. Ее работа является важнейшей составляющей нашей общей политической линии в исламском мире. За этот период были созданы Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, Центр арабских и исламских исследований, заработал канал «Россия сегодня» на арабском языке и т.п.

Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы

А.А. Казанцев

В политике США в Центральной Азии можно выделить четыре основных периода, в рамках которых она довольно радикально менялась. В первой половине 1990-х гг. приоритет был отдан отношениям с Россией, Центральная Азия воспринималась как "задний двор" РФ. Во второй половине 1990-х гг. произошла активизация политики США на постсоветском пространстве, росло стратегическое соперничество с Россией, однако стратегический приоритет РФ в Центральной Азии оспаривался только частично. После 9/11 стратегия США в регионе стала достаточно агрессивной, соперничество с Россией (и частично с КНР) достигло максимума в период «цветных революций» и войны России с Грузией в 2008 г. В период президентского срока Б. Обамы делались попытки наладить диалог с Россией и КНР. Приоритетность постсоветского пространства, связанная с европейскими делами, снизилась, но афганская политика продолжает быть ключевым фактором, определяющим стратегию в Центральной Азии. В настоящее время мы находимся на пороге нового периода, связанного с выводом войск США из Афганистана.

В эволюции политики США в Центральной Азии можно выделить несколько периодов, в рамках которых американская стратегия в регионе менялась зачастую довольно радикально. Понимание логики этих изменений имеет большое значение для России как государства, имеющего в соответствующем регионе стратегические интересы. Особенно важным анализ этих изменений становится в связи с предстоящим в 2014 г. выводом войск США из Афганистана.

Первый из таких периодов может быть отнесен к половине 1990-х гг.

1991 – 1992 гг. – администрация Дж. Буша-старшего

В 1991 г. и в первой половине 1992 г. проходил процесс дипломатического признания новых независимых государств (ННГ) Центральной Азии

со стороны США. В этот период в Америке наблюдалась некоторая растерянность по поводу неожиданно быстрого распада СССР и непонимание того, как дальше строить политику по отношению к ННГ. «У США отсутствовала сколько-нибудь последовательная и целостная политика по отношению к странам региона»¹. Линия, проводившаяся Соединенными Штатами, не отличалась от общей стратегии в отношении постсоветских государств: они выступали за демократизацию политической жизни и за проведение рыночных преобразований. При этом отношения с Россией воспринимались как ключевые, а ННГ были на далекой периферии американского внимания.

Ключевым страхом американцев, который сохранялся по отношению к Центральной Азии на протяжении всей первой половины 1990-х гг. был абсолютно фантомный комплекс представлений:

Казанцев Андрей Анатольевич – д. полит.н., директор Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научные школы МГИМО

а) о возможности быстрой победы фундаменталистов при поддержке Ирана (при этом не учитывалось различие суннизма и шиизма);

б) о ядерном оружии на территории Казахстана, способного превратиться в «исламскую атомную бомбу».

В связи с этим первоочередной заботой стала проблема избавления от советского ядерного наследия в Казахстане, в частности, путем подписания этой страной Договора о нераспространении ядерного оружия. США и Россия добились подписания Казахстаном в мае 1992 г. Лиссабонского протокола к договору СНВ-1. Казахстан стал одним из первых получателей американских средств по программе Нанна-Лутгара («Программе по совместному уменьшению угрозы», «Cooperative Threat Reduction Program»)².

Другим ключевым моментом в политике США стал поиск путей укрепления государственности и независимости стран Центральной Азии. В этом плане ставка делалась на формирование новой региональной структуры, в рамках которой «новые нации» имели бы возможность «сами сделать выбор» в вильсонианском духе. При этом подразумевалось, что этот выбор будет прозападным. Гарантией этого должно было стать вытеснение тех внeregиональных акторов, которые подозревались в более или менее скрытых антизападных тенденциях (прежде всего это были Россия и Иран). Эти две страны обвинялись в попытках либо «воссоздать советскую империю», либо «провести всемирную исламскую революцию». В связи с этим 30 октября 1992 г. был принят законопроект «О поддержке свободы», который предусматривал американскую правительственную помощь ННГ (включая страны Центральной Азии) как непосредственно, так и через МВФ.

В связи со стремлением США противостоять виртуальным попыткам «экспансии» Ирана и России началось складывание успешного их взаимодействия в Центральной Азии с Турцией. Последняя воспринималась как позитивный образец для ННГ региона.

Первая администрация У. Клинтона (1993 – 1996 гг.)

Она до определенной степени сохраняла тенденции, заложенные в президентство Дж. Буша-старшего. США стремились укрепить независимость стран Центральной Азии, опасаясь «покушений» на нее со стороны России и Ирана. Этот курс, в частности, нашел свое выражение в сформулированной помощником президента США по национальной безопасности Э. Лейком осенью 1993 г. концепции «вовлечения» (engagement)³. Важной ее частью считалось оказание администрацией США поддержки становлению ННГ, демократическим и рыночным преобразованиям на постсоветском пространстве.

Выступая перед Конгрессом в январе 1994 г., президент Клинтон следующим образом прокомментировал Военную доктрину России (1993 г.), которая предусматривала возможность для армии РФ

действовать по периметру границ бывшего СССР. Президент США призвал РФ использовать свои войска лишь с согласия соответствующих ННГ и при строгом соблюдении норм международного права. Администрация США также объявила «неприемлемой» ситуацию, при которой российские войска вторглись бы в какое-либо из ННГ для защиты русскоязычного населения⁴.

Парадоксально, но по отношению к России эта политика часто воспринималась самими американцами как «дружественная», направленная на укрепление демократических преобразований в ней самой, для чего РФ следовало избавиться от «имперского бремени».

США продолжали воспринимать Турцию как основную «модель для подражания» центральноазиатскими странами. В связи с этим можно говорить о том, что они активно поддерживали в этот период проект реорганизации Центральной Азии по модели «турецкого мира». Одновременно США стали активно поддерживать и планы внутрирегиональной интеграции между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией как альтернативу СНГ.

Активно развивалась американская экономическая помощь тем странам Центральной Азии (Казахстан и особенно Киргизия), которые приняли курс на демократизацию и ускоренное становление рыночной экономики («шоковую терапию»). В 1994 г. была подписана американо-казахстанская Хартия о демократическом партнерстве, где было заявлено о готовности сторон развивать «прочные и долгосрочные отношения дружбы, взаимопонимания, доверия и уважения»⁵. Помощь Казахстану и Киргизии оказывалась как на двухсторонней основе, так и в рамках работы различных международных организаций (МВФ, Всемирного банка). Как и в России, в этих двух странах активно действовали западные советники, связанные с этими организациями.

Важную роль в центральноазиатской политике США продолжали играть соображения безопасности и обеспечения стабильности. 5 декабря 1994 г. в Будапеште президент РФ Б. Ельцин, президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании Дж. Мэйджор подписали Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану в связи с его отказом от ядерного оружия. В этот период стали также зарождаться военные связи между странами региона и НАТО в рамках деятельности Совета евроатлантического партнерства (с 1991 г.) и программы «Партнерство ради мира» (с 1994 г.).

Роль США в обеспечении безопасности в регионе была абсолютно несопоставимой с ролью России (разрешавшей в этот период ситуацию в Таджикистане и обеспечивавшей охрану внешних границ региона). Существенно, что Центральная Азия в принципе в этот период воспринималась не как зона американских интересов, а скорее как «задний двор» России⁶. Тем не менее Америка стремилась расширить свое участие в разрешении локальных конфликтов. В августе 1993 г. был назначен специальный координатор от США по

урегулированию конфликтов в СНГ (Дж. Коллинз), а в госдепартаменте было сформировано соответствующее подразделение.

Тем не менее можно заметить и некоторые специфические черты политики первой администрации У. Клинтона. Президент-демократ во многом победил благодаря негативной реакции населения на экономический спад 1991 г. При этом предвыборная критика Клинтоном Дж. Буша была сосредоточена на том, что тот слишком много времени и ресурсов тратил на внешнюю политику. Поэтому неизбежной чертой демократической администрации стало стремление к изоляционизму, неготовность к ведению активной внешней политики.

В первой администрации Клинтона большую роль в формулировании политики США на постсоветском пространстве играли симпатизирующие России либералы вроде Строуба Тэлботта, которые воспринимались в США как «пророссийское лобби». Важной чертой центральноазиатской политики новой администрации стал также приоритет демократических ценностей над собственно американскими интересами. В частности, отсутствие демократии и несоблюдение прав человека в этот период практически полностью заблокировали политические отношения США с Узбекистаном и Туркменистаном (хотя экономические контакты расширялись). Так, в августе 1992 г. И. Каримов подверг резкой критике посольство США в Ташкенте за контакты с политической оппозицией и «тенденциозные» оценки внутриполитической жизни этой страны⁷.

К концу рассматриваемого периода благодаря «контракту века», подписанному Азербайджаном с западными нефтяными компаниями в 1994 г., стал быстро расти экономический интерес США к региону. На первый план стали выходить экономические планы по развитию нефтедобычи (прежде всего в Казахстане), ее транспортировке (строительство нефтепроводов из Каспийского региона)⁸. Постепенно росло также соперничество между Россией и США.

От активизации политики США на постсоветском пространстве до терактов 2001 г. С 1996 г. под влиянием осознания явных неуспехов западных реформ в России и под давлением лобби внутри США, заинтересованного в росте внешнеполитического влияния Америки, стало особо резко заметно изменение политики администрации Клинтона на всем постсоветском пространстве. Тема борьбы с «российским неоимпериализмом» в ННГ стала важной для президентской кампании в США в 1996 г. Слишком «мягкая» и «пророссийская» политика первой администрации Клинтона подверглась резкой критике со стороны республиканцев. В результате в 1997 г. на пост государственного секретаря в новой администрации демократов была назначена Мадлен Олбрайт, которая была сторонницей жесткого курса США в международных отношениях. Ее собственное происхождение из Восточной Европы также служило гарантой усиления интереса США к евро-азиатским проблемам.

В 1996 – 2000 гг. соперничество США и России за влияние в ННГ стало характерной чертой американской внешней политики. В 1997 г. США включили Центральную Азию в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая контролирует ситуацию на Среднем Востоке. При этом командующий CENTCOM генерал Т. Френкс отметил, что действия его группировки в постсоветской Центральной Азии будут в существенной степени определяться тем, какую политику эти страны проводят в отношении России⁹.

Тем не менее в Центральной Азии это соперничество проявлялось по весьма ограниченному кругу вопросов (военно-политическая сфера, проекты региональной интеграции, нефтегазовые ресурсы и пути транспортировки ресурсов). Причинами были низкая в целом привлекательность региона в глазах США, антидемократичность политических режимов и традиционное отношение к нему как к «заднему двору» России¹⁰.

Важным фактором стал экономический интерес. США, во многом под влиянием слишком оптимистичных оценок размеров нефтегазовых запасов Центральной Азии и региона Каспийского моря, активно поддерживали альтернативные российским проекты транспортировки энергоносителей. В частности, это были реализованные проекты нефтепроводов Баку–Супса и Баку–Джейхан и не реализованные до сих пор транскаспийский нефтепровод из Казахстана и транскаспийский газопровод из Туркменистана. Поддержка оказывалась проектам ЕС в области прокладки новых транспортных маршрутов (ИНГОЕЙТ, ТРАСЕКА – «Великий шелковый путь»). В это же время очень большие усилия прикладывались для нейтрализации иранских маршрутов транспортировки казахстанской нефти и туркменского газа.

Взаимосвязь двух измерений – энергетики и безопасности – вышла на первый план в функционировании активно поддержанных США проектов «альтернативной интеграции» постсоветского пространства. 10 октября 1997 г. в Страсбурге прошел учредительный форум ГУАМ. В апреле 1999 г. к этой структуре присоединился Узбекистан, в том же году он отказался продлить Договор о коллективной безопасности СНГ.

Одновременно США спонсировали и другой проект реорганизации постсоветского пространства – внутреннюю интеграцию в Центральной Азии: Центрально-Азиатский союз (1994–1998), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (1998–2002) и Организацию «Центрально-Азиатское сотрудничество» (2002–2005). Без активной финансовой поддержки США, в частности, не возник бы проект «Центразбата» — коллективного батальона трех стран (Казахстана, Узбекистана, Киргизии), существовавшего во второй половине 1990-х гг. Следует вместе с тем учесть, что в тот период Каспий рассматривался американскими стратегами как регион, тяготеющий к Кавказу. В структуре законодательной и исполнительной

■ Научные школы МГИМО

власти США им занимались другие подразделения – и энергетический фактор не выходил на первое место в политике Вашингтона в Средней Азии»¹¹.

В рамках ближневосточной политики США, тесно связанной на стратегическое партнерство с Израилем, Центральная Азия также рассматривалась в рамках проекта «Большого Ближнего Востока»¹², а в рамках отношений с Турцией – по-прежнему как часть потенциального прозападного «турецкого мира».

В 1996–2000 гг. в собственно центральноазиатской политике США главным новым фактором стало установление стратегического партнерства с Узбекистаном. Эта страна, расположенная в середине Центральной Азии, унаследовавшая ее ключевые культурные центры, располагающая самым большим населением и мощная (по местным меркам) в военном отношении, воспринималась американцами как «ключ» к региону. США стали поддерживать подчеркнуто независимую от России внешнюю политику Узбекистана и его стремление играть роль «фокуса» центральноазиатской интеграции. Однако для самих американцев партнерство с авторитарным режимом Каримова было достаточно болезненным. Это, в частности, вызывало попытки одновременно с «дружбой» оказывать на Узбекистан давление в пользу «смягчения» режима.

Важным шагом на пути установления партнерства двух стран стала первая личная встреча Ў. Клинтона с И. Каримовым в июне 1996 г. В 1990-х гг. Узбекистан всемерно старался поддерживать США. Например, при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 1996 г. резолюции с осуждением американского эмбарго в отношении Кубы против резолюции проголосовали три государства – США, Израиль и Узбекистан. В 1998–1999 гг. Узбекистан, в противовес России, политически поддерживал готовность США применить силу против иракского режима. Это государство стало также одним из самых активных в регионе участников программы НАТО «Партнерство ради мира».

Тем не менее развитие партнерства США и Узбекистана шло скорее по линии усиления проамериканской и антироссийской риторики. В 1996–1997 гг. Узбекистан заявлял о необходимости заменить Россию в роли главного поставщика вооружений для национальной армии¹³. В этой стране в рамках постсоветского пересмотра истории была также развязана настоящая антируssская кампания¹⁴.

Развивались отношения США (правда, в основном в политico-экономической сфере) и с намного более ярко выраженным диктаторским режимом С. Ниязова в Туркменистане. При этом ключевыми взаимными интересами стали проблемы строительства транскаспийского и трансафганского газопроводов. Последняя проблема остро встала в рамках юноазиатской политики США по стабилизации Афганистана, «приручению» режима «Талибан» и помощи своему союз-

нику – Пакистану. С политической точки зрения США одобряли дистанцирование Туркменистана в рамках политики «позитивного нейтралитета» от России и инициированных ею интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Повлияла на американскую политику в Центральной Азии и проблема «Талибана». Это движение, первоначально активно поддержанное Пакистаном при благожелательном нейтралитете США, постепенно превращалось в один из серьезных источников не только региональной, но и глобальной дестабилизации. В целом в период 1996–1999 гг. резко выросло влияние США в регионе. При этом к первой группе стран, установивших тесное взаимодействие с Америкой еще в начале 1990-х гг. (Казахстан и Киргизия), примкнули еще две (Узбекистан и, по ряду вопросов, Туркменистан). Лишь отношения с Таджикистаном, политический режим которого в этот период полностью зависел от поддержки России, оставались во многом «замороженными».

Тем не менее в 1996 – 1999 гг. по многим причинам (отсутствие сильного экономического интереса, понимание региона как «заднего двора» России, существование авторитарных режимов) Соединенные Штаты не были готовы тратить существенные ресурсы на политику в Центральной Азии. Это в дальнейшем снизило американское влияние в регионе, чему немало способствовали острые ситуации в Афганистане и активизация политики России.

1999 – 2001 гг. можно описать как период определенного «исчерпания» потенциала роста американского влияния в Центральной Азии. Это было связано с общим концептуальным кризисом политики США на постсоветском пространстве. После дефолта 1998 г. крах прозападных реформ в России стал окончательно свершившимся фактом. Политические противоречия между США и Россией, после того как Е. Примаков стал Председателем Совета министров РФ, также резко обострились, вплоть до грани военного конфликта (например, по поводу натовской военной операции в Югославии).

Надежды, связанные с партнерством с США, особенно у руководства Узбекистана, не реализовались. США становились все более враждебными «Талибану». Однако они пока не были готовы к принятию каких-то серьезных военных мер против этого движения. В то же время партнерство с Россией и Китаем давало странам региона надежду на какую-то реальную защиту. Кроме того, «Талибан», угрожавший безопасности Центральной Азии, продолжали воспринимать в регионе как американо-пакистанскую креатуру. В связи с ростом исламской угрозы (например, с терактами в Ташкенте или вторжениями боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999 и 2000 гг.) политические режимы региона также все болезненнее воспринимали американскую критику, связанную с недостаточной демократичностью и нарушением прав человека.

Политика США после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне

Радикальные изменения в американской политике в Центральной Азии произошли после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. Центрально-Азиатский регион на период антитеррористической операции в Афганистане превратился в один из главнейших объектов американских интересов в мире. С согласия России США получили для обеспечения операции в Афганистане военные базы в Узбекистане (Карши-Ханабад) и Киргизии (база «Ганси» в Бишкекском аэропорту «Манас»). Росто также военно-политическое сотрудничество с Казахстаном и Таджикистаном (последний стал переходить от преимущественной ориентации на Россию к многовекторной политике).

В регионе вновь начался рост влияния США, проявившийся в серии военно-политических договоренностей со всеми центральноазиатскими государствами, за исключением Туркменистана¹⁵. Администрация Дж. Буша-младшего также резко увеличила экономическую помощь странам региона: помочь Узбекистану с октября 2001 г. выросла втрое (до примерно 300 млн долларов)¹⁶. Резко выросла и военная помощь Казахстану. С лета 2003 г. США финансировали строительство совместной военной базы в портовом городе Атырау в богатом нефтью районе Каспия¹⁷.

Одним из основных игроков, ставшим вновь делать попытки вытеснить Россию из Центральной Азии, был Узбекистан. В частности, этой цели служила попытка вновь активизировать процесс центральноазиатской интеграции путем создания ОЦАС. Не менее активной была и риторика Ташкента. Так, в апреле 2002 г. президент Узбекистана И. Каримов заявил: «Решающую роль в снятии напряженности и опасности на южных рубежах Узбекистана сыграли исключительно США, их решимость и хорошо подготовленные вооруженные силы, а не участники Договора о коллективной безопасности»¹⁸.

Антитеррористическая операция привела к радикальным сдвигам в региональных военных интересах США. В 2002 г. министр обороны Д. Рамсфелд в докладе президенту и конгрессу отмечал: «Все пространство широкой дуги нестабильности от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии превратилось в «гримучую смесь» из усиливающихся и слабеющих региональных держав»¹⁹. Ответом стала глобальная передислокация военных сил, призванная обеспечить стратегический контроль над «дугой нестабильности»²⁰.

Одновременно с усилением военной активности США происходил и рост интереса к Центральной Азии со стороны НАТО. После последнего этапа своего расширения весной 2004 г. НАТО достигла границ СНГ. Одновременно в рамках операции ISAF Североатлантический альянс был активно вовлечен в афганскую ситуацию. В результате на саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле было объявлено о планах организации обратить особое внимание на сотрудничество со странами

Южного Кавказа и Центральной Азии²¹. Результатом стала серьезная активизация деятельности альянса в Центральной Азии²².

В США в этот период происходил очень серьезный пересмотр принципов центральноазиатской политики. Стала утверждаться точка зрения, которую сами американские эксперты характеризуют как «агрессивный реализм». В ее рамках была сделана следующая попытка разрешить дилемму «ценности – интересы». США необходимо максимально активно защищать свои национальные интересы в Центральной Азии, так как именно США являются воплощением идей демократии и свободы. Однако защита американских интересов будет более эффективной, а результаты антитеррористической операции более стабильными, если удастся сменить политические ориентации существующих в регионе режимов в пользу демократии. По сути, дилемма не была, таким образом, разрешена, так как обе ее части сохранились под маской изменившейся риторики. Правда, противоречие попытались устраниТЬ, предположив, что центральноазиатские режимы действительно удастся изменить и что это изменение приведет к большей стабильности. Попытка реализовать эти идеи привела позднее к «цветным революциям». Утверждение «агрессивного реализма» совпало с кратким периодом господства во внешней политике США экспертов «неоконсервативного направления».

Интерес к Центральной Азии в контексте южноазиатской политики США стал причиной возникновения нового проекта реорганизации структуры регионального порядка «Большая Центральная Азия»²⁴.

Политику США в регионе стала характеризовать новая совокупность принципов

Центральная Азия более не является «задним двором» России. Совместные попытки России и КНР стабилизировать ситуацию в регионе провалились. Они не смогли создать в регионе никаких эффективных структур регионального порядка. Поэтому рост американского вмешательства во многом отвечает как российским, так и китайским интересам²⁵. Последнее основывалось на явно фантастическом предположении, что и показала реально проявленная РФ и КНР озабоченность попытками сделать американское военное присутствие долговременным или даже постоянным. Так, например, руководитель Центрального командования генерал Т. Френкс заявлял, что американские вооруженные силы будут находиться в Центральной Азии «столько, сколько нужно».

Противоречивость «агрессивного реализма» сказалась в том, что США так и не смогли выбрать, готовы ли они сотрудничать с существующими в Центральной Азии политическими элитами или нет. США достаточно холодно отнеслись к попыткам Ташкента использовать американскую мощь для борьбы с базировавшимся в Афганистане и союзным с «Талибаном» ИДУ.

■ Научные школы МГИМО

Более того, 20 августа 2002 г. госдепартамент США выпустил специальный информационный доклад, в котором содержались сведения о качественном изменении политики США по отношению к Узбекистану и Киргизии, то есть обоим государствам, которые воспринимались как ключевые для американского военного присутствия в регионе. Они становились объектами первоочередного внимания Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента США. Последнее должно было обеспечить становление политических партий в этих странах, создать типографские возможности, которые бы обеспечили доступ населения к свободным и независимым источникам информации, поддержать программу укрепления независимой журналистики²⁶. Очевидно, что с точки зрения политических элит Узбекистана и Киргизии речь шла о вмешательстве во внутреннюю политику стран, направленную на изменение и даже свержение режимов И. Каримова и А. Акаева.

Американское посольство в Киргизии поддержало оппозиционные выступления против президента Акаева, которые прошли в марте – мае 2002 г.²⁷. В Узбекистане организовывались ресурсные центры, представлявшие свои технические возможности для поддержки оппозиции²⁸. Сходная политика, которая способствовала изменению политического режима, проводилась и в некоторых других постсоветских странах, в частности в Грузии и Украине.

Именно в последних двух странах и произошли первые «цветные революции» (2003 г. – Грузия, 2004 г. – Украина). В марте 2005 г. А. Акаев был свергнут в ходе «революции тюльпанов». Однако пришедшее ему на смену правительство оказалось первоначально в большей степени антилиберальным, пророссийским и прокитайским, чем свергнутое. Лишь незадолго до свержения Бакиева в 2010 г. отношения между Бишкеком и Москвой резко ухудшились.

В мае 2005 г. после подавления волнений в Андижане, организованных исламистским и отнюдь не прозападным движением "Акрамия", узбекское правительство обвинило в организации этих событий западные неправительственные фонды и правительство США. Сотрудничество с Америкой было свернуто, а войска США были вынуждены покинуть базу Карши-Ханабад. Узбекистан после этого в течение определенного времени стал ориентироваться в своей внешней политике на Россию и Китай.

В результате в 2005 – 2008 гг. возник новый кризис центральноазиатской политики США, совпавший по времени со вторым сроком президентства Дж. Буша-младшего. «Агрессивный реализм» привел к тому, что отношения с большинством стран региона было очень серьезно испорчены. Не было никакой концептуальной ясности по поводу того, каким образом их исправлять, хотя сами страны Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан) посыпали сигналы о наличии готовности к этому. США сохранили свои интересы и на восточном побережье Каспия, хотя внутриполитическая

ситуация в Казахстане все больше подвергалась критике. Отношения с Россией и Китаем в Центральной Азии окончательно превратились в жесткое соперничество. При этом, несмотря на определенное расхождение интересов, обе страны тесно сблизились и часто выступали в противостоянии с США в Центральной Азии «единым фронтом».

Ситуация осложнялась тем, что США больше не имели свободных ресурсов для центральноазиатской политики, так как они были заняты Ираком, а экономическая ситуация в самой Америке накануне начала глобального экономического кризиса не способствовала активной внешней политике.

Война с «Талибаном» в Афганистане шла все хуже, а «наркотизация» экономики страны прогрессировала. При этом дестабилизация ситуации в соседнем Пакистане, где ряд окраинных племенных территорий оказался под контролем местных талибов, все более внушала опасения. Будучи занятymi в Ираке, Соединенные Штаты очень хотели бы, чтобы страны ЕС взяли на себя большую долю ответственности за ситуацию как в этой стране, так и в Центральной Азии в целом. В результате, по сути, разворачивался процесс постепенного частичного «ухода» США из региона, который американские стратеги надеялись компенсировать все большим вовлечением Европы. Однако накопление проблем в Афганистане и Пакистане привело к тому, что позднее приоритетное внимание новой администрации Б. Обамы вновь перешло от Ирака к Афганистану.

Президентство Обамы и перспективы новой региональной политики США

В ситуации глобального экономического кризиса резко ускорились процессы упадка «однополярной» модели глобального управления, связанной с лидерством США. Это проявляется уже в региональной политике новой демократической администрации Барака Обамы. Ключевой проблемой, которую призвана была решать новая администрация, стал экономический кризис, начавшийся во второй половине 2008 г. В связи с этим приоритетными для США стали внутренние и международные экономические проблемы, связанные с экономическим кризисом. Все прочие проблемы превратились, по сравнению с этим, во второстепенные.

Однако новая администрация унаследовала от администрации Дж. Буша-младшего и целый ряд актуальных внешнеполитических проблем, которые имеют непосредственное отношение к Центральной Азии. Приход к власти демократов во многом стал реакцией на банкротство модели внешней политики, разработанной в интеллектуальном и экспертном плане «неоконсерваторами» в республиканской администрации. В рамках этой доктрины предусматривалось активное распространение и даже насилиственное внедрение институтов демократии по всему миру. Это должно было способствовать, по мнению соответствующих экспертов, укреплению глобальных позиций США и одновременно за счет

консолидации нации преодолеть ее внутренний «моральный упадок».

Однако в реальности эта идеология привела к длительной войне в Ираке, уменьшению популярности США по всему миру и бессмысленной трате огромных материальных средств. Реализация политики «неоконсерваторов» была поддержана в пропагандистском плане абсолютно не соответствовавшей реальности идеей о наличии потенциальной связки между глобальным терроризмом и оружием массового поражения в Ираке (фактически сфальсифицированное «иракское ядерное досье» и т.п.). При этом реальная угроза в Афганистане, откуда и были скординированы террористические атаки 9/11, была практически забыта.

Именно последнее и стало ключевой внешнеполитической идеей Б. Обамы в период его президентской кампании. Важнейшей задачей новой администрации стал вывод войск из Ирака, переключение всех наличных военных ресурсов на Афганистан и Пакистан, решение афганской проблемы и последующий «выход» из региона. В этом плане война в Афганистане и на племенных территориях Пакистана и соответственно проблема обеспечения северного маршрута снабжения войск в среднесрочной перспективе оказалась фактором, серьезно привязывающим американские интересы к пяти странам постсоветской Центральной Азии. Реализации этой задачи способствовало то, что в период, предшествовавший приходу к власти демократов, американские военные сумели «переломить» ситуацию в Ираке. Сходные методы решения проблем было решено перенести и на Афганистан.

Наибольшие изменения в плане внешней политики США в реальности произошли на уровне ментальности руководящих кругов и идеологии соответствующих экспертов. Изменения в этом плане по сравнению с администрацией Дж. Буша-младшего разительны. Неоконсерваторы и радикальные республиканцы в 2009–2010 гг. были полностью устраниены от всех рычагов управления. В преддверии новых президентских выборов Обама провозгласил новую американскую стратегию, в которой решающую роль стал играть Азиатско-Тихоокеанский регион. По сути, в рамках деятельности новой администрации произошло признание реального факта общего упадка американских возможностей в одиночку определять ключевые глобальные процессы. Ниже мы проанализируем ключевые последствия этих перемен в плане перспектив центральноазиатской политики США.

Во-первых, новая администрация стала формировать сближение с такими важными незападными глобальными акторами, как Китай, Индия и Россия. Это происходит даже за счет отношений со старыми партнерами (ЕС, Япония), несмотря на личную популярность Обамы по всему миру, и особенно в Европе. Определенное охлаждение отношений с Европой проявилось, например, в уменьшившихся количестве и продолжительности встреч с европейскими лидерами. О последнем активно пишут все европейские газеты, отмечая, что Обама интересуется обзаведением новыми пар-

тнерами (такими, как Китай и Индия) в намного большей степени, чем сохранением старых (страны ЕС). Разумеется, это не значит, что США откажутся от своих старых союзнических отношений с ЕС, Японией, Израилем, Южной Кореей, Турцией и Пакистаном. Соответствующее партнерство будет реализовываться и в регионе Центральной Азии. Однако США начинают все активнее маневрировать между своими старыми союзниками по «холодной войне» и новыми ключевыми глобальными игроками.

Для Центральной Азии особенно важным было изменение политики США по отношению к России. Соответствующая политика получила название «перезагрузка отношений». В частности, она проявилась в подписании соглашения по СНВ 8 апреля 2010 г., периодически также возникло сотрудничество в плане борьбы с иранской ядерной программой, имел место частичный отказ от конфронтационной риторики на постсоветском пространстве. Однако в дальнейшем прежде всего из-за разногласий по американской системе ПРО «перезагрузка» затормозилась.

В результате «перезагрузки» отношений с Россией Америка де-факто пытается вернуться к образцам политики на постсоветском пространстве, характерным для второй половины 1990-х гг. (вторая администрация У. Клинтона), когда противостояние между РФ и США еще не превратилось в идеологическую конфронтацию, как это было в период "цветных революций". В этом плане показательна даже передача должности государственного секретаря жене Б. Клинтона Хиллари Клинтон. Однако в результате вновь восстанавливаются и дилеммы того времени. Новая демократическая администрация заявляет, что она готова активно сотрудничать с Россией и центральноазиатскими странами. Однако это сотрудничество все еще мыслится в рамках собственных стандартов и интересов. В результате потенциальные партнеры начинают подозревать, что эта политика лишь немногим отличается от открытых попыток «изменить режимы», так как речь идет о навязывании целей и стандартов сотрудничества.

Россия также продолжала реализовывать определенные элементы конфронтационной политики по отношению к США в Центральной Азии. В частности, попытка администрации Бакиева, которой была обещана крупная финансовая помощь со стороны России, закрыть в обмен на это ключевую для северного маршрута снабжения войск в Афганистане американскую военную базу «Манас» вызвала новую волну противостояния. Бакиев затем разменял сохранение базы (в формально видоизмененном виде) на американскую экономическую помощь. После переворота в Киргизии 7 апреля 2010 г. борьба Москвы и Вашингтона временно еще более обострилась. При этом ситуация в российско-западных отношениях уже была обострена в связи с ранее прошедшими выборами на Украине, где в результате президентских выборов к власти пришли «антиоранжевые силы», поддержанные Россией. В результате западные СМИ активно об-

■ Научные школы МГИМО

виняли Россию в организации антибакиевского переворота. При этом США опасались, что временное правительство нарушит американские договоренности с Бакиевым и закроет базу, чего не произошло.

В целом у США в среднесрочном и краткосрочном плане нет больше ресурсов на такой далекий регион, как Центральная Азия. Только афганская проблема и вопросы борьбы с глобальным терроризмом продолжают привязывать американские интересы к этому региону – в основном в плане обеспечения северного маршрута снабжения войск. В связи с этим в рамках деятельности в регионе западной коалиции будет продолжать расти роль ЕС, которая, возможно, станет основным западным актором в регионе. В рамках евроатлантической коалиции экономическая и «мягкая сила» ЕС будут поддержаны в Центральной Азии «жесткой» военно-политической силой США. Однако США, в силу отсутствия необходимых для этого ресурсов, будут все менее готовы к противостоянию с Китаем и Россией в регионе. В связи с этим они будут все активнее маневрировать в регионе между своими старыми союзниками (особенно ЕС и Турцией), с одной стороны, и новыми потенциальными глобальными партнерами (Китаем, Индией и Россией) – с другой. При этом США, опираясь на свои все еще огромные военно-политические ресурсы, возможно, попробуют сохранять претензии на роль ключевого арбитра между вышеперечисленными акторами в решении ключевых стратегических вопросов.

Ключевым моментом, вносящим неопределенность в политику США в регионе, стал вопрос о выводе войск из Афганистана. 23 июня 2011 г. президент США Барак Обама объявил о начале вывода войск США из страны уже начиная с августа 2011 г. Это решение было подкреплено такими частичными успехами, как убийство Бен Ладена, Ильяса Кашири и ряда других лидеров-террористов, что позволило заявить о положительных результатах операции в Афганистане в целом. Международные силы в Афганистане насчитывают около 130 тыс. военнослужащих из 20 государств-членов НАТО и 28 стран, не входящих в альянс. На момент заявления Б. Обамы в контингент входили 90 тыс. американских военнослужащих (и дополнительно 16 тыс. контрактников под командованием Международных сил содействия безопасности), 9,5 тыс. британских военнослужащих и небольшие контингенты Польши, Румынии, Испании, Германии, Франции, Италии, Канады и Турции.

Первичный вывод войск должен пройти в два этапа: 5000 военнослужащих вернулись в США летом, и еще 5000 должны вернуться до конца года. Остальные подразделения из направленных в Афганистан в свое время подкреплений – 20 тыс. солдат и 3000 сотрудников технического персонала – будут выведены к президентским выборам в США (конец сентября 2012 г.). Передача полного контроля за безопасностью афганским военным должна полностью завершиться к 2014 г.

Согласно американским планам, завершение пребывания США и НАТО в Афганистане еще не означает завершения миссии международной коалиции и соответственно их военно-политического присутствия в стране. Вывод боевые подразделения из Афганистана, США будут стремиться сохранить свое военное присутствие в стране, оставив части небоевого, технического и иного обслуживания на базах, которым предполагается придать статус постоянных американских баз.

Тем не менее вывод войск США из Афганистана может привести к масштабной дестабилизации этой страны, наподобие того, что имело место в 1990-х гг. после прекращения советской помощи правительству Наджибуллы. В ставшем достоянием общественности в начале 2012 г. секретном докладе НАТО (написанном на основании информации, полученной в ходе допросов пленных талибов) отмечалась очень высокая вероятность того, что после вывода войск США Афганистан вновь будет захвачен «Талибаном»²⁹. Такого рода оценки ситуации вызвали панику в антиталибансских рядах, в связи с чем доклад был дезавуирован как нерепрезентативный.

Однако процесс вывода войск уже сейчас приобретает достаточно хаотический характер, а также получает тенденцию к самопроизвольному ускорению, что вызывает четкие ассоциации с ситуацией «выхода» американцев из Южного Вьетнама. Выход войск происходит в условиях полной неопределенности с точки зрения его сроков, логистического обеспечения, позиции талибов и их союзников, перспектив мирного поиска урегулирования кризиса, позиций соседних стран, в первую очередь Пакистана. В январе 2012 г. президент Франции Н. Саркози заявил о том, что французские войска прекратят боевые операции и уйдут из Афганистана в 2013 г., то есть на год раньше объявленного НАТО срока. 1 февраля 2012 г. министр обороны США Леон Панетта заявил, направляясь в Брюссель, что международный контингент уже к середине 2013 г. перейдет к формуле «обучение и советы», прекратив боевые операции³⁰.

Уход боевых подразделений НАТО не означает, что американцы хотят полностью оставить Афганистан на произвол судьбы. Они желают сохранить в стране свои базы, вместе с союзниками будут поддерживать армию афганского правительства в материальном, логистическом и иных планах. Они будут также активизировать переговоры с талибами с целью добиться их вхождения в коалиционное правительство. Однако предшествующий негативный опыт переговоров с «Талибаном» говорит о том, что вероятность компромисса чрезвычайно низка. Слабая боеспособность правительственный армии Афганистана (например, в этой армии практически нет пуштунов – основного афганского этноса) также вызывает сомнения в ее способности удержать страну под контролем.

Вызывает вопрос и возможность США наладить эффективное сотрудничество с Россией и Китаем. В частности, уход из Афганистана заставит американцев все большее внимание уделять пост-

советской Центральной Азии. Усложнение отношений с Пакистаном уже привело к тому, что судьба войск НАТО в Афганистане полностью зависит от «северного» (через Россию и Центральную Азию) маршрута. Однако усиление американского интереса к Центральной Азии может вновь привести к столкновению с Россией и Китаем.

Заключение

Политика США в постсоветской Центральной Азии характеризовалась постоянными изменениями. В ней можно выделить четыре периода:

– в первой половине 1990-х гг. приоритет был отдан отношениям с Россией, Центральная Азия воспринималась как «задний двор» РФ. Этот период совпал с президентствами Дж. Буша-старшего и первого президентства У. Клинтона;

– во второй половине 1990-х гг. произошла активизация политики США на постсоветском пространстве, росло стратегическое соперничество с Россией, однако стратегический приоритет РФ в Центральной Азии оспаривался только частично, концепция «заднего двора» сохранялась. Этот период совпал со вторым президентским сроком У. Клинтона;

– после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне стратегия США в регионе стала достаточно агрессивной. Вход в Афганистан вызвал активизацию политики и в постсоветской Центральной Азии. Соперничество с Россией (и частично с КНР) достигло максимума в период «цветных революций» и войны России с Грузией в 2008 г. Этот период совпал с президентством Дж. Буша-младшего;

– в период президентства Б. Обамы делались попытки наладить диалог с Россией и КНР. Одновременно приоритетность постсоветского пространства, связанная изначально с европейскими делами, снизилась. Афанская политика пережила радикальные перемены от активизации боевых

действий (начало президентского срока Обамы) до планов по выводу войск и роста осознания возможности поражения (конец президентского срока Обамы).

В будущем можно прогнозировать дальнейшее усложнение афганских проблем и связанный с этим рост интереса США, России и Китая к постсоветской Центральной Азии. В этой связи растет возможность усиления противоречий этих держав в регионе. Однако, осознавая, что афганские проблемы несут одинаковую угрозу Западу, России и Китаю, ключевые игроки могут и договориться о позитивном взаимодействии. В случае переизбрания Обамы, возможно, шансы на то, что американцы будут искать пути достижения договоренности с другими великими державами, повысятся.

Kazantsev A.A. Politics of the USA in Post-Soviet Central Asia: character and prospects.

Summary: Four main periods can be distinguished in US policy in Central Asia. In the first half of the 1990-s the relations with Russia were a priority, and the region was perceived as a «Russia's backyard». In the second half of the 1990-s US policy in the region has become more active and strategic competition with Russia started to grow. However, Russia's strategic priority in the region was contested only partially. After 9/11 American strategy in the region has become quite aggressive, geopolitical competition with Russia (and, partially, with China) has peaked during the «color» revolutions and then during Russian-Georgian war in 2008. During Obama's presidency serious attempts to establish a dialogue with Russia and China have been made. Post-Soviet space has partially lost its priority due to its connection with European dimension of American policy, while Afghan dimension is still a key factor determining American strategy in Central Asia. Now we are on the threshold of a new period in American policy, which is connected to the withdrawal from Afghanistan.

Ключевые слова

Политика США, Центральная Азия, Афганистан, международный терроризм, geopolитика.

Keywords

US policy, Central Asia, Afghanistan, international terrorism, geopolitics.

Примечания

- Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М.: МОНФ: ИСК РАН, 2005. 240 с.
- См.: Шилдс Дж. Программа Нанна-Лугара: отношения между США и странами–получателями помощи // Ядер. контроль. 1996. № 16. С. 17–23; Поттер У.С. Отказ от ядерного оружия: Белоруссия, Казахстан, Украина. М. [Б. и.], 1996. 53 с.
- Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США: экономика, политика, культура. 1994. № 3. С. 29–38.
- Трынков А.А., Глущенко Ю.Н. Некоторые аспекты политики США в отношении стран СНГ и интересы России // США в новом мире: пределы могущества / Рос. ин-т стратег. исслед.; под ред. В.И. Кривохиха. М., 1997. С. 377–412.
- Васютович В.П. Политические отношения между Казахстаном и США // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / Рос. ин-т стратег. исслед.; ред. Е.М. Кожокин. М., 1995. С. 318–320. Сулейменов Т. Вопросы экономики в казахстанско-американских отношениях // Внешняя политика Казахстана: сб. ст. / редсовет: Н.Ж. Даненов [и др.]. М.; Алматы, 1995. С. 18–23.
- Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М.: МОНФ: ИСК РАН, 2005. С. 180.
- Трынков А.А. Отношения между Узбекистаном и США // Узбекистан: обретение нового облика: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 226.

■ Научные школы МГИМО

8. Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М.: МОНФ, ИСК РАН, 2005. С. 179.
9. Выступление Т. Фрэнка на слушаниях в комитете по вооруженным силам палаты представителей конгресса США 28 марта 2001 г. URL: <http://franks.house.gov/> (date of access: 10.02.2002).
10. Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М.: МОНФ, ИСК РАН, 2005. 240 с.
11. Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М.: МОНФ, ИСК РАН, 2005. С. 180.
12. Lewis B. Rethinking the Middle East // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71, № 4. P. 99–119.
13. См.: Defense News. 1997, 4 February.
14. Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии. (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент: Фан, 1995. 156 с.; Ахмедов Б. История: учеб. для 5 кл. сред. шк. Ташкент, 1999; Рахимов Ж. История Узбекистана (вторая половина XIX века-начало XX века): учеб. для 9 кл. сред. шк. Ташкент, 2001. 316 с.; Фармонов Р. Всемирная история: учеб. для 8 кл. сред. шк. Ташкент, 2001; Костецкий В. История Узбекистана. Ташкент, 2002; Салимов Т. Всемирная история: учеб. для 8 кл. сред. шк. Ташкент, 2000; Хидоятов Г.А. Всемирная история: Новейший период: учеб. для учащихся 10 кл. сред. шк., акад. лицеев и колледжей. 2-е изд., испр. и доп. Ташкент: Шарк, 2002. 400 с.
15. Wishnick E. Strategic consequences of the Iraq War: U.S. security interests in Central Asia reassessed. Carlisle Barracks: Strategic Studies Inst.: U.S. Army War College, 2004. 48 p.
16. Terrorism: questions & Answers-Uzbekistan, 2004 // Council on Foreign Relations. URL: <http://www.terrorismanswers.org/coalition/uzbekistan.html> (date of access: 14.10.2004).
17. Kazakhstan Building Military Base on Caspian With U.S. // EURASIANET. URL: <http://www.eurasianet.org/resource/kazakhstan/hypermail/200310/0013.shtml> (date of access: 14.10.2004).
18. Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002. 5 апр.
19. Rumsfeld D.H. Annual Report to the President and the Congress (Washington, 2002) // U.S. Department of Defense. URL: <http://www.defenselink.mil/execsec/adr2002/index.htm> (date of access: 14.10.2004).
20. Feith D.J. Transforming the Global Defense Posture. Washington: [S. n.], 2003. 33 p.
21. Istanbul Summit Communiqué, Istanbul, 28 June 2004 // NATO [Electronic resource]. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-09be.htm> (date of access: 14.10.2004).
22. См.: Барабанов О.Н. Политика НАТО в отношении государств Центральной Азии и Закавказья // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: «Навона», 2005.
23. Collins, K. Stabilizing or destabilizing Central Asia? The Great Powers and Central Asia After September 11 // Paper Presented at the Conference: Reconfiguring East and West in the Bush-Putin Era. Berkeley, 13. 14.04.2002.
24. Starr S.F. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs.– 2005.– July/August. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20050701faessay84412/s-frderick-starr/a-partnership-for-central-asia.html> (date of access: 19.02.2009); Economic cooperation in the wider Central Asia region / W. Byrd [et al.].– Washington: World Bank Publ., 2006. 80 p.
25. Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М.: МОНФ, ИСК РАН, 2005. 240 с.
26. Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002. 23 авг.
27. См.: Выступление помощника госсекретаря Л. Крейнера на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27 июня 2002 г. URL: <http://www.state.gov> (date of access: 02.04.2003); Выступление заместителя помощника госсекретаря Б.Линна Паско на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27.06.2002 г. URL: <http://www.state.gov> (date of access: 02.04.2003).
28. Выступление помощника госсекретаря Л.Крейнера на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27 июня 2002 г. URL: <http://www.state.gov> (date of access: 02.04.2003).
29. Pakistan helping Afghan Taliban – Nato, <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-16821218>
30. Блиннов А. Готовится отступление из Афганистана. Вашингтон пытается договориться с "Талибаном". НГ. Дипкурьер. №2 (176). 06.02.2012. С. 12.

К вопросу о выработке стратегии для Шанхайской организации сотрудничества

В.Я. Воробьев

Создание стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества обусловлено перманентно изменяющейся международной средой, политической нестабильностью стран-участниц организации и намерением включить в ее состав новых членов. Среднесрочное планирование позволит ШОС эффективно и своевременно отвечать на внутренние и внешние вызовы, сформулировать достижимые цели и исправить существующие недостатки. Среди последних особенно выделяется нехватка четкого механизма кризисного реагирования. Его выработка требует пересмотра применимости консенсусного голосования по ряду вопросов, широкое использование инструмента внеочередных заседаний органов ШОС, а также распространение такого механизма на весь основной состав организации.

На саммите ШОС в Астане летом 2011 г. прозвучали предложения разработать стратегию дальнейшего развития этой организации. Идея была сочтена своевременной и находится в стадии реализации. За 10 первых лет существования ШОС заложены ее идеологические основы («шанхайский дух»), проведена институционализация многоуровневого устройства, запущена разветвленная система механизмов сотрудничества, ШОС включилась в глобальную сеть международного общения. С точки зрения динамики роста ШОС можно уподобить подростку-акселерату. В оценке такого явления обычно соседствуют завышенная планка ожиданий и нотки разочарования в связи с неизбежными в ходе ускоренного развития несразностями и несообразностями.

Поэтому резонными выглядят потребность и желание стран-основателей что-то прочнее закрепить, а что-то уточнить, подправить и улучшить в организации, с тем чтобы придать больше стройности ее облику, добавить живости раскрытию ее потенциала. Смысл стратегии видится в дальнейшем совершенствовании ШОС, в первую очередь в плане навыков и инструментов адаптации к постоянно меняющемуся международному контексту и перепадам в

политической повседневности стран-участниц. При этом неизменность идеино-философского остова организации вопросов не вызывает. Сложности прибавляет то, что ШОС готовится к расширению своего основного состава.

Лейтмотив совершенствования любой организации можно свести к непрерывным усилиям, направленным на повышение ее коэффициента полезного действия в целом, а применительно к ШОС и каждого из ее трех главных сегментов – политического, экономического и социокультурного. Обеспечить это можно, судя по опыту других признанных международных объединений, посредством последовательной череды среднесрочных стратегий, которые обновляются примерно один раз в 10–12 лет. Такой подход позволяет своевременно актуализировать деятельность организации на базе осмысления пройденного пути, постановки свежих конкретных задач, выделения этапов и способов их достижения. Иными словами, речь идет об относительно долгосрочном комплексном программировании.

Подобного рода прецедентов в ШОС пока не было. Учитывая приверженность ШОС правилу консенсуса по принципиальным вопросам ее деятельности и первопроходческий характер

Воробьев Виталий Яковлевич – с.н.с. Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научные школы МГИМО

целей, составление стратегии может занять достаточно продолжительный временной отрезок. Чтобы в окончательном виде она получилась не декларативной, а предметной и единственной, разработку можно было бы начать с согласования концептуальных подходов. Что касается постановки акцентов, то, как представляется, они могли бы быть следующими:

- приданье большей слаженности всей механике взаимодействия в рамках ШОС и повышение его эффективности;
- укрепление в двустороннем и многостороннем форматах консолидирующих политических начал на пространстве ШОС;
- подтягивание экономической составляющей соразмерно приспособлению ШОС к новым внешним и внутренним вызовам и реальностям;
- значительная активизация социокультурной сферы с прицелом на формирование «чувствства общности» в рамках ШОС;
- усиление международного позиционирования ШОС;
- перевод процесса расширения нынешнего «ядра» ШОС в практическое русло;
- динамизация связей ШОС с наблюдателями и партнерами по диалогу.

Успешность и субстантивность реализации среднесрочной стратегии во многом будет зависеть от взятых приоритетов на первые три–пять лет. В этой связи представляется уместным привлечь внимание к ряду моментов.

Во-первых, заметным изъяном ШОС, по распространенному мнению, считается отсутствие четко работающего механизма оперативного реагирования на кризисные ситуации. Кризисные ситуации бывают различными. Одно дело – события в тех или иных частях мира. Другое – угрозы или подрыв стабильности на территориях государств–членов ШОС. В последнем случае причины могут быть внешними или сугубо внутренними, а также иметь смешанную окраску. Чтобы добиться эффективности, конкретную реакцию следует выстраивать дифференцированно. Свод правил реагирования на кризисные ситуации в странах основного состава ШОС существует уже несколько лет. В нем не просматривается четкого разделения характера угроз. Процедура реагирования выглядит довольно громоздкой, тягучей и замедленной. Отсюда, очевидно, упреки в недостаточности остроты и оперативности реагирования.

Двумя краеугольными составляющими идеологии ШОС являются принципы невмешательства во внутренние дела и уважения суверенитета всех участников. «Табу» на обсуждение отдельных аспектов внутриполитических проблем нет. Однако любая корректировка механизмов организации может справедливо встретить отторжение, если покусится на незыблемость этих двух принципов. Против такого подхода говорит и вся внешнеполитическая практика государств–членов. Даже при самом расширенном толковании Хартия и другие установочные

документы ШОС не допускают мониторинга внутреннего законодательства и порядков государства, наделения ее полицейскими функциями с набором собственных средств «принуждения к миру». Диагностика внутренних кризисов сложна, их симптомы и причины могут толковаться неоднозначно и неодномерно. Нельзя допустить, чтобы реагирование с целью нейтрализации и урегулирования кризисов превратилось в свою противоположность, создавало поводы для возникновения рассогласованности и трещин в организме ШОС.

Содержательным стержнем механизма реагирования ШОС может быть только его политико-дипломатическая ориентированность. Другое дело, что инструментарий реагирования должен эволюционировать в сторону большей решительности и целенаправленности. В этой связи – о трех моментах:

а) определение формата реакции, как представляется, имеет иное качество, чем принятие традиционного решения в рамках ШОС. Речь может идти только о выражении оценочного мнения и о рекомендациях в адрес какой-то страны или группы государств. Поэтому, видимо, стоит рассмотреть, в какой мере в подобных случаях может работать правило консенсуса;

б) в практическом плане следует конкретизировать и смелее использовать такие инструменты, как созыв внеочередных заседаний органов ШОС (может быть, совмещенных), выдвижение от имени Генерального секретаря собственных программ решения, широкое использование институтов посредничества и специальных посланников, в том числе по согласованию с ООН;

в) при совершенствовании механизма кризисного реагирования нельзя упускать из виду, что он распространяется на весь основной состав организации, а избирательность может касаться только отдельных аспектов в приложении к конкретному адресату.

Во-вторых, задача создания к 2020 г. в рамках ШОС условий для свободного перемещения товаров, инвестиций, услуг и рабочей силы сегодня выглядит гораздо более сложной, чем представлялось при ее постановке. Конечные и промежуточные цели движения по этому треку могут быть определены только в контексте сочетания уже выявившихся разновекторных усилий. Для части «ядра» ШОС, входящей в СНГ, это решение о создании «зоны свободной торговли» в рамках Содружества, Таможенный союз, перспектива образования к 2015 г. Евразийского экономического союза. Для Китая – это такие интеграционные комбинации, как АСЕАН+1, АСЕАН+3, намечаемое объединение в лице Китая, Японии и Южной Кореи плюс наличие АТЭС, Евросоюза, БРИКС, механизма саммитов Азия–Европа.

Полная экономическая интеграция «ядра» ШОС с созданием наднациональных управленийских органов вряд ли годится как ориентир на

среднесрочную перспективу. Будущей модели скорее стоит придать характер жизнеспособной связки между различными интеграционными схемами. Чтобы развести задачи, для решения которых требуются разные средства, обсуждение интеграционной тематики было бы уместным сосредоточить в специально созданной структуре, состоящей из стран основного состава ШОС и действующей согласно собственной «дорожной карте». Проектная деятельность ШОС при таком раскладе займет самостоятельную нишу. Она бы опиралась на имеющиеся механизмы и не находилась в прямой привязке к темпам продвижения по интеграционному руслу. На этом поле должны быть задействованы все игроки в рамках ШОС, независимо от их статуса. Сочетания могут быть разными, но с обязательным участием не менее двух членов основного состава организации. Практика других зрелых международных объединений свидетельствует, что комбинационный подход, принцип «добровольной многосторонности» применительно к конкретным проектам отнюдь не размывает основ и процедур организации. Иначе организация в плане экономического сотрудничества окажется обездвиженной. Хартия ШОС допускает подобную гибкость.

Плодотворны идеи создания специального фонда (счета) ШОС и Банка развития ШОС (здесь, конечно, придется найти соотношение с Межбанковским объединением ШОС). Эти учреждения не противостоят, а могут функционально дополнять друг друга. Работающий пример АСЕАН показывает, что наличие фонда (счета) необходимо и полезно для финансирования проектных заделов и презентационной деятельности. Задача банка видится в поощрении использования национальных валют для взаимных расчетов, в поддержке крупных объектов, прежде всего в таких областях, как транспортно-коммуникационная сеть, сельское хозяйство, подготовка кадров, экология и энергетика.

Что касается создания Энергетического клуба ШОС, то едва ли он сразу будет способен координировать энергетическую политику стран-участниц, заниматься вопросами добычи и транспортировки энергоресурсов. Хотя такие цели могут присутствовать, подходы к ним потребуют времени и преодоления многих этапов. В рамках клуба можно было бы заняться современными технологическими разработками, а также острой темой водопользования, которая тесно связана с насущными научными проблемами опустынивания и гляциологии (ледники). Клуб мог бы формироваться по принципу «само-

изъявления и добровольности», охватывая всех участников ШОС. «Приложить руку» к его созданию, очевидно, должен Деловой Совет ШОС. В любом случае клубу следует избежать превращения в еще одну площадку для чиновников.

Двигаясь от простого к сложному, в качестве стартовой ступени можно собрать широкий представительный энергетический форум ШОС с участием наблюдателей и партнеров по диалогу. Сама подготовка к нему позволит детализировать сферы сопряжения интересов и смоделировать дальнейшие шаги. Учитывая значимость и перспективность энергетической составляющей, решение о проведении форума и о создании подготовительного комитета предпочтительно утвердить на уровне глав государств или глав правительства.

В-третьих, с точки зрения развития социокультурного сегмента ШОС приоритетным представляется стимулирование разного рода художественно-образовательных и спортивных программ, особенно с подключением молодежи, может быть создание соответствующих межстрановых объединений. В глазах широкой общественности именно этот сегмент в состоянии придать необходимую наглядность и красочность деятельности ШОС.

В-четвертых, назрел вопрос о создании собственной информационно-аналитической службы ШОС при Секретариате или в его рамках. Она могла бы, помимо прочего, сосредоточиться на целенаправленном формировании и продвижении имиджа ШОС, прежде всего внутри шоссовского пространства, а также заняться прогнозированием. В целом выработка стратегии – это серьезный тест для ШОС, проверка ее сильных сторон, которая требует мобилизации присущих организации духа саторчества и соразвития.

Vorobyov V. J. To the Question of the Elaboration of the Strategy for the Shanghai Cooperation Organization.

Summary: Working out of a development strategy for the SCO largely depends on the constantly changing international environment, the political instability of member-states and the group's plans to include new members. Mid-term planning will allow the SCO to give an effective and timely response to both internal and external challenges, set attainable goals and correct the existing shortcomings such as the lack of an efficient mechanism of action in times of crises. To establish such a mechanism the SCO should reconsider the consensus voting principle on a number of questions and actively use the emergency sessions of the SCO ruling bodies.

Ключевые слова

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), стратегия развития, Центральная Азия, интеграция.

Keywords

Shanghai Cooperation Organization (SCO), development strategy, Central Asia, integration.

Технический прогресс, безработица и уровень благосостояния

М.В. Сафончук

В данной статье рассматривается воздействие технического прогресса на уровень безработицы, цен и заработной платы в условиях рыночной экономики. Показано, как изменения в производительности могут влиять на психологический настрой экономических агентов. Обосновывается предположение о начале понижательной фазы большой волны экономической конъюнктуры и о возможности длинных волн изменять в долгосрочном плане пропорции между потреблением и сбережениями.

Технический прогресс является ключевым фактором роста ВВП и благосостояния населения промышленно-развитых стран. С начала промышленной революции рабочие боялись, что технический прогресс уничтожит рабочие места. Группы рабочих текстильной промышленности – луддиты – в Англии в начале XIX в. разрушали новые машины. Во Франции это проделывали «саботажники» (от названия обуви «сабо»).

Тема технологической безработицы возникает всегда, когда сокращается занятость. Однако на практике страны-лидеры технического прогресса одновременно удерживают пальму первенства и в уровне ВВП, а следовательно, в занятости и в качестве жизни. Так, среди стран ОЭСР самый высокий уровень производительности и один из самых низких показателей безработицы наблюдается в США и Японии¹.

Если мы посмотрим на графики снижения занятости в США за весь послевоенный и современный период, связанный с активным внедрением технического прогресса (рис.1), то можно увидеть следующее. Во время современных рецессий (а это, как правило, пики безработицы)

занятость падала незначительно (в рамках коридора от 1 до 5 процентов) и в среднем восстанавливалась за 1 – 1,5 года. Очевидна тенденция сокращения амплитуды падения занятости по сравнению с послевоенным периодом, что по времени совпадает с наращиванием высокотехнологической составляющей в производстве и в сфере услуг. Заметим, что структурная перестройка промышленности США как реакция на структурный кризис² заметно затормозила рецессии и снижение занятости, начинавшиеся в 1990 и в 2001 г. (см. рис.1).

Иключение, пожалуй, составляет более резкое и продолжительное снижение занятости во время последнего финансово-экономического кризиса, начавшегося в США в конце 2007 – начале 2008 г. Глубина падения ВВП и занятости была представлена средствами массовой информации в наиболее драматичных оценках со времен Великой депрессии. Между тем последний всплеск циклической безработицы составил всего 6,2% по сравнению с 25-процентной потерей рабочих мест в конце 1920-х гг. Так что два мощнейших кризиса с похожими факторами и сценариями оказались несопоставимыми по глубине и тра-

Сафончук Марина Валентиновна – к.э.н., доцент кафедры прикладной экономики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

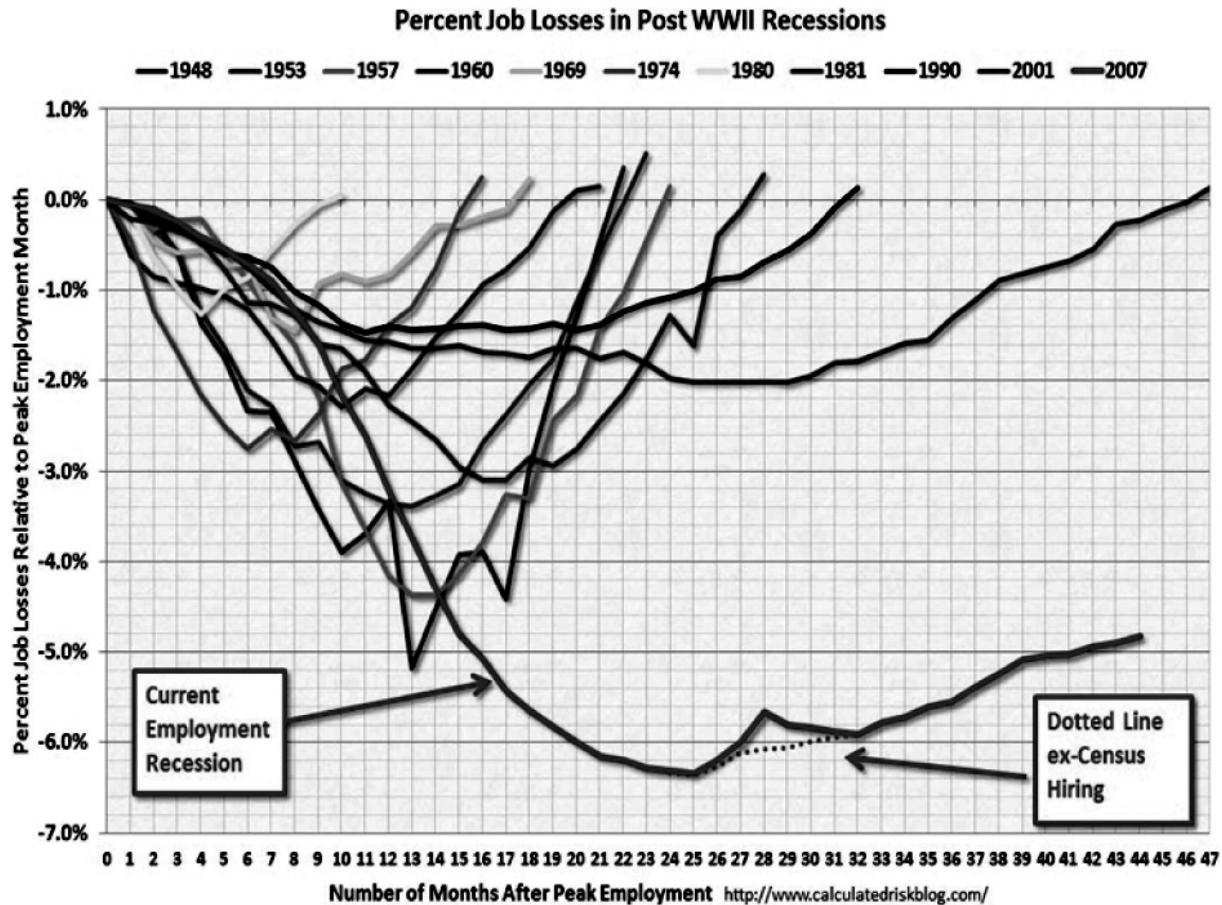

Рис.1.

Источник: www.calculatedriskblog.com

гизму во многом благодаря развитию и активизации технологического прогресса в современный период и мерам экономической политики.

Однако с точки зрения теории экономических циклов просматривается еще одно наблюдение. Автор полагает, что современный кризис конца 2007–2008 г. ознаменовал собой перелом в динамике длинных волн экономической конъюнктуры и просигналил о начале большой понижательной волны. Следует обратить внимание на то, что на параметрах беспрецедентного по драматизму и продолжительности кризиса 1929 г., с которого началась Великая депрессия, сказался эффект экономического резонанса. Ведь кризис протекал на фоне уже начавшейся большой понижательной волны. По расчетам Н.Д. Кондратьева – автора концепции длинных волн, – большая повышательная волна с периодом в 50–45 лет заканчивалась в 1914–1920 гг.³. С учетом открытого Н.Д. Кондратьевым эффекта сжатия периода колебаний длинных волн можно предположить, что в наши дни промышленно развитые страны вплотную приблизились к понижательной фазе большой волны. Повышательная фаза, по прогнозам самого Н.Д. Кондратьева и по оценке современных экономистов, разворачивалась с начала 1990-х гг.⁴ и сопровождалась бурной реализацией накопившихся прорывных (или базисных) инноваций⁵.

Это, собственно, и явилось объективной причиной рывка в техническом прогрессе промышленно развитых стран.

Две стороны технического прогресса подчеркивал еще Й. Шумпетер, видя в основе экономического роста процесс «созидающего разрушения». Действительно, улучшая технологическую базу и производительность ресурсов, расширяя ассортимент и возможности потребления, технический прогресс качественно преобразует нашу жизнь. С другой стороны, технический прогресс уничтожает устаревшие товары и профессии, что вызывает структурную безработицу. Возможность производить с меньшими затратами людских ресурсов вызывает технологическую безработицу.

Опасно ли это для благосостояния и социального спокойствия? Корректный ответ, по нашему мнению, невозможен без разделения реакции экономики на внедрение результатов технического прогресса на лаги – краткосрочный и долгосрочный периоды. Следует учесть и то, что в результате технического прогресса наблюдаются эффект замещения труда капиталом и эффект объема продукции.

В краткосрочном периоде технический прогресс может увеличить технологическую безработицу. Действительно, при совершенст-

■ Экономика

вовании технологий происходит удешевление капитала, вызывающее эффект замещения, и спрос на труд сокращается. То же количество продукции можно производить с меньшим количеством рабочих.

В более долгосрочном периоде в результате снижения издержек производства перевешивает эффект объема продукции. Снижение затрат на производство способствует увеличению выпуска. Спрос на рабочую силу восстанавливается. Так как норма прибыли и реальная заработная плата растут, повышается благосостояние и покупательная способность населения. Рост покупательной способности стимулирует предложение новых товаров, уровень технологической безработицы может снизиться еще больше. В долгосрочном плане сокращается и структурная безработица. Люди либо покидают состав рабочей силы, либо осваивают новую профессию.

Практика показывает, что в долгосрочном периоде приспособление экономики к техническому прогрессу все же идет через рост ВВП и сокращение безработицы.

Однако достаточно ли увеличивается ВВП, чтобы избежать снижения занятости в результате роста производительности ресурсов? Ведь с ростом производительности капитала увеличивается и производительность труда, а это может сократить занятость.

Проблема в том, что технический прогресс влияет на совокупный спрос и совокупное предложение не всегда одинаково в сторону повышения. Если совокупное предложение при удешевлении издержек, как правило, увеличивается, то реакция совокупного спроса не однозначна. Его динамика будет зависеть от психологического настроя экономических агентов: захотят они больше тратить или, наоборот, больше сберегать.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что решение в пользу наращивания сбережений или потребления может зависеть... от типа технического прогресса. Оказывается, тип технического прогресса участвует в формировании психологического настроя экономических агентов.

Так, если рост производительности обеспечивается широким использованием новых технологий, идет рост инвестиций. Ведь внедрение прорывных технологий требует кардинального обновления капитала. В свою очередь, активизация инвестиционного процесса сопровождается ростом ожидаемой прибыли, что формирует оптимистический настрой в экономике. Люди начинают меньше сберегать и больше тратить, вызывая рост совокупного спроса при любых уровнях цен. Как следствие, занятость населения существенно увеличивается.

С другой стороны, рост производительности может происходить за счет оптимизации при улучшении прежних технологий и организации производства. Тогда, наоборот, высвобождается капитал, что способствует не росту инвестиций, а росту увольнений. В обществе формируется

пессимистический настрой: люди стремятся больше сберегать и меньше тратить. В результате совокупный спрос сокращается при любых уровнях цен, а безработица растет.

Как правило, использование улучшающих технологий и накопление капитала характерны для понижательной фазы длинной волны Кондратьева. Для этой фазы характерны затяжные, глубокие кризисы, что соответственно усугубляет проблему безработицы. Активное использование капитала для внедрения новых, прорывных технологий происходит на фоне повышательной фазы длинной волны. Спады на ее фоне ослабевают и укорачиваются, что положительно сказывается на общем уровне благосостояния и занятости.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большие волны экономической конъюнктуры (или длинные волны Н.Д. Кондратьева), а не только средне- и краткосрочные циклы способны изменять соотношение между активностью потребительских расходов и сбережениями. Долгосрочные изменения психологического настроя (оптимистический или пессимистический) на фоне длинных волн происходят в связи с изменением характера технического прогресса. При переходе к повышательной большой волне «кластируются» прорывные инновации, которые воплощаются в кардинальной смене технологий, ведущей к повышению нормы прибыли и динамики доходов. Для понижательной большой волны характерны более редкие и только улучшающие инновации. Технический прогресс замедляется, снижается норма прибыли и динамика доходов. Среднесрочные спады углубляются и затягиваются, поэтому общий уровень занятости и благосостояния падает.

Возвращаясь к вопросу влияния технического прогресса на совокупный спрос, можно заключить, что общий эффект в долгосрочном плане зависит от того, на фоне какой фазы большой волны экономической конъюнктуры происходит это влияние. Если на фоне повышательной фазы, то должно преобладать влияние в сторону роста совокупного спроса и снижения безработицы, что формирует оптимистический настрой экономических агентов. Если влияние происходит на фоне понижательной фазы, то может возобладать эффект сокращения совокупного спроса, вызывающий снижение занятости и пессимистический настрой.

Влияние на уровень занятости технического прогресса, изменяющего производительность труда, рассчитывается следующим способом: % изменения занятости = % изменения ВВП – % изменения производительности труда⁶.

Итак, можно заключить, что смена фаз в движении больших волн экономической конъюнктуры влияет на долгосрочные тенденции в динамике уровня занятости, благосостояния, а также на долгосрочное соотношение между долей потребления и сбережений в приросте дохода.

Рассмотрим взаимосвязь между производительностью ресурсов и естественным уровнем безработицы. Французский экономист Оливье Бланшар, являющийся ныне директором исследовательского департамента МВФ, изучал влияние технического прогресса на состояние экономики. Порождаемые им шоки производительности воздействуют на уровень цен, реальную и номинальную заработную плату, на естественный уровень безработицы⁷, из чего складывается уровень благосостояния населения. Технический прогресс влияет на эти факторы через производительность ресурсов. О. Бланшар выделил два канала влияния: через ценообразование и через установление заработной платы.

Повышение производительности, при прочих равных условиях, может вылиться в снижение уровня цен или в замедление темпа их роста. Об этом говорит структура цены производителя, обладающего хотя бы частичной монопольной властью над ценой. Она складывается из надбавки к издержкам (μ), уровня номинальной зарплаты (W), производительности ресурсов (A) и рассчитывается как $P = (1+\mu) W/A$. В данной формуле P – цена, μ – надбавка к издержкам, W – номинальная заработная плата, A – производительность⁸.

Реальная заработная плата (W/P), которая может рассчитываться как $W/P = A/(1+\mu)$, в ходе технического прогресса повышается. Компании готовы несколько снизить цены в связи с ростом производительности и экономией на ресурсах. Кстати, рост реальной заработной платы может происходить и при неизменном уровне цен, и даже в случае небольшой инфляции. Фирмы будут готовы повышать реальную зарплату, если производительность растет быстрее, чем уровень цен. Заметим, что реальная заработная плата, устанавливающаяся в ходе ценообразования, не зависит от уровня занятости.

Однако реальная ставка заработной платы может устанавливаться и в ходе переговоров работодателя с профсоюзами или отдельными работниками. Тогда на нее сильное влияние будут оказывать не только уровень безработицы, но и другие факторы. Как правило, это факторы, влияющие на переговорную силу работника, помимо уровня безработицы. К ним относятся, прежде всего, уровень пособия по безработице, уровень минимальной заработной платы, состояние законодательства по защите прав занятых. С учетом технического прогресса, реальная заработная плата, формирующаяся в ходе переговоров, имеет вид $W/P = A F(u,z)$, где u – уровень безработицы, $a z$ – остальные факторы, влияющие на переговорную силу работника⁹. Очевидно, что рост производительности (A) при прочих равных условиях повышает реальную ставку заработной платы.

Итак, независимо от того, как устанавливается заработная плата – в результате переговоров с работниками или в ходе ценообразования, технический прогресс увеличивает ее реальный

уровень через рост производительности и снижение номинальных цен. Таким образом, очевидно влияние технического прогресса на рост благосостояния через рост реального дохода.

Технический прогресс способен повлиять на естественный уровень безработицы, который существует независимо от наличия или отсутствия циклической безработицы в экономике любой страны. Это происходит через рассмотренное выше влияние производительности на оба способа установления реальной заработной платы. Сдвиг в производительности (следовательно, и технический прогресс) может быть нейтральным по отношению к естественному уровню безработицы, может его увеличить, а может и уменьшить.

Нейтральным, то есть не изменяющим естественного уровня безработицы, технический прогресс может быть в том случае, если в результате роста производительности оба варианта реальной заработной платы повышаются одинаково. Это возможно при точной оценке экономическими агентами будущих изменений в производительности и при безошибочных цновых ожиданиях. Конечно же, на практике это весьма редкий случай. Как правило, при растущей инфляции экономические агенты снижают ценовые ожидания. Наоборот, при снижающейся инфляции ожидаемые цены могут оказаться выше фактических.

Те же трудности могут наблюдаться с точностью оценки в сдвигах производительности. На фоне растущей большой волны экономической конъюнктуры, когда доминируют прорывные технологии, рост производительности может превзойти ожидания. На фоне понижения большой волны, которое, вероятно, уже началось, рост производительности может оказаться меньше ожидаемого.

Именно ошибка в ожидаемых изменениях производительности становится причиной сдвигов естественного уровня безработицы. Так, если ожидаемая производительность оказывается меньше фактической, то есть при замедлении роста производительности, реальная заработная плата, устанавливаемая в ходе переговоров, увеличится в большей мере, чем реальная заработная плата, сформированная в процессе ценообразования. В результате увеличится естественный уровень безработицы, следовательно, возрастет и фактический уровень безработицы. Из рассмотренного можно сделать следующие выводы:

- первый – об обратном влиянии темпов производительности на уровень безработицы. При увеличении темпов технического прогресса естественный уровень безработицы снижается, что стимулирует экономику, распространяет оптимистический настрой и повышает потребительскую и производственную активность. Замедление роста производительности, не говоря уже о ее снижении, оказывает противоположное воздействие, вызывая пессимистический настрой экономических агентов;

■ Экономика

– второй вывод касается степени монополизации экономики, которая влияет на структуру ценообразования и формирование реальной заработной платы компаниями, имеющими власть над ценой. При росте монополизма реальная заработка уменьшается, так как увеличивается надбавка к издержкам производителя, что в конечном счете увеличивает уровень безработицы. В таком случае спасителем от снижения уровня занятости выступает технический прогресс. Если в результате технического прогресса производительность вырастет в большей мере, чем усилятся монополизм, то при прочих равных условиях естественный уровень безработицы сможет уменьшиться даже в высокомонополизированных экономиках. Однако следует заметить, что прямое воздействие технического прогресса на сокращение безработицы явно наблюдается только в долгосрочном периоде. В среднесрочном периоде связь между уровнем производительности и уровнем безработицы может быть обратной;

– третий: смена фаз в движении больших волн экономической конъюнктуры, связанных с различными типами технического прогресса, может оказывать влияние на долгосрочные тенденции в динамике уровня занятости, благосостояния, а также на долгосрочное соотношение между долей потребления и сбережений населения.

Safronchuk M.V. Technical Progress, Unemployment and Wealth.

Summary: This text examines the dynamic of unemployment, prices and wages under the technical progress. It also describes the way in which big economic cycles change the main macroeconomic indicators, including saving-investment decisions. We present a version, that the long wave goes down our days and can change the expectations and psychological factors of economic behavior.

Ключевые слова

Технический прогресс, производительность, экономические циклы, безработица, занятость, технологическая безработица, кризис, структурная безработица, психологический настрой, инновации, инвестиции, сбережения, потребление, благосостояние.

Keywords

Technical progress, productivity, unemployment, prices, wages, innovations, savings, investment, consumption, long waves, expectations, psychological factors, structural unemployment, technological unemployment, wealth.

Примечания

1. OECD Statistics – <http://stats.oecd.org>. Заметим, что США и Японию по уровню занятости обгоняют лишь Нидерланды, Норвегия и Новая Зеландия в силу специфики социальной направленности экономической политики.
2. О влиянии структурных кризисов см.: Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. М.: Международные отношения. 1989 г., С. 87.
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика. 2002. С. 372-373.
4. О начале повышательной волны см.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 1989. С. 26.
5. О базисных и улучшающих инновациях см.: Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. Москва. Экономика. 1993. С.47.
6. Бланшар Оливье Д. Макроэкономика /Пер. с англ. Под ред. Л.Л.Любимова. М.: ГУ ВШЭ., 2010 г. С. 290.
7. Olivier Jean Blanchard. A Traditional Interpretation of Macroeconomic Fluctuations/ The American Economic Review. Vol. 79, No. 5 (Dec., 1989), Pp. 1146-1164.
8. Оливье Д.Бланшар. Макроэкономика. Пер. с англ. Под ред. Л.Л.Любимова. М.: ГУ ВШЭ., 2010 г. С. 296.
9. Там же

Электронная торговля: преимущества, проблемы и «эффект скольжения» при снижении трансакционных издержек

И.Б. Назарова, Т.В. Дианова

В статье установлены факторы, влияющие на развитие электронной торговли, выявлены причины, затрудняющие ее распространение. Среди них: невозможность непосредственного контакта с приобретаемым товаром, проблемы в развитии инфраструктуры, недостаточная защита информации, низкое доверие к электронным сделкам, проблемы правового регулирования, недостаточная компьютерная грамотность населения. Описан «эффект скольжения» при снижении трансакционных издержек, приводящий к утрате чувства стабильности и контролируемости, замене исследовательского поведения покупателей на стереотипное.

Электронная торговля как отрасль экономики, сфера деятельности и предмет научного анализа выступает сложным и многогранным явлением современного этапа глобализации системы мирохозяйственных связей. На ее развитие влияет значительное количество различных факторов. С известной долей условности их можно сгруппировать следующим образом.

1. Экономические факторы:

- стабильность макроэкономической ситуации;
- динамика показателей национального производства и потребления;
- уровень монополизации экономики;
- уровень конкурентной борьбы¹;
- налоговая политика государства (налоговое бремя);
- инвестиционная привлекательность (климат);
- наличие правительственной поддержки отдельных сфер экономики;
- уровень инвестиций в развитие информационных технологий.

2. Инфраструктурные факторы:

- размеры и темпы роста интернет-аудитории;

– степень взаимного доверия участников рынка;

– уровень развития средств осуществления электронных платежей;

– уровень интеллектуального потенциала в сфере развития компьютерных технологий;

– наличие удобных и недорогих способов доставки товаров.

3. Технические факторы:

- развитие информационных технологий;
- уровень стандартизации протоколов обмена информацией;

– уровень автоматизации бизнес-процессов;

– надежность телекоммуникационных сетей.

4. Управленческие факторы:

- динамичность в восприятии нововведений руководителями;
- степень соответствия систем подготовки руководящих кадров современному уровню развития электронной торговли².

5. Правовые факторы:

- уровень правового регулирования электронной торговли;

– степень проработанности правовых аспектов защиты интеллектуальной собственности и личных данных³.

Назарова Ирина Борисовна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России.

E-mail: mgimo-nazarova@yandex.ru

Дианова Таисия Владимировна – соискатель кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России.

E-mail: diatai@yandex.ru

■ Экономика

Электронная торговля обладает рядом безусловных преимуществ, которые сказываются на положении всех ее участников:

- во-первых, глобальное присутствие: электронная торговля позволяет даже самым маленьким фирмам выходить на различные рынки вне зависимости от их местоположения;
- во-вторых, повышение конкурентоспособности, так как электронная торговля позволяет компаниям осуществлять гибкую до- и послепродажную поддержку. Она предоставляет необходимую информацию о товаре и быстро реагирует на запросы покупателей. Неудивительно, что эластичность спроса на электронных рынках выше, чем на традиционных;
- в-третьих, электронная торговля позволяет получать максимум информации о потребностях покупателей и автоматически предлагать, разрабатывать и производить товары, соответствующие их перспективным требованиям;
- в-четвертых, электронная торговля приводит к повышению гибкости ведения бизнеса и позволяет предприятиям оперативно реагировать на изменения факторов внешней среды;
- в-пятых, она обеспечивает возможности практически неограниченного расширения ассортимента и увеличения объема сбыта при наличии налаженных связей с поставщиками (расширение ассортимента не приводит к необходимости увеличения площади предприятия)⁴;
- в-шестых, электронная торговля упрощает процессы получения и обработки заказа и оплаты, взаимодействия с поставщиками и т.п. Сюда же можно отнести относительное снижение издержек меню (связаны с изменением цен).

Вышеперечисленные преимущества создают предпосылки для снижения затрат на организацию и функционирование предприятия. Например, затраты на создание традиционного торгового предприятия, включающие в себя расходы на приобретение, ремонт, дизайн и оборудование помещений, значительно выше затрат на создание сайта торгового предприятия. Кроме того, происходит снижение затрат на получение маркетинговой информации. Сам Интернет представляет собой ее достаточно дешевый источник. При проведении маркетинговых исследований в виде опросов и анкетирования нет необходимости личной встречи с респондентом, имеется возможность охватить более широкую аудиторию.

Большинство исследователей считают, что в электронной торговле происходит снижение затрат на рекламу⁵. Предполагается, что в Интернете себестоимость создания и обслуживания рекламы ниже, а аудитория рекламного воздействия ближе к целевой аудитории, чем при использовании традиционного рекламного носителя. По нашему мнению, указанный тезис правомерен по отношению к единице стоимости одного рекламного контакта. Что же касается валового снижения затрат на рекламу, то данная посылка требует дополнительной аргументации.

Следующим направлением выступает снижение расходов на внешние коммуникации⁶. Автоматиза-

ция приема и обработки заказов и взаимодействия с поставщиками существенно снижает нагрузку на персонал торгового предприятия. Сверх того, при прочих равных штат сотрудников торгового предприятия, функционирующего в сфере электронной торговли, меньше, чем традиционного торгового предприятия. Соответственно появляется возможность использования труда работников, проживающих в регионах с относительно низким уровнем оплаты труда.

Сокращение штата сотрудников обуславливает снижение потребностей в офисных помещениях, а многие сотрудники могут работать в режиме удаленного доступа. Если же рассматривать розничное торговое предприятие, то у него нет необходимости в организации торгового зала, что снижает расходы на аренду помещений, торговое оборудование и организацию рабочих мест. В свою очередь использование электронных форм документов для внешних и внутренних связей позволяет снижать соответствующие расходы.

Рассмотрение электронной торговли со стороны предложения не исчерпывает всех ее характеристик. Существенное влияние на нее оказывают особенности спроса. Покупатели при использовании электронной торговли получают следующие преимущества:

- возможность «глобального выбора»: покупатель, находящийся в любой точке земного шара, имеет возможность выбрать из всего имеющегося ассортимента продукции ту, которую он считает наиболее предпочтительной, вне зависимости от страны производства и его местоположения;
- неограниченный по времени доступ, то есть потребитель может сделать заказ или получить информацию в любое удобное для него время⁷;
- персонализация обслуживания повышает его качество;
- осуществление доставки в удобное для покупателя время и место;
- расширение выбора, увеличение объема легкодоступной информации;
- экономия времени при выборе товара, производителя, торгового предприятия и оформлении заказа. Для реализации этого преимущества необходимы отработанные технологии торговли и минимальная компетентность покупателя в алгоритмах поиска и отбора товаров⁸. Естественно, оформление первого заказа может потребовать даже больших затрат времени, чем в традиционной торговле. Однако это сторицей компенсируется после того, как потребитель овладеет элементарными познаниями в области электронных закупок;
- разнообразие форм оплаты;
- возможность беспрепятственного обмена информацией с другими покупателями. В отличие от традиционных форм продажи появляется возможность получать информацию о товарах, торговых предприятиях и качестве обслуживания не только от представителей компаний, но и от других покупателей благодаря возможности общения на форумах, конференциях и др. В данном случае необходимо учитывать, что производители и продавцы внима-

тельно отслеживают отклики, активно формируют положительное мнение о себе и отрицательное о конкурентах. Однако при значительном количестве отзывов оказать существенное искажающее влияние на общую картину довольно сложно, и она получается достаточно объективной.

Элементы, формирующие потенциал электронной торговли, во многом взаимосвязаны. Так, повышение конкурентоспособности торговой компании в значительной мере обуславливается персонализацией обслуживания, увеличением объема легкодоступной информации, снижением затрат торговых компаний; экономия времени – глобальным присутствием компаний, возможностью практически неограниченного расширения ассортимента и автоматизации торговых процессов.

Как и любое другое явление, электронная торговля наряду с перечисленными преимуществами обладает характеристиками, затрудняющими процесс ее развития. К основным из них можно отнести следующие:

– отсутствие возможности непосредственного контакта с приобретаемым товаром. Эта характеристика сопутствует всем формам дистанционной торговли. Возникает психологический барьер, который должен перешагнуть покупатель: на уровне бессознательного такой шаг оценивается как авантюра, так как многие особенности приобретаемого блага остаются неведомыми. Это обуславливает более высокие риски отказа от доставленной продукции и повышает вероятность негативных расхождений между ожиданиями от покупки и реалиями. Не секрет, что в электронной торговле такое встречается значительно чаще, нежели в обычной. Объективные возможности потребителя по виртуальному исследованию товара в Интернете несколько отличаются от традиционных. Нельзя однозначно сказать, что они хуже. Скрупулезный анализ информации в сети может даже принести больше, чем реальный тест-драйв. Но факт остается фактом: многие потребители исследуют материальные товары в обычных магазинах, а затем покупают их в сети. Распространение получил и обратный подход, когда сначала анализируется информация в Интернете, а окончательный выбор и покупка осуществляется в магазинах обычного формата. Таким образом, потребители хеджируют свои риски.

Вместе с тем издержки посещения интернет-магазина существенно ниже его обычного аналога, что в условиях оплаты по факту доставки провоцирует относительно легковесное отношение к осуществлению заказа. «Понравится – куплю, не понравится – нет», – так рассуждают многие покупатели. Тем более что с психологической точки зрения нажать кнопку компьютерного манипулятора на окно «купить» значительно проще, чем положить товар с полки в корзину супермаркета самообслуживания. Сама виртуальная среда провоцирует легкие и не всегда обдуманные покупки. Поэтому Интернет способствует распространению высоко стандартизированной продукции, потребительские характеристики которой хорошо известны;

– недостатки развития инфраструктуры элек-

тронной торговли в отдельных регионах. В том случае, когда мы говорим об электронной торговле в ее чистом виде, когда и заказ, и доставка осуществляется по средствам ИКТ, то с распространением Интернета, повышением его скорости, пропускной способности, развитием сетей связи 3-го и 4-го поколений многие из указанных проблем снимаются автоматически, а территориальная изолированность остается в прошлом. Однако, когда товар имеет материальные характеристики и его невозможно доставить в цифровом виде, географическая удаленность, сбои в работе транспорта, почтовой службы, других организаций, осуществляющих доставку, могут ограничивать электронную торговлю;

– недостаточная надежность в обеспечении защиты информации. Эта проблема имеет несколько измерений. Оформление заказов объективно требует информации о заказчике, которая носит приватный характер. Получаемые таким образом сведения могут быть перехвачены (особенно при беспроводном соединении, которое становится все более популярным) недобросовестными субъектами рынка и использоваться ими в корыстных целях, а также поставщиком продукции для несанкционированных рассылок рекламных материалов. И если последний случай чреват засорением почтовых ящиков спамом (неудобства), то первый – потерей денег из электронного кошелька, счета (убытки). Справедливости ради надо признать, что электронные кражи являются относительно редким явлением по сравнению с общим объемом совершаемых сделок, однако их резонансность в существенной мере подрывает доверие и дискредитирует электронную торговлю в целом;

– сюда же тесно примыкает проблема недостатка доверия к электронным сделкам, качеству товара и системам электронных платежей. Подавляющее большинство потребителей являются консерваторами и к использованию новых товаров, технологий подходят с изрядной долей осторожности и скепсиса. Только тогда, когда накоплен значительный позитивный опыт и он получает широкое распространение не только в СМИ, но прежде всего в межличностном общении, консервативное большинство постепенно начинает менять свои предпочтения. Причем традиции и привычки в данном случае играют большую роль, нежели соображения чисто экономического расчета. Отказ от устоявшихся стереотипов всегда сопровождается повышенными затратами на «исследовательское поведение» и риском получения негативного результата. Поэтому, даже имея очевидные свидетельства выгодности электронной торговли для своего кошелька, потребители не всегда готовы жертвовать ради этого своим спокойствием и отказом от устоявшихся динамических стереотипов. Естественно, для потребителей-новаторов цена отказа будет существенно ниже, нежели для потребителей-консерваторов;

– проблемы правового регулирования электронной торговли. Как известно, отечественное законодательство не устанавливает каких-либо специальных ограничений на возможность заключения сделок посредством сети Интернет. Положения п.2 ст. 434 Гражданского кодекса РФ допускают заключение

■ Экономика

гражданско-правового договора путем обмена документами с помощью электронной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от контрагента⁹. Однако российское законодательство в данной отрасли носит рамочный характер, а многочисленные коллизии, возникающие в ходе правоприменительной практики, свидетельствуют о том, что в ближайшие годы целесообразно принятие Федерального закона «Об электронной торговле». Подготовленный проект такого закона пока не отвечает поставленным задачам. Вместо снятия и разрешения противоречий его принятие может породить лишь дополнительные коллизии.

В современных условиях параллельно с процессами научно-технической революции в информационной сфере и юридизации соответствующих отношений формируется новая отрасль права. Этот процесс можно сравнить с формированием морского права: задолго до его появления существовали морские обычаи, некоторые из которых не утратили своего значения и в настоящее время. Значительная часть их формировалась на морских просторах, в портах, а также на основе двусторонних соглашений разных стран¹⁰. Аналогичные процессы имеют место и в сфере Интернета:

– фактически многие отношения складываются на основе обычая и предшествуют формирующейся внутригосударственной и международной нормативно-правовой базе;

– недостаточная компьютерная грамотность некоторых слоев населения. Указанный фактор был весьма актуальным 10–15 лет тому назад. В тот период он в большей степени был связан со стоимостью средств электронно-вычислительной техники, отсекая значительную часть малообеспеченных слоев населения от участия в электронной торговле. В современных условиях его значение существенно снизилось, и по мере развития ИКТ и уменьшения стоимости соответствующих устройств этот процесс будет продолжаться. Дело в том, что интерфейсы операционных систем, диалоговые окна интернет-магазинов из года в год становятся все более простыми и интуитивно понятными. Практически каждый человек в любом возрасте при наличии желания может в короткие сроки освоить азы компьютерной грамотности без приложения каких-то существенных усилий.

Отдельного внимания заслуживают проблемы «цифрового шума». Этот термин получил распространение в цифровом фотоискусстве и, по нашему мнению, в наибольшей степени подходит для описания некоторых явлений, наблюдаемых и сопутствующих электронной торговле. Во-первых, речь идет о предложении несуществующих товаров (либо существующих в очень ограниченном количестве, несопоставимом с масштабами проводимой рекламной кампании по их продвижению). Потенциальный клиент делает заказ в интернет-магазине на какой-либо товар по очень привлекательной цене (существенно ниже рыночной). Ему отвечают, что данный товар, к сожалению, только что закончился, но имеются другие аналогичные, правда предлагаемые по более высокой цене. «Объявление-приманка»

выполнило свою функцию – внимание покупателя привлечено, время на заказ (звонок, общение) потрачено и довольно часто предлагаемые товары второго, третьего и последующих «эшелонов» успешно продаются. Нельзя сказать, что этот прием – уникальный: он довольно давно и успешно используется торговыми предприятиями обычного формата. Однако для выстраивания долгосрочных партнерских отношений он может быть весьма недальновидным, т.к. чувства разочарования, досады и интуитивное понимание потребителей, что их обманывают, может оттолкнуть от соответствующих фирм в будущем.

Во-вторых, осуществив заказ в онлайн-магазине, потребитель оставляет свои контактные координаты, по которым с его согласия (как правило, за незначительный дисконт) или даже без него он становится получателем рекламных рассылок.

В-третьих, «зависание» сайтов продавцов, линий провайдеров. Надо признать, что в последние годы такие события становятся все более редкими, однако исключить их полностью, скорее всего, не удастся.

В-четвертых, в рамках электронной коммерции значительно проще игнорировать запросы и жалобы, отправленные по электронным средствам связи. Кроме того, изменяв настройки модерации, можно локализовывать негативные отзывы и генерировать положительные. Организация электронного мошенничества по продаже низкокачественных или контрафактных товаров также существенно проще, так как ниже соответствующие издержки, а широкое распространение фирм однодневок в области e-trade подтверждает указанный тезис.

Несколько по-другому к этим проблемам подходит А. Кузнецов¹¹. Он анализирует наиболее распространенные «мифы» в области электронной торговли и приходит к неоднозначным выводам. Один из самых устойчивых стереотипов в исследуемой сфере предполагает, что электронные рынки автоматически обеспечивают две взаимосвязанные тенденции: повышение их конкурентности и снижение цен. Однако проведенные исследования показали, что реальность несколько отличается от теоретических построений. Как ни парадоксально, но стоимость товаров в интернет-магазинах довольно часто оказываются более высокой, нежели в их обычных аналогах. Также можно охарактеризовать и сравнение дисперсии цен¹². При этом статистически значимых различий между ними установить не удалось, т.е. расхождения носят случайный характер.

В качестве следующего «мифа» А. Кузнецов анализирует издержки выхода на рынок, которые на электронном рынке должны быть ниже, чем на обычных. В данном случае исследователь выбрал не совсем удачное определение, так как затраты на организацию электронного бизнеса действительно ниже, чем в оффлайн аналогах. Обосновывая данный тезис, он в большей степени рассматривает феномен информационной поддержки, которая в сети является довольно затратной. «Обыкновенная витрина универмага одновременно играет роль и информационной рекламы ... и рекламы-напоминания. Интернет-продавец вынужден постоянно

тратить деньги на размещение баннеров и рассылку электронных писем. Для сравнения: стоимость одного показа для самых дешевых баннеров в сети на порядок превышает стоимость одного показа для вывески или рекламного щита в людном месте на протяжении нескольких месяцев»¹³. Само по себе данное суждение нам представляется верным, однако оно никоим образом не подтверждает и не опровергает анализируемый «миф».

Третий «миф» касается разрушения географических барьеров. В данном случае ученый постулирует те естественные ограничения, которые на-кладывают на электронную торговлю существующие службы доставки материальных товаров. Наконец, заключительный «миф» связан с вытеснением посредников (*disintermediation*). Действительно, посредников не следует рассматривать исключительно как паразитирующую прослойку между производителями и потребителями. С одной стороны, они обеспечивают согласование спроса и предложения, сводят покупателя и продавца, хеджируют риски последнего, создают запасы товарной продукции. С другой, ни один крупный производитель не может сегодня обойтись без разветвленной дистрибуторской сети. Подобная специализация является залогом успешного развития бизнеса. Поэтому неслучайно, что крупнейшие интернет-магазины (Amazon.com, ozon.ru) являются именно посредниками между производителями и покупателями. Различные аукционы, торговые площадки, рыночные агрегаторы находят свое место на электронном рынке и оказывают соответствующие услуги.

Чем же объяснить тот факт, что классические экономические модели не адекватны реалиям электронных рынков: цены и их дисперсии не снижаются, а уровень монополизированности растет? По мнению А. Кузнецова, достойного объяснения указанного противоречия экономическая теория пока не выработала¹⁴. Трудно согласиться с таким выводом.

Во-первых, глобальная информационная среда и низкие издержки меню обеспечивают беспрецедентные условия для формирования неявных картельных соглашений продавцов. Любое изменение цены в режиме реального времени становится известно не только потребителям, но и конкурентам, которые могут внести соответствующие поправки в свои цены.

Во-вторых, весьма высокая дисперсия цен на электронных рынках связана с их неоднородностью, информационной асимметрией и силой бренда некоторых производителей и продавцов (проблема доверия). Действительно, даже товары с высоким уровнем стандартизации имеют некоторые объективные различия, которые существенно усиливаются субъективными представлениями потребителей. Покупатели и продавцы имеют разную степень информированности о рынке и продаваемых товарах. Это позволяет проводить сегментацию потребителей, ценовую дискриминацию и максимизировать собственную полезность продавцов. Однако на электронном рынке для потребителей критерий цены становится менее значимым, чем наличие предшествующего положительного опыта, деловой

репутации продавца. Они при прочих равных не готовы экономить средства на риске и уплачиваются дополнительную премию известным и проверенным агентам рынка.

В-третьих, считается, что распространение информационно-коммуникационных технологий приводит к снижению трансакционных издержек, а рынок становится более конкурентным. С другой стороны, выше-изложенные посылки подтверждаются далеко не во всех исследованиях, а их результаты весьма противоречивы.

По нашему мнению, основная причина выявленных феноменов кроется в специфической реализации механизма трансакционных издержек. Дело в том, что сегодня господствует точка зрения, изложенная Р. Коузом в его знаменитой статье «Проблема социальных издержек»¹⁵. В обобщенном виде теорема Коуза может быть сформулирована так: в том случае, когда права собственности определены, а трансакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов будет оставаться неизменным и эффективным вне зависимости от изменений в распределении прав собственности. «Мир с нулевыми трансакционными издержками оказывается столь же странным, как физический мир без сил трения. Монополистам можно выплачивать компенсацию за то, чтобы они вели себя конкурентно, а страховые компании просто не существовали бы»¹⁶.

Очевидно снижение трансакционных издержек в условиях активного внедрения и распространения информационно-коммуникационных технологий на практике приводит к несколько другим результатам, нежели это принято рассматривать. Уменьшение затрат на взаимодействие хозяйствующих субъектов для большинства экономистов представляется столь желанным и выгодным, что вне рамок анализа остается ряд весьма важных обстоятельств.

Р. Коуз правомерно утверждает, что «при отсутствии трансакционных издержек ничего не стоит ускорить трансакции так, что вечность будет прожита за доли секунды»¹⁷. Подобная гипертрофированная ситуация нам может показаться чистой абстракцией. Тем не менее она адекватно описывает рыночные реалии. При резком снижении трансакционных издержек агенты рынка теряют чувство реальности, их охватывает беспокойство, будущее становится трудно прогнозируемым, и большинство из них пытаются реализовать стратегии сохранения статус-кво, а не максимизации выгоды, расширения рынков сбыта. То есть новаторская деятельность предпринимателей сменяется консервативной. Потеря ориентации в пространственно-временном континууме – одно из важнейших следствий относительного быстрого снижения трансакционных издержек.

Социально-экономическая система попадает в «зону скольжения». Большинство участников рынка, оказавшись на «скользком участке», пытаются удержать равновесие. Лишь немногие стремятся использовать появившуюся возможность для собственно ускорения. Можно провести аналогию с силой трения: с одной стороны, в большинстве традиционных механизмов трение играет отрицательную роль, уменьшая КПД, но, с другой стороны, именно

■ Экономика

наличие трения обеспечивает возможность сцепления с поверхностью, в результате чего и происходит отталкивание от поверхности и движение вперед.

Хозяйствующие субъекты привыкли к существованию трансакционных издержек, и их сокращение воспринимается как угроза. Очевидно, трансакционные издержки носят не только отрицательный характер, но и стабилизируют взаимодействие рыночных агентов в некоторых рамках. Лишившись этих рамок они не только не получают дополнительной выгоды, но и лишаются прежних преимуществ. Можно оперировать к ригидности человеческого мышления, стереотипности поведения и т.п., но трансакционные издержки воспринимаются людьми не только и не столько в качестве проблемы, но и в качестве определенного стабилизационного механизма, структурирующего нескоординированное действия свободных агентов рынка.

Весьма показательными в этом отношении представляются результаты известного эксперимента над группой детского сада¹⁸. В течение длительного периода времени дети играли в огороженном палисаднике под присмотром воспитателя. Они бегали, играли и зачастую пытались перебраться через невысокий забор, что доставляло взрослому немало забот. Все рассказы об опасностях пролегающей рядом дороги особого действия не имели, и наиболее активные дети вновь и вновь пытались совершить « побег ». Ситуация в корне изменилась, когда в один из дней, выйдя в палисадник, дети обнаружили, что «ненавистного» забора нет. Они перестали играть, собрались вокруг взрослого, и даже самые отважные сорванцы забыли о своих прежних желаниях. Нечто похожее происходит при распространении электронной торговли и

соответственном снижении трансакционных издержек: теряются ориентиры, ощущение стабильности и контролируемости ситуации, исследовательское поведение покупателей заменяется на стереотипное, а получение потребительского излишка остается уделом узкой группы лиц.

Таким образом, описанный «эффект скольжения» при снижении трансакционных издержек, скорее всего, будет способствовать дестабилизации экономических связей. Развитие электронной торговли происходит достаточно быстрыми темпами, и рассчитывать на моментальную адаптацию хозяйствующих субъектов не приходится. В этой связи становится понятным, почему цены в интернет-магазинах могут быть выше, чем в их обычных аналогах, дисперсия цен не снижается, а монополизированность рынков растет.

Nazarova I.B., Dianova T.V. Electronic Trade: Advantages, Problems and «Sliding Effect» Arising under Transaction Costs Reduction.

Summary: The article entitled «Electronic trade: advantages, problems and «sliding effect» arising under transaction costs reduction» deals with the factors affecting the development of electronic trade and reveals the causes complicating its spread. Among the causes there are inability to have direct contact with purchased goods, infrastructure development problems, insufficient protection of information, low trust to electronic transactions, legal regulation problems, low computer skills. The authors describe "sliding effect" which results in transaction costs reduction, leading to unreliability transforming the behavior of buyers based on researches to the behavior based on their stereotypes and brings buyers to loss of control under electronic transaction.

Ключевые слова

Электронная торговля, трансакционные издержки, «эффект скольжения».

Keywords

Electronic trade, transaction costs, «sliding effect».

Примечания

1. Schneider G. Electronic commerce. L.: Course Technology, 2010. P. 40.
2. Панкина Т.В. Теоретико-методическое обеспечение процесса развития электронной торговли в малом бизнесе: дис. ... канд. экон. наук. М.: РЭУ, 2011. С. 15.
3. Gillies L.E. Electronic commerce and international private law: A study of electronic consumer contracts. Farnham: Ashgate Publishing, 2008. P. 82-84.
4. Tassabehji R. Understanding e-commerce in business. Thousand Oaks: Sage Publications, 2003. P. 63-68.
5. Плеров А.С. Совершенствование системы электронной коммерции в России: автореф. дис... канд. экон. наук. М.: МАП при Правительстве Москвы, 2011.
6. Zappala S., Gray C. Impact of e-commerce on consumers and small firms Farnham: Ashgate Publishing, 2006.
7. Chaffey D. E-Business and E-Commerce Management: Strategy, Implementation and Practice. NewJersey: Prentice Hall, 2010. P. 25.
8. Столбов М. Статистика поиска в Google как индикатор финансовой конъюнктуры // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 79-93.
9. Гражданский кодекс РФ // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс]. Приводится по состоянию на 12 февраля 2012 г.
10. Дашиян М.С. Право информационных магистралей: вопросы правового регулирования в сфере. М.: ВолтерсКлювер, 2007. С. 64.
11. Кузнецов А. Электронные рынки и конкуренция // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 72-81.
12. Brynjolfsson E., Smith M. Frictionless Commerce? A Comparison of Internet and Conventional Retailers // Management Science. 2000. №. 4. P. 563-585.
13. Кузнецов А. Моделирование несовершенной конкуренции на электронных рынках: Дис. ... канд. экон. наук. М.: ЦЭМИ РАН, 2003. С. 12.
14. Указ. соч. С. 14.
15. Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. № 3. P. 1-44.
16. Стиглер Дж. Цит. по: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. С. 12.
17. Там же. С. 13.
18. См. например: Берлайн Д.Е. Любознательность и поиск информации // Вопросы психологии. 1966. № 3. С. 54-56.

Актуальные проблемы развития рынка вина Франции

М.Ю. Симонова

Франция является лидером мирового производства и экспорта вина. Эволюция рынка вина в условиях глобализации проявляется в нескольких аспектах. Изменилась структура спроса и экспорта, появились новые мировые производители и экспортёры. Это требует от французских виноделов перейти от традиционных технологий производства и сбыта этого знаменитого продукта к новым маркетинговым стратегиям в условиях роста инноваций, законодательных ограничений и развития потребительских предпочтений.

На современном этапе для винодельческой отрасли Франции характерны кризисные явления. Прежде всего, это серьезные проблемы со сбытом продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Внутреннее потребление (порядка 33 млн гектолитров¹) постоянно снижается с 1954 г. в силу ряда причин структурного плана:

- изменения потребительских пристрастий французов;
- неблагоприятного законодательства для развития торговли вином (закон Эван);
- недостаточности средств, направляемых производителями на развитие рынка.

Этот внутренний кризис усугубляется также проблемой ценообразования – крупные розничные сети, через которые реализуется 75% вина, стремятся увеличить свою прибыль, разумеется, за счет виноделов. Последние вынуждены приспосабливаться к такой ситуации, так как всякого рода гипер- и супермаркеты занимают доминирующее положение на рынке.

На внешних рынках ведущие позиции экспорта Франции активно теснят вина из Калифорнии, Австралии, Аргентины, Чили, ЮАР, и занимаемый ею сегмент рынка существенно сужается, несмотря на увеличение мирового потребления вина. Французские компании-эк-

спортёры серьезно пострадали в США, крупнейшем потребителе этого напитка в мире, попав под так называемый феномен «French-Bashing» (дословно – «анти-французский долбеж»). Эта кампания последовала в ответ на негативную реакцию Парижа на американское вторжение в Ирак.

В 2010 г. объем экспорта вина Франции составил 13,5 млн гектолитров². Потребителя находят 33+13,5 млн гектолитров, то есть 46,5 млн гектолитров, в то время как на реализацию в стране поступают 64,2 млн гектолитров, в том числе 5,4 млн гектолитров импортного вина. Возникает проблема сбыта еще $64,2 - 46,5 = 17,7$ млн гектолитров.

Стимулирование спроса можно решать несколькими путями. Важнейшим направлением правительственной поддержки этого процесса могло бы стать разрешение, к примеру, продвижения вина через основные СМИ. Производителям-виноделам следует приложить усилия в разнообразии маркетинговых стратегий, чтобы лучше приспособиться к мировому рынку. В действительности в настоящих условиях винодел выбирает вино, которое любит он, а не которое предпочитает потребитель. Такой подход, возможно, оправдан для ведущих марок Бордо или Бургундии, но не для мелкого производите-

Симонова Марина Юрьевна – соискатель кафедры менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Экономика

ля с берегов Луары. Сейчас есть спрос на вино определенного вкуса, и районные кооперативы должны оперативно на него отреагировать, а не навязывать продукт под свой вкус.

С учетом такой эволюции на рынке необходимо, чтобы винодельческое сообщество и его институты смягчили нормы и требования, регулирующие производство вина (в частности, это касается вин категории АОС – наименований, контролируемых по происхождению). Таким образом, лишь поставив потребителя во главу угла, виноделы могут рассчитывать на изменение ситуации. Исходя из этой логики, очевидна необходимость широкой маркетинговой кампании как на уровне частных погребов и кооперативов, так и для потребителей и гипермаркетов, в которых ежегодно проводятся ярмарки вина.

Вино – продукт эмблематичный, обладающий большой притягательной силой. Анализ предложения вина демонстрирует, что по европейскому законодательству различают два класса вин:

1. Качественные вина, произведенные в определенных регионах (VQPRD).

2. Столовые вина.

Каждый из этих классов подразделяется на две категории. Для VQPRD это – вина наименований по происхождению – делимитированные вина высшего качества (AO-VDQS). Эти вина производятся при строгом соблюдении требований, установленных Национальным институтом наименований по происхождению (INAO)³. Профсоюзом виноделов им присваиваются соответствующие знаки качества. Требования к производству включают множество ограничений, к примеру – смесь определенных сортов винограда⁴. В мире существует порядка тридцати сортов винограда. Во Франции в основном используют 7–8 сортов, типа «каберне», «мерло» или «гамэ». В некоторых местах сорт винограда дает название вину – как Gewurztraminer в Эльзасе. Для таких вин характерно:

– минимальное содержание алкоголя (во Франции для вин это, как правило, 12 и 14 градусов);

– технологические особенности производства;
– ограниченная территория производства.

Вторая категория – это вина контролируемых наименований по происхождению (АОС). Эти вина, как правило, наиболее престижные, требования к их производству самые строгие. В частности, требования предусматривают четкое определение участка виноградника, привязку к определенной местности и т.п. INAO подтверждает наименование, исходя из соблюдения этих правил.

Среди столовых вин различают:

– собственно столовые вина. Критерий их качества один – они должны быть произведены из французского винограда. Это может быть смесь различных сортов из различных районов. Их производство регламентируется Еврокомиссией, устанавливающей минимальные условия;

– местные вина. Эти вина имеют четкое географическое происхождение, различают три категории – район, зона, департамент. Они официально подтверждаются Национальным межпрофессиональным управлением по вину – ONIVINS⁵;

– можно также подразделить вина на так называемые «тихие», или неигристые (красные, белые и розовые), и игристые (шампанское и другие).

Производителями вина являются виноградари-виноделы: они разводят виноград, обрабатывают виноградники, собирают урожай. Они ответственны за систему производства. Независимо от того, относится ли их вино к категории VQPRD или нет, технология выдерживается достаточно строго. Готовый продукт подлежит дальнейшей продаже. В современной Франции существует несколько схем реализации продукции:

– винодел-частник: работает на свой страх и риск, имеет в качестве клиентуры в основном местное население и частично туристов (так называемые «винные» дороги есть в каждом винодельческом районе с живописным ландшафтом – например, Лангедок-Руссийон). Он участвует в винных ярмарках в маленьких городках и деревнях, редко в областных салонах. Его продукция малоизвестна, система производства – традиционная. Он может также продавать свое вино мелким и средним предприятиям, которые используют его как добавку для своих марок;

– член кооператива производит вино по правилам, установленным кооперативом (а иногда INAO), и сдает продукцию в «общий котел». Кооператив разливает вино по бутылкам, продает его, а доходы делятся между членами. Продукция кооперативов более известна, чем частника, соответственно ареал ее распространения более обширный. Это облегчает виноделам выход на уровень департамента или региона, т.е. возможностей для сбыта становится больше.

В целом вина категории VQPRD производятся малыми и средними предприятиями, в том числе и самые знаменитые. Например, они выпускают такие имеющие всемирное распространение марки, как Rothschild, Petrus или Yquem. В этом случае производство строжайше регламентировано, так как обеспечивает высочайшую ценность продукта. Ротшильды отнюдь не заинтересованы что-либо менять в технологии производства своего вина.

Французская бизнес-модель демонстрирует, что маркетинговые стратегии компаний рознятся, и подход к реализации у малых и средних предприятий разнообразен. Некоторые обеспечивают сбыт благодаря зарекомендовавшей себя марке (потребители ищут определенного производителя). Другие идут от обратного – производители выполняют заказ покупателя и делают вино по его вкусу. Например, Malesan (перекупленный Castel⁶) создал вино для определенной группы потребителей (на основе смеси

вин от десятка кооперативов). Эти предприятия действительно сделали маркетинговый ход. Сегодня такие производители, как Malesan, Castel или Jeanjean, не страдают от кризиса в отрасли, так как четко ориентированы за запросы национального и международного рынка и имеют высокую репутацию в сфере розничных сетей.

Однако не все малые и средние предприятия используют современные маркетинговые технологии. Они менее известны на рынке, и у них не хватает гибкости приспособиться к спросу. Зачастую это малоизвестные марки вина класса VQPRD, которые не могут пробиться через ограничения, установленные INAO, и, следовательно, не находят своего потребителя. Малые и средние винодельческие предприятия в современных условиях страдают от недостаточно разработанной маркетинговой политики, глобализации и изменения структуры потребления. Именно по ним в большей части и ударил кризис.

Развитие обстановки на внутреннем и внешнем рынках значительно влияет на сбытовые стратегии сообщества виноделов. Несмотря на некоторые изменения пристрастий, французы все же остаются привержены вину. Количество его потребителей до последнего времени особо не снижалось. А к 2010 г. даже произошло его увеличение. Однако на уровне каждого конкретного потребителя количество «половодов выпить» заметно упало, следовательно, и покупать стали меньше. Это результат изменения условий жизни (урбанизация и т.п.), он будет проявляться и в будущем.

Попытки вывести этот напиток из обихода начались с 1991г., когда кабинет министров Франции утвердил «Закон ЭВАН», гласивший: «В целях борьбы с алкоголизмом законом устанавливается юридическая оценка содержания рекламы алкогольных напитков, в том числе в целях защиты малолетних и наиболее полной информации потребителей (обязательная информация здравоохранительных органов)⁷.

Таким образом, в соответствии с этим актом реклама вина в прессе и по телевидению запрещена. Это привело к тому, что молодежь пьет все меньше вина. Этот закон способствует продвижению крепких напитков – водки, виски и т.п., – в том числе в уличной рекламе, на автобусных остановках и т.д. В результате молодежь потребляет больше крепких напитков, а не вина.

Наконец, существенное повышение штрафов для «выпивших» водителей заметно снизило суточное потребление вина гражданами при одновременном усилении контроля со стороны органов внутренних дел. Возможно, это последний удар по виноделам, которые теперь пытаются разобраться в причинах кризиса своей отрасли. Вместе с тем можно утверждать, что массовый спрос на вино есть, и если винодельческие предприятия хотят преодолеть кризис, то они должны предложить продукт, отвечающий спросу, то есть диверсифицировать систему маркетинговых мероприятий.

Второй проблемой этого рынка является то, что его производитель особо не следит за эволюцией спроса на него, а вино, как товар, страдает от внутреннего законодательства. К примеру, сейчас предпочтения отдаются вину с большим фруктовым привкусом, менее кислым и, возможно, менее крепким. А винодел придерживается старой традиционной технологии производства, без учета запросов потребителя. Это усиливает актуальность в целом изменения такого подхода, ориентируя его на потребности рынка.

Важнейший атрибут вина – оформление бутылок. Профессионалы утверждают, что этикетки перенасыщены информацией, на две трети не нужной покупателю, пытающемуся разглядеть то, что его интересует. Хотя требования для вин категории АОС достаточно строги, виноделы особо не задумываются о презентабельности своих бутылок.

В отличие от внешних рынков, для Франции характерно чрезвычайное разнообразие предлагаемых отечественному потребителю вин. Во Франции 450 марок АОС и 140 – местного вина⁸, что дает возможность разнообразить этикетки. Но на них, как правило, одни и те же характеристики, что затрудняет выбор для потребителя. Другая сторона проблемы – такое единообразие не дает пробиться на рынок французским винам, действительно более достойным по сравнению с зарубежными конкурентами.

Каждый французский потребитель, без сомнения, назовет несколько марок вина, но не скажет, какая самая продаваемая во Франции. Этот феномен объясняется двумя причинами:

- прежде всего, исключительным разнообразием французских вин по происхождению и купажу. В результате каждая марка вина не повторима;

- отсутствием рекламы и незначительностью средств, выделяемых на маркетинг и продвижение продукции. Виноделам трудно найти на это средства в условиях нестабильной конъюнктуры.

Наибольшего успеха на рынке достигают предприятия, которые имеют возможности для продвижения своего товара. За рубежом, напротив, логика иная. В США, к примеру, всем известна торговая марка Gallo как ведущая марка вина в мире, несмотря на то, что это калифорнийское предприятие недавно появилось на рынке. Gallo предлагает широкую гамму этого продукта, каждый из которых носит наименование «Gallo плюс название конкретного продукта». Каждое вино есть производное от урожая определенного года и различных добавок. Американец же всегда назовет первую марку вина в США. Gallo представляет на рынке вина, как Ford автомобили, с соответствующим маркетингом под каждую марку.

Этот ход – укрупнение марки – небезынтересен для любого производителя вина, так как позволяет «капитализировать» наименование, что удается далеко не каждому. Компания Jeanjean, торгующая винами Лангедок-Руссийон,

■ Экономика

ведет дела довольно успешно. На англосаксонский рынок выдвигается продукт под одной и той же маркой, лишь с отметкой на бутылке «произведено на юге Франции». Таким образом, эта фирма поставляет напиток с «облегченной» этикеткой и вместе с тем с ключевым указанием.

Главным путем выхода из кризиса для производителей французского вина является приспособление к глобализации: на европейского винодела наступают производители со всех концов света. За период 1980–2010 гг. площадь виноградников в Европе сократилась на 2 млн гектаров, соответственно, ее доля в мировом производстве вина упала с 3/4 до 2/3⁹.

Широкое оперативное применение маркетинговых стратегий необходимо в современных условиях эволюции рынка. Актуальным представляется использование двух типов маркетинга. Маркетинг предложения предполагает делать упор на место происхождения и известности марки вина, что более подходит для вин класса VQPRD. Маркетинг спроса подразумевает мероприятия по приспособлению к вкусам потребителей, как отечественных, так и зарубежных. Это скорее применимо к столиковым винам, не привязанным к требованиям к категории АОС.

Сегодня предприятию для выхода на рынок лучше делать ставку на спрос, нежели на предложение. Во-первых, сделать свою продукцию более информативно доступной. Этикетки импортных товаров, в отличие от французских, гораздо легчечитываются, что способствует их реализации. Во-вторых, ускорить концентрацию в сфере внешней торговли. Для прорыва на зарубежные рынки французским предприятиям лучше выступать единым фронтом: общая французская марка или несколько, но не много, марок облегчат выход на мировой рынок. В-третьих, вернуть свой сегмент рынка: учитывая рост мирового потребления вина, для Франции не нормально оставаться в стороне. Удвоив усилия, как Италия и Испания, Франция вполне может занять подобающие ей позиции, в том числе на рынках перспективных в плане потребления вина стран.

В системе мероприятий имеет смысл продолжать и развивать основную ставку на неоспоримые преимущества Франции на мировом рынке: традиции производства и качество французского вина. Mouton Rothschild, Gevrey-Chambertin, Chateau-Lafite – жемчужины французской культуры и способствуют увеличению экспорта французского вина в целом. Франция лидирует по экспорту: по стоимости – это 40% от мирового уровня, по физическому объему – 20%¹⁰, хотя в плотную подступают Италия и Испания.

Импорт вина Франции незначителен: вина из Нового Света составляют лишь 0,17% продаж в крупных торговых сетях, а через частные винные магазины и рестораны доля их распространения вообще ничтожна.

Вино и искусство жить по-французски: повсюду в мире вино сопровождает ценности французской кухни и гостеприимства. Ни одно застолье не обходится без вина и считается особо престижно подать гостям французское вино. Наиболее широкий ассортимент предлагаемого вина, разнообразие по вкусу и по месту происхождения позволяют французскому вину выступать во всех категориях, «играть на всех столах» – от домашних до самых люксовых. Слава французских винодельческих регионов – Бордо, Бургундия, Прованс – непоколебима.

Большинство недостатков, перечисленных в начале исследования, являются причиной нынешнего кризиса виноделия, о котором говорилось выше. Стоит добавить следующее. Недостаточные финансовые и организационные возможности имеют предприятия, небольшие по размеру, с капиталом, принадлежащим семье. Таким предприятиям трудно привлечь средства для финансирования инвестиций. По этой причине они редко располагают маркетинговой службой и создание связки «бренд – АОС» сложно донести до потребителя.

Одним из значительных факторов развития рынка является риск подделки вина, когда недобросовестный производитель использует известные марки. В связи с этим встает вопрос об усилении достоверности знака качества. Знак АОС обычно свидетельствует о качестве, но в последнее время оно снизилось. Необходимость обеспечения стабильного качества вина связана с разницей в качестве в зависимости от года урожая. Это может отталкивать потребителя, если он не поклонник конкретной марки вина. Предприятия, достигающие стандартного качества путем соединения различных сортов винограда, часто занимаются продвижением своего вина на рынке. Такое сочетание приносит успех, который должен служить примером для других винодельческих хозяйств.

Инновационный путь развития также актуален и перспективен для отрасли виноделия. Сегодня приверженность традиции подводит производителей вина. За границей разрабатываются вина с пониженным содержанием алкоголя для обеспечения «безопасности на дорогах». Необходимо продвигать новые виды расфасовки вина, более мелкие (для ресторанов, где продается все большее полубутылок вина клиентам, находящимся за рулем) и т.д. Заслуживает дальнейшего распространения разделение производства и сбыта. Винодел – это тот, кто умеет производить вино, но не всегда умеет продавать его. Это разделение цепочек создания стоимости требует концентрации предприятий, занимающихся сбытом вина. Укрепит имидж французского вина участие виноделов в борьбе с алкоголизмом, которые в настоящее время противостоят общественному движению за снижение смертности на дорогах. Одновременно виноделы могли бы организовывать курсы дегустации вин, чтобы заинтересовать потребителей, и особенно моло-

дежь, редко потребляющую вино. Одновременно необходимо делать акцент на удовольствии и ощущении праздника, которые дает потребление вина. Инновации в этой сфере – это новые способы удовлетворить потребителя.

В условиях глобализации и инновационного развития трансформация маркетинговых стратегий может привести к стимулированию потребления традиционного французского напитка на территории страны и за рубежом.

Summary: France is a leading country in wine producing and exporting. World globalization influences a structure of demand and exports, producers and exporters. Wine makers of France are to change and innovate traditional technologies of production, marketing, sales.

Ключевые слова

Мировой рынок вина, кризис рынка вина Франции, категории вин, структура спроса, технологии сбыта вина, инновации, глобализация.

Keywords

World wine market, crises in French wine market, wine categories, demand structure, wine market strategies, innovation, globalization.

Примечания

1. Revenus et productions agricoles, INSEE [Электронный ресурс] http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?ref_id=T11F171#tableaux
2. Malavieille D. D'une viticulture de production à une viticulture de qualité. Direction régionale de l'Agriculture et de la foret [Электронный ресурс] http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?ref_id=7499
3. Официальный сайт организации - <http://www.inao.gouv.fr/>
4. International standard for the labelling of wines and spirits of vitivinicultural origin, O.I.V.
5. Официальный сайт организации - <http://www.onivins.fr/>
6. Note de conjoncture mondiale, mars 2010, O.I.V.
7. Loi n°91-32 du 10 janvier 1991, Article 7 [Электронный ресурс] http://legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTE_XT000000344577
8. Tableaux de l'économie française, Edition 2010, Institut national de la statistique et des études économiques, p. 158-164, [Электронный ресурс] <http://www.insee.fr/fr/ffc/tef/tef2010/tef2010.pdf>
9. Global vitiviniculture economic, October 2010, p.5 [Электронный ресурс] http://www.infowine.com/docs/Point_de_conjoncture_octobre2010_EN.pdf
10. Production de vins, jus et moûts, INSEE [Электронный ресурс] http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATTEF10118

Роль сектора знаний в инновационной экономике

Т.А. Дробышевская

Статья посвящена роли сектора образования в развитии инновационной экономики на примере Финляндии. Подробно рассматривается история развития и структура инновационной системы Финляндии, а также особенности сектора знаний как части данной системы. По мнению автора, социальная модель государства позволила создать в Финляндии сектор знаний, обеспечивающий высокое качество образования на всех уровнях и поддерживающий культуру сетевого сотрудничества, распространения знаний и инноваций.

Современные теории роста включают в число факторов роста как человеческий капитал, так и собственно знания. Человеческий капитал – способности, навыки, знания работающих – обладает свойствами обычного товара (в случае использования одним возможности других на потребление ограничены). Знание же, как информационное благо, в принципе может потребляться одновременно и параллельно несколькими пользователями.

Новое знание может быть как результатом работы сектора производства знаний (системы образования и сектора НИОКР), так и побочным продуктом практической деятельности (*learning by doing*), реализуясь в конечном счете в виде усовершенствования существующих техники и технологии производства. Эффективность функционирования сектора производства знаний (*knowledge-producing sector*), согласно модели Ромера (1990), определяется размером инвестиций и количеством занятых в секторе (в конечном счете – темпами роста населения и нормой сбережений). Усовершенствование, играющее ключевую роль в росте производительности труда, по модели Эрроу (1962) и Виллануэва (1994), зависит от государственных расходов на образование¹.

Современное экономическое развитие, улучшение качества жизни людей и укрепление позиций государства на международной арене в начале XXI в. немыслимы без успешного функци-

онирования системы непрерывного производства и применения новых знаний в хозяйственной практике и повседневной жизни. Сектор производства знаний должен быть инкорпорирован в инновационную систему страны в целом. В данной статье мы намерены рассмотреть структуру инновационной системы и роль в ней сектора производства знаний и конкретно системы образования на примере Финляндии.

Годами Скандинавские государства возглавляют IDC Information Society Index, который отражает применение новых информационных технологий в обществе. Согласно Индексу технологических достижений ООН (UN Technology Achievement Index), с начала XXI в. Финляндия устойчиво входит в тройку мировых лидеров. Представляется, что ИТД наилучшим образом позволяет оценить состояние научно-технического потенциала страны, поскольку он учитывает такие ключевые характеристики, как создание новых технологий (количество патентов на душу населения, доходы от продажи авторских прав и лицензий за рубеж в расчете на душу населения), распространение существующих инноваций (распространение Интернета, доля высоко- и среднетехнологичных товаров в совокупном экспорте) и навыки населения (средняя продолжительность обучения, доля выпускников вузов, занятых в сфере естественных наук, математики и инженерных наук).

Дробышевская Татьяна Александровна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Финская экономика на сегодняшний день – одна из самых конкурентоспособных в мире. В 2009 г. она занимала 9-е место из 57 государств². Производительность труда в промышленности Финляндии в начале 2000-х гг. сравнялась с аналогичным показателем США и опирается на опережающее развитие кластера информационных технологий, включающего, в частности, телекоммуникации, разработку программного обеспечения (открытых операционных систем и систем безопасности), электронные производственные услуги.

При этом стоит напомнить, что до 1950-х гг. Финляндия была достаточно бедной страной, более 50% населения которой были заняты в сельском хозяйстве и лесной промышленности. К концу 1980-х гг. доля машиностроения и металлообработки в экспорте превысила долю лесной промышленности. Вместе с тем уже в 1980-х гг. Финляндия встала перед необходимостью дальнейшей структурной перестройки экономики, аналогично процессам, имевшим место в других западных странах. Хотя увеличение экспорта в СССР на волне повышения мировых цен на сырье и энергоносители смягчило ситуацию³.

Тем не менее структурный кризис, связанный со снижением конкурентоспособности финских товаров на мировом рынке и усиленный негативным влиянием сокращения экспорта в связи с распадом СССР, неудачной попыткой либерализации финансовой сферы, охватил в 1990-х гг. экономику Финляндии. Спад производства за 1989–1993 гг. составил 14%. Ухудшающееся экономические показатели вынудили правительство уделить особое внимание стимулированию развития высокотехнологичных отраслей промышленности и созданию более благоприятных условий для научных исследований.

В качестве мер по выходу из кризиса правительство взяло курс на усиление открытости экономики. Была проведена девальвация национальной валюты. В 1995 г. Финляндия вступила в ЕС, в 1999 г. – в европейский валютный союз. Изменение налоговой системы призвано было стимулировать приток иностранных инвестиций. Были предприняты меры по развитию государственной системы стимулирования развития экспортного сектора.

Хотя в конечном итоге двигателем развития сектора информационных технологий в Финляндии выступает рынок, эксперты отмечают высокую роль государства в создании условий, стимулировавших финский бизнес проявить интерес к этому сектору⁴. Создание инновационной системы оказалось в фокусе политики правительства Финляндии. Еще в 1986 г. был создан Совет по научной и технологической политике при правительстве Финляндии (СНТП). Он продолжил и расширил деятельность существовавшего ранее Совета по научной политике. СНТП призван был объединить ранее разобщенные вопросы поддержки науки и разработки новых технологий. В Совет вошли семь министров, ведущие учё-

ные и руководители университетов, финансовых агентств и бизнес-компаний национального значения, представленные на самом высоком уровне. Возглавил Совет премьер-министр Финляндии. Всего 18 членов. Деятельность Совета с самого начала базировалась на понимании, что инновации требуют финансирования, высокого уровня подготовки кадров и создания культуры инноваций. Совет развернул работу по всем направлениям⁵.

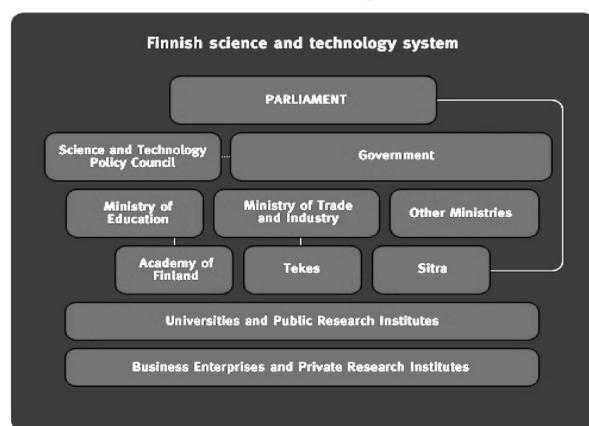
На начало 1980-х гг. расходы Финляндии на НИОКР составляли 1,1% ВВП. Совет поставил задачу (и она была реализована) достичь удвоения этих расходов к концу десятилетия. В 1990-х гг. по настоящему Совета Финляндия продолжала увеличивать финансирование НИОКР даже в годы рецессии. К 2000 г. национальные инвестиции в НИОКР достигли 3%, а в 2003 г. – 3,5% от ВВП, что было максимально высоким уровнем в мире (сравнимо только с расходами Швеции) и почти двое превышало средний показатель для стран OECD. На сегодняшний день доля расходов на НИОКР остается стабильной. От этой суммы 70% поступает непосредственно от предприятий, а 30% – от государства.

Таблица
Доля расходов на НИОКР в ВВП Финляндии.

	Доля расходов на НИОКР в ВВП, %
1998	2,9
1999	3,2
2000	3,4
2001	3,4
2002	3,4
2003	3,5
2004	3,5
2005	3,5

Источник: www.research.fi

Схема системы поддержки развития науки и технологии в Финляндии представлена ниже.

Инвестиции перетекали в университеты и исследовательские центры, а также в инновационные компании через два агентства: Фонд технологий и инноваций TEKES и SITRA – «общественный капиталист». Оба эти агентства автономны и достаточно малы. Идея состояла в том, чтобы

■ Экономика

минимизировать бюрократизацию и зависимость от политических интересов конкретных партий.

TEKES призван участвовать в финансировании, а главное – создавать пул для финансирования, долгосрочных высокорисковых проектов, перспективных с точки зрения экспортного потенциала. Фонд с момента своей организации уделял большое внимание стимулированию кооперации корпораций и университетов, фирм различного размера с целью распространения знаний и технологий. TEKES выступает также в качестве организатора совместных исследовательских программ. В них входят представители исследовательских организаций, бизнеса, правительства, с тем чтобы «аккумулировать идеи всех сторон».

Как отмечается на сайте агентства, «данные проекты нацелены на укрепление национальной компетенции, обновление хозяйственной деятельности, сферы услуг и промышленности, оказывают поддержку сотрудничеству между предприятиями, исследовательскими организациями и бюджетным сектором. Будучи государственной финансовой инстанцией, TEKES не стремится к получению от своей деятельности прямой экономической выгоды и не требует авторских прав на изобретения».

Важными факторами конкурентоспособности в оказании поддержки творческому подходу являются международное сотрудничество и создание партнерских сетей. Поэтому TEKES отдает предпочтение научно-исследовательским проектам, партнеры которых находятся за пределами Финляндии. Сотрудничество может заключаться в совместных научно-исследовательских проектах, а также в обмене специалистами или информацией.

Сегодня TEKES финансирует около 1500 проектов НИОКР в частном секторе, а также около 600 аналогичных проектов в университетах, научно-исследовательских институтах и профессиональных вузах. Одним из крупнейших сегодня является проект фонда TEKES по содействию развития ноу-хау посредством создания т.н. стратегических центров компетенции. Их задача – помочь ведущим научно-исследовательским группам и научкоемким предприятиям организацией и новыми методами сотрудничества. В рамках таких центров предприятия, университеты и бюджетные финансовые инстанции разрабатывают взаимовыгодный план научно-исследовательской деятельности на период от 5 до 10 лет. На начальном этапе стратегические центры компетенции были созданы в пяти сферах:

- энергетика и экология;
- металлообработка и машиностроение;
- лесопромышленный комплекс;
- здоровье и благосостояние;
- промышленность и услуги в сфере информационных технологий и телекоммуникаций.

TEKES не участвует в деятельности стратегических центров компетенции в качестве их акционера или договорного партнера. Фонд призван

обеспечить широкую базу финансирования стратегических центров компетенции, с тем чтобы значительная доля публичного финансирования поступала из иных источников, нежели из фонда TEKES. Финансируют эту работу не только соучредители, но и общественные финансовые структуры.

Говоря о том, что стратегические центры компетенции могут предложить бизнесу, указывается, что стратегические центры компетенции предоставляют предприятиям новые возможности развития устойчивой конкурентоспособности на длительную перспективу. Участие в деятельности такого центра позволяет предприятию четче определить план выполнения научных исследований и получить доступ к новым источникам компетенции, необходимым для успешного достижения поставленных целей. Это повышает и темпы, и эффективность инновационной деятельности. Финское государство также со своей стороны выразило свою готовность финансировать стратегические центры компетенции. С точки зрения предприятий это означает более стабильное, чем до сих пор, финансирование их научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности.

Плюсы для научных организаций состоят в том, что в рамках стратегических центров компетенции университеты и научно-исследовательские институты участвуют в долгосрочной научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности. Они завязывают партнерские отношения с другими ведущими научно-исследовательскими центрами, имеющими непосредственное отношение к конкретно разрабатываемому проекту. Большое количество новых контактов с предприятиями также повышает привлекательность данной сферы деятельности в глазах студентов.

Свою деятельность уже начали такие стратегические центры компетенции, как Metsäklusteri Oy (лесная промышленность), Tivit Oy (промышленность и услуги в сфере информационных технологий и телекоммуникаций) и Fimecc Oy (металлообработка и машиностроение). Стратегические центры компетенции в области энергетики и экологии, а также здоровья и благосостояния находятся в стадии подготовки.

При поддержке TEKES создаются также инновационные центры за рубежом, призванные экспортировать финское инновационное ноу-хау. Такие центры оказывают помощь финским компаниям в выходе на рынок данной страны, а также рекламируют ее предприятиям Финляндию в качестве привлекательного объекта инвестиций. Инновационные центры подстегивают научное сотрудничество, стимулируют высокую мобильность научных сотрудников, помогают устанавливать контакты и заключать договоры о сотрудничестве с местными научно-исследовательскими институтами, университетами и органами власти. Организованные при поддержке TEKES инновационные центры функциониру-

ют также в Силиконовой долине, Вашингтоне, Пекине, Шанхае, Токио и Брюсселе, с 2008 г. – в Санкт-Петербурге.

SITRA, в отличие от TEKES, не занимается созданием партнерских сетей, а концентрирует свою деятельность только на финансовой поддержке высокорисковых проектов. Если для TEKES интересны проекты уровня «start-up», то SITRA делит с частными инвесторами риски «посевного» финансирования.

Другими словами, государство выступает как организатор в деле создания и развития инновационной инфраструктуры, с одной стороны, и делит с частным сектором риски, прежде всего финансовые, – с другой. При этом именно бизнес в конечном счете принимает решение о перспективности тех или иных вложений и связей. В результате на современном этапе доли государства и бизнеса в финансировании сектора НИОКР в Финляндии составляют соответственно 30 и 70%.

На Академию Финляндии возложена реализация программ поддержки центров передовых технологий. Центрами передовых технологий называются организации, выполняющие научные исследования и обучение научных кадров на уровне самых высоких мировых стандартов. Центр передовых технологий может функционировать в составе университета, научно-исследовательского института или в частном секторе в сотрудничестве с университетом или НИИ. Он также может представлять собой совокупность групп, функционирующих в разных организациях. Центр передовых технологий имеет перед собой четко поставленные единые научные цели, а также единое руководство.

На сегодняшний день в рамках двух специальных национальных программ осуществляется финансирование в общей сложности 39 центров передовых технологий. Программа на 2008–2013 гг. охватывает 18 центров передовых технологий. Наряду с Академией Финляндии, финансование центров передовых технологий осуществляется фондом TEKES, университетами и научно-исследовательскими институтами, другими организациями.

На начало 2010 г. в Финляндии насчитывалось 24 научно-технологических парка, они функционировали практически при каждом университете и объединялись в Ассоциацию научных парков Финляндии (TIEKEL), являющуюся частью Международной ассоциации научных парков. В рамках научных парков функционирует более 2000 предприятий и организаций, суммарный годовой оборот которых составляет примерно 120 млн евро. Научные парки обеспечивают работой около 630 тыс. человек.

Вместе с тем стоит отметить, что роль государства не ограничивается финансированием и стимулированием партнерских связей. Не менее важную роль для инновационного развития, создания новых технологических решений играет система образования, подготовка грамотных специалистов.

Одновременно с индустриализацией в Финляндии складывалось государство всеобщего благосостояния. И на сегодняшний день Финляндия, как и другие Скандинавские государства, представляет собой пример максимального высокого уровня охвата населения государственными услугами (бесплатное образование, включая государственные стипендии для студентов, бесплатное здравоохранение, система государственной поддержки семей с детьми, страхование по старости и безработице), с одной стороны, и пример системы трансфертов, обеспечивающих высокий уровень эгалитаризма (минимальную дифференциацию в доходах), с другой стороны⁶.

Ключевое значение для «скандинавской модели», в том числе и в ее финском варианте, имеет понятие «универсализма», предполагающее охват системой социальных услуг всего населения, независимо от имущественного положения или каких-либо других факторов. Равные возможности призваны создать условия для максимальной реализации потенциала каждого гражданина и всего государства в целом. Так, обязательное бесплатное 10-летнее среднее образование введено в Финляндии в 1968 г.⁷. Согласно данным международных исследований, школьники Финляндии устойчиво занимают первые места в международных сравнениях уровня грамотности и освоения математических и естественно-научных дисциплин⁸, независимо от социального положения родителей и места жительства.

Высшее образование в Финляндии также является бесплатным, а студенты обеспечиваются государственной стипендией. Две трети школьников продолжают образование в вузах. Высшее образование имеет каждый третий финн в возрасте от 25 до 64 лет. Финляндия демонстрирует опережающий рост расходов на образование и количества персонала (особенно для высшей школы и университетов, в частности) по сравнению с численностью студентов⁹. Политика государства направлена прежде всего на усиление технологических факультетов. Сейчас 27% студентов учатся на инженерных специальностях, на факультетах математики и естественных наук. Это примерно вдвое больше, чем в других развитых странах¹⁰.

Вместе с тем, как показывает мировой и, к сожалению, отечественный опыт, высокий уровень грамотности населения – необходимое, но не достаточное условие высокой конкурентоспособности национальной экономики. Во многих государствах существуют системы государственной поддержки инноваций, создаются технопарки. На наш взгляд, специфика и основа успеха финской (и в целом скандинавской) инновационной системы – качественно особый уровень доверия как между государством и обществом, так и внутри бизнес-сообщества. Система «универсализма», основанная изначально на принципах частно-государственного партнерства, софинансирования и соуправления институтов социальной поддержки государством, частными лицами, а также коммерческими и некоммерческими и ор-

■ Экономика

ганизациями, десятилетиями приучала общество к тому, что «поделиться – значит приумножить»¹¹.

Неслучайно именно здесь Линус Торвалдс (Linus Torvalds) разработал открытую операционную систему Lumix, Йакко Ойкаринен (Jarkko Oikarinen) изобрел интернет-чаты (Internet chat room), а Тату Влонен (Tatu Vlonen) – открытые интернет-коммуникации (encrypted Internet communication)¹². Немаловажную роль здесь играет национальная однородность. В той же Финляндии доля населения, родившегося за пределами страны, не превышает 3%.

При этом развитая система социальной защиты позволяет реализоваться максимально большому числу людей не только потому, что создает возможности для получения образования и социальной мобильности, но и потому, что осуществляет функцию страхования от тактической рациональности в пользу стратегической. Молодой человек может себе позволить «искать себя», пробовать разные поприща, начинать «сумасшедшие проекты». Опыт работы и изменение жизненной траектории ведет к изменению траектории образовательной. Создатель Lumix Л. Торвалдс был студентом магистерской программы 8 лет¹³.

Еще одна гипотеза, которая, несомненно, требует верификации, это влияние на появление новых технологических решений низкой плотности населения. Логика примерно такова: в условиях высокой скученности гораздо легче стандартизировать как учебный материал, так и результат процесса обучения. Индустриализация требовала стандартной рабочей силы, способной, с одной стороны, выполнять стандартные производственные функции, а с другой стороны, выступать в качестве потребителя стандартных товаров и услуг. В то же время, чем меньше плотность населения, тем меньше возможностей контролировать соблюдение стандарта. Существуют две основных опасности: низкое качество освоения стандартной информации и получение нестандартной информации. В этом смысле качество рабочей силы в странах с небольшой плотностью населения предположительно может быть ниже, чем в странах с большей плотностью населения. Однако по мере развития коммуникаций качество освоения стандартной информации будет в обеих группах стран стремиться к одному уровню. А вот нестандартная информация и создает уникальность, ту потенциальную возможность «отклонения», возникновения новой нетривиальной идеи, которая так ценна в современном постиндустриальном обществе.

Вместе с тем мы далеки от идеализации существующей в Финляндии системы. Эксперты согласны во мнении, что не существует единого рецепта создания раз и навсегда успешной национальной экономической системы. И Финляндия, конечно, не исключение. Уже сейчас международные наблюдатели обращают внимание на целый ряд потенциальных угроз. Так, согласно результатам исследований, государственное суб-

сидирование частного образования стимулирует экономический рост, однако прямое финансирование системы образования за счет усиления налогообложения может оказать обратное воздействие¹⁴.

Уже сейчас Финляндия лидирует среди стран OECD по показателю среднего возраста окончания процесса обучения. Ожидание места в желаемом вузе, попадание на желаемый курс приводят к «старению» студентов. Стареет и население Финляндии в целом. А это означает, что сохранение приверженности принципам государства всеобщего благосостояния может потребовать в обозримом будущем дальнейшего увеличения налоговой нагрузки.

Еще одна проблема связана с деформацией рынка труда. Государство, стимулируя предложение высококвалифицированного труда в долгосрочной перспективе, оказывает влияние на структуру спроса на труд. На фоне избытка высококвалифицированных кадров (безработица выпускников вузов) наблюдается недостаток неквалифицированного труда.

И наконец, последнее, но не по значению предупреждение касается как раз открытости финского инновационного пространства. С одной стороны, угрозой для экспорта идей становится «утечка мозгов». С другой стороны, повышение качества жизни населения стимулирует иммиграцию и разрушает традиционную систему государства всеобщего благосостояния «для своих», вызывая недовольство коренного населения.

Социальная модель государства позволила создать в Финляндии сектор знаний, обеспечивающий высокое качество образования на всех уровнях и поддерживающий культуру сетевого сотрудничества, распространения знаний и инноваций. Конкурентоспособность сектора знаний в этой стране основывается, на наш взгляд, прежде всего на его гибкости. Не только учащиеся имеют возможность выстраивать свою индивидуальную учебную траекторию, гибко реагируя на изменение жизненной ситуации и конъюнктуры рынка. Максимальная открытость в распространении информации создает возможности для максимально широкого «тестирования» новых идей и продуктов, совершенствования и адаптации последних к изменяющимся требованиям.

Drobyshevskaya T. A. The Role of the Knowledge-Producing Sector in the Innovation Economy.

Summary: The article is dedicated to the role of the knowledge-producing sector for the development of innovation economy in Finland. History and structure of the Finnish innovation system, as well as main characters of knowledge-producing sector as a part of the system are in the center of investigation. The author comes to the conclusion that it was the social state model in Finland that made it possible to create the knowledge-producing sector able either to keep a high quality of education of all levels or to maintain a culture of networking diffusion of knowledge and innovation.

Ключевые слова

Инновационная система, сектор знаний, сети, государственное регулирование, социальное государство.

Keywords

Innovation system, knowledge-producing sector, network, government regulation, social state.

Примечания

1. См. Arrow K. The Economic Implications of Learning by Doing. // Review of Economic Studies, 29 (June 1962), PP. 155-173; Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development. // Journal of Monetary Economics, 22 (July 1988), PP.3-42; Villanueva D. Openness, Human Development and Fiscal Policies: Effects on Economic Growth and Speed of Adjustment. // IMF Staff Papers,41 (March 1994), pp.1-29; Zhang J. Optimal Public Investments in Education and Endogenous Growth. // Scandinavian Journal of Economics, 98 (September 1996), PP.387-404.
2. Дания – 5, Швеция – 6. (IMD World Competitiveness Report – 2009).
3. На протяжении многих лет СССР был крупнейшим торговым партнером Финляндии. Максимальный удельный вес СССР во внешней торговле Финляндии достигал 25% (середина 1980-х гг.).
4. Brynjolfsson E., Hitt L. Computing Productivity: Firm Level Evidence. Cambridge, Mass.: MIT – Sloan School Center for E-business. Working Paper, 2000; Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 2000.
5. STPC Reports (www.research.fi)
6. В середине 1990-х гг. доля населения с доходами ниже черты бедности составляла в Финляндии 3,8% (в США – 14,1%), а отношение доходов 20% населения с максимальными доходами к доходам 20% с минимальными доходами составляло 3,6 раза (в США – 9 раз). Himanen P. The Nordic Model of Information Society: The Finish Case. // Kangas O., Palme J. (ed.) Social Policy and Economic Development in Nordic Countries. Palgrave: 2005. PP.265.
7. Государство берет на себя также снабжение всех школьников завтраками.
8. См. <http://www.pisa.oecd.org/>
9. Structural Indicators 2008: Finland in international schooling comparison. (World Competitiveness report-2009)
10. В США соответствующий показатель составляет 14%.
11. По данным социологических опросов, доля финнов, считающих, что «хотя хорошая система социальной защиты и другие общественные услуги – это дорогое удовольствие, оно того стоит», в 2000 году составляла около 85%. Himanen P. The Nordic Model of Information Society: The Finish Case. // Kangas O., Palme J. (ed.) Social Policy and Economic Development in Nordic Countries. Palgrave: 2005. P.274.
12. См. подробнее: Himanen P. The Hacker Ethic and the Spirit of Information Age. New York: Random House, 2001.
13. А чтобы студенты не стали уж совсем «вечными», стипендия достаточно мала.
14. Zhang J. Optimal Public Investments in Education and Endogenous Growth. // Scandinavian Journal of Economics, 98 (September 1996), PP.387-404.

Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности

А.И. Антонов

В статье рассматриваются правовые проблемы и перспективы запрещения оружия в космосе. Существующая в настоящее время международно-правовая база в этой области регулирует лишь отдельные аспекты использования космического пространства в военных целях, и ее явно недостаточно для предотвращения появления в космосе оружия. Имевшие место в последние годы попытки на международном уровне принять правовые нормы, ставящие заслон гонке вооружений в космосе, пока не увенчались успехом. Назрела необходимость реализации инициатив, способствующих институционализации контрольной деятельности по неразмещению оружия в космосе.

Задача предотвращения гонки вооружений в космосе находилась в центре внимания международного сообщества с самого начала космической деятельности в конце 1950-х гг. Дебаты по этой тематике проходили преимущественно в двух плоскостях:

– в контексте всеобщего и полного разоружения (запрета на испытания и развертывания ОМУ на Земле, в воздушном пространстве и в космосе, получения гарантий со стороны космических держав, что космос будет использоваться исключительно в мирных и научных целях);

– частичных мер по контролю над вооружениями (гарантий того, что запуски межконтинентальных баллистических ракет (МБР) для вывода на орбиту космических объектов не будут осуществляться в военных целях и т.д.).

Значительная роль в выработке механизмов предотвращения гонки вооружений в космосе принадлежала СССР, предложившему уже в конце 1950-х гг. ввести запрет на использование космоса в военных целях и наладить международное

сотрудничество в космосе. Обсуждение данной инициативы послужило стимулом к созданию в 1959 г. Комитета по использованию космического пространства в мирных целях, получившего позже постоянный статус.

Состоявшаяся в 1999 г. третья Конференция ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС III) приняла Венскую декларацию о роли космоса в будущем развитии человечества. В ней подчеркивалась необходимость предотвращения гонки вооружений в околоземном пространстве и осуществления космической деятельности в мирных целях для поддержания международного мира и безопасности¹. Целенаправленные многосторонние усилия в данной области привели к наработке солидного массива международно-правовых норм, регулирующих военную космическую деятельность.

Основой для продвижения к мирному космосу, свободному от любого вида оружия, является общепризнанный принцип неприменения силы

Антонов Анатолий Иванович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, выпускник МГИМО 1978 г.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

или угрозы силой, закрепленный в п.4 ст.2 Устава ООН. Применительно к космосу этот принцип означал недопустимость насилиственного вмешательства в правомерную деятельность автоматического или пилотируемого космического объекта другой страны с целью выведения его из строя или повреждения, захвата или изменения его орбиты.

С военным использованием космоса в разной степени связан целый ряд многосторонних международно-правовых договоренностей. Среди них:

- Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г.;

- Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (Договор о космосе);

- Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г.;

- Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.;

- Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство 1975 г.;

- Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г.;

- Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных тела 1979 г.;

- Устав Организации Объединенных Наций, содержащий важные положения, в полной мере применимые к космической деятельности.

Особое место среди этих соглашений занимал и Договор по ПРО, который не только был одним из важнейших для ограничения гонки стратегических наступательных и оборонительных вооружений, но и сдерживал милитаризацию космического пространства.

Оставляя за рамками изложения конкретное содержание приведенных международных договоренностей, представим в обобщенном виде правовое поле в отношении космоса, военной космической деятельности и космических аппаратов. Оно включает целый ряд положений и обязательств, существование которых состоит в следующем:

- космическое пространство открыто для исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства, при свободном доступе в него;

- космическое пространство не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на него суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами;

- государства осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства в соответствии с международным правом, включая Устав ООН. Закрепленный в Уставе ООН принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях распространяется и на космическую деятельность государств и возникающие в связи с этим взаимоотношения между ними. Устав ООН также фиксирует, что

все международные споры государства должны разрешать мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность;

- государства обязались запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в космическом пространстве;

- государства обязались не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров;

- государства обязались не создавать, не испытывать и не развертывать системы и компоненты ПРО космического базирования. Эта норма оставалась в силе до прекращения действия в 2002 г. содержавшего такое обязательство Договора по ПРО;

- государства обязались запретить военное или иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, в том числе и на космическое пространство;

- государство, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом во время его нахождения в космическом пространстве. Права собственности на запущенные в космическое пространство космические объекты остаются не затронутыми во время их нахождения в космическом пространстве;

- государство, осуществляющее или организующее запуск объекта в космическое пространство, или с территории, или установок которого производится запуск объекта, несет международную ответственность за ущерб, по его вине причиненный такими объектами другому государству;

- если государство не смогло опознать космический объект, который причинил ущерб ему, либо который может иметь опасный или вредоносный характер, другие государства, располагающие средствами наблюдения за космическими объектами, отвечают на просьбу этого государства о помощи в идентификации такого объекта;

- государства обязались не чинить помех национальным техническим средствам контроля за вооружениями других государств (в том числе и соответствующим космическим аппаратам контроля).

Таким образом, в настоящее время имеются серьезные правовые ограничения на военное использование космоса и ряд международных обязательств, ограждающих космические аппараты от враждебного воздействия. Вместе с тем применительно к целому ряду существующих и возможных направлений военной космической деятельности каких-либо ограничительных международных правовых норм не существует.

Таблица 1

Классификация видов военно-космической деятельности в зависимости от степени их кодификации в международном праве.

Разрешенные виды деятельности в космосе	Запрещенные виды деятельности в космосе	Нерегулируемые виды деятельности в космосе
<ul style="list-style-type: none"> использование спутников наблюдения и дистанционных датчиков в интересах контроля за соблюдением соглашений в области контроля за вооружениями; использование космических систем связи, навигации, картографии и метеорологического обеспечения военного назначения; использование военного персонала для проведения исследований в мирных целях 	<ul style="list-style-type: none"> размещение ядерного оружия и других видов ОМУ на орbitах вокруг Земли, на небесных телах и орбитах вокруг таких тел; испытание ядерного оружия в космическом пространстве; размещение военных баз и проведение военных испытаний и маневров на небесных телах и орбитах вокруг них; военное или враждебное использование средств воздействия на природную среду из космоса 	<ul style="list-style-type: none"> создание, испытание и развертывание противоспутникового оружия; разработка, испытание и развертывание компонентов ПРО космического базирования; проведение военно-прикладных экспериментов в космосе; создание и развертывание в космосе средств оптико- и радиоэлектронного подавления; создание и развертывание в космосе оружия, основанного на новых физических принципах

Остались так называемые «серые зоны» – нерегулируемые международным правом виды деятельности в космосе (см. табл. 1), которые могут серьезно угрожать международной безопасности.

Военную космическую деятельность, не охваченную международными договоренностями, можно условно разделить на два вида:

- деятельность по созданию и использованию космических обеспечивающих систем;
- деятельность, связанную с оружейными космическими системами.

К космическим системам первого вида («обеспечивающим») обычно относят системы, предназначенные для решения следующих основных задач:

- благовременное выявление признаков подготовки и начала агрессии против государства на суше, на море, в воздушном и космическом пространстве, оперативное информирование об угрозе агрессии (космические системы видовой, радио- и радиотехнической разведки, предупреждения о ракетном нападении, контроля воздушного и космического пространства);
- обеспечение непрерывного, устойчивого и помехозащищенного государственного управления и управления вооруженными силами (космические системы связи и ретрансляции данных);
- контроль за соблюдением международных договоров и соглашений в области сокращения и ограничения вооружений (космические системы наблюдения, обнаружения стартов ракет, ядерных взрывов в космосе, атмосфере и на поверхности Земли);
- навигационное, метеорологическое, топогеодезическое, картографическое обеспечение действий войсковых формирований и средств вооруженных сил в любой точке Земли, обеспечение работы постоянно действующих стационарных и мобильных мониторинговых систем для контроля за местоположением различных объектов (космические системы соответствующего назначения);
- обнаружение и оценка последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий (космические системы наблюдения).

Существующие нормы международного космического права не препятствуют – и к этому не стремились космические державы – созданию, испытаниям и развертыванию таких систем. Воен-

ные космические системы такого рода существенно снижают фактор внезапности в поведении других стран, содействуют лучшей предсказуемости развития международной обстановки, обеспечивают предотвращение опасных инцидентов, связанных с повседневной деятельностью вооруженных сил, и тем самым в совокупности способствуют повышению национальной и международной безопасности и укреплению стратегической стабильности.

К числу не охваченных международными договоренностями направлений военной космической деятельности относится и проведение военно-прикладных исследований и экспериментов в космическом пространстве, не выходящих за рамки ограничений и запретов, установленных действующими международными договорами, соглашениями и конвенциями.

К космическим системам второго вида («оружейным») следует относить так называемые ударные космические системы, противоракетные и противоспутниковые системы, системы радиоэлектронного и оптико-электронного подавления. Деятельность, связанная с такими системами, может иметь несколько направлений:

- создание и испытания (не в космосе) объектов с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, которые могли бы предназначаться для выведения в космос;
- создание, испытание и размещение в космическом пространстве (кроме небесных тел) ударного оружия «немассового» уничтожения. Например, для избирательного поражения воздушных, морских, наземных объектов;
- создание, испытания и размещение в космосе противоракетного и противоспутникового оружия (такое оружие других, помимо космического, видов базирования – наземного, морского, воздушного – также не охватывается международными договоренностями). Создание противоракетного и противоспутникового оружия космического базирования может в значительной мере облегчаться близостью соответствующих технологий;
- создание, испытания и развертывание в космосе средств радиоэлектронного и энергоинформационного воздействия для подавления радиоэлектронных и оптико-электронных систем различных видов базирования. Такие средства

других, помимо космического, видов базирования для воздействия на космические аппараты также не охватываются международными договоренностями.

Не все из перечисленных направлений деятельности может оказаться возможным эффективно контролировать с точки зрения правовых норм. Но в концептуальном отношении следует признать, что космос в настоящее время юридически не защищен в полной мере от того, чтобы не являться возможной сферой размещения оружия, чтобы не стать при определенных условиях ареной вооруженной борьбы и потенциальным театром военных действий.

Как было показано выше, существующая международно-правовая база военного использования космоса регулирует лишь отдельные аспекты использования космического пространства в военных целях, и ее явно недостаточно для предотвращения появления в космосе некоторых видов оружия. Остались нерегламентированные международным правом виды деятельности в космосе, которые могут серьезно угрожать международной безопасности.

В этих условиях перед мировым сообществом стоит весьма актуальная задача – не допустить в будущем превращения космоса в сферу вооруженного противоборства. Очевидно, что предотвращение появления оружия в космосе – более эффективный путь, чем поиск в ходе переговоров возможностей сокращения и ликвидации уже созданного и развернутого космического оружия.

Собственно, сами инициативы по предотвращению размещения оружия в космосе активно уже обсуждаются длительное время. Наличие «белых пятен» в правовом поле военной космической деятельности побуждало многие страны в период 1980–1990-х гг. выработать соответствующие международные договоренности. Активную и последовательную позицию в этом вопросе занимал Советский Союз, в последующем – Россия. Не ставя целью дать полный обзор политico-дипломатических шагов СССР по предотвращению вывода оружия в космос и превращения космического пространства в сферу военной конфронтации, укажем лишь на три ключевые инициативы:

- проект договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода, внесенный в ООН в 1981 г.;

- проект договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли, предложенный в ООН в 1983 г. и дополненный в 1984 г. предложением о запрете использования силы с Земли в отношении космических объектов;

- принятное Советским Союзом в 1983 г. обязательство не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия на все время, пока другие государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любого вида (этот мораторий охватывал и испытательные запуски противоспутниковых средств).

Проектами договоров предусматривалось:

- не испытывать и не развертывать путем вывода на орбиту вокруг Земли, размещения на небесных телах или каким-либо иным образом любое оружие космического базирования для поражения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве;

- не использовать космические объекты, находящиеся на орбитах вокруг Земли, на небесных телах или размещенные в космическом пространстве каким-либо иным образом, в качестве средства поражения любых целей на Земле, в воздушном и космическом пространстве;

- не уничтожать, не повреждать, не нарушать нормального функционирования и не изменять траекторию полета космических объектов других государств;

- не испытывать и не создавать новые противоспутниковые системы и ликвидировать уже имеющиеся такие системы;

- не испытывать и не использовать в военных, в том числе противоспутниковых, целях любые пилотируемые космические корабли.

Эти положения и в настоящее время не утратили своего фундаментального значения для предотвращения вывода оружия в космос, вооруженной борьбы в нем. Однако из-за отрицательного отношения к этим инициативам со стороны другой ведущей космической державы – Соединенных Штатов, – выработать всеобъемлющий режим по предотвращению размещения оружия в космосе не удалось.

Что касается одностороннего моратория Советского Союза на вывод в космос противоспутникового оружия, то условия этого моратория были Соединенными Штатами нарушены осуществлением в 1985 г. перехвата противоспутниковой системой АСАТ реального американского космического объекта – ИСЗ «Солуинд». СССР заявил о том, что считает себя с этого момента свободным от одностороннего обязательства, но вместе с тем, проявляя добрую волю, будет продолжать де-факто воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия. В 1992 г. Президентом России была подтверждена готовность на основе взаимности с США ликвидировать существующие противоспутниковые системы и выработать договоренность о полном запрете вооружений, специально созданных для поражения спутников. Однако и это наше предложение не нашло позитивного отклика у Соединенных Штатов.

Россия преемственно продолжила политику Советского Союза в области предотвращения размещения оружия в космосе. Это направление является одним из главных приоритетов политики России в области контроля над вооружениями. На 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 г. Россия предложила начать выработку всеобъемлющей договоренности о неразмещении в космосе оружия любого вида, неприменении силы или угрозы силой в отношении космических объектов².

■ Право

Впоследствии эта инициатива воплотилась в российско-китайском документе «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» (договоренность по ПРОК), который в 2002 г. был представлен на Конференции по разоружению в Женеве³.

В целях развития положений этого документа Россия и Китай в 2004-2006 гг. подготовили и распространяли на Конференции по разоружению детализированные материалы:

- по существующим нормам международного права, регулирующим военную космическую деятельность;
- по соответствующим терминам и определениям;
- по вопросам контроля и по международным мерам транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности⁴.

В октябре 2004 г., на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Россия заявила, что не будет первой размещать в космосе оружие и призывала все государства, обладающие космическим потенциалом, последовать ее примеру⁵. К этой инициативе присоединились государства-участники Организации Договора о коллективной безопасности (в 2005 г. было принято соответствующее заявление)⁶.

В 2007 г. Россия заявила о подготовке совместно с Китаем проекта полномасштабного договора по предотвращению размещения оружия в космосе (ПРОК). В 2008 г. в рамках Конференции по разоружению этот проект был официально внесен на рассмотрение международного сообщества. Такой договор должен закреплять юридические обязательства на паритетной основе – без разделения стран на тех, кто «может иметь» оружие в космосе, и тех, кто «не может»⁷.

Основные обязательства по этому проекту договора сводятся к следующему:

- не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом;
- не прибегать к применению силы или угроз силой в отношении космических объектов;
- не оказывать содействия и не побуждать другие государства и международные организации к участию в деятельности, запрещаемой договором.

Как видно из этих положений проекта Договора по ПРОК, упор делается на запрещение действий, а не средств, с помощью которых такие действия могут быть осуществлены. Такой подход позволяет уйти от крайне сложных дискуссий, связанных с определением терминов и выработкой критерии в отношении понятия «космическое оружие». Тем не менее проект договора содержит ряд определений терминов. Так, определение «космическое пространство» («надземное

пространство выше 100 км над уровнем Мирового океана») дано только для целей ДПРОК. Так как в международном космическом праве пока нет нормы, устанавливающей границу между воздушным и космическим пространством, предлагается для целей ДПРОК определить такую границу на высоте минимальных высот перигеев орбит искусственных спутников Земли – около 100 км над уровнем Мирового океана.

Крайне важным для понимания сути проекта ДПРОК является правильное толкование термина «оружие в космическом пространстве». В частности, в документе говорится о том, что устройство, которое может рассматриваться как «оружие в космическом пространстве», должно быть специально создано или переоборудовано для выполнения задач, обозначенных в проекте. Такому устройству должны быть приданы соответствующие характеристики. Иные устройства, которые часто называются в дискуссиях как «возможное оружие», вплоть до космического аппарата мирного целевого назначения, не могут быть отнесены к категории оружия, поскольку они специально не созданы и не переоборудованы для этих целей и им не приданы соответствующие характеристики. При этом использование таких космических аппаратов, которые не являются оружием по своим характеристикам, в качестве средства «применения силы» (например, для умышленного разрушения другого спутника путем столкновения) проект ДПРОК запрещает.

Хотелось бы привлечь внимание еще к одному определению в российском проекте: оружие будет считаться «размещенным» в космическом пространстве, если оно совершил, как минимум, один оборот по орбите вокруг Земли или следует по части такой орбиты с дальнейшим уходом с нее или находится на постоянной основе где-либо в космическом пространстве. Из этого определения вытекает, что полеты баллистических ракет не подпадают под сферу охвата проекта ДПРОК.

Российские инициативы, нацеленные на предотвращение размещения оружия в космосе, нашли позитивный отклик в международном сообществе. Проблематика ПРОК прочно вошла в повестку дня ведущих международных форумов, действующих в интересах укрепления стабильности и международной безопасности. Евросоюз (коллективно и отдельные страны) приветствовал усилия России и Китая по решению проблемы ПГВКП через предотвращение размещения там оружия. В этой связи ЕС в благожелательном ключе рассматривает российско-китайский проект договора⁸.

Разделяя общую идею проекта, направленную на устранение угрозы размещения оружия в космосе, Брюссель тем не менее считает, что проект требует доработки. В частности, страны Евросоюза подчеркивают, что необходимо добиться консенсуса по определениям терминов, необходимых для юридически обязывающего документа. Для ЕС принципиально важно и наличие в договоре положений, создающих эффек-

тивную систему проверки. Опцию разработки в будущем дополнительного верификационного протокола Евросоюз не приемлет. Кроме того, по мнению стран-членов ЕС, в договоре следует более четко прописать запрещение испытаний и использования противоспутникового оружия⁹.

Большинство государств Движения неприсоединения поддерживает российско-китайский проект ДПРОК. Вместе с тем следует отметить, что некоторые страны ДН используют проблематику ПГВКП в конъюнктурном ключе. Например, Пакистан, утверждая, что тематика ДПРОК «созрела» для переговоров, пытается таким образом найти замену неприемлемой для Исламабада работе на КР по договору о запрещении производства «оружейных» расщепляющихся материалов.

Однако переговорное продвижение российской инициативы по ПРОК пока буксирует. Дело состоит в том, что основной переговорной площадкой для обсуждения многосторонних соглашений в области разоружения является Конференция по разоружению. Но уже более десяти лет этому форуму не удается принять программу работы из-за различия в подходах разных государств к приоритетности рассмотрения вопросов повестки дня. По сути, работа конференции оказалась заблокированной.

Параллельно с договором по ПРОК Россия продвигает в мировом сообществе инициативу по международным мерам транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности, затрагивающую и вопросы предотвращения размещения оружия в космосе. В 2002 г., на 57-й сессии ГА ООН, Россия предложила в качестве меры транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности заблаговременное предоставление информации о предстоящих запусках и предназначении космических объектов¹⁰.

С 2005 г. Россия ежегодно вносила на сессиях ГА ООН проект резолюции «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» с конкретными предложениями, направленными на содействие делу мира, безопасности, международного сотрудничества и предотвращения гонки вооружений в космосе¹¹. За резолюцию голосовало подавляющее большинство государств (против – только США, Израиль воздерживался).

В 2010 г., на 65-й сессии ГА ООН, подавляющим числом голосов была принята новая резолюция (воздержались только США), предусматривающая учреждение к 2012 г. Группы правительственныйых экспертов. Она должна была заняться обобщением и развитием уже имеющихся предложений государств по мерам доверия и транспарентности в космосе, а также выработкой рекомендаций по их внедрению в международную практику¹².

Среди мер транспарентности и доверия в космосе актуальными могли бы быть:

- обмен информацией об основных направлениях политики государств в области космической деятельности;

- обмен информацией по основным программам исследования и использования космического пространства;

- обмен информацией об орбитальных параметрах космических объектов;

- ознакомительные мероприятия, в том числе визиты специалистов на космодромы, в центры управления полетом и на другие объекты космической инфраструктуры, приглашение наблюдателей на запуски космических аппаратов, показы ракетно-космической техники;

- предоставление уведомлений: а) о планируемом запуске космического аппарата; б) о планируемых маневрах космического аппарата с возможным опасным сближением с аппаратами других государств; в) о начале спуска неуправляемых космических объектов с орбиты и прогнозируемых районах падения; в) о возвращении управляемого космического аппарата с орбиты в плотные слои атмосферы; г) о возвращении космического аппарата с ядерным источником энергии на борту при опасности утечки радиоактивных материалов;

- консультации в целях разъяснения информации, предоставленной по программам исследования и использования космического пространства и в связи с вопросами, вызывающими озабоченности;

- тематические семинары по различным вопросам исследования и использования космического пространства, на двусторонней или многосторонней основе, с участием ученых, дипломатов, военных и технических специалистов.

Принятие таких мер способствовало бы снижению опасности неправильного понимания действий сторон в космосе и обеспечению предсказуемости стратегической ситуации в космическом пространстве. Как показывает анализ переговорной деятельности, «пробуксовка» предложений по космосу в значительной мере обусловлена позицией Соединенных Штатов Америки. Уже многие годы единственным участником КР, открыто выступающим против российско-китайского проекта договора по ПРОК, остаются США. Проект, дескать, не отвечает содержащимся в нем критериям (равномерное распределение обязательств, эффективная проверяемость, укрепление безопасности США и их союзников). «Недостатком», по мнению американцев, является и то, что проект не запрещает противоспутниковые системы наземного базирования¹³.

Однако есть один небольшой, но положительный момент в позиции США. В результате некоторой корректировки своей позиции, не меняющей, разумеется, ее сущности, американцы стали более позитивно относиться к МТДК. В выступлениях на КР американские представители подчеркивают, что наиболее рациональным путем укрепления безопасности в космосе является всемерное повышение доверия и транспарентности. США уже позитивно отреагировали на приглашение Генерального секретаря ООН войти в состав ГПЭ по МТДК. Они подтвердили

■ Право

свою готовность активно и конструктивно работать в рамках ГПЭ¹⁴.

Евросоюз активно продвигает на параллельных КР площадках проект своего кодекса поведения в космосе (КПК), сердцевину которого составляют МТДК. Многие элементы КПК совпадают с теми предложениями по мирному использованию космоса, которые обсуждались в Вене в рамках соответствующего ооновского комитета. В этом серьезный недостаток КПК. В целом нынешний вариант проекта КПК все еще требует существенной доработки – по субстанции он не достиг такого качественного уровня, чтобы вокруг него консолидировать ведущие космические державы. Штаб-квартира ЕС в Брюсселе ведет линию на созыв международной конференции (сроки пока не определены) для широкой поддержки своей инициативы.

Новым моментом в 2012 г. в продвижении идеи КПК стала официальная поддержка идеи кодекса со стороны США. Так, выступая на КР 24 января 2012 г. заместитель госсекретаря США Р. Геттемюллер заявила о готовности перейти к официальным переговорам по КПК с ЕС. При этом американцы предложили назвать будущий документ «Международный кодекс поведения в космосе» с перспективой фиксации общих договоренностей о борьбе с космическим мусором и «неответственной деятельностью». Разумеется, расшифровки, что такое «неответственная деятельность» и кто будет «мировым судьей» в этом случае, Р. Геттемюллер не дала¹⁵. Как представляется, столь явная американская поддержка КПК может свидетельствовать о стремлении перехватить инициативу и отвлечь международное сообщество от российских идей о ДПРОК. Это предположение косвенно подтверждает тот факт, что американцы вообще не упомянули российское предложение в своем выступлении.

На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН убедительным большинством голосов принимается вносимая поочередно Египтом и Шри-Ланкой ежегодная резолюция «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве». Против нее не голосует никто, однако постоянно воздерживаются США и Израиль (в 2011 г. резолюцию поддержали 176 государств)¹⁶. В этой резолюции зафиксирован ряд принципиальных положений, в частности:

- подтверждается важность и неотложность задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве;
- признается, что предотвращение гонки вооружений в космосе устранило бы серьезную угрозу для международного мира и безопасности;
- выражается убежденность в необходимости изучения дальнейших мер по выработке эффективных и поддающихся контролю двусторонних и многосторонних соглашений в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, включая вывод оружия в космос;
- указывается, что правовой режим, применимый к космическому пространству, сам по себе

не гарантирует предотвращения гонки вооружений в космосе, этот режим необходимо упрочить, усилить и повысить его эффективность.

Достаточно активную позицию по тематике космической безопасности занимает Канада. В 2009 г. канадцы распространяли на КР документ «Реализация принципов мер доверия для обеспечения безопасности космической деятельности и неразмещения оружия в космосе». В документе указывается, что предлагаемые принципы являются промежуточными добровольными мерами, а конечной целью остается разработка юридически обязывающего документа. Ряд элементов канадского документа содержитозвучные нашим идеям принципы – например, неразмещение оружия в космосе. При этом основной упор делается на обязательства не испытывать противоспутниковое оружие и не использовать спутники в качестве оружия. Канадцы считают этот момент принципиальным элементом эвентуальной договоренности по ПГВКП. Российско-китайский проект ДПРОК они рассматривают в качестве «хорошей, хотя и небезупречной» основы для будущих переговоров¹⁷.

В дополнение к данным предложениям целесообразно рассмотреть возможность реанимации идей разработки «правил движения» в космосе. Необходимость выработки таких мер диктуется постоянным увеличением количества пользователей космического пространства, возрастанием числа космических объектов, повышением риска их непреднамеренного столкновения, в том числе и с «космическим мусором». К числу первоочередных задач в данной области можно было бы отнести:

- отказ от действий, способных нарушить нормальное функционирование космических объектов других стран (включая маскировку враждебных действий под «случайные» столкновения с «космическим мусором»);
- установление минимальных дистанций между объектами;
- ограничение облетов объектов на низких высотах управляемыми или беспилотными космическими кораблями;
- заблаговременное уведомление о запуске космических объектов и пр.

В этом контексте было бы полезно подумать над возобновлением наших инициатив 1980-х гг., разумеется адаптированных к нынешним реалиям, предусматривающих в том числе создание Международного корпуса инспекторов (ISI) для проведения проверок запускаемых в космос объектов, с тем чтобы удостовериться в отсутствии на их борту оружия, а также, что сами эти объекты не являются оружием. Эту концепцию можно было бы дополнить прежним французским предложением об учреждении Международного агентства по мониторингу за искусственными спутниками земли (ISMA), а также канадской инициативой «Мирный спутник» (PAXSAT). Реализация данных идей содействовала бы институционализации контрольной деятельности по

неразмещению в космосе оружия и оказанию со-
действия в мониторинге за выполнением других
разоруженческих соглашений.

Antonov A.I. International Legal Regulation of Military Outer Space Activities.

Summary: The publication is devoted to legal issues and prospects of banning weapons in outer space. The international legal basis currently existing in this

field governs only certain aspects of use of outer space for military purposes, and it is obviously not enough to prevent the emergence of weapons in outer space. Attempts on the international level in recent years to put legal provisions in place that would establish barriers to an arms race in outer space so far have not been successful. The time is ripe to implement initiatives contributing to the institutionalization of verification activities on non-weaponization of outer space.

Ключевые слова

Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве, милитаризация космоса, противоспутниковое оружие, проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, меры транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности, проект кодекса поведения в космосе, Конференция по разоружению.

Keywords

Prevention of an arms race in outer space, militarization of outer space, anti-satellite weapons, Draft Treaty on the Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space, transparency and confidence-building measures in outer space activities, draft Code of Conduct for Outer Space Activities, Conference on Disarmament.

Примечания

1. http://www.oosa.unvienna.org/pdf/reports/unispace/ACONF184_6R.pdf
2. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации И.С.Иванова на 56-й сессии ГА ООН (Нью-Йорк, 24 сентября 2001 г.) // журнал «Дипломатический вестник». 2001. №10.
3. Документ Конференции по разоружению CD/1679, 28 июня 2002.
4. Документы Конференции по разоружению CD/1778, CD/1779 и CD/1780, 22 мая 2006 г.
5. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Л.А.Скотникова в Первом комитете 59-й сессии ГА ООН (Нью-Йорк, 5 октября 2004 г.) // Журнал «Дипломатический вестник». 2004.№ 11.
6. http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/06/23/1743_type72067_90205.shtml
7. Документ Конференции по разоружению CD/1839, 29 февраля 2008 г.
8. <http://www.delegfrance-cd-geneve.org/declarations/unioneuropeenne/eu-response-to-ppwt-28.02.08.pdf>
9. <http://www.delegfrance-cd-geneve.org/declarations/unioneuropeenne/eu-response-to-ppwt-28.02.08.pdf>
10. Ответ Министра иностранных дел Российской Федерации И.С.Иванова на вопрос российских СМИ о предотвращении размещения оружия в космосе // Журнал «Дипломатический вестник». 2002. №11.
11. Документ Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/66, 8 декабря 2005 г.
12. Документ Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/65/68, 8 декабря 2010 г.
13. Документ Конференции по разоружению CD/1839 от 29 февраля 2008 г.
14. <http://geneva.usmission.gov/2011/02/08/ambassador-kennedy-space-policy/>
15. [http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/\\$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf](http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf)
16. Документ Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/66/27, 2 декабря 2011 г.
17. Документ Конференции по разоружению CD/1865, 5 июня 2009 г.

Правовые и институциональные основы функционирования Евразийского союза

В.М. Малиновская

В настоящей статье исследуются современное состояние и тенденции развития евразийской экономической интеграции. В этих целях проводится анализ правовых и институциональных основ функционирования Евразийского союза, участниками которого в настоящий момент являются Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация. В статье автор выделяет некоторые проблемы таможенного регулирования в Евразийском союзе.

После распада СССР для России и некоторых бывших советских республик назрела необходимость восстановления тесной экономической интеграции. Идея создания единого экономического пространства на постсоветской территории начала реализовываться разными путями.

Первое направление – экономическая интеграция в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). 8 декабря 1991 г. главами трех государств – Белоруссии, России и Украины – было подписано Соглашение о создании СНГ. Государства-участники СНГ договорились о формировании общего экономического пространства, общей таможенной и миграционной политики, развитии общей системы транспорта, связи и энергетики. Позднее был принят Устав СНГ (22 января 1993 г.). Взаимоотношения между государствами-участниками СНГ стали строиться в самой простой форме международной экономической интеграции – в форме зоны свободной торговли. Первым шагом на пути формирования режима свободной торговли было подписание главами государств-участников СНГ 15 апреля 1994 г. Соглашения о создании зоны свободной торговли. Для 10 из 12 государств –

участников СНГ, подписавших Соглашение (кроме России и Туркмении), договор вступил в силу с момента подписания. Далее предпринимались и другие шаги в этом направлении – заключено 110 двусторонних соглашений о взаимной торговле. Однако в полной мере режим свободной торговли не был введен в СНГ. 18 октября 2011 г. по итогам заседания глав правительств государств-участников СНГ был подписан Договор о зоне свободной торговли между Россией, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Молдавией, Таджикистаном и Украиной. Этот договор заменяет действие ранее принятых двусторонних договоров о взаимной торговле между государствами СНГ. С 4 июня 2012 г. к многостороннему Договору о зоне свободной торговли присоединился Узбекистан.

Второе направление – экономическая интеграция в рамках Союзного государства Беларуси и России. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси и России. В следующем году Сообщество преобразовано в Союз Беларуси и России (Договор от 2 апреля 1997 г.). 23 мая 1997 г. был подписан Устав Союза Беларуси и России. В дальнейшем политические и экономические отношения двух республик по-

Малиновская Виктория Михайловна – к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

лучили оформление в виде Договора о создании Союзного государства, подписанного в Москве 8 декабря 1999 г. 26 января 2000 г. указанный Договор вступил в силу после его ратификации парламентами двух стран. Воплощение в жизнь идеи конфедеративного союза двух государств предусматривает в том числе создание единого таможенного пространства и осуществление единого правового регулирования в сфере таможенного дела на этом пространстве.

Третье направление – экономическая интеграция в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). 6 января 1995 г. было заключено Соглашение о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Позже к Таможенному союзу присоединились Казахстан, Киргизия и Таджикистан, подписав отдельные соглашения с государствами-участниками Таможенного союза. Эти и другие соглашения, принятые в развитие отношений между государствами-участниками пятистороннего Таможенного союза, предусматривали создание единой таможенной территории, отмену тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле, отмену таможенного контроля на внутренних границах, принятие единого таможенного тарифа для торговли с третьими странами.

Дальнейшие меры по формированию Таможенного союза были сформулированы в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. Впоследствии на базе Таможенного союза была образована международная экономическая организация. 10 октября 2000 г. в Астане главами государств Белоруссии, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. В декабре 2003 г. ЕврАзЭС был предоставлен статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. 24 января 2006 г. было оформлено присоединение к ЕврАзЭС Узбекистана. В настоящее время членство Узбекистана в ЕврАзЭС приостановлено. На сегодняшний день участниками этой организации являются пять государств: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Киргизия, Российская Федерация и Республика Таджикистан. Статус государств-наблюдателей имеют: Армения, Молдавия и Украина.

6 октября 2007 г. главы трех государств-участников ЕврАзЭС – Белоруссии, Казахстана и России подписали Договор о Таможенном союзе. Для обеспечения условий функционирования и развития Таможенного союза была учреждена Комиссия Таможенного союза – единый постоянно действующий регулирующий орган. 6 октября 2007 г. был подписан Договор о Комиссии Таможенного союза, который регламентировал организацию, полномочия и порядок деятельности Комиссии¹. Этому новому наднациональному органу были переданы от национальных таможенных органов полномочия по таможенному регулированию. В качестве рабочего органа Комиссии Таможенного союза был создан Секретариат

Комиссии, действовавший на основе Соглашения о Секретариате Комиссии Таможенного союза от 12 декабря 2008 г.

27 ноября 2009 г. в Минске президентами Белоруссии, Казахстана и России на заседании Межгосударственного Совета ЕврАзЭС был подписан Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза. На основании решения Межгосударственного Совета ЕврАзЭС Таможенный кодекс Таможенного союза вступил в силу на территории Белоруссии, Казахстана и России с 6 июля 2010 г. Процесс формирования единой таможенной территории Таможенного союза был завершен 1 июля 2011 г. В ноябре 2010 г. Белоруссия, Казахстан и Россия начали переговоры по созданию зоны свободной торговли с Новой Зеландией.

В декабре 2010 г. на саммите ЕврАзЭС в Москве были достигнуты договоренности о создании Евразийского союза на базе Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России. В октябре 2011 г. было принято решение о вступлении Киргизии в Таможенный союз, но процесс по присоединению Киргизии к Таможенному союзу еще не завершен. После того как Киргизия вступит в Таможенный союз, планируется присоединение к Таможенному союзу Таджикистана. В соответствии с решениями глав государств-членов Таможенного союза от 18 ноября 2011 г. Таможенный союз переходит на новую ступень экономической интеграции. С 1 января 2012 г. Таможенный союз между Белоруссией, Казахстаном и Россией называется Евразийским союзом (ЕАС), а единая таможенная территория Таможенного союза – Единым экономическим пространством (ЕЭП).

Главным итогом развития процесса экономической интеграции государств на большей части постсоветского пространства стало становление Евразийского союза. В состав Евразийского союза входят Белоруссия, Казахстан и Россия с возможностью присоединения других государств, разделяющих цели и принципы Евразийского союза. 18 ноября 2011 г. главы государств Белоруссии, Казахстана и России подписали Декларацию о Евразийской экономической интеграции. Декларация предполагает развивать дальнейшую экономическую интеграцию между государствами-участниками Евразийского союза по следующим основным направлениям:

- обеспечение эффективного функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов;
- формирование согласованной промышленной, транспортной, энергетической и аграрной политики, углубление производственной кооперации, включая возможное создание совместных транснациональных корпораций;
- дальнейшее сближение, гармонизация национальных законодательств, а также их унификация в сферах, определенных соглашениями, составляющими договорно-правовую базу Единого экономического пространства;
- разработка и осуществление согласованной экономической политики, переход к согласова-

■ Право

нию параметров основных макроэкономических показателей государств-участников, углубление сотрудничества в валютной сфере;

– углубление сотрудничества в целях обеспечения экономической безопасности во всех ее аспектах;

– сотрудничество в вопросах миграционной политики;

– обеспечение совместности стандартов образования;

– всемерное развитие сотрудничества в сфере культуры, связей по линии парламентов и деловых сообществ, контактов между людьми;

– дальнейшее развитие межрегионального и приграничного сотрудничества, формирование эффективных структур межрегионального взаимодействия;

– совершенствование и развитие наднациональных институтов;

– развитие сотрудничества в сфере внешней политики по вопросам, представляющим взаимный интерес.

В соответствии с решениями, принятыми на уровне глав государств-участников трехстороннего Таможенного союза, были созданы наднациональные органы управления: Высший Евразийский экономический совет – высший орган ЕАС, в состав которого входят главы государств-участников Таможенного союза (президенты Белоруссии, Казахстана и России) и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянно действующий регулирующий орган ЕАС.

Порядок формирования, состав и сферы полномочий Евразийской экономической комиссии определены Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. Новому наднациональному регулирующему органу ЕАС переданы полномочия Комиссии Таможенного союза². На Евразийскую экономическую комиссию также возложен ряд дополнительных функций. Свою деятельность Евразийская экономическая комиссия осуществляет на основе Решения о регламенте работы Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. Евразийская экономическая комиссия состоит из Совета и Коллегии. Совет комиссии осуществляет общее руководство деятельностью Евразийской экономической комиссии.

В Совет комиссии входят по одному представителю от каждой Стороны (на уровне заместителей глав правительства государств-участников). Председательство в Совете Евразийской экономической комиссии осуществляется поочередно в течение одного года в порядке русского алфавита по наименованию Стороны. В 2012 г. Председателем Совета Евразийской экономической комиссии назначен С.Н. Румас (Белоруссия). Заседания Совета комиссии проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал. Могут проводиться и внеочередные заседания Совета комиссии по инициативе любого члена Совета комиссии или Председателя Коллегии комиссии. Совет Евразийской экономической комиссии в пределах своих полномочий принимает решения и рекомендации.

Решения Совета комиссии имеют обязательную силу для всех государств-участников ЕАС и принимаются на основе консенсуса.

Коллегия Евразийской экономической комиссии является исполнительным органом комиссии. Коллегия комиссии вправе разрабатывать предложения в сфере дальнейшей экономической интеграции в рамках ЕАС. Коллегия Евразийской экономической комиссии состоит из 9 членов (по 3 члена Коллегии от каждой стороны), один из которых является Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии. Члены Коллегии комиссии и председатель этой Коллегии назначаются сроком на 4 года решением Высшего Евразийского экономического совета с возможным продлением полномочий. В 2012 г. Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии назначен В.Б. Христенко (Россия). Коллегия Евразийской экономической комиссии в пределах своих полномочий принимает решения и рекомендации. Решения Коллегии комиссии имеют обязательный характер для всех государств-участников ЕАС. Свои решения Коллегия комиссии принимает голосованием, каждый член Коллегии комиссии обладает одним голосом.

Структурными подразделениями Евразийской экономической комиссии являются департаменты (23), внутри которых сформированы отделы. Структура департаментов Евразийской экономической комиссии утверждена Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 25 января 2012 г. №2. Руководство департаментами осуществляют Коллегия комиссии. Каждым департаментом руководит один из членов Коллегии комиссии в соответствии с распределением обязанностей между ними на основе решения Высшего Евразийского экономического совета.

На сегодняшний день процесс формирования институтов Евразийского союза не завершен. Предполагается создание следующих наднациональных органов:

– Совет глав республик и глав правительств ЕАС (высший орган ЕАС, станет правопреемником Высшего Евразийского экономического совета);

– Парламент ЕАС (высший консультативно-совещательный орган ЕАС);

– Совет министров иностранных дел ЕАС (орган ЕАС, координирующий внешнеполитическую деятельность);

– Межгосударственный исполнительный комитет (постоянно действующий исполнительный и контрольный орган ЕАС);

– Информационное бюро Межгосударственного исполнительного комитета;

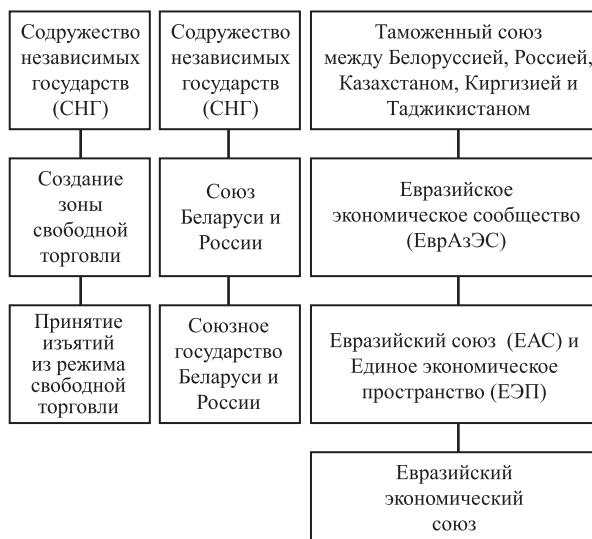
– Совет по вопросам образования, культуры и науки (орган ЕАС по формированию согласованной политики в области образования, культуры и науки).

Формирование организационных структур трехстороннего Таможенного союза потребует принятия необходимого количества международно-правовых документов, составляющих правовые

основы деятельности этих органов. Завершение процесса формирования правовой и институциональной базы Таможенного союза станет следующим этапом развития евразийской экономической интеграции. А именно переходным этапом на пути создания Евразийского экономического союза. 19 марта 2012 г. в Москве прошло заседание Межгосударственного Совета ЕврАзЭС. На этом заседании лидеры государств-участников ЕврАзЭС приняли решение о выходе к 2015 г. на формирование Евразийского экономического союза и подписании к 1 января 2015 г. договора о создании Евразийского экономического союза. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 25 апреля 2012 г. № 30 создана рабочая группа по вопросу реорганизации ЕврАзЭС.

Основные направления и этапы евразийской экономической интеграции между некоторыми государствами на большей части постсоветского пространства можно представить в виде схемы.

Основные направления и этапы евразийской экономической интеграции

Политики, экономисты и официальные представители таможенных служб Белоруссии, Казахстана и России, а также зарубежные исследователи по-разному оценивают практические шаги евразийской экономической интеграции³. Однако позиции отечественных и зарубежных правоведов сводятся к единому мнению – механизм таможенного регулирования в государствах, действованных в процессе евразийской экономической интеграции, значительно усложнился⁴.

С введением в действие Таможенного кодекса Таможенного союза было положено только начало созданию единого механизма таможенного регулирования в государствах-участниках Евразийского союза. Если раньше национальная таможенная политика предопределяла основные направления таможенного регулирования и элементы таможенного дела в пределах своей таможенной территории, то теперь на единой таможенной территории Таможенного союза

должна быть, во-первых, определена единая таможенная политика, во-вторых, сформирована единая структура таможенного дела и, в-третьих, установлены единые таможенные правила. Для этого государства-участники Таможенного союза передали часть полномочий своих государственных органов (по вопросам таможенного регулирования и некоторым другим смежным вопросам) в компетенцию наднационального регулирующего органа ЕАС – Евразийскую экономическую комиссию.

Таможенный кодекс Таможенного союза установил двухуровневую систему таможенного регулирования – наднационального и национального регулирования с приматом наднационального регулирования. П.2 ст.1 Таможенного кодекса предусматривает, что таможенное регулирование в Таможенном союзе осуществляется в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза, а в части, не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства Таможенного союза в соответствии с законодательством государств-членов Таможенного союза.

В систему таможенного законодательства Таможенного союза входят:

- 1) Таможенный кодекс Таможенного союза;
- 2) международные договоры государств-членов Таможенного союза, регулирующие отношения в сфере таможенного дела на единой таможенной территории Таможенного союза⁵;
- 3) решения Комиссии Таможенного союза, принимаемые в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза и международными договорами государств-членов Таможенного союза⁶.

Для совершенствования единого механизма таможенного регулирования в Таможенном союзе государства-члены Таможенного союза приняли ряд международных договоров и соглашений на основе и во исполнение отдельных положений Таможенного кодекса Таможенного союза⁷. 22 июня 2011 г. они подписали Договор об Объединенной коллегии таможенных служб государств – членов Таможенного союза. В настоящее время Объединенная коллегия таможенных служб государств-членов Таможенного союза осуществляет координацию практических действий таможенных служб государств-членов Таможенного союза в условиях перехода на единые принципы таможенного администрирования, проводит мониторинг практики применения таможенных правил и процедур.

В тот же день, 22 июня 2011 г., были подписаны еще два соглашения:

- о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах по вопросам деятельности представительств таможенных служб государств-членов Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (для обеспечения взаимодействия таможенных служб на единой таможенной территории Таможенного союза, а также для создания правовых основ

■ Право

пребывания в представительстве таможенной службы государства-члена Таможенного союза и взаимодействия сотрудников представительств таможенных служб);

– об осуществлении транспортного (автомобильного) контроля на внешней границе Таможенного союза (для упрощения процесса перемещения товаров и автомобильных транспортных средств на единой таможенной территории и для организации единой системы контроля за международными автомобильными перевозками по единой таможенной территории Таможенного союза).

В целом в процессе становления единого таможенного законодательства Таможенного союза удалось создать единую систему тарифного и нетарифного регулирования в Таможенном союзе, унифицировать законодательство государств-участников Таможенного союза в области технического регулирования, принять единые правила проведения санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля на единой таможенной территории Таможенного союза.

Процесс совершенствования единого механизма таможенного регулирования в Таможенном союзе оказался сложным не только на наднациональном уровне, но и на национальном уровне. Перед государствами-участниками Таможенного союза всталась задача провести работу по обновлению действующего национального таможенного законодательства:

– в Казахстане 30 июня 2010 г. был принят Кодекс «О таможенном деле в Республике Казахстан», который вступил в силу с 1 июля 2010 г.;

– в ходе реформирования российского законодательства о таможенном деле был принят Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», который заменил ранее действующий Таможенный кодекс Российской Федерации 2003 г. Таможенный кодекс Российской Федерации 2003 г. утратил силу с 1 октября 2011 г.;

– в Беларуси были внесены поправки в Таможенный кодекс Республики Беларусь от 4 января 2007 г., а также были приняты указы Президента Республики Беларусь, регулирующие отношения в сфере таможенного дела (например, Указ Президента Республики Беларусь от 9 февраля 2012 г. № 55 «Об утверждении Положения о свободных складах»).

Вся работа по созданию единого механизма таможенного регулирования в Евразийском союзе направлена на решение важных и весьма позитивных экономических задач:

– унификацию таможенных процедур в государствах-участниках Таможенного союза;

– упрощение таможенных формальностей для участников внешнеэкономической деятельности на единой таможенной территории Таможенного союза;

– снижение фискальных и административных барьеров внутри Единого экономического пространства;

– создание благоприятных условий для участников внешнеэкономической деятельности на единой территории Евразийского союза (как резидентов, так и нерезидентов государств-членов Таможенного союза).

Вместе с тем имеются нерешенные проблемы правового характера, в том числе проблемы таможенного регулирования в Евразийском союзе. В частности, необходимо завершить процесс по совершенствованию единого таможенного законодательства Таможенного союза, а также по совершенствованию законодательства о таможенном деле государств-участников Таможенного союза. Существуют и коллизии между отдельными нормами Таможенного кодекса Таможенного союза, между нормами национальных законодательных актов о таможенном деле (законов, кодексов) и нормами национальных актов других отраслей законодательства (уголовного, административного, налогового и иного).

В Таможенном кодексе Таможенного союза, международных договорах государств-участников Таможенного союза по вопросам таможенного дела и решениях Комиссии Таможенного союза содержится большое число отсылочных норм. Необходимо постараться сократить количество отсылочных норм в указанных международно-правовых актах. Это приведет к устранению противоречий между актами различных уровней и единообразному толкованию норм данных актов.

Среди государств-участников Таможенного союза не все государства присоединились к некоторым базовым источникам международного торгового и таможенного права. Так, Республика Казахстан не является участницей Таможенной конвенции о применении карнета ATA для временного ввоза товаров 1961 г. (Конвенции о карнете ATA). В этой связи применение на единой таможенной территории Таможенного союза положений многосторонних международных конвенций, участниками которых являются только некоторые государства-члены Таможенного союза, становится проблематичным.

Для государств-участников Таможенного союза действует единая система тарифного регулирования. Однако механизм расчета ввозных таможенных пошлин в этих государствах несколько отличается. На расчет ввозных таможенных пошлин влияет страна происхождения товара. По базовым ставкам облагаются товары, происходящие из стран, в торгово-политических отношениях с которыми Россия, Белоруссия или Казахстан предоставляют режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Эти ставки применяются на основе двусторонних торговых соглашений. Списки стран, с которыми государства-члены Таможенного союза имеют международные договоры, предусматривающие установление в двусторонних торговых отношениях РНБ, для России, Белоруссии и Казахстана неодинаковые. Изменение такого положения приведет к созданию равных условий внешнеторговой деятельности на Едином экономическом пространстве для государств-импортеров.

В качестве общего итога хотелось бы заметить, что совершенствование правовых и институциональных основ Евразийского союза – необходимая и значимая задача для государств-участников этого интеграционного объединения. Работа по совершенствованию правовых и институциональных основ Евразийского союза должна быть эффективной и отражать объективно действующие процессы евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Очень важно всестороннее изучение и широкое применение мирового опыта международных экономических интеграционных объединений.

Malinovskaya V.M. Legal and Institutional Bases of Functioning of the Eurasian Union.

Summary: In present article are investigated a modern condition and tendencies of development of the Eurasian economic integration. In these purposes the analysis legal and institutional bases of functioning of the Eurasian union which participants at the present moment are the Republic Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation will be carried out. In article the author allocates some problems of customs regulation in the Eurasian union.

Ключевые слова

Евразийская экономическая интеграция,
Евразийский союз, Евразийская экономическая комиссия, таможенное законодательство Таможенного союза, Таможенный кодекс Таможенного союза.

Keywords

The Eurasian economic integration, the Eurasian union, the Eurasian economic commission, the customs legislation of the Customs union, the Customs code of the Customs union.

Примечания

1. Комиссия Таможенного союза состоит из 3 членов (по одному члену Комиссии от каждой Стороны). В состав Комиссии Таможенного союза вошли заместители глав правительств государств-участников Таможенного союза. Председателем Комиссии назначен И.И. Шувалов (Россия).
2. Согласно ст. 39 Договора о Евразийской экономической комиссии деятельность Комиссии Таможенного союза прекращается 1 июля 2012 года.
3. Нарышкин С.Е. Парламентский вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право и политика. 2012. № 11. С. 13-15; Поболь А.И. Экономический потенциал инновационного развития стран в интеграционных процессах СНГ, ЕврАзЭС и ЕЭП // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 1. С. 59-76; Давыдов Р. Экономическая интеграция: в интересах бизнеса, во благо народов // Доклад на Всероссийском форуме деловых средств массовой информации. URL: <http://www.customs.ru>.
4. Козырин А.Н. К вопросу о соотношении наднационального и национального регулирования в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС / Правовые вопросы Евразийского таможенного союза. 15-я Конференция по внешнеэкономическому праву. Мюнстер, 2010. Москва, Берлин, 2012. С. 51-65; Степаненко С.М. Проблемы развития правовых основ регулирования отношений в области таможенного дела в Таможенном союзе Белоруссии, Казахстана и России // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 57-62.
5. До подписания Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза государства-члены Таможенного союза приняли 32 международных договоров и соглашений, регулирующих отношения в сфере таможенного дела. В соответствии с Планом мероприятий по введению Таможенного кодекса Таможенного союза было принято 17 международных соглашений между государствами-членами Таможенного союза.
6. В соответствии с Планом мероприятий по введению Таможенного кодекса Таможенного союза было принято 17 решений Комиссией Таможенного союза.
7. Всего с момента введения в действие Таможенного кодекса Таможенного союза и до настоящего времени было принято 20 международных актов по вопросам таможенного регулирования в Таможенном союзе.

К вопросу о коммуникации и нравственной культуре

Д.Н. Белова

В статье автор исследует нравственный аспект внутрикультурного и межкультурного коммуникативного взаимодействия как многофакторный феномен; анализирует причины нравственной деградации современного общества.

Коммуникация – многофакторный феномен, охватывающий все сферы деятельности личности, все аспекты социальной жизни общества. В равной мере актуальными являются осмысление и изучение причин межкультурных недопониманий, что побуждает обращаться к обсуждению проблем межкультурного нравственного взаимодействия в различных сферах, в частности информационной политики, дипломатии, а также отдельных партнеров на уровне межличностного взаимодействия.

Как считают многие исследователи, непосредственной причиной большинства конфликтов межкультурного общения является сама культура с присущим ей национально-специфическим образом жизни¹. Взаимодействие представителей разных культурных групп осуществляется, в первую очередь, на уровне городских субкультур, что позволяет говорить о постоянном присутствии в обществе напряженности и противоречий между основными знаниями и ценностями. Межкультурное общение охватывает не только внешний, видимый (объективный) образ жизни во всем его многообразии, в том числе и речевой, но и скрытый, внутренний (субъективный) мир, определяемый ценностными ориентациями, специфическими способами восприятия, мышления, нормами морали и поведения².

П. Вацлавик и другие исследователи рассматривают коммуникацию как *conditio sine qua non* (непременное условие) жизни человека и порядка в обществе³, а сложность коммуникационного взаимодействия двух субъектов воспринимается как суть общения с учетом социально-культурных условий ситуации, опираясь также на социально-

психологические характеристики коммуникантов. Создается, таким образом, определенная степень взаимопонимания и совместного смыслосозиания⁴. С позиций поведенческого аспекта учитываются также межперсональные коммуникации. Для достижения согласия создаются условия взаимодействия не с помощью силы и принуждения, а посредством аргументов и рациональности⁵.

В концепциях коммуникации современных авторов одну из ключевых позиций занимает идея наличия общего социального опыта коммуникантов, адекватность и потенциальную успешность обеспечивает также «единый коммуникативный стиль в рамках интракультурного общения и умение идентифицировать коммуникативный стиль друг друга в ситуациях межкультурного взаимодействия для уместного взаимного вербального и невербального поведения⁶.

Ю.М. Лотман указывал, что «в нормальном человеческом общении и, более того, нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего. В этих условиях нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего. В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение делает общение бессодержательным»⁷. По мнению Т. Малетцке, коммуникативный процесс подразумевает прежде всего взаимопонимание, содержание и смыслообразование в общении, тогда как в межличностном взаимодействии (интеракции) акцент делается на поведенческие аспекты, характер социальных отношений и действий⁸.

Белова Дарья Николаевна – к.философ.н., старший преподаватель кафедры философии МП факультета МГИМО(У) МИД России. E-mail: darinda2006@yandex.ru

В настоящее время массовая коммуникация – «мощное политическое средство, которое не только формирует общественное мнение, но и часто непосредственно влияет на принятие тех или иных политических решений»⁹. Средства массовой информации используются не только для информирования, но и для оказания идеологического, политического, экономического, психологического, организационного воздействия на мнение, оценку и поведение людей. «Мир сегодня вступил в фазу активной geopolитической трансформации», и это ставит вопрос «о новых социальных и культурных проекциях психологических феноменов, вызванных теми поистине тектоническими смещениями, которыми характеризуется современное состояние информационного и постинформационного общества»¹⁰.

Массовая коммуникация немыслима без межперсональной, которая базируется и питается первой. Культурно-специфические особенности коммуникации проявляются в разных формах (межличностной, массовой, групповой и организационной) в сочетании вербального и невербального поведения. Коммуникативное поведение обусловлено национальным менталитетом и характером, оно определяется как совокупность норм и традиций общения народа, группы, отдельной языковой личности¹¹.

Очень важен аспект маскулинность/фемининность в культурном общении, который соотносится с выполнением типичных для каждого общества социальных ролей. В маскулининых, или «мужских», культурах высока роль дифференциации полов, члены которой ориентированы на достижение успеха, конкуренцию, материальное благополучие. В фемининных, или «женских», культурах степень ролевой дифференциации полов выражена неярко, основными ценностями являются семья, качество жизни, человеческие взаимоотношения¹², большее внимание уделяется воспитанию, скромности, умению сотрудничать, взаимопомощи¹³. Хотя многие авторы подчеркивают, что маскулинность/фемининность имеют относительный характер, черты и поведение меняются, однако в современных сообществах эти ориентации имеют социальное значение. Культура изначально пользуется этим биологическим различием, интерпретируя его, закрепляя с помощью различных конвенций, включая в игру властных отношений.

Н.А. Бердяев писал: «Культура есть кульп предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами... Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым... Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскресению... В цивилизации есть хамизм зазнавшегося parvenu. Этот хамизм сообщается культуре, которая хочет быть окончательно безрелигиозной»¹⁴.

После 1990-х гг. в России действует сверхновая, основанная на индивидуализме «автомобильная цивилизация» и «массовая культура», требующая популяризации, доступности, упрощенности духа и мысли. Состояние нравственности

русского народа находится на низком уровне при бесконтрольном состоянии всех коммуникаций, и межкультурных в том числе. Так как «все революции... представляют варварское восстание против культуры»¹⁵, необходимо для сохранения ценностей своей культуры начать с соблюдения общечеловеческих моральных принципов и правил нравственности.

В многонациональном обществе ярко встает проблема межкультурных коммуникаций на основе общения представителей разных культур при соблюдении правил нравственности. Постигая существо морали и нравственности, очень трудно определить феномен нравственной жизни, так как сама мораль и нравственная жизнь парадоксальны и полны противоречий. Однако существует утверждение о тождественности этих феноменов, что находит отражение и в этической теории, и в обыденном языке, следовательно, феномены говорят на одном языке, оперируют одними и теми же понятиями: добра и зла, справедливости, чести и достоинства, ответственности и долга.

Мораль – это совокупность норм и требований, устанавливаемых обществом, понимается как форма общественного сознания, а нравственность – это совокупность этических требований, предъявляемых человеком к себе, к практическим поступкам, обычаям, нравам.

Нравственность носит всепроникающий характер, в ней нравственная норма базируется на добре и зле. Мораль возникает и существует в межличностных отношениях, ее природа – социально-психологическая и тесно связана с психологией личности, народов, рас, с групповой психологией и биологией человека. Она выступает регулятором поведения человека посредством строго фиксированных норм. Личность может обладать нравственной свободой, когда общечеловеческие и социальные императивы совпадают с ее внутренними мотивами.

Понять человека можно, только видя в нем добро. Ницше говорил, что тот, кто слишком пристально смотрит в бездну, рискует тем, что она отразится в нем. Нельзя видеть в человеке зло и пытаться его понять. Только добро просветляет человека, чему способствует нравственный ум, его проницательность, духовная углубленность. Можно выделить следующие аспекты нравственности:

- высшие нравственные ориентиры;
- высшие ценности общечеловеческого характера;
- универсальные правила (отношения к жизни, чести, достоинству).

Высшие нравственные ценности базируются на архетипах и зависят от расы, национальности, религии, места и времени. «Архетипы выступают в качестве знаков и в то же время проявляют единицу коллективного бессознательного... Они осваиваются и усваиваются психологически в ходе взаимодействия с социальной средой, их генезис поэтому несет социально-психологический характер... Коллективное бессознательное и его архетипы являются местом рождения, хранения

■ Культурология

и матрицей архетипов, а следовательно, и морали... Архетипы – это заявления человека как социального существа о самом себе, о своем знании морали, солидарности с ней либо, напротив, ее отрицания...»¹⁶.

Исторические этапы развития человечества опираются на внешние нравственные нормы, это ярко отражено в современной западной и исламской морали. Так, в традиционном обществе было необходимо подчинение молодых старшему поколению, а современное западное общество намерено предоставить полную свободу молодым.

Добро и зло – понятия, которые в зависимости от конкретной исторической эпохи или иной культурной традиции изменяют свое содержание. Так, в Средние века достоинство человека определялось его религиозным благочестием, а в современном обществе – уровнем и качеством потребления материальных и духовных благ. В различных обществах существует специфика восприятия добра и зла. В Англии нравственная жизнь индивида держится на идее пользы, в Германии на идее порядка, в России на положительных духовно-нравственных феноменах.

Важно учитывать моральный статус отдельных культур различных государств, выделяемых по религиозному признаку, языку и культуре в целом, которые отличаются также нравственными предпочтениями, менталитетом, восприятием мира, обычаями, традициями. Под менталитетом понимается способ «восприятия, оценки, осмысливания и переживания действительности, типичной для конкретной исторической общности или социальной группы... Русский менталитет зиждется на вере, то есть на стремлении к абсолютной ценности»¹⁷.

А.П. Карсавин утверждал, что «русский человек не может существовать без абсолютного идеала... ради идеала готов отказаться от всего, пожертвовать всем; усомнившись в идеале или его близкой осуществимости, является образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему»¹⁸. Н.О. Лосский, рассматривая специфику национального восприятия добра, писал: «Основная наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием»¹⁹.

Учитывается как аспект нравственности мораль отдельных слоев общества, так называемая групповая мораль, нравственные нормы профессиональных, политических, криминальных групп общества. Индивидуальная мораль должна соотноситься с высшей, групповой, исторической и стратифицированной.

Споры о нравственности, ее содержании, функциях, проявлениях часто связывают с духовностью. «Духовность можно определить как стремление к неким высшим целям индивидуального и общественного развития в соответствии с нравственными нормами, в том числе провозглашенными религией, как единство с природой, как жизнь в высших идеалах, выбирающая в себя худо-

жественное, научное, техническое, богословское и иное творчество, интеллектуальные запросы и потребности»²⁰.

Отношение к религии как части нравственности все больше становится в настоящее время данью традиции, десакрализация происходит главным образом в странах Запада и в значительно меньшей степени в странах, где господствует буддизм, индуизм и ислам. Религия обладает огромными возможностями для укрепления морального состояния общества и личности, что особенно ярко проявляется в христианстве и русской богословской философии, где вопросы морали связывались с разделением человека на душу и тело. «Если мы, русские, не окончательно варвары и скифы, то потому лишь, что через православную церковь, через Византию получили связь с преданиями античной, греческой культуры»²¹.

Мораль в религии переплетается с верой в Бога, источника добра, справедливости, духовности. Нарушение моральных устоев расценивалось как действие дьявольских сил, проявление телесной природы человека, ярко выраженная ментальная составляющая, которая неустранима в принципе. В нравственности остаются важные для религии представления о добре и зле, справедливости и милосердии. Л.Н. Толстой писал: «Нравственность заключена в даваемом религией объяснении жизни и поэтому никак не может быть отделена от религии. Истина это особенно очевидна на тех попытках философов нехристианских вывести учение о высшей нравственности из их философии»²².

Специфическая особенность русской культуры выражена в соборности, «именно в ней со всей отчетливостью просматривается уникальность России на фоне западной и восточных цивилизаций. Если Запад строится на принципах индивидуализма, индивидуальные свободы и личный интерес полагает в качестве доминирующих ценностей, а Восток, напротив, опирается на принцип корпоративности (этносоциального солидаризма) и интересы общности ставит выше личных, то Россия устремлена к соборности... Принцип соборности отнюдь не есть вариант колlettivизма, но представляет собой попытку соединения личной свободы с социальным единством людей».

При этом в идее соборности имманентно содержатся и другие очень важные ценностные понятия, такие, как добро и зло, справедливость, любовь, личность и др.»²³. Соборность как один из принципов христианской церкви закреплена в Символе веры, взаимосвязи с восточно-христианской духовно-нравственной традицией. Те же традиции русской культуры проявляются в образе «матушки-Руси», который используется как могущественный образ русской национальной индивидуальности. Он выступает основной категорией материнства и широко используется в XIX и XX вв.

Огромный нравственный посыл несет текст Библии, но в силу огромного временного и культурного разрыва между эпохами может быть не полностью воспринят современным человеком,

что связано с его духовным развитием и соответствует принятым в обществе моральным нормам, принципам христианского учения.

Учитывая, что приоритет морали понижен в современном мире, серьезную проблему представляет формирование морально-нравственных качеств личности. Так, в конце 1990-х гг. она рассматривалась как «формирование деидеологизированного мышления», в 2000-х – как «формирование толерантности», то есть терпимости к идеяным и моральным различиям, в настоящее время – как проблема «формирования нравственности». «Для современного человека нравственное поведение заключается в сложном и постоянном процессе нахождения неустойчивого баланса гуманного отношения к другому и к самому себе. А это означает терпимое отношение к разнообразным особенностям других людей, принятии собственной неидеальной природы со всеми ее ограничениями и сохранением веры в возможности человека»²⁴. Взаимопроникновение разных ценностных стандартов в социopsихологическом и философском ключе может рассматриваться как адаптивная форма личностной ориентации в глобальном сообществе²⁵.

Положительные эмоции, проявляемые людьми, способствуют образованию социума, где осуществляется мирное сосуществование, то есть проявляется человечность человека, последняя может быть соотнесена с «разумностью человека, достоинством, свободой, гуманным отношением к природе, животным и окружающим людям... Однако возможности морали в деле вочеловечивания человека и удержания его человечности в должных пределах, во-первых, небезграничны, во-вторых, могут существенно варьироваться в зависимости от возраста, деспособности (здоровья и незддоровья), экстремальных или ординарных условий, в которых оказываются те или иные люди»²⁶.

В.Т. Шаламов, переживший застенки ГУЛАГа, писал о том, что человек теряет мораль: «Все человеческие чувства – любовь, дружба, человеческое милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодаания»²⁷. Следовательно, не всем людям и не при всех условиях и обстоятельствах можно предъявлять моральный счет, иначе это издевательство и насилие над ними. Сфера нравственности формируется путем накопления совокупного опыта всего человечества. Требования морали во многом опираются на конкретную общественную господствующую систему. Мораль имеет социально-групповой характер, то есть проявляется как мораль партии, класса, «корпоративная», расовая и т.д.

Десять заповедей в Священном Писании составляют основу нравственности в полной мере, однако множество разновидностей морали сменилось. «Право первой ночи» было одно время моралью феодального общества. Каждая социальная группа, пришедшая к власти, старается

закрепить свою мораль с помощью соответствующих законов. Существуют различные варианты морали в зависимости от общественной системы, в которой она функционирует:

– групповая мораль опирается на господствующую идеологию. Нравственно то, что хочется правящей группе, а безнравственно то, что ей не выгодно. Мораль ищет поддержки и оправдания в нормах нравственности, тогда как нормы морали навязываются индивиду;

– весьма убедительным примером лжеморали является широкое распространение идеологии женоненавистничества, длившееся веками в странах Западной Европы, когда женщины приравнивались к злу и могли сжигаться под теми или иными предлогами;

– лицемерие морали и «двойная мораль» как борьба нравственного в индивиде с конкретно-историческим (моральным) особенно ярко проявилась в годы советской власти. Разрушение устойчивых нравственных традиций и норм произошло с возникновением ложной веры, вошедшей в содержание ментальности людей той поры.

Творчество человека в этической сфере – постоянный множественный, спонтанный процесс и все нравственные понятия и принципы усваиваются начиная с раннего возраста в ходе общения с окружающими. «Моральный облик» – основание для того, чтобы оценить, насколько данный индивид соответствует требованиям общества, к которому принадлежит. «Кризис нации, культуры и общественных взаимоотношений – все это в итоге ставит человека перед неизбежностью изменить себя»²⁸. Многоликое общество диктует в эпоху глобализации ускорение процесса усвоения своей и чужой конкретной культуры и правил коммуникации.

Можно попытаться восстановить почти повсеместно утраченное доверие к морали, обратиться к простым основаниям человеческой нравственности, которые являются доступными и очевидными для людей и уповать на благородство человеческой души, не забывая, что человек человеку друг. Именно восстановление духовно-моральных аспектов способно дать желаемый результат.

Современное общество переживает масштабную, глубокую нравственную деградацию, большинство людей чрезвычайно далеки от принципов и заветов христианской этики. В их сознании смешались понятия добра и зла, утрачены критерии их различия, исчезла духовная глубина нравственного бытия и способность к духовно-нравственному переосмыслению своих помыслов и поступков. Слишком велика тенденция к вседозволенности в нравах современных людей, не оставляющей места каким-либо запретам вообще. Варварство, культура, цивилизация и религиозное преображение, по Бердяеву, – не только ступени исторического развития, но и борющиеся силы общества. «Упрощение мысли» в этой сфере рассчитано на молодых, которые не знают настоящей религиозной культуры.

■ Культурология

Острейший духовный кризис, переживаемый странами Европы и России, связан с переменами в социально-политической и экономической сферах, с предельной коммерциализацией всех областей общественной жизни. Это не может не распространяться на межличностные взаимосвязи и взаимозависимости, на принципы и критерии, действующие в них. Неизменные добродетели начинают восприниматься как товар или услуга. Отношения между людьми определяются материально-денежной компенсацией, отсюда утрата духовной устойчивости социальных связей и отношений. Мораль утрачивает то немногое, что делало ее духовно неуязвимой.

А. Гусейнов полагает, что причиной социокультурной уязвимости современной морали является социально-политические коллизии гражданского общества, противопоставляющие друг другу персоналистическую этику добродетелей и институционально-нормативную этику принципов, традиционно подкрепляемую авторитетом государства. «Индивидуальная мораль, которая выступает как чистота мотивов и морально мотивированное, добродетельное поведение и которая поддерживается прочностью коллективных (общинных, сословных, корпоративных и прочих) традиций, обычаяев, привычек, уже не может в новых условиях быть несущей конструкции общественного согласия»²⁹.

Будущее морали зависит от того, что станет источником нравственного переживания в обществе, а это требует новой философской рефлексии, заставляющей мораль заново осваивать человечность и социокультурную жизнь. Проблема усугубляется тем, что при распаде СССР была ликвидирована официальная нравственная система, к тому же препятствием на этом пути является сам тип социальной организации современной России.

Идея женственности России и русского народа активно эксплуатировалась официальной пропагандой в СССР. Новое представление о русских как о мужественной и воинствующей нации импонирует части молодежи, а также другим возрастным группам. Причиной появления таких настроений является общий кризис национальной идентичности современной России. В первую очередь, речь идет о мужчинах, так как на общий кризис идентичности здесь накладывается кризис маскулинности.

Россия должна сделать все для сохранения своей истории, языка и других ценностей культуры. В современной России «нравственность без религии невозможна, это весьма симптома-

тично для постсоветского периода. Современная Россия либерализована, а следовательно, обязана соблюдать принципы веротерпимости и свободы совести»³⁰.

Острота социальных и нравственных противоречий в современном мире, различные культурные и морально-этические традиции показывают, что не надо искать единую и пригодную для всех времен и народов панацею нравственного спасения мира и человечности. Особенно в области дипломатии и политики, так как слишком натянутые отношения или конфликты между народами и государством связаны с неверным истолкованием мотивов их поведения. Чтобы быть адекватно понятым в политическом плане, нужно понимать моральную природу своего и другого народа, учитывать их в международных отношениях, в диалоге с представителями других культур и цивилизаций.

Реальное поведение – это наши практические действия, поступки, которые совершаются в соответствии с определенными правилами, моральными принципами. Этические знания должны совпадать с нравственным поведением, что свидетельствует о культуре личности и ее нравственности. Для того чтобы понять человека, смысл его поступков, характер поведения, необходимо знать мотивы, которыми он руководствуется, уточнив их, можно судить о поступках и реальном поведении человека по отношению к окружающим.

Культура поведения – это поведение человека в соответствии с нормами, которые выработано и придерживается данное общество. Эти правила поведения представляют этикет, регулирующий внешние проявления человеческих взаимоотношений. Этикет в современном обществе в отличие от традиций становится более свободным. Однако культура этического мышления, культура чувств, языка поведения образует целостную систему нравственной культуры личности. Нравственная культура личности есть продукт развития человеческих отношений и обусловлена социальным прогрессом. Разрушение морального и нравственного консенсуса ведет к нарушению коммуникативного.

Belova D.N. To a Question on the Communication und Morality Culture.

Summary: In the article the author researches the moral aspect intracultural and cross-cultural communicative interaction as a multiple-factor phenomenon; analyzes the causes of moral degradation of modern society. The author discusses the issues of intercultural communication in the context of socio-psychological experience of communicants.

Ключевые слова

Общество, государство, нравственность, безнравственность, коммуникация, деградация, «массовая культура», взаимодействие, идеология, кризис, маскулинность, фемининность.

Keywords

Society, state, morality, immorality, communication, degradation, «mass culture», interaction, ideology, crisis, masculinity, femininity.

Примечания

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., Слово/Slovo, 2000. С.18.
2. Grosch H., Groß A., Leenen W.R. Methoden interkulturellen Lehrens und Lernens. – Saarbrücken. 2000. S. 48.
3. Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D.D. Menschliche Kommunikation.- Bern. 1969. S.5.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: Монография. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. С.20.
5. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns.-2 Bde., Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 397.
6. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: Монография. М.: Флинта; Наука, 2009. С.30.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С.10.
8. Maletzke G. Kommunikationswissenschaft im Überblick: Grundlagen, Probleme, Perspektiven.- Opladen. 1988. S.43.
9. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук., Киев: Ваклер, 2003. С.252.
10. Силантьева М.В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности / Вестник МГИМО-Университет. 2012. №2. С. 173.
11. Стернин И.А. Очерки английского коммуникативного поведения: Монография.Воронеж: Истоки, 2003. С.63.
12. Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management. Munchen. 1997. S.110-113 .
13. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: Монография. М.: Флинта; Наука, 2009. С.95-96.
14. Бердяев Н. Судьба России. М., 2004. С.702-703.
15. Там же. С.706.
16. Антонян Ю.М. Нравственность и глубинная психология в сб. ст. «Нравственность для XXI в.». М.: Аспект Пресс, 2008. С.206-207.
17. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Этика и нравственная жизнь человека.СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. С.52.
18. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // В кн.: Русская идея: Антология/Под. ред. М.А. Маслина. М., 1992. С.322.
19. Лосский Н.О. Характер русского народа // В кн.: Условия абсолютного добра. М., 1991. С.240.
20. Антонян Ю.М. Нравственность и глубинная психология в сб. ст. «Нравственность для XXI в.». М.: Аспект Пресс, 2008.С.9.
21. Бердяев Н. Судьба России. М., 2004. С.706.
22. Толстой Л.Н. Религия и нравственность// В кн.: Толстой Л.Н. Избр. филос. произведения. М., 1992. С.126
23. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Этика и нравственная жизнь человека. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. С.51-53.
24. Юрасова Е.Н. Динамика и механизмы формирования нравственности с позиций психоанализа. Сб. ст. «Нравственность для XXI в.» /Под. ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 190.
25. Силантьева М.В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности. /Вестник МГИМО-Университет. №2. 2012. С. 177.
26. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Этика и нравственная жизнь человека. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. С.309.
27. Шаламов В.Т. Колымские рассказы. Кн. 2. М., 1992. С.31.
28. Григорьев Б.В., Чумakov В.И. Межкультурные коммуникации. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2008. С. 141.
29. Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика. М., 2002. С.271.
30. Беляев А.А. Парадоксальная судьба ценностей / В кн.: Возможна ли нравственность, независимая от религии?/Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2012. С. 54.

Сравнительный анализ стратегий формирования гражданской идентичности в России и Китае

Н.Б. Помозова

В статье рассматриваются методы управления формированием идентичности в России и Китае в период трансформационных процессов, коснувшихся обеих стран в ХХ–XXI вв. Автор выделяет три различных периода формирования гражданской идентичности современных россиян и делает вывод о том, что формирование гражданской идентичности носило достаточно сумбурный и спонтанный характер. В то же время Китай, также столкнувшись с необходимостью реформирования экономической и социальной систем, избрал эволюционный путь, разработав и претворив в жизнь четко спланированную стратегию управления формированием гражданской идентичности.

Трансформационные процессы, с которыми столкнулись Россия и Китай в конце ХХ – начале XXI в., приведшие к существенным изменениям в национальном самосознании населения двух стран, обусловили необходимость глубокого анализа управленческих механизмов, обеспечивающих формирование и воспроизведение гражданской идентичности. Как сохраняющиеся, так и изменяющиеся символы, их смыслы служат важнейшим инструментом управления формированием гражданской идентичности. Чтобы осуществлять эффективное управление формированием гражданской идентичности, правящей эlite любой страны необходима четко спланированная стратегия, в процессе разработки которой непременно нужно учитывать влияние различных факторов на сознание людей и их восприятие политических символов. При несовпадении ценностных ориентиров народа с происходящими в стране изменениями у людей появляется негативное восприятие и самих реформ, и образа тех, кто их проводил, а также деформируется имидж политических символов и гражданское самосознание на-

селения. Академик РАН В.А. Тишков справедливо отметил: «Только широко разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок могут обеспечить низовую (базовую) легитимацию и делают государство жизнеспособным»¹.

Управление формированием гражданской идентичности в России в период трансформаций конца ХХ – начала XXI в.

Россия и Китай — страны с социалистическим прошлым, что обуславливает во многом похожие ценностные и идеологические установки в этих двух государствах в определенный исторический период (имеется в виду «коммунистическое» прошлое обеих стран). Однако, когда стало очевидно, что коммунистические методы, использовавшиеся в обеих странах, исчерпали себя как в экономической, так в политической и социальной областях, Россия и Китай, став на путь реформ, пошли совершенно разными дорогами.

В России в качестве метода экономической трансформации была выбрана прямая приватизация государственной собственности. В Китае

Помозова Наталья Борисовна – к.соц.н. Е-mail: promozova@mail.ru

прежде всего развивалось не государственное, а частное производство, которому были созданы благоприятные условия для успешной конкуренции на рынке. Изменения в экономической системе, подготовка к переходу от плановой экономики к рыночной требовали определенных политических преобразований, отказа от прежней идеологии строительства коммунизма и соответствующей символики.

Россия встала на путь резкого перехода от одного строя к другому, от тоталитарного режима к демократическому управлению, рыночной экономике. Китай старался сохранить структурные организации на существующей основе, изменив при этом функции правительства и характер государственного регулирования, обозначив главную внутриполитическую цель как «поддержание политической стабильности и предотвращение сепаратистских устремлений»².

В России произошла системная революция, что подтверждается последующими историческими событиями. Ведь кардинальный разрыв с прошлым, его тотальное отрицание, включая символику, характерно именно для революционных эпох. Что же касается Китая, то, оказавшись перед необходимостью трансформаций, страна встала на путь эволюционного развития, характеризующегося более плавным переходом от одних экономических, социальных и символических реалий к другим.

С точки зрения используемых управляемых стратегий, выделим три различных периода формирования гражданской идентичности современных в постсоветской России.

Первый этап: начало – середина 1990-х гг. В начале 1990-х гг. идеология нового государства была направлена на абсолютное отрицание советского прошлого. Воспользовавшись ситуацией всеобщего хаоса, со стороны новой политической элиты происходила переинтерпретация истории. Важное место в данной связи занимает попытка пересмотра образа Сталина, находившегося у власти весьма значительный период в истории страны, когда СССР удалось занять достойное место на мировой арене. «Попытка перекодирования образа Сталина уже предпринималась в период «хрущевской оттепели». В рамках спонтанной государственной стратегии начала 1990-х гг. «демонизация» советского прошлого, идеология, режим и представители которого рассматриваются как оппозиция российским людям, позиционирование советских граждан как жертв тоталитарного режима и идеализация царской России не только играли роль инструмента легитимации действий российских политиков этого периода, но и послужили попыткой закладывания новой российской идентичности»³.

Как считает известный американский социолог Дж. С. Александр, события сами по себе не создают травму, ибо они не являются от природы «хорошими» или «плохими». Реальные или воображаемые явления означаются как травматические не потому, что они действительно вредные, а потому, что эти явления обретают смысл зла,

который нарушает коллективную идентичность⁴. В результате, в частности, события Великой Отечественной войны, роль Сталина в ней подверглись перекодированию социального смысла, что расчистило путь к изменению смыслов символов.

С начала 1990-х гг. в России был запущен процесс переименований, который затронул в основном областные центры: Ленинград переименован в Санкт-Петербург, Свердловск в Екатеринбург и т.д. Однако уличная топонимика практически не была затронута (в большей степени этот процесс коснулся Москвы), что может быть с экономической точки зрения объяснено достаточно высокой степенью независимости зародившегося местного самоуправления и дефицитом местных финансов (переименование улиц является дорогостоящей процедурой).

Смена названий городов в рамках сумбурной государственной стратегии тоже носит хаотичный и незавершенный характер (можно привести примеры Екатеринбурга и Свердловской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области и т.п.). Попытки начать смену названий все время встречали яростное сопротивление не просто противников режима Б.Н. Ельцина, но и не готовых принять новые реалии рядовых граждан. Возврат к триколору, известному еще с XVII в., вместо красного коммунистического флага, к двуглавому орлу как символу державы вместо социалистического герба, подчеркивали, наряду с отказом от советского прошлого, стремление к преемственности между царской Россией и постсоветской.

Однако в то же время все это свидетельствовало о кризисном состоянии идеологии, отсутствии четко спланированной программы управления государственной стратегией, способной предложить новые перспективы и произвести органичную замену цельной по существу советской символики.

Второй этап – середина 1990-начало 2000 гг. – характеризуется отказом от абсолютного отрицания советского прошлого. Если в начале трансформаций миф о наследии советского прошлого носил преимущественно негативный характер, то в середине 1990-х гг. этот вектор существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения «патриотической» компоненты. В это время руководством страны была предпринята попытка выстроить стратегию гражданской идентичности, основанную на формировании российской нации–согражданства.

Заявления президента Б.Н. Ельцина о «необходимости поиска национальной идеи» нашли свое воплощение в пересмотре отношения к наследию СССР и смещению акцентов в сторону воззвания к патриотическим чувствам людей. Достижения советского периода в военной сфере, в области космических технологий, экономического освоения Сибири и т.п. репрезентируются как заслуги российской нации. В многочисленных документальных фильмах, посвященных достижениям советской эпохи, делается акцент на важность и актуальность этих событий⁵.

■ Социология

Третий этап начинается в 2000 г. и связан с приходом к власти В.В. Путина. Новой политической элитой страны была осознана необходимость создания более четкой стратегии и эффективного управления ею. Предполагаемая стратегия была направлена на формирование нового российского самоопределения, что, по сути, является продолжением стратегии середины 1990-х гг.

Во-первых, отношение к СССР и заслугам советских людей стало более объективным, довольно часто подчеркивается богатое наследие, оставленное Советским Союзом, плодами которого до сих пор пользуется Россия. Об успешности управления процессами формирования гражданской идентичности можно судить по динамике восприятия индивидами окружающей действительности, предметов гордости и идентификаций со своей страной в целом.

Академик РАН М. К. Горшков, опираясь на эмпирические данные социологических исследований, отмечает: «Подавляющее большинство наших сограждан, независимо от пола, образовательно-профессиональной принадлежности и типа поселения, продолжает, в первую очередь, гордиться победой в Великой Отечественной войне, послевоенным восстановлением страны, великой российской культурой, достижениями отечественной космонавтики и космической техники»⁶.

Это свидетельствовало о том, что предметы гордости россиян связаны в основном с эпохой Советского Союза, а не с новой российской действительностью, что оправдывает синcretизм политической символики как основного инструмента управления стратегией формирования идентичности.

Во-вторых, касательно политических символов как инструмента управления стратегией с целью заполнения идеологического вакуума и управления процессами формирования новой идентичности, курс был взят на своеобразный синcretизм — сочетание советской и российской: сохранена хорошо известная русскому народу музыка советского гимна, но слова изменены. Возвращение Вооруженным силам России Красного знамени — еще один показатель симбиоза, благодаря которому подчеркивается преемственность со всеми историческими этапами страны⁷.

Опыт Китая в области управления процессами формирования и поддержания гражданской идентичности

Некогда близкий Советской России по социалистическому духу Китай тоже не миновали значительные преобразования в экономической и социальной сферах. КНР — самое многонаселенное государство в мире, руководство которого уделяет большое внимание формированию стабильного общественного сознания. Идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР, спонтанная государственная стратегия, состояние неразберихи и общественных волнений — все это могло бы коснуться и Китая, если бы властями вовремя не была осознана необходимость управления процес-

сами формирования гражданской идентичности посредством четко спланированной стратегии, учитывая культурные и ментальные особенности народа и не «ломающей» сознание китайцев.

После смерти Мао Цзэдуна, краха социализма в СССР и Восточной Европе в Китае стала очевидной необходимость коренных преобразований внутри страны, смены политических ориентиров и определения критерия успеха. В связи с этим начался «интенсивный поиск форм сочетания и пропорций теории и практики, политики и экономики, идеологии и науки, мировых реалий и китайской специфики, постепенно занимавший ведущее место в формулировании новой концепции развития»⁸.

В результате перед руководством правящей партии возникла дилемма: идти ли по пути других социалистических стран и утратить автономность или же пойти по собственному, никем не опровергнутому пути. Настроения, царившие в последние годы существования СССР, а также в странах Восточной Европы имели место и в весьма закрытом в то время Китае. Об этом свидетельствует студенческое восстание, вспыхнувшее в мае 1989 г. на главной площади Пекина Тяньаньмэнь. Толпа, состоявшая в основном из молодежи, выступала с транспарантами в поддержку демократических реформ, противоречащих стратегии КПК.

Кульминация событий 1989 г. прилась на 4 июня, когда Народно-освободительная армия Китая подавила восстание студентов. Отнюдь не демократическим образом были пресечены любые попытки вольнодумия, и было ясно дано понять, что Китай не пойдет по пути СССР и стран Восточной Европы, а будет четко следовать своему плану строительства «социализма с китайской спецификой», немаловажной частью которого являлась стратегия формирования идентичности, позволявшая управлять процессами формирования гражданской идентификации.

Не отказываясь от открытости западному миру, КПК осознанно не стала перениматывать западный опыт трансформаций. Кризис внешних моделей и экономические успехи внутри страны, а также осознание коренного отличия восточного менталитета от западного подтолкнули руководство компартии к выбору собственного пути. В процессе решения глобальных проблем, оставшихся от предыдущих поколений, Дэн Сяопин, оказавшийся у власти, решил не отступать от марксистского лозунга «практика — единственный критерий истинности». Именно этот лозунг и лег в основу преобразования идеологии и социальной системы КПК.

В сложившейся ситуации в Китае было решено пойти по пути сохранения политического курса, ориентированного на марксистско-маоистскую идеологию, осуществляя при этом объективно необходимое реформирование экономической системы с целью плавного перехода к рыночной экономике. На данный момент во многих областях экономики КНР сохранилась плановая модель, однако в задачи правительства Китая входит полная

трансформация государственной экономической системы⁹.

Таким образом, управление процессами формирования идентичности в Китае базировалось на том, чтобы сохранить лидирующие позиции Коммунистической партии, официально следовать прежней социалистической идеологии, воздержаться от изменений политической символики. В результате таких действий сегодня можно наблюдать феномен сочетания социалистического и капиталистического начал в общественном сознании современного Китая. Если в России было решено, что эти два понятия являются взаимоисключающими и невозможно построить рыночную экономику, придерживаясь прежней идеологии, то КНР доказала обратное, назвав свой строй «социализмом с китайской спецификой».

Китайский социолог Ли Лин отмечает, что государственная стратегия в 1980-х гг. характеризовалась критическим восприятием западной культуры, попыткой применения западных моделей к китайской действительности. В общественных настроениях имелась тенденция к «вестернизации», то есть заимствованию западного образа жизни¹⁰. Позже данная концепция была пересмотрена в связи с осознанием невозможности применения западных моделей в китайской действительности без адаптации их к восточным условиям, особенно к менталитету. Однако тенденция «вестернизации» наложила отпечаток на динамику политической символики (политическая мода и стиль, музыка и проч.) и общественных настроений в целом.

Несмотря на многие внешние перемены, восприятие своей истории и ее негативных моментов как необходимости на пути к строительству социализма с китайской спецификой остается положительным. У молодых китайцев, как и у пожилого поколения, не принято критиковать ни предыдущих, ни действующих правителей, что способствует сохранению цельности общественного сознания. Отношение к своей стране, чувство патриотизма свойственны практически всем социальным группам Китая. В этой связи весьма показательными являются опросы, проведенные изданием «Народный форум» в мае 2009 г., среди студентов различных вузов, а также их родителей, преподавателей и служащих учебных заведений. 75,4% респондентов отмечали, что гордятся китайским гражданством. Давая оценку достижениям реформ и открытости КНР, 89,3% студентов заявили, что они одобряют эти реформы. На вопрос: «Что вы считаете самым главным достижением «китайской модели» за прошедшие 30 лет?» – самыми популярными были ответы: «Китай стал страной с самыми быстрыми темпами экономического развития» (66,8% опрошенных) и «В стране сформулирована теория социализма с китайской спецификой» (56,22%). 87,9% опрошенных студентов выражали уверенность в успешности строительства социализма с китайской спецификой, при этом 42,8% – «абсолютно уверены», а 45,1% – «относительно уверены»¹¹.

Данные социальных опросов свидетельствуют о том, что китайская идентичность относительно стабильна, а идентификация себя со своим государством, чувство лояльности к нему весьма распространены среди китайцев. Такая статистика является следствием достаточно эффективного управления процессами формирования гражданской идентичности, что позволило населению адаптировать свое сознание к текущим изменениям и сформировало положительный образ трансформационных процессов в стране.

Однако из опросов жителей Шанхая и Петербурга¹² стало понятно, что восприятие последствий реформ неоднозначно и там, и здесь. В целом на сегодняшний день доля выигравших от реформ в Шанхае больше, чем в Петербурге, – 33,5% против – 27,4%. Проигравших соответственно в Петербурге – 25%, в Шанхае – 22%; тех, кто оценивает свое положение без изменений, в Петербурге – 35%, в Шанхае – 37%. Перевес, однако, не так велик, чтобы говорить о серьезных различиях. В исследовании есть индикатор того, как люди относятся к будущему реформ, что нужно делать: нужно их ускорить, продолжить, изменив направление или прекратить.

В целом есть определенное сходство между двумя городами. Большинством населения реформы поддерживаются – более 70% в Петербурге и более 80% в Шанхае ответили, что реформы нужно продолжить. Но в Петербурге есть 10% тех, которые желают прекратить реформы, в Шанхае таких – 2%.

Заключение

Таким образом, пример России «смутного времени» продемонстрировал, что в начале трансформационных процессов стратегия формирования и поддержания идентичности складывалась весьма спонтанно. С скачок к символике царской России не только пагубно сказался на идентификационных процессах старшего поколения, но и не способствовал формированию новой идентичности у младших возрастных групп, которая долгое время носила диффузный характер. В то же время наличие четко спланированной государственной стратегии в Китае позволило обеспечить достаточно устойчивую идентичность, с которой граждане КНР вступали на этап реформирования экономической и социальной системы.

Подчеркнем, что динамика смыслов политических символов в России трансформационного периода имела весьма интенсивный, зачастую спонтанный характер. Многие знаки и символы в рамках изменяющейся государственной стратегии не были подкреплены реальными действиями правящей элиты и представляли собой парадоксальное сочетание, кентавр-проблему (Ж.-Т. Тощенко). Поэтому утверждение о том, что российская идентичность обладает весьма слабым мобилизационным потенциалом, представляется вполне логичным. Новая российская идентичность окончательно не сформирована и в настоящее время не является устойчивой. В каком направлении она будет дальше развиваться, зависит в первую очередь от эффективности управления формированием гражданской идентичности.

■ Социология

Политические символы Китая в переходный период не претерпевали столь значительных изменений, как в России, однако, естественно, с течением времени их смыслы тоже трансформировались. Появлялись новые символы, значение старых неизбежно ослабевало, глобальные международные процессы накладывали свои отпечатки на структуру политической символики и протекание идентификационных процессов. Однако целостность идеологии и силовые методы общественного контроля способствовали эволюционной трансформации китайской идентичности, которая на современном этапе, как и российская, до конца не сформировалась.

Pomozova N. B. A Comparative Analysis of Strategies for the Formation of Civic Identity in Russia and China.

Summary: The article describes the methods of management of civic identity formation in Russia and China during the period of transformation processes, which have affected both countries in the end of XX – beginning of XXI centuries. The author identifies three distinct periods of civic identity formation of modern Russians and concludes, that the nature of civic identity strategy had rather chaotic and spontaneous nature. At the same time, China has also faced the need to reform economic and social systems, but has chosen the evolutionary path with a well-planned strategy of civic identity formation management.

Ключевые слова

Гражданская идентичность, Россия, Китай, политические символы, стратегия гражданской идентичности, управление гражданской идентичностью.

Keywords

Civic identity, Russia, China, political symbols, civic identity strategy, civic identity management.

Примечания

1. Тишков В.А. Что есть Россия (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии, 1995. №2. С. 15.
2. Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 171.
3. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО-Университет, 2008. С.138.
4. См.: Alexander, Jeffrey C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003. P. 32.
5. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции // Монография. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 146.
6. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. С. 17.
7. См.: Шевченко В.Н. Повседневная жизнь Кремля при президентах. М.: Молодая Гвардия, 2004. С. 57-77.
8. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. С. 205.
9. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. С. 208.
10. Ли Лин. Чжунгцинъен дэ дзяджиюйничханцинцзи. (Ценностные ориентации молодёжи КНР в условиях построения социалистической рыночной экономики). Пекин: Пекинский государственный университет, 2003. С. 5.
11. Социальный опрос журнала «Народный форум» совместно с соответствующими организациями и профильными экспертами. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6650441.html>
12. См.: Данилова Е.Н., Черныш М.Ф. Опыт российских и китайских реформ: результаты сравнительного исследования в Санкт-Петербурге и Шанхае // Мир России. 2010. №4.

К вопросу о лингвистических средствах выражения социальных различий в прессе Великобритании

В.В. Игнатенко

В статье рассматриваются основные тенденции современного газетного языка, используемого в британской прессе и рассчитанного на читателей разного социального уровня. Сравнение текстов статей «качественных» изданий и таблоидов позволяет выделить языковые средства, различающиеся в зависимости от читательской аудитории.

Язык газеты, являющийся непосредственным отражением изменений, происходящих в обществе и культуре, всегда привлекал внимание лингвистов. Такие современные процессы, как глобализация и демократизация общества, развитие информационных и других технологий, оказывают самое непосредственное влияние на газетный язык, который сразу реагирует на происходящие в обществе события.

Развитие глобального общения, расширение доступа к информации через Интернет и повышение благосостояния ведут к росту осведомленности большинства людей о мировых событиях и уравниванию позиций коммуникантов в данной сфере дистантного общения, что, в свою очередь, приводит к возникновению схожей тематической направленности газет.

Настоящее исследование нацелено на выявление лингвистического отражения социальных различий в британской прессе. Необходимо сразу отметить, что происходящие в мире демократические изменения проявились и в том, что в современной Великобритании заметно определенное размывание социальных барьеров. Например, К. Фокс подчеркивает, что пред-

ставители высшего общества становятся более открытыми для простых граждан: они создают благотворительные фонды, их дети общаются со сверстниками из других слоев общества, и теперь, когда образование стало общедоступным, человек может проложить себе путь наверх и добиться успеха¹.

Традиционно социальные различия и вызываемое ими неравенство определялись в британском обществе существованием аристократии и ее квинтэссенции в виде монархии. В настоящее время, как пишет современный британский исследователь социальной стратификации Дж. Голдторп, на первый план в качестве индикаторов социальных различий в британском обществе выдвигаются образ жизни и потребления (*«lifestyle and consumption»*)², проявляемые прежде всего через обстановку и убранство домов, марку машины, выбора одежды и газеты.

Многие социальные процессы, и в первую очередь социальное расслоение, повлияли на то, что большинство газет сформировали свои читательские аудитории. В стране с многовековыми традициями и богатой историей газеты с давнего времени отражают разные политические

Игнатенко Валерия Викторовна – аспирант МГИМО(У) МИД России, преподаватель кафедры английского языка №5 МГИМО(У) МИД России. E-mail: v.v.i.2009@mail.ru

■ ФИЛОЛОГИЯ

взгляды. Так, читатели ежедневных газет The Guardian, Mirror всегда поддерживали лейбористскую партию, а читатели The Daily Telegraph, Daily Mail отдавали предпочтение партии консерваторов. Мы опираемся на классификацию ежедневных изданий газет Великобритании, представленную Дж. Голдторпом³, в которой он выделяет четыре типа газет в зависимости от социальной принадлежности читателя:

1. «Качественные» широкоформатные газеты («broadsheets»): The Financial Times, The Guardian, The Daily Telegraph, The Times.

2. Таблоиды, адресованные представителю средней прослойки общества («middlebrow tabloids»): Daily Express, Daily Mail, Morning Star.

3. Таблоиды («redtop tabloids»): Mirror, Daily Star, Sun.

4. Региональные, местные и другие газеты.

Объектом исследования в данной работе выступают тексты статей в «качественных» газетах и таблоидах, адресованных представителям средней прослойки общества («middlebrow tabloids»), поскольку эти газеты ранее не получали достаточного изучения в контексте социальных различий. Сравнивая эти два типа газет, необходимо отметить, что в тематическом плане «качественные» газеты отличает глубокое освещение внутриполитических и международных тем, большое количество аналитических статей, наличие рубрики «Court&Social», посвященной событиям из жизни королевского двора и приближенных к нему кругов, а также присутствие некрологов об известных личностях. Эти особенности указывают на адресованность данных газет эрудированному читателю, с определенными фоновыми знаниями.

Представители этой читательской аудитории способны к аналитическому мышлению и характеризуются эмоциональной сдержанностью вследствие особенностей воспитания, образования и воздействия среды. Таблоиды, ориентированные на среднюю прослойку населения, отличающуюся более поверхностным и эмоциональным выражением и восприятием мыслей, имеют узколичностную и мелкосоциальную направленность, большее количество иллюстраций. Здесь присутствуют рубрики о жизни знаменитостей («Day&Night») и необычных событиях в жизни простых людей («Life», «Express yourself»), рубрика о женщинах и для женщин «Femail Magazine» (игра слов – дословно: письма от женщин).

Выявление социальных различий в языке газет подразумевает, по нашему мнению, исследование корреляции газетного материала с социальным положением читательской аудитории. Языковые средства, таким образом, становятся носителями социальных различий или, по выражению Л.П. Крысина, маркерами принадлежности говорящего к той или иной социальной среде⁴. С другой стороны, прагматическая направленность газет заставляет журналистов использовать выразительные средства языка

для привлечения потенциальных читателей. Соответственно передающая сторона должна создать такие вербальные знаки, которые будут поняты и осмыслены принимающей стороной.

Для анализа языкового материала рассмотрим такие общепризнанные и проверенные временем и мировым сообществом издания, как The Daily Telegraph, Daily Mail, Daily Express. Первое, что обращает на себя внимание, это присутствие определенного артикла в названии газеты первого типа – The Daily Telegraph, что подчеркивает ее более высокое положение, и его отсутствие в названия второго типа – Daily Express, Daily Mail. Обращение к первым страницам газет позволяет выделить различие в объеме статей: в газете The Daily Telegraph может быть размещено примерно три–пять статей, в то время как в Daily Express, Daily Mail – две–три статьи.

Например, первая страница газеты The Daily Telegraph от 20 февраля 2012 г. включает следующие пять заголовков:

- 1) «Bank chiefs stripped of £1m bonus»;
- 2) «Teacher killed as coach crashes on return from ski trip»;
- 3) «Murder of vicar and former teacher linked, say police»;
- 4) «University policies ‘are damaging economy’»;
- 5) «Pack away your overcoat, spring’s on its way»⁵.

В газете Daily Mail той же даты находим три заголовка:

- 1) «Baking helped heal my broken heart by Mary Berry»;
- 2) «Suspend back to work tsar»;
- 3) «Teacher dies in school trip coach horror»⁶.

В приведенных примерах в газете The Daily Telegraph присутствуют две статьи на политическую тему, три – на социальную, в то время как две из трех статей в газете Daily Mail носят социальную направленность и одна – политическую. В целом можно отметить большее количество статей о внешней и внутренней политике в газете The Daily Telegraph по сравнению с Daily Mail.

То, что газеты выносят на первую страницу, является важным и в прагматическом плане – это те новости, на которых акцентируется внимание потенциальных читателей. Эти новости чаще не являются общими для газет, ориентированных на разные аудитории. Так, в приведенных примерах мы находим лишь одно тематическое совпадение – о шокировавшей всю Великобританию аварии школьного автобуса в Европе. В силу характера данного трагического события обе газеты выделили значительное место цитированию слов очевидцев, пострадавших и представителей ответственных организаций. Тем не менее разница в освещении заключается в том, что газета Daily Mail больше отражает чувства пострадавших и очевидцев (strenuous journey, terrified pupils were jolted awake to find their coach airborne, heart-rendering

Twitter messages), а газета The Daily Telegraph дает сжатый отчет об аварии (school skiing trip, with four pupils understood to be in a serious condition in hospital, consular teams had also been sent to the scene to provide assistance).

Проанализируем, к каким языковым средствам прибегают авторы статей для воздействия на читателя. Так, если взять статьи в газетах The Daily Telegraph и Daily Mail от 18 декабря 2011 г., посвященные реакции Ника Клейгга, главы теневого кабинета, на действия премьер-министра Дэвида Кэмерона в поддержку института брака, то можно выделить следующие особенности. В газете The Daily Telegraph⁷ в заглавии статьи употребляется слово *attack* из военного лексикона: «Nick Clegg *attacks* Conservative plans to give married couples tax breaks», в то время как в заголовке газеты Daily Mail⁸ присутствует экспрессия при употреблении слова *lampoon*: «Now Clegg *lampoons* Cameron's support for marriage as a 1950s throwback». Сравнивая значение слова *attack* (to speak or write against something, especially with vigor; criticize, denounce, censure) со значением слова *lampoon* (от фр. *lampon* – drinking song; to ridicule or discredit by means of a *lampoon*), мы видим большую эмоциональную окрашенность *lampoon*, сопряженную со снижением регистра общения⁹.

Данные заголовки задают тон всему повествованию. В газете The Daily Telegraph наблюдается сдержанность в высказываниях, выраженная в нейтральных словах политической тематики «contrast», «disagreement», «stance». В статье заметно стремление не столько подчеркнуть противопоставление двух сторон, сколько обосновать ту или иную точку зрения. Обе статьи изобилуют цитатами компетентных лиц, тем не менее в статье The Daily Telegraph также приводятся результаты научных исследований, изучающих институт брака. На аналитический характер подачи материала также указывает наличие в статье оборотов, отражающих, пусть опосредованно, через *it* или пассив, стремление осмыслить материал. Например, «It means...» «It is understood...». Образность создается путем использования ярких эпитетов: «bleak times», «embattled Deputy Prime Minister», а также использованием метафорически окрашенного глагола в обороте «to pige on hole marriage in such dated terms» (описывать брак такими старомодными терминами).

В газете Daily Mail заголовок, по нашему мнению, подкрепляет некоторую категоричность статьи, в которой, помимо прочего, противопоставлены мнения «pro-Europeans» и «Eurosceptics», что подтверждается в дальнейшем употреблением слов «fervently», «condemn», «disown» и характеризующих оппонента выражений «outdated nonsense», «provocative comments». Определенное расхождение во взглядах между Н. Клейгтом как лидером либерал-демократов и Д. Кэмероном как лидером партии консерваторов в газете Daily Mail утирировано до уровня жесткого противопостав-

ления путем использования эмоционально-оценочных слов и выражений, например «implacable opposition», «rift», «challenge».

Итак, опираясь на приведенные примеры, можно говорить о том, что в газете Daily Mail заметна более экспрессивная стилистика, апеллирующая к чувствам и эмоциям читателей, в противопоставление более сдержанному изложению, взвешенности оценок в газете The Daily Telegraph. Приведем примеры из рубрики «Letters to the editor», представляющей интерес для нашего исследования, так как эта рубрика, являясь непрямой коммуникацией авторов статей с читателями, особенно наглядно показывает интересы читателей и отражает социальные различия. Сравнение этой рубрики в газетах The Daily Telegraph и Daily Express позволяет отметить следующие отличительные черты. Использование этикетного обращения «Sir» в газете The Daily Telegraph подчеркивает не только статус редактора, но и то, что дистантный диалог между редактором и читателем строится на принципах взаимного уважения. Анализируя тематику поступающих в газеты писем, отметим, что читателей The Daily Telegraph от 29 декабря 2011 г. волнуют вопросы истории («A key role for the Scouts in the 1948 Olympics»), взаимоотношения Великобритании и Шотландии («Voting on the Union»)¹⁰. Для газеты Daily Express же характерна бытовая направленность писем, например «Should schools replace books with tablets?», «Make it 10 years' jail for carrying lethal weapons», «Tragic results of a soft approach to punishment»¹¹.

Собственное мнение, а порой и резкая критика выражается здесь путем использования побудительных, эмфатических конструкций, например «I was shocked to read...», «What a brave move...», «Oh, how I agree...», эмоциональной лексики: «Our meddling archbishop must keep out of politics», «I read with disgust the story of ...», «I compliment with Julie Welch», «I am always appalled at ...» и др.

В газете The Daily Telegraph подобная речевая стратегия носит имплицитный характер благодаря различным модальными и вводным конструкциям: «drinking spritzers may not be ...», «There is much to be said for both parties ...», «I wonder if I might...», «Shopping habits and society may have changed, but...» и т.д. Данные иллюстрации могут служить лингвистическим мини-отражением социальных различий.

На основе всего вышеупомянутого можно сделать следующие выводы:

- во-первых, под воздействием глобальных факторов, а также с развитием демократических процессов и с ростом осведомленности читателей отмечается уравнивание позиций коммуникантов и определенное сближение тематики статей даже в газетах, рассчитанных на различную социальную аудиторию;

- во-вторых, анализ материала британских газет, ориентированных на разные социальные группы, позволяет выявить различные языко-

■ ФИЛОЛОГИЯ

вые средства, используемые в зависимости от социальной принадлежности читательской аудитории. В текстах «качественных» изданий газет авторы побуждают потенциального читателя к объективному анализу путем использования образных выражений, научных терминов. Наоборот, в текстах таблоидов, адресованных среднестатистическому жителю, основной акцент делается на личностях и иллюстрациях с «кричащими» эпитетами, характерными для

разговорного стиля и императивными конструкциями.

Ignatenko V.V. Linguistic Means of Reflecting Social Differences in British Press.

Summary: The article deals with the main tendencies of modern British newspaper language addressed to readers with different background. Comparing texts in «quality» newspapers and «middlebrow» tabloids allows to reveal linguistic means differing according to social audiences.

Ключевые слова

Социальные различия, язык газеты, социальная стратификация, британская пресса.

Keywords

Social differences, newspaper language, social stratification, British press.

Примечания

1. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / Пер. с англ. М.: РИПОЛ классик. 2008. С. 437.
2. Goldthorpe J.H., Chan T.W. Social status and newspaper readership. American Journal of Sociology. Volume 112, number 4, January 2007. P. 1103.
3. Там же. Р. 1108.
4. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкоznания. 2000. № 4. С. 26.
5. TheDailyTelegraph 20 February 2012.
6. Daily Mail 20 February 2012.
7. Watts R. Nick Clegg attacks Conservative plans to give married couples tax breaks, The Daily Telegraph, 18 December 2011 [электронный ресурс] // <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/nick-clegg/8963429/Nick-Clegg-attacks-Conservative-plans-to-give-married-couples-tax-breaks.html>
8. Carlin B., Owen G. Now Clegg lampoons Cameron's support for marriage as a 1950s throwback, Daily Mail, 18 December [электронный ресурс] // <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2075653/Now-Clegg-lampoons-Camerons-support-marriage-1950s-throwback.html#ixzz1gt2J3h2o>
9. Longman Modern English Dictionary. Ed. O. Watson. Longman Group Limited, 1968. – 1286 PP.
10. Letters to the editor // The Daily Telegraph, 29 December 2011. – P. 21.
11. Letters // Daily Express, 29 December 2011. – P. 31.

Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка

И.В. Гусева

Статья посвящена анализу специфики фразеологических единиц мексиканского национального варианта испанского языка, вариативности фразеологем в зависимости от историко-культурных особенностей формирования и функционирования национального варианта. В ней также рассматривается лексическое наполнение фразеологем в дискурсе в зависимости от характеристики референтной группы, условий и стиля коммуникации.

Роли родного языка в целом и лексического фонда в частности в формировании личности и национального характера посвящено множество исследований в российской и зарубежной лингвистике. Слова, словосочетания, паремии являются элементами языковой картины мира, определяющей восприятие мира носителями языкового сообщества. Однако наиболее ярко национальная специфика прослеживается не на отдельных фактах использования лексических единиц, а на уровне речевых произведений, выявляющих особенности образного метафорического мышления носителей данного языка или его национального варианта. С.Г. Тер-Минасова в монографии «Язык и межкультурная коммуникация» пишет, что восприятие мира наиболее ярко передается «устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа».

Источником идиоматических выражений в нашем исследовании являются художественные произведения современных мексиканских писателей, фразеологические словари мексиканско-

го варианта, словари мексиканизмов и научные статьи мексиканских лингвистов по данной теме. «Количество и качество идиом, отражающих положительную и отрицательную оценку тех или иных человеческих качеств, можно считать показателем этических норм, правил социальной жизни и поведения в обществе, отношения нации через ее культуру и язык к миру, другим народам и культурам»¹, – считает С.Г. Тер-Минасова.

Единицы этого слоя Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров в ряде статей предлагают называть логоэпистемами. Согласно их определению, логоэпистема – это:

– «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры»²;

– «знание, несомое языковой единицей как таковой»³.

В связи с этим фразеология стала объектом исследований не только в области лексикологии, но и в лингвокультурологии. Ибо именно фразеология в широком смысле понимания термина, то есть собственно фразеологические обороты, по-

Гусева Ирина Валериевна – старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: irina.1007@mail.ru

■ ФИЛОЛОГИЯ

словицы, поговорки, афоризмы и т.п., позволяет исследовать моделирование действительности в языке и пополнить знания о языковой картине мира определенной национальной общности. В.С. Виноградов пишет в этой связи: «В этих языковых единицах, многие из которых сохраняют образно структурную мотивировку, отражены, иногда с особой полнотой и ясностью, не только материальные и духовные объекты, которые обладают национальной спецификой, но и нравственные, моральные, психологические оценки, характеристики, пристрастия, составляющие понятие национального духа и национальной личности»⁴.

Именно паремии стали одним из важных элементов, позволивших сберечь исконные особенности языка и культуры, то есть сохранить мультикультураллизм современного, в частности мексиканского, сообщества, сокращая тем самым влияние так называемого «плавильного котла» (англ. *melting pot*), слияния всех культур в одну, идеи, так популярной в научных кругах США и Канады. Испанский писатель Артуро Перес Реверте, например, говоря в одном из своих интервью об образности языка своих друзей-мексиканцев, заявил: средний мексиканец способен за 3 минуты выразить мысль, для изложения которой писателю потребовалось бы 400 страниц⁵.

При этом очень важно иметь в виду, что иностранный исследователь часто рискует экстраполировать свой фразеологический и языковой опыт на иную языковую реальность и неверно истолковать внутреннюю форму той или иной единицы. Например, сравнение из паремиологического фонда мексиканского варианта испанского языка *estar algo o alguien como agua para chocolate* (букв. быть как вода для шоколада) у представителя иной культуры может вызвать неправильные ассоциации, напрямую связанные с гастрономическими традициями определенной страны.

Восточная традиция потребления кофе рекомендует запивать этот горячий напиток холодной водой, так же поступают и с горячим шоколадом, причем, не только на Востоке, но и в западных странах часто к чашке горячего шоколада подают бокал холодной воды. В России на протяжении многих лет горячий напиток из какао бобов назывался по имени зерен – какао, а следовательно, при упоминании метафоры *como agua para chocolate* представитель русского языкового сообщества будет искать связь с плиткой шоколада, а не с горячим напитком, что не позволит ему найти правильное толкование паремии.

Именно это и произошло при появлении в российском прокате мексиканского фильма по сценарию Лауры Эскивель, который первоначально демонстрировался под названием «Как вода для шоколада». В отличие от русского перевода романа писательницы, получившего на русском языке название «Шоколад на крутом кипятке», он был переименован в «Опаленные страстью». Оно способствовало более точному пониманию образа, так как правильное толкование пословицы – находится на грани душев-

ного срыва, быть готовым разразиться бранью или слезами.

Важность анализа именно пословиц, поговорок и сравнений для исследования отражения в языке особой ментальности, национального характера мексиканцев связана с распространностью использования этих языковых средств во всех слоях современного мексиканского общества. Доказательством популярности паремий может быть отмеченная лингвистами частотность их появления как в мексиканской художественной литературе XX-XXI вв. у таких авторов, как А. Рейес, А. Яньес, К.Фуэнтес, Х. Ибаргуэнгоития, Х. Рульфо, О. Пас, Х.Вольпи, Л Эскивель, Э. Понятовска, Э.Гарро, так и в современном политическом дискурсе.

Примером насыщенности паремиями произведений художественной литературы может служить трехстраничный фрагмент романа А. Яньеса «Худые почвы», полностью построенный на пословицах и поговорках как собственно мексиканского варианта языка, так и принадлежащих всему иберо-американскому сообществу. Приведем сокращенный вариант фрагмента: «*Nomás los [a los lugareños que lanzan improperios] estoy oyendo rebote y rebote, años y años, como burros con bozal o caballo que coge el freno, aquí los oigo como quien oye llover y no se moja, porque no hay peor sordo que el que no quiere oír, y porque perro que ladra no muerde, ni buey viejo pisa mata, y si la pisa no la maltrata, y porque son como la chiva de Tía Cleta, que se come los petates y se asusta de los aventadores, o será porque el valiente de palabra es muy ligero de pies [...]. ¿Qué no me caso? En el Registro Civil y en la Aduana, lo que no se apunta, se gana. No quiero ser de los burros que no rebuznan por miedo de aparejo, ni de los que montan el burro para preguntar por él; más vale que digan: aquí corrió, y no: aquí petateó; el que por su gusto es buey, hasta la coyunda lame; coyundas no más para los bueyes; mejor es aquello de que si una puerta se te cierra, cien te quedan, pues ni una golondrina hace verano, ni en un ángel consiste la gloria, ni un brinco es la carrera, y muchos arroyos forman río...»⁶. («Вот уже много лет я слышу их возмущенье, они ворчат как оседланный осел или лошадь снатянутыми поводьями, а мне все это как об стенку горох, ведь горбатого могила исправит, а кусает не та собака, что лает, а та, что молчит и хвостом виляет, как верно и то, что старый конь борозды не испортит, ведь он таков, как всем известная коза, которая жует циновки и шарахается от веника, ну а о храбости большие всего говорят трусы. Почему я не женюсь? Зачем лезть на рожон, не хочу жить по правилу «молчи большие, проживешь дольше». Пусть обо мне говорят «здесь прошел...», а не «здесь отошел»; пусть собака бьющую руку лижет; брачные узы для простаков, не знаешь, что найдешь, что потеряешь, ведь одна ласточка весны не делает, один в поле не воин, одна дождинка – еще не дождь, но река начинается с ручейка...»).*

Исследователи творчества Яньеса утверждают, что пословиц в романе около 500 и они составляют почти четверть всего текста произведения, и именно это позволило автору создать образ

среднего жителя мексиканского ранчо, точно передав его стиль речи. Задиристый тон, постоянное стремление к самоутверждению, категоричность высказываний – все это передано в наиболее лаконичной форме – в форме паремий. Пословицы и поговорки – характерная форма выражения мысли жителем мексиканского ранчо, так как его собственная жизнь и жизнь его семьи происходит в строгом соответствии со шкалой ценностей, сформированной на основе опыта многих поколений и получившей отражение в паремиях. Необходимо также учесть, что на сегодняшний день сельское население страны составляет чуть менее пятидесяти процентов, а если вычесть из этого количества горожан в первом поколении, то цифра окажется – более пятидесяти процентов населения, так как в 50 – 60 гг. прошлого века около 60% было занято в сельском хозяйстве.

Рассмотрим некоторые пословицы и поговорки мексиканского варианта испанского языка, отражающие и формирующие свойства национального характера: достоинства человека, высоко оцениваемые в лингвистическом социуме носителей мексиканского варианта языка, и недостатки, осуждаемые в данном сообществе. Мексиканские лингвисты Хоакин Гарсия Икасбальсета, Франиско Хавьер Сантамария, Дарио Рубио, Лус Фернандо Лара Рамос, Эрон Перес Мартинес и др. провели исследования особенностей паремиологии мексиканского варианта языка. Обобщив результаты их работ, можно выявить несколько ее характерных черт:

– во-первых, в предисловии к первому тому Словаря мексиканской фразеологии Дарио Рубио⁷ обращает внимание на тот факт, что, в отличие от испанского языка Испании, множество пословиц и поговорок мексиканцев связаны с темой разочарования, горечи переживаний от несбыившихся надежд. Например, *Unos son de la fama y otros los que cardan la lana* (букв. Одним достается слава, а другим приходится чесать шерсть) содержит упрек в несправедливости жизни, когда одни незаслуженно пользуются всеми благами, а другие терпят неудачи во всем. Однако большая часть фразеологических оборотов выражает не только смиренение, привычку к постоянным трудностям и испытаниям, но и определенную иронию по отношению ко всему пережитому, попытку переосмыслить действительность в сознании, характеризуя ее через такие понятия и образы, что она выглядит менее жесткой и горькой. Таким образом, мексиканец находит утешение в иронии и самоиронии:

Como ya te he muerto sé lo que es eternidad (букв. Так как я уже умирал, то теперь знаю, что такое вечность) – в качестве эквивалента может иметь русские поговорки «стреляный воробей» или «третий калач»);

¿Qué favor le debo al sol por haberme calentado? (букв. Какие услуги я теперь буду вынужден оказать солнцу за то, что оно меня согрело?).

Человек, испытывающий одну неудачу за другой, преодолевая самостоятельно трудности, не расположен ни искать помощи у других, ни рассы-

паться в благодарностях. Многие исследователи⁸ отмечают ироничное отношение мексиканцев к смерти, отраженное в национальной литературе, фольклоре, идиоматике. Мексиканцы, унаследовавшие многие традиции и представления от индейских культур, не просто не боятся смерти, они смеются над ней, бросают ей вызов, приучают детей воспринимать ее как часть жизни. Приведем в качестве примера цитату из разговора Малинче со своей матерью в одноименном романе современной мексиканской писательницы Л. Эскивель: «*Tu miedo me sorprende. Veo que ignoras que morir no es terminar, es continuar, es evolucionar*» («Твой страх меня удивляет. Ты, похоже, не знаешь, что смерть – это не конец всему, это продолжение, это эволюция»)⁹.

Как пишут исследователи жизни индейских племен, населявших территорию современной Мексики, ацтеки, как и майя, не испытывали страха перед смертью, она была частой темой бесед в семье. Жизнь индейцы воспринимали как короткое мгновение в длинной череде событий на протяжении всего существования души, о чем свидетельствует песня, приписываемая ацтекскому правителю-философу Нецауалькойотлю:

Даже нефрит разобьется,
Даже золото разрушится,
Даже перья птицы кетсаль износятся.
Никто не живет вечно на этой земле:
Только на краткий миг мы здесь¹⁰.

Таким образом, вся жизнь ацтека была борьбой за счастливое существование души после смерти, так как от поведения при жизни и причины смерти зависела судьба души. Наиболее высокой оценки в обществе заслуживала смерть на поле битвы или на жертвенном алтаре, тогда душа возвращалась через четыре года на землю в виде колибри или яркой бабочки. Следующей в шкале ценностей была смерть при родах, приравниваемая к гибели на поле битвы, после четырех лет в раю, душа в этом случае возвращалась в виде мотылька. Смерть в преклонном возрасте не позволяла рассчитывать на счастливое продолжение существования души, которой предстояло совершить путь через восемь преисподних до подземного мира и быть уничтоженной после долгих мучений в девятой. Поэтому смерть в молодом возрасте воспринималась родственниками и друзьями усопшего даже с некоторой радостью, так как считалась не просто предпочтительнее, а становилась продолжением существования души. Следствием этого является и шумное веселье в современной Мексике в День мертвых. Такое специфическое восприятие понятия «смерть» закреплено во множестве фразеологических оборотов, выражавших ироничное отношение к смерти:

– *Eres como la muerte de Apango; que ni chiura, ni va al fandango* (букв. Ты как смерть Апанго, которая не курит и не ходит на шумные вечеринки); сходная по значению пословица, ярко иллюстрирующая расхождение между менталитетом мексиканцев и представителями других испаноязычных сообществ и русскоговорящего

■ ФИЛОЛОГИЯ

социума в восприятии и интерпретации лексемы *muerte*.

– *Ni se muere mi tata, ni cenamos* (букв. Ни папочка не умер, ни поужинали); *al cabo la muerte es flaca y no ha de poder conmigo* (букв. в конце концов смерть слаба и не должна со мной справиться) – утверждение, что человек сильнее смерти, так как умирает только тело, а для души начинается новая жизнь.

– *A mí las calaveras me pelan los dientes* (букв. чепра мне ласково улыбаются).

– *Chilaquiles aquí y enchiladas allá?* (букв. кукурузная лепешка в соусе здесь и кукурузная лепешка с начинкой там?)

Оба упомянутых блюда мексиканской кухни практически идентичны, также сходны и условия жизни до и после смерти, в пословице отражена индифферентность мексиканца к этому явлению и в то же время отсутствие необходимости бороться за жизнь.

– *No vas a morir de parto ni de cornada de burro* (букв. Ты не умрешь ни при родах, ни от удара рогов осла) – пословица, обращенная к мужчинам, выражает насмешку по отношению к тем, кто боится сложностей в жизни, и призывает решать самые сложные проблемы спокойно, так как даже смертельный исход не должен страшить человека, как обычное естественное жмэненное событие. Сравним в русском языке: Бог не выдаст, свинья не съест. Также призыв не бояться трудностей, но сapelляцией к богу, как защитнику и покровителю, способному помочь в трудную минуту.

– *Sólo los guajolotes mueren la víspera* (букв. Только индюшка умирает накануне) – убеждает, что не стоит быть пессимистом, не забегать вперед, предвосхищая события, так как это равносильно желанию предвидеть, когда человек умрет; надо жить достойно каждый день, а смертный час для каждого наступит не раньше и не позже положенного срока, только индюшка умирает накануне праздника, на котором она станет одним из блюд на праздничном столе.

Во Фразеологическом словаре пиренейского варианта А. Буйтраго не содержится пословиц с элементом *tiuerte*. В русской фразеологии концепт «смерть» появляется гораздо реже, и, как правило, пословицы и поговорки на эту тему не содержат иронии:

- На миру и смерть красна.
- Смерть не за горами, а за плечами.
- Смерть причину найдет.
- Собаке – собачья смерть и т.д.

Формирование на протяжении веков традиционно ироничного отношения мексиканцев к себе и ко всему происходящему можно расценивать как защитную реакцию, позволяющую выживать в крайне тяжелых жизненных ситуациях.

– *«Esta lucha desigual y desesperada, se manifiesta en sus refranes, en sus dichos; y las intemperancias, los atrevimientos, la deservoltura de su lenguaje común y corriente suben de punto en los dichos, en los refranes, de manera absolutamente natural y dentro de la diferencia que va del empleo de una voz para la designación de un acto, de un objeto cualquiera, a la expresión de*

una idea que toma forma en el sentimiento que le da vida en el primero e incontroable arranque de dolor, de desesperación. No podría ser de otra manera tratándose de nuestro pueblo; por algo es esencialmente característico el lenguaje popular mexicano. El día que este lenguaje dejara de ser atrevido, altivo, picaresco, perdería lo que le distingue de todos los de los demás pueblos de habla española, y ya no seríamos muy mexicanos, los mexicanos, en ésta que es una de las manifestaciones de nuestro inconfundible modo de ser»¹¹.

– «Эта неравная отчаянная борьба нашла свое отражение в их пословицах, их поговорках; невоздержанность, дерзость и даже развязность обычного повседневного языка совершиенно естественным образом резко возрастают в пословицах и поговорках. Глубина этих изменений соизмерима с глубиной различия между словом, используемым для простой номинации предмета или действия, и словом, вырвавшимся прямо из глубин страдающей души для выражения чувства нестерпимой боли и отчаяния. Иначе и быть не могло, если речь идет о моем народе, неспроста ведь наши язык так своеобразен и самобытен. Если бы наступил тот день, когда язык этот лишился бы своей дерзости, заносчивости и лукавства, он потерял бы отличие от всех остальных вариантов языка испаноговорящих сообществ, а мы уже не были бы мексиканцами в полном смысле этого слова, мы потеряли бы самих себя».

Все исследователи отмечают особую, даже иногда кажущуюся им чрезмерной экспрессивность мексиканской фразеологии. Например, *cada quien es tuv dueño de hacer de su culo un papalote*¹² (букв. Каждый имеет право сделать из своей пятой точки воздушного змея). *Cada uno tiene su manera de matar pulgas* (букв. У каждого свой способ убивать блох) – высказывание обращено к тем, кто осуждает манеру поведения или решения проблем говорящим и закрепляет право каждого поступать на свое усмотрение, даже если его действия вызывают удивление окружающих. В русском языке эквивалент – Каждый по-своему с ума сходит; *Cáete, cadáver* (букв. падай, труп!) – то есть «умри, но сделай», призыв выполнить обещание, долг, обязательство.

В некоторых пословицах и поговорках экспрессия достигается путем выбора просторечных, часто отмеченных как грубые, лексем, однако такого рода пословицы составляют меньшинство. Многие авторы объясняют появление такого рода пословиц не столько особенностями жизненного опыта простого народа, восприятия действительности коренными мексиканцами, а скорее расценивают их существование как результат влияния языковой традиции конкистадоров и колонов, которая шокирует мексиканцев: «... tómese cualquier refranero español, el que se quiera o se tenga a mano, y en él se encontrarán refranes verdaderamente crudos por la inclusión en ellos de voces tan malsonantes como poco decentes, para nosotros, por nuestra particular manera de ser en cuestiones de lenguaje, que no se atrevería a publicar en México ningún escritor mexicano, así tuviera toda la autoridad para hacerlo»¹³. («... возьмите любой испанский сборник пословиц, который вам нравится или подходит под руку, и вы обнаружите в нем очень грубые фразеологии из-за включения в них таких неподличных слов, какими не могут пользоваться для выражения языковых вопросов мы, поскольку они не хотят, чтобы их это видели, и не хотят, чтобы их это слышали»).

мите любой сборник пословиц, понравившийся вам или оказавшийся под рукой, в нем вы найдете откровенно грубые пословицы, содержащие слова неприличные и непристойные для нашего общества, такого щепетильного в вопросах языка. Произведение такого рода не осмелился бы напечатать ни один мексиканский писатель, и это было бы правильным решением»).

Если сравнить, например, очевидно грубо-просторечную пиренейскую пословицу *Nunca falta un tiesto para una mierda*, эквивалентную русской пословице «Свинья грязь найдет» с ее мексиканским вариантом *Siempre hay una media sucia para una pierna llagada* (букв. Всегда найдется грязный чулок для изъязвленной ноги), заметна меньшая грубость последней при сохранении неприятного для зрения и слуха образа. Испанские авторы, в свою очередь, не перестают подчеркивать исключительную вежливость мексиканцев. В своей статье «Ночь в Тенампа» из сборника статей «Живым не возьмете» (*No me cogeréis vivo*) Артуро Перес-Реверте так описывает мексиканских таксистов: «...hasta los taxistas te atacan con toda la naturalidad del mundo. Hablándote, eso sí, todo el rato de usted. Aquí, los atracadores no han perdido las maneras. Dame usted ahorita las tarjetas de crédito o se muere dicen apuntando la artillería. Y me fascina ese formal se muere. Lo plantea como si se tratara de tu exclusiva responsabilidad»¹⁴. («...здесь даже таксисты нападают как-то естественно, без пафоса. При этом обращаются к жертве исключительно на «вы». «Немедленно отдайте мне все кредитные карты или вы умрете», – говорят они прицеливаясь. Меня умиляет это возвышенное «умрете». Они говорят об этом, как будто у человека и правда есть выбор»).

Скрытую грубость множества мексиканских фразеологизмов Дарио Рубио, например, связывает именно с фрустрацией надежд и планов, с горем и разочарованиями, являющимися неотъемлемой частью жизни мексиканского народа на протяжении веков. Межплеменные конфликты доколумбовой цивилизации, жертвоприношения ацтекских жрецов, испанская конкиста, борьба за выживание и сохранение национального своеобразия – все эти события оставили след в коллективном разуме мексиканского сообщества. Переработанные сознанием, они получили свое воплощение во фразеологии и сохранились в современных паремиях как обобщение мудрости и опыта множества поколений.

В целом ряде пословиц тот же грубо-вежливый смысл выражен завуалированно, с помощью эвфемизмов. При этом экспрессия сохраняется без ущерба для уже отмеченной выше склонности мексиканцев к вежливости. Например, *Amarren a sus calañas, porque mi gallo anda suelto* (букв. Привяжите своих курочек, а то мой петух гуляет на свободе) – призыв к родителям присмотреть за замужними девушкиами; *Unos nacen para la pena y otros para la rerena* (букв. Одни рождаются, чтобы страдать, другие, чтобы воровать) – *rerenar* – наутилизм, используемый в мексиканском варианте испанского языка как синоним глагола *recoger algo*

caído. Однако здесь очевидный намек на переносное значение отлагольного существительного, зафиксированное в словаре Королевской академии языка как мексиканизм со значением «воровство».

Другим примером может служить множество пословиц мексиканского варианта с лексемой *chile*, значение которой в пословицах зачастую не связано с одноименным овоем, а является эвфемизмом табуированной лексики, например:

– *no le digas «vente chile», sin guardarte las espaldas*¹⁵ (букв. не говори: «Эй ты, перец», если не принял меры по обеспечению своей безопасности) – Не провоцируй другого, не задирайся, не принимая меры предосторожности;

– *como los indios de Xochimilco: pidiendo chile a gritos* (букв. громко требуют чили, как индейцы из Сочимилко) – о женщинах «легкого поведения», каламбур построен на двусмысленности слова *chile*: неотъемлемая часть ежедневного пищевого рациона мексиканцев, с одной стороны, и упомянутое выше использование в качестве эвфемизма;

– и множество других пословиц и поговорок с этой лексемой, имеющих откровенно грубый смысл и свойственных просторечному стилю языка.

Мексиканские лингвисты объясняют такое противоречивое сочетание врожденной экспрессивности и откровенности характеристик, с одной стороны, и традиционного консерватизма, распространяющегося на все сферы жизни общества, с другой. Таким образом, выбор лексических средств определяется особенностями мексиканского национального характера и находит свое отражение в языковой картине мира.

«*Si es verdad que somos los mexicanos, y esto no puede negarlo nadie ni evitarlo, muy atrevidos en materia de lenguaje, somos también de oídos muy delicados para cualquiera expresión malsonante, lo que nos hace ir más que de prisa tras el empleo de la voz que equivale a la que pretendemos ocultar o al de la que tiene una semejanza fonética a fin de dulcificar la fuerza de la expresión por lo que hace al sonido, no desvirtuando la idea que informa la intención que perseguimos*»¹⁶. («Если исходить из того, что мы, мексиканцы, крайне дерзки на язык, а это невозможно ни отрицать, ни изменить, то надо учитывать и то, что нам режет ухо любое непристойное выражение. Это и заставляет нас прилагать неимоверные усилия в поисках адекватных смысловых или сходных фонетически обозначений табуированной лексемы с целью смягчить крепость выражений, но лишь по форме, не изменяя ни в коей мере содержания самой идеи, выражющей наши намерения»).

Той же цели – смягчить эффект использования грубо-просторечных элементов целого ряда пословиц и поговорок – отвечает и их вариативность. Будучи обобщенным опытом жизни нескольких поколений, пословицы формировались как устное творчество, однако с появлением возможности перенести устные творения на бумагу, возникла необходимость определенной их адаптации к письменным жанрам.

■ ФИЛОЛОГИЯ

— «*Y si tales destemplanzas, oídas nos causan penas y molestias bien grandes, escritas y publicadas deben de parecer, entre nosotros sobre todo, por lo que exhiben, un desacato incalificable*»¹⁷. («И если такая невоздержанность в выражениях шокирует и режет ухо, то можно предположить, что, получив графическое выражение и будучи опубликованными, такого рода выражения покажутся нам возмутительным оскорблением»).

Таким образом, фразеология в мексиканском варианте испанского языка – это живая, постоянно развивающаяся область. Частотность использования пословиц, поговорок и сравнений в современном мексиканском социуме напрямую связана с особенностями менталитета и национального характера мексиканцев, их склонностью к иронии и самоиронии, стремлением говорить вслух о запретных темах, откровенно выражать недовольство людьми и их действиями, не шокируя при этом слух собеседника, прибегая к помощи

образов. Поэтому в мексиканской паремиологии в основном не используется табуированная лексика, а острота высказываний достигается благодаря эвфемизмам, игре слов и построению заведомо двусмысленных высказываний.

Guseva I.V. Peculiarities of the Phraseology of Mexican National Variant of Spanish Language.

Summary: This article focuses on some theoretical and practical problems of Mexican phraseology, its historical and cultural sources and points out the difference from Spanish idioms of Pyrenean standard. The collected language material illustrates the variability of Mexican proverbs in speech, depending of the situation of the act of communication, style and reference group of the communicating subject. The article also includes a classification of the main characteristics of Mexican phraseology, that gives a possibility to compare two national variants of Spanish: the Mexican and the Pyrenean one.

Ключевые слова

Фразеология, пословицы, мексиканский национальный вариант, межкультурная коммуникация, пиренейская норма.

Keywords

Phraseology, proverbs, Mexican national variant, intercultural communication, Pyrenean standard.

Примечания

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация, Издательство Московского университета, 2004, С. 183.
2. Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. СПб., 2001. С. 39.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация, Издательство Московского университета, 2004., С. 182.
4. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. М.: Высшая школа, 2003. С. 214.
5. El Mundo, 2008.
6. Yañez, A. .Las tierras flacas, México, Editorial Joaquín Mortiz, 2003. С. 51-52.
7. Rubio, D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos, Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940, Р.. III – XXXI.
8. Чеснокова О.С Испанский язык Мексики: языковая картина мира. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. С. 85 -103.
9. Esquivel, L. Malinche, Madrid, Santillana Ediciones Generales, S.A., 2005. Р. 156.
10. Брэй У. Ацтеки. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005 С. 82.
11. Rubio D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos., Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940, Pág. XVIII.
12. Pérez Martínez, H., Refranero Mexicano. Academia Mexicana de la Lengua., <http://www.academia.org.mx/refranero.php>
13. Rubio D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos, Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940, Р. XXII.
14. Pérez-Reverte A., No me cogeréis vivo, Santillana Ediciones Generales, Madrid, 2007, P. 391
15. Pérez Martínez H. Refranero Mexicano, Academia Mexicana de la Lengua., <http://www.academia.org.mx/refranero.php>
16. Rubio D. Estudios paremiológicos. Refranes Proverbios y Dichos y Dicharachos Mexicanos, Editorial A.P. Márquez, México D.F, 1940. Р.. XXI.
17. Там же. Р. XXI

Аристократическая культура Великобритании в эпоху глобализации

Т.А. Ивушкина

В статье рассматриваются изменения в культуре и языке аристократии за последние 40 лет, в том числе и вызванные процессами глобализации. Традиционная аристократическая культура проходит серьезное испытание временем: новейшие информационные технологии и привнесенная ими массовая культура Америки изменяют стиль жизни, язык и культуру общения представителей английской аристократии.

Информационно-технологическая революция, появление все более совершенных и многофункциональных каналов связи, а также быстро развивающийся интернет-язык, давший начало таким понятиям, как «Netspeak» и «Textspeak»¹, значительно изменяют образ жизни участников коммуникации и вместе с ним – язык и культуру общения. По мнению британского лингвиста Дэвида Кристэла, последствия происходящих на данный момент процессов трудно предсказать, ибо мы являемся свидетелями необыкновенно творческого подхода к использованию возможностей языка и его адаптации к практическим нуждам человека.

В этой связи представляются весьма актуальными и своевременными работы известного филолога Ю.М. Лотмана, и в частности его статья «Технический прогресс как культурологическая проблема». В ней он отмечал: «Рассмотрение последствий великих кризисных эпох, когда под влиянием резких революционных изменений в научно-технической сфере полностью менялся сам человек и окружающий его мир, прежде всего приводит к выводу, что с каждым разом пространственные границы таких изменений делались все более глобальными, а хронологические пределы прогрессивно сокращались (то есть сами изменения получали все более стремительный

характер). Это означает, что для психологии рядового участника событий переживание перемен как катастрофы прогрессивно обостряется»². Это наблюдение отражает универсальный характер происходящих в обществе процессов, в том числе и психологического состояния человека – «... чувство неуверенности, потери ориентировки... эмоции страха и ощущение приближающейся опасности»³.

Новые информационные технологии привнесли и культуру своей родины – массовую культуру Америки. В Великобритании это проявляется в меняющемся стиле жизни молодого поколения британцев, представляющих собой привилегированные классы общества. Их обвиняют в отходе от традиций своих отцов, в забвении столь чтиимого предыдущими поколениями почитания старших и их ценностей.

– Today's young, in righteous, understandable defence of their own time, generally reject our reminiscences about a golden age when the customer was always right, when AA men saluted the badge on your car and policemen touched their helmet in greeting. Thank heaven for the end of deference, they say, but deference is part of an ordered, certain world and, in retrospect at least, that can feel warming and even kind⁴.

Современный британский писатель, сценарист и актер, создавший на телевидении не-

Ивушкина Татьяна Александровна – д.ф.н., профессор кафедры английского языка № 3 факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России. E-mail: Tatiana.ivushkina@gmail.com

■ Филология

забываемый образ лорда Килуилли в сериале «Monarch of the Glen», выпускник Кембриджа Julian Fellowes называет современный век «разобщающим» (increasingly fragmented society, our disjointed, modern society, deconstructed century), в отличие от предшествующего «покровительствующего века» (patronizing age). Он сравнивает молодое поколение британских аристократов с кукушатами (*Everywhere in modern Britain parents are raising cuckoos, aliens from a foreign place*) и инопланетянами, которые находятся от поколения своих родителей на расстоянии двух галактик.

*— ...I can testify that they could have come from different galaxies for all they shared. Why don't parents mind this? Or don't they notice that? Isn't the desire to bring up your young with the habits and customs of your own tribe one of the most fundamental imperatives in the animal kingdom?*⁵

Конечно, подобное наблюдение свойственно всем поколениям, и не только в Великобритании. Именно молодежь отражает то новое, что появляется в культуре под влиянием экономических, политических, идеологических и других факторов и указывает направление ее дальнейшего развития. Человек в быстро меняющемся мире всегда чувствовал себя по-другому, именно поэтому «область традиции и авторитета, церковной и родительской власти вынуждена была отступать»⁶. Традиции – это основа, обеспечивающая преемственность поколений и порядок в обществе, а «личность становится дрожжами истории, ее динамическим началом»⁷.

*— One part of the culture was indeed about pop and drugs and happenings, and Marianne Faithfull and Mars Bars and free love, but the other, if anything far larger, section of the community was still looking back to the 1950s, back towards a traditional England, where behavior was laid down according to the practice of, if not many centuries, at least the century immediately before, where everything from clothes to sexual morality was rigidly determined and, if we did not always obey the rules, we knew what they were.*⁸

«Культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластиах могут сочетаться с постепенным развитием в других. ... И постепенные, и взрывные процессы в синхронно работающей структуре выполняют важные функции: одни обеспечивают новаторство, другие – преемственность»⁹. Под воздействием влияния из-за Атлантики в недрах традиционной британской культуры, обладающей «консервирующей функцией», активно развивается поп-культура, которая вступая в конфликт с первой, по-разному отзывается в ее социальных пластиах.

В конфликт с традицией вступает весь образ жизни англичанина, требующий от него деятельности и решительности, активности и инициативности, раскованности и предпримчивости, умения понимать правила игры, по которым предстоит играть в будущем, а не по которым

играли в прошлом. Это образ жизни, неотъемлемой частью которого стали бизнес и маркетинг.

— Selling things is part of the modern world and if you have a product, you have to sell it...; ...the world of marketing would change for ever and begin its remorseless campaign to take over civilization¹⁰. И, конечно, успех, ибо он имеет способность изменить все – *Success will mend your features and so will money... It is because you have begun to smell differently. Success makes you a different person¹¹.*

«Положительная энергия» – это еще одно знаковое понятие новой эпохи, которое отражает динамичный образ яркой, харизматичной и успешной личности, умеющей притягивать к себе людей.

— ... The New Age term of Positive Energy, but which then simply indicated someone who would never wear you out¹².

Исторически английская аристократия не занималась трудовой деятельностью и никогда не проявляла к ней явного интереса, ибо это не соответствовало ее положению в обществе – *the smart English had not yet abandoned their pretence that one's professional activity was of minor, and then only personal interest¹³.*

По этой причине вопросы типа: «Чем ты занимаешься в жизни?» и «Где ты работаешь?», которые еще несколько десятилетий тому назад считались неприличными и вторгающимися в область частной жизни, сегодня, как и в Америке, стали нормой. Тем не менее дипломатия и политика – это те сферы, в которые всегда были вовлечены аристократы и которые в силу этого закрепили за собой статус престижных. За последние десятилетия, однако, и в отношении к этим профессиям произошли определенные изменения: в отличие от 1960-х гг. должность послов сейчас нередко вызывает отрицательные коннотации.

— The British ambassador these days is generally regarded as rather an oddball in the world's capitals, both by the international brigade and by the Society whichever city they find themselves in¹⁴.

Основное различие между поколением молодых британцев и поколением 1960-х гг. проводится по линии – «нормальные» (работающие) и «богатые», ставшие символом лучших времен и признанного социального лидерства.

— With their footmen and their stately drawing rooms, they seemed in magic contrast to our own lives, with our working fathers and our mothers who had learned to cook... a bit. We were the normal ones, they were the rich ones, and it was many years before I questioned this¹⁵.

Похоже, оппозиция «свои» – «чужие», на которой строится основной принцип аристократического общества, отражает изменение семантики слов, точнее, смену ценностей. «Свои» стало означать «англичане, идущие в ногу со временем, а не аристократы», и соответственно «чужие» – это те, кто остался в прошлом. Представитель нового класса деловых и богатых людей в разговоре с аристократом отмечает следующее: «*You all belong*

*to something, even it's hard to define quite what. ...But you do have some sort of group identity, which I don't share. But I have a suspicion that before we're finished I'll be the one who belongs to something. And you won't. 'Which, of course, is exactly what happened'*¹⁶.

Вся ситуация напоминает Россию начала XX в., описанную Чеховым в пьесе «Вишневый сад». На смену Раневским и Гаевым пришли предприниматели Лопахины. *They cannot really have been businessmen...No wonder, their establishments did not stand the test of time*¹⁷. Поменялись имена и время и место, но суть осталась прежней, как и столетие назад. Только культура Великобритании, в отличие от России, – терпимая, и это позволяет ей сохранять традиции, временами смещая их на периферию и при благоприятных условиях вновь возвращая на главенствующие позиции.

Изменениям подвергаются все уровни жизни аристократов – начиная с места их проживания. В силу значительного удорожания земель в аристократических районах Лондона – Белgravии, Мейфейер, Кенсингтоне и Челси – произошло вытеснение англичан со средними доходами и нарушение прежней социальной инфраструктуры, которая существовала в этих районах, когда наряду с исконными аристократами здесь соседствовали представители творческих профессий. *The result of the property boom was not just one dispersal of people from their home territory, but the end of 'mix' in London's population*¹⁸. Появилось понятие «Euro-Splendour», которое можно рассматривать как семиотический знак европейской, в том числе и русской культуры, занимающей все более заметное место в Великобритании (что еще два десятилетия тому назад казалось невероятным). Об этом свидетельствуют русские реалии, все чаще встречающиеся на страницах современных британских романов и газет: «царский указ» (*Tsarist ukase*), или ссылка на события 1968 г. в Чехословакии.

– For twenty years, wherever we loaded the car for a weekend away, we looked like refugees trying to get out of Prague ahead of Russians. Об этом свидетельствует и нередкое упоминание «новых» хозяев футбольных клубов – ... *these days eastern potentates and people who own football clubs...* или *русского стиля одежды – What kind of blindness struck my generation? What allowed people to leave the safety of their homes wearing white, leather jackets with cowboy studs and fringe... Or Russian peasant shirts or butchered army uniforms?*¹⁹

Английская аристократия, во всяком случае часть ее, прошла трудные времена банкротства, распродажи своего имущества и адаптации к новым условиям жизни. Большинство из них страшится мысли не столько о потере имущества, сколько о потере своего лица, хотя одно от другого неотделимо.

*– Most of them dread not only the coming discomfort but the loss of face that attends the loss of income, and they will submit to almost any humiliation rather than have to reduce their circumstance to public*²⁰.

Новые богатые, поражающие масштабом своего состояния и роскоши, а также потеря былого авторитета в обществе заставили аристократию увидеть в прислуживающем персонале людей и поменять к ним свое отношение. Если 30-40 лет тому назад хозяева не замечали их присутствия в доме и свободно обсуждали за столом и в гостиной светские сплетни, разного рода секреты и приключения, то в XXI в. они отчетливо осознают, что «у стен есть уши».

*– Political secrets, family gossip, personal indiscretions, all came bubbling forth before the listening footmen and must presumably have enlivened many an evening in the local pub, if not, as in our more greedy and salacious times, their published memoirs*²¹.

Влияние американской культуры ломает традиционные британские представления о закрытости личной жизни, о моветеоне любого вмешательства подобного рода. Такт и тайна, столь читимые еще 40 лет тому назад, сменились любопытством и беспардонностью – они явно пришли вместе с американскими фильмами, с их героями, заявляющими с экрана:

*– 'We have no secrets,' say cheerful, young faces in films, when, as we all know, our whole lives are filled with secrets, frequently kept from ourselves*²².

Поменялось и представление о дистанции между людьми, которое раньше было незыбленным, ибо британцы всегда отдавали себе отчет о степени знакомства со своими собеседниками. Американская массовая культура сокращает расстояние между людьми, ломает традиционные нормы в общении людей разной степени знакомства и подчиняет их личным, деловым и подчас корыстным интересам. Обменявшиеся однажды рукопожатием или приветствием, они говорят, что «знают» друг друга, а иногда и называют себя друзьями, становясь «сообщниками» во лжи.

*– That's the thing. I don't. I really never knew her at the time, but of course now we pretend we were terrific friends and we've almost convinced each other it's true*²³. - *Forty years ago we were, I think, more aware of the degree of a relationship*²⁴.

Из американских фильмов пришло и представление о том, что все дела нужно выяснить, вместо того чтобы оставить все как есть и дать любой ситуации успокоиться:

*– Of course, it is a relatively modern American import, the notion that we must 'have these things out', while the old, English traditions of letting sleeping dogs lie, and brushing things under the carpet, have been spurned. 'We have to talk,' says at least one character in almost every television drama these days, until one longs to scream at the screen, 'Why? Just let it go!*²⁵

Американское влияние прослеживается и в отношении к браку, к рождению ребенка и разводу. Если еще 30 лет назад трудно было представить брак без участия родителей, как правило матери, на которой лежала основная обязанность подыскивать подходящую партию и способствовать замужеству или женитьбе своего отпрыска, то сейчас родители не имеют прежней власти над своими детьми.

■ ФИЛОЛОГИЯ

— *One hears people wonder about the collapse of parental authority. Was it deliberately engineered as the right-wing press would have us believe? Or did it just happen because it was right for the time, like the internal combustion engine or penicillin? Either way, it has vanished from whole chunks of our society, gone, like the snows of yesteryear²⁶.*

Поменялось отношение к рождению ребенка в семье:

— *She wrote to me in 1990 when the upper and upper middle classes occupied the last remaining bastion of legitimate birth. Anyone normal would have let the secret out long ago²⁷.*

Интересно отметить, что при общей тенденции отказа от регистрации брака и других официальных церемоний аристократия остается единственным классом, сохраняющим верность традиции бракосочетания до рождения ребенка.

— *Weddings and christenings, parties for our offspring, more weddings and finally funerals. These were the Big Moments by which we steered our course through life. That's gone now. There are seemingly no obligatory events. The only thing that really marks an aristocratic upbringing apart from a middle-class one today is that the upper classes still marry before giving birth. Or, when they don't, it is exceptional. Apart from that many of the traditions that once distinguished them as a tribe seem largely to have melted into the sand²⁸.*

Отношение к разводу также значительно проще по сравнению с 50-ми гг., когда за него платилась слишком высокая цена общественного мнения — ...divorce in the 1950s still exacted a high social price²⁹.

Современные технологии создали и новое представление о жизни человека и его возможностях. Чем явно отличается от своих предшественников поколение британцев периода глобализации (и, пожалуй, не только британцев!), так это страхом перед старением, которого не было у предыдущих поколений.

— *People were not then afraid of getting older. Our strange, patronizing culture, where middle-aged television presenters dishonestly pretend to share the tastes and prejudices of their teenage audience in order to gain their trust, had not arrived³⁰.*

Прогресс медицины в области развития пластической хирургии, а также авторитет телевидения, телеведущих и телезвезд, диктующих с экранов моду на внешний вид, перевернул представление американцев о возможностях сохранения молодости и «заразил» весь мир одержимостью выглядеть молодыми на долгие годы. Не все, однако, приветствуют пластические операции, считая, что это очередной пример лицемерия, которого и без того хватает в британском обществе.

— *Plastic surgery is better now than forty years ago, when it was largely reserved for actresses and foreign ones at that. But even today, when the results can be spectacular, there is a high and ironic price to pay, because for most men it's turnoff to end all. The knowledge that a woman has been sliced about diminishes to nothing one's desire to see her without*

her kit. Although here I admit that women pay less high a price than men. Women who have 'work done' lose their sexual power over men. Men who resort to it lose everything³¹.

Новый стиль жизни, неотъемлемой частью которого является бизнес и маркетинг, качественно поменял развлечения и времяпрепровождение аристократов. Если еще 30 лет назад Haddy's (а также Angelique's, the Garrison) служило «знакомым» местом, где под живую музыку молодежь развлекалась до самого утра, то в XXI в. массовая культура охватила все слои общества. В результате — на смену живой музыке в ресторанах пришли кафе и клубы с дискотеками, где столики обслуживаются несколько раз за вечер.

— *We often used to spend whole evenings there (Haddy's), eating, talking, dancing, although it is hard to imagine what the modern equivalent of this sort of place might be, since to manage all three in a single location seems impossible now, given the ferocious, really savage, volume that music is played at today anywhere one might be expected to dance³².*

Из Америки была импортирована культура «еды на вынос», которая также приобрела популярность среди британцев (...the take away culture that has overwhelmed us in the last few years...) и которая значительно снизила качество проводимых вечеринок и торжественных мероприятий.

Изменения коснулись и самого важного атрибута привилегированности, которым так дорожили аристократы — внешнего вида. «Appearance is all» — это то, что хорошо усвоили и веками соблюдали представители высшего общества. Главным символом аристократизма и аристократического образа жизни, как отмечает Julian Fellowes, всегда являлся белый галстук.

— *Of course, what Dior and so many others failed to understand was that white tie was not just a costume, it was also a way of life, and it was a way of life that was already dead.*

В древности белый галстук служил своего рода договором между аристократами и теми, менее удачливыми, которым приходилось проводить большую часть дня, зарабатывая себе на жизнь и социальный имидж «...in discomfort to promote a convincing and reassuring image of power». Аристократия всегда ассоциировалась с великолепием и красотой. Она меняла одежду пять или шесть раз в день — для прогулки, охоты, завтрака, ланча, времени чаепития и ужина. В городе — по крайней мере три раза. И делала она это, прекрасно осознавая, что если перестанет менять свои одежды, она потеряет главенствующие позиции в стране. Утратив веру в себя, она утратила и эту веками поддерживаемую традицию носить белый галстук. Таково мнение одного из представителей этого класса. Следует также добавить, что белый цвет служил и украшением к одежде. В белом должна быть одета молодая леди при своем первом появлении при дворе. Традиция эта одно время предавалась забвению — в то время, когда сад служил основным местом проведения подобных мероприятий, в силу чего молодые леди

одевались в летние платья и шляпки с широкими полями. Позже она была возобновлена.

— «...They wore long, white gloves, too...», «...white flowers were worn in the hair, tiaras not being considered proper for unmarried girls»³³. «...the lights playing on the white flowers among their gleaming curls, on their long white gloves, on the white lace and silk of their dresses, on their shining, haughty, hopeful faces»³⁴.

Язык класса аристократии отражает все происходящие в обществе изменения. В первую очередь, как отмечалось выше, появился язык интернет-общения, который значительно нивелирует социальные различия в обществе и который, безусловно, задает определенное направление развития языка в целом. Исследованию данного пласта английской речи посвящено большое количество научных статей и диссертаций, поэтому на рассмотрении этого вопроса мы остановимся не будем.

В фокус нашего внимания попадают те особенности использования слов и выражений, которые в настоящее время вызывают определенные трудности даже у англичанина или которые вошли в разряд «современных». Для исследователя британского языка и культуры такие случаи имеют особый интерес, поэтому остановимся на некоторых из них. Американское телевидение и кино создали свой жаргон, который вызывает у британцев неоднозначное отношение.

— «*I know. Infomercials*. I smiled, thinking to show how up I was in the jargon of modern television. Instead, she gave me a look as if I had slapped her across the table. «I hate that word!»³⁵ ... and I distinctly recall some new forgotten television ‘personality’ (a concept so new as to be barely dry)³⁶ ... Фраза «Somebody Just Walked Over My Grave», которая звучит, по крайней мере, странно, является названием семнадцатой серии из британского детективного сериала *Randall and Hopkirk (Deceased)*, ставшего популярным в 1970 г. после его показа на ITV.

— ...I didn't see what else to do. Anyway, the point is...' Then suddenly she shivered and, looking up, caught my eye. 'Somebody walked over my grave'. What a strange and haunting saying that is³⁷. Этот фильм демонстрировался и на экранах Америки под названием *My Partner the Ghost*.

Сексуальная революция, особая чувствительность к проблемам гендерных различий и все явно заявляющее о себе явление гомосексуализма, представители которого борются за свои права и отстаивают их в США и Великобритании, возможно, способствовали появлению новых коннотаций у слов, ранее имевших четкие семантические значения и не вызывавших двусмысленности. Это слова «a girlfriend», «a partner», «a companion», «a mistress» и «other half». Слово «a girlfriend», по мнению Julian Fellowes, неуместно использовать, когда речь идет о взаимоотношениях мужчины и женщины за 50 лет. Словарные дефиниции таких нюансов в употреблении этого существительного не дают — они фиксируют следующие значения: «a regular female companion with whom a person

has a romantic or sexual relationship»: his girlfriend is Australian и «a woman's female»³⁸.

С другой стороны, существительное «a companion» также не является подходящим в данной ситуации, поскольку оно подразумевает отношения людей гораздо более старшего возраста. Интересно отметить, что в словарных статьях оно имеет значения — «a person's long-term sexual partner outside marriage» и «a person, esp. an unmarried or widowed woman, employed to live with and assist another», которые не являются основными по степени частотности их употребления в речи. По-видимому, новые тенденции в развитии сексуальной революции способствовали активной реализации этого значения существительного. Небезопасным стало и употребление существительного «a partner», хотя «коллега по бизнесу» является основным и более частотным значением согласно словарям.

— ‘Partner,’ as everyone not in the media knows, is both tired and fraught with danger. I recently introduced a fellow director in a small company I own as my partner and it was some time before I understood the looks I was getting from various people there who thought they knew me.

«Вторая половина», по мнению Дж. Феллоуз, звучит как будто сошедшая с экранов телевизоров и характерная для персонажей комедии. Вышло из употребления и слово «mistress», которое употреблялось часто и отражало суть отношений еще в недавнем прошлом. В словарях оно имеет значения «a woman having an extramarital sexual relationship, esp. with a married man» и «archaic and poetic/literary: a woman loved and courted by a man». Политкорректность, ключевое понятие современного века, «запрещает» использование этого слова в открытом обсуждении.

— ...And we haven't quite got to the point of ‘This is my mistress,’ although I dare say it's not far off. Anyway, Bridget and I were going about together³⁹.

Итак, наиболее приемлемым лексическим выражением отношений между мужчиной и женщиной в данной ситуации стала фраза «to go about». Фраза «I was in shock», популярная и в русской культуре, пришла в британскую культуру с экранов телевизоров — «I was in shock».

— But when he started to talk I just froze. I suppose I was in shock, as they say now, but I don't think we had “shock” in those days⁴⁰.

Для аристократической культуры Великобритании, основным проявлением которой является сдержанность и самообладание в любых ситуациях, сокрытие и маскировка чувств (...all her training was to keep such emotions under wraps), инородным «знаком» выступает любое проявление «нервного срыва».

— After that I didn't really care what happened to me. I suppose I must have had a sort of nervous breakdown, but again, in those days people like us didn't have nervous breakdowns. That was the sort of thing actresses did, and men who'd embezzled their customers' money. I think people like us were just a bit under the weather, or getting out of the rat race or taking a break⁴¹.

■ ФИЛОЛОГИЯ

Как показывает этот отрывок, идиомы «under the weather», «get out of the rat race» и «take a break» отражают описанное состояние с помощью эвфемизмов.

Британский аристократ никогда не использует глагол «get» в значении «have», как в следующем случае: «Can I get some spinach?» Why do Americans say ‘get’ in this context? They are not presumably planning to go into the kitchen and fetch it themselves. Или слово 'creamed' вместо 'mashed' в значении «картофельное пюре»: 'Mashed but not creamed. Absolutely no cream.'

Новым воспринимается значение слова «profile» в нижеследующем контексте:

– *I was rather interested by her suggestion that Serena and Andrew had a 'profile'. What did that mean? What is a 'profile' in this context?*

Это значение появилось сначала в компьютерном языке и обозначало «A control file for a program, esp. a text file automatically read from each user's home directory and intended to be easily modified by the user in order to customize the program's behavior»⁴². Потом оно попало в средства массовой информации и стало означать «a type of feature story and usually focuses on a person. Profile is somewhat specific term for a story and, usually, focuses on what's important or interesting about that person now»⁴³. Это значение «сведения из биографии» и предполагается в приведенном контексте.

Обращает на себя внимание слово «crowd», «old crowd», которое часто употребляется для обозначения круга высшего общества.

– *'Do you see anyone now? She muttered between sips. 'Anyone from the old crowd?' I was not convinced that Terry had really been in our old 'crowd', if crowd there had been, but it seemed a good moment to bring up the subject of Damian, so I did'*⁴⁴. Наряду с «crowd» используется и существительное «the tribe».

– *Girls and boys like me, but long before the Sloane Ranger Handbook had given that tribe a name and an identity. She lived in the same old*

*Fulham-type house that so many of her tribe have come to occupy since I was young*⁴⁵.

Отмеченные выше культурные и языковые признаки британской аристократии нового века свидетельствуют о том, что современная информационно-технологическая революция вызывает ускорение ритма жизни британцев и, как следствие, – демократизацию языка и стиля общения участников коммуникации. Новые технологии приносят с собой новые понятия и новую терминологию, а также культуру страны, их создавшей. Основным результатом распространения американской массовой культуры становятся средства массовой информации, и прежде всего телевидение, которое оказывает колоссальное воздействие на сознание всего общества. Мода на деловой и энергичный стиль жизни, ориентация на «создание самого себя» и стремление к достижению своих целей, демонстрируемые новыми богатыми Великобритании и Европы, становятся новыми «знаками» и приоритетами британского общества, отражающимися в разных сферах жизни.

Было бы упрощением думать, однако, что отмеченные изменения не вызывают обратных процессов – стремления к восстановлению традиционной культуры и языка. Культура отсеивает то, что мешает ее развитию на определенном этапе ее развития, вновь возвращаясь к накопленному опыту для того, чтобы перейти на новый виток своего развития.

Ivushkina T. A. The Aristocratic Culture of Great Britain in the Globalization Era.

Summary: In the focus of the article are the culture and the language of the British aristocracy in the period of globalization covering the last four decades. Informational technologies and American mass culture they have brought about have a tremendous influence on the style of life of the class under consideration. The Internet and television have become the most powerful means of breaking traditions and causing changes in all spheres.

Ключевые слова

Английская аристократия, эпоха глобализации, культура, язык, изменения, массовая культура Америки.

Keywords

The British aristocracy, culture, language, changes, globalization era, American mass culture.

Примечания

1. Crystal, David. A Glossary of Netspeak and Textspeak. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2004; Crystal, David. Txtng: The gr8 db8. Oxford: Oxford University Press, 2008.
2. Лотман, Ю.М. Технический прогресс как культурологическая проблема//Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство – СРБ». 2004. С. 623.
3. Лотман Ю.М. Там же, С. 629.
4. Fellowes, Julian. Past Imperfect. – L-n: Phoenix, 2008. P.5.
5. Ibid. P. 109.
6. Лотман Ю.М. Там же. С. 628.

7. Лотман Ю.М. Там же. С. 624.
8. Fellowes, J. Ibid. P.54.
9. Лотман Ю.М. Прерывное и непрерывное //Семиосфера. – Санкт-Петербург «Искусство - СРБ», 2000, С. 21.
10. Fellowes J. Ibid.,P.324.
11. Ibid. P. 411-412.
12. Ibid. P.42.
13. Ibid. P.94.
14. Ibid. P.95.
15. Fellowes, J. Ibid. P.57.
16. Ibid. PP.98-99
17. Ibid. P.57.
18. Fellowes, J. Ibid. P.82.
19. Ibid. P.283.
20. Ibid. P.177.
21. Fellowes, J., Ibid. P.14.
22. Ibid. P.7.
23. Ibid. P.399.
24. Ibid. P. 34.
25. Ibid. P.224.
26. Ibid. P.33.
27. Ibid. P.26.
28. Ibid. P.413.
29. Ibid. P.47.
30. Ibid. P.32.
31. Ibid. P.351.
32. Ibid. PP.58-59.
33. Ibid. P.78.
34. Ibid. P.90.
35. Ibid. P.375.
36. Ibid. P.103.
37. Ibid. P. 491.
38. ABBY Lingvo.Pro – lingvopro.abbyonline.com/ru
39. Fellowes, J., Ibid. P.6.
40. Ibid. P.490.
41. Ibid. P.491.
42. linux.about.com/cs/linux101/g/profile.htm
43. mediacareers.about.com/od/glossary/g/profile.htm
44. Fellowes, J.,P.360.
45. Ibid. P.486.

К вопросу о коллективной теоретической работе

Н.В. Литвак

В статье проанализированы современные формы коллективной работы ученых – теоретические и научные семинары. Отмечены актуальные проблемы взаимодействия ученых между собой и с обществом, трудности индивидуальной и совместной исследовательской работы. Поставлен вопрос о необходимости и возможных новых формах коллективной теоретической творческой деятельности.

История науки свидетельствует, что теоретическая деятельность ученого – это индивидуальный труд, активность единичного сознания, результаты которого представляются в устной или письменной форме для обсуждения и принятия как нового знания коллегам (если они есть) и обществу. Формы такого представления, развившиеся от бесед и диспутов между представителями античных философских школ до современных научных конференций, от писем и трактатов до научных журналов, монографий и диссертаций, представляют собой, по сути, всего один вид взаимодействия – изложение своей точки зрения на полученную или выбранную совокупность фактов, сделанных умозаключений, теорий, на них основанных, с последующим (в некоторых случаях) обсуждением.

Результаты этой мыслительной работы, а иногда и ход рассуждений, которые к ним привели, вместе с другими, самостоятельно добытыми данными составляют исходные предпосылки для исследовательской и теоретической работы других ученых и т.д. Этот формат работы обладает высокой эффективностью, о которой свидетельствуют история развития научных достижений и параметры той искусственно созданной людьми среды, которая нас сегодня окружает. Тем не менее, как и в отношении любой деятельности, в науке также существует задача оптимизации и повышения эффективности методов, процедур познания, творчества. В рамках ее решения были выработаны такие инструменты, как формальная

и диалектическая логика, системный анализ, эксперимент и некоторые другие. Вследствие общего характера наблюдения, что «одна голова хорошо, а две – лучше», были предприняты усилия и по организации совместной работы ученых: как и в промышленности, на смену «мастеровым» и «кустарям»-алхимикам пришли исследовательские лаборатории и институты.

Специализация и кооперация, новые приборы и методы работы с информацией (улучшение ее сохранения и доступности через научные библиотеки, компьютерные базы данных и их сети) повысили результативность научной деятельности. Однако в отличие от деятельности рабочего, по мере развития оборудования, эволюционизирующего в его приданок или даже вовсе заменяемого автоматом-роботом, деятельность ученого пока не может свестись к обслуживанию экспериментальных установок или суперкомпьютеров (хотя на это у них и уходит большое количество времени). И эта деятельность, даже после внедрения всего вышеперечисленного, пока остается все на той же стадии научной «мануфактуры» – в больших коллективах научных работников сам процесс мышления остался единоличным.

Наиболее широко распространенной формой непосредственного и регулярного взаимодействия ученых является семинар (от лат. seminarium – рассадник, теплица, в переносном смысле – школа). Восприняв античную и средневековую традиции сочетания сообщений учащихся с диспутами и комментариями преподавателей, в современных

Литвак Николай Витальевич – к. социол. н., старший преподаватель кафедры философии МГИМО(У) МИД России. E-mail: jourfr@mail.ru

научных коллективах семинары стали формой повышения квалификации, ознакомления с работами коллег, обсуждения новой научной информации. Широкую известность получили физико-математические семинары, проводившиеся под руководством ряда выдающихся советских ученых второй половины XX в. У Л.Д. Ландау докладчиками выступали его ученики, представлявшие рефераты новых журнальных статей, отобранные не по тематике, а по теоретическому уровню. Добиваясь понимания всеми учениками содержания докладов, Ландау учил их физическому мышлению, соответствующему специальному подходу.

Такой вид семинара можно, наверное, ассоциировать с маевкой, особенно с ее методом критического отсечения неправильных суждений. В теоретическом отделе ФИАН¹ на одном из семинаров – под руководством И.Е. Тамма – заслушивались сообщения о работах собственных сотрудников и коллег из других научных институтов Москвы, а на втором, носившем неформальный характер, ученые делились незавершенными исследованиями, советовались, получали дружескую критику.

В области гуманитарных наук качественно своеобразной была практика новосибирского методологического семинара, проводившегося с 1963 г. до начала 1980-х гг. в Академгородке СО АН СССР с участием большого количества ученых самых различных специальностей под руководством философа М.А. Розова. Целью семинара была попытка построения эмпирической эпистемологии и философии науки путем эмпирического анализа реальной истории познания, конкретных научных текстов. «Мы при этом вовсе не проповедовали узкий эмпиризм, мы просто хотели строить эпистемологию по образцу таких дисциплин, как физика, биология, геология», – отмечал Розов².

На этом семинаре творческий процесс происходил уже не только путем возникновения различных ассоциаций, аналогий и озарений в ходе заслушивания и критики представлявшихся докладов, но и непосредственно. Участники пытались развивать используемые подходы (поскольку они и были целью), постепенно переходя от анализа процессов научной абстракции к типам научного эксперимента, проблемам классификации, способам определения предмета науки в различных областях познания и т.д.

Большинство современных научных и теоретических семинаров, в том числе и по гуманитарным наукам, проходит по традиционной схеме: основной доклад (или доклады), их обсуждение, публикация докладов и иногда – откликов на них, в том числе все чаще в Интернете. Что касается методик для коллективных форм работы, то наиболее разработанными и освоенными предстают мозговой штурм, метод Дельфи, теория решения изобретательских задач (ТРИЗ).

Задачей участников мозгового штурма (мозговой атаки, англ. brainstorming) является предложение как можно большего количества любых решений поставленной им задачи, в том числе и

на первый взгляд абсурдных. Руководит работой специальный ведущий, который сам идеи не генерирует, а рекомендует комбинировать различные факты, параметры, подходы, точки зрения на проблему, а также напоминает участникам изначальную задачу, если они в своих фантазиях слишком от нее удаляются. Все предложения фиксируются для последующего изучения на предмет практического применения. Таким образом, этот метод рассчитан на создание многочисленных ранее не высказывавшихся сочетаний различных параметров и идей, в том числе используя появление новых ассоциаций у участников в ходе штурма.

Метод Дельфи заключается в обработке экспертных заключений, опросов, результатов мозговых штурмов группой специалистов, но не коллективно, а индивидуально, часто анонимно. Идея заключается в устранении воздействия на их выводы возможного взаимного или группового влияния, а тем более – столкновений между сторонниками противоположных позиций.

ТРИЗ предполагает применение уже разработанных методик (особенно системного анализа) и баз знаний для нахождения решений поставленных задач, в основном посредством построения модели перехода от «как есть» до «как должно быть». То есть представляет собой шаг на пути, по которому шли Декарт и Лейбниц в создании универсальной логики познания или «всеобщей» математики. Но в фундаментальной науке задачи другие – она нацелена на выяснение максимума того, что возможно в каждый текущий момент, исходя из наличных интеллектуальных, теоретических и материальных ресурсов.

Несмотря на некоторые успехи коллективных форм работы и несомненную их пользу для индивидуальной деятельности каждого ученого, представляется возможным выделить некоторые проблемы в этой сфере:

– проблема прав на интеллектуальную собственность (ПИС). Этот современный термин обозначает давнишнюю историю научного приоритета, в которой уже написано и продолжает добавляться большое количество параграфов и целых глав, касающихся в том числе фундаментальных основ современной науки (чего стоят хотя бы многолетние тяжбы за приоритет И. Ньютона с Р. Гуком и Г.В. Лейбницем). Вместо, казалось бы, очевидного и логичного стремления к сложению индивидуальных потенциалов в реальности развивается тенденция к разобщенности ученых ввиду погони за личным успехом. Многие поколения исследователей предпочитают работать в одиночку и всячески скрывать свои промежуточные результаты, а иногда и тематику работы, с тем чтобы получить приоритет и соответствующее общественное признание, должности и финансовую ренту, закрепляемую авторским правом. Поэтому работа продвигается не просто медленнее, чем могла бы, но часто (и неизвестно, насколько часто) заканчивается ничем в силу различных естественных и субъективных причин;

■ Науковедение

– проблема коммерциализации науки. В пределе ученый, непосредственно поглощенный научной деятельностью, нуждается в средствах к существованию, а во многих случаях и в средствах для своих занятий (проведения экспериментов и т.д.). В этой связи большинство ученых прошлого либо происходило из разного уровня, но все же состоятельных семей, либо было вынуждено с разной степенью успеха обращаться к спонсорам и меценатам, а также отвлекаться от научной деятельности в пользу другой, приносящей доход. В XX в., когда наука во многих странах была включена в состав государственного аппарата в качестве важного элемента укрепления его военных, экономических, политических и других возможностей, финансирование и рекрутование ученых постоянно и существенно росло. Зато теперь именно чиновники все чаще и определяют, чем следует заниматься. Тем более когда «музыку» заказывают финансирующие исследования частные корпорации.

В советский период российской науки, когда оплата труда не находилась в прямой зависимости от результата, а даже самый колossalный успех имел существенное материальное вознаграждение лишь относительно остальных коллег, но незначительное по современным меркам, не говоря уже о невозможности получать отчисления от их реализации, научная жизнь по свидетельствам ее тогдашних участников, тем не менее давала много примеров именно научного, а не меркантильного интереса. Например, по свидетельству академика РАН В.Е. Накорякова, до начала 1980-х гг. в Сибирском отделении АН СССР научные сотрудники ходили на семинары в различные институты: механики – к теплофизикам, теплофизики – в Институт гидродинамики. В связи с чем, в общем, и не требовалось создавать специальные интеграционные проекты. Междисциплинарные творческие контакты и совместные работы завязывались, можно сказать, естественным путем.

Вряд ли должно радовать и описание ситуации у зарубежных коллег, сделанное многими российскими учеными, принимавшими участие в тамошних научных семинарах. Так, член-корреспондент РАН Е. Максимов писал о своем потрясении, испытанном вследствие малочисленности большинства семинаров и отсутствия каких-либо эмоциональных реакций на сообщаемое докладчиком: все вежливо выслушивали, задавали несколько вопросов и лениво аплодировали в конце. При этом если докладчик слегка перебирал отведенное ему время, то это вызывало явное раздражение слушателей. Резкую реакцию участников семинара вызывало вторжение докладчика в святая святых организаторов семинара, то есть в их бизнес. Если вдобавок у докладчика не просто другой взгляд на ту или иную научную проблему, а он еще демонстрирует наличие явных ошибок в трудах данной научной группы, то эмоциональная реакция слушателей бывает весьма сильной. Противников и не согласных с устоявшимися в данном коллективе представлениями о том или ином предмете на доклады там, как правило, не зовут.

Еще несколько десятилетий назад, на заре «информационного общества», А. Тоффлер (в своей «Третьей волне»), говоря о возрастающей специализации, отмечал, что всегда, когда для некой группы специалистов появляется возможность монополизировать знание и не допускать новичков в свою область, они так и делают, создавая особые профессии. И эта особенность «нашей информационной эпохи» прослеживается от древних жрецов – через средневековых мастеров – до современных ноу-хау. Можно лишь констатировать усиление этого феномена в периоды усиления рынка или авторитаризма, когда поделиться информацией означает потерять деньги или власть;

– психологические проблемы исследователей. Они носят довольно разнообразный характер, но в любом случае не способствуют коллективной работе. Оказывается, что часто нежелание делиться идеями (а не готовыми теориями), промежуточными результатами и перипетиями хода работы коренится не только в стремлении сохранить приоритет и заработать, но и в уверенности ученого в собственных силах – важном качестве для любого человека, но опасном при превращении в самоуверенность, – в чувстве его превосходства над коллегами; в обособленности, замкнутости, возникших до или в ходе научной деятельности вследствие обстановки в конкретных коллективах³.

В результате, если совершаются ошибки, то, как минимум, затем приходится терять время на переделывание нечетко сделанной работы. То есть совместная работа, как максимум, в соавторстве с ближайшими соратниками, партнерами по исследованиям, возникающая спонтанно – в силу ранее сложившихся личных отношений, в том числе в схеме «руководитель–подчиненный», требует присутствия основного фактора – доверия. Во-первых, в том, что возможные ошибки и даже глупости не будут восприняты негативно, с насмешкой и упреком⁴, а во-вторых, и это уже характерная черта современности, доверия относительно справедливого раздела заслуг, которые могут последовать за успешным результатом. Нередко поэтому организация совместной работы может восприниматься, прежде всего, как работа «на дядю», а кроме того, ей предшествует выяснение «кто есть кто?».

Однако все больше ученых высказывается о недостаточности логики для производства нового знания, о необходимости мобилизации всех способностей и усилий исследователя, его опыта и таланта, о важности догадок и гипотез, которые в большинстве случаев можно представить как «счастливую догадку» В. Уэвелла⁵. Но ведь опыт, интуиция и догадка – это не «припомнение» Платона, а следствия широкой эрудиции, интеллекта, научного типа внимания, способного создавать все новые системы отсчета и накладывать их на окружающую действительность. Поэтому, хотя построение новых понятий, выдвижение новых гипотез – это не чисто логический процесс, а сотворчество логики и подсознания ученого, в совокупности это подлинно научный, объективный, рациональный процесс (уже хотя бы потому, что происходит в сознании

ученого, даже если догадка появляется неожиданно, вследствие «бессознательной» деятельности его разума).

Гораздо важнее, что, хотя процесс открытий не поддается логическому контролю, такому контролю может и должна быть подвергнута проверка гипотез. То есть исключение из их числа таких, которые не удовлетворяют имеющимся эмпирическим данным, и выведение из гипотез следствий, которые также можно сравнить с фактами. Нерешенность задачи всеобщей формализации вовсе не означает невозможности применения ее к решению конкретных задач (категоризации, построения и проверки теорий и гипотез, прогнозирования и т.п.), в том числе при коллективной работе с использованием логики и связанных с ней методов анализа, синтеза и обобщения.

Очевидной объективной предпосылкой поисков коллективных форм мыслительной работы является ограниченность психических, а следовательно, и информационных, и коммуникационных возможностей любой личности. Среди них: продолжительность жизни, скорость контакта с информацией и ее понимания, объем оперативной и долговременной памяти, степень развития абстрактного и логического мышления, общая эрудиция, теоретическое и практическое владение методами работы с информацией и научного исследования. Все эти ограничения могли бы быть существенно преодолены при непосредственном коллективном осуществлении мышления – отборе фактов, информации, определении содержания понятий, категорий, произведении с ними мыслительных операций.

Процесс мышления длится во времени, описывается словами, которые надо произнести или хотя бы помыслить. Каждому человеку сложно/утомительно в течение продолжительного времени активно развивать его, при этом не отвлекаясь и не ошибаясь. Поэтому работа такого подобия «параллельного процессора» вполне может повысить эффективность мышления. Разные люди могут быть по-разному сильны в скорости и уверенности логических построений, понимания, «схватывания» существа проблемы. Те, кто некоторые операции может сделать быстрее, очевидно, сократят время и силы для остальных участников, которые в свою очередь произведут такой же эффект на других этапах работы.

Кроме того, если с методами научного исследования – основами каждый может познакомиться самостоятельно и даже хорошо их усвоить, то решение каждой практической задачи требует конкретного применения этих подходов. То есть это самостоятельная и сложная задача – использование различных теоретических методов каждый раз в новой реальной ситуации. Знание закономерностей и методов целенаправленного, логически организованного мышления еще не означает владение, пользование всеми ими. Только планомерное и последовательное применение этих знаний, их перевод в практические навыки, особенно в сотрудничестве с более опытными специалистами, может дать ожидаемое повышение эффективности мыслительной работы и качества ее результатов⁶.

Тем более это важно при использовании принципов диалектической логики (объективность и всесторонность изучения предмета; разделение единого на противоположности; восхождение от абстрактного к конкретному; принцип историзма; принцип единства исторического и логического). Одновременное отслеживание хода рассуждений на соответствие всем этим принципам – задача для одного сознания чрезвычайно тяжелая, если не непосильная⁷. В любом случае каждым исследователем она решается последовательно, в связи с чем при обнаружении нарушений приходится отбрасывать всю дальнейшую цепь рассуждений. И так может происходить бесконечно долго, вплоть до прекращения попыток.

Коллективная научная работа предназначена решать следующие задачи:

1. Совместная актуализация приоритетности направлений исследований и постановка проблем⁸. Еще И. Ньютон указывал на важность предварительной стадии исследования, на которой продуктивно применение индукции, цель которой состоит в выдвижении «общих заключений» предположительного характера. Последующий этап исследования состоит из выведения следствий из этих заключений и проверки их на опыте.

2. Совместное практическое одновременное применение в отношении конкретной задачи нескольких различных методик⁹ при совершении каждого логического или творческого действия.

3. Контроль за применением методик, проверка правильности суждений, логичности аналогий, применение методики отсечения неверных шагов или выводов. То есть одновременное – в режиме реального времени осуществление как выполнения логических операций, так и логического контроля за ними.

4. Не только формальная и критическая, но и творческая, эвристическая деятельность, когда участники не только хаотично «штурмуют» проблему, а тем более стараются «подловить» коллег, но сразу же исправляют возможные логические и иные ошибки, усиливают и развиваются идеи и ход мыслей товарищей.

Важно предусмотреть эффективное использование технических возможностей, в частности организацию быстрого доступа к справочным базам данных непосредственно в ходе работы группы, например, с помощью технического специалиста, не только фиксирующего ход работы, но также выводящего на экраны компьютеров расшифровку терминов и теорий, которые в процессе работы упоминаются как значимые, т.е. оказывающего сопровождающую обсуждение справочную помощь.

Если пока преждевременно пытаться проводить аналогии использования такого способа коллективного мышления с работой специалистов-счетчиков, вычислителей новых научных достижений, о которых мечтал крупнейший немецкий философ и математик XVII в. Г.В. Лейбниц, то, возможно, получится подтвердить и в отношении мыслительной работы его следующий пример: «Плохой чертежник при помощи линейки проведет

■ Науковедение

строго прямую линию, но даже самый умелый чертежник не сделает этого без линейки», имея в виду, что при помощи логики можно достигать больших результатов, невзирая на такие различные личные человеческие качества. То есть коллективная форма работы позволяет повысить эффективность не только отдельных выдающихся личностей, но и практически всех стремящихся к тому ученых.

Действующие сегодня традиционные научные и теоретические семинары позволяют использовать результаты реферирования коллег для ориентации в потоке информации¹⁰, наблюдать за ситуацией в смежных отраслях наук, в том числе развитием их методологии, получать экспертные оценки коллег по собственной работе и вновь поступающей информации. Поэтому такие семинары – это важный инструмент научной кооперации, ознакомления с новыми фактами и идеями, повышения квалификации и расширения кругозора ученого или практика. Теоретический семинар с применением коллективной формы мышления видится не только как набор некоторых правил и методик, но как действующий инструмент, как сам процесс их применения на основе принципа взаимодействия. Не уже освоенное расчленение проблемы на несколько составных частей и их распределение для решения разными людьми, а именно параллельное, совместное размышление над одной и той же проблемой, при котором метод, логическая последовательность рассуждений, критика осуществляются не одним, а несколькими исследователями одновременно.

Ключевые слова

Теоретический семинар, научный семинар, коллективная научная деятельность, наука, проблемы теоретической деятельности, метод теоретических логических групп.

Очевидно, что такая форма работы предполагает участие в ней единомышленников. То есть речь идет, во-первых, о научном методе совместного логического и творческого мышления, во-вторых, о практической целенаправленной деятельности по решению конкретных задач определенным способом и, в-третьих, о создании пусть и динамических, но конкретных коллективов теоретиков как инструмента, механизма такой работы.

Несмотря на уверенные заявления о наступлении на нашей планете информационного общества, одной из характеристик которого называют образование широких информационно-коммуникационных связей, коллективно, как можно было бы ожидать, люди пока по-прежнему не мыслят¹¹. Даже редкие tandemы писателей – это все-таки только творчество, а не логические и другие научные операции. Ученым еще только предстоит начать сознательно мыслить коллективно (а там, возможно, и действовать), доверять другому ученому как специалисту и человеку и из «атомов» становиться «сознательной молекулой», тканью, органом и организмом.

Litvak N.V. On the Question of Collective Theoretical Work.

Summary: The article analyzes the modern forms of scientific collaboration - theoretical and scientific seminars. The author accentuates the problem of interaction among scientists and between the scientific community and the society at large, as well as the difficulties of individual and collaborative research and the need for collective theoretical creativity. Possible new forms thereof are suggested.

Keywords

Theoretical seminar, research seminar, collective scientific activity, science, problems of theoretical work, method of theoretical logical groups.

Примечания

1. ФИАН – Физический институт имени П.Н. Лебедева АН СССР.
2. Розов М.А. Знание как объект исследования: Воспоминания о работе новосибирского семинара (1963—1980) // Вопросы философии. 1998. № 1. С.91.
3. Наиболее известный недавний пример – математик Г.Я. Перельман.
4. Участники семинаров Ландау отмечали постоянное прерывание докладчика аудиторией, указание на ошибки, ироническое и острое комментирование, хотя и не к личности выступавшего. Если автор просто запутывался, то ему не давали закончить выступление. Кроме того, постепенно сложился своеобразный язык научного общения, который хорошо понимали все физики-теоретики, близкие Ландау, но к которому надо было по меньшей мере привыкнуть. Некоторым такое «уметь рассказать» давалось легко.
5. W. Whewell. The Philosophy of the Inductive Science. London, 1847, P.41.
6. Описан так называемый «синдром некомпетентности», когда человек теоретически знает, как делается то или иное действие, но не может выполнить его, так как не тренировался в данной области.
7. Например, великий Ньютона, по свидетельству очевидцев, иногда, задумавшись с самого утра, свешивал ноги с кровати и так и оставался сидеть целый день (слугам же было запрещено его тревожить).
8. В том числе само определение такого способа работы – наименование его методом теоретических логических групп или как-то иначе – также могло бы стать одной из задач, которую следовало бы решить с использованием самого этого метода.
9. Фактически всех основных методов научного познания: наблюдение, описание, моделирование, классификация, анализ (умозрительное деление абстрактной модели целостного предмета на составляющие части) и системный анализ (учитывающий одновременно несколько факторов, порождающих как системность свойств целого из свойств его элементов, так и свойств элементов из специфики целого), аналогия, дедукция, индукция (определение сходства, различия, объединенный метод и метод сопутствующих изменений), обобщение (как определение общих свойств, признаков группы объектов), синтез и даже прогнозирование и эксперимент.
10. Общемосковский семинар по теоретической физике В.Л. Гинзбурга в ФИАНе отличался подготовкой кратких сообщений о новой научной литературе, источником которых служили иностранные журналы, которые академик получал по своим каналам, что в доинтернетовское время было единственным способом быстрого доступа к информации.
11. Хотя даже столь несовершенная практика, как комментирование новостей или тем в Интернете, показывает иногда интересные результаты. Стремительно же развивающийся crowdsourcing – выкладывание в сети тем и задач, предлагаемых для решения фрилансерам, – это лишь средство коммуникации с множеством исследователей, но не организация совместного мыслительного процесса.

Кризисные тенденции в сфере сбережений населения в странах с развитой рыночной экономикой и России

А.В. Костомарова

В статье рассматривается динамика нормы сбережений домашних хозяйств и их абсолютной величины в ведущих мировых экономиках в период текущего экономического кризиса, проводится сравнительный анализ с Россией. Автор исследует причины изменения поведения населения в кризисной ситуации, в частности влияние пессимистичных оценок на расходы и сбережения, подчеркивает растущую роль фактора сбережений «на черный день», описывает модель потребительского поведения.

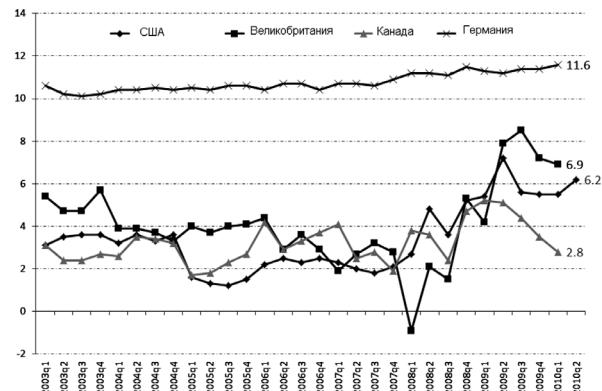
Сбережения домашних хозяйств имеют ряд важнейших экономических функций. Они являются одним из основных внутренних источников финансирования не только долгосрочного экономического роста страны, но и ее совокупного долга. Поэтому в условиях нарастания долговых проблем ведущих мировых экономик изучение динамики сбережений домашних хозяйств становится чрезвычайно актуальным.

Традиционно при исследовании вопроса сбережений домашних хозяйств среди стран с развитой рыночной экономикой отдельно выделяются США, Великобритания и Канада – страны, характеризующиеся низкой нормой сбережений домашних хозяйств, а также Евросоюз и еврозона, где Германия, которую ряд мировых СМИ называет «большим сберегателем» («big saver»), рассматривается отдельно. Согласно докризисным статистическим данным по странам-членам ОЭСР, США и Великобритания являлись странами, где доля конечного потребления населения в ВВП была одной из самых высоких в мире, а значит, сбережения были одними из самых низких.

Так, например, в 2006 г. доля личного конечного потребления в ВВП составила более 70% в США и около 65% в Великобритании. В первую пятерку крупнейших потребителей также вошли Греция,

Турция и Португалия¹. Теперь обратим внимание на посткризисные тенденции в сбережениях домохозяйств в упомянутых странах и регионах мира. Следует отметить, что нормы сбережения, как правило, в среднем росли везде в период кризиса – и в странах-потребителях, и в странах-сберегателях.

Диаграмма 1
Динамика нормы сбережений домашних хозяйств в США, Великобритании, Канаде и Германии в 2003 – 2010 гг.

Источник: Бюро экономического анализа, Национальная статистика онлайн, Национальное статистическое агентство Канады, немецкий Бундесбанк, News N Economics².

Костомарова Анастасия Валерьевна – аспирантка кафедры прикладной экономики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Свежий взгляд

Приведенная ниже табл. 1 также наглядно демонстрирует изменение нормы сбережений населения в периоды до и после кризиса. Следует отметить, что средняя норма сбережений в США увеличилась более чем в 2 раза за период с 2007 по 2010 г. по сравнению с предшествующим периодом с 2005 по 2007 г., до 4,8%. В Великобритании этот показатель также рос, хотя и более скромными темпами – на 36%, с 3,3 до 4,6%. В Германии, где норма сбережений населения традиционно была выше среднего общемирового уровня, показатель также вырос – до 11,3%.

Таблица 1

Нормы сбережений домашних хозяйств в США, Великобритании, Канаде и Германии до и после кризиса, %

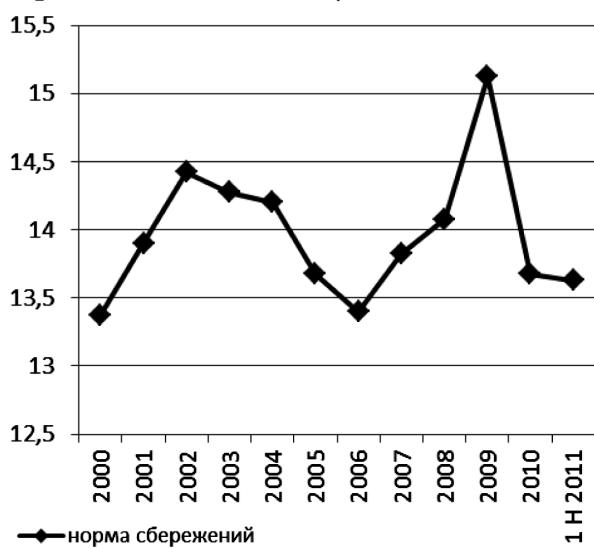
США	Период	Великобритания	Канада	Германия
2,0	2 кв. 2005 – 3 кв. 2007	3,3	3,0	10,6
4,8	4 кв. 2007 – 1 кв. 2010	4,6	3,7	11,3

Источник: Бюро экономического анализа, Национальная статистика онлайн, Национальное статистическое агентство Канады, немецкий Бундесбанк, News N Economics³.

Диаграмма 2 наглядно демонстрирует, как население еврозоны меняло свое сберегательное поведение по мере развития кризиса.

Диаграмма 2

Нормы сбережения домашних хозяйств в еврозоне (17) 2000 г. – I полугодие 2011 г.

Источник: Диаграмма построена автором на основе статистических данных, опубликованных на официальном сайте Евростата⁴.

Так, в разгар экономической нестабильности в 2009 г. норма сбережений населения Европы достигла своего максимального значения – 15,125%, в то время как в предыдущие периоды показатель не превышал отметки 14,5%. Так же стремительно сбережения населения и упали в следующем 2010 г., что, вероятно, произошло по причине роста оптимизма среди европейского населения.

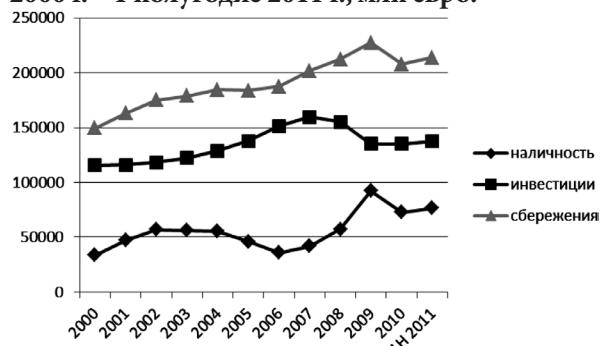
Диаграмма 3, отражающая динамику абсолютных величин совокупных сбережений домохозяйств еврозоны, наиболее наглядно демонстрирует общий повышательный тренд в динамике накоплений. Так, за первые шесть месяцев 2011 г. сбережения насе-

ления еврозоны в абсолютном выражении превысили даже показатель 2008 г., достигнув 213 871,072 млн евро. Кроме того, любопытно отметить, что в структуре совокупных сбережений так называемые «неинвестиционные сбережения»⁵ (наличность на руках у населения) в наиболее сложном 2009 г. выросли на 62% по сравнению с 2008 г. и достигли своего максимального уровня в 92 271 млн евро, в то время как инвестиции сократились примерно на 13%.

Принимая во внимание то, что под инвестициями населения Евростат подразумевает вложения в основные фонды, в основном в недвижимость, можно сделать вывод, что, вероятно, население предпочитало не совершать крупных покупок в тот момент, поскольку будущее развитие экономической ситуации в регионе казалось им неопределенным. Другими словами, рос уровень пессимистических настроений.

Диаграмма 3

Совокупные сбережения домашних хозяйств, инвестиции, наличность в еврозоне, 2000 г. – I полугодие 2011 г., млн евро.

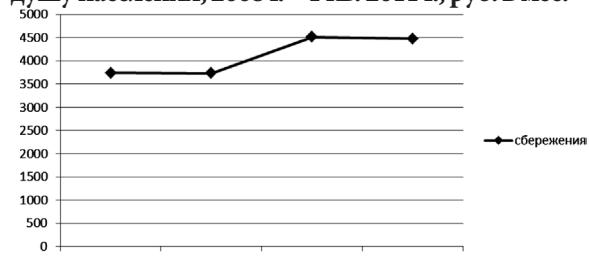
Источник: Диаграмма построена автором на основе статистических данных, опубликованных на официальном сайте Евростата⁶.

Обращаясь к российским реалиям, интересно отметить, что склонность населения к сбережению не претерпела сильных колебаний в период кризиса. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в период с 2008 г. по 1-й кв. 2011 г. показатель (с исключением сезонного фактора) незначительно колебался возле отметки в 15%, что выше, чем в среднем по странам еврозоны⁷.

Если посмотреть на абсолютные величины, то данные Росстата указывают на небольшой рост объема сбережений населения России в период с 2008 г. по 1 кв. 2011 г.

Диаграмма 4

Динамика сбережений населения России на душу населения, 2008 г. – 1 кв. 2011 г., руб. в мес.

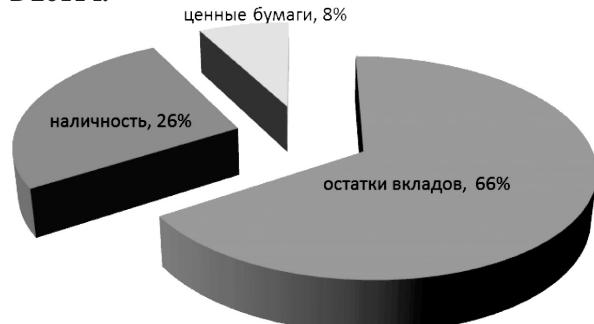

Источник: Диаграмма построена автором на основе статистических данных, опубликованных на официальном сайте Росстата⁸.

Данные исследовательской группы «Циркон» также подтверждают рост сбережений населения России в период кризиса. Так, согласно исследованию группы, объем накоплений населения России в основном рос в период с 2009 г. – начало 2011 г., ускоряясь темпами до 7% в месяц. При этом наблюдалось лишь несколько «провалов» в феврале каждого года. В 2009 г. снижение составило 8%, в 2010 г. – 2% и наконец в феврале 2011 г. – 3%⁹.

При этом структура сбережений населения России весьма специфична: российские домохозяйства традиционно предпочитают хранить свои накопления преимущественно на банковских вкладах, в основном кратко- и среднесрочных, и в наличной форме. Доля ценных бумаг в совокупном портфеле россиян остается незначительной – на уровне 7–10% в 2010 – 2011 гг.¹⁰.

Диаграмма 5
Структура сбережений населения России в 2011 г.

Источник: Диаграмма построена автором на основе статистических данных, опубликованных на официальном сайте Росстата¹¹.

При этом если ранее наблюдалось постепенное снижение наличности на руках и рост объема вкладов в банках, то с недавнего момента начала проявляться неблагоприятная с макроэкономической точки зрения тенденция. Темпы роста депозитов стали сокращаться, что при совокупном росте сбережений означает рост объема наличности «под подушкой» или увеличение издержек упущенных инвестиционных возможностей.

Каковы же причины роста сбережений населения на фоне ухудшения общемировой экономической конъюнктуры?

Учитывая значимость субъективного психологического фактора при принятии экономических решений индивидами, автор статьи предполагает, что одной из основных причин роста сбережений населения является его ожидания, что текущая рецессия будет носить долгосрочный характер. Это, очевидно, ведет к тому, что население пересматривает модель личного потребительского поведения, в которой растущее значение приобретает «сбережения на черный день».

Действительно, согласно данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), одним из главных мотивов пусть и не значительного, но роста сбережений стал страх перед неопределенным будущим. В период кризиса, в течение последних 3 лет, стал встречаться чаще нецелевой

мотив сбережений, или сбережения «на всякий случай, про запас»: 29% в 2011 г. против 23% в 2008 г. При этом копить средства на определенные цели, скажем на покупку мебели или бытовой техники, россияне стали реже¹². Эта кризисная тенденция является ярким свидетельством того, что неуверенность населения России в завтрашнем дне неуклонно растет.

Возвращаясь к зарубежным реалиям, важно отметить так называемый «эффект богатства» («wealth effect»)¹³, который описывает журнал «Глобальные финансы». Этот эффект заключается в том, что домашние хозяйства начинают также корректировать модель личного потребительского поведения в зависимости от колебаний величины «кажущегося богатства» («perceived wealth»). Само понятие «кажущееся богатство» получило такое название в связи с тем, что основным фактором его роста является не увеличение реального объема активов домашнего хозяйства, но увеличение его стоимости, которое, в свою очередь, вызвано конъюнктурными колебаниями на рынке. А в современных условиях активного развития рынка кредитования, недвижимости, а также фондового рынка индивидуальное восприятие величины личного богатства значительного усложнилось.

Например, в США до начала финансового кризиса «кажущееся богатство» домохозяйств росло из-за завышенных цен на рынке недвижимости, а также стремительного роста фондового рынка. Все это укрепляло ощущение населения, что оно богато, и соответственно ослабляло в их сознании значимость сбережений. Так, анализ причин резкого падения нормы сбережения американского населения в 1990-х гг. показал, что это было практически полностью продиктовано динамикой фондового рынка США¹⁴. В период с 1991 г. (начала экономического роста) и по 2001 г. (год его окончания) индекс Standard and Poor's 500, рассчитываемый для 500 американских компаний, вырос на 217%, индекс Dow Jones – на 247%, а NASDAQ – на 313%.

За этот же период норма сбережений в США упала с 6,25% до примерно 2,5%. Далее, в 2001 г., когда на фондовом рынке США началось снижение, рост цен на жилье, наметившийся уже в конце 1997 г., очевидно, стал причиной того, что норма сбережений продолжила падать. Таким образом, продолжающийся кризис выявил, что предшествующий рост богатства домашних хозяйств носил по большому счету спекулятивный характер. Вследствие того, что рецессия ударила по стоимости недвижимости и 401(k)s¹⁵ – основного источника богатства для многих семей – домашние хозяйства стали осознавать шаткость и нестабильность своего финансового положения. Это привело к почти повсеместному росту нормы сбережений населения, что, по сути, стало примером реализации «эффекта богатства».

Мнения экономистов по поводу того, что же будет в дальнейшем происходить со сбережениями и потреблением населения в мире, разделились. Одни полагают, что рецессия изменила саму

■ Свежий взгляд

структуру потребления и сбережения и новая ее модификация будет сохраняться на протяжении еще многих лет. По мнению других экспертов, рост занятости, очередное смягчение кредитных требований и восстановление рынка недвижимости, вероятно, приведут к возобновлению потребительского тренда¹⁶.

Автор статьи, в свою очередь, предполагает, что, вероятно, сама модель потребления населения по всему миру действительно видоизменяется в настоящее время. При этом в новой модели значение фактора предосторожности, «сбережений на черный день» неуклонно растет. Это, в первую очередь, свидетельствует о том, что в целом население ожидает затяжную рецессию. Почти повсеместный рост абсолютной величины сбережений, иногда

происходящий на фоне сокращения реального располагаемого дохода, является одним из весомых подтверждений авторской гипотезы.

Kostomarova A. Crisis Tendencies in Household Savings in the Countries with Developed Market Economy and Russia.

Summary: The article looks at the dynamics of household saving rates and savings in terms of numbers in some of the leading world economies during the current economic crisis, makes comparative analysis with Russia. The author examines the reasons for changes in peoples' behavior during crisis, including the influence of pessimistic opinion regarding expenses and savings, underlines a growing role of savings «for a rainy day», describes the model of consumption behavior.

Ключевые слова

Сбережения населения, развитая рыночная экономика, Россия, кризисные тенденции, сбережения «на черный день», ожидания, модель потребительского поведения.

Keywords

Household savings, developed market economy, Russia, crisis tendencies, savings for «a rainy day», expectations, a model of consumption behavior.

Примечания

1. Аналитический Интернет – портал мировых экономических и финансовых условий <http://www.newsneconomics.com/2009/07/big-spenders.html>
2. <http://www.angrybearblog.com/2010/08/household-saving-rates-in-us-uk-and.html>
3. Там же.
4. Официальный сайт Евростата <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=STAT/11/157&type=HTML>
5. Автор предполагает, что сбережения, не потраченные европейскими домохозяйствами на инвестиции, есть не что иное, как сбережения в наличной форме.
6. Официальный сайт Евростата <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=STAT/11/157&type=HTML>
7. Информационно-аналитический комплекс «Бюджетная система РФ» http://www.budgetrf.ru/Publications/mert_new/2011/MERT_NEW201104271023/MERT_NEW201104271023_p_004.htm
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rostatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1140096812812
9. Официальный сайт исследовательской группы «Циркон» <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/1/MFAN-2011.pdf>
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uров/doc3-1-2.htm
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uров/doc3-1-2.htm
12. Официальный сайт Национального агентства финансовых исследований <http://nacfin.ru/novosti-i-analitika/press/press-single/10508.html>
13. Официальный сайт журнала «Глобальные Финансы» («Global Finance») <http://www.gfmag.com/tools/global-database/economic-data/10396-household-saving-rates.html#axzz1eY4jYLyG>
14. Маки, Д. и М. Палумбо. 2001. "Сложные эффект богатства: Когорта Анализ сбережений домохозяйств в 1990 году. Рабочий документ, 2001-21. Washington, DC: Совет управляющих Федеральной резервной системой США. Маки, Д. и М. Палумбо. 2001. "Сложный эффект богатства: Когорта Анализ сбережений домохозяйств в 1990 году. Рабочий документ, 2001-21. Washington, DC: Совет управляющих Федеральной резервной системой США.
15. 401(k)s - наиболее популярный пенсионный план (накопительный пенсионный счёт) частной пенсионной системы в США.
16. Официальный сайт журнала «Глобальные Финансы» («Global Finance»). <http://www.gfmag.com/tools/global-database/economic-data/10396-household-saving-rates.html#axzz1eY4jYLyG>

Потенциальный вклад Болонского процесса в повышение международно- политической привлекательности России

М.А. Чепурина

Категория «государственное влияние» получает сегодня все более широкую и многовекторную трактовку, которая выходит за рамки исключительно военного могущества или экономической силы. Традиционные категории влияния шаг за шагом уступают позиции более тонким формам воздействия – народной дипломатии, международному имиджу нации, созданию и поддержанию которых в немалой степени способствует интернациональное предложение образовательных услуг. Экономика знаний постепенно становится фактором глобального влияния, «силы» для ряда государств. В 2013 г. исполнится десять лет с момента вступления России в Болонский процесс, запущенный в июне 1999 г. министрами образования 29 европейских стран. В статье анализируется потенциальный международно-политический вклад Болонского процесса в развитие российских инструментов мягкой власти, таких, как народная дипломатия, неполитизированное продвижение пространства русского языка и укрепление диалога Россия–ЕС посредством интенсификации его культурно-образовательной составляющей.

Статье «Российская дипломатия в меняющемся мире» министр иностранных дел С.В.Лавров отмечал, что современная дипломатия больше не ограничивается «кабинетной политикой» вокруг территориального передела мира или рынков сбыта. В ее задачи входит решение широкого спектра вопросов национальной жизни – «от обеспечения безопасности в ее «глобальном» прочтении до вопросов эффективного и устойчивого социально-экономического развития и защиты окружающей среды»¹.

Болонский процесс, чья проблематика выходит за рамки высшего образования, является одним из примеров меняющихся приоритетов. Процессы глобализации, революция в сфере коммуникаций привели к тому, что роль информации,

знаний и соответственно образования радикально возросла. Экономика знаний постепенно стала фактором глобального влияния, «силы» для ряда государств. «Главная надежда России – это высокий уровень образования населения, и прежде всего молодежи. [...] Мы вступаем в новую социальную реальность. Образовательная революция кардинально меняет сам облик российского общества и российской экономики», – отмечал в своей предвыборной программе В.В. Путин².

Беспрецедентное усиление взаимозависимости всей системы международных отношений вовлекает страны в мало изученные и в чем-то, возможно, неосознанные процессы. Категория «государственное влияние» получает более широкую и многовекторную трактовку. По мнению

Чепурина Мария Александровна – аспирант российско-французской аспирантуры по мировой политике МГИМО(У) МИД России–ИНАЛЬКО, Франция. E-mail: maria.chepurina@gmail.com

■ Свежий взгляд

Дж. Ная, одного из авторитетных специалистов в данной сфере, сегодня власть в мире осуществляется в трехмерном измерении, включающем векторы военного могущества, экономической силы и транснациональных отношений, выходящих за рамки прямого государственного регулирования³.

Чтобы считаться сильным и успешным, государству необходимо работать на всех трех треках, в результате чего традиционные категории государственной власти шаг за шагом уступают позиции более тонким формам воздействия – народной дипломатии, международному имиджу нации, созданию и поддержанию которых не в последней степени способствует предложение образовательных услуг, в особенности высшее образование⁴.

Сегодня актуально и высказывание французского мыслителя XIX в. Ж. Ренана, который утверждал, что в мире есть «народы и государства двух порядков: у одних есть учёные, у других нет. Эти последние находятся в упадке, как в политическом, так и в интеллектуальном»⁵. Образование, в особенности высшее, сегодня играет все большую роль в определении векторов международно-политического развития⁶.

Осознание возможностей и вызовов, порождаемых новыми международными реалиями, в значительной степени подтолкнуло к созданию Болонской системы, инициированной и развивающейся как определенный политический выбор «большой» Европы⁷.

Цели России при вступлении в Болонский процесс в 2003 г. совпадали с целями Болонского проекта. В пресс-релизе по окончании конференции министров образования европейских стран в Берлине в 2003 г., на которой Россия стала официальным членом Болонского процесса, председатель Комитета Госдумы по образованию и науке А. В. Шишлов заявил, что данный акт не только будет способствовать упрощению технических процедур взаимного признания российских и европейских дипломов, но и станет фактором, способствующим развитию экспорта российского образования. По его мнению, «этот шаг придаст мощный импульс российской высшей школе и будет способствовать повышению качества образования в нашей стране и его конкурентоспособности в мире»⁸.

В чем же состоит международно-политический потенциал Болонского процесса для России и каковы возможности его практического применения в интересах страны?

Болонский процесс: политический выбор «большой» Европы

В 2013 г. исполнится десять лет с момента вступления России в Болонский процесс, запущенный в июне 1999 г. министрами образования 29 европейских стран. В марте 2010 г. процесс был преобразован, как и предусматривалось в Болонской декларации, в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО), объединившее 47 государств и ставшее (после присоединения России, государств Закавказья, Турции и Казахстана) поистине «панъевропейским».

Долгосрочная цель процесса – формирование «привлекательного и конкурентоспособного на международном уровне Европейского пространства высшего образования» с целью повышения эффективности национальных образовательных систем, усиления их взаимосвязи с непосредственными нуждами общества и увеличения вклада высшего образования в экономическое и инновационное развитие, при этом полностью уважая культурное и лингвистическое разнообразие стран-членов⁹.

Очевидно, что ни решение, ни механизмы, обеспечивающие функционирование и развитие Болонской системы, не были приняты в один день. Так, программа Эразмус (Erasmus), в рамках которой развивается транснациональная кооперация высших учебных заведений в Европе, а также финансируются студенческие обмены, была запущена Европейской комиссией еще в 1987 г.¹⁰. Аналогично необходимость укреплять связи между высшими учебными заведениями как Европы, так и всего мира, способствуя духовному единству Европы и свободному передвижению учителей и студентов, была озвучена уже в Великой Хартии университетов, Magna Charta Universitarum, принятой в 1988 г. на праздновании 900-летия старейшего в Европе Болонского университета.

В Хартии подчеркивалось, что инициатива по ее принятию была запущена не «властями свыше», а она была разработана университетами как часть получившего широкую поддержку долгого процесса, опиравшегося, с одной стороны, на фундаментальные ценности европейских университетских традиций, с другой стороны, укреплявшего связи между высшими учебными заведениями во всем мире¹¹.

Вместе с тем именно принятие на высшем, правительственном, уровне Болонской декларации стало ключевым фактором в развитии процессов гармонизации национальных образовательных систем на всем панъевропейском пространстве.

Страны-участницы, учитывая постоянно возрастающую роль образования в политическом, экономическом и духовном формировании «просвещенной Европы», в развитии и укреплении «устойчивых, мирных и демократичных обществ», а также в повышении привлекательности европейской культуры на мировом уровне, в ходе проходящих раз в два года Министерских конференций, ставят перед собой общие цели по консолидации ЕПВО. Очередная Министерская конференция, недавно состоявшаяся в Бухаресте, акцентировала деятельность на трех направлениях – «качественном высшем образовании для всех», «возможности трудоустройства выпускников в пределах всего пространства» и «мобильности»¹².

При более детальном рассмотрении все они представляют собой основные элементы Болонской системы, заложенные еще в Декларации 1999 г., за исключением последнего пункта, который был сформулирован впоследствии, и предусматривали¹³:

- принятие системы понятных и сопоставимых степеней посредством введения трехступенчатой системы подготовки (бакалавр–магистр–доктор);
- внедрение европейской системы зачетных единиц, представляющих собой единую систему учета процесса обучения во всех государствах;
- создание системы независимого контроля качества;
- развитие индивидуальных образовательных траекторий, в том числе и через принцип «образования в течение всей жизни»;
- содействие крупномасштабной студенческой, преподавательской и исследовательской мобильности;
- поддержка социального измерения высшего образования за счет включения в процесс наименее обеспеченных групп населения.

Эти цели весьма актуальны и для России, имеющей 300-летнюю историю образования мирового уровня и правомерно считающей высшее образование одной из своих конкурентоспособных отраслей с пока слабо реализованным потенциалом.

Международно-политический потенциал Болонского процесса

Развитие Болонского процесса, внесение вопросов образования в повестку дня встреч на высшем политическом уровне свидетельствуют о том, что образование «становится политикообразующим фактором современного мира, определяя его облик и направления политического и социально-экономического развития»¹⁴.

Инструмент народной дипломатии

В одном из интервью председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу с гордостью назвал участников программ студенческих обменов, финансируемых ЕС, «лучшими послами Европейского союза»¹⁵. Болонский процесс – площадка, открывающая возможность и облегчающая студентам, исследователям и преподавателям стран-участниц использовать возрастающую международную мобильность как для развития личного потенциала, так и для продвижения имиджа своей страны и ее образовательного пространства за рубежом.

Влияние государства и привлекательность его имиджа все сложнее измерить конкретными статистическими показателями. В данном контексте Дж. Най приводит наглядный пример: как и в случае любви, говоря о которой довольно сложно утверждать, что определенный предмет любим в 3,2 раза больше, чем другой, перцепция влияния государства является в первую очередь процессом «интеллектуально-эмоциональным»¹⁶.

Тем не менее сейчас широко признается: «твёрдые» категории власти, такие, как вооруженные силы, территориальные и природные ресурсы, постепенно уступают позиции «мягкой» власти, а именно – конкурентной экономике, народной дипломатии, моральному авторитету и привлекательности, а также качеству человеческого потенциала¹⁷.

Это приводит к ситуации глобальной конкуренции не только за умы и деньги студентов, но и за их «сердца», за возможность создавать долгосрочные связи на уровне сообществ, формируя систему ценностей и определенное мировоззрение у «иностранных гостей»¹⁸. В 2001 г. госсекретарь К. Паулл отмечал, что «не видит более ценного ресурса для США, чем дружба будущих мировых лидеров, прошедших здесь обучение»¹⁹.

Не менее интересен пример американского мягкого воздействия на советскую элиту, приводимый в статье Ная, посвященной «мягкой» власти и высшему образованию («Soft power and Higher Education»). По его мнению, на А.Н Яковleva, члена и секретаря ЦК КПСС (1986—1990), члена Политбюро ЦК КПСС (1987—1990), одного из основных идеологов перестройки²⁰, в значительной степени повлияли годы обучения в Колумбийском университете США (1958–1959), дружба с профессором Дэвидом Труманом, а также последующая работа в Канаде²¹. Сегодня в качестве одного из примеров приводится российский оппозиционер А.А. Навальный, который в 2010 г. был приглашен принять участие в престижной программе молодых лидеров, организуемой американским Йельским университетом²².

Подобные программы содержат серьезный потенциал формирования ценностных ориентиров у их участников, которые по возвращении на родину применяют их на практике, а также повышают уровень поддержки политики принимающего государства²³.

Москва традиционно делает значительно больший упор на элементы твердой силы, такие, как вооруженные силы, природные ресурсы и военно-политические альянсы. Сложный период постсоветского развития не позволил России 1990-х гг. сформировать и реализовать полноценную программу поддержания позитивного имиджа страны на международной арене. Необходимость пересмотра данного подхода для максимизации преимуществ, создаваемых глобализацией и усилившейся открытостью мира, начинает осознаваться сегодня. Болонский процесс может стать для России средством эффективного повышения своей привлекательности и глобальной конкурентоспособности, содействуя при этом и развитию российского человеческого потенциала.

Студенческие и академические обмены потенциально являются эффективными инструментами народной дипломатии. Проводя относительно длительный период времени в другой стране (в рамках академической мобильности учитываются сроки пребывания не менее одного учебного года), иностранные студенты смогут лучше узнать и понять ее ценности, людей, сформировать собственное мнение о ней в противовес негативному подчас освещению реалий России и ее политики в зарубежной прессе. Более того, знание языка и культуры облегчает понимание, а процесс совместного обучения генерирует контакты и связи, остающиеся впоследствии.

■ Свежий взгляд

В результате создаются сети контактов (networks), развиваются навыки интернациональной коммуникации и адаптации. К примеру, «диссертация – это не разовое научное усилие, это процесс, подразумевающий в том числе и адаптацию, и коммуникацию внутри профессионального сообщества», в результате чего у аспиранта-ученого вырабатываются навыки работы в международной среде и устанавливаются связи в транснациональном академическом сообществе²⁴.

Народная дипломатия, нацеленная на «открытый диалог, сопоставление позиций, создание благоприятного климата для развития международного взаимообмена»²⁵, обладает значительным потенциалом в современных условиях транснационализации мировой политики. Именно поэтому руководство КНР, энергично работая над формированием своего имиджа, активно включилось в последние годы в программы академической мобильности и привлечения талантливых специалистов на родину. Уже сегодня китайские специалисты, проходившие учебу за рубежом еще в 1980-х гг., вносят вклад в укрепление позиций страны. По данным Чэн Ли из Института Брукингса, США, 61 представитель высшей политической элиты КНР имеет существенный опыт работы или учебы за рубежом (более одного года). В процентном соотношении данный показатель невысок (5–6%), однако он заметно возрастает, если при анализе учитываются члены Китайской академии наук, главы партийных школ и НИИ. Для сравнения: по данным агентства «РейтОР», из 1278 высших российских чиновников лишь трое имели в 2010 г. степень западного вуза²⁶.

Не стоит также забывать, что данный инструмент уже задействовался Россией ранее. Еще до революции Россия использовала политическую составляющую высшего образования, предоставляя свои образовательные услуги политическим элитам как разных частей империи (особенно элите Северного Кавказа), так и другим славянским государствам. Так, в 1865 г. на заседании Совета при министре народного образования было признано целесообразным начать обучение иностранных граждан в учебных заведениях России. Вскоре в Петербургский, Московский, Новороссийский университеты и в ряд других гражданских и духовных образовательных учреждений прибыли на учебу студенты из Болгарии, Албании, Боснии, Герцеговины, Сербии и других государств. Им императором Александром II предоставлялись специальные государственные стипендии²⁷.

СССР также стремился укреплять свои позиции в мире, в том числе и посредством подготовки политических элит бывших советских республик, а также дружественных стран Африки, Азии и Латинской Америки. По данным Министерства образования, накануне распада СССР в его вузах обучалось 126,5 тыс. иностранцев. Это составляло 10,8% общемировой числен-

ности иностранных студентов и позволило советским вузам занять по их численности третье место в мире после американских и французских вузов (в США в 1990 г., по данным ЮНЕСКО, обучалось 407,5 тыс. иностранных студентов, во Франции – 136 тыс.)²⁸.

После распада СССР доля России на международном рынке образовательных услуг значительно сократилась. На сегодняшний день, по последним данным ЮНЕСКО (2011 г.), Россия принимает 136,791 тыс. иностранных студентов, занимая 1,9% мирового рынка предоставления образовательных услуг. Практически весь нынешний иностранный студенческий контингент составляют граждане стран Центральной и Восточной Европы (41,2 тыс.), де-факто из государств постсоветского пространства, а также Центральной Азии (60,7 тыс.). На 2011 г. доля студентов из ЕС и США составляла менее 1% (1,3 тыс.). Не лучше обстоит положение дел и в плане участия российских студентов в обменных программах. Россия стоит на десятом месте, ежегодно посыпая всего 42,9 тыс. человек. И это при том, что за последние тридцать лет уровень студенческой мобильности в мире увеличился в 2,5 раза²⁹.

Позитивным является то, что потенциал международных образовательных программ начинает широко осознаваться в России. Разработанная в 2011 г. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на 2011–2020 гг. следующим образом формулирует интересы России в сфере интернационализации услуг высшего образования³⁰: образование является одним из важнейших конкурентных преимуществ России. Вместе с тем на фоне высокого уровня образованности населения и постоянно растущего внутреннего рынка образовательных услуг доля России в международном рынке образовательных услуг практически не растет. Это не только упущененная экономическая выгода, но и упускаемые политические возможности влияния России на международной арене через распространение российских достижений в области науки и технологий, русского языка и российской культуры, через подготовку кадров профессиональной и политических элит для других стран мира.

Механизмы, предусмотренные Болонской системой, могут способствовать продвижению на данном направлении. Однако остается открытым вопрос: в какой степени Болонский потенциал будет задействован на практике?

Неполитизированное продвижение пространства русского языка

Механизмы ЕПВО, в особенности в отношении бывших союзных республик, имеющих совместно с Россией общее пространство русского языка, могут быть эффективно использованы как для сохранения российской культурной идентичности в этих странах, так и для преодоления демографического провала, с которым

российские вузы столкнулись в последнее десятилетие. Как отмечает академик А.В. Торкунов, российским вузам не приходится ждать экстенсивного роста спроса на их услуги. В ближайшие годы перед ними встанет реальная задача бороться за потенциальных и в особенности талантливых студентов, «перераспределяя спрос в свою пользу»³¹. С учетом тенденций глобализации образовательных услуг, обозначенных в первой части, бороться придется не только с другими российскими вузами. Плюсы данной ситуации в том, что и спрос со стороны студентов, при правильном проведении университетской и государственной политики, будет также интернациональным. Более того, стабильные партнерские связи с зарубежными вузами, международная академическая и научная коопeração становятся все более важным фактором влияния, конкурентным преимуществом, визитной карточкой страны.

Сфера полномасштабного диалога Россия–ЕС

ЕПВО является ключом к расширению диалога России с ЕС. Как отмечает профессор МГИМО Г.И. Гладков, для России, исторически и культурно относящей себя к Европе, было бы ошибочно оказаться в стороне от процесса формирования новой системы высшего европейского образования, упустить возможность «войти в общеевропейские институты через парадную дверь»³².

На саммите Россия–ЕС в мае 2005 г. были утверждены четыре «дорожные карты» по мерам сотрудничества в области экономики и торговли; свободы, безопасности и правосудия; внешней политики и безопасности; науки, образования и культуры. В принятой «дорожной карте» по общему пространству науки и образования, вопросам гуманитарного образовательного сотрудничества, в первую очередь в рамках Болонского процесса, удалено особое внимание. МИД России по этому вопросу подчеркивает, что данная договоренность должна «способствовать развитию контактов между людьми, продвижению общих ценностей и внести вклад в повышение конкурентоспособности экономик России и ЕС»³³.

Из четырех общих пространств именно пространство образования, науки и культуры является той сферой, где у России и ЕС имеется меньше всего принципиальных стратегических разногласий, препятствующих сотрудничеству³⁴.

Более того, являясь многовекторным и многоуровневым процессом, ЕПВО представляет собой форму более широкого общественного диалога, который развивается как на уровне

непосредственного диалога Россия–ЕС, так и между Россией и отдельными правительствами, университетским, гражданским и бизнес-сообществами.

Если высшее образование действительно рассматривать как политикообразующий фактор, углубление процесса такого сотрудничества должно повлечь за собой через определенное время расширение сотрудничества и в других сферах.

Заключение: почему пока только потенциальный вклад?

В России нет авторитетных политиков, выступающих за ухудшение отношений между Россией и ЕС. Но, как отмечает М.Л. Энтин, если «все за улучшение отношений, надо действовать»³⁵. Необходимы постепенные, продуманные и конкретные шаги, направленные на сближение. Совместные образовательные программы, двойные дипломы, академические обмены – как раз из тех шагов, которые позволят России не следовать за развитием событий, а самой формировать, совместно с партнерами, правила игры.

Более того, такое партнерство будет носить долгосрочный и искренний характер. Искренний именно потому, что «вытекает из рационального и дальновидного собственного интереса»³⁶. С этой точки зрения присоединение России к Болонскому процессу, несмотря на настороженность и критику со стороны ряда академических деятелей и публицистов³⁷, было стратегически верным. Сегодня эта стратегия требует заземления, конкретной программы действия.

Chepurina M Potential Contribution of the Bologna Process to Strengthening Russian International Political Attractiveness.

Summary: The category of “state power” is becoming increasingly complex and multi-faceted today, no longer being solely based on military or economic strength. Traditional categories of power gradually give place to more subtle forms of influence among which public diplomacy and attractive international image of a nation, which can be created and sustained, among others, via international higher education cooperation promotion. Nowadays, knowledge economy is becoming a tool of international influence for a number of states. In 2013 Russia will be celebrating ten years since it joined the Bologna Process, launched in June 1999 by the Ministers of Education of 29 European countries. The article analyses the potential international political contribution of the Bologna system to the development of Russian soft power tools, such as public diplomacy, Russian language promotion and strengthening the EU-Russia cooperation through the intensification of its cultural and educational component.

Ключевые слова

Высшее образование, международные отношения, мировая политика, «мягкая» сила, Болонский процесс, Россия.

Keywords

Higher education, international relations, world politics, soft power, Bologna process, Russia.

■ Свежий взгляд

Примечания

1. Лавров С.В. Российская дипломатия в меняющемся мире//Федеральный справочник. Том 23. Апрель 2010 г. URL : http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/120AA79468FE6685C325771500288220
2. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить//Известия. 16.01.2012
3. Нье J. The Future of Power. NewYork: Public Affairs. 2011. С.XV.
4. Так, на сайте Минобр Науки России цитируется впечатляющий пример города-государства Сингапур, превратившийся в крупный международный образовательный центр, активно использующий различные современные, в том числе дистанционные формы обучения. Активно рекламирует за рубежом образовательные услуги своего единственного университета даже Мальта, предлагая иностранным студентам и школьникам (в том числе российским) обучение на разнообразных языковых курсах. URL : <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1300/>
5. Ренан Ж. Будущее науки. Цит. по: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Фонд Новое тысячелетие, 1994.
6. Лебедева М.М. Введение / М.М. Лебедева // Болонский процесс: проблемы и перспективы. М.: Оргсервис, 2006. С. 6-10.
7. С 2010 г. членами Болонского процесса являются 47 государств: Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Ватикан, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Казахстан, Кипр, Латвия, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдавия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Черногория, Швейцария, Швеция, Эстония. «Белым пятном» на европейском векторе пока остается Белоруссия, запрос на членство которой был отклонен в 2012 году.
8. Россия вступила в Болонский процесс, пресс-служба Комитета ГД по образованию и науке, 20.09.2003. URL: <http://www.shishlov.ru/education/bologna/index.phtml?id=279>
9. Декларация о Европейском пространстве высшего образования, Будапешт–Вена, 12 марта 2010 г. URL: http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010_Budapesht.pdf
10. Европейская комиссия, агентство по образованию и культуре. URL: http://eacea.ec.europa.eu/lip/erasmus/erasmus_en.php
11. Роверси Ф. Установление Великой Хартии Вольностей// Обсерватория Фундаментального Университета Ценностей. 24.10.2003. URL: http://www.magna-charta.org/library/userfiles/file/mc_russian.pdf
12. Making the most of our potential : Consolidating the European Higher Education Area// Bucharest Communiqué of 27 April 2012. URL: <http://www.ehea.info/Uploads/%281%29/Bucharest%20Communiqué%202012%281%29.pdf>
13. The Bologna Declaration of 19 June 1999. URL: http://www.bologna-bergen2005.no/Docs/00-Main_doc/990719BOLOGNA_DECLARATION.PDF
14. Лебедева М.М. Европейская интеграция в области высшего образования: потенциал сотрудничества университетов России и Латвии// Журнал «Рэлга». 2005. №9.
15. Самойлов В. Лучшие послы ЕС: студенты, а не дипломаты//Вся Европа, 2007. URL : <http://www.alleuropa.ru/luchshie-posli-es>
16. Нье J. The Future of Power. New York: Public Affairs: 2011.
17. Нье J. Soft Power : the Means to Success in World Politics. New York. Public Affairs: 2004.
18. Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства//Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 157-161.
19. Цит. по: J. Nye. Soft Power and Higher Education. 2006. URL : <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffp0502s.pdf>
20. Яковлев А.Н. Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет // Независимая газета, 2 декабря 2003. URL : http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html
21. J. Nye. Soft Power and Higher Education. 2006. URL : <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffp0502s.pdf>
22. Yale World Fellows Program 2010. URL: <http://www.yale.edu/worldfellows/fellows/navalny.html>
23. Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства//Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 158.
24. Касаткин П.И., Харкевич М.В. Модернизация послевузовских образовательных программ в МГИМО (промежуточные результаты)// Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 305-311.
25. Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: источники становления и перспективы развития. М.: Россспэн. 2003. С. 144
26. Шапошников В. Поездка к альма-матери// Коммерсантъ. 31 окт. 2011. URL : <http://kommersant.ru/doc/1802472/print>
27. Экспорт образовательных услуг в системе высшего образования Российской Федерации. Министерство образования РФ. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1300/>
28. Там же.
29. Всемирный доклад по образованию 2011г. Сравнение мировой статистики в области образования// Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО. URL : http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/global_education_digest_2011_en.pdf
30. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на 2011-2020 гг . URL : <http://www.russia.edu.ru/news/discus/concept/3783/>
31. Торкунов А. В. Задачи и вызовы университетской политики// Международные процессы. 2011. № 1(25).
32. Гладков Г.И. Болонский процесс в России: «дорожная карта»//Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе/под общ. ред. К. Пурсиайнена и С.А. Медведева. М.: РЕЦЭП, 2005. С. 68.
33. «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты, утвержденная на саммите Россия–ЕС, Москва, 10 мая 2005 года. URL: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/845422B0A48CC826C325700A00360421
34. Костюева-Жан Т. Россия в Болонском процессе: оценки четырехлетнего опыта и перспективы, 2007 г. URL: <http://www.iori.hse.ru/es/materials/T.Kastueva-Jean.pdf>
35. Позитивный пример сотрудничества между Россией и ЕС в сфере образования //Вся Европа. 2009. №3(31).
36. Бжезинский 36. Понять последствия: стратегическое предвидение отношений России и Запада// Интервью Российской Газете , 29.03.2012. URL : <http://www.rg.ru/2012/03/28/bjezinskiy-poln.html>
37. См., например, Кара-Мурза С.Г. Угасание разума: Болонская система//Наша власть: дела и лица. 2007. № 9(77). URL : http://nashavlast.ru/article_description/1/11.html; Садовничий В.А. Оболонят ли Россию? 9 сентября 2003 г. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=393561>

Концептуализация и операционализация понятия «государственность»

А.А. Токарев

В статье рассматриваются основные подходы современных исследователей к определению понятий государственной статусности и состоятельности. Представлен краткий обзор концептов «государств с прилагательными». Предложена авторская система индикаторов эмпирической операционализации государственности.

В современном мире насчитывается 194 территориальных политии, обладающих особым статусом, подчеркивающим их формальное равенство, и поддерживающих референтную «сетку» взаимных признаний – государства–члены ООН. Кроме того, существует несколько десятков «государств с прилагательными», которые знаменуют собой проекты государственного строительства разной степени завершения и успеха.

Понятие «государство» используют зачастую для обозначения самых разных феноменов как в пространственном отношении (Россия и Сан-Марино, Бельгия и КНДР, Греция и Восточный Тимор), так и в темпоральном плане (Япония XXI в. и Италия XVI в. – тоже государства). И это происходит, невзирая на политические, социальные, культурные различия, независимо от масштабов территории, военной мощи, размеров экономики, укорененности в истории, степени влияния на мировую политику и т.д. Именование всех этих казусов «государством» предопределяет исследовательский интерес к определению его ключевой характеристики – государственности. Очевидно, что данное понятие является широким и многомерным. Оно нуждается в концептуализации для прояснения того, какой смысл мы вкладываем в словосочетание «современное государство». Ведь «сами эти суверенные члены мирового сообщества не обязательно являются политиями одного определенного типа или даже природы. Только часть из них являются государствами в строгом смысле,

«государствами-состояниями» (англ. the state, нем. die Staat, франц. l'état и др.)»¹. Как верно отмечает М.В. Ильин, «едва ли не большинство суверенных членов мирового сообщества составляют квазигосударства разных типов, а также другие функциональные эквиваленты государств, которые устанавливают, имитируют или симулируют различные черты современной государственности»².

Как пишет Ф. Фукуяма: «...государственность была в определенном смысле дарована некоторым государствам международными институтами или другими сильными государствами. Так было в случае ООН в Восточном Тиморе, Всемирного банка в Сьерра-Лионе, Офиса Высокого представителя ООН в Боснии, американских оккупационных властей в Ираке»³. Возможности названных государств самостоятельно управлять территорией внутри собственных административных границ были крайне низкими изначально. Их государственность не формировалась векторами путем войн за независимость, процессов финансово-экономической и налоговой централизации, культурной дифференциации этносов и объединения их под сенью государственного аппарата, а просто была делегирована им. «Есть один простой признак, который присущ всем государствам, – это их формальное «равенство» относительно друг друга, а точнее, принадлежность к сообществу государств. Это единственная общая характеристика государств. Все остальные их разделяют»⁴.

Токарев Алексей Александрович – ведущий эксперт Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

■ Свежий взгляд

В современном политологическом дискурсе «государство» соединяет в себе и статус (территориальной политии), и суверена (короля, президента, правительство, народ и т.д.), и институты управления, и совокупность управляемых граждан. Современное государство, как пишет К. Скиннер, является:

- «чем-то со своей собственной жизнью;
- чем-то, что одновременно отличается как от правителей, так и от управляемых и, следовательно, способно требовать лояльности по отношению к себе как от первых, так и от вторых»⁵.

Наличие аппарата управления, территориальных границ и некоторого количества управляемых позволяет отдельным властным группам на отдельных территориях провозглашать государство. Часто к государствам автоматически причисляются и распадающиеся, и распавшиеся государства, и отделившиеся территории, и неудавшиеся сепаратисты. Поэтому для объективного анализа современного государства мы должны рассматривать тех участников мировой политики, которые признают друг друга в качестве равных субъектов и обладают способностью управлять своей территорией. Здесь и далее мы будем понимать под государством политический институт международной системы, производящий общественные блага – территориальную политику, обладающую статусом члена ООН.

Для обозначения и изучения состояния государства политическая наука предлагает термин «государственность», понимая его как важнейшую характеристику государства. «Государственность» является для российского политологического языка относительно новым понятием (а оттого менее проработанным, чем, например, суверенитет). Часто с его помощью обозначается все, что относится к «государству» – фактическое и юридическое признание, внешний и внутренний суверенитет, даже политические институты в субъектах федерации. Например, используются такие словесные формы, как «государственность Чечни», «государственность Татарстана».

В то же время в современном политологическом дискурсе с помощью понятия «государственность» чаще всего обозначают формальные и существенные полномочия государства⁶:

– государственный статус (англ. statehood – статусность) и возможности государства по распределению общественных благ, эффективному управлению и контролю над собственной территорией;

– государственную состоятельность (stateness), а также результат идентификации граждан с той или иной территориальной политией, помимо административных границ объединяющей общей историей, культурой и языком общения⁷.

И в западной, и в отечественной политической науке сложился относительный консенсус относительно этимологии слов the State, der Staat, l'Etat, государство. Эпоха Нового времени предложила как сам феномен государств, так и термин, обозначающий его. Описание через понятие «государство» любых территориальных политий, существовавших до появления современных государств, ведет к концептной натяжке. «Люди занимаются анахронизмом, налагая стандарты одной эпохи на другую, например, когда вписывают государство в Древнюю Грецию, Рим или в средневековую жизнь»⁸. Суть такого анахронизма в том, что «мы стали использовать слово «государство» (the State, der Staat; l'Etat etc.) не только по отношению к суверенным участникам сменяющих друг друга международных систем, но и к политиям всех времен, обладающим более или менее выраженной самостоятельностью и способностью вступать в межполитичные отношения»⁹.

Внутренняя и внешняя легитимация в процессе государственного строительства

Подходы исследователей относительно концептуализации характеристик «государства» можно разделить на две большие группы в зависимости от внешних или внутренних механизмов становления государственного порядка, принимаемых учеными в качестве определяющих.

Представителями первой группы, уделяющими преимущественное внимание внутренним факторам, являются С. Роккан, Ж. Коломер, Ф. Редер, П. Неттл и др. Двоих первых отмечают роль консолидации центра в формировании государства в Новое время. С. Роккан рассматривает процесс формирования наций и государств как единый и часто использует соответствующие понятия (state-building и nation-building) как синонимы¹⁰.

П. Неттл и Ф. Редер в исследовании процессов становления государств смещают фокус своего внимания на параллельность идущих процессов национального и государственного строительства. Первый, в отличие от С. Роккана, разводит понятия национальности (nationness) и им же предложенной государственности как государственной состоятельности (stateness)¹¹. Требование такой дивергенции обусловлено эмпирической реальностью, в которой «существует множество примеров ненациональных государств, а также большое количество национальных сообществ, где нет никаких внутрисоциetalных структур управления»¹².

Аналитическое разделение двух аспектов создания новых политических общностей (нации и государства) поддерживает и Ф. Редер, полагающий, что «некоторое население (предположительно нация) должно управляться самостоятельно в рамках собственного суверенного государства – государства, которое, возможно, еще не существует»¹³. Ученый вводит в дискурс понятие «государство-сегмент», обозначающий исторически сложившуюся, обладающую некоторой степенью суверенности многоуровневую структуру управления в рамках общего государства. «Успешный национальный проект обычно предварялся уже работающими обособленными институтами управления, т.е. обособленным в институциональном плане сегментом-государством внутри «общего государства»: из 177 новых государств, появившихся с 1901 по 2000 г., 153 (86 %) являлись государствами-сегментами до получения независимости»¹⁴.

Вторую группу представляют исследователи, отмечающие важность внешних механизмов установления государственного порядка. Большинство из них понимают признание со стороны официальных субъектов как значительный фактор создания государственности. Ч. Тилли определяет государство как «организацию, которая имеет наибольшее количество средств принуждения на значительной территории, которая действует в некоторых отношениях как приоритетная по сравнению с другими организациями, действующими на той же территории, и признается как приоритетная другими организациями, включая государства вне этой территории»¹⁵. Тилли сразу же упраждает критику своего определения: «Вот и сложности: а как насчет федеративных систем, гражданских войн, возглавляемых боевиками анклавов и соперничающих фракций внутри государства?» К этому списку необходимо добавить крупнейших акторов мировой политики (ТНК, НПО, наднациональные организации): капитализация гигантов нефтяной индустрии, очевидно, превышает бюджеты многих государств, Greenpeace если и не меняет правительства, то оказывает на них гигантское давление, бюрократы НАТО в некоторых государствах играют значительно большую роль, чем местные чиновники и т.д.

Тилли обращает внимание на взаимосвязь внешних и внутренних аспектов государственности. Эта взаимосвязь особенно очевидна в условиях глобализации: вышеуказанные акторы отрицательно влияют на «приоритетность» государственного управления на подведомственной территории. Слабая государственная структура – «удобное поле, где могут разгуляться транснациональные корпорации... Многие внешние агенты могут быть заинтересованы в сохранении слабого государства. Коммерческие структуры предпочитают иметь дело с коррумпированными властями. Они могут делить прибыль с элитой и совершенно не заботиться об остальном населении»¹⁶. Государственность может подвергаться давлению и с самыми благими целями: «Гуманитарные и правозащитные организации не только проникали на кризисные территории, но и делали попытки привести туда войска для обеспечения собственной безопасности. Гаити стала настоящим полигоном для негосударственных организаций, бросающих вызов традиционному суверенитету»¹⁷.

Возможно, своей универсальностью в качестве отличительной черты современного государства признание обязано объективному развитию международных систем, сменявших друг друга в истории¹⁸. Однако, если для того чтобы стать государствами, одной территориальной политии достаточно признать другую и быть признанной в ответ, почему, например, «СНГ-2», образовавшее мини-сеть взаимных признаний ПМР, Абхазии, Южной Осетии и НКР, до сих пор расшифровывается как «Содружество непризнанных государств»? Возможно, дело в отсутствии среди тех, кто признает эти регионы, членов ООН – мирового клуба государств. В настоящее время государство становится

членом ООН, если получает рекомендацию 9 из 15 членов Совбеза (при этом ни один из постоянных членов не должен высказаться против), а потом она одобряется двумя третями членов Генассамблеи¹⁹. Однако такой подход международного сообщества игнорирует политическую реальность и существование де-факто государств Абхазии и Южной Осетии. И, наоборот, рассматривает Грузию как полноценное государство, контролирующее и свои границы, и территории в их пределах, что также не соответствует реальности.

Признание одним государством другого отражает конститутивную теорию государственности в международном праве, согласно которой государство лишь тогда является субъектом международного права, когда оно признается другими государствами в качестве такового. Однако наряду с ней существует альтернативная теория государственности – декларативная. В критериях государственности Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств ничего не говорится о том, что новое государство должно быть признано другими, уже существующими государствами. Более того, в статье 3 прямо утверждается обратное: «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами»²⁰. Обе теории международного права очевидно соответствуют политологическим понятиям государственной статусности (statehood) и состоятельности (stateness) соответственно, объединенным в русском языке общим «государственность».

Сама статусность и особые привилегии, возникающие в связи с наличием особых статусов, не исчерпывают важнейших аспектов государственности. Вряд ли Франция, являющаяся постоянным членом Совбеза ООН, имеет большее право называться государством, чем Япония или Германия. Возможно, Ф. Редер недалек от истины, относя международное признание на последнее место в ряду характеристик процесса создания нации-государства после пробуждения национальной идентичности, недовольства общества *status quo*, массовой мобилизации и стремления элит к самостоятельному управлению финансовыми потоками. Принадлежит ли Грузия, признанная всеми членами ООН и не контролирующая 20 % признаваемой за ней большинством членов ООН территории, к «современной семье государств» в большей степени, чем, к примеру, Приднестровская молдавская республика, не признанная ни одним государством-членом ООН? Республика, вместе с тем сохраняющая государственные институты, относительно успешно функционирующими на всей территории республики (естественно, с учетом местной специфики госуправления в виде приватизации до недавнего времени некоторых функций государства семьей И.Н. Смирнова)?

В этом смысле интересен заочный спор между Р. Джексоном и П. Колсто об определении квазигосударства. Первый назвал таковыми территориальные политии, обладающие основными признаками современных государств, включая статус члена ООН, но не контролирующие свои

■ Свежий взгляд

территории. Второй, с точностью до наоборот, – территории, подконтрольные правительству, борющимся за признание²¹. Слабое место такого подхода, неопределенность легитимности методов «борьбы за признание», позволило П. Колсто включать в число исследуемых квазигосударств Чечню периода конца 1990-х гг., оправдывая бандитский сепаратизм борьбой за независимость.

Очевидно, что в случае спора двух исследователей о природе квазигосударств речь идет о непараллельном и невзаимосвязанном развитии двух аспектов государственности – статусности и состоятельности. И если в квазигосударствах (неважно – в понимании Джексона или Колсто) государственная статусность/государственная состоятельность неадекватно подкреплены международным признанием/функционированием государственных институтов, то существуют территориальные политики, которые определенно нельзя считать государствами в полном смысле слова. Они не обладают ни одним из видов государственности. Это несостоявшиеся или неудавшиеся государства (*failed states*), от которых «мало что осталось, кроме названия и признания»²². Проще говоря, они обладают крайне неэффективными инструментами управления своими территориями или не контролируют их вообще.

Внутренние аспекты государственности: состоятельность, способность, функциональность, правление

Для описания возможностей государства по управлению территорией в 1968 г. П. Неттл ввел термин «государственная состоятельность» (*stateness*)²³. Через шесть лет, следуя за Неттлом, Ч. Тилли определил государственную состоятельность как «степень, в которой инструменты правления разделены, централизованы, самостоятельны и формально скоординированы друг с другом»²⁴. При этом он рассматривает государственную состоятельность как один элемент образования государства (*state-making*), наряду с «населением, признающим легитимность политической власти» (политическая идентичность формируется «в результате разной степени успешности борьбы за власть в масштабах нации»), и «обратной связью между обществом и правительством», которая позволяет обществу оказывать давление на политических акторов. Государственность относится лишь к составляющим правительственные структуры²⁵. Понятие «государственность» для Ч. Тилли синонимично моцца центра по консолидации территории и централизации власти (само «правительство» может обозначать «государство»). Такое узкое определение государственности позволяет Тилли описывать с помощью данного термина само образование государств в Европе в Новое время: «Франция обладала наибольшим потенциалом государственности после 1500 г., в то время как Англия развивалась медленнее. Тем не менее к 1650 г. Англия оказалась под контролем централизующей военной диктатуры, и этот краткий момент английское правительство было в Европе, пожалуй,

самым близким (the most state-like) к государству... После XVII–XVIII вв. Испания оказалась империей с одной из наименее величественных правительственные структур континента»²⁶.

Весомый вклад в концептуализацию понятия «государственная состоятельность» в 1990-х гг. внес С. Бартолини, который операционализирует западную «государственную состоятельность государства» (*western state stateness*) через создание организации для мобилизации ресурсов (бюрократии и системы налогообложения); внешнюю консолидацию территории (задача армии; поддержание внутреннего порядка (силами полиции и судебной власти); степень активности государства по вмешательству в экономическую и социальную сферы²⁷. Развитие государств в модели Бартолини обеспечивается взаимодействием между тремя факторами: государственной состоятельностью, формирующейся в ходе исторического развития; уровнем дифференциации экономических интересов, появляющейся в результате капиталистического развития и индустриализации; степенью культурной гомогенности/разнородности, являющейся следствием госстроительства и влияющей на возможности государства по разрешению конфликтов²⁸. Ч. Тилли для обозначения схожих проявлений государственных функций использует термин «потенциал государства», который определяет, «в какой степени вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, деятельность и межличностные связи изменяет распределение этих ресурсов»²⁹.

Государственное строительство (*state-building*) Ф. Фукуяма, также под государственностью понимающий только состоятельность, а не статусность³⁰, определяет как «создание новых институтов правления и усиление уже существующих». При этом он отмечает, что «мы умеем перемещать ресурсы, «мозги» и технологии через культурные границы, но мы ничего не знаем о том, как передать работающие (*strong*) институты развивающимся государствам»³¹. По мнению А.И. Кустарева, классический подход по отношению к несостоятельным государствам выражается в искреннем желании политиков и политологов им помочь. «Предполагается ... все номинально существующие государства должны стать полноценными участниками международного сообщества по образцу тех государств, которые считаются успешными и в своих нынешних границах. Этой установки придерживаются самые «полноценные» государства, ООН и примыкающие к ней международные институты. Их поддерживает и академический мейнстрим...»³².

Определение государственной состоятельности Фукуяма основывает на веберовском: «Государство – это человеческое сообщество, которое успешно удерживает монополию на легитимное использование физической силы на данной территории». Максимально доходчиво он объясняет, что сущность государственности – это «принуждение: безусловная возможность направлять некоего вооруженного субъекта в форме заставлять людей соблюдать законы государства»³³.

Очевидно, такой подход страдает крайним обобщением, исключая из поля зрения исследователя, например, лингвистические, этнонациональные, культурные проблемы внутри общего государства, в котором легитимно функционируют силовые структуры. Фукуяма выделяет два аспекта государственности: возможности государства, область его действий (scope), и силу государственной власти (strength), которая позволяет государству осуществлять свою политику. Данное разделение позволяет американскому политологу ранжировать государства по степени их состоятельности. В этом смысле США уступают Франции, в которой государство (как бюрократический аппарат) больше (scope) и сильнее (strength), Сьерра-Лионе почти не является государством (и возможности и сила крайне слабы), а Россия от наивысшего состояния СССР в 1980 г. «упала» к 2000 г. по силе ниже Сьерра-Лионе, по возможностям управления территориями слегка опережала Новую Зеландию образца 1981 г.

Помимо обозначающего государственную состоятельность термина *stateness*, политическая наука предлагает в общем смысле синонимичное «государственная (или институциональная) способность» (*state capacity*). Но данный термин также недостаточно прояснен. «Способность государства делать что?» – справедливо спрашивает Ф. Шмиттер³⁴. Данное понятие, по его мнению, следовало ввести, поскольку государство, «как показал Макс Вебер, невозможно определить через его функции». Поэтому в «политике и политологии стало модным избегать любого упоминания как понятия «государственная способность», так и понятия «правительство» и объединять их в общее «правление» (*governance*), которое есть «метод (механизм) обсуждения широкого круга проблем/конфликтов, в которых заинтересованные лица (государство и негосударственные акторы) в процессе переговоров друг с другом регулярно достигают обязательных решений, удовлетворяющих все стороны, и сотрудничают в исполнении этих решений». Так же государственную способность часто определяют через степень эффективности сбора налогов и защиты прав собственности³⁵, однако, на наш взгляд, это слишком узкий критерий – по нему к государствам с низкой степенью «способности» будут отнесены в том числе сильные авторитарные и тоталитарные режимы, исключающие частную собственность.

Некоторые политологи не избегают ошибок аналитического отождествления результатов эффективной государственности и уровня демократичности политического режима. Л. Йохансен и О. Норад пишут, что «хорошее правление (good governance) предполагает демократическое участие, которое в свою очередь предполагает высокий уровень доверия граждан к политическим институтам». Такой вид правления отображает способность государства агрегировать общественные интересы и отвечать на них, разрешать конфликты и поддерживать легитимность власти, сохраняя автономию государственных институтов от обще-

ства. В этом смысле понятие *good governance* шире «любых иерархий и политических институтов ... и обозначает направления взаимодействия (включая обратную связь) государства и общества»³⁶. Однако эффективное правление, производство общественных благ и степень демократичности режима – это связанные друг с другом, но все-таки разные характеристики политий.

Для обозначения государств с низкой степенью государственной способности политическая наука предлагает несколько терминов: кроме упоминавшегося *failed states* (несостоявшиеся) и *quasi-states* (псевдогосударства в джексоновском понимании), встречается *weak states* (слабые государства) и *collapsed states*³⁷ (распавшиеся или «коллапсировавшие» государства), *non-state* («безгосударственная» часть территории в пределах административных границ). При этом неверно отождествлять слабость государства по управлению территорией и обеспечению общественных благ и слабость по контролю над общественной жизнью. Современные авторитарные и тоталитарные режимы (Белоруссия, Таджикистан, Туркменистан, КНДР и др.) институционализированы именно в слабых государствах, которые не могут обеспечить ни справедливое распределение общественных благ, ни высокий уровень жизни масс, ни устойчивую легитимность институтов вместо персонификации власти диктаторов.

Другим полюсом по отношению к государствам с низкой степенью эффективности по контролю над собственной территорией считаются сильные государства (*strong states*) или функциональные/способные государства *functional/capable states*. Русский язык значительно упрощает употребление этих во многом синонимичных терминов: к аспектам государственной статусности (которая включает в т.ч. степень признания) относятся непризнанные государства (*unrecognized states*) и псевдогосударства в понимании Колсто (*quasi-states*), к различным проявлениям государственной состоятельности относятся несостоявшиеся государства (*failed states*) и прочие, близкие к ним.

Слабые, распавшиеся и несостоявшиеся государства, очевидно, являются гораздо более проблемными для мирового сообщества, чем непризнанные квазигосударства, контролирующие территорию и борющиеся за признание. В отличие от сильных, слабые государства «не контролируют свои границы ... часто влияние официальных властей распространяется только на столицу или одну или несколько этнических зон. В несостоявшихся государствах крайне высок уровень преступности, улицы контролируются бандами, которые создают условия для оборота оружия и наркотрафика, при этом силы полиции парализованы, а граждане ищут защиты у самих лидеров банд (или других сильных личностей, способных выражать этническую или клановую солидарность), поскольку все силы, которые должны обеспечивать им безопасность и защиту, включая государство, находятся в смятении»³⁸.

■ Свежий взгляд

Национальная идентичность и внутренние аспекты статусности: вклад в формирование государственности

Проблема идентификации граждан (с политической, национальной или этнической общностью), явно существующая в слабых государствах, отражает еще один аспект государственности и омонимично по отношению к государственной состоятельности иногда обозначается как stateness. В этом аспекте государственность рассматривают Х. Линц и А. Степан. Проблема идентичности с государством возникает, когда «есть глубокие различия между границами территории и политического сообщества и стоит вопрос: кто имеет право обладать гражданством в данном государстве?»³⁹. В данном смысле государственность является переменной, которая может «изменяться» от проблемного существования до исчезновения: «Потенциальные современные демократии могут значительно отличаться друг от друга с точки зрения рассматриваемой переменной – от политий, где проблема государственности отсутствует во все, до политий, где без ее разрешения переход к демократии невозможен»⁴⁰.

На основании различных стратегий формирования нации (доминирования общей национальной идентичности и консенсуса многих наций в рамках единого политического пространства) А. Степан, Х. Линц и Й. Ядав предлагают две модели современных государств. Нация-государство (Франция, Швеция, Япония, Португалия) имеет своей целью утверждение «единой, мощной идентичности как членов нации и граждан государства», для достижения чего «проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры, языка»⁴¹. Государство-нация (Бельгия, Канада, Индия), напротив, признает «более чем одну культурную, даже национальную идентичность» и оказывает им поддержку в формировании институтов, чему способствуют создание асимметричных федераций, консоциативная демократия, несколько государственных языков, разрешение партиям, выдвигающим требования автономии тех или иных регионов, формировать в них правительства или даже входить в центральное правительство. При этом, несмотря на то что границы политического сообщества не совпадают с «различающимися культурными демосами», у разных этнонациональных групп в государстве возникает «лояльность по отношению к нему на институциональной и политической основе». Между тем противостояние этих групп является следствием слабой государственности. Конфликты могут возникать как между государством и одной из «наций» («баскская сепаратистская ЭТА бомбит мадридский отель»), так и между частями государства (бывшая Югославия). В любом случае «слабое государство, неспособное обеспечить лояльность составляющих его групп, просто распадается»⁴². Результатом может быть выход как отдельных членов, так и целых групп из государственного или культурного сообщества. С. Роккан, А. Хиршман⁴³ и их последователи понимали под

«выходом» невыполнение невыгодных, по мнению субъекта, правил. Проявления варьируются от индивидуального – «функционального или членского (эмиграция, отказ от уплаты налогов, службы в армии и проч.)» до массового – территориального (сепрессия)⁴⁴.

Утвердившееся в зарубежной политической науке аналитическое разделение государственности на статусность и состоятельность постепенно инкорпорируется отечественным дискурсом. Дополненные переменной идентичности (государственности – в понимании А. Степана) эти характеристики наиболее релевантно позволяют описать современное государство как *территориальную политию, признанную другими подобной им (и признающую их), обладающую в связи с этим статусом члена ООН, имеющую инструменты и желание управлять собственной территорией и оказывать населению услуги, воспринимаемую при этом политическим сообществом (нацией) в качестве единственного легитимного субъекта управления на данной территории*.

Большинство работ, рассматривающих государственность, предлагает использовать для их анализа диахотомические шкалы: сильное/слабое государство, распадающееся/распавшееся, функциональное/дисфункциональное и т.д. Такой подход не позволяет объективно изучить феномен современного государства, поскольку изначально задает необходимость помещать рассматриваемые казусы в рамках двух полюсов, игнорируя многообразие государственных образований современности. Очевидно, адекватная эмпирическая операционализация должна быть построена при использовании переменных статусности, состоятельности и идентичности (или внутренних аспектов статусности государства) и выделяемых при их анализе признаках. Отметим, что в данной модели сознательно опускается аналитическое разделение статусности, состоятельности, идентичности для исключения необходимости интеграции результатов эмпирической операционализации:

1) территория и границы: пограничный и таможенный контроль, наличие успешных/реализованных сепрессий, инициативы сепрессий, качество регионального неравенства (наличие региональных единиц с особым статусом); наличие иностранных военных баз на территории;

2) монополия на насилие: случаи гражданских войн и внутренних вооруженных конфликтов, наличие незаконных вооруженных формирований, качество силовых (полицейских) структур;

3) наличие и размер общественных благ (ВНД на душу населения; доля налогов в ВВП; доля бюджетников в совокупности населения; доля в ВВП расходов на оборону, медицину, образование, госаппарат); влияние внешнеэкономических субъектов на принятие политических решений;

4) эффективность структур управления: качество управления (индекс трансформации Фонда Бертельсманна), недееспособность государств (индекс The Fund for Peace); верховенство закона

на территории государства – равенство граждан перед законом, наличие избирательности права, применение закона для разрешения корпоративных споров и борьбы с политическими оппонентами; уровень коррупции (индекс восприятия коррупции Transparency International); дифференциация и специализация госаппарата; качество госслужбы; уровень политической стабильности (качество и количество смен власти);

5) внутренняя статусность государства: степень согласия по «устанавливающим вопросам» в массах и элитах (принятие основ конституционного строя, критерии гражданства и членства в нации, история и природа государства); восприятие населением и элитами государственно-го языка/языков; степень консолидации мнения населения относительно участия государства в интеграционных структурах (НАТО, ЕС, ОДКБ, Таможенный, Евразийский союзы и т.п.).

Очевидно, это не окончательная модель эмпирической операционализации государственности. Она требует уточнения, коррекции и создания конкретных шкал. На них должны быть размещены исследуемые казусы в соответствии с полученными в ходе анализа значениями. Вместе с тем ее использование приближает исследователя к комплексному рассмотрению государственности и позволяет избежать диахотомического распределения государств по полюсам: сильное/слабое, состоятельное/несостоявшееся и т.д.

Tokarev A. A. The Conceptualization and Operationalization of the Concept of Statehood.

Summary: The article examines the main approaches of contemporary researchers to determine the concepts of statehood and stateness. A brief review of the concept of «states with adjectives». The author's system of indicators of empirical operationalization of statehood is represented.

Ключевые слова

Государство, государственная статусность, государственная состоятельность, сильные/слабые/несостоявшиеся/квазигосударства, нация-государство, национальное и государственное строительство.

Keywords

The State, statehood, stateness, strong/weak/failed/quasi-states, nation-state, nation- and state-building.

Примечания

1. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО–Университет, 2007. С. 67.
2. Ильин М.В. Суверенная государственность: многовековой путь в уходящее [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/global/Suverennaya_gosudarstvennost.pdf (дата обращения: 6.04.2012).
3. Fukuyama F. «Stateness» first // Journal of Democracy. Baltimore, 2005. Vol. 16. № 1. P. 86.
4. Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 69.
5. Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках. М.: ЕУ С.-Пб, Летний сад, 2002. С. 45.
6. См.: Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 67-78.
7. См.: Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс]. URL: <http://pavroz.ru/dov/linctstef.doc> (дата обращения: 6.04.2012).
8. Хархордин О.Н. Откуда взялось русское государство? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=schiller&art=2053> (дата обращения: 6.04.2012).
9. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. №4. С.13.
10. См.: Роккан С. Центр – периферийная полярность // Политическая наука. 2006. №4. С. 75.
11. Nettl J. P. The State as a conceptual variable// World politics. Princeton, 1968. Vol. 20, N 4. P. 559-592.
12. Цит. по: Роккан С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций // Политическая наука. М., 2006. № 4. С. 112.
13. Roeder P.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. – Princeton: Princeton university press, 2007. P.12.
14. Ibid. P. 22.
15. Тилли Ч. Демократия. М.: Европа, 2007. С. 7.
16. Nicholson M. Failed States and International Security: Causes, Prospects and Consequences. 1998. URL: http://www.ippp.purdue.edu/.failed_states (дата обращения: 6.04.2012).
17. Кустарев А.И. Неудавшиеся государства // Космополис. 2004. №2. С. 31.
18. См.: Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: Изд-во «МГИМО–Университет», 2007. С. 68.
19. Каким образом страны становятся членами ООН? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/members/about.shtml> (дата обращения: 6.04.2012).

■ Свежий взгляд

20. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfaabkhazia.net/ru/node/327> (дата обращения: 6.04.2012).
21. См.: Тыртова Ю.Ю. Непризнанные государства. Реферативный обзор // Политическая наука. 2008. №4. С. 225-235.
22. Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. №3. С. 70.
23. Nettl J. P. The State as a conceptual variable// World politics. Princeton, 1968. Vol. 20, N 4. P. 559-592.
24. The Formation of national states in Western Europe// Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton univ. press, 1975. P.32.
25. Ibid. P. 33.
26. Ibid. P. 40.
27. Bartolini. S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. N.Y.: Oxford univ. press., 2005. P. 70.
28. Ibid. P. 90.
29. Тилли Ч. Что такое демократия? Демократизация // Тилли Ч. Демократия. М: Европа, 2007. С. 8.
30. По мнению Ф. Фукуямы, «государственная состоятельность прежде всего». См.: Fukuyama F. "Stateness" First [Электронный ресурс]. URL: http://www.sais-jhu.edu/sebin/u/r/7_Fukuyama_pp84_88.pdf (дата обращения: 6.05.2012).
31. Fukuyama F. The Imperative of State-building // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15.- №2. P. 17.
32. Кустарев А.И. Неудавшиеся государства // Космополис. 2004. №2. С. 23.
33. Ibid. P. 21.
34. Schmitter, P. Democratization and State capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2005, October 18—21, Santiago, Chile [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clad.org.ve/congreso/schmitte.pdf> (дата обращения: 6.04.2012).
35. См. Besley T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics // American Economic Review, American Economic Association. 2009. Vol. 99, Pp. 1218-44; Schmitter, P. Democratization and State capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2005, October 18—21, Santiago, Chile [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clad.org.ve/congreso/schmitte.pdf> (дата обращения: 6.04.2012).
36. Johannsen L. Governance and state capacity in post-communist states // 29th ECPR Joint Session of Workshops, Grenoble, France, 2001 (дата обращения: 6.04.2012). ns
37. См. Rotberg R. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / R.I. Rotberg (ed.). – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 354 p.
38. Rotberg. R. The New Nature of Nation-State Failure // The Washington Quarterly, Summer 2002, Vol. 25, No. 3, P. 88.
39. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс]. URL: <http://pavroz.ru/dov/linctstef.doc> (дата обращения: 6.04.2012)
40. Ibid.
41. Миллер А.И. Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза // Политическая наука. М., 2008. № 4. С. 110; см. также: Stepan A. Comparative theory and political practice: do we need a "state-nation" model as well as a "nation-state" model? // Government and opposition. - L., 2008. - Vol. 43, N.I. P. 1-25.
42. Elkins Z. The Problem of Stateness // 2006 Meeting of the International Studies Association, San Diego, CA. European Values Study Group and World Values Survey Association [Электронный ресурс]. URL: <http://home.gwu.edu/~jsides/stateness.pdf> (дата обращения: 11.04.2012).
43. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard univ. Press, 1970.
44. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1253255532.html#sdfootnote2sym (дата обращения: 6.04.2012).

Перспективы сотрудничества энергетических компаний России и Франции в рамках национальных энергетических стратегий

М.С. Овакимян

В статье анализируются возможные направления взаимовыгодного сотрудничества французских и российских энергетических ТНК. В их результате Россия сможет добиться модернизации национального топливно-энергетического комплекса и привлечения необходимых инвестиций для реализации крупномасштабных проектов. Франция же за счет участия в строительстве новых транспортных магистралей для диверсификации поставок и приобретения долей в энергетических компаниях России сможет решить национальные проблемы энергобезопасности и упрочить свои позиции на мировом энергетическом рынке.

Исходя из целей своих национальных энергетических стратегий, Франция и Россия реализуют конкретные политические и экономические мероприятия, направленные на реализацию заложенных в стратегиях параметров развития компаний ТЭК. Объективными условиями, предопределяющими сотрудничество компаний, составляющих энергетический сектор экономики, является совпадение заинтересованности в результатах такого сотрудничества. Рассмотрим взаимоусловленные цели национальных компаний ТЭК.

Французские компании заинтересованы в снижении энергозависимости, при которой поставки углеводородов могут стать рычагом политического давления, а российские – в расширении своего присутствия на рынке конечных потребителей Франции в целях гарантии рынка сбыта по твердым ценам. Для достижения этих целей обе стороны заинтересованы в заключении долгосрочных договоров по поставкам, строительству новых транспортных магистралей, а также приобретению

долей в энергетических компаниях России для создания «противовеса» принятия нелояльных по поставкам энергоресурсов решений российским Правительством. В частности, в этой связи EDF стремится обеспечить себе гарантированные поставки газа, участвуя во многих совместных проектах с «Газпромом» (основным из которых является «Южный поток», где EDF получила 10% акций газопровода за счет уменьшения доли итальянской компании ENI)¹.

Одним из перспективных проектов может стать создание совместного предприятия в сфере атомной энергетики. При этом 10%-ная доля в «Интер РАО ЕЭС» гарантировала бы место представителя EDF в совете директоров. Пакет акций оценивается в 400 млн долл. Еще одним путем вхождения французской компании в «Интер РАО» мог бы стать обмен активами². Большой интерес у французских энергетических компаний вызывала возможность участия в капитале российских оптовых и территориальных генерирующих компаний, созданных после реформирования РАО

Овакимян Марианна Сережаевна – соискатель кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: m_ovakimyan@mail.ru

■ Свежий взгляд

«ЕЭС». Это некоторые доли в ОГК-2, ОГК-6, ТГК-1, ТГК-11, ТГК-13 или небольшие (5%) доли в ОГК-5, ТГК-5, ТГК-9.

Российские власти неоднократно заявляли, что готовы сотрудничать с иностранными инвесторами на взаимовыгодных условиях: взамен на участие в российских активах российские компании должны получить возможность инвестирования в иностранные предприятия. Например, «ЛУКОЙЛ» сообщил о покупке у Total доли в НПЗ в Голландии. Теперь сама французская компания готова вновь вложить средства в российские активы. «ЛУКОЙЛ» в сентябре 2009 г. завершил процесс приобретения у компании Total 45% акций нефтеперерабатывающего завода Total Raffinaderij Nederland (TRN), расположенного в Голландии. Это еще один проект, в котором наиболее выгодно учитываются интересы российской компании. Стоимость приобретенного пакета акций составила 600 млн долл., что соответствует договоренностям, достигнутым между ОАО «ЛУКОЙЛ» и Total в июне 2011 г. В результате сделки «ЛУКОЙЛ» заменит компанию Dow Chemical в качестве партнера Total по владению TRN. Акционеры продолжат управление заводом по процессинговой схеме, в соответствии со своей долей участия будут обеспечивать поставки нефти и другого сырья, а также получать готовые нефтепродукты³.

Российская сторона, решая проблему обеспечения стабильного рынка потребителей и действующая в условиях недостатка инвестиционных ресурсов, заинтересована в привлечении французских инвестиций для финансирования проектов по строительству новых транспортных магистралей и приобретении долей в распределительных сетях Франции. В результате получения GDF SUEZ 9% участия в проекте «Северный поток» российские проекты получат дополнительную политическую поддержку, а Франция – новые гарантированные поставки газа. Считается, что участие GDF SUEZ в проекте увязано с продажей «Газпрому» доли GDF SUEZ в немецком поставщике газа VNG, поскольку российская монополия приобрела 5,26% акций VNG, принадлежащих дочерней компании GDF SUEZ.

Что касается участия российской стороны во французских проектах, то объявлено, что «Газпром» заинтересован в содействии EDF в осуществлении ее проекта по созданию крупного подземного газохранилища в департаменте Ланды (юго-запад страны). На газохранилища в Европе в дальнейшем будет приходиться не менее 5% поставок «Газпрома» странам континента⁴. Россия также участвует во французском проекте строительства на юге Франции первого в мире международного термоядерного экспериментального реактора ИТЭР. Соглашение было подписано 21 ноября 2006 г. Инженерный проект реактора ИТЭР был закончен в 1998 г. Работы проводились совместными усилиями четырех сторон: Европы, России, США и Японии. В основу конструкции ИТЭР положена схема советских термоядерных реакторов «Токамак»⁵.

Испытываемая французской экономикой потребность в углеводородах предполагает ее заинтересованность в повышении добычи газа в России. Следовательно, Франция заинтересована в разработке новых месторождений на территории России, а также в реализации проектов по энергосбережению и использованию альтернативных источников энергии. Российский федеральный бюджет, в свою очередь, испытывает необходимость в росте доходов для реорганизации объектов народного хозяйства, а также в инвестициях в сектор ТЭК для его модернизации и реконструкции. Эти обстоятельства служат основой для объединения усилий сторон для реализации проектов в России с участием французских усилий и технологий по:

- разведке и добыче новых месторождений;
- новым способам добычи (сланцевый газ) и транспортировки (СПГ) углеводородов;
- созданию оборудования для атомных станций;
- возобновляемым и альтернативным источникам энергии;
- внутреннему энергосбережению.

В соответствии с взаимоувязанностью интересов сторон, в этом направлении ведутся следующие совместные проекты:

- Total владеет 50% долей в СП, разрабатывающем Харьгинское месторождение на условиях соглашения о разделе продукции. Соглашение, которое было заключено в декабре 1995 г. на 29 лет с возможностью продления до 33 лет, вступило в силу 12 февраля 1999 г.;
- после оценки предполагаемых затрат руководство «Газпрома» и французский концерн Total в июле 2007 г. подписали рамочное соглашение по основным условиям сотрудничества при разработке первой фазы Штокмановского газоконденсатного месторождения⁶. Доли участия в проекте распределились следующим образом: ОАО «Газпром» – 51%, Total S.A. (Франция) – 25% и Statoil ASA (Норвегия) – 24%. В соглашении между российскими и французскими газовщиками предусмотрено, что стороны создадут компанию специального назначения (КСН) для организации проектирования, финансирования, строительства и эксплуатации объектов первой фазы «Штокмана». «Штокман Девелопмент АГ» будет собственником и оператором инфраструктуры первой фазы освоения Штокмановского ГКМ на протяжении 25 лет. В рамках Первой фазы будет добываться 23,7 млрд куб. м природного газа в год. Транспортировка части природного газа, добываемого в рамках Штокмановского проекта, будет осуществляться через Балтийское море по магистральному газопроводу «Северный поток», который соединит Россию и Евросоюз. Начало поставок газа запланировано на 2016 г., а СПГ – на 2017 г.;

- весьма перспективным проектом России и Франции в сфере ТЭК является соглашение по Термокарстовому конденсатному месторождению на Ямале. Основные условия соглашения о совместной реализации проекта разведки и разработки

Термокарстового газоконденсатного месторождения были подписаны в июне 2009 г. между ОАО «НОВАТЭК» и концерном Total⁷. В октябре 2011 г. «НОВАТЭК» завершил сделку по продаже Total 20% акций ОАО «Ямал СПГ». Total стала владелицей 1% акций ОАО «НОВАТЭК». Общая сумма сделки – около 4 млрд долл. Запасы газа месторождения 13 млрд куб. м. Помимо газа есть еще и другие углеводородные запасы⁸;

– развитие российско-французских отношений в области энергетической эффективности уже подтверждается многочисленными важными и новаторскими проектами, среди которых:

а) создание компаниями «Интер РАО ЕЭС» и GDF SUEZ совместного предприятия «ИнтерЭнергоЭффект», оказывающего услуги по повышению энергоэффективности промышленным предприятиям;

б) создание компаниями ТГК-4 (Онексим Групп) и «Далкия» совместного предприятия по передаче теплоэнергии;

в) создание компаниями «Газпром» и GDF SUEZ совместного энергосервисного предприятия «Экосервис»;

г) стратегическое партнерство между компаниями «Электрощит - ТМ Самара» и Schneider Electric в области энергоэффективных технических решений для электросетей и на рынке среднего напряжения, позволяющих повысить энергоэффективность⁹;

д) в настоящее время в стадии проработки находится проект строительства Балтийской АЭС в Калининградской области. Инициатор строительства – ОАО «Интер РАО ЕЭС» – заинтересован в реализации этого проекта с привлечением французских компаний. Также рассматривается возможность совместного проекта по сооружению объектов электросетевой инфраструктуры для выдачи мощности Белоярской АЭС в сопредельные страны¹⁰.

Значительное место во взаимодействии энергетических секторов обеих стран занимают вопросы научно-технического сотрудничества. В частности, с GDF SUEZ имеет место активное сотрудничество в вопросах обеспечения безопасности производства СПГ, способах защиты газопровода от коррозии, оптимизации эксплуатации компрессорных станций, взаимодействие в области энергоэффективности и охраны окружающей среды. На совещаниях с французскими энергетиками, посвященных вопросам сотрудничества в развитии науки и техники, «Газпромом» были внесены предложения по разработке общеевропейской информационной и аналитической системы, координирующей деятельность диспетчерских служб¹¹.

Учитывая опыт Франции и потребность России в решении проблемы повышения уровня энергоэффективности в России, стороны в декабре 2010 г. официально открыли российско-французский Центр по энергетической эффективности (далее – Центр). Энергетическая эффективность является основным экологическим и экономи-

ческим вызовом как для России, так и для Франции. Возможности для сотрудничества огромны, и Центр должен будет играть важную роль в стимулировании такого сотрудничества. Создание российско-французского Центра по энергетической эффективности отражает тот высокий уровень важности, который правительства наших двух стран придают этому вопросу. Речь идет не просто о взаимной декларации благих намерений, но об истинном партнерстве, цель которого – содействовать разработке комплекса конкретных мер, направленных на решение проблемы повышения энергетической эффективности.

Органы государственной власти, российские и французские предприятия взяли на себя обязательство развивать процесс обмена информацией и полезным опытом посредством Центра. Президент Ассоциации французских предприятий по энергетической эффективности заявил, что более десяти французских предприятий, зачастую мировых лидеров в своей области, предложили свои ресурсы и опыт для организации работы российско-французского Центра по энергоэффективности. Будучи важными инвесторами в российскую экономику, эти предприятия обладают высоким профессионализмом и значительным опытом в области энергоэффективности, секторе энергетики, а также в сфере услуг, промышленности, в области строительства и жилого фонда. Центр – это превосходный инструмент, позволяющий усилить сотрудничество обеих стран¹².

Важным фактором в развитии российско-французского сотрудничества в энергетике стал новый курс Франции в области промышленной политики и энергетической безопасности, выданный в «неоголлистском духе»:

– во-первых, формирование более независимой внешней политики Франции делает ее не столь жестко привязанной к императивам франко-германской «оси» и открывает путь к созданию «геометрически подвижной Европы». Свободная геометрия межгосударственных отношений (не только в Европе) рассматривается во французских интеллектуально-политических кругах как важное следствие распада несостоявшегося монополярного мира;

– во-вторых, Франция начинает возвращаться в Центральную и Восточную Европу – традиционную для нее зону влияния; особым вниманием французов, по прогнозам экспертов, будет пользоваться атомная энергетика стран ЦВЕ (в настоящее время 100% ядерного топлива для атомных электростанций Центрально-Восточноевропейского региона, построенных советскими специалистами, поставляется из России);

– в-третьих, новая политика, предложенная бывшим премьер-министром Франции Домиником де Вильпеном, была лишена «европоцентристской риторики». Она заложила основы более выраженной «евразийской» ориентации Франции (имеются в виду прежде всего интересы старейшей колониальной державы «к востоку от Суэца», но не исключено, что и к «востоку от Урала»).

■ Свежий взгляд

Такая позиция Франции в вопросах энергетической политики имеет явное выражение при формировании ее позиции в отношении проблемы либерализации энергетических рынков в странах Европейского союза. В соответствии с предложениями Евросоюза для сокращения разрыва между оптовой и розничной ценой на энергоресурсы энергетическим компаниям предстоит расчленение: производство энергии должно быть отделено от ее распределения. Это могло бы помешать российским вертикально-интегрированным компаниям приобретать распределительные сети во Франции, если бы не реализовывалась независимая энергетическая политика, проводимая Францией. Она позволяет российским компаниям владеть долями в энергораспределительных компаниях Франции, несмотря на требования Евросоюза о разделении компаний-производителей и компаний-поставщиков.

«Газпром» рассчитывает устроить поставки газа во Францию и в ближайшие годы довести их объем до 3 млрд куб. м. Целевой клиентурой компании во Франции являются прежде всего малые предприятия¹³. С октября 2007 г. «Газпром» осуществляет прямые поставки газа конечным потребителям Франции в объеме до 1,5 млрд куб. м в год. При этом цель «Газпрома» – покрыть со временем 10% французского рынка¹⁴. «Газпром» достиг договоренностей с GDF SUEZ об открытии прямого доступа к конечным потребителям во Франции при подписании в 2006 г. ныне действующего контракта на поставки природного газа с 2012 до 2030 г. По условиям контракта, «Газпром» продолжит поставлять французскому партнеру 12 млрд куб. м газа в год, а начиная с 2010 г. – дополнительно 2,5 млрд куб. м по газопроводу «Северный поток»¹⁵.

«Газпром» не раз заявлял о заинтересованности в газораспределительных сетях в Европе, которые позволили бы концерну получить доступ к конечному потребителю и повысить рентабельность экспорта¹⁶. В новую редакцию контракта внесено положение, дающее «Газпрому» возможность поставлять до 1,5 млрд куб. м в год напрямую французским конечным потребителям (в основном предприятиям) с октября 2007 г.¹⁷. Кроме того, стороны заинтересованы во взаимном обмене энергоресурсами. По мнению главы «Газпрома» А. Миллера, в связи с тем что EDF активно представлена одновременно и в газовом секторе, и в ядерной энергетике, рассматривается возможность обмена с ней электроэнергией. Если Россия, таким образом, получит доступ к более дешевой электроэнергии, выработанной на АЭС, то она, в свою очередь, может снизить контрактную цену на поставляемый во Францию газ. В свою очередь, ОАО «Газпром» подписало соглашение с французской энергетической компанией GDF SUEZ о покупке 0,9 млн т СПГ в начале 2011 г. Сделка заключена с иностранной дочерней компанией «Газпрома» – Gazprom Global LNG.

Особое место в вопросах сотрудничества с Францией российского «Газпрома» занимает

проблема транспортировки азербайджанского и туркменского газа по альтернативному «Южному потоку» газопроводу «Набукко». Россия по вполне понятным причинам заинтересована в сохранении статуса монополиста в поставках газа в Европу и всегда возражала против строительства «Набукко», аргументируя права на свои решения статусом Каспийского моря, лежащего в компетенции всех стран бассейна – России, Азербайджана, Ирана, Туркмении и Казахстана. Россия и Иран выступают против строительства газопровода по дну моря, которое к тому же и не разграничено. Тем не менее Азербайджан и Туркмения считают, что для строительства этой инфраструктуры достаточно их согласия. В случае прокладки газопровода по дну Каспийского моря Европа получает прямой доступ к газовым ресурсам Средней Азии, а Россия соответственно разделит транзитную монополию с Азербайджаном, Грузией, Турцией, через которые пролегает «Набукко».

В сентябре 2011 г. Евросоюз предоставил Еврокомиссии мандат на проведение переговоров между Азербайджаном и Туркменией относительно правовой базы Транскаспийского газопровода. Об этом говорится в документе «Внешние энергетические связи Европейского союза», принятом Европейской комиссией¹⁸. В документе отмечается, что соглашение между ЕС, Азербайджаном и Туркменистаном относительно газопровода заложит основу строительства инфраструктуры, которая обеспечит транспортировку туркменского природного газа через Каспийское море. Предполагается, что поставки через «Набукко» будут осуществляться с месторождения Шах-Дениз в Азербайджане. Однако его объемов недостаточно, чтобы заполнить все мощности газопровода, что пока является фактором, препятствующим принятию Азербайджаном окончательного решения¹⁹.

Важно, что Франция и Германия участвуют в проектах, которые препятствуют востребованности «Набукко»: RWE (Германия) в июне 2011 г. подписала с ОАО «Газпром» Меморандум о взаимопонимании относительно стратегического сотрудничества в европейском генерирующем секторе. Меморандум предусматривает проведение переговоров о создании совместного предприятия, которое объединит газовые и угольные электростанции в нескольких странах Европы. Более того, ОАО «Газпром» изучает варианты партнерства с французскими топливно-энергетическими компаниями GDF SUEZ и EDF по форме сотрудничества с RWE²⁰. Кроме того, GDF SUEZ владеет акциями конкурирующего с «Набукко» газопровода «Южный поток». На настоящий момент начало поставок по газопроводу «Набукко» в обход России отложено до 2013 г.²¹.

Одной из принципиальных проблем российского энергетического, в частности газового, комплекса является проблема необходимых для его модернизации инвестиций. Согласно энергетической стратегии РФ до 2030 г., капиталовложения в развитие топливно-энергетического комплекса РФ в 2009–2030 гг. оцениваются в диапазоне от

1,819 до 2,177 трлн долл. Иностранные инвестиции в топливно-энергетический комплекс России и сопутствующую инфраструктуру в 2012 г. могут увеличиться до 50% от общего объема вложений в экономику РФ²². Эта ситуация предопределяет заинтересованность российских компаний в области ТЭК в привлечении Франции к решению проблем его модернизации.

Вопросы двустороннего сотрудничества ТЭК Франции и России активно обсуждаются на уровне глав правительств и Российско-Французского совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам. В сфере постоянного внимания сторон находятся проекты участия французских компаний в модернизации российского электросетевого комплекса, генерации, развития машиностроения в сфере атомной энергетики. Опыт специалистов из Франции также будет востребован в рамках строительства приливных электростанций, ГАЭС (гидроаккумулирующих электростанций), а также обмена опытом в области возобновляемых источников энергии²³.

В обмен на участие в сотрудничестве французские компании проявляют заинтересованность в приобретении контроля над российскими компаниями ТЭК. Вполне укладывается в эту стратегию заявленные в 2007 г. претензии EDF на получение 25% в реформированной «Интер РАО ЕЭС». В начале 2008 г. стало известно, что эта энергетическая компания намерена получить контроль над Северо-Западной ТЭЦ, которая войдет в состав консолидированной компании.

В июне 2010 г. между госкорпорацией «Росатом» и Комиссионером по атомной энергии Франции (КАЭ) было также подписано соглашение о сотрудничестве. В соответствии с этим документом предполагается самый широкий спектр направлений двустороннего взаимодействия, начиная от стратегии развития атомной энергетики и ядерного топливного цикла, разработки реакторов будущих поколений, перспективных реакторных систем с газовым охлаждением, радиационной безопасности и фундаментальных исследований до безопасности ядерных материалов, предупреждения и действий в чрезвычайных и аварийных ситуациях. Помимо того, большой блок сотрудничества будет посвящен перспективным технологиям переработки ОЯТ (отработавшее ядерное топливо) и РАО (радиоактивные отходы), выводу ядерных установок из эксплуатации и последующему обращению с РАО.

Также новое соглашение предусматривает проведение совместных исследований и организацию проектов по направлениям сотрудничества, представляющим взаимный интерес для «Росатома» и атомного ведомства Франции. Помимо того, сотрудничество ведется между «Росатомом» и компанией AREVA, которая приняла участие в строительстве завода по переработке обедненного урана в Зеленогорске и разработке контрольно-управляющих систем для реакторов, работающих по технологии водо-водяных энергетических реакторов. Это взаимодействие в области ядерной

энергетики является естественным и логичным, поскольку обе страны сделали выбор в пользу развития этого вида энергетики, высокопроизводительной и не дающей выбросов парниковых газов.

Потребность во взаимовыгодном сотрудничестве наблюдается у компаний ТЭК России и Франции при участии в проектах разведки и добычи энергоресурсов за рубежом обоих государств. ОАО «Газпром» и Total подписали соглашение о переуступке долей в проекте по геологоразведочным работам на блоках Ипати и Акийо в Боливии. После процедуры одобрения со стороны государственных органов Боливии участие компании «Газпром» (Gazprom EP International B.V.) в акционерном капитале проекта составило 20%, Total – 60%, TecPetrol – 20%²⁴. Участники проекта планируют провести совместную геологоразведку и разработку месторождений на лицензионных блоках Ипати и Акийо. По предварительным прогнозам, добыча природного газа на месторождении начнется в 2013 г.

«Газпром» и Total также завершают переговоры с боливийской государственной нефтегазовой компанией YPFB о совместном проекте на блоке Асеро. По оценкам «Газпрома», разведанные запасы блоков составляют 176,3 млрд куб. м природного газа и 14,8 млн т. газового конденсата. Аналогично организовано сотрудничество «Газпрома» и Total в Нигерии. Поскольку шаги «Газпрома» в Нигерии, в которой всегда доминировали западные энергокомпании, вызвали обеспокоенность у европейских правительств, французская Total выразила заинтересованность в участии в этом проекте²⁵. Газопровод длиной 4 тыс. км должен соединить Нигерию с Алжиром и стать одним из основных каналов поставок природного газа в Европу. Его стоимость оценивается в 12 млрд долл., запуск запланирован на 2015 г.

Таким образом, проанализировав перспективы сотрудничества энергетических ТНК России и Франции, можно сделать следующие выводы:

- важнейшими факторами, определяющими перспективы сотрудничества компаний ТЭК Франции и России, являются государственное участие в капиталах компаний и определяющая роль государства в формировании поведения компаний на рынке, исходя из необходимости решения ряда государственных задач;

- обобщенная заинтересованность правительств обеих стран в обеспечении энергетической безопасности своих государств определили аспекты взаимовыгодного сотрудничества компаний ТЭК России и Франции;

- основным фактором, делающим такое сотрудничество неизбежным, является «стабилизация» добычи газа в России, что объединяет интересы обеих стран в решении проблемы энергосбережения, поиска и расширения возможностей гидроэнергетики и атомной энергетики в России на уровне научных инноваций технологий и технических решений;

- потребность России в колоссальных ресур-

■ Свежий взгляд

сах для переоснащения своего ТЭК и разработки новых месторождений в целях максимизации его возможностей по добыче энергоресурсов обуславливают заинтересованность компаний ТЭК Франции в предоставлении таких инвестиций на условиях выгодного обмена активами и даже допуска «Газпрома» к распределительным сетям Франции;

– политика «неоголлизма», проводимая Францией, предполагает независимость решений этой страны в вопросах, задевающих интересы ее граждан и предприятий. Это позволяет российским компаниям участвовать в совместных проектах с ТНК Франции вопреки мнению Евросоюза.

Ovakimyan M. S. Prospects for Cooperation of Russian and French Multinational Energy Companies on the Basis of National Energy Strategies.

Summary: The article analyses possible areas of mutually advantageous cooperation of Russian and French multinational energy companies enabling Russia to upgrade its fuel-energy complex and attract adequate investments for large-scale projects realization and France can benefit by participating in new gas mains construction for diversifying its energy supplies and by acquiring shares of Russian multinational energy companies in order to resolve national energy security problem and strengthen its position in the international energy market.

Ключевые слова

Сотрудничество Франции и России, энергетические ТНК Франции и России, российско-французские совместные проекты, «Южный поток», энергобезопасность Франции.

Keywords

French-Russian cooperation, French and Russian multinational energy companies, Russian and French mutual projects, South Stream, France's energy security.

Примечания

1. «Газпром и EdF хотят до конца года закрыть сделку по «Южному потоку» // РИА «Новости» от 29.10.2010.
2. «EDF присматривается к «Интер РАО ЕЭС». 27.04.2010 // Информационный сайт M&A // <http://www.maonline.ru>
3. Исполатов С. ЛУКОЙЛ прописался в Голландии. 05.08.2009 // <http://www.rbcdaily.ru/2009/08/05/tek/425581>
4. Тимофеев М. «У «Газпрома» с «Электрисите де Франс» существуют «долговременные и многообещающие проекты» - Алексей Миллер. 06.06.2011. Париж, 6 июня // ИТАР-ТАСС//<http://www.itartass-sib.ru>
5. Карташев Н. Подписано соглашение о строительстве на юге Франции реактора ИТЭР // Компьюлента от 22.11.2006 // <http://science.compulenta.ru/295913/>
6. «Газпром» и Total подписали соглашения по основным условиям сотрудничества при разработке первой фазы Штокмановского месторождения//Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии РФ // <http://www.mnr.gov.ru/news/companynews/detail.php?ID=19439>
7. Total et le russe Novatek vont créer une société mixte // Газета «Le Monde». 24.06.2009.
8. Проект «Тоталь» – «Новатэк» состоялся // <http://www.ntv.ru/novosti/223560>
9. Россия и Франция создают совместную организацию по энергетической эффективности// Энергонадзор и энергобезопасность. 2010. №12.
10. Сергей Шматко встретился с представителями французского бизнеса // Официальный сайт министерства энергетики Российской Федерации. 20.05.2011 // http://minenergo.gov.ru/press/min_news
11. «Газпром» и GDF SUEZ подвели итоги научно-технического сотрудничества в 2010 году// Официальный сайт ОАО «Газпром» // <http://www.gazprom.ru/press/news/2010/december/article106815>
12. Россия и Франция создают совместную организацию по энергетической эффективности. 9.12.2010.// Энергонадзор и энергобезопасность// <http://www.iestream.ru/news/tek/187-rossiya-i-franiya-sozdayut-sovmestnuyu-organizaciyu-po-energeticheskoy-effektivnosti.html>
13. "Газпром" и EDF ведут переговоры о поставках газа во Францию от 27.03.2007//RosInvest//<http://www.rosinvest.com>
14. Марк Ломацци и Пьер-Александр. Российский гигант ГАЗПРОМ будет конкурировать с Gaz de France на территории Франции. 17.11.2005// Газета «La Tribune», Франция.
15. «Les clients européens de Gazprom vont payer» // Le Figaro. 17.01.2009.
16. Киок Жорж, Фредерик де Монико (Georges Quioc, Frederic De Monicault). Газ - особенный товар. 10.06.2008 // Интервью с Алексеем Миллером// Газета «Le Figaro», Франция.
17. Птицын Алексей. На газовом престоле. Что будет с «Газпромом» после 2008 года? // Деловой еженедельник «Компания». № 24(469). 25.06.2007. С. 20.
18. Россия проиграла битву за Каспий. 14.09.2011 // РУСИРАН // <http://ru.rusiran.com>.
19. Судьба трубопровода Nabucco зависит от Азербайджана. 02.08.2011// <http://newskey.ru>.
20. Медведев А.: Газпром рассматривает варианты партнерства с французскими GdF Suez и EdF по модели сотрудничества с RWE// RBC, 19.10.2011// <http://quote.rbc.ru/news/emitents/2011/10/19/33450858.html>
21. Начало поставок газа по Nabucco отложат еще на год. 11.10.2011 // <http://bizvision.ru/news>.
22. МЭР: ТЭК в 2012 году привлечет около 50% всех инвестиций // РИА «Новости» от 6.10.2011 // <http://www.bfm.ru/news>
23. Министр энергетики России С.И. Шматко встретился с представителями французского бизнеса. 24.05.2011.// Энергетическая стратегия // http://www.energy2020.ru/international_experience.
24. «Газпром» договорился с Total о вхождении в проекты в Боливии//Журнал «Эксперт» от 06.10.2010.
25. Total предложила «Газпрому» вместе работать в Нигерии // Финмаркет. 4.03.2008// <http://www.rusbonds.ru>

Россия и ЮНЕСКО: основные направления сотрудничества

В.О. Родионова

Данная статья посвящена взаимодействию и сотрудничеству между ЮНЕСКО и Россией, что благоприятно сказывается на международном имидже России, вносит неоспоримый вклад в укрепление компонентов «мягкой» силы в ее внешней политике и международных отношениях в целом. В статье делается вывод о необходимости дальнейшего развития отечественной публичной дипломатии, связанной с активным сотрудничеством с ЮНЕСКО и его использованием для решения важных российских внутриполитических задач – утверждения демократии, формирования правового государства, профилактики этнических и социальных конфликтов.

Сегодня сотрудничество России с ЮНЕСКО представляет значительный интерес для обеих сторон, хотя изначально отношение к данной организации было весьма неоднозначным¹. Вплоть до середины 1950-х гг. Советский Союз сдержанно относился к участию в деятельности ЮНЕСКО, мотивируя свою позицию ее «чрезмерной политизацией». Однако официальное вступление СССР в ЮНЕСКО в 1954 г. в условиях «холодной войны» и идеологической конфронтации открыло широкие возможности выхода на международную арену советским деятелям культуры, науки, образования². Советский Союз внес существенный вклад в программную деятельность организации и разработку документов, оказавших плодотворное воздействие на активизацию межкультурного диалога. Сотрудничество с ЮНЕСКО способствовало закреплению за СССР репутации одного из наиболее значимых центров мировой культуры, а также расширению его взаимоотношений с развивающимися странами. После распада Советского Союза этот курс был продолжен Российской Федерацией.

В реализации внешнеполитической стратегии России, направленной на укрепление ее международных позиций и обеспечение благоприятных внешних условий для развития страны, безусловно, особая роль принадлежит культуре, науке и образованию – областям прямой компетенции ЮНЕСКО. Сотрудничество с ЮНЕСКО благоприятно

сказывается на международном авторитете России. Используя трибуну крупнейшей гуманитарной организации мира и активно участвуя в ее деятельности, страна имеет весьма ценную и ничем не заменимую возможность прямого воздействия на международное сообщество и продвижения своих взглядов.

На сегодняшний день сотрудничество с ЮНЕСКО развивается в рамках трех структур – Бюро ЮНЕСКО в Москве, Национальной комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО и Постоянного представительства России при ЮНЕСКО в Париже.

Деятельность Бюро ЮНЕСКО в Москве

Бюро ЮНЕСКО в Москве основано в 1994 г., его работа первоначально ограничивалась исключительно сотрудничеством с Российской Федерацией³. Однако в 2002 г., по настоянию ряда государств-членов, выступавших за более тесное и активное сотрудничество с ЮНЕСКО, и следуя политике организации по децентрализации, сфера деятельности бюро была расширена как технически, так и географически. Сегодня деятельность бюро включает в себя полный спектр программной деятельности ЮНЕСКО (образование, естественные науки, социальные и гуманитарные науки, культура, коммуникации и информация) и распространяется на Азербайджан, Армению, Беларусь и Республику Молдова. Бюро ЮНЕСКО

Родионова Виктория Олеговна – магистр по направлению «Международные отношения» МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Свежий взгляд

в Москве является единственным кластерным офисом организации в Европе.

Основываясь на концептуальной основе и руководящих принципах, содержащихся в «Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на 2008–2013 гг.» и «Программе и бюджете ЮНЕСКО на 2012–2013 гг.», одобренных Генеральной конференцией, бюро разрабатывает и реализует двухлетний рабочий план и проекты для стран, на территории которых оно работает в тесном сотрудничестве с национальными комиссиями. Чтобы сделать свою работу максимально эффективной, Бюро ЮНЕСКО в Москве осуществляет совместную программную деятельность с агентствами ООН, работающими в тех странах региона, на территории которых ЮНЕСКО не имеет своих офисов. Бюро также тесно сотрудничает с представителями частного сектора и гражданского общества.

Высокая квалификация работающих в системе ООН и знакомых с местными проблемами специалистов позволяет им эффективно решать задачи, стоящие перед ЮНЕСКО. Для кластерных стран Бюро ЮНЕСКО в Москве служит лабораторией идей и центром распространения информации обо всех аспектах программной деятельности ЮНЕСКО. Офис вносит свой вклад в наращивание потенциала кластерных стран и поощрение международного сотрудничества. Помимо прочего, бюро стремится улучшить управление проектами в кластерных странах, уделяя большее внимание действиям, ориентированным на достижение конкретных результатов. Чтобы результативно использовать ресурсы и компетенцию ЮНЕСКО в кластерных странах, Бюро ЮНЕСКО вместе с другими агентствами ООН принимает участие в подготовке таких документов, как Рамочная программа ООН по оказанию помощи в целях развития (ЮНДАФ/UNDAF), а также Общая страновая оценка (CCA)⁴.

Бюро стремится к тому, чтобы осуществление программ было качественным и эффективным с финансовой точки зрения. Необходимым условием улучшения качества любого проекта является наличие результата, а также существование индикаторов, с помощью которых можно оценить уровень воздействия проекта. Преимущество такой стратегии ЮНЕСКО видят в возможности оценить значимость программ, количественно измерить результаты их реализации, усилить влияние деятельности ЮНЕСКО на местном и государственном уровне и укрепить сотрудничество между агентствами ООН, работающими на территории кластерных стран. Для реализации этой стратегии Бюро ЮНЕСКО в Москве концентрирует свои усилия на развитии как многостороннего, так и двустороннего сотрудничества. С этой целью бюро стремится к поиску новых форм сотрудничества с «членами семьи ЮНЕСКО»: национальными комиссиями, государственными комитетами межправительственных программ ЮНЕСКО, кафедрами и ассоциированными школами ЮНЕСКО.

Деятельность Бюро ЮНЕСКО в Москве организуется по секторам.

Сектор образования. В странах своего кластера Бюро ЮНЕСКО в Москве играет ключевую роль в реализации программы «Образование для всех» (ОДВ), достижении Целей развития тысячелетия (ЦРТ), а также решении других глобальных задач в области развития, подчеркивая вклад образования, прямой или опосредованный, в обеспечение устойчивого развития. Разрабатывая Национальную стратегию поддержки образования (ЮНЕСС) в кластерных странах, Бюро ЮНЕСКО в Москве составляет план мероприятий с учетом выявленных потребностей и приоритетов стран-членов, их приоритетов в области развития образования в тесном взаимодействии с агентствами системы ООН и другими учреждениями, занимающимися вопросами развития. Мероприятия сектора образования Бюро ЮНЕСКО направлены на поддержку усилий стран по улучшению качества ОДВ с акцентом на расширение доступа к высококачественному воспитанию и образованию детей младшего возраста (ВОДМ); развитию потенциала и разработке политики по вопросам инклюзии и повышения качества образования⁵. Усилия Бюро ЮНЕСКО в сфере продвижения инклюзивного образования направлены на поддержку образовательных программ для коренных народов Севера Российской Федерации, а также на развитие образования, тесно связанного с профессиональной деятельностью и жизненными навыками. Бюро ЮНЕСКО в Москве активно способствует превращению школ – участниц проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО» в инновационные образовательные центры и «школы будущего», а также выступает за более активное участие кафедр ЮНЕСКО и сетей ЮНИТВИН в работе, направленной на достижение ЦРТ и целей ОДВ.

Кроме того, сектор образования уделяет внимание вопросам профилактики ВИЧ/СПИДа через образование, использования информационных и коммуникационных технологий в образовании, культурного и языкового разнообразия, удовлетворения образовательных потребностей коренных народов, а также восстановления системы образования в постконфликтных условиях. За пределами своего кластера Бюро ЮНЕСКО в Москве также занимается вопросами развития системы профессионально-технического образования и устойчивого развития в странах СНГ.

Сектор естественных наук. Бюро ЮНЕСКО в Москве осуществляет деятельность, направленную на обеспечение безопасности окружающей среды, включая управление и устойчивое использование природных ресурсов, а также поддержку фундаментальных и прикладных наук. Приоритетом является поддержка устойчивого развития посредством реализации ряда программ. Мероприятия бюро способствуют укреплению научного потенциала, созданию сетей и международному сотрудничеству в области гидрологии, экологии и наук о Земле.

Охрана ресурсов пресной воды является важным направлением деятельности Бюро ЮНЕСКО в Москве. Проводимые мероприятия способствуют

устойчивому управлению водными ресурсами и сохранению водно-болотных и связанных с ними экосистем. Таким образом, бюро акцентирует свою работу на укреплении потенциала, развитии сетей и регионального и международного сотрудничества в области пресной воды. В этой сфере Бюро ЮНЕСКО в Москве тесно сотрудничает с Международной гидрологической программой (МГП). В частности, в рамках совещания представителей национальных комитетов стран СНГ по МГП, прошедшего в 2008 г. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), были сформулированы важные рекомендации и рабочий план, отражающие первоочередные цели и приоритеты стран СНГ в седьмой фазе МГП⁶.

Также в структуре седьмой фазы МГП были определены основные темы, имеющие научный и практический интерес для всех стран СНГ. Влияние изменения климата и хозяйственной деятельности на гидрологический цикл и водные ресурсы, особенности управления водными ресурсами, трансграничный перенос воды и загрязняющих веществ, изменение состояния грунтовых вод в ответ на глобальные изменения, улучшение гидрологической партнерской сети и т.д. входят в список наиболее важных проблем, требующих вмешательства.

Кроме того, Бюро ЮНЕСКО в Москве способствует развитию интегрированного управления водными и земельными ресурсами. Особое внимание направлено на ускорение принятия экологических мер по защите и восстановлению естественных водосборных процессов в регионе Восточного Полесья (Беларусь/Россия) и бассейна реки Прут (Республика Молдова). Значительная часть мероприятий в области пресноводных ресурсов реализуется в рамках программы «Живая Волга». Программа вносит свой вклад в охрану водно-болотных экосистем и способствует усилинию экологического образования и осведомленности в регионе бассейна Волги.

Также Бюро ЮНЕСКО в Москве занимается укреплением и использованием Всемирной сети биосферных заповедников для распространения принципов устойчивого развития в странах кластера и содействует осуществлению Мадридского плана действий. Бюро оказывает содействие созданию новых биосферных заповедников (включая трансграничные) и функциональному совершенствованию уже существующих в рамках кластера. Работа бюро вносит вклад в развитие программы «Человек и биосфера» (МАБ), и в этой связи установлено тесное сотрудничество с Национальным комитетом МАБ⁷.

В области фундаментальных и прикладных наук Бюро ЮНЕСКО в Москве концентрирует свои усилия на развитии естественных и прикладных наук и укреплении потенциала в сфере науки и технологии как необходимых условиях устойчивого развития стран кластера. Так же важная роль отводится укреплению человеческого и институционального потенциала в области инженерных наук с акцентом на образовании в области возобновляемых и альтернативных источников энергии.

Важной ролью ЮНЕСКО является инициирование новых подходов к развитию политики, активное содействие проведению реформ и внедрению инноваций, а также развитие международного сотрудничества в области естественных наук. Бюро ЮНЕСКО в Москве оказывает содействие странам своего кластера в реализации действий и рекомендаций, содержащихся в Декларации и Рамках действий Всемирной конференции по науке, в которых рассматриваются вопросы научной политики.

Сектор социальных и гуманитарных наук. Основная цель сектора заключается в поддержке государственных инициатив, направленных на развитие в кластерных станах этики как части устойчивого развития, в том числе биоэтики, этики окружающей среды, а также включении гендерных вопросов и вопросов миграции в планирование политики. Сектор содействует странам кластера по осуществлению следующих программ: «Биоэтика», «Этика науки и технологии», «Права человека», «Гендерное равенство и развитие» и «Международная миграция и социальная интеграция».

В свете недавних научных открытий и их серьезных последствий для общества мандат ЮНЕСКО в области этики приобретает все большее значение. Этот мандат зиждется на убежденности в том, что не может быть мира без интеллектуальной и моральной солидарности человечества, и сегодня Бюро ЮНЕСКО в Москве стремится привлечь все страны кластера, а также страны СНГ к обсуждению проблем этики, которые по своей природе не знают государственных и культурных границ⁸.

Также приоритетом для бюро является развитие исследовательской сети, направленной на изучение препятствий на пути осуществления прав человека и выработку рекомендаций по совершенствованию политики в этой области в странах кластера. Исследовательская сеть обеспечивает взаимодействие всех участников: кафедр ЮНЕСКО, научно-исследовательских центров, учебных заведений, институтов уполномоченных по правам человека, межправительственных организаций, международных и национальных неправительственных организаций, а также органов законодательной, исполнительной и судебной власти и других структур, связанных с вопросами осуществления прав человека на национальном и местном уровнях.

Программа ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями» МОСТ (MOST – Management of Social Transformation) – первая межправительственная инициатива в рамках ООН. С 1994 по 2003 г. она была ориентирована на международные исследования. Сегодня же главный акцент делается на усиление политического воздействия этих исследований. В ближайшие годы (до 2013 г.) усилия будут направлены в первую очередь на то, чтобы установить связь между сетью международных общественных организаций и сетью организаций ученых и экспертов. В этой сфере Бюро ЮНЕСКО в Москве сосредоточило свою деятельность на программе «Международная миграция». Ее основной целью является обеспечение уважения прав мигрантов и их успешной социально-экономической

■ Свежий взгляд

интеграции в общество. Бюро ЮНЕСКО в Москве проводит тренинги и семинары по этим вопросам, выпускает образовательные материалы и другие публикации.

Сектор культуры. Деятельность Бюро ЮНЕСКО в Москве в сфере культуры направлена на поддержку и поощрение культурного разнообразия в странах кластера как основного фактора устойчивого развития. При этом существенное внимание уделяется охране материального и нематериального культурного наследия, включая сохранение языков, находящихся под угрозой исчезновения, как, например, языки коренных народов Севера Российской Федерации. Существенное внимание уделяется разработке и применению нормативных актов в области культуры. Бюро ЮНЕСКО в Москве инициировало проведение ряда международных и региональных консультативных встреч, в результате которых были выработаны рекомендации по сохранению культурного и природного наследия в странах кластера и гармонизации национальных законодательств в области культуры с нормативными инструментами ЮНЕСКО.

Одна из задач сектора культуры ЮНЕСКО – укреплять связи между культурой и развитием. В своей деятельности Бюро ЮНЕСКО в Москве стремится показать, что ресурсы культуры имеют огромное значение для устойчивого развития и социального согласия⁹. В кластерных странах бюро развивает различные виды индустрии культуры, такие, как ремесла и культурный туризм, которые служат важными факторами развития и обеспечения социальной сплоченности. В связи с этим Бюро ЮНЕСКО в Москве способствует продвижению в кластерных странах Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.) и разработке необходимых мер для охраны и поощрения разнообразия форм культурного самовыражения.

Основным проектом в области художественного образования является совместный пилотный проект ЮНЕСКО и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ (МФГС)¹⁰ – «Художественное образование в странах СНГ: развитие творческого потенциала в XXI веке». Основной целью проекта является содействие развитию культурной и образовательной политики в сфере художественного образования, а также усиление взаимодействия между министерствами культуры и министерствами образования стран СНГ посредством проведения аналитических исследований в области художественного образования в Азербайджане, Армении, Беларусь, Казахстане, Киргизстане, Республике Молдова, Российской Федерации, Таджикистане, Украине и Узбекистане. Результаты проекта будут содействовать развитию и совершенствованию национальных стратегий стран СНГ в области художественного образования.

Также наиболее актуальным в данный момент является проект «Управление музеем – XXI век»¹¹. Основные цели проекта – усиление социальной, экономической и образовательной ролей музеев в качестве вектора устойчивого развития; повыше-

ние потенциала музейных работников в странах СНГ в области управления музеями и сохранения музейных коллекций; наделение инструкторов необходимыми знаниями и навыками для проведения национальных семинаров на базе пакета обучения музеиному делу ЮНЕСКО/ИКОМ в их соответствующих странах; укрепление контактов между работниками музеев стран СНГ. Проект уже внес значительный вклад в совершенствование культурной политики в области управления музеями и охраны культурного наследия. Он повысил национальный и международный статус многих музеев стран СНГ и способствовал их дальнейшему развитию.

Сектор коммуникации и информации. Усилия сектора сосредоточены на поддержке свободы печати и свободы выражения мнений в кластерных странах, а также на содействии укреплению потенциала общинных средств информации. Среди приоритетов Бюро ЮНЕСКО в Москве – вопросы многоязычия и культурного разнообразия в киберпространстве и в средствах массовой информации. Большое внимание уделяется вопросам создания образовательных курсов на факультетах журналистки Университетов стран кластера, а также сохранению документального наследия и укреплению сотрудничества между библиотеками, архивами и музеями.

Бюро ЮНЕСКО в Москве активно работает в кластерных странах с целью широкого распространения идеи универсального доступа к информации и знаниям, формирования информационной культуры личности и перехода на цифровые технологии и его влияния на будущее общественного вещания. Также бюро уделяет особое внимание продвижению ИКТ для групп с ограниченными возможностями и молодежи в Армении, Беларусь и Республике Молдова. Наращивание потенциала и оказание поддержки людям с ограниченными возможностями является одной из основных целей агентств ООН, работающих на территории Российской Федерации.

Особое внимание уделяется роли средств массовой информации, развивающих диалог и взаимопонимание между группами и народами разного культурного, религиозного и социального происхождения, включая наращивание потенциала работников средств информации для создания материалов разнообразного содержания в неосвещенных или недостаточно освещенных сферах. Проект, направленный на обучение коренных народов Сибири навыкам самодокументирования, является одним из проектов, реализованных Бюро ЮНЕСКО в Москве, которые призваны сохранить культурное наследие коренных народов Севера России. Бюро содействует реализации инициатив, направленных на перевод в цифровой формат архивных материалов, отражающих культурное наследие коренных народов Российской Федерации, живущих в Республике Бурятия, Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Саха (Якутия) и др.

Инициатива «Единство действий», стартовавшая в 2007 г. в восьми пилотных странах по всему миру, стала одним из основных принципов работы Бюро ЮНЕСКО в Москве¹². Несмотря на то что в

четырех из пяти стран кластера ЮНЕСКО не имеет постоянного представительства, бюро участвовало в работе Страновой команды ООН во всех этих странах. Выполнение совместных проектов и мероприятий, проведенных при поддержке ЮНЕСКО, было скоординировано с партнерами и в рамках ЮНДАФ.

Во всех странах кластера Бюро ЮНЕСКО в Москве принимает участие в работе Объединенной группы ООН по ВИЧ и СПИДу. ЮНЕСКО оказывает содействие сфере образования в разработке всеобъемлющих ответных мер на эпидемию ВИЧ и мобилизует культуру, социальные науки, гражданское общество и средства массовой информации на борьбу с распространением вируса среди молодежи и наиболее уязвимых групп населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что Бюро ЮНЕСКО в Москве следует общим приоритетам, принципам и политике ЮНЕСКО, а также действует в рамках основополагающей концепции реформы системы Организации Объединенных Наций – «Единая ООН». Следуя основным целям центра, бюро также работает в интересах государств кластера, не отдавая предпочтение ни одному из них, что в очередной раз подтверждает универсальный и демократический характер организации. К каждой из стран, в зависимости от того, какие сферы являются наиболее слабыми, кластерный офис применяет индивидуальный подход. Все эти факторы способствуют оптимизации работы Бюро ЮНЕСКО в Москве и делают ее более эффективной.

Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

Сеть национальных комиссий по делам ЮНЕСКО является составным элементом организации и уникальным образованием в системе ООН. Деятельность каждой такой комиссии направлена на содействие установлению контактов и развитие взаимодействия между государствами-членами и интеллектуальными и профессиональными сообществами в каждой из стран в целях формирования более широких альянсов, а также расширения сферы деятельности ЮНЕСКО в каждом государстве-члене¹³.

Национальные комиссии вносят существенный вклад в достижение целей организации и концептуальную разработку, осуществление и выполнение ее программ на региональном, субрегиональном и национальном уровнях. ЮНЕСКО использует национальные комиссии для выполнения программ, коммуникации, установления партнерских связей, привлечения внебюджетных средств и управления ими, а также усиления сетевого взаимодействия и сотрудничества между ними для расширения их мероприятий.

Национальная комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО является правительственным координационным органом, обеспечивающим сотрудничество Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных органов и организаций, а также ученых и специалистов с ЮНЕСКО. Комиссия руководствуется в своей

деятельности как законами Российской Федерации, так и Уставом ЮНЕСКО. Организационно-техническое обеспечение деятельности комиссии осуществляется Министерством иностранных дел Российской Федерации, расходы на финансирование комиссии включены в бюджет МИДа¹⁴. Председатель комиссии назначается Правительством Российской Федерации, и на данный момент им является министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. Он осуществляет общее руководство деятельностью комиссии и ее президиума; утверждает руководителей комитетов и рабочих групп и представителей Российской Федерации в руководящих органах ЮНЕСКО, ее проектах и программах.

В состав комиссии входят представители федеральных органов исполнительной власти, иных органов и организаций, а также ученые и специалисты, пользующиеся признанным авторитетом в сфере деятельности ЮНЕСКО. Высшим органом комиссии является общее собрание ее членов, которое проводится не реже одного раза в год и определяет основные направления деятельности комиссии, формирует состав президиума комиссии и утверждает регламент ее деятельности.

В период между заседаниями общего собрания высшим органом является президиум комиссии, который состоит из председателя, его заместителей, ответственного секретаря и иных членов комиссии, избранных общим собранием. Президиум принимает решения между заседаниями общего собрания по текущим вопросам деятельности¹⁵.

Рабочим органом комиссии является секретариат, который входит в структуру Министерства иностранных дел Российской Федерации. Секретариат возглавляется ответственный секретарь комиссии, назначаемый председателем комиссии, на данный момент им является Г.Э. Орджоникидзе. Ответственный секретарь представляет комиссию во всех организациях, а также принимает оперативные решения по вопросам, входящим в компетенцию комиссии.

Комиссия имеет право привлекать к работе представителей федеральных органов исполнительной власти, иных органов и организаций, ученых и специалистов, пользующихся признанным авторитетом в сфере деятельности ЮНЕСКО, а также создавать комитеты и рабочие группы по отдельным направлениям сотрудничества Российской Федерации и ЮНЕСКО. В рамках своей компетенции комиссия выполняет следующие задачи:

– содействует участию федеральных органов РФ и организаций, а также ученых и специалистов в мероприятиях и программах, проводимых по линии ЮНЕСКО;

– обеспечивает осуществление международно-правовых обязательств, вытекающих из членства России в ЮНЕСКО;

– распространяет информацию о ЮНЕСКО и ее программной деятельности;

– участвует в подборе кандидатов для работы в Постоянном представительстве Российской Федерации при ЮНЕСКО, секретariate ЮНЕСКО, а также для работы по проектам ЮНЕСКО в различных государствах¹⁶.

■ Свежий взгляд

Основные направления деятельности комиссии определяются решением общего собрания, на котором также подводятся итоги деятельности комиссии за год; выдвигаются проектные предложения российских организаций и ведомств; высказываются компетентные оценки состояния сотрудничества России с ЮНЕСКО. В ходе последних общих собраний в повестку дня включались следующие вопросы:

- продвижение и укрепление позиций русского языка в ЮНЕСКО;
- привлечение к программной деятельности организации гражданского общества;
- повышение внимания к сохранности российских объектов всемирного наследия;
- сотрудничество со странами СНГ и Балтии по линии юнесковских программ;
- реализация проекта по восстановлению православных святынь Косово (Республика Сербия)¹⁷.

Также деятельность комиссии предусматривает активную совместную с организацией работу по совершенствованию профессионально-технического и инклюзивного образования, внедрению информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс. В области науки усилия сосредоточены на проектах, связанных с управлением водными ресурсами, сохранением биоразнообразия, продвижением биоэтики. Одновременно значительное внимание уделено вопросам укрепления сетевого партнерства в области прав человека, противодействия расизму и дискриминации, межкультурному диалогу, сохранению культурного и природного наследия, обмену опытом в организациях музеиного дела.

Большое значение имеет наращивание кооперации с ЮНЕСКО на уровне российских регионов. Целый ряд из них, в том числе Башкортостан, Татарстан, Югра, Саха (Якутия), Ярославская область, уже накопили богатый опыт, который будет полезен и другим субъектам Российской Федерации¹⁸.

Одним из наиболее важных достижений комиссии является Международная программа по фундаментальным наукам (МПФН), которая была учреждена по инициативе Российской Федерации в 2003 г.¹⁹. 35-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО высказалась за укрепление с помощью МПФН:

- естественно-научного образования;
- деятельности по созданию человеческого и институционального потенциала в области фундаментальных наук;
- создание потенциала и внедрение инноваций в области инженерных наук;
- разработку политики в области возобновляемых и альтернативных источников энергии.

Генеральная конференция поддержала инициированный Россией проект создания научно-образовательного спутника ЮНЕСКО, запуск которого состоялся в год 50-летия полета в космос первого человека – Юрия Гагарина. Научный совет МПФН включил в программу российское проектное предложение «Фундаментальные проблемы физики и технологии плазмы». В России действует нацио-

нальный комитет МПФН, возглавляемый профессором А.Д. Хамзаевым (член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО). Также в 2008 г. в Москве создан Международный центр устойчивого энергетического развития под эгидой ЮНЕСКО — первый юнесковский институт категории II в нашей стране.

Создание в ЮНЕСКО Международной программы по фундаментальным наукам способствует дальнейшей интеграции нашей страны в мировое научное сообщество, укреплению национального потенциала для исследований и подготовки кадров, активизации обменов и совместного использования информации и достижений в области науки, а также предотвращению «утечки умов». Россия представляет имеющиеся в стране центры передового научного опыта для реализации корпоративных международных проектов за счет привлеченных финансовых средств.

Стоит отметить высокий уровень представительства России в межправительственных органах ЮНЕСКО. В 2009 г. Российская Федерация избрана в состав Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО сроком на 4 года, а в 2011 г. на пост председателя комитета был избран представитель России – Э.В. Митрофанова²⁰.

Комитет всемирного наследия состоит из представителей 21 государства, являющихся членами Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.). Данная конвенция является одним из наиболее эффективных международно-правовых документов ЮНЕСКО и объединяет на сегодняшний день 187 стран. На сессиях комитета утверждаются заявки о включении новых номинаций в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (сейчас в списке – 936 объектов), рассматриваются доклады государств-членов о состоянии сохранности культурных и природных объектов, а также другие вопросы, связанные с реализацией конвенции. От Российской Федерации в данный охранный список включены 24 объекта культурного и природного наследия²¹.

Избрание России в состав Межправительственного совета ПИДВ в 2009 г. дало новый импульс нашему сотрудничеству с ЮНЕСКО в области информации²². Координатором деятельности в России на этом направлении стал созданный при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Российский комитет программы «Информация для всех» (РК ПИДВ). В рамках ПИДВ при участии экспертов ЮНЕСКО организован целый ряд международных конференций по вопросам формирования национальной и международной информационной политики, проблемам доступа к информации, этическим и правовым аспектам использования Интернета. Благодаря участию России в Межправительственном совете ПИДВ российский опыт по созданию системы доступа населения к правовой информации получил международную известность и признание. В целом можно сказать, что взаимодействие России и ЮНЕСКО в области коммуникации и информации успешно развивается и приобретает форму взаимовыгодного сотрудничества, потенциал которого

тем не менее далеко не исчерпан.

Россия также входит в состав Совета Международного бюро просвещения, Межправительственный комитет по биоэтике (МПКБ), в области естественных наук Россия представлена в Исполнительном совете Межправительственной океанографической комиссии (МОК), Межправительственном совете Международной гидрологической программы (МГП), Международном координационном совете программы «Человек и биосфера» (МАБ).

Повышению результативности сотрудничества комиссии с ЮНЕСКО служат контакты по линии гражданского общества. Важное место во взаимодействии с «дипломатией мягкой силы» следует отводить и российским бизнес-структурам, причем отнюдь не только в расчете на спонсорство и меценатство, но и на имиджевое инвестирование в разного рода интеллектуальные проекты²³.

В целом требуется усиление системного, планового подхода к сотрудничеству с ЮНЕСКО. Не вызывает сомнений, что, опираясь на деятельность существующих при комиссии профильных комитетов, российские участники сотрудничества с ЮНЕСКО могут успешно решать проблему долгосрочного планирования своего взаимодействия с организацией, его финансового и кадрового обеспечения.

Постоянное представительство России при ЮНЕСКО в Париже

Одним из наиболее эффективных механизмов взаимодействия России и ЮНЕСКО является Постоянное представительство страны в Париже. Указом Президента в 2009 г. Постпредом РФ при организации была назначена Э.В. Митрофанова²⁴. В том же году пост Генерального директора ЮНЕСКО заняла И. Бокова, которая свободно владеет русским языком: обучалась в Советском Союзе. И это, несомненно, придает особый характер взаимоотношениям с представительством России в ЮНЕСКО и страной в целом. Это обеспечивает некоторое преимущество России в деле укрепления позиции Российского государства в ЮНЕСКО. В связи с этим между нашей страной и организацией установилось прочное взаимопонимание, это преимущество все более энергично задействуется обеими сторонами.

Интенсификация сотрудничества также вызвана тем, что 23 ноября 2009 г. в ходе 183-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО впервые в истории наших отношений на пост его председателя был избран российский представитель – Э. В. Митрофанова. Это обеспечило лидерство нашей страны в деятельности организации по всей повестке ее работы. В ноябре 2011 г. завершилось двухлетнее российское председательство в Исполнительном совете. В рамках председательства Россия проводила четкую объединительную линию, предпринимала шаги по приданию дополнительной динамики юнесковской деятельности, совершенствованию координации в процессе работы на приоритетных направлениях, в продвижении реформенных процессов. Одной из

ключевых задач российского председательства стала подготовка мощных интеллектуальных импульсов, реально содействующих эффективному управлению ЮНЕСКО через выработку нового видения ее роли в международных гуманитарных делах, повышению эффективности осуществления программной деятельности, в том числе за счет оптимизации финансовых и экспертных ресурсов.

Эффективное руководство Исполнительным советом позволило повысить внимание государственных членов к голосу России по всем обсуждаемым современным гуманитарным проблемам. Именно оно привлекло особое внимание к инициативе проведения тематической дискуссии на 185-й сессии Совета по вопросам межкультурного диалога в 2010 г., посвященной теме переосмыслиния политики в контексте культуры мира²⁵. Кроме того, на площадке ЮНЕСКО по предложению российской стороны обсуждалась проблематика:

- роли международных организаций в предотвращении войн;
- мирного использования космического пространства на благо образования, науки и культуры;
- диалога культур и партнерства цивилизаций в условиях глобализации.

Исполнительный совет ЮНЕСКО активно поддержал проведение совместных мероприятий в рамках Международного года сближения культур-2010, Международного года молодежи 2010–2011 и Международного года химии-2011. Особое внимание со стороны российского председательства было уделено вопросам координации усилий, направленных на достижение целей Декларации тысячелетия, прежде всего продвижения программы «Образование для всех», а также других юнесковских гуманитарных инициатив в контексте обеспечения устойчивого развития, в повестку «большого ООН».

На самый высокий уровень в период российского председательства вышли политические контакты с ЮНЕСКО – в сентябре Президент России Д.А. Медведев встретился с Гендиректором И. Боковой, которая принимала участие в Мировом политическом форуме в Ярославле.

Председательство России в Исполнительном совете позволило значительно усилить «визуализацию» российского присутствия в организации, провести ряд важных мероприятий, среди которых:

- торжественное празднование 65-летия Великой Победы с участием Молодежного симфонического оркестра стран СНГ под управлением В.Т. Спивакова;
- 50-летие полета Ю.А. Гагарина в космос при поддержке Роскосмоса и участии российских космонавтов В.В. Терешковой, Г.М. Гречко, А.А. Сереброва и С.К. Крикалева, а также исследователей космического пространства из США, Франции, Польши, Германии, Индии, Нигерии и других стран мира²⁶;
- «на высокой ноте» прошло представление 1000-летия Ярославля;
- экспозиция выставки «Диалог культур в пространстве академической школы» Российской академии художеств;
- показ деятельности музея-заповедника «Коломенское»;

■ Свежий взгляд

- демонстрация оригинальной художественной киноверсии романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (Россия выступила инициатором);
- празднование в ЮНЕСКО по инициативе России Дней славянской письменности и культуры (во взаимодействии с Форумом славянских культур – май–июнь 2010–2011 гг.);
- участие большой группы иностранных постоянных представителей при ЮНЕСКО в X Международных Лихачевских научных чтениях по теме «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры» (Санкт-Петербург – май 2010 г.).

В ходе 36-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО российское председательство представило отчет о своей многоплановой работе в Исполнительном совете, который получил высокую оценку Гендиректора И. Боковой и всех выступивших в ходе общеполитической дискуссии делегаций стран–членов ЮНЕСКО. По итогам была принята специальная резолюция с выражением признательности Постоянному представителю России при ЮНЕСКО Э.В. Митрофановой за неизменную приверженность идеалам организации и значительный личный вклад в достижение высоких целей. Успешная деятельность российского председателя во многом обеспечила переизбрание России в новый состав Исполнительного совета ЮНЕСКО на 2011–2015 гг.

Также в качестве достижений председательства России в Исполнительном совете можно рассматривать избрание Э.В. Митрофановой на пост председателя Комитета всемирного наследия с получением права проведения 36-й сессии этого важного органа в Санкт-Петербурге в июне 2012 г.²⁷.

И. Бокова позитивно восприняла решение о проведении сессии в г. Санкт-Петербурге. Она выразила готовность предоставить возможности организации в подготовке к проведению в России таких крупных международных спортивных мероприятий, как летняя Универсиада в Казани в 2013 г. и зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 г. Гендиректор организации заявила в этой связи: «ЮНЕСКО могла бы выступить в качестве флагманской организации по пропаганде здорового образа жизни среди молодежи, содействию культурному разнообразию, борьбе с распространением допинга в спорте²⁸.

На данный момент к приоритетным направлениям деятельности Постоянного представительства РФ при ЮНЕСКО относятся выдвижение предложений по демократизации механизмов функционирования созданной при Генеральном директоре ЮНЕСКО Группы высокого уровня по вопросам мира и диалога культур, а также более предметное обсуждение вопроса о налаживании контактов ЮНЕСКО с Русской православной церковью в целях обогащения содержания межкультурного диалога.

Для руководства любого государства улучшение имиджа страны в глазах мирового сообщества остается одной из наиболее приоритетных задач. Привлекательный образ страны автоматически существует формированию комфортного инвестиционного

климата и в той или иной мере способствует развитию национальной экономики. Работа в этом направлении представляется вкладом в формирование имиджа России с точки зрения инновационных достижений в СНГ. Поддержка и развитие подобных инновационных научноемких проектов – это неоспоримый вклад в укрепление компонентов «мягкой», даже скорее «умной», силы России.

Проблема формирования национальных арсеналов «мягкой силы» непосредственно затрагивает фундаментальные вопросы российской политической, социально-экономической и культурной действительности, решение которых может способствовать дальнейшему формированию отечественной публичной дипломатии²⁹. Российской Федерацией предпринят ряд шагов, обуславливающих структурный подход к решению данной задачи. Президентом Российской Федерации подписаны распоряжения о создании Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и Российского совета по международным делам (РСМД). Важной вехой в развитии публичной дипломатии стал первый в истории России документ, регламентирующий данное направление международных отношений – 18 декабря 2010 г. Президент России Дмитрий Медведев утвердил «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества».

В современных условиях диалог России с мировым сообществом и трансляция собственных взглядов, ценностей и убеждений открывается через международно признанные сети культурного сотрудничества, в частности в расширении и совершенствовании партнерства и развития направлений взаимоотношений с ЮНЕСКО. В основе такого сотрудничества заложен огромный потенциал. Россия занимает в ЮНЕСКО особое положение – она одновременно является и крупным государством-донором, и страной, которая сама нуждается в средствах на нужды образования, науки и культуры³⁰.

Анализируя мнения российских экспертов по поводу миссии ЮНЕСКО в современном мире, основная позиция может быть сформулирована следующим образом: Россия хотела бы видеть ЮНЕСКО организацией международного гуманитарного сотрудничества на деполитизированной основе, действующей в интересах закрепления, как справедливо отметил в своей статье С.В. Лавров, «нарождающейся многополярности»³¹, утверждения многообразия культур, недопущения доминирования или диктата одной из них, формирования взаимозависимой и поликультурной архитектуры.

Участие российских экспертов в различных специализированных органах и программах ЮНЕСКО позволяет не только получать ценную научно-практическую информацию и перенимать опыт других стран, но и оказывать влияние на формирование международной стратегии в области образования, науки, культуры, коммуникации и информации, на решение актуальных проблем глобального характера.

Сотрудничество с ЮНЕСКО может более активно использоваться и для решения важных

внутриполитических задач утверждения демократии, формирования правового государства, профилактики этнических и социальных конфликтов. По существу, речь идет о формировании широкого общественного движения на базе нравственных идеалов ЮНЕСКО, таких, как терпимость, взаимное уважение и диалог культур и т. д. При этом важное значение имеет традиционно высокий авторитет, привлекательный образ организации, укрепившийся в России.

ЮНЕСКО стремится к взаимодействию с международными НПО, активно вовлекая их в реализацию своей программной деятельности по самым различным направлениям международного гуманитарного сотрудничества. Организация уже имеет ряд российских НПО в качестве постоянных партнеров, и необходимо расширять этот положительный опыт. При этом надо иметь в виду, что такое взаимодействие обусловлено не национальным, а действительно международным характером общественной деятельности.

Углубление сотрудничества России с ЮНЕСКО позволит еще успешнее решать комплексные задачи, совершенствуя формы и методы взаимодействия, нацеленные на выработку умений по созданию инновационных подходов к реагированию на вызовы современности.

Rodionova V.O. Russia and UNESCO: the Cooperation Guidelines.

Summary: The article deals with UNESCO and Russia interacting. It is shown that the cooperation with UNESCO is favorably affecting an international image of Russia, and the fact contributes to strengthening conclusively the components of the Russia's soft power. The author also concludes that it is necessary to go on with the formation of a national public diplomacy. An active cooperation with UNESCO certainly helps with achievement of the goal. It can be more actively used to solve important domestic political tasks as well: the establishment of democracy, the formation of the rule of law, the prophylaxis of ethnic and social conflicts.

Ключевые слова

ЮНЕСКО, ООН, образование, наука, культура, коммуникации, международное гуманитарное сотрудничество.

Keywords

UNESCO, UN, education, science, culture, communications, international humanitarian cooperation.

Примечания

1. Выступление Гендиректора ЮНЕСКО К. Мацууры в ходе официального визита в Россию. Москва. 31 июля 2000.
2. ЮНЕСКО: цели, структуры, деятельность / Под ред. В.Ройтера, К.Хюфнера. М., 2002.
3. Официальный сайт Бюро ЮНЕСКО в Москве – <http://www.unesco.org/new/ru/moscow/>
4. Официальный сайт Бюро ЮНЕСКО в Москве – <http://www.unesco.org/new/ru/moscow/>
5. Бюро ЮНЕСКО в Москве. Доклад о деятельности 2010-2011. М., 2011.
6. <http://www.ihp-russia.ru/>
7. ЮНЕСКО: цели, структуры, деятельность / Под ред. В.Ройтера, К.Хюфнера. М., 2002. С.295.
8. <http://www.bioethics.ru>
9. Harrison L.E., Huntington S.P. Culture Matters. How Values Shape Human Progress. N.Y. 2000. P. 12.
10. Абашидзе А.Х. , Урсин Д.А. Неправительственные организации: международно-правовые аспекты. М., 2002. С. 96.
11. Официальный сайт Бюро ЮНЕСКО в Москве – <http://www.unesco.org/new/ru/moscow/>
12. Бюро ЮНЕСКО в Москве. Доклад о деятельности 2010-2011. М., 2011.
13. ЮНЕСКО: цели, структуры, деятельность / Под ред. В. Ройтера, К. Хюфнера. М., 2002.
14. Официальный сайт Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО – <http://www.unesco.ru/ru/>
15. Россия-ЮНЕСКО. Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО. М., 2005.
16. Россия-ЮНЕСКО. Комиссия РО по делам ЮНЕСКО. М., 2005.
17. <http://www.unesco.mid.ru>
18. Официальный сайт Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО – <http://www.unesco.ru/ru/>
19. Официальный сайт Международной программы по фундаментальным наукам (МПФН) - <http://www.unesco-ibsp.ru/>
20. <http://www.unesco.mid.ru>
21. <http://heritage.unesco.ru/index.php?id=44&L=9>
22. <http://www.ifapcom.ru/>
23. Аллак Ж. Отстаивая общие интересы //Курьер ЮНЕСКО. 2000. Ноябрь. С.15.
24. Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ЮНЕСКО в Париже - <http://www.unesco.mid.ru/>
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Общем собрании Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, 23 марта 2011 г.
29. Leonard M., Stead C., Smewing C. Public Diplomacy. // London: The Foreign Policy Centre, 2002.
30. Аллак Ж. Отстаивая общие интересы //Курьер ЮНЕСКО. 2000.Ноябрь. С.15.
31. С.В. Лавров. Выступление и ответы на вопросы СМИ на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2006 году. 20 декабря 2006.

Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ

Е.А. Грызунова

В статье рассматривается развитие концепций кризиса и кризисного управления в социологии. Автор раскрывает характеристики и классификации кризисных явлений, их взаимосвязь с родственными терминами. Приведены рекомендации по построению комплексной системы кризисного управления.

Современная эпоха характеризуется резким увеличением кризисных явлений различного характера. Под кризисом (греч. *krisis* – решение, приговор, поворотный пункт, решительный исход) в социальных науках понимается острая форма проявления социальных противоречий, делающая невозможным стабильное, устойчивое развитие общества в целом или его жизненно важных подсистем. При этом объективность обострения ситуации сочетается с субъективными факторами, выраженными в «кризисном сознании»¹.

Кризисное управление представляет собой комплекс организационных действий по минимизации дисфункциональных факторов для той или иной системы, осуществляемый на предкризисном, кризисном и посткризисном этапах: включает мониторинг информации, координацию, принятие решений, внутренние и внешние коммуникации. Причины и последствия кризиса могут располагаться на микро-, мезо- и макроуровне социального пространства (от личностного до социetalьного), однако кризисное управление всегда осуществляется на мезоуровне организаций и социальных сетей.

Особые формы управленческих отношений и механизмы, применяемые в кризисном управлении, входят в предмет изучения социологии управления и требуют на сегодняшний день отдельного, более тщательного рассмотрения и научного осмы-

сления. Эти исследования могут иметь прикладное значение для применения на различных уровнях: в решении глобальных проблем, в государственном управлении и руководстве частными компаниями.

Этапы концепций кризиса

Социологические теории кризиса можно условно подразделить на три адекватных историческим периодам группы:

– первый период – с начала XX в. примерно до середины 1970-х гг. –формулировка концепций кризиса как социального явления (У.А. Томас², А.А. Богданов³, П.А. Сорокин⁴, Ю. Хабермас⁵); параллельное развитие специальной теории бедствий как ответвления от концепции кризисов (Г.С. Принс⁶, Л. Карр⁷, Р. Кутак⁸ и др.);

– второй период – примерно с середины 1970-х гг. до конца XX в. – обоснование понятия «кризисное управление» в рамках теории бедствий (Р. Стэлинг⁹, Р. Дайнз и Э. Каантелли¹⁰); рутинизация и практизация концепции кризиса; использование выводов социологических исследований в менеджменте и администрировании; появление профессии кризисного управлена;

– третий период – с конца XX в. по настоящее время – попытки создания интегральной концепции кризиса и кризисного управления; сближение с другими дисциплинами и подходами; появление новых парадигм; введение в научный оборот спе-

Грызунова Елена Аркадьевна – аспирантка кафедры связей с общественностью МГИМО(У) МИД России.
E-mail: mail12.Elena@mail.ru

циальных терминов для объяснения эмерджентных кризисных явлений «сложного социума»¹¹ (Э. Каантелли¹², А. Бойн¹³, Н.Б. Андерсен¹⁴, Б. Лучини¹⁵, Л.А. Пик, Д.Н. Саттон¹⁶, В.Л. Романов¹⁷, Н.И. Миронова¹⁸, А.В. Мозговая¹⁹, Б.Н. Порфирьев²⁰ и др.).

Теория кризиса и социальных изменений была разработана в первое десятилетие XX в. известным американским социологом У.А. Томасом. Кризис, по его мнению, – это явление, которое «нарушает привычных ход вещей» и требует «новой модели поведения», чтобы действовать в изменившихся условиях. Социолог подразделяет кризисы на внешние и внутренние по отношению к социальной группе. У.А. Томас подчеркивает три основных фактора, наличие которых способствует успешному преодолению кризиса социальной группой: присутствие лидеров; достаточный уровень развития группы, в том числе наличие необходимых технологий; стремление к прогрессу и гибкость²¹.

Современные понятия «кризисное управление» и «кризисные коммуникации» были сформулированы социологами Р. Дайнзом и Э. Каантелли на основе выводов масштабного исследования 1976 г. «Организационные коммуникации и принятие решений в кризисных ситуациях»²², сделанного по итогам анализа более 300 практических случаев и на базе существовавшей на тот момент теории. Предметом исследования Р. Дайнза и Э. Каантелли являлись такие взаимосвязанные элементы кризисного управления, как принятие решений, координация и коммуникации в условиях кризиса.

Возможности данного, а также других эмпирических исследований кризисов и их широкое применение на практике породили новое восприятие кризиса как познаваемого и управляемого процесса. Кризисы, пишут В.А. Акимов и Б.Н. Порфирьев, «стали неотъемлемой частью образа жизни людей»²³, когда организации начали учитывать угрозы кризисов в своей деятельности и возникла профессия кризисных управленцев, для которых кризисы превратились в рутинное явление.

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется экспертами как начало нового периода – «мирового общества риска»²⁴ и «эры кризисов»²⁵. Последствия терактов, социальных и экономических потрясений, катастроф и эпидемий усугубились и стали все менее управляемыми в связи с глобализационными явлениями, новыми технологиями и информатизацией. В условиях «сложного социума» применявшиеся ранее стратегии кризисного управления перестали работать²⁶. «У нас множество ответов на кризисные формации прошлого; но сами вопросы изменились кардинально²⁷, – отмечает один из ведущих мировых экспертов по управлению кризисами П. Лагадек. «Эту кризисов» отличают следующие характерные черты:

- усиление трансграничного и транссистемного характера кризисов;

- возрастание роли средств массовых коммуникаций (СМК) и «массовых самокоммуникаций»²⁸ (новых социальных медиа) в развитии кризисов, расширении «виктимизации»²⁹ населения и сокращении времени кризисного реагирования;

- усиление фактора новых технологий в генезисе и усугублении кризисов;

- ослабление государства и усиление частных компаний и транснациональных корпораций (ТНК) как причина амплификации кризисов (приоритет экономической выгоды над безопасностью, ослабление возможностей государственного контроля и применения санкций);

- усиление угроз, связанных с асимметричным противостоянием международных сетевым криминальным и террористическим группам;

- «политизация кризисов и их последствий»;

- мутация кризисов, образование новых сложных форм за счет комбинаций кризисных элементов, превращение кризисов в «самоподдерживающийся процесс» путем воспроизведения или перетекания в новые формации³⁰.

Свойства кризиса

Характерные черты кризисной ситуации как объекта управления имеют объективную и субъективную составляющие: наличие угрозы; внезапность; эскалация событий; потеря контроля; нарастание вмешательства внешних сил; паника; усиление внимания к объекту кризиса; неизвестность; восприятие ситуации как кризисной; нарушение ожиданий и представлений об объекте кризиса. Как социальное явление кризисы обладают рядом амбивалентных свойств:

- 1) *созидательно-разрушительными* (в зависимости от своего исхода кризисы могут как спровоцировать разрушительные последствия, так и способствовать позитивным изменениям);

- 2) *континуально-дискретными* (переломный момент в развитии системы и многоэтапный управляемый процесс);

- 3) *объективно-субъективными* (объективное нарушение системы и субъективное осознание ситуации как кризисной).

Концепцию кризиса как амбивалентного явления относительно его последствий предложил еще У.А. Томас. Он рассуждал следующим образом: с одной стороны, кризис несет в себе серьезный разрушительный потенциал, может привести к любым дисфункциональным последствиям, вплоть до полного уничтожения социальной группы; с другой стороны, это явление представляет собой стимул для дальнейшего развития; и поскольку такие свойственные только человеку явления, как «язык, размышление, обсуждение, логический анализ, абстракция, технические изобретения, магия, религия и наука, развивались... при разрешении сложных ситуаций через перестройку привычного поведения, то можно сказать, что и разум сам по себе – продукт кризиса»³¹.

Как этнолог, Томас отмечает, что уровень прогресса отдельных народов находится в прямой зависимости от количества перенесенных кризисов.

■ Свежий взгляд

Данное свойство кризисов также нашло отражение в работах П. А. Сорокина. Опираясь на концепцию П.А. Сорокина, С.А. Кравченко делает вывод о том, что «кризисы, особенно кризисы мирового масштаба, способствуют повышению динамичности мышления, приращению инновационного знания»³². Современные эксперты по кризисному управлению также утверждают, что кризисы при правильных организационных действиях могут являться благоприятной возможностью для обновления, консолидации и улучшения репутации.

Что касается второй группы амбивалентных свойств, то в классическом значении само слово «кризис» переводится с греческого как «перелом», «поворотный пункт», то есть подразумевает некий момент разлома, точку бифуркации. Однако современные концепции кризиса, как правило, понимают под ним относительно управляемый процесс, который можно разделить на этапы и задачи. Сам термин «кризисное управление» также переводится как «управление кризисом», что более корректно, чем русскоязычное понятие «антикризисное управление».

Причиной кризиса могут быть как объективные системные нарушения, так и субъективное коллективное осознание ситуации как кризисной, однако в обоих случаях эти две плоскости оказываются взаимозависимыми, и кризис переходит из одной плоскости в другую. Ю. Хабермас в работе «Проблема легитимации позднего капитализма» описывает схему перехода кризиса из объективной плоскости в субъективную. «Кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для самой системы», но «лишь тогда, когда члены общества *переживают* структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и *ощущают* угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе. <...> Кризисные процессы <...> возникают из неразрешенных проблем управления, <...> при этом проблемы управления чаще всего не осознаются действующими субъектами; однако они создают дальнейшие проблемы, которые специфическим образом влияют на их осознание»³³, – утверждает этот мыслитель.

Возможна и обратная ситуация. Кризис может быть следствием преувеличения, слуха или информационного вируса, запущенного в медиапространство. Поскольку, как следует из теоремы Томаса, ситуации, определяемые как реальные, реальны по своим последствиям³⁴, то последствиями субъективно воспринимаемого кризиса будут объективно наблюдаемые нарушения социальной структуры. Они могут проявляться в изменении привычного характера социальных взаимодействий (конфликты, протестные акции, забастовки на производстве, массовые перемещения населения с определенных территорий) и функционирования организаций (закрытие предприятий, перебои в функционировании транспортной инфраструктуры, работа про-

фессиональных государственных служб в особом режиме, коррупция и другие дисфункции органов управления).

Кризис и смежные понятия

Соотношение понятия «кризис» с близкими по значению терминами, такими, как «чрезвычайная ситуация (ЧС)», «бедствие» и «катастрофа», до конца не разработано. Они часто употребляются как синонимы, но в научном дискурсе требуют четкого своего разделения. В англоязычной социологической литературе, помимо понятия «кризис», широко употребляется термин «бедствие» (*disaster*), однако различными авторами он используется, как минимум, в четырех разных значениях: а) разрушительная сила; б) физические последствия разрушительной силы; в) развитие физических последствий разрушительной силы; г) социальные разломы и изменения, вызванные действиями разрушительной силы.

В российском законодательстве понятия «бедствие» и «катастрофа» четко ограничены содержанием термина «разрушительная сила». Чрезвычайная ситуация (ЧС) определяется как «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»³⁵.

То есть если следовать официальной терминологии российского законодательства, то в качестве объектов социологического анализа могут выступать только кризис и ЧС. В России существует система противодействия ЧС, опубликованы подробные научные работы по социологическим концепциям чрезвычайного управления³⁶, однако оно не тождественно кризисному управлению, так как неизбежально в процессе развития кризиса присутствует угроза жизни и физической безопасности граждан.

Необходимо понимать поэтому, что принятие управленческих решений и осуществление коммуникаций в целях нейтрализации кризисных ситуаций должно лежать за пределами полномочий специализированных федеральных министерств и ведомств, которые отвечают за ликвидацию ЧС, поскольку речь идет о разных явлениях, которые могут в некоторых случаях развиваться параллельно и взаимосвязанно. Основное свойство ЧС – локальность, они относятся к определенной географической территории, зоне. Кризисы же, как отмечает социолог Р. Сталлингс, всегда являются свойством социальной единицы³⁷. ЧС характеризуются физическим ущербом, который, хотя его и можно минимизировать, всегда будет иметь негативное значение. Последствия кризисов социальны: кризис может представлять собой вызов ценностям и нормам социальных групп, а также нести в себе угрозу подрыва легитимности власти, нарушения социальной структуры обще-

ства и целостности государства. В то же время эти последствия амбивалентны, то есть в сумме могут давать не только отрицательное, но также и положительное значение в форме консолидации общества, перехода на новый уровень развития, а также укрепления лояльности населения по отношению к органам государственной власти.

В научной литературе нет однозначной трактовки соотношений между указанными явлениями. Если объединить все точки зрения и соотнести их с российской официальной терминологией, можно выявить следующие взаимосвязи. Бедствия и катастрофы – причины ЧС. ЧС провоцируют кризисы, которые усиливаются в случае, если возникает ощущение того, что государство не способно контролировать ситуацию. Между данными явлениями существует и обратная взаимосвязь: бедствия и ЧС могут возникнуть в качестве обострений кризисов (например, когда социальные протесты перерастают в погромы).

Также необходимо обозначить взаимосвязь терминов «кризис» и «риск». С.А. Кравченко характеризует социальный риск как:

- «возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности»;
- «вероятность наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных);
- «вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия»³⁸.

При этом многие эксперты отмечают, что риск всегда подразумевает активный анализ и принятие осознанного решения. Ведущие эксперты по кризисному управлению О. Лербингер и Т. Кумбс относят оценку рисков и управление ими к начальному этапу кризисного управления³⁹. Однако с учетом многомерной и поликентричной природы современных кризисов оценка рисков должна производиться на всех этапах, что позволит избежать мутации кризиса.

В то же время восприятие сложных глобальных рисков современности значительно усложнило сущность кризисов за счет «наложения друг на друга нормального и исключительного состояния»⁴⁰ социальной системы, то есть «виртуальные риски могут восприниматься как большая реальность, чем объективное содержание угроз. За этим следуют не всегда рациональные превентивные действия»⁴¹. Таким образом, оценка рисков в современной реальности может превратиться из ресурса предотвращения и минимизации кризисов в инструмент их провокации.

Классификация кризисов

Кризисы могут охватывать социальные единицы различного уровня. *Социetalный кризис* охватывает все общество, его основные системы, институты, отношения и процессы. Ядром социального кризиса является системный социокуль-

турный кризис. *Системный кризис* – кризис социальной системы (экономической, политической или социокультурной). *Институциональный* – кризис одного из институтов власти (например, правительства) или общества (например, семьи). *Организационный* – кризис, с которым сталкивается организация в процессе своей деятельности. Также кризис может поражать *локальные сообщества и малые социальные группы*.

А.В. Мозговая совместно с группой исследователей из Института социологии РАН подразделяет кризисы по форме протекания на:

- *кризисы-процессы* (общественные явления, которые постепенно развиваются, но долго и не всегда доходят до точки кипения: финансовые, энергетические кризисы и т.д.);
- *кризисы-последствия* (вызваны дестабилизирующей ситуацией: например, чеченский кризис в России, связанный с сепаратизмом и террористической угрозой);
- *кризисы-события*⁴² (вызваны ЧС, требующий незамедлительной реакции).

Кризисы также подразделяются на:

а) *конфликтные* (кризис вызван конфликтом, одна сторона стремится обострить ситуацию: теракты, социальные волнения, революции и бунты, межэтнические столкновения и внутригрупповые конфликты);

б) *консенсусные* (в обществе существует консенсус, что кризис нужно преодолеть как можно скорее, разногласия не принципиальны: естественные и большинство техногенных кризисов).

Социологические исследования⁴³ показывают, что конфликтные и консенсусные кризисы существенно отличаются по таким показателям, как поведенческая, организационная реакция и освещение в СМИ, поэтому требуют различных управленческих решений. В случае консенсусных кризисов у людей проявляется тенденция к взаимопомощи и заботе о близких, рациональность их мышления и адекватность поступков остаются на прежнем уровне или повышаются, а уровень преступности и насилия понижается. Соответственно управленческие решения должны быть направлены на мотивацию и организацию работы волонтеров. Консенсусные кризисы часто несут в себе положительный фактор консолидации общества, что должно быть использовано государственными органами.

В периоды конфликтных кризисов, напротив, людям свойственны приступы паники, агрессивного поведения и мародерства, что часто требует введения жесткого чрезвычайного режима, максимально ограничивающего и контролирующего действия людей. Конфликтные кризисы провоцируют межгрупповые противоречия, что в особо тяжелых случаях может привести к развалу государства. Психологические последствия конфликтных кризисов значительно тяжелее, часто население становится объектом информационно-психологических манипуляций. Интерес массмедиа к конфликтным кризисам выше, чем к консенсусным. Журналисты стремятся отразить

■ Свежий взгляд

две стороны конфликта и намеренно подогревают ситуацию, что усложняет разрешение кризиса и требует грамотной медиаполитики.

Значительную роль в провокации кризисов играют субъективный человеческий фактор не-профессионализма и частных интересов. Социолог Ч. Перроу, комментируя экономический кризис 2008 г., высказался против применения своей известной теории нормальных аварий, неизбежных в сложных системах, для прикрытия некомпетентных или преступных действий управленцев⁴⁴. По Ч. Перроу, кризисы управления (*организационные провалы*) подразделяются на:

- 1) *организационные провалы* (непреднамеренные ошибки в работе организации);
- 2) *должностные провалы* (последствия неправомерных рисков руководства);
- 3) *должностные преступления* (преступные действия руководства);
- 4) *следствия недостаточного госрегулирования отрасли*⁴⁵.

В последние годы ученые также выделяют несколько новейших типов кризисов:

– *транссистемный социальный излом* – критическое явление, которое распространяется поверх государственных границ и нарушает функционирование нескольких социальных систем (например, новые биологические и компьютерные вирусы);

– *социально усиленные кризисы и бедствия* – сочетание бедствий и социальных проблем (например, гибель социально незащищенных пожилых людей в результате жары в Европе в 2003 г.)⁴⁶;

– *повреждение критической инфраструктуры* – разрушение инфраструктуры, важнейшей для функционирования общества и обеспечения безопасности (электроэнергия, телекоммуникации и т.д.)⁴⁷.

Данные виды кризисов требуют совершенствования механизмов кризисного управления.

Концепции и механизмы кризисного управления

Рекомендуется применять комплексный полипарадигмальный подход к кризисному управлению, учитывая амбивалентную сущность кризисов и сложность их современных формаций. Планирование и оценку эффективности управления кризисом как объективным нарушением социальной структуры целесообразно осуществлять с позиций структурного функционализма. Степень кризиса в объективной плоскости определяется в соответствии со степенью социальных девиаций и дисфункций. Кризисное управление включает в себя действия, направленные на восстановление нормального состояния системы.

Что касается субъективной стороны кризиса как «слома привычных символических рамок, легитимизирующих прежний социально-политический порядок»⁴⁸, изучение его показателей возможно с позиций символического интеракционизма и феноменологии. Механизмом управления субъективным восприятием кризисов яв-

ляются кризисные коммуникации. Основным методом измерения как степени усугубления кризисной ситуации, так и успешности антикризисных мер является в рамках данной парадигмы контент-анализ информационного пространства (СМИ и Интернета).

В результате исследования упоминаний кризисной ситуации и организации в данном контексте кризису может быть присвоена степень в соответствии с заранее заданной шкалой. Также определяются соотношение негативных/позитивных характеристик организаций и средний показатель данных значений. Показателями успешных антикризисных коммуникаций в таком случае будет считаться восприятие кризиса как незначительного, доминирование официальной версии событий и положительной оценки действий организации в информационном пространстве.

В зависимости от концептуального понимания сущности кризиса, возможно применение двух системных подходов: кибернетического и синергийного. С учетом созидательно-разрушательных свойств кризисов следует находить баланс между ними. С позиций кибернетического подхода восприятие кризиса – преимущественно негативное, он рассматривается как следствие управленческой ошибки. Причиной кризиса является несогласованность организационных целей (когда элементы системы собственные интересы ставят выше интересов системы), а также недостаток информации о рисках и уязвимостях. Кибернетический подход делает акцент на предкризисный этап, включающий создание информационной системы кризисного управления: построение устойчивой к кризисам организационной структуры, а также анализ рисков и уязвимостей путем экспертных оценок или с использованием технических возможностей мониторинга, прогнозирования и моделирования кризисов. Исход кризиса зависит от полноты внешней информации и беспрепятственной циркуляции внутренней информации, что обеспечивается на предкризисном этапе.

Синергийный подход предполагает в целом положительное восприятие кризиса⁴⁹. Кризис – это возможность развития и совершенствования самоорганизующейся системы, без которой она переходит в период стагнации и деградирует. С точки зрения синергетики основными являются кризисный и посткризисный этапы, на которых необходимо направить энергию кризиса в прогрессивное русло, а также минимизировать отдельные негативные факторы и социальные потери.

Gryzunova E.A. Perspectives of Social System Crisis: Comparative Analysis.

Summary: The article deals with the development of perspectives of crisis and crisis management in sociology. The author describes the characteristics and the classifications of crisis events and their interconnection with the related terms. Recommendations of constructing a complex crisis management system are proposed.

Ключевые слова	Keywords
Кризис, кризисное управление, кризисные коммуникации, конфликт, системный подход, социальный излом, бедствие, чрезвычайная ситуация, управленческая ошибка.	Crisis, crisis management, crisis communication, conflict, system approach, social rupture, disaster, emergency, management failure.

Примечания

1. Локосов В.В. КРИЗИС СОЦИАЛЬНЫЙ // Осипов Г. В., Москвичев Л. Н. (отв. ред.). Социологический словарь. М.: Норма, 2008. С. 204.
2. Thomas, W.I. Source Book for Social Origins: Ethnological Materials, Psychological Standpoint, Classified and Annotated Bibliographies for the Interpretation of Savage Culture. Boston: Gorham Press, 1909. P. 16-22, 133.
3. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. Т. 1, 2.
4. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009; Его же. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3; Sorokin P.A. Social Philosophies of an Age of Crisis. Boston, 1950.
5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010.
6. Prince S.H. Catastrophe and Social Change. London: Kind and Son, 1920. P. 16-19.
7. Carr L. Disaster and the Sequence-Pattern Concept of Social Change // American Journal of Sociology, 1932, Vol. 38. P. 207-218.
8. Kutak, R. The Sociology of Crises: The Louisville Flood of 1937 // Social Forces, 1938, Vol. 17. P. 66–72.
9. Stallings, R.A. A Comparative Study of Community as Crisis Management System. Thesis, Ohio State University, 1971; Idem. The Community Context of Crisis Management // American Behavioral Scientist 1973, Vol. 16. P. 312-325.
10. Dynes, R.R., Quarantelli, E.L. Organization Communications and Decision Making in Crises. Miscellaneous Report 18 of the Disaster Research Center, Department of Sociology, the Ohio State University, 1976.
11. Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 211-220.
12. Quarantelli, E.L., Lagadec, P., Boin, A. A Heuristic Approach to Future Disasters and Crises: New, Old and In-between Types // Rodriguez, H., Quarantelli, E.L., Dynes, R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. P. 16-42.
13. Boin, A. From Crisis to Disaster: towards an Integrative Perspective // Perry, R.W., Quarantelli, E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. P. 153-172; Boin, A., t'Hart, P. The Crisis Approach // Rodriguez, H., Quarantelli, E.L., Dynes, R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. P. 42-54.
14. Andersen, N. B. Situational Analysis of Crisis Communication and Warnings. Abstract from the 17th ISA World Congress of Sociology. Göteborg, Sweden, 2010; Andersen, N. B. and Almlund, P. The Use of Actor-Network Theory in Analysis of Social Crisis and Disasters. Abstract from the 10th Conference of the European Sociological Association "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, Switzerland, 2011.
15. Lucini, B. An Innovative Theoretical Analysis By Sociological Perspectives In Social Crisis Contemporary Context: Rethinking Phenomenological And Symbolic Interactionism Approaches And Their Methodological Relapses. Abstract from the 10th Conference of the European Sociological Association "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, Switzerland, 2011.
16. Peek, L.A., Sutton, J.N. An Exploratory Comparison of Disasters, Riots and Terrorist Acts // Disasters, 2003, Vol. 27 (4). P. 319-335.
17. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. Изд. 2-е. М.: Изд-во РАГС, 2003.
18. Миронова Н.И. Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления. Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005.
19. Mozgovaia, A. Crisis Management of the Ecological Disaster in the Town of Karabash // Porfiriev, B., Svedin, L. Crisis Management in Russia: Overcoming Institutional Rigidity and Resource Constraints. Stockholm: CRISMART, 2002. P. 205-222.
20. Porfiriev, B.N. Disaster and Crisis Management in Transitional Societies: Commonalities and Peculiarities // Rodriguez, H., Quarantelli, E.L., Dynes, R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. P. 368-387.
21. Thomas,W.I. Source Book for Social Origins: Ethnological Materials, Psychological Standpoint, Classified and Annotated Bibliographies for the Interpretation of Savage Culture. Boston: Gorham Press, 1909. P. 16-22.
22. Dynes, R.R., Quarantelli, E.L. Organization Communications and Decision Making in Crises. – Miscellaneous Report 18 of the Disaster Research Center, Department of Sociology, the Ohio State University, 1976.
23. Акимов В.А., Порфириев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Том 1, № 1. С. 40.
24. Beck, U. World at Risk. Polity Press, 2009. P. 9-11, 191-192.
25. Lerbinger, O. The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures. NY: Routledge Communication Series, 2012. P. xxi, 1-76.

■ Свежий взгляд

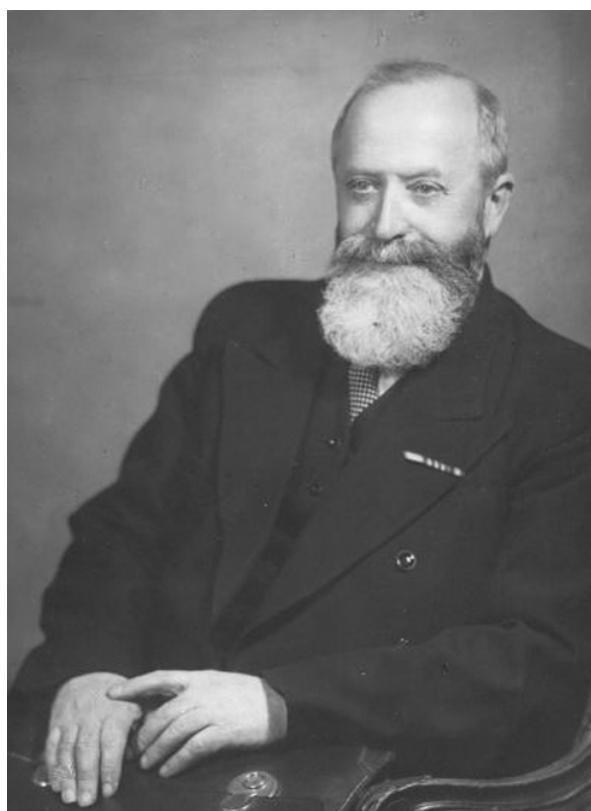
26. См.: Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 211-220.
27. Lagadec, P. Risks, Crises, Ruptures: A Whole New Ball Game // Baud, J., Walton, C. International Security. Cooperation: Views and Visions. Centre for International Security Policy (CISP), 2004. Р. 5.
28. Castells, M. Communication Power. New York: Oxford University Press Inc., 2009. Р. 63-71.
29. Altheide, D. L. Creating Fear: News and the Construction of Crisis. New York: Aldine de Gruyter, 2002. Р. 188.
30. См.: Акимов В.А., Порфириев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1, № 1. С. 41-44.
31. Thomas, W.I. Source Book for Social Origins: Ethnological Materials, Psychological Standpoint, Classified and Annotated Bibliographies for the Interpretation of Savage Culture. Boston: Gorham Press, 1909. Р. 17.
32. Кравченко С.А. Кризис нашего времени – неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П.А. Сорокина) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 3-4. С. 100.
33. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010. С. 10-19.
34. См.: Thomas, W.I. and Thomas, D.S. The Child in America: Behavior Problems and Programs. New York: Knopf, 1928. Р. 571-572.
35. Федеральный закон от 21.12.94 № 68-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
36. Щербина Е. В. Социокультурные особенности управления в чрезвычайных ситуациях невоенного характера: Дис. канд. социол. наук: 22.00.08. М.: 2002; Зверев А. И. Взаимодействие органов государственной власти и СМИ в чрезвычайных ситуациях: Дис. канд. социол. наук: 22.00.08. Екатеринбург, 2006.
37. См.: Stallings, R. Disaster, Crisis, Collective Stress and Mass deprivation // Perry, R.W., Quarantelli, E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. Р. 268.
38. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глобалоальном социуме. М.: Аникил, 2009. С 39; Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: АНКИЛ, 2004. С. 24-25.
39. См.: Coombs, T. W. Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2007. Р. 23-24, 32-34, 54-56; Lerbinger, O. The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures. NY: Routledge Communication Series, 2012. Р. 78-83.
40. Beck, U. World at Risk. Polity Press, 2009. Р. 67
41. Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 214.
42. См.: Mozgovaia, A., Darhovskaya, M., Elimova, M., Gavrilov, K., Gorodnitcheva, A., Tolmatch, A., Shlikova, E. Types of Crises and Crisis Management Mechanisms in the Russian Media // Porfiriev, B., Svedin, L. Crisis Management in Russia: Overcoming Institutional Rigidity and Resource Constraints. Stockholm: CRISMART, 2002. Р. 83.
43. См.: Quarantelli, E.L. Community Crises: An Exploratory Comparison of the Characteristics and Consequences of Disasters and Riots // Journal of Contingencies and Crisis Management, 1993, Vol. 1 (2). Р. 67-78.
44. См.: Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. Р. viii-xv.
45. См.: Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. Р. xv, 291-326.
46. Quarantelli, E.L., Lagadec, P., Boin, A. A Heuristic Approach to Future Disasters and Crises: New, Old and In-between types // Rodriguez, H., Quarantelli, E.L., Dynes, R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. Р. 24-33
47. Boin, A., McConnell, A. Preparing for Critical Infrastructure Breakdowns: The Limits of Crisis Management and the Need for Resilience // Journal of Contingencies and Crisis Management, 2007, Vol. 15 (1). Р. 50-59.
48. 't Hart, P. Symbols, Rituals and Power: The Lost Dimension in Crisis Management // Journal of Contingencies and Crisis Management, 1993, Vol. 1 (1). Р. 36-50.
49. См.: Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. Изд. 2-е. М.: Изд-во РАГС, 2003; Миронова Н.И. Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления. Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005.

Профессор Ф.И. Нотович – один из первых профессоров МГИМО

А.А. Ахтамзян, Л.Г. Истягин

В историю Московского государственного института международных отношений имени первых профессоров вписаны навсегда крупным шрифтом. В этой когорте профессоров-первоходцев были историк Е.В. Тарле, юристы С.Б. Крылов, В.Н. Дурденевский, И.Д. Удальцов. Их судьбы – составная часть истории страны, пережившей в XX в. две мировых войны, революцию и Гражданскую войну. Это целое поколение соотечественников, которые служили своему народу и оставили новым поколениям не только жизненный опыт, но и большое научное наследие.

К плеяде ученых, стоявших у истоков образовавшегося в стране во второй половине XX столетия мощного потока подготовки специалистов-международников, по праву относится наш общий учитель Филипп Иосифович Нотович. Он родился в еврейской семье в селе Кохановка, близ Винницы, на Украине в августе 1890 г. Трудовая жизнь его началась рано, когда ему было всего 13 лет. Работал по найму в сельском хозяйстве, в сельском магазине в качестве «разносчика кос». Школьное образование получил «экстерном», совмещая работу по найму с самообразованием. В 1912–1913 гг. служил рядовым Вятского полка в г. Гродно и едва отслужил по разряду «вольно-определенного», как грянула мировая война. На фронте был в составе 9-го стрелкового полка. В 1915–1918 гг. пришлось испытать тяготы военного плена в Австро-Венгрии.

По возвращении на родину в 1919 г. вступил в Красную армию рядовым и стал командиром роты. Снова фронт и служба в армии

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Истягин Леонид Григорьевич – д.и.н., главный специалист ИМЭМО РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

до окончания Гражданской войны. В 1921 г. партийца с двухлетним стажем приняли на работу в Народный комиссариат иностранных дел, где он до 1930 г. в ранге первого секретаря служил заведующим канцелярией, затем вспомогательным бюро ведомства. Высшее образование (без отрыва от службы) получил на факультете общественных наук МГУ по специальности международная политика.

Фактически во время работы в Наркомате иностранных дел началась исследовательская деятельность Ф.И. Нотовича: в комиссии по изданию дипломатических документов он занимался архивными изысканиями документов для публикации. Фундаментальная (многотомная) публикация дипломатических документов под общим названием «Международные отношения в эпоху империализма» была предпринята совместно с германскими архивистами, что, вероятно, и стало позже одним из поводов для репрессий против исследователя. Партийная биография ученого особенно сложна и драматична: в 1919 г. в условиях Гражданской войны Ф.И. Нотович вступил в компартию и в Красную армию. Однако в 1924 г. после эмиграции его отца и матери в США, куда ранее (до революции) выехали его брат и сестра, его исключили из партии в первый раз, затем в 1934 г. исключили второй раз, видимо, за ту же совместную работу с немцами по изданию дипломатических документов.

Ирония судьбы заключалась в том, что в 1940 г. его исключили из партии в третий раз, теперь за противоречивые сведения в анкете о «революционной» деятельности. А после XX съезда партии он был приглашен в партийный орган, где с извинениями ему вернули партбилет. Уникальный случай в истории партии и страны: трижды исключен и трижды восстановлен в партии человек, всю свою жизнь честно трудившийся на благо страны. Как могло сердце человека выдерживать такие испытания в условиях массовых репрессий в стране, остается загадкой. Эти факты судьбы ученого дали повод одному из учеников профессора Ф.И. Нотовича сказать в феврале 1958 г. у его гроба слова русской классики: «Молясь твоей многострадальной тени, Учитель, перед именем твоим дозволь смиренно преклонить колени».

С 1930 по 1949 г. Ф.И. Нотович работал в Институте истории АН СССР, а с 1943 г. по совместительству – профессором кафедры истории международных отношений и внешней политики СССР в МГУ, а затем и в МГИМО. В характеристике за подписью Ф.В. Потемкина было отмечено: «Ф.И. Нотович – один из самых ценных работников Института истории. Это – выдающийся специалист в области истории международных отношений (особенно – со второй половины XIX века) и автор многих монографий».

Первые работы Ф.И. Нотовича имели актуальный публицистический характер. Это небольшие по объему монографии: «Лига наций и СССР» (М., 1929) и «Фашистская историография о виновниках войны» в сб. «Против фашистской фальсификации истории» (М., 1939). Большим событием советской высшей школы стал выпуск передвойной учебника для вузов «Новая история», в котором был обобщен исторический опыт стран Европы и Америки при участии ведущих историков того времени: Е.В. Тарле, А.В. Ефимова, Ф.И. Нотовича и В.М. Хвостова. Значительная часть учебника была написана Ф.И. Нотовичем. Вскоре вышел написанный теми же авторами учебник по новой истории для 9 класса средней школы под редакцией В.М. Хвостова. Утвержденный министром просвещения РСФСР, учебник в 1950 г. вышел пятым изданием.

В трудные годы Великой Отечественной войны ученый выпустил книгу «Между первой и второй мировыми войнами» и опубликовал ряд статей в академических журналах по военно-исторической проблематике – разгрому Четверного союза и поражению Германии в 1918 г. Одновременно ученый работает над фундаментальной книгой «Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны», первый том которой (объемом более 40 авторских листов и тиражом 5 тыс. экземпляров) увидел свет в 1947 г. Примечательно, что ответственным редактором тома был академик Е.В. Тарле. Первый том фундаментального труда, задуманного как многотомное издание, имел подзаголовок: «Потеря союзниками Балканского полуострова». В предисловии к изданию были обозначены хронологические рамки последующих томов. Однако до следующих томов дело не дошло в силу разных обстоятельств конца 1940-х гг.

Ценность исследовательских трудов Ф.И. Нотовича была в том, что они написаны на основе изучения архивных источников и введение в научный оборот неизвестных ранее документов. Это имело и практический смысл при подготовке мирного урегулирования по итогам Второй мировой войны. Без претензий на фундаментальность издания, Ф.И. Нотович выпустил в 1947 г. в издательстве «Госполитиздат» книгу «Захватническая политика германского империализма на востоке в 1914–1918 гг.», имевшую тираж 15 тыс. экземпляров и соответствующий резонанс общественного мнения. Фактически эта книга была заявкой на издание одного из последующих томов фундаментального труда, актуальность которого была обусловлена победоносным завершением Второй мировой войны.

Приглашение видного ученого, знатока истории международных отношений, для работы в МГИМО, учрежденного в октябре 1944 г. с целью подготовки высококвалифицированных

кадров международников, было вполне закономерным. Очевидно, сыграла свою роль и солидарность ученых, соавторов исследовательских трудов, которые были первопроходцами в области истории международных отношений, по существу, создателями целого направления в исторической науке.

Ф.И. Нотович работал в МГИМО вплоть до своей кончины в феврале 1958 г. Под его научным руководством были подготовлены и успешно защищены многочисленные дипломные работы и кандидатские диссертации. Школа профессора Ф.И. Нотовича отличается строгой научностью, опорой на достоверные архивные источники, а не только на «секундарную» литературу, когда из трех иностранных книг делается «оригинальная» новая монография. Некоторые работы ученого остались в рукописях, в стадии подготовки к печати, например, такие, как «Внешняя политика австро-германского блока в 1900–1914 гг.» или «Внешняя политика гитлеровской Германии в 1933–1939 гг.». Рукопись Ф.И. Нотовича «Бухарестский мир 1918 года»

(о мирном договоре Румынии с Германией) была подготовлена к печати одним из его аспирантов и издана в виде монографии в 1959 г.

Десятки статей по актуальной тематике были опубликованы в периодической печати, в академических журналах и в общественно-политических изданиях «Исторический журнал», «Вопросы истории», «Историк-марксист» или «Международная жизнь», «Новый Восток», «Красный архив» и др. Такие публикации остаются в памяти как свидетельства если не эпохи, то времени, свидетельства эры, то есть времени правления того или иного Августа или Цезаря. Имя ученого сохраняется в истории науки, в памяти учеников и последователей. Старые мастера в свое время заканчивали свои сочинения словами, которые имели основание повторить наши учителя: «Я сделал, что мог. Пусть, кто может, сделает лучше».

Akhtamzyan A.A., Istyagin L. G. Professor F.I. Notovich - One of the First Professors of the Institute of International Relations.

Эмир востоковедения

Т.Ф. Куликова, Ф.З. Хайрудинов

В1975 г. патриарх отечественной арабистики профессор Харлампий Карпович Баранов передал кафедру (тогда она называлась «кафедра арабского, афганского и персидского языков») в руки Ноэля Карибовича Усманова. Что мы знали тогда об этом человеке? Очень немногое.

Родился в 1932 г. в семье видного востоковеда Кариба Асраровича Усманова, специалиста по Китаю и Арабскому Востоку, преподававшего историю в ведущих московских востоковедческих вузах. Сам Ноэль Карибович поступил в Московский институт востоковедения, оканчивал же МГИМО, после чего продолжил свое образование в аспирантуре Института восточных языков при МГУ. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию по творчеству видного египетского писателя Тауфика Аль-Хакима. Преподавал арабский язык и литературу в Институте стран Азии и Африки при МГУ. В 1971–1974 гг. работал представителем Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами в Египте. Вот, пожалуй, и вся информация, которую удалось раздобыть о нашем новом руководителе, появления которого мы с интересом ожидали на заседании кафедры.

Открылась дверь, и вошел стройный, очень элегантный человек. Коротко рассказал о себе, при этом все мы сразу оценили его острый ум и искрометный юмор. Кто-то из аксакалов кафедры назвал его эмиром, вероятно, по аналогии с известным арабским поэтом и драматургом Ахмедом Шауки, которого современники с любовью называли «эмир ашшуара» – «принц поэтов».

Сегодня даже не верится, что прошло более четверти века с того момента, как взгавивший кафедру Ноэль Карибович уверенно повел этот непростой караван по барханам востоковедения, развивая и обогащая славные традиции арабистической школы Х.К. Баранова, основой которых является изучение языка для практического знания и применения. Н.К.

Куликова Татьяна Федоровна – доцент кафедры языков Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Хайрудинов Фарид Зуберович – к.филол.н., доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Усманов в первый же год своей работы заведующим кафедрой начал вводить в учебный процесс преподавание живых разговорных языков арабских стран, широко применяя самые передовые методики и современные средства обучения. Создав, еще работая в ИСАА, курс истории современной арабской литературы, он продолжил преподавание этого предмета в МГИМО, организовав факультативы для студентов.

К тому моменту, когда Н.К. Усманов возглавил кафедру, на ней было всего два кандидата филологических наук. Ох как непросто было сподвигнуть молодых преподавателей к серьезным занятиям наукой! Однако Ноэль Карабович взялся за это трудное дело. И результат налицо: сегодня число кандидатов наук на кафедре перевалило на второй десяток! Готовятся новые диссертации, причем все – по филологии. Прививая другим вкус к научным исследованиям, побуждая их заниматься наукой и оказывая им при этом неоценимую практическую помощь, Ноэль Карабович, будучи по натуре человеком науки, никогда не прекращал и своих собственных научных изысканий: им были написаны разделы по арабской литературе в многотомном издании МГУ «История литератур Востока», рекомендованном в качестве учебного пособия для Высшей школы, монографии «Проза Тауфика Аль-Хакима», «Тунисский роман» и другие труды. Их список составляет 75 названий, а объем превышает 100 печатных листов! Очень символичен тот факт, что Н.К. Усманову была присуждена премия, носящая имя его великого учителя Х.К. Барanova.

Имя Н.К. Усманова как ученого и пропагандиста отечественной науки также широко известно за пределами МГИМО и за границей. Пожалуй, нет такой арабской страны, университеты и другие научные организации которой не приглашали бы его для прочтения лекций и проведения семинаров. Его обширные знания, великолепные ораторские способности, помноженные на свободное владение арабским языком, неизменно вызывали восхищение аудитории. Он был избран действительным членом Международной академии

информатизации, зарегистрированной при ООН. Н.К. Усманов был членом Центрального правления Общества дружбы с арабскими странами, вице-президентом Общества дружбы с Саудовской Аравией. Он также принимал активное участие в работе ряда других российских общественных организаций. Н.К. Усманов имел дипломатический ранг советника, был награжден орденом Дружбы народов, медалями.

И все же главной точкой приложения его многочисленных талантов был родной МГИМО. Он являлся членом Ученого совета МГИМО, Ученого совета факультета МО, Научно-методического совета нашего университета. По его инициативе в 1988 г. была проведена научно-практическая конференция памяти профессора Владимира Николаевича Красновского.

Н.К. Усманов стоял у истоков Клуба исламских исследований, превратившегося впоследствии в Ближневосточный клуб. Он стал инициатором возрождения великолепной традиции проведения языковых вечеров кафедры, превратившихся из некогда камерного мероприятия в настоящий праздник творчества студентов, который не обходит своим вниманием иностранные дипломаты, студенты-арабисты других московских вузов.

Неподражаемый юмор Ноэля Карабовича, пронизанный восточной мудростью и добротой, был хорошо известен в МГИМО. Он был желанным гостем и участником многих вечеров и юбилеев. И сегодня преподаватели кафедры воздают дань своему любимому шейху. Ведь только очень мудрый и многоопытный человек в течение столь длительного срока мог руководить коллективом, перед которым всегда стояли самые высокие задачи.

Всего пять дней не дожил Ноэль Карабович до своего восьмидесятилетнего юбилея.

Светлая память об Эмире востоковедения, этом незаурядном человеке, с которым нам посчастливилось проработать многие годы, навсегда сохранится в наших сердцах!

Kulikova T.F., Hayrutdinov F.Z. Emir of Oriental Studis.

Профессор В.Н. Дурденевский – выдающийся ученый и дипломат

Ю.В. Дубинин

Прощаясь с В.Н. Дурденевским, его коллеги написали: скончался человек большого дарования, исключительной эрудиции, поразительной трудоспособности и чудесного, отзывчивого сердца. В.Н. Дурденевский убедительно демонстрировал эффективность сплава науки и практики. Поднявшись до уровня международно признанного авторитета в сфере международного и государственного права, он, сотрудничая с Министерством иностранных дел, свои знания и опыт всецело отдавал служению интересам Родины.

В.Н. Дурденевский родился 9 февраля 1889 г. в Москве в семье учителя. В 1911 г. он окончил с серебряной медалью юридический факультет Московского государственного университета. После заграничной научной командировки В.Н. Дурденевский – приват-доцент этого университета. Затем следует с 1917 г. работа в качестве профессора Московского, Белорусского и Иркутского университетов и Свердловского юридического института. Область его научных интересов впечатляет: это проблемы советского государственного и административного права и правоового строительства нашего государства и изучение государственного права зарубежных государств. Далеко не полный перечень тем, поднятых в его трудах, выглядит следующим образом:

Дубинин Юрий Владимирович – к.и.н., профессор кафедры дипломатии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ. E-mail: vestnik@mgimo.ru

- «Наука и государственное строительство»;
- «Иностранные конституционные права»;
- «Совет народных комиссаров»;
- «Автономные республики и области в системе советского федерализма»;
- «Макиавелли и государственная наука» и т.д.

В.Н. Дурденевский широко привлекался различными правительственные учреждениями нашей страны в качестве консультанта по вопросам развития советской государственности. Особую известность В.Н. Дурденевскому принесла его деятельность на поприще международного права. Он выдвинулся в ведущие авторитеты в деле разработки целого ряда его областей: международного публичного права, посольского и консульского права, территориальных вопросов, международных организаций и т.д.

Еще до войны он начал работать в Народном комиссариате иностранных дел СССР. С 1944 г. участие в практической дипломатической деятельности становится предметом главного его внимания. Это было время важнейших международных форумов, время формирования правовых основ послевоенного мира. В.Н. Дурденевский – деятельный участник таких исторических событий, как разработка Устава ООН, Потсдамская конференция 1945 г. и Парижская мирная конференция 1946 г., две сессии ООН. Он занимался разработкой мирных договоров 1947 г. с Италией, Финляндией, Венгрией, Болгарией, Румынией. Был членом Постоянной палаты третейского суда. Выполняя эти ответственные миссии, В. Н. Дурденевский демонстрирует энциклопедические теоретические знания,

тщательную проработку фактического материала, глубину юридического анализа.

Много сил В.Н. Дурденевский отдает преподавательской работе. Он – профессор МГУ, Дипломатической академии. С 1948 г. он – один из ведущих профессоров Московского государственного института международных отношений – преподаватель и воспитатель, пользующийся глубоким уважением и любовью студентов. В. Н. Дурденевский – автор или соавтор учебников и учебных пособий, по которым шла подготовка кадров дипломатической школы нашей страны, наставник большой плеяды ученых – кандидатов и докторов наук.

При этом он становится одним из организаторов Советской ассоциации международного права, избирается членом Исполкома этой организации двух составов и почетным членом третьего ее состава. Заслуги В.Н. Дурденевского отмечены государственными наградами – орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями «800-летие Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Богатый вклад в науку В. Н. Дурденевского, его результативное участие в создании правовой и политической платформы послевоенного устройства мира, яркая преподавательская деятельность снискали ему почет и уважение и в нашей стране, и за рубежом. Его имя по праву занимает видное место в «Золотом фонде» нашего института.

Dubinin Y.V. Professor V.N. Durdenevsky – an Outstanding Scientist and Diplomat (1889–1963).

Герой Советского Союза М.Ф. Кудачкин

И.А. Павленко

Михаил Федорович Кудачкин родился 2 ноября 1923 г. в селе Горный Балыклей Горно-Балыклейского района Сталинградской области в семье крестьянина. В 1931 г. вместе с родителями переехал на постоянное местожительство в г. Сталинград, где в 1941 г. окончил среднюю школу №5. В июне того же года был призван в ряды Красной армии и по окончании Урюпинского пехотного училища был направлен на фронт.

В боях Великой Отечественной войны принимал участие с февраля 1942 г. Воевал на Крымском, Сталинградском, Западном, Белорусском и Прибалтийском фронтах. Спустя много лет Михаил Федорович, отвечая на просьбу руководства Музея истории МГИМО, согласился дать интервью в одном из музейных залов, где была организована выставка, посвященная ветеранам Великой Отечественной войны – выпускникам и сотрудникам МГИМО. Беседа велась под видеозапись. Встреча состоялась в мае 2006 г. Вспоминая военные годы, он сказал: «Моя фронтовая жизнь началась в Крыму, где шли тяжелые оборонительные бои с большими потерями. Наши солдаты и офицеры проявляли примеры мужества и героизма. Затем – Сталинград (в Сталинграде в 1942 г. погибли родители М.Ф. Кудачкина). Курская дуга, – продолжал Михаил Федорович, – участие в знаменитой белорусской операции «Багратион», далее Висла, Одри. Закончилась моя военная карьера в Берлине. Я командовал штурмовым батальоном.

Наша дивизия первой оказалась на правом фланге Белорусского фронта, где мы успешно продвигались».

Батальон 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии, которым командовал капитан Кудачкин, первым в полку вышел на окраину Берлина. Преодолев озеро Хафель, он ворвался в крепость Шпандау, дав возможность другим частям наступать на центр Берлина. За умелую организацию прорыва вражеской обороны, про-

Павленко Игорь Алексеевич – начальник отдела «Музей истории МГИМО» Управления по работе со студентами и выпускниками МГИМО(У) России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

явленные при этом мужество и героизм, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. М.Ф. Кудачкину присвоено звание Героя Советского Союза.

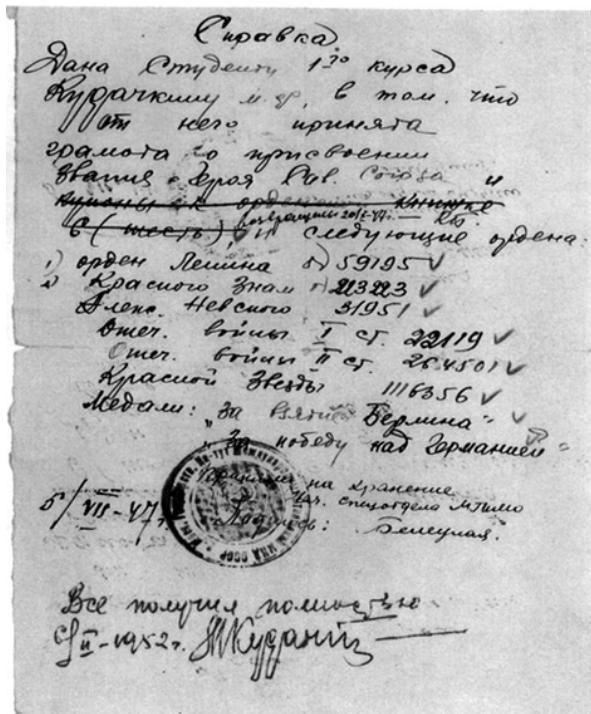
На вопрос: «Как сложилась ваша послевоенная судьба?» – Михаил Федорович ответил: «По возвращении к гражданской жизни встал вопрос: где учиться? Я хотел продолжать образование. До войны я мечтал поступить в Военно-морское училище. Но война спутала все мои планы. Приехав в Москву в начале лета 1946 г., я узнал, что у Крымского моста есть институт международных отношений, где готовят дипломатов. Это меня привлекло, и я направился прямо к Ю.П. Францеву. Беседуя с ним, я выразил сомнение, смогу ли я поступить, ведь за годы войны многое из школьного курса забылось. Юрий Павлович ободрил меня, развеял сомнения и посоветовал готовиться. Так я поступил в МГИМО. Мне было двадцать два с половиной года.

«Это был удачный прием – сочетание зрелых людей, прошедших войну, имевших суровый опыт жизни, и вчерашних школьников. Шел процесс взаимного обогащения жизненного опыта и знаний. Приходилось много заниматься, нам помогали вчерашние школьники. И, конечно, огромную роль в нашем образовании сыграл профессорско-преподавательский состав, плеяда крупнейших ученых, привлеченных в МГИМО. Я благодарен судьбе, что поступил и окончил этот институт».

Как бы подтверждая эти слова М.Ф. Кудачкина об атмосфере, сложившейся в студенческом коллективе, вторит ему с позиции «вчерашнего школьника» его сокурсник С.Ф. Молочкив: «Не могу не высказать самую глубокую благодарность судьбе, которая свела меня с теми, кто вернулся с войны, опаленный и обогащенный ее страшным опытом. Учиться им было много труднее, чем нам, вчерашним школьникам. Но в формировании моих подходов к оценкам своих и чужих поступков, взглядов на жизнь вообще, мои старшие сокурсники, такие, как Женя Блинов, Гена Блохин, Влад Васев, Володя Бухарин, Олег Игнатьев, Толя Киреев, Володя Крестьянов, Миша Кудачкин, Женя Нерсесов, Миша Смирнов, Коля и Сева Софинские, Володя Толстиков, Юра Харитонов, Гена Шишкун, сыграли колossalную роль. За это я им навек благодарен».

Поступил М.Ф. Кудачкин в МГИМО, будучи уже майором запаса. В 1951 г. он успешно окончил международно-правой факультет. В архиве МГИМО в личном деле студента Кудачкина хранится справка спецотдела о приеме на хранение его боевых наград на время обучения в институте и проживания в общежитии. «После МГИМО, – вспоминает Михаил Федорович, – я поступил в Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитил кандидатскую диссертацию, затем работал в Отделе информации МИД СССР, в нашем Посольстве в Чили, длительное время работал в международном отделе ЦК КПСС, возглавляя сектор Латинской Америки. Я много лет посвятил изучению этого региона, в частности Чили»

(видеокассета с записью этой беседы с М.Ф. Кудачкиным хранится в Музее истории МГИМО).

Общеизвестно, что чувство единства, сложившееся в годы студенчества, выпускники МГИМО хранят и проносят через всю свою жизнь, с теплотой вспоминая о своих однокашниках, не теряя с ними связи и в последующие после окончания института годы. «У нас на курсе был «свой» Герой Советского Союза, Миша Кудачкин, – пишет в своих воспоминаниях Р.А. Варганова (Молочкива). – Всегда неизменно дружелюбный, приветливый, никогда не подчеркивавший своего исключительного положения. К его чести, надо сказать, он сохранил эти качества и потом, спустя годы, занимая большой пост в ЦК КПСС, он всегда оставался таким же приветливым, ровным и дружелюбным».

Автор этого очерка был близко знаком с Михаилом Федоровичем, неоднократно встречался с ним, общался по телефону. Он вел беседу в спокойной, рассудительной манере, не лишенной, впрочем, чувства тонкого юмора. Несмотря на почтенный возраст, с удивительной легкостью согласился прийти в музей для беседы, рассказать о своей фронтовой молодости, вспомнить учебу в институте, рассказать о дальнейшей трудовой деятельности. Пришло, однако, приложить некоторое усилие, чтобы уговорить его прийти на нашу встречу со Звездой Героя на груди. В прежние наши встречи, присутствуя на вечерах, посвященных Дню института, он всегда приходил без нее.

Скончался Михаил Федорович 10 октября 2010 г. Похоронен на Кунцевском кладбище.

Pavlenko I.A. Hero of the Soviet Union M.F. Kudatshkin (1923–2010).

Мой друг и коллега О.Г. Ульциферов

А.И. Медовой

Я знаю Олега Ульциферова более 60 лет. Помню его худым студентом Московского института востоковедения, весящим, как он сам говорил, 54 кг. По странной случайности Олег попал в группу языка хинди. Как он рассказывал, он подавал заявление на индийское отделение с изучением языка бенгали. В приемной комиссии произошла забавная история. Олег вообще-то знал, что есть такая страна – Индия. Но когда его спросили, каким языком ему хотелось бы заниматься, он, мальчик из города Иванова, который, как известный в городе спортсмен, первоначально хотел поступать в Институт физкультуры, впервые с изумлением узнал, что есть Индия, но нет индийского языка, а в Московском институте востоковедения преподают три индийских языка: хинди, урду и бенгали.

Первые два слова («хинди» и «урду») он впервые услышал, а вот бенгальский язык имел ассоциации с бенгальскими тиграми и огнями, и Олег сказал комиссии, что хотел бы изучать бенгальский. Успешно сдал вступительные экзамены, набрав 23 балла из 25, успешно прошел мандатную комиссию, но не нашел своей фамилии в списке группы бенгальского языка. Его фамилия по невыясненной причине оказалась в группе хинди.

Так Олег Ульциферов стал изучать язык хинди, а отечественная и мировая индология получила одного из ведущих специалистов по этому языку. Об этом свидетельствуют не только докторская степень, звание профессора и заслуженного деятеля науки Российской Федерации, но и две высшие учёные степени почетного доктора лингвистики и почетного доктора литературы двух престижных индийских университетов, а также 27 учебников языка хинди,

которые Олег написал один и вместе со своими именитыми коллегами З.М. Дымшицем и В.И. Горюновым, 10 словарей, среди которых есть Русско-хинди словарь на 130 тыс. слов (выдержал два издания) и Хинди-русский словарь на 140 тыс. слов, шесть грамматик, три из которых изданы в Индии и входят в список обязательной литературы двадцати индийских университетов (при этом две последние грамматики спонсируются правительством Индии).

Медовой Александр Иосифович – к.э.н., профессор кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

В последнее время Олег Георгиевич увлекся культурой Индии, в результате чего появилась 700-страничная монография под названием «Культурное наследие Индии». Недавно Олег Георгиевич расширил эту книгу и написал новую – «Культура Индии (прошлое и настоящее)», которая ждет своей публикации в нашем издательстве РИО-МГИМО. Надеюсь, что она увидит свет раньше, чем выйдет эта статья.

Еще одним увлечением профессора О.Г. Ульциферова стало лингвострановедение. Сначала появился лингвострановедческий словарь «Индия» (свыше 10 тыс. заглавных слов), затем вышел учебник «Индия. Лингвострановедение для бакалавров». Словарь был расширен. Теперь его название «Индия. Энциклопедический словарь». В нем более 2,5 тыс. страниц и 30 тыс. словарных статей. Он также сдан в наше издательство, и я надеюсь скоро увидеть его на своей книжной полке.

Олег Георгиевич был студентом-отличником в МИВе и в МГИМО. За все годы учения он по всем предметам имел одну оценку – 5. После окончания института был рекомендован в аспирантуру по кафедре индийских языков. Однако, насколько я помню, Олега Георгиевича больше интересовали история и политика Индии. На третьем году обучения он написал курсовую работу «Становление индийской нации». Как человек дотошный и ответственный, Олег Георгиевич прочитал практически всю литературу по этому вопросу. И, как ему казалось, написал содержательную работу. Но его научные изыскания были отмечены обидной резолюцией преподавателя: «Тема не раскрыта». Когда же он попытался узнать почему, то оказалось, что в сочинении не было цитат из работ классиков марксизма-ленинизма.

Это событие, вероятно, побудило студента Ульциферова обратить внимание на другую научную сферу. На четвертом курсе Олег Георгиевич написал работу «Пре-фикссы в языке хинди», резонно полагая, что здесь никто не будет требовать от него цитат из классиков. Дипломное сочинение Олега Георгиевича «Словообразование в языке хинди» было высоко оценено как серьезный научный труд. Так Олег Георгиевич Ульциферов стал специалистом по языку хинди, что определило главное направление его жизни ученого-лингвиста.

О.Г. Ульциферов был не только студентом-отличником. Он успешно занимался спортом, почти всеми игровыми его видами, хорошо играл в шахматы. Был капитаном первой баскетбольной команды МГИМО, имел первый разряд по шахматам. Активно участвовал в общественной работе. На третьем курсе его избрали в бюро ВЛКСМ Индийского отделения, ответственным за спортивную работу, на четвертом курсе он стал секретарем бюро ВЛКСМ Индийского отделения. Будучи

аспирантом МГИМО, он был избран в комитет ВЛКСМ института. Затем его избрали секретарем комитета ВЛКСМ факультета международных отношений. Избирался он в партком факультета МО и в партком при Посольстве СССР в Индии.

Заслуживает высокой оценки работа О.Г. Ульциферова в Индии в качестве представителя Союза советских обществ дружбы, заведующего культурным отделом, советника посольства. Без сомнения, наша страна имела тогда одного из лучших представителей в Индии. Случилась так, что моя командировка в Индии совпала с деятельностью Олега Георгиевича на этом поприще. За четыре года работы он получил более двух тысяч приглашений принять участие в различных мероприятиях, из которых смог откликнуться только на 550, что есть и будет своеобразным рекордом.

Расскажу только об одном мероприятии, в котором сам принимал участие, будучи в Индии. Мероприятие советско-индийской дружбы было организовано в небольшом городе (забыл его название). У городской черты нас встречали официальные лица и два церемониальных слона. Нас усадили на них, и мы торжественно проехали по всему городу. На митинге дружбы на Олега надели, согласно индийским обычаям, более 30 венков. Блестящее владение Олегом хинди вызвало восторг у присутствующих. Митинг длился несколько часов, и это была впечатляющая демонстрация советско-индийской дружбы. И таких мероприятий, как я уже отметил, было более пятисот.

Наверное, надо рассказать еще о двух сторонах деятельности профессора О.Г. Ульциферова. Почти сразу же по окончании МГИМО он вплотную начал заниматься переводческой работой, устной и письменной. На Московском фестивале молодежи и студентов 1957 г. Олег был старшим переводчиком огромной индийской делегации, состоявшей из 500 человек. Был он и переводчиком на высшем уровне в Кремле во время приезда в Москву Дж. Неру, работал устным и письменным переводчиком во время государственных визитов А.Н. Косягина и А.А. Громыко в Индию, переводил речи М.С. Горбачева во время визита индийского руководителя в Москву. Участвовал в качестве переводчика во время визита в Индию Б.Н. Ельцина.

Отличное владение языком хинди оказалось востребованным в Международной ленинской школе, которая официально называлась Институтом общественных наук. Со временем Олег Георгиевич стал преподавателем этого института, а также вел синхронный перевод лекций. Олег Георгиевич весьма преуспел как переводчик книг с русского языка на хинди. В издательстве «Прогресс» им было переведено семь книг общественно-политического и экономического содержания.

■ Золотой фонд МГИМО

Хотелось бы упомянуть еще об одной малоизвестной стороне жизни Олега Георгиевича. По ошибке или случайности старший преподаватель О.Г. Ульциферов не был поставлен на спецучет, и в 1962 г. его призвали на сборы в спецподразделение при ГРУ. Там он за 8 лет прошел на различных сборах парашютно-десантную, горно-егерскую и миннодроздовую подготовку и был аттестован по окончании программы как командир батальона специального назначения. Я знаю, что Олег гордится этим кусочком своей жизни.

Теперь о главном и самом существенном – о вкладе профессора О.Г. Ульцифера в отечественную и мировую хиндистику. Чтобы оценить по достоинству этот вклад, надо познакомиться с состоянием изучения хинди в нашей стране в середине XX в. Ничего не было, если не считать изданной в 1934 г. книги А.П. Баранникова «Хиндустани. Урду и хинди», которая состояла из двух частей: «Грамматика» и «Учебник». Изданная тиражом в 2 тыс. экземпляров, книга стала раритетом. Кроме того, по надуманным политическим причинам ее вскоре после издания запретили. Только в 1953 г., после смерти И.В. Сталина, ее раскопали в подвалах института.

Таким образом, труд А.П. Баранникова был исключен на долгие годы из научного оборота и учебного процесса. Поэтому в процессе обучения тексты писались на доске и переписывались студентами. Грамматика излагалась устно в самой примитивной форме, что объяснялось весьма невысоким уровнем знаний самих преподавателей (за редким исключением). Олегу повезло: на втором курсе хинди начал преподавать З.М. Дымшиц, который, окончив МИВ с языком урду, самостоятельно выучил хинди. Он первым стал использовать фототексты, переснятые с единственной доступной у нас в то время газеты на языке хинди «Джанюг», которая являлась органом Компартии Индии, а для студентов – единственным учебным материалом по обучению языку хинди.

В 1954 г. МИВ был расформирован и объединен с МГИМО. К счастью для Олега и его жены, которая училась с ним в одной группе, весь пятый курс МИВ был целиком переведен в МГИМО. Олег с отличием окончил в 1955 г. МГИМО и стал его аспирантом. Однако, не завершив обучения в аспирантуре, Олег Георгиевич перешел на преподавательскую работу на кафедре индийских языков МГИМО.

Работа преподавателя О.Г. Ульцифера началась с написания учебника. Но учебник трудно написать, не зная теории языка. Пришлось основательно взяться за теорию. Насколько мне известно, в научном мире существовало в то время по крайней мере три грамматические школы: английская (наиболее успешная), собственно индийская, которая во многом следовала канонам английской школы изучения хинди, и делавшая первые шаги наша отечественная школа.

После того как Индия стала частью британской короны (с 1858 г.), нужно было наладить надлежащее управление этой огромной страной. Официальным языком Великих Моголов был персидский, который совершенно не знала индийская глубинка. Не оправдал надежд язык урду, который с 1838 г. стал языком судопроизводства, но был чуждым для кастовых индусов. Пришлось обратиться к языку хинди, языку с древними традициями, лексически и грамматически тесно связанному с санскритом и пракритами, на которых были созданы тысячи произведений.

Первопроходцами здесь стали военные и миссионеры. Первым язык хинди ну-жен был для того, чтобы управлять, вторым – для того, чтобы обращать индийцев в христианскую веру. Так родились практические и миссионерские грамматики хинди. Англичане пытались осмыслить хинди сквозь призму своих грамматических взглядов. Практические грамматики (весьма скромные по объему) подгоняли грамматику хинди под английскую. Все, что в хинди не находило объяснений через английскую грамматику, просто отбрасывалось. Миссионеры создавали более фундированные труды, поскольку без знания тонкостей языка хинди было трудно переводить на этот язык Библию и другие церковные книги.

Индийцы не занимались грамматикой хинди. На этом языке практически не создавалась литература. На бытовом уровне существовало около двадцати языков (англичане называли их диалектами) большого хинди, на котором говорили и переписывались индийцы. Англичанам в начале XIX в. пришлось нормировать хинди как литературный язык.

Немногие индийские исследователи хинди, не имея собственной теоретической базы, фактически следовали в осмысливании хинди за англичанами, повторяя их систему описания этого языка. Достаточно сказать, что первая оригинальная грамматика хинди, написанная индийцем (Кишоридас Ваджпейи), появилась только в 1958 г. Ваджпейи отказался от английской схемы изложения грамматики хинди. Он попытался изложить грамматику хинди через призму санскрита, хотя между санскритом, ставшим мертвым языком примерно в V в. до н.э., и хинди, первые произведения на котором появились в X в. н.э., лежит временная дистанция в полторы тысячи лет. Официальной Индии пришлось отказаться от грамматики Ваджпейи. За образец современной грамматики хинди была взята грамматика Арьянендры Шармы, которая в весьма сжатом, если не в конспективном виде, описывает грамматику хинди как оригинальную систему. Однако грамматика А. Шармы практически не затрагивает вопросы синтаксиса.

Таково было состояние изучения хинди в мире, когда им стали заниматься отечественные учёные. Перед Олегом Георгиевичем

стояла двоякая задача. Во-первых, ему, как преподавателю, нужно было создавать учебники языка хинди, которые полностью отсутствовали, во-вторых, он должен был овладеть теоретическим проблемами реальной грамматики хинди, чтобы грамотно, сжato и доступно изложить ее студентам.

Он начал с самого начала, написав «Вводно-фонетический курс языка хинди», который потом вошел в первый учебник языка хинди. Вводно-фонетический курс выдержал много изданий и до сих пор служит источником изучения фонетики и графики хинди.

Как известно, каждый учебник состоит из уроков, в каждом из которых дается один или два текста. Они вводят грамматику и лексику языка, что потом закрепляется серией упражнений. Учебник обычно состоит из 12–14 уроков. Представьте себе, сколько текстов нужно было подобрать для всех учебников! Именно эта работа легла на плечи Олега. И к этому нужно добавить систему упражнений, которые он также готовил (в каждом уроке обычно бывает от 12 до 17 упражнений).

Поистине титанический труд авторов первого учебника, изданного типографским способом, был заслуженно высоко отмечен, а его авторы (З.М. Дымшиц, О.Г. Ульциферов и В.И. Горюнов) стали в 1969 г. лауреатами Премии им. Дж. Неру за укрепление индийско-советской дружбы.

В дальнейшем учебники, написанные профессором Ульциферовым, были дважды отмечены Премией им. Х.К. Баранова. Разумеется, нельзя написать хороший учебник без глубокого знания грамматики иностранного языка. Параллельно с написанием учебников шло изучение грамматики хинди. Профессор О.Г. Ульциферов здесь шел от практики к теории. Грамматическому анализу были подвергнуты более двухсот литературных источников, созданных ведущими писателями XX в. на языке хинди, что позволило собрать уникальный грамматический материал (более 20 тыс. примеров на различные аспекты грамматики). Научные изыскания в области грамматики языка хинди стали содержанием 50 статей и 6 монографий Олега Георгиевича, изданных в Индии и в нашей стране.

Мне, нелингвисту, трудно оценить объем работы, которую пришлось проделать Олегу Георгиевичу, описывая грамматику хинди. Поэтому отсылаю читателя к очень интересной и глубокой теоретической статье профессора

Ульциферова «Современный литературный язык хинди (развитие грамматической мысли)», опубликованной в «Вестнике» МГИМО (№1, 2009, стр.10–12).

Как известно, основу языка составляет не только грамматика, но и его лексика. Нельзя изучать язык без словаря. Фактически мы пользовались тогда только одним словарем под редакцией В.М. Бескровного, последнее издание которого состоялось в 1973 г. Олегу Георгиевичу пришлось поднимать и этот тяжелый пласт в познании и преподавании языка хинди. В 1962 г. появился «Учебный хинди-русский словарь», изданный для индийцев, изучающих русский язык с помощью языка хинди. В словаре в виде приложения дана краткая грамматика русского языка на языке хинди (первая оригинальная работа такого рода в нашей стране). Новый вариант словаря был издан в 2006 г. За «Учебным словарем» последовал первый в мире «Хинди-русский и русско-хинди общеэкономический и внешнеторговый словарь», созданный при участии Б.И. Шуршалина. Я горжусь тем, что был редактором этого издания. В 1981 г. Олег Георгиевич совместно с И. Солнцевой подготовил «Хинди-русский словарь общественно-политической лексики».

Таков вкратце жизненный и творческий путь Олега Георгиевича Ульциферова, доктора филологических наук, профессора, почетного профессора МГИМО, уполномоченного по правам человека в МГИМО, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, советника МИД 1 класса, почетного доктора лингвистики (видьямартаанд, «солнце науки» в переводе) Университета в Кангри (высшая ученая степень по лингвистике в Индии), почетного доктора литературы (сахитья ма-хопадхьяя, «великий знаток литературы» в переводе) Университета хинди в Аллахабаде (высшая ученая степень по литературе в Индии), лауреата Премии им. Дж. Неру за укрепление индийско-советской дружбы, дважды лауреата Премии им. Х.К. Баранова, лауреата многих индийских премий.

Мой друг и коллега профессор Олег Георгиевич Ульциферов – достояние нашего университета, выдающийся ученый, мудрый наставник студенчества, яркий, талантливый человек.

Medovoy A.I. My Friend and Colleague, Professor of MGIMO O.G.Ulltsiferov.

Ситуация в арабском мире: анализ и прогноз

А.Б. Подцероб

Федорченко А.В., Крылов А.В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов / Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 3(33). Центр ближневосточных исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. М., 2012.

События на Ближнем Востоке и в Северной Африке продолжают привлекать к себе самое пристальное внимание. Начавшиеся в конце 2010 г. в Тунисе студенческие демонстрации быстро переросли в массовое движение. Антиправительственные выступления перекинулись на соседние страны, привели к отстранению от власти президентов Зин аль-Абидина бен Али, Хосни Мубарака, Абдаллаха Салеха, убийству лидера ливийской революции Муаммара Каддафи, затяжному кризису в Сирии, интервенции Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов на Бахрейне. До сих пор в научном сообществе не выработано единой точки зрения относительно того, были ли эти выступления спонтанными или представляли собой «управляемый хаос», какова была роль современных коммуникационных технологий, какими стали их результаты, оказалось ли решающим вмешательство в происходящее внешних сил и т.д.

Отсутствует даже устоявшаяся терминология: одни исследователи говорят об «арабской весне», другие об «арабской осени» или «арабской зиме», третьи об «арабской смуте». Вместе с тем анализ сути произошедшего, причин и последствий массовых выступлений, перспектив развития ситуации крайне важен с практической точки зрения для того, чтобы российская дипломатия имела возможность действовать в сложившейся обстановке наиболее эффективно. В данном контексте представляется весьма своеобразным появление исследования А.В. Федорченко и А.В. Крылова «Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов», в котором достаточно полно рассмотрена указанная проблематика.

В работе анализируются предпосылки смены режимов и основные вехи политических перемен в 2011–начале 2012 г. Взгляды авторов на эту проблему сводятся к следующим основным положениям. Происшедшие события они оценивают как начало нового этапа в развитии Арабского Востока. С точки зрения исследователей, уже к концу XX столетия прежняя модель развития себя исчерпала, проявились признаки политического и социального застоя. Главную же причину «арабской весны» они видят в том, что государства Ближнего Востока и Северной Африки не смогли эффективно использовать возможности нового этапа научно-технологического развития для повышения жизненного уровня населения, налицо был продолжительный спад в экономике региона.

Вместе с тем исследователи констатируют, что хозяйственная конъюнктура в странах региона не стала причиной народных волнений, что эти страны демонстрировали высокие темпы прироста валового внутреннего продукта и пережили мировой экономический кризис легче, чем западные государства. Действительно, такие государства, как Ливия, Тунис, Сирия, сумели обеспечить стабильное развитие и достаточно приемлемые условия жизни населения. Скорее дело здесь было в разрыве между ожиданиями роста благосостояния и реальностью, что и отмечают исследователи.

В целом, как представляется, арабскую смуту породило воздействие не столько социально-экономических, сколько иных факторов. С учетом этого нельзя не согласиться с выводом авторов, что одной из причин политических сдвигов в странах региона ста-

Подцероб Алексей Борисович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ло игнорирование правящими режимами требований предпринимательской прослойки и технократов, хотя к этому можно было бы добавить недооценку ими возросшей политической активности молодежи, а также современных средних слоев. А.В. Федорченко и А.В. Крылов справедливо обращают внимание на то, что возникновение идеологического вакуума в условиях обострившейся политической борьбы играет на руку исламистам. Не вызывает возражений и их тезис, что одной из главных причин восстаний стала неспособность экономики арабских стран абсорбировать миллионы вышедших на рынок труда молодых работников.

Авторы не исключают, что за каскадом бунтов в арабских странах стоят внешние силы, научившиеся использовать в своих интересах сетевые технологии. Они приходят к обоснованному выводу, что социальные сети и зарубежное телевидение породили на Ближнем Востоке и в Магрибе демонстрационный эффект, но при этом удержались от искушения абсолютизировать данный фактор. Исследователи справедливо отмечают – и их заключение подтверждается фактами, – что находившиеся у власти режимы не смогли правильно оценить развитие внутриполитической ситуации и начавшиеся массовые выступления стали для них неожиданными. Не вызывает возражений и мнение А.Ф. Федорченко и А.В. Крылова относительно кризиса, который переживает идея арабского единства (хотя, видимо, можно уже говорить даже не о «кризисе», а об «отмирании» этой идеи). Что касается Израиля, то, как они отмечают, в настоящее время главную опасность для него представляет не Палестинское движение сопротивления, а грядущие политические перемены в Египте и Сирии.

Не менее важным является вывод авторов, что пока ни среди исламистов, ни среди светской оппозиции нет харизматических лидеров, которые могли бы стать в той или иной стране объединяющей фигурой. Представляет интерес их заключение, что арабские монархи, вероятно, удержатся на своих местах, в то время как значительная часть президентов и политических лидеров потеряет власть. Здесь, впрочем, вряд ли стоит всех их «стричь под одну гребенку», ибо перспективы развития ситуации даже в аравийских монархиях не выглядят однозначно и, кроме того, имеются серьезные различия между обстановкой в таких республиках, как, например, Ливан, Судан или Алжир. С другой стороны, в своем анализе исследователи абсолютно обоснованно исходят из того, что в государствах Ближнего Востока и Северной Африки наряду с ростом числа сторонников гражданского общества остается немало людей, не готовых к демократизации, и это может стать дополнительным фактором дестабилизации обстановки.

Нельзя не согласиться с их предположением, что в Ливии в случае обострения угрозы распада страны возможны новая интервенция Соединенных Штатов и некоторых членов Организации Североатлантического договора и установление в этой стране оккупационного режима по иракскому образцу. Равным образом представляется справедливым их вывод, что, несмотря на усилия США и Европейского союза, не стоит рассчитывать на установление в странах регио-

на демократии в формах, соответствующих западным представлениям на сей счет. Не вызывает сомнений и то, что политическая либерализация арабского мира будет представлять собой длительный процесс.

Значительное внимание в работе уделено исламскому фактору. При этом авторы выделяют три полито-религиозных течения: традиционно-консервативное, умеренный фундаментализм и радикальный фундаментализм. Хотя в российской ориенталистике существует немалый разброс мнений относительно типологии исламистских политических течений и точка зрения на сей счет А.В. Федорченко и А.В. Крылова не является бесспорной, их попытка разобраться в данной проблеме и выработать на этой основе критерии для оценки происходящего в арабском мире заслуживает позитивной оценки. Нельзя не согласиться с выводом авторов, что государственная политика в арабских странах направлена на адаптацию умеренного ислама к существующим системам (то есть, говоря другими словами, на поощрение религиозного реформаторства) и на противодействие призывающим к джихаду радикалам.

Они обоснованно констатируют, что смена режимов открыла путь для прихода к власти или существенного усиления позиций умеренных исламистов в Тунисе и Ливии и радикалов в Ливии и Йемене (к чему следовало бы также добавить заметную активизацию салафитских группировок в Сирии). С другой стороны, не представляется бесспорным вывод, что победа исламистов будет способствовать обострению межцивилизационных противоречий. Так действительно происходит в случае прихода к власти крайних радикалов (достаточно вспомнить уничтожение движением «Талибан» [ДТ] памятников доисламской культуры в Афганистане). Однако, с другой стороны, реформаторы, да и не только они, настаивают на диалоге цивилизаций. В качестве примера можно привести инициативы на сей счет, с которыми неоднократно выступало иранское руководство.

Представляет интерес деление исследователями радикальных организаций на системные (к которым они относят, в частности, «Хизбаллу» и Исламское движение сопротивления [ХАМАС]) и внесистемные. Системные группировки, считают авторы, обладают легитимностью (скорее, правда, «легитимностью, хотя нередко и относительной») и интегрированы в политический процесс, в то время как внесистемные полностью безответственны (точнее было бы «более безответственны») и их поведение диктуется конъюнктурными соображениями их лидеров и внешних спонсоров (следовало бы, наверное, сказать: «во многих случаях»). Впрочем, они тут же делают принципиально важное уточнение, подчеркивая, что и системные организации способны идти на контакты и выполнять взятые на себя обязательства лишь до тех пор, пока их наиболее радикальное крыло не посчитает целесообразным начать новый раунд противостояния.

В исследовании приведена достаточно детализированная оценка позиций исламистских движений и группировок в целом ряде стран арабского мира и Среднего Востока: Ассоциации Братьев-мусульман и «Аль-Гамаа аль-исламий» в Египте, Братьев-му-

■ Рецензии

сультан в Сирии, Армии махди в Ираке, организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, «Хизбаллы» в Ливане, ХАМАС и Исламского джихада на Палестинских территориях, «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове, Армии освобождения Адена и Абъяна, Йеменского джихада, а также Йеменского объединения за реформы, Организации моджахедов иранского народа, Курдской рабочей партии в Турции (которая, как справедливо отмечают авторы, не является исламистской), ДТ и «Аль-Каиды» в Афганистане. Авторами была проделана значительная работа по сбору и систематизации информации об этих группировках.

Но при этом, к сожалению, из их поля зрения выпали такие организации, как иракская «Каида аль-джихад» в Месопотамии и Исламское государство Ирак, иорданский Фронт исламского действия, ливийские Братья-мусульмане и Ливийская исламская боевая группа, тунисская «Ан-Нахда», марокканская Партия справедливости и развития. Работа только выиграла бы, если бы исследователи более детально проанализировали роль, которую сыграли исламистские группировки в отдельных арабских странах, в частности в САР, АРЕ, ВСНЛАД, Тунисе, Марокко.

Представляется полностью обоснованным выделение в отдельную главу вопроса о ливийском прецеденте в увязке со сценариями развития ситуации на различных ближневосточных треках. Как поясняют авторы, Ливия на данный момент является единственным государством, где авторитический режим был свергнут насильственным путем. При этом, правда, выглядит несколько заниженной оценка ими роли НАТО, которая, как отмечают исследователи, способствовала приближению развязки. В действительности же в условиях, когда значительная часть Сил вооруженного народа сохранила верность М.Каддафи и героически сражалась в течение восьми месяцев в условиях полного господства противника в воздухе, а большинство населения Триполитании и Фессана продолжало поддерживать режим до конца. Без вмешательства авиации США и западноевропейских государств повстанцы не только не победили бы, но и были бы разгромлены. Вместе с тем не вызывает возражений анализ позиции Запада и аравийских монархий, которая сводилась к тому, что легитимное право управлять Ливией имеет Переходный национальный совет, большинство членов которого, как справедливо отмечают исследователи, было связано с западными спецслужбами или длительное время находилось в эмиграции.

Сильной стороной работы является то, что А.В. Федорченко и А.В. Крылов, отмечая возможность использования Западом ливийского сценария для свержения и других неугодных ему режимов, обобщают методы, к которым прибегают в этих целях «борцы за свободу». Сначала, отмечают они, в средствах массовой информации создается образ неуправляемого, коварного и жестокого диктатора, который поддерживает терроризм и нередко стремится овладеть оружием массового уничтожения, чтобы использовать его против демократических стран. Одновременно новые информационные технологии начинают активно применяться для мобилизации «демократи-

ческих сил» на участие в протестных движениях, в то время как попытки режима воспрепятствовать дестабилизации преподносятся как преступления против человечности.

На это наславивается работа по объединению оппозиционеров, проживающих в эмиграции. Затем вводятся экономические санкции с целью ослабления неугодных Западу режимов. Начинается переброска в страну из-за рубежа хорошо подготовленных бандформирований, которые развертывают вооруженную борьбу с режимом. Нельзя недооценивать воздействие и такого выделяемого исследователями фактора, как современные военные технологии, позволяющие странам НАТО наносить результивные удары по избранным целям и при этом избегать потерю в живой силе и технике. Проведенный авторами анализ представляется достаточно убедительным. Хотелось бы только добавить, что применение ливийского сценария не является чем-то совсем уж новым. Он уже использовался (пусть с кое-какими нюансами) в отношении Югославии в 1999 г. и Ирака в 2003 г., а сейчас к нему прибегают в Сирии (где, правда, дело пока что не дошло до иностранной интервенции). Поневоле встает вопрос, кто окажется следующим в очереди на победу «сил добра» – Иран, Белоруссия, кто-то еще?

Авторы считают, что отработка указанных схем преследует следующие цели:

- дестабилизацию и обнищание стран региона, в которых были свергнуты находившиеся там у власти правители;
- ослабление их внешнеполитических позиций;
- внедрение марионеточных режимов, которые будут обеспечивать для своих покровителей выгодные условия поставки нефти;
- обеспечение полного доминирования Запада в районах, где находятся стратегически важные месторождения углеводородов.

Представляет безусловный интерес их вывод, что свержение режимов, с которыми Россия традиционно поддерживала прочные отношения, нанесет серьезный удар по ее geopolитическим интересам в арабском мире и на Среднем Востоке, повлечет за собою изоляцию РФ от традиционных рынков сбыта военной продукции и свертыванию реализуемых ею в регионе бизнес-программ.

Исследователи отмечают, что события в Ливии, Египте, Тунисе и Йемене заставили вспомнить о разработанном в 1980-х гг. британским ориенталистом Б. Льюисом плане раздела Ближнего и Среднего Востока. При этом исследователи ссылаются, в частности, на документы, изъятые египетскими спецслужбами во время обыска в каирском офисе американского Международного республиканского института, в которых идет речь о разделе Египта на четыре государства. К сожалению, они при этом ограничиваются констатацией, не высказывая собственной оценки, насколько реальной представляется им реализация плана Б. Льюиса.

Особое внимание А.В. Федорченко и А.В. Крылов обращают на возможность повторения ливийского сценария в Сирии. Ими рассматриваются следующие варианты развития обстановки:

- подавление силой антиправительственных выступлений;
- национальное примирение и проведение реформ на общенациональной основе;
- устранение правящего режима;
- вероятность иностранной интервенции.

Исследователи не обходят вниманием и ситуацию в палестино-израильских отношениях. Здесь ими также рассматривается несколько сценариев развития ситуации – поглощение Израилем Западного берега и Восточного Иерусалима, продолжение Тель-Авивом процесса размежевания с палестинцами, создание демилитаризованного Палестинского государства, возвращение Западного берега под контроль Иордании. Анализируется ими и возможность перерастания конфликта между Израилем и палестинцами в крупную арабо-израильскую войну, вероятность которой, как полагают авторы, сегодня велика как никогда.

А.В. Федорченко и А.В. Крылов не боятся «заглянуть за горизонт», что повышает и без того немалую значимость их исследования. Они выдвигают два вероятных сценария развития остановки:

- умеренно-оптимистичный, в соответствии с которым можно ожидать продолжения реформ, решения основных социально-экономических проблем, демократизации и понижения уровня конфликтности в обществе;
- пессимистичный, предполагающий усиление социальной напряженности, подъем радикального исламизма, сползание стран региона к хаосу, гражданским войнам и вооруженным конфликтам с соседними странами.

Преимущества подхода авторов к исследуемой проблеме особенно явно проявляются в наиболее, пожалуй, важном разделе «Российские интересы в регионе». Рассматривая перспективы российско-ливийских отношений, они справедливо констатируют, что у нас нет реальных очагов влияния на силы, которые делят власть в Ливии после гибели М. Каддафи. В этой ситуации, считают они, России целесообразно не вмешиваться в дела противоборствующих сторон, а выступать в роли модератора. Что касается Сирии, то, полагают исследователи, моделью на будущее здесь должно быть решение в соответствии с резолюциями Совета Безопасности по Йемену, а не по Ливии.

Данная точка зрения не представляется полностью бесспорной: если в Йемене с его племенной структурой и ролью вождей племен в политической жизни уход президента Али Салеха привел к окончанию вооруженного противостояния при сохранении существующей системы, то в САР налицо – пусть далеко не стопроцентная – вероятность того, что отставка президента Б. Асада, которая будет воспринята и его сторонниками, и его противниками как капитуляция Партии арабского социалистического возрождения, повлечет за собою крах всей политической системы и возникновение хаоса. При этом, рассуждая о российско-сирийских отношениях, авторы справедливо подчеркивают, что в диалоге с Дамаском Москве следует избегать категоричных оценок с осуждением руководства страны.

А.В. Федорченко и А.В. Крылов констатируют, что «неурегулированность палестинского вопроса по-прежнему остается главным фактором, который дестабилизирует обстановку в регионе». В этом контексте они совершенно обоснованно отмечают, что только скоординированными международными усилиями можно избежать новых военных конфликтов, а также реализации односторонних израильских планов, исключающих возможность создания полноценного Палестинского государства.

Рассматривая перспективы взаимодействия с религиозно-политическими течениями, авторы выделяют три уровня, на которых целесообразно строить контакты с исламистами:

- поддержание политических, религиозных и культурных контактов с умеренными группировками;
- выступление в качестве посредника между радикальными фундаменталистами, отказавшимися от террористических методов, и Западом;
- противодействие распространению влияния экстремистских организаций на территорию России.

Если первый и третий уровни не вызывают каких-либо возражений, то представляется вместе с тем нецелесообразным посредничество между радикалами и Западом, поскольку это вряд ли позволит нам заработать политические очки в глазах как исламистов, так и европейцев и американцев. Лучше, видимо, оставить западников самим урегулировать свои отношения с такими группировками, а нам при поддержании с ними контактов руководствоваться собственными интересами.

Исследователи обоснованно полагают, что приведение внешнеполитического курса в соответствии с потребностями развития экономики становится важным элементом российской политики на арабском направлении и что для этого существуют объективные условия. Они очерчивают наиболее перспективные сферы наращивания двусторонних отношений и раскрывают возможности реализации имеющегося потенциала. Значительное внимание в работе удалено инвестиционному сотрудничеству, проблематике которого посвящен отдельный раздел.

Справедливо констатируя, что Ближний и Средний Восток лидируют среди всех регионов мира по объемам импорта вооружения, авторы одновременно показывают, что конкретно могла бы сделать Россия для того, чтобы успешно конкурировать на рынках этих стран с другими производителями оружия. В целом в работе А.В.Федорченко и А.В.Крылова даны достаточно полный обзор и всесторонний анализ возможных вариантов развития обстановки в арабских странах. Исследование заслуживает высокой оценки, представляет интерес для всех, кто интересуется происходящим на Ближнем Востоке и в Северной Африке, может принести практическую пользу как задействованным на данном направлении сотрудникам российского Министерства иностранных дел, так и научному сообществу.

Fedorchenko A.V, Krylov A.V. The Situation in the Arab World: Analysis and Forecast.

Серьезный академический труд

М.К. Горшков

С.А. Кравченко «Социологический толковый англо-русский словарь». М.: МГИМО(У) МИД России, 2012. 690 с. (Серия «Энциклопедии и словари МГИМО(У)»).

Последние десятилетия ознаменовались глубокими качественными изменениями социальной жизни, приведшими к возникновению в глобальном масштабе социума принципиально нового типа, который характеризуется возросшей скоростью и нелинейным характером социальных процессов, увеличением значимости рефлексивности, самоорганизации и аутопозиса, ростом и качественными изменениями рисков, увеличением числа культурных гибридов, необратимостью воздействия человека на природу. Особую значимость приобретает анализ амбивалентности социальных процессов, латентных последствий непреднамеренных социальных трансформаций, которые оказывают противоречивые воздействия на человека, приводят не только к росту открытости и свободы, но и к усилинию иррационализма и дегуманизации общественных отношений.

Социология сформировалась как наука в ответ на возникновение нового типа общества – общества модерна. Возрастающая сложность социума порождает все новые вызовы для социологического знания, ответ на которые требует прежде всего разработки адекватного научного языка их осмыслиения. Развитие социологической теории на протяжении всей ее истории было ориентировано на все более адекватное отра-

жение сложности общества с помощью усложняющегося концептуального и понятийного аппарата, становление которого представляет собой особую проблему социологической теории. Несомненным вкладом в ее решения стало новое издание «Социологического толкового англо-русского словаря», подготовленное известным российским социологом, лауреатом премии М.М. Ковалевского, доктором философских наук, профессором, заведующим кафедрой социологии МГИМО-Университета МИД России С.А. Кравченко.

Это издание является продолжением многолетней аналитической работы автора над систематизацией социологического понятийного аппарата (См.: Kravchenko S.A. The Encyclopedic English-Russian Sociological Dictionary. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2000. P. 404; Кравченко С.А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей. М.: РУССО, 2002. С. 528; Его же. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Более 10 000 словарных статей. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 511; Его же. Англо-русский, русско-английский словарь для профессионалов: 17 словарей (Социология в т.ч.). М.: МедиЛингва, 2002; Его же. Англо-русский, русско-англий-

Горшков Михаил Константинович – д. философ. н., академик РАН, директор Института социологии РАН.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

ский словарь для начинающих: 7 словарей (Социология в т.ч.). М.: МедиаЛингва, 2003); Его же. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М.: Издательство МГИМО-Университет, 2011.

Актуальность проделанной С.А. Кравченко работы определяется тем, что в начале XXI в. развитие научной мысли приобрело глобальный характер, в связи с чем естественным процессом обогащения национальных научных школ стало распространение идей, понятий, терминов. Однако этот процесс имеет неоднозначные последствия: результатом неупорядоченного заимствования терминологии становится неоднозначность понимания и использования иностранных слов.

Избежать терминологической путаницы и сопровождающего заимствование иностранных терминов искажение смысла, разобраться в многообразии и сложности научной лексики во многом позволяет настоящий Словарь благодаря серьезной аналитической работе, проделанной С.А. Кравченко по ее систематизации. Автор отстаивает чистоту научного языка и отмечает, что не всегда разделяет целесообразность введения новых терминов, по его мнению, некоторые калькированные переводы было бы лучше заменить уже имеющимися русскими аналогами. Он не только вводит в научный оборот терминологию, которая взята из новейших научных публикаций, в том числе и приуроченных к всемирным социологическим и европейским социологическим конгрессам и другим представительным научным форумам, но и уделяет особое внимание стоящим за ними теоретико-методологическому инструментарию и социологическому воображению авторов. В целях адекватности интерпретации смыслы понятий и терминов передаются путем цитирования, все авторские термины содержат ссылки к первоисточникам, что позволяет заинтересованному читателю оперативно получить углубленные сведения. В Словаре также подробно представлены персоналии, позволяющие проследить, кто из социологов ввел новые термины, установить связь между магистральными путями развития социологии и творчеством конкретных авторов, предложивших свое инновационное видение тех процессов и явлений, которые еще только начинают получать осмысление в научной литературе.

Несомненным достоинством «Социологического толкового англо-русского словаря» С.А. Кравченко является его ориентация на инновационное научное творчество. Особое внимание уделяется постнеклассическим, постмодернистским, социосинергетическим парадигмам, ориентированным на анализ нелинейных, эмерджентных процессов, парадоксов

и разрывов современного общества. В то же время наследие социологической классики представлено во всей его полноте и многогранности, с учетом современных интерпретаций концепций и терминов.

В новом издании своего Словаря С.А. Кравченко решает ряд фундаментальных научных задач. Прежде всего он вводит в научный оборот терминологию, относящуюся к новейшим актуальным проблемам социологических исследований, в числе которых нелинейная социокультурная динамика, социальная турбулентность и риски, проблемы здоровья человека и рефлексия относительно увеличивающейся смены самоидентификаций индивида в современном сложном обществе. Новые пласти лексики вводятся с учетом процессов структурного и функционального «старения» существующих обществ, возникновения эмерджентных эффектов и их терминологического отражения. При этом автор представляет максимально полный спектр смыслов, который социологи вкладывают в те или иные социологические понятия, показывает подвижность границ социологических категорий, которые приводят к многозначности используемых в научной литературе терминов.

«Социологический толковый англо-русский словарь» С.А. Кравченко представляет собой серьезный академический труд, отличающийся большой источниковедческой базой, основательно проработанным справочным аппаратом, что делает его энциклопедическим источником информации о развитии социологической теории и смежных отраслей социально-гуманитарного знания — психологии, философии, семиотики, экономики и др. Проведенный автором анализ и систематизация терминологии позволяет в значительной степени преодолеть коммуникационный и теоретико-методологический барьеры между учеными, представляющими различные как социологические парадигмы, так и научные дисциплины.

Представляется, что лексикографическая и теоретическая работа С.А. Кравченко будет весьма востребована, так как для российских читателей издание станет незаменимым при чтении и переводе англоязычной научной литературы. Издание, несомненно, будет способствовать росту квалификации отечественных социологов, облегчит им доступ к зарубежным первоисточникам по разным направлениям новейших социологических исследований. Все это будет способствовать развитию отечественной науки и росту ее международного признания и авторитета, а также повышению качества социологического образования в России.

Gorshkov M.K. A Seriuos Academic Work.

«Арабская весна»: итоги и перспективы» (круглый стол в МГИМО)

А.В. Федорченко, А.В. Крылов, А.И. Торин

Круглый стол «Арабская весна: итоги и перспективы», организаторами которого выступили Центр ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО(У) МИД России и Институт востоковедения РАН, прошел 23 мая 2012 г. В работе круглого стола приняли участие российские дипломаты, ведущие эксперты МГИМО (У), ИВ РАН, Института Ближнего Востока, Института стран Азии и Африки МГУ, Российского института стратегических исследований.

Перед началом дискуссии состоялась презентация аналитического доклада «Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов», подготовленного директором ЦБИ А.В. Федорченко и ведущим научным сотрудником Центра А.В. Крыловым (Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов // Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 3(33). М.: МГИМО-Университет, 2012).

Открывая заседание, директор Института международных исследований А.А. Орлов подчеркнул, что положение на Ближнем Востоке и в Северной Африке имеет стратегически важное значение для России «как с точки зрения обеспечения национальной безопасности и продвижения наших внешнеполитических интересов, так и в плане развития экономического сотрудничества со странами региона». Он отметил, что «аналитическое исследование, подготовленное сотрудниками Центра ближневосточных исследований, является актуальным и востребованным. Сейчас положение в Ливии, Сирии и районе палестино-израильского противостояния находится в центре внимания всего международного сообщества, и от того, как будет здесь складываться обстановка в ближайшей перспективе, безусловно, будет зависеть будущее всего региона, расположенного непосредственно вблизи от границ России».

Вел заседание научный руководитель ЦБИ, проректор МГИМО(У) В.П. Воробьев. Он обра-

тил внимание на то, что «политические прогнозы, как известно, – дело архисложное и не всегда благодарное. Однако такие прогнозы делать надо. Тем более когда это касается Ближнего Востока и Северной Африки. Все, что здесь происходит, имеет первостепенное значение для России, и любое изменение баланса сил в регионе тотчас создает угрозу нашим национальным интересам». Говоря о важности проведенного А.В. Федорченко и А.В. Крыловым анализа, В.П. Воробьев указал, что авторам удалось не только представить адекватную картину современной социально-политической ситуации на основных ближневосточных треках, но и разработать обоснованные извешенные варианты возможного развития событий для отдельных стран, оказавшихся в эпицентре «арабской весны».

Все участники круглого стола дали высокую оценку проделанной сотрудниками Центра ближневосточных исследований работы и отметили, что содержащиеся в ней выводы и рекомендации вполне могут быть использованы соответствующими государственными учреждениями для разработки ближневосточной стратегии России в контексте проблематики ближневосточного урегулирования.

Затем участники круглого стола приступили к обсуждению основных направлений трансформационного процесса, охватившего страны Ближнего Востока и Северной Африки. Все выступавшие сошлись во мнении, что перемены, происходящие в данный момент в Египте, Ливии, Сирии, Йемене, привлекают к себе особое внимание экспертного сообщества, поскольку от того, как будут развиваться события здесь, в определенной степени зависит конфигурация будущей системы международных отношений. Сложные социальные процессы затрагивают не только Ближний Восток, но и такие страны, как Великобритания, США, Израиль. При этом на улицы выходят люди, которых принято было до недавних пор считать опорой «среднего класса» и

Федорченко Андрей Васильевич – д.э.н., профессор, директор Центра ближневосточных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Крылов Александр Владимирович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Торин Андрей Игоревич – аспирант Государственной академии славянской культуры, редактор журнала «Международная жизнь». E-mail: vestnik@mgimo.ru

которые в свою очередь выражают недовольство качеством жизни в этих странах.

В условиях затяжного финансового и экономического кризиса в странах первого эшелона прежние механизмы нейтрализации недовольства в развивающемся мире через финансовые займы и безвозмездные переводы Запада (в рамках постсоветского консенсуса) не работают и не в состоянии остановить процесс экономического спада. Кризис финансово-экономический сопровождается кризисом принципа разделения властей, на котором основывалась архитектура политического волеизъявления со времен эпохи Нового времени. Некоторые исследователи усматривают признаки такого кризиса в провозглашении лозунга «открытого правительства», рассматриваемого как проект Государственного департамента США. Многими вспоминалась и сербская организация ненасильственного сопротивления «Отпор», в которой проходили стажировку некоторые из участников социальных выступлений в странах Европы. Популярным стало имя Джина Шарпа, основателя Общественного института Альберта Эйнштейна в Бостоне и автора книги «От диктатуры к демократии», считающегося отцом нового направления в теории и практике социального протеста.

В свою очередь, слабость социальных лифтов в так называемых «монархических республиках» стран Ближнего Востока, оторванность господствовавших политических элит от нужд прежде всего молодого поколения сделали возможным тот социальный взрыв, который поставил под вопрос всю конфигурацию международных отношений в этом регионе. По мнению экспертов, Россия в связи с ситуацией на Ближнем Востоке находится в выигрышном положении, одновременно не отказываясь от контактов со всеми участниками конфликта и занимая твердую позицию невмешательства во внутренние дела стран арабских стран. Примером может служить недавний приезд представителей сирийской оппозиции в Москву. Одновременно Россия и Китай воспользовались правом вето в Совете Безопасности ООН для блокирования антисирийской резолюции, выдвинутой США и ее партнерами по НАТО. В отношении Сирии наша страна проводит взвешенную и последовательную линию.

В мировом общественном мнении сложился некий штамп по поводу неожиданности и непредсказуемости событий «арабской весны». Между тем проблема политической напряженности в странах Ближнего Востока отмечалась специалистами уже давно, но характер этой оценки не всегда носил политически не ангажированный характер. Другое дело, что из-за стремительно развивающихся событий не представлялось возможным дать оперативный долгосрочный прогноз развития событий в регионе.

В ходе дискуссии о феномене событий «арабской весны» было отмечено, что нынешние события на Арабском Востоке являются реакцией на произошедшие три-четыре десятилетия назад революционные перевороты. Те революции с точ-

ки зрения социально-политической представляли «большой забег вперед», сочетая революционные преобразования с национально-освободительным движением. В итоге произошло слияние политической элиты с экономической, что в свою очередь привело к конкурированию кланов в борьбе за контроль над основными сферами общественной жизни. Поэтому помимо роли социальных сетей в акциях протesta нужно иметь в виду и тот факт, что членство в парламенте и место во властной иерархии при прежних светских режимах давалось в обмен на личную привязанность к политическому лидеру. Поэтому свободные выборы в этих странах ведут к победе исламистов.

В сложной ситуации оказался основной союзник США на Ближнем Востоке – Израиль. В условиях резкого усиления активности исламистов для него на данный момент важной задачей стало вывести Сирию из сферы иранского влияния. Внешняя политика Израиля подверглась переформатированию. Израильское руководство активизировало внешнеполитические контакты с Азербайджаном, Кипром и Грецией, что в свою очередь привело к некоторому осложнению отношений с США.

Для Соединенных Штатов социальный взрыв не был непредсказуемым. Еще в 2009 г. в докладе ЦРУ, которое тогда возглавлял Леон Панетта, отмечалось, что если текущие социально-политические процессы не изменятся в самом ближайшем будущем, то Ближний Восток окажется в коллапсе, а Израиль прекратит свое существование. Этот доклад был засекречен, но уже через сутки его содержание стало известно произраильскому лобби, а затем претенденту на пост премьер-министра, лидеру партии «Ликуд» Биньямину Нетаньяху. Это позволило ему за счет обсуждения вопроса об Иране и возможности превентивной атаки против него набрать достаточное количество голосов для победы на парламентских выборах. В процессе предвыборной кампании президент США Барак Обама получил намек на то, что произраильское лобби может и не поддержать его кандидатуру, если он не проявит уступчивость в своей позиции по Восточному Иерусалиму (случай уникальный в израильской политической практике). В целом внешнеполитическая линия Израиля направлена на сдерживание Ирана и недопущение возникновения в его лице новой державы регионального масштаба.

Оба союзника – США и Израиль – вынуждены лавировать в условиях меняющейся внешнеполитической обстановки. С одной стороны, США вынуждены сокращать географию военного присутствия, выводя войска из Афганистана и Ирака. В то же время, невзирая на ряд неприемлемых с точки зрения США внешнеполитических контактов, ведутся переговоры о совместных промышленных проектах (например, расширении Хайфского порта), а сам Израиль по своему союзническому статусу рассматривается США на уровне Австралии и Бразилии. В целом американская внешнеполитическая линия в ближайшее время будет заключаться в игре на балансе сил в регионе. Задача России заключается в том, чтобы, не вступая в прямую конфронтацию

■ Научная жизнь

с участниками политического конфликта, поддерживать отношения со всем спектром политических течений в регионе.

Характеризуя ситуацию вокруг палестино-израильского противостояния, эксперты придерживались единой точки зрения, в соответствии с которой Израиль после падения режима Х. Мубарака оказался в полной изоляции от соседних стран – это с одной стороны, а с другой – именно сейчас Израиль получил реальную возможность уклониться от всех прежних договоренностей по БВУ. Очевидно, в условиях продолжающихся «арабских революций» с их непредсказуемыми результатами и последствиями израильское политическое руководство не допустит создания у себя под боком некоего государства, способного в любой момент примкнуть к арабскому поясу нестабильности, который уже протянулся по всему периметру ныне существующих израильских границ.

Следовательно, палестино-израильские переговоры – даже если они состоятся – не приведут к урегулированию ключевых проблем о постоянном статусе (границы, беженцы, Иерусалим, поселения). Поэтому сегодняшнюю ситуацию можно охарактеризовать как далекую от нормализации отношений конфликтующих сторон, а перспектива подписания мирного договора в обозримом будущем представляется несостоятельной. Логика развития современной ситуации на палестино-израильском треке предполагает, скорее всего, сохранение состояния «ни войны, ни мира», характеризующееся кратковременными осложнениями обстановки в сочетании с попытками наладить взаимный диалог в целях решения конкретных и насущных вопросов, не связанных с урегулированием кардинальных проблем палестино-израильского противостояния.

В условиях, когда прежние светские модели регулирования социальных отношений на Ближнем Востоке не работают, на политическую арену выступает религиозный фактор, представленный в первую очередь исламскими политическими движениями. Анализу политических перспектив исламистских движений в регионе был посвящен ряд выступлений. В перспективе взаимоотношений России со странами Ближнего Востока многое будет зависеть от того, умеренное или радикальное крыло исламизма сможет получить большинство по результатам политической борьбы. В случае победы умеренных, использующих принципы ислама для продвижения политических интересов местной буржуазии, ситуация в этом регионе, как минимум, не ухудшится.

При победе радикальных исламистов, в первую очередь салафитов, ситуация может стать непредсказуемой. Было высказано мнение, что России сильно повезло, так как «центр джихада» переместился от ее границ в Алжир, а затем в Тунис, Ливию и Сирию. Победа фундаменталистов неизбежно приведет к перемещению «центра джихада» к границам России, а вялотекущий конфликт на Северном Кавказе получит дополнительную подпитку. Примером такой ситуации может служить Ливия, где до сих пор идет затяжная контрпартизанская

война, которая истощает силы страны. Потребуется большой промежуток времени (возможно, годы), прежде чем эта страна оправится от нанесенного ущерба.

В то же время со стороны антироссийского лобби осуществляются попытки проверки заключенных при М. Каддафи контрактов с Ливией на антикоррупционную составляющую. Поскольку специфика социально-политического устройства Ливии предполагала наличие коррупции по определению, такая ревизия может нанести тяжелый ущерб взаимовыгодному сотрудничеству обеих стран. Что же касается самой информационной кампании по обеспечению внешнеполитического вмешательства в дела Ливии, а теперь и Сирии, то ее корни лежат еще в прошлом веке, когда в 1999 г. готовилось вмешательство в дела Югославии, а затем – в 2003 г. в дела Ирака.

Затяжная рецессия и волнения населения вызвали повышение социальных расходов даже в странах, которые не могут пожаловаться на отсутствие поддержки со стороны Запада. Примером может служить распределение 132 млрд долларов между подданными Королевства Саудовская Аравия. Однако подобные выплаты вряд ли в состоянии разрешить проблему роста безработицы в странах Ближнего и Среднего Востока, а наличие этой проблемы может привести к развязыванию войны в регионе. Косвенные свидетельства этому уже есть: падение Хосни Мубарака в Египте привело к крушению «холодного» мира между Египтом и Израилем и обострению ситуации на Синае. Вторым подобным признаком стал пропуск иранских военных кораблей через Суэцкий канал в феврале текущего года. При наличии суннитского центра в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) и шиитского в Тегеране (Иран), а также при массовой безработице, которую невозможно ликвидировать в короткие сроки, угроза военного разрешения возникшего кризиса на Ближнем Востоке становится вполне возможной.

Были высказаны сомнения в правомочности употребления термина «арабская весна». Речь нужно вести о системном кризисе, а сам термин «арабская весна» несет на себе отпечаток мистификации. Протестное движение в странах Ближнего Востока возникло спонтанно и стало сигналом к необходимости качественных изменений в арабских странах. Ведущей силой этого социального движения стала молодежь и местная интеллигенция. Однако силы, организовавшие эти выступления, в процессе развития системного кризиса уступили место более сильным исламистским течениям. Прецедент такого развития событий уже был. На Ближнем Востоке не сделали выводов из выборов в Газе, состоявшихся в 2005 г. и обеспечивших большинство движению радикальному исламскому движению ХАМАС, которое в Израиле определяют как террористическое.

Неадекватность оценок свойственна и плану бывшего генсека ООН К. Аннана по урегулированию конфликта в Сирии, который дает возможность для перехода сирийской оппозиции в контрнаступление после ее временного поражения.

Не стоит преувеличивать негативные последствия происходящих на Ближнем Востоке изменений. Россия благодаря своей позиции категорического неприятия любого иностранного вмешательства во внутренние дела стран Ближнего Востока сейчас находится в довольно выигрышном состоянии, делая все для того, чтобы сохранить имеющиеся у нее в этом регионе позиции. Примером этому может послужить недавняя отмена ограничений на продажу, поставку и передачу Ливии вооружений и связанных с ними материальных средств всех типов.

События «арабской весны» отразились на соседних государствах – Турции и Иране. Позиция этих двух стран для оценки перспектив событий на Ближнем Востоке имеет особое значение. Изменение политического ландшафта в ходе событий «арабской весны» привело к усилению региональных позиций Ирана. Два основных конкурента Ирана – Сирия и Ирак – оказались ослаблены в результате происходящих событий. Участники круглого стола отметили, что события на Ближнем Востоке объективно привели к ситуации, в которой Иран получил дополнительный стимул к укреплению своего статуса как региональной державы. Однако при этом руководство Ирана не испытывает большого удовлетворения от крушения «монархических республик», поскольку среди исламистских течений, вышедших на арену легальной политической борьбы, большинство представляют сунниты, которые не симпатизируют шиитскому Ирану.

Однако внимательному наблюдателю сразу же бросается в глаза сдержанная позиция руководства Ирана в отношении происходящих событий. Такая позиция вполне ясна: в результате событий «арабской весны» рухнула вся система взаимоотношений с Арабским Востоком, и сейчас ее участники во многом выстраивают механизмы взаимодействия с нуля. Но есть еще и внутренняя проблема. Она связана с выходом на политическую арену поколения молодежи, не участвовавшей в событиях Исламской революции 1979 г. В Иране хорошо помнят волнения 2009 г. в связи с перевыборами на второй срок Махмуда Ахмадинежада и делают из них выводы.

Турция, в отличие от Ирана, проделала своеобразную эволюцию в оценке происходящих событий. Будучи изначально резкой противницей внешнего вмешательства в дела ближневосточных государств, она столь же резко изменила свою позицию и ныне, невзирая на все прежние резкие заявления на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, участвует во всех интервенционистских акциях. Это решение, однако, является во многом вынужденным и принятым не от хорошей жизни. События «арабской весны» привели к провалу всей внешнеполитической программы Турции и сильным ударом по репутации умеренно-исламистской проправительственной «Партии справедливости и развития» и премьер-министра Реджепа Эрдогана. Помимо того, выступления сирийской оппозиции против Башара Асада привели и к обострению курдской проблемы на Ближнем Востоке.

Турция никогда не забывала о том, что Сирия является основной базой сторонников Курдской рабочей партии. Все эти факторы напрямую определяют позицию Турции в отношении к событиям в странах Северной Африки, Сирии и ее взаимоотношения с Саудовской Аравией и Катаром – странами, которые принято относить к так называемой «ваххабитской оси». Так, официальный Эр-Рияд резко отрицательно отреагировал на турецкую позицию по событиям в Бахрейне, заявив, что при попытке оказать поддержку оппозиции он пойдет на ввод войск и силовое подавление антиправительственных выступлений. В то же время в целом Турция, стараясь сохранить свое положение в регионе, по-прежнему поддерживает взаимовыгодные экономические контакты с Россией, а в вопросе о Черноморских проливах придерживается позиций, закрепленных в конвенции Монтре 1936 г. Однако как только речь идет о geopolитических интересах России, Турция занимает союзную с США позицию по вопросу о размещении системы ПРО.

В этих условиях, подчеркнули эксперты, единственный участник событий на Ближнем и Среднем Востоке, на которого Россия может положиться в полной мере, – это Иран. Невзирая на то что усилиями атлантистов и западников Иран последовательно рисуется как часть «оси зла», для России эта страна является скорее частью «оси добра». Иран – единственная страна на Востоке, которая открыто заявила о своем невмешательстве во внутренние дела стран СНГ. Особенно заметно это было в период горячей фазы конфликта на Северном Кавказе, когда руководство Ирана, в отличие от большинства стран Арабского Востока, отказался занять прочеченскую позицию. По этой же причине Россия заинтересована в дальнейшем осуществлении мирной ядерной программы в Иране. Такая позиция является залогом защиты южных границ России и безопасности стран СНГ в целом. Совместные действия России и Ирана по урегулированию сирийского кризиса могли бы быть весьма плодотворны, учитывая партнерские отношения двух стран с руководством Сирии.

В целом круглый стол оказался весьма содержательным. Участники не только оценили предполагаемые пути развития ближневосточного конфликта, но и показали взаимосвязь процессов, происходящих в развитых странах Европы и развивающихся странах Востока, их переплетение с финансово-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г. В свою очередь, будем надеяться на то, что суждения, высказанные по этому вопросу ведущими экспертами по Ближнему Востоку, будут полезны для выработки внешнеполитической линии России в ближайшем будущем. Участники круглого стола поддержали предложение ЦБИ продолжить серию встреч по данной тематике, остановившись, в частности, на анализе российских интересов в регионе, экономической ситуации в ближневосточных странах.

Fedorchenko A.V., Krylov A.V., Torin A.I. «Arab Spring»: Results and Prospects (the Round Table at the Institute of International Relations).

К итогам V Международной научной конференции испанистов

М.В. Ларионова, Е.С Сыщикова, В.В. Яковлева

Интерес к Испании, ее культуре и языку для России традиционен. Это показали и культурные события 2011 г. – перекрестного года Испании в России и России в Испании, и деятельность Института Сервантеса в России, и открытие огромного количества школ фламенко во многих российских городах; и расширение круга гастрономических пристрастий россиян, полюбивших хамон, тапас, туррон и, конечно, испанские вина; и поток туристов, устремившихся во все уголки Испании не только за морем и солнцем, но и за богатейшими впечатлениями от посещения разнообразных достопримечательностей, которых в Испании множество на любой вкус!

И конечно же, богатая традициями школа российской испанистики, давшая мировой лингвистике такие имена, как Г.В. Степанов, В.С. Виноградов, Э.И. Левинтова, Е.М. Вольф, Н.М. Фирсова, Г.Я. Туровер, вместе с именами многих других ученых, занимающихся исследованиями в различных направлениях лингвистической науки. С 26 по 28 апреля 2012 г. в МГИМО МИД России состоялась ставшая уже регулярной Пятая Международная научная конференция испанистов «Испанский язык в контексте новых вызовов XXI века: исследования и преподавание». На конференции обсуждались проблемы, связанные с:

- новыми тенденциями и ключевыми аспектами развития единого европейского образовательного пространства;
- включением ведущих российских вузов в Болонский процесс;
- динамикой функционирования испанского языка в условиях информационного общества;
- социолингвистической ситуацией в странах Латинской Америки;
- вопросами межкультурной коммуникации;
- новыми методиками преподавания перевода и языка профессии по основным направлениям подготовки бакалавров и магистров в МГИМО и ряде ведущих университетов России и ЕС.

В 2002 г. МГИМО, развивая накопленный российской испанистикой опыт, заложил основы новой университетской традиции: проводить регулярные (раз в два года) международные научные встречи испанистов. Их специфика состоит в том, что в них участвуют не только испанисты-филологи и преподаватели языка, но и дипломаты, политологи, экономисты, юристы из ведущих университетов Европы и США. Еще одна особенность конференций в Университете МГИМО заключается в том, что они проводятся на испанском языке.

Ларионова Марина Владимировна – к.филол.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Сыщикова Екатерина Сергеевна – к.филол.н., доцент кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Яковлева Виктория Валентиновна – к.филол.н., доцент кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Первый опыт организации подобных мероприятий имел место в 2002 г., когда Университет МГИМО гостеприимно распахнул свои двери для участников международного коллоквиума Европейской ассоциации преподавателей испанского языка (ЕАПИ), приехавших из 12 стран мира, в том числе из Испании, Франции, Великобритании, Израиля, США, Швейцарии, Швеции, Кореи и Голландии. Коллоквиум был проведен по теме «Испанский язык – мост между культурами: история и перспективы».

Первая Международная научная конференция испанистов прошла в Университете МГИМО в феврале 2004 г. под названием «Испания в мировой истории и культуре: язык, традиции, современность». Вторая состоялась в апреле 2006 г., ее темой стал «Испанский язык в информационном обществе: актуальные процессы и перспективы». Третья была проведена в марте 2008 г. на тему «Испанский язык в контексте диалога культур: исследования и преподавание». Четвертая конференция прошла в апреле 2010 г. под названием «Перспективы глобального мира сквозь призму испанского языка и культуры: исследования и преподавание».

О росте интереса к проходящим в Университете МГИМО международным конференциям испанистов свидетельствует постоянно увеличивающееся число участников: если в 2002 г. их было всего 42 человека, в 2008 г. – более 90 человек, в 2010 г. – около 100 человек, а в 2012 г. – уже более 130 человек. В конференциях принимают участие ведущие испанисты России из МГУ им. М.В. Ломоносова (филологический факультет и факультет иностранных языков), РУДН, МГЛУ, МПГУ, Высшей школы экономики (ВШЭ), МАИ, Финансовой академии, Академии народного хозяйства, Социального университета, Омского университета, Красноярского государственного педагогического университета (КГПУ), Воронежского государственного университета (ВГУ), Пятигорского лингвистического университета (ПГЛУ), Военного университета МО России, преподаватели московских средних школ с углубленным изучением испанского языка №1252, №1558, №110, а также преподаватели и аспиранты кафедры испанского языка МГИМО.

Отличительной чертой конференции 2012 г. стало то, что в ней впервые приняли участие студенты МГИМО и провели «круглый стол» на тему «Иbero-американский мир в контексте политической и социокультурной действительности».

Помимо кафедры испанского языка, в конференциях испанистов традиционно участвуют и другие кафедры МГИМО: кафедра истории и политики стран Европы и Америки (д.и.н., профессор Л.С. Окунева, к.и.н., доцент Н.Е. Аникеева); кафедра дипломатии (к.и.н., профессор Е.М. Астахов); Институт международных исследований (к.и.н., профессор А.А. Орлов); кафедра сравнительной политологии (д.и.н.,

профессор С.М. Хенкин); кафедра философии (д.филос.н., профессор А.В. Шестopal); кафедра мировой экономики (д.э.н., профессор В.С. Кузнецова).

В качестве приглашенных специалистов с докладами выступают профессора-испанисты из Испании, Швейцарии, Германии, Франции, США, Мексики, представляющие Баварский университет, университет Базеля, университет Кастилии Ла Манчи (Толедо), университет Вальядолида, университет Комплутенсе, университет Барселоны, университет Кантабрии (Сантандер), университет Валенсии, университет Гранады, Высшую школу бизнеса Парижа, университет Монпелье, университет Мехико.

С 2008 г. банк «Сантандер» – один из крупнейших банков Испании – выступает спонсором конференций испанистов, что является одним из проявлений сотрудничества университета МГИМО с этим финансовым учреждением. Постоянным партнером Университета МГИМО является Институт Сервантеса в Москве, представители которого также принимают участие в проводимых университетом конференциях испанистов.

Общая тематика конференций отражает основные теоретические и практические вопросы функционирования и преподавания испанского языка: его роль в информационном обществе; прагмативистические характеристики; актуальные вопросы и перспективы развития испаноговорящего общества. Особая тема, которая отличает конференцию испанистов МГИМО от других, – это переводоведение и методика преподавания испанского языка как языка профессии, что уже стало визитной карточкой Университета МГИМО, где этим аспектам традиционно уделяется первоочередное внимание. Для бакалавров и магистров международного менеджмента, экономики, юриспруденции, дипломатии, журналистики, связей с общественностью владение языком специальности является одним из главных инструментов будущей профессиональной деятельности.

Организационный комитет V Международной научной конференции испанистов возглавили заведующий кафедрой испанского языка, д.филол.н., профессор В.А. Иовенко; заместитель заведующего кафедрой по научной работе, к.филол.н., профессор М.В. Ларионова; руководитель Иbero-американского центра МГИМО, к.филол.н., профессор Г.С. Романова при содействии руководства университета во главе с ректором МГИМО, академиком РАН А.В. Торкуновым и А.В. Силантьевым, проректором по международному сотрудничеству и общественным связям.

26 апреля, в первый день работы конференции, состоялось пленарное заседание (председатель – В.А. Иовенко), посвященное наиболее актуальным проблемам современной испанистики. Пленарное заседание открыл начальник Управления языковой подготовки и Болонского

■ Научная жизнь

процесса профессор Г.И. Гладков, который отметил, что МГИМО является одним из ведущих университетских центров страны по подготовке специалистов международного профиля. Цель Университета – повышение уровня мировой конкурентоспособности российских профессионалов-международников посредством применения компетентностного подхода, в том числе в обучении иностранным языкам, который в последние годы становится стандартом в образовательных программах ведущих мировых вузов и который также внедряется у нас в стране. Это подход, при котором основной акцент делается не просто на получении студентом некоторой суммы знаний, а на формировании цельной системы умений, навыков, практических способностей, то есть профессиональных компетенций. Такие события, как международная конференция испанистов, свидетельствуют о высоком уровне преподавания иностранных языков в Университете, повышают мотивацию студентов к изучению иностранного языка и способствуют развитию контактов МГИМО с ведущими университетами мира с целью обмена культурным и языковым опытом и взаимодействия по международному обмену студентами и преподавателями.

На пленарном заседании прозвучали приветствия от ректората МГИМО, посольства Испании в России, руководства банка «Сантандер» и Института Сервантеса в Москве. С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился В.А. Иовенко, заведующий кафедрой испанского языка Университета МГИМО. С докладами выступили:

– Р. дель Мораль Агилера (Мадрид, Испания), который рассмотрел исторические предпосылки формирования статуса испанского языка как одного из языков международного общения;

– Ю.Л. Оболенская (МГУ), затронувшая вопрос глобализации испанского языка в современном лингвистическом пространстве и в образовании;

– Н.Ф. Михеева (РУДН), которая рассказала об идиоматических изменениях в современном испанском языке;

– Н.М. Фирсова (РУДН), посвятившая свое выступление сопоставлению национального своеобразия фразеологизмы венесуэльского национального варианта испанского языка и фразеологизмы русского языка;

– Э. Казанова (Испания, Валенсия), изучившая особенности валенсийского диалекта внутри романского ареала;

– Е.Б. Передерий (МПГУ), рассмотревшая лингвистические стереотипы в переводе;

– А.В. Садиков (МИД РФ), который остановился на проблемах современной двуязычной лексикографии;

– К. Гриффин (Испания, «Сантандер»), чье выступление было посвящено научным проектам CIESE фонда Комильяс;

– А.А. Орлов (МГИМО), проанализировавший первые результаты деятельности нового испанского правительства под руководством Мариано Рахоя;

– Ф. Лопес Мора (Испания, Кордoba), исследовавший проблему терроризма в Испании;

– Л.С. Окунева (МГИМО), которая рассказала об особенностях конституции Кадиса 1812 г.;

– В.В. Корнева (ВГУ), затронувшая вопрос о когнитивных основах семантического развития слова;

– Л. Моисеенко (МГЛУ) в своем докладе рассмотрела вопрос функционирования гипертекста в коммуникативном пространстве.

В первый день работы конференции состоялся также «круглый стол» на тему «Иbero-американский мир в контексте политической и социокультурной действительности» (руководитель – к.и.н., доцент Е.В. Астахова), на котором выступили студенты международно-правового факультета и факультета политологии МГИМО, изучающие испанский язык в качестве основного и второго иностранного языка. На заседании «круглого стола» были заслушаны сообщения:

– об основных политических партиях Испании и их лидерах (К. Чернышев, М. Павленко, А.Прокопьев, Н. Распопова, А. Селезнева, М. Смекалова, А. Варшавский);

– о сепаратизме в Испании (Г. Хакимова);

– о проблемах испанских автономий (Ю. Шарипова, М. Сим);

– о социокультурной ситуации в Испании в конце XX в. (Х. Улугова);

– о национально-культурных особенностях Аргентины (В. Груднина);

– о роли испаноязычных стран в мировой политике (Г. Фазилова).

В конце первого дня работы конференции состоялся традиционный творческий вечер, на котором был показан спектакль «El sombrero de tres picos» Испанского театра МГИМО (художественный руководитель – к.филол.н., доцент Е.А. Гринина).

Во второй день работы конференции, 27 апреля, состоялись секционные заседания.

Работа секции «Дипломатия, политика, экономика, юриспруденция в ibero-американском мире» (руководители – профессор А.А. Орлов и профессор Е.М. Астахов) была ориентирована на обсуждение дипломатических взаимоотношений Испании и России, различных политических, экономических проблем и вопросов юриспруденции, актуальных в ibero-американском мире. В частности, в докладах О. Волосюк (ВШЭ), Н.Е. Аникеевой (МГИМО), Е.В.Крюковой (МГИМО) были рассмотрены наиболее важные аспекты внутренней и внешней политики Испании в разные исторические периоды и в настоящее время. Тема терроризма в Испании стала предметом подробного исследования в докладе С.М. Хенкина (МГИМО).

Вопрос влияния средств массовой информации на решение проблемы иммиграции в Испании изучили Н. Крессова (Испания, университет Гранады), К. Флейсснер (Испания, университет Гранады), А. Гранадос (Испания, университет Гранады), Ф.Х. Гарсия (Испания, университет Гранады), Х. Фернандес (Испания, университет Гранады). Об особенностях законодательных систем Испании и России рассказали в своих докладах М. Белоглазова (Испания, университет Гранады), Н. Дементьева (МГИМО), Ф. Абу Бакр (МГИМО). Проблеме соблюдения прав человека в мире бизнеса посвятил свое выступление И. Арсеньев (МГИМО). Наталья Дементьева (МГИМО) рассказала в своем выступлении об истории развития банков в Испании. Вопросы социокультурного взаимодействия в современном информационном обществе затронула А.А. Королева (МГИМО).

В секции под названием «Межкультурная коммуникация в иберо-американском мире» (руководитель – профессор М.В. Ларионова) обсуждалась тема взаимовлияния испанской, латиноамериканской и русской культур. Различные аспекты политического дискурса в испанском и русском языках подробно рассмотрели в своих докладах М.В. Ларионова, И.В. Гусева (МГИМО), Н. Вечерия (ВГУ). Об особенностях творчества выдающихся испаноязычных писателей рассказали В.А. Иовенко (МГИМО), Г.С. Романова (МГИМО), Ж. Прост (Франция, Парижская школа бизнеса). Истории аргентинского танго посвятила свое выступление Х. Хедигер (Швейцария, Базель). Е.В. Астахова (МГИМО) исследовала роль концепта «цвет» в испанской культуре. Лингвистическим особенностям первого письма Колумба об открытии Нового Света было посвящено выступление С. Безус (ПГЛУ). О метафоре как отражении национальной культуры рассуждала в своем докладе Н. Курчаткина (МГЛУ).

В секции «Литературоведческие традиции Иберо-америки как часть мировой культуры» (руководители – доцент А. Гонсалес Фернандес, доцент М.И. Киеня) обсуждались различные темы истории испаноязычной и русской литературы. В частности, О.С. Чеснокова (РУДН) рассказала о роли образа Кармен в испанской культуре. Р. Гонсалес (МГИМО) и М.С. Фомичева (МГИМО) изучили опыт постановок испанских произведений на сцене российских театров. О. Могильный (МПГУ) исследовал проблему перевода произведений А.П. Чехова на испанский язык. Были рассмотрены различные аспекты творчества испаноязычных писателей: Александро Касоны (А. Гонсалес Фернандес, МГИМО), Федерико Гарсии Лорки (М. Кутинева, РУДН), Хорхе Луиса Борхеса (Ю.А. Ларикова, МГИМО), Камило Хосе Селы (К.В. Лопатина, ВГУ), Хулио Кортасара и Габриэля Гарсии Маркеса (Е. Мельник, МГИМО), Мигеля де Унамуно и Хосе Ортеги-и-Гассета (А. Вершинин, МГИМО). М.И. Киеня (МГИМО)

посвятила свой доклад особенностям современных пословиц, Е.Румянцева (МГУ) – вопросу сюрреализма, Э. Вишнякова (ПГЛУ) – проблеме соотношения литературного описания и действительности.

Работа секции «Испанский язык в информационном обществе» (руководители – доцент А.А. Артеменко и доцент Ю.П. Мурzin) была ориентирована на обсуждение темы функционирования публицистического стиля в различных видах испаноязычных средств массовой информации: от языка прессы (доклады Р.Р. Алимовой, МГИМО; Г.А. Бессарабовой, ВГУ; Л. Сон, Социальный университет; М. Стекиной, КГПУ) до специфики языка рекламы (А.А. Артеменко, Н.И. Царева, МГИМО), интервью и выступлений политических деятелей (О. Криндина, РИА «Новости»), спортивного комментирования (А.А. Горенко, МГИМО) и языка Интернета (А.В. Трифонов, МГИМО). Обсуждались также различные теоретические и практические вопросы состояния современного испанского языка, а также его роль и динамика в информационном обществе (О. Мурашкина, Финансовая академия при Правительстве РФ).

Особое внимание уделялось вопросам функционирования выразительных средств языка и обновления лексического состава языка (доклады Ю.П. Мурзина, МГИМО; И.В. Смирновой, МГИМО; Л. Денисенко и Е. Самойловой, ПГЛУ; Н.А. Михеевой, МГИМО; А.В. Ждановой, МГУ; Н.В. Зененко, Военный университет), а также взаимодействию языка и национального менталитета (О.Абакумова, С. Абакумова, ВГУ; Ю.Романов, МГЛУ). Об особой роли испанского языка как «евроцентристского и панамериканского» явления рассказал Хартмут Эрланд Штосслейн (Германия, Бавария).

В секции под названием «Испанский язык в социолингвистическом пространстве: единство в многообразии» (руководители – к.филол.н. Е.А. Гринина (МГИМО), д.филол.н. Э. Казанова (Испания, университет Валенсии)) обсуждались различные темы социолингвистики, а также актуальные вопросы и перспективы развития испаноговорящего общества. В частности, рассматривались вопросы взаимодействия кастильского языка с другими национальными языками Испании, прежде всего с каталанским (Е.А. Гринина (МГИМО), Н. Авилова (МГИМО)), галисийским (К. Ален Гарабато (Франция, Университет Монпелье), А. Евдокимова (СЛШ №1555)). Приковывал к себе внимание и культурный и лингвистический обмен и взаимное влияние пиренейского и латиноамериканских вариантов испанского языка: мексиканского (С. Каменецкая (Мексика, Университет Мехико)), Н. Гостемилова, МПГУ), колумбийского (Ю. Волкова, МПГУ), Е.В. Журавлева, МПГУ), панамского (А.В. Ахренов (РУДН), парагвайского (Г. Бойер (Франция, Университет Монпелье)). Вопросам соотношения понятий «глобальное» – «национальное» был посвящен

■ Научная жизнь

доклад Г. Волковой (МГИМО), а Р. Вивас Фернандес (МГИМО) поднял актуальнейшую проблему изучения диалектного и межвариантного многообразия испанского языка в процессе преподавания его как иностранного. В заключение прозвучали доклады Е.С. Сыщиковской и В.В. Яковлевой (МГИМО) о языковых средствах выражения национального характера на основе анализа паремийного, метафорического и комического языкового материала.

Работа секции «Вопросы теории и практики перевода» (руководители – доцент Н.Ф. Королева, МГИМО, д.филол.н. П. Годайоль, Барселона) была ориентирована на обсуждение различных аспектов переводоведения. Теории и истории вопроса, в частности, были посвящены доклады М. Бакарди (Барселона), рассмотревшей состояние языка в период диктатуры Франко на материале каталанского языка, М. Корриус и Гамберт (Барселона) о преподавании перевода на современном этапе, а также П.Э. Коромина (Барселона) о взаимосвязи исторических явлений и состояния языка на примере перевода литературных произведений.

П. Годайоль (Барселона) и М. Алтимир Лосада (Барселона) затронули вопрос о роли женщины в формировании национального литературного языка и некоторых литературных жанров. Вопрос о преподавании перевода и языка профессии был рассмотрен в докладах И.И. Горелой (МГИМО) – о подготовке переводчика, О.Б. Чибисовой (МГИМО) – о юридическом переводе, Н.Ф. Королевой (МГИМО) – о языке профессии для журналистов, Ф.Ю. Сангиновой (МГИМО) – об экономическом переводе, Т.Г. Попова (РУДН) – о составлении терминологического словаря для геологов и О. Кореневой-Антоновой (Гранада) – о принципах поиска эквивалентов при переводе научных терминов.

Обсуждение докладов в секции «Преподавание испанского языка: компетентностный подход» (руководители – доцент Е.А. Макарчук (МПГУ) и доцент Е.А. Савчук (МГИМО)) характеризовалось широким охватом тем, которые группировались вокруг различных аспектов методики преподавания перевода и испанского языка как языка профессии. Доклады Н.В. Коростелевой (МГИМО), Рафаэля Гусмана

Тирадо (Гранада) и Т. Парфеновой (ВГУ) были посвящены вопросам преподавания юридического перевода и деловой и коммерческой корреспонденции; Лаура Хиль-Мерино (Институт Сервантеса, Париж) рассказала о преподавании межкультурной коммуникации на материале прессы и литературных произведений; Роза Ева Балада (Германия, Зиген), Ю. Ситнов (ПГЛУ), Е.А. Макарчук (МПГУ) и К. Гарвайо де Лара совместно с М.Г. Полисар и Я.Г. Розенфельдом (СШ 1252 «Сервантес») сосредоточили свое внимание на вопросах формирования конкретных компетенций в преподавании иностранного языка; вопросы дидактики и прагматики были освещены в докладах Л.В. Коваленко (ВШЭ), С. Паласьос (Испания, Мадрид) и Г. Химич (РУДН). Использование высоких технологий и Интернета в преподавании иностранного языка стало темой докладов Е.А. Савчук (МГИМО) и А.М. Стояновского (ВГУ).

Хочется отметить общий высокий научный уровень представленных на конференции докладов и сообщений. О большом интересе, проявленном участниками и гостями конференции к обсуждавшимся вопросам, свидетельствует оживленная дискуссия, возникавшая в аудиториях, а также творческий обмен мнениями и опытом. Впервые в научной конференции приняли участие студенты, выступавшие на испанском языке и также показавшие высокий уровень подготовки и глубокое знание обсуждаемых вопросов.

Издательство «МГИМО-Университет» опубликовало сборник материалов V Международной научной конференции испанистов. Сборник адресован широкому кругу читателей, интересующихся современной испанистикой и иbero-американистикой.

Следующую, Шестую, Международную научную конференцию испанистов планируется провести в Университете МГИМО в 2014 г. Кафедра испанского языка Университета МГИМО приглашает всех желающих принять в ней участие.

Larionova M. V., Syshchikova E. S. , Yakovleva V. V. Main Results of the V International Science Conference of Hispanists.

Вторая трехсторонняя встреча экспертов России, США и ЕС

Т.А. Шаклеина, М.Л. Энтин

ВМГИМО 28 июня состоялась научно-практическая конференция «Россия–ЕС–США: на пути к новой системе безопасности». Конференция была организована Европейским учебным институтом и кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО совместно с Российской ассоциацией европейских исследований, Институтом Европы РАН, Центром евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета (США) и Постоянным представительством Европейского союза в России. Она стала второй встречей такого рода. Первая прошла в Вашингтоне в марте 2011 г. На ней обсуждались вопросы, связанные с изменением глобальной и региональной среды взаимодействия в сфере безопасности. Московская встреча, таким образом, затвердила традицию совместных экспертных обсуждений в трехстороннем формате.

На конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся обеспечения международной и региональной безопасности как в более широком контексте, так и под углом зрения динамики отношений между Россией и НАТО, Россией и ЕС. Эксперты обстоятельно проанализировали последствия «арабской весны» и смены режимов в ключевых странах региона для достижения целей обеспечения стабильности и урегулирования конфликтов на Большом Ближнем Востоке. Отдельная секция была посвящена обмену мнениями по энергетическому измерению безопасности в Евразии.

С самого начала участники конференции договорились говорить жестко, открыто, не стремясь обходить острые углы, ибо этого требует международное положение. Оно откровенно тревожное: и с нераспространением ОМП, и с обеспечением международной стабильности, и с урегулированием конфликтов, находящихся на разных стадиях эскалации. Развитие ситуации на Большом Ближнем Востоке вызывает озабоченность. Экономическая нестабильность беспрепятственно переливается из одной страны в другую, подпитывая опасения по поводу надвигающейся второй волны глобального экономического кризиса. Все страны, все регионы плохо подготовлены к тому, чтобы ей противостоять. Или даже очень плохо. Поэтому обычную практику, состоящую в том, чтобы ограничиваться общими успокоительными заявлениями, пора отставить в сторону. Важно четко формулировать проблемы. Надо анализировать разногласия, существующие между основными мировыми игроками. Необходимо предлагать такие решения, на базе которых они могли бы действовать более последовательно, кооперативно и эффективно. США, ЕС и Россия – как раз такими игроками и являются.

Тон обсуждению в предложенном ключе на открытии конференций задали директор Центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета (США) Анжела Стент, руководитель Политического отдела Постоянного представительства Европейского союза в России Гэвин

Шаклеина Татьяна Алексеевна – д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Энтин Марк Львович – д.ю.н., профессор, директор Европейского учебного института при МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научная жизнь

Эванс и заместитель директора Института Европы РАН А.А. Громыко. В аналогичном ключе выступили заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО Т.А. Шаклеина и директор Европейского учебного института М.Л. Энтин. Эстафету острого критического обсуждения подхватили руководитель Отдела европейской безопасности ИЕ РАН Д.А. Данилов, заведующий Отделом ДОС МИД РФ Д. Балакин, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН Г.И. Мирский и профессор Университета Джорджа Мейсона (США) Марк Катц. В столь же полемичном ключе выступили президент Института энергетики и финансов В.И. Фейгин и профессор Джорджтаунского университета Тэйн Густафсон.

В частности, они обратили внимание на то, что политические элиты и руководство ведущих держав и объединений государств исходят из предположения о том, что разногласия между ними по многим остройшим вопросам мировой повестки углубляются. Или, по крайней мере, сохраняются. Преодолеть их не удается. Позиции участников по основным проблемам международной безопасности в концентрированном виде выглядят следующим образом.

Все понимают, что стремительно развивающуюся ядерную программу Ирана, чреватую развалом глобальной системы нераспространения ОМП, надо либо остановить, либо взять под эффективный международный контроль. Однако подходы к тому, как это нужно и можно было бы сделать, разнятся.

«Арабская весна» была встречена многими с энтузиазмом как пролог к глубокой демократизации региона. Вместе с тем не без настороженности. Теперь становится все более очевидным, что глубокая трансформация политического устройства и политических режимов в ключевых странах Большого Ближнего Востока порождает отнюдь не меньше проблем, нежели решает. Секулярные общества прошлого уходят в небытие. Социальная напряженность нарастает. Экономические перспективы туманны. Основополагающие договоренности прошлого под ударом. Являются ли режимы демократическими только вследствие того, что властные органы формируются по результатам народного волеизъявления, вызывает сомнения. Оценки всему происходящему США, ЕС и Россия дают далеко не совпадающие.

Но это – цветочки. Настоящая линия раскола наметилась в связи с нарастающим военным противостоянием в Сирии и углубляющимся внешним вмешательством, подливающим масло в огонь разгорающейся гражданско-религиозной войны в стране и за ее пределами. Вашингтон и Брюссель делают ставку на уход Башара Асада. Все происходящее они рассматривают через призму концепции «ответственности за защиту», в соответствии с которой на них

лежит обязанность вырвать власть из рук тех, кому они инкриминируют чрезмерное применение силы и большие жертвы среди мирного населения. Москва исходит из того, что миссии Кофи Аннана в том или ином виде нет альтернативы. Внешнее вмешательство лишь усугубляет положение. Надежное урегулирование достижимо лишь на путях национального спасения и примирения.

Камнем преткновения на пути утверждения кооперативной безопасности в Евразии оказываются решения США и НАТО по дальнейшему развертыванию глобальной системы противоракетной обороны и ее европейской слагаемой. Москва настаивает на серьезном обсуждении ее предложений, направленных на обеспечение реального инклюзивного сотрудничества в этой области, и представлении ей и ее союзникам юридически оформленных гарантий того, что они не направлены против них. Вашингтон отделяется заверениями в том, что озабоченности России откровенно преувеличены, и поэтапное создание глобальной ПРО будет продолжаться в любом случае.

Не встретило понимания у западных партнеров и предложение Москвы разработать и заключить юридически обязывающий документ о европейской безопасности. Российская инициатива дала старт корфскому процессу в рамках ОБСЕ. Однако ни во что конкретное он не вылился. Обсуждение проекта Договора о европейской безопасности и других сходных идей фактически оказалось замороженным. В значительной степени это объясняется тем, что американцы восприняли все шаги, предпринятые Москвой, как попытку подорвать эффективность ст. 5 Вашингтонского договора.

Длинный список расхождений включает также жесткое размежевание относительно того, что следует понимать под территориальной целостностью Грузии; неприятие Москвой продолжающегося заигрывания США и НАТО с соседями России, все еще рассчитывающими на дальнейшее расширение Североатлантического альянса; разные подходы к обеспечению энергетической безопасности, свободе предпринимательской деятельности в энергетической области и т.д.

Вместе с тем все эксперты подчеркнули, что других вариантов, кроме сотрудничества и поиск развязок, нет и не может быть. Надо пробовать все, что есть в распоряжении мировых игроков, для построения инклюзивной кооперативной безопасности на пространстве Евразии. Взаимодействие в треугольнике США–ЕС–Россия предоставляет для этого оптимальный формат.

Shakleina T.A., Entin M.L. Second Trilateral Meeting of Experts from Russia, USA and EU.

Легитимация собственности: исторический опыт, прецеденты и перспективы в России

Я.И. Ваславский

В рамках «Дней науки» 25 апреля 2012 года в МГИМО-Университете кафедра политической теории провела круглый стол «Легитимация собственности: исторический опыт, прецеденты и перспективы в России». Мероприятие собрало большое количество участников. Интерес к проблеме легитимации собственности проявили не только исследователи и эксперты, но также студенты и аспиранты МГИМО. На мероприятии выступили профессора кафедры политической теории Н.А. Косолапов, А.А. Дегтярев, А.И. Никитин, доценты кафедры политической теории С.С. Судаков, К.Е. Коктыш, Я.И. Ваславский, доцент кафедры социологии И.Г. Каргина, профессор МГУ С.В. Перевезенцев, а также член Совета директоров медиахолдинга «Эксперт» А.Д. Волков. В качестве ведущего мероприятия выступила заведующая кафедрой Т.А. Алексеева.

Ключевыми докладчиками стали профессор кафедры политической теории, заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений РАН Н.А. Косолапов, а также профессор кафедры политической теории А.А. Дегтярев. Н.А. Косолапов в своем докладе изложил промежуточные результаты кафедрального проекта по исследованию института частной собственности и способов укрепления этого института в России. В марте–апреле 2012 г. был проведен первый этап эмпирического исследования проблемы легитимации частной собственности в современной России, базировавшийся на применении методики серии групповых опросов при помощи использования качественного метода проведения фокус-групп среди выбранных представителей различных слоев активного населения г. Москвы. В структуру выбор-

ки вошли представители четырех основных социально-экономических групп (каждая из которых в свою очередь подразделялась на 3 более дробные подгруппы):

- 1) малого и мелкого (сверхмалого) бизнеса;
- 2) среднего и крупного бизнеса;
- 3) наемных работников частного и государственного сектора.

В данном социологическом исследовании были поставлены следующие цели:

- выяснение комплекса условий и факторов реальной легитимации частной собственности среди основных агентов–участников этого процесса в современной России;
- определение основных причин делегитимации и препятствий цивилизованной легитимации собственности на современном этапе социально-экономического развития России;
- выяснение роли хода нормоприменения в становлении института частной собственности в нашей стране.

В своем выступлении Н.А. Косолапов рассмотрел явление дефицита легитимности частной собственности в современной России, наиболее типичные выражения, виды и типы искомой легитимности, а также системные и культурно-исторические причины, предопределившие сложившееся в этой области положение и его относительно высокую устойчивость. В сравнительном порядке обозначены основные значимые моменты в процессах исторического становления частной собственности и ее легитимности в странах Западной Европы.

В правовом отношении частная собственность в РФ признана как факт и уравнена в правах с другими видами собственности. Однако государству

Ваславский Ян Ильич – к.полит.н., доцент кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Научная жизнь

и только ему, принадлежит право определять, что может или не может находиться в частной собственности физических и юридических лиц. При этом не названы никакие принципы, критерии или основания исключения из сферы частной собственности тех или иных видов имущества. Это исключает обретение частной собственностью в современной РФ тех культурообразующих статуса и функций, которые она имела и продолжает сохранять в странах ее происхождения.

Для положения частной собственности в России к началу 2010-х гг. характерны следующие основные моменты:

- ущербность политico-правового статуса, изначально ставящего частную собственность и ее право на жизнь в зависимость от госбюрократии;
- укрепление основ антисобственнической культуры на макросоциальном, государственном и социоисторическом уровнях;
- порочная практика отношения госбюрократии (власти и силовиков) к частному собственнику как к объекту «доения» или прямого грабежа;
- безразличие общества к практике рейдерства и грабежа. Правовая легальность частной собственности не подкрепляется иными видами и формами легитимности – идеологической, конфессиональной, психологической и др. – либо находится в противоречии с ними или некоторыми из них.

Описанное положение является следствием широкого числа взаимно налагающихся и усиливающих друг друга причин:

- неофеодального характера постсоветского общества в России; укрепления по итогам перемен 1990-х гг. исторически свойственной России на протяжении многих веков властно-перераспределительной модели экономики и организации общественной жизни и государства в целом;
- ряда конкретных явлений и процессов социокультурного и иного характера в современной России.

Поскольку неофеодальное устройство России в ближайшие десятилетия, скорее всего, сохранится и, вероятно, даже упрочится, задача легитимации частной собственности может ставиться и решаться в рамках нескольких подходов:

- как инструментальная, призванная по возможности усилить способность отечественного бизнеса защищаться от практики рейдерства;
- как более широкая задача, призванная легитимировать собственность в статусе частной в правовой и политической ткани неофеодальных государства и общества;
- как еще более широкая и амбициозная задача правового ограничения абсолютной власти (по сути, самовластья) государства в пользу общества. Сроки решения названных задач будут варьироваться от 3–5 лет в первом случае до 50–70 лет и более – в последнем.

А.А. Дегтярев представил участникам круглого стола основные результаты проведенных в рамках проекта опросов. Базовая гипотеза нашла свое подтверждение в ходе группового опроса:

– во-первых, среди наемных работников, занятых в частном и государственном секторах экономики, отношение к уровню и характеру легитимности приобретения и удержания собственности, к правомерности итогов приватизации в современной России было гораздо более скептическим и пессимистическим, чем у владеющих определенной частной собственностью, производственными и финансовыми активами и недвижимостью представителей малого и среднего бизнеса;

– во-вторых, к числу условий и факторов, препятствующих цивилизованному процессу становления института частной собственности в России, многие респонденты отнесли административную незащищенность, в частности несоблюдение чиновниками правовых и этических норм, замещаемых «правом сильного» и «регулированием по понятиям». Они увидели в этом игру по эксклюзивным правилам «для своих и для чужих», с использованием административного насилия и рейдерского произвола, а также системную коррупцию среди чиновников (причем не «снизу вверх», а прежде всего «сверху вниз»), связанную с отсутствием социальной и правовой ответственности среди чиновничества и общественного контроля за российской бюрократией. Всеми опрошенными респондентами выделяется очень высокий уровень недоверия к правоприменению и к самой системе «государственного арбитража» (в широком смысле, куда относят весь корпус силовых, судебных и гражданских чиновников), который нередко вместо «поддержания законности» заменяется на поддержание «права силы, а не силы права»;

– в-третьих, в массе (особенно в провинциальных филиалах их бизнес-структур) отмечается сильные стереотипы неприятия успешных собственников и богатых людей. Их называют людьми «наворовавшими», «награбившими», «распилившими» и другими эпитетами;

– в-четвертых, описанные выше условия и факторы частично делегитимируют сам институт частной собственности в России, препятствуют его цивилизованному становлению, ограничивают ресурсы деловых и жизненных стратегий как самих собственников, так и наемных работников. Максима нашей эпохи гласит, что у «кого ныне сила, тот ныне и прав, и главный собственник». Но поскольку баланс сил может меняться, то никто не знает, что при такой «системе силовой легитимации» может произойти с бизнесом завтра.

В целом все выступления вызвали множество вопросов и откликов и показали, что проблема легитимации собственности в России стоит крайне остро и является одной из ключевых в политической, экономической и общественной повестке дня. Круглый стол объединил в рамках общей дискуссии студентов, аспирантов и преподавателей Университета, а также гостей мероприятия.

Vaslavsky Y.I. Legitimating Property: History, Precedents and Perspectives in Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия и редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» рассматривает материалы, присланные по электронной почте или предоставленные в редакцию журнала на бумажном носителе с дублированием его электронным аналогом. Статьи аспирантов, соискателей и студентов принимаются только при наличии рецензии научного руководителя или рекомендации руководителей научного учреждения или ВУЗа с четким указанием должности, ученой степени и ученого звания. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К рассмотрению принимаются статьи, объем которых не превышает 20-25 стр. (1 печ. лист или около 40 000 знаков), напечатанные через 1,5 интервала с 14 размером шрифта основного текста, снабженные научным аппаратом и ключевыми словами на русском и английском языках. Материалы должны быть представлены в виде файла в формате Microsoft Word. Содержание электронного носителя должно строго соответствовать его бумажному аналогу. Таблицы, схемы, графики и другие иллюстрации допускаются только при необходимости дополнения системы доказательств автора и поэтому должны быть озаглавлены, пронумерованы и могут быть напечатаны только в черно-белом варианте. К рукописи в обязательном порядке прилагается резюме статьи на русском и английском языках (объем 6-12 строк).

При передаче или пересылке материала автор в обязательном порядке должен указать:

1. Фамилия Имя Отчество (полностью)
2. Место работы или учебы, (с полным указанием наименования учреждения или ВУЗа), должность, ученую степень или ученое звание (если имеются)
3. контактную информацию (адрес, телефон, факс, адрес электронной почты)

Рукописи не возвращаются и рецензируются редакцией в установленном порядке. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редколлегии и редакции. Материалы журнала «Вестник МГИМО-Университета» размещаются на интернет-ресурсах МГИМО (У) МИД России и на сайте журнала www.vestnik.mgimo.ru

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)								
	Вестник МГИМО-Университета		количество комплектов 1								
На 2012 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
		(почтовый индекс) (адрес)									
Кому				(фамилия, инициалы)							
				ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА на журнал 66009 (индекс издания)							
				Вестник МГИМО-Университета							
Стой- мость	подписки переадресовки руб.				Количество комплектов				1		
				На 2012 год по месяцам							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
		(почтовый индекс) (адрес)									
Кому				(фамилия, инициалы)							

Открыта подписка на второе полугодие 2012 г.
Наш подписной индекс в ОАО «Роспечать» - **66099**